Министерство науки и образования Российской Федерации
Амурский государственный университет

РУССКИЙ ХАРБИН:
ОПЫТ ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА

Благовещенск - 2015

ББК 63.3(0)
Р89

Печатается по решению Учёного совета Амурского государственного университета

Забияко А.А., Забияко А.П., Левошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронтира / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. – 462 с., илл**.**

Предлагаемая читателю монография исследует архитектурную, литературную, научную, религиозную жизнь русского Харбина. Реконструируется исторический опыт формирования особой этнокультурной среды, позволившей русским сохранять и транслировать свою культуру в ситуации инокультурного окружения. Основное внимание уделяется особенностям этнокультурной и этнорелигиозной идентичности в условиях межэтнического взаимодействия.
Книга предназначена для специалистов в области истории, культурологии, архитектуры, литературоведения, религиоведения, а также для широкого круга читателей, которые интересуются вопросами, связанными с русским Харбином и межэтническим взаимодействием.

Рецензенты:

Ли Иннань – профессор Института русского языка Пекинского университета иностранных языков, руководитель Русского центра при Пекинском университете иностранных языков (Фонд «Русский мир»), член Правления Общества Китайско-российской дружбы.

В.В. Агеносов – доктор филологических наук, профессор, ИМПЭ имени Грибоедова, академик РАЕН и Петровской академии наук и искусств, член-корреспондент Русской академической группы в США, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

А.В. Островский – доктор экономических наук, профессор, заместитель Директора Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра экономических и социальных исследований Китая ИДВ РАН

Исследование и публикация выполнены при финансовой поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта № 12-21-21001а(м)

ISBN 978-5-93493-225-2

На сопках Маньчжурии: русский опыт исхода и диаспоризации

Русский Харбин, русские в Маньчжурии в первой половине XX в. – эти явления на фоне масштабных процессов минувшего века, изменивших не только Россию и русских, но и весь порядок мироустройства, могут показаться далёкой окраиной истории. Отчасти так оно и есть. Однако за этими явлениями стоит нечто большее, чем частный случай из прошлого.

В истории народов и в научном знании об этой истории есть темы, которые по праву можно было бы отнести к «вечным». Одной из основных среди таких тем является тема жизнеспособности народа. Почему одни народы, единожды обнаружив своё присутствие среди других, затем в течение многих столетий, а иногда и тысяч лет остаются в истории – слабеют, усиливаются или уравновешиваются, но, меняя динамику бытия, сохраняются? Почему другие, начав движение в блеске величия или в тихом свете самобытной жизни, навсегда исчезают рано или поздно в потоке времени? Почему одни народы выдерживают давление других, меняются, но выживают, воспроизводят себя в узнаваемых чертах, а другие – нет: утрачивают физический тип, историческую память и иные характерные признаки вплоть до самоназвания?

Эти «вечные» вопросы бесконечно варьируются в разных контекстах всемирной истории и разнообразии этнических групп. История России в многосложном переплетении этносов и этнических процессов даёт богатый фактический материал для дискуссии по поводу сохранения или утраты тем или иным народом своей этнической идентичности, а значит, в конце концов, и своего существования. Тема русского народа занимает по разным причинам в этой дискуссии одно из первых мест. Не обязательно потому, что русский народ в России исторически является государствообразующим и наиболее многочисленным этносом. Другие народы тоже вносили свой вклад в создание общей целостности – российского государства и цивилизации. В большой степени тема русского народа важна в этой дискуссии в силу противоречивости тенденций существования этого народа.

Противоречивость тенденций, определяющих утрату или сохранение этнической идентичности русским народом, обнаруживает себя в жизни и в этническом сознании, по крайней мере, уже со времени призвания варягов, крещения, «Слова о законе и благодати» и «Повести временных лет». Оставим, однако, далёкую старину и историософию.

Одним из первых мыслителей, поставивших дискуссию об этнических стратегиях русских на научную основу, был Николай Николаевич Харузин, этнограф и историк. В 1894 г. им была опубликована в «Этнографическом обозрении» внушительных размеров статья под названием «К вопросу об асси-

миляционной способности русского народа». Автор начинает статью с ясного посыла: «К группе крупных вопросов, решение которых является задачей русской этнографии, следует отнести и вопрос о так называемой ассимиляционной способности русского народа»[1]. Дискуссионность этого крупного вопроса вполне осознавалась Н.Н. Харузиным: «Общий взгляд склоняется к признанию за русским народом развитой в значительной степени ассимиляционной способности»[2]. В пользу этого взгляда есть немало объективных свидетельств, которые этнограф добросовестно воспроизводит: распространение русских далеко за пределы исходных границ, ассимиляция вплоть до полного растворения многих народов, вступавших во взаимодействие с русским и т.д.

Однако сам Н.Н. Харузин этот общий взгляд не разделял, считая его преувеличением. «…От исследователей не могли ускользнуть и явления противоположного характера: русские при столкновении с инородцами иногда принимали обычаи, одежду и подчас даже язык своих инородческих соседей, усваивали себе и некоторые религиозные представления, – одним словом, не только не ассимилировали себе инородцев, но и сами, забывая свою национальность, увеличивали собой число инородцев. В менее резких случаях мы встречаем, однако, подчас большие заимствования, сделанные русскими от своих инородческих соседей, в постройках, одежде и пище; кроме того, даже при самом поверхностном знакомстве с областными наречиями встречаешь большой запас слов, воспринятых русским элементом от инородческого. Эти факты могли приводить к мнению, что русская народность наделена большой подражательной способностью, что она не только мало склонна к ассимилированию инородцев, но что, наоборот, она сама легко подвергается чуждому влиянию, отрешается от своих национальных особенностей и мало отстаивает самобытность при столкновении с своими разноплеменными соседями»[3].

На большом фактическом материале Н.Н. Харузин пытается понять противоречивые процессы взаимодействия русских с другими народами России. Он принимает в расчёт широкий спектр факторов, влияющих на результат этого взаимодействия, – роль государства, систему образования, виды экономической деятельности, климатические условия, демографический потенциал, типы религии и т.д. Этнограф стремится учесть все этнические группы и все территории в границах российской империи, на которых развивается этническое взаимодействие, – от Финляндии и Кавказа до Сахалина и Якутии. Этот материал подтверждает разнонаправленность векторов ассимиляционных тенденций. В одних случаях русские увеличивают свой демографический, культурный, экономический потенциал за счёт интеграции других народов, их опыта и ресурсов, в других случаях – либо не имеют успеха, либо более того – сами теряют

---

[1] Харузин Н. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. Годъ 6-й. Кн. XXIII. 1894. № 4. С. 43.

[2] Там же. С. 44.

[3] Там же. С. 45–46.

свою самобытность. В чём причина? «На первый взгляд кажется, что причина противоречивых явлений, наблюдаемых при столкновении русских с инородцами, кроется в национальных особенностях этих последних. Казалось бы, что можно сделать предположение, что есть народы, которые легко утрачивают свою национальность и, наоборот, которые стойко её отстаивают; к первым пришлось бы отнести прежде всего финские племена, которые почти все подвергаются обрусению; тюркские племена, наоборот, пришлось бы причислить ко вторым… Монгольская группа заняла бы среднее место…»[1].

Н.Н. Харузин не отрицает, что национальный характер может быть причиной большей или меньшей склонности к ассимиляции, но он не является главной, решающей причиной: «При взаимоотношениях двух народов действует всегда целая масса факторов, из которых одни содействуют, другие препятствуют их сближению, и таким образом или ускоряют, или замедляют ассимиляционный процесс. Эти факторы могут быть чрезвычайно разнообразны и видоизменяться в зависимости от времени и места; даже в пределах одного и того же племени причины, приводящие к одинаковому результату, могут быть совершенно различны по местностям и т.п. Перечислить все причины едва ли явится когда-либо возможным»[2]. К важным причинам, которые нельзя не указать, Н.Н. Харузин, помимо роли государства и образования, относит смешанные браки, географические условия, религию, сходство или различие в образе жизни; «главный (хотя и не исключительный) фактор следует, на наш взгляд, искать в культурном уровне сталкивающихся народностей»[3]. Следовательно, чем более высок культурный уровень этноса, тем он более жизнеспособен в конкурентном взаимодействии с другими этносами.

Этот вывод замечательного русского этнографа получил своё дальнейшее осмысление и развитие у другого исследователя – Сергея Михайловича Широкогорова. Одна из основных книг этого автора – «Этнос» – имеет примечательный подзаголовок – «Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений». С.М. Широкогоров в своей теории этноса исходил из постулата, согласно которому, «борьба между этносами есть естественная функция человечества»[4]. Для интерпретации проблемы жизнеспособности народа в борьбе между этносами он ввёл понятие этнической устойчивости. Какой народ более устойчив под влиянием «импульсов изменений», которые он получает от своих соседей? Отвечая на этот вопрос, С.М. Широкогоров указывает на ряд факторов, но главный за-

---

[1] Харузин Н. К вопросу об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. Годъ 6-й. Кн. XXIII. 1894. № 4. С. 62.

[2] Там же. С. 63.

[3] Там же. С. 69.

[4] Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. В 2-х кн. Книга вторая. Владивосток, 2002. С. 129.

ключается в следующем: «...Видимо, столкновение на одной территории двух этносов даёт преимущество более культурному, приводящему к полному поглощению менее культурного этноса, если этнос принял высшую культуру и был даже более крепок физически и в отношении размножения»[1]. Таким образом, важнейшее конкурентное преимущество народа в межэтнической борьбе состоит в его высоком культурном потенциале.

Заметим, что С.М. Широкогоров дискуссию об этнической устойчивости вывел за пределы ситуации, которая определяется отношениями с теми этническими группами, которые было принято называть отсталыми. Он, например, обращается к отношениям русских и французов, французов и немцев, европейских народов и американцев. Неоднократно в исследовании этнографа появляется Китай и китайцы в их контактах, например, с маньчжурами. Очевидно, что Н.Н. Харузин в силу исторических обстоятельств не мог привлечь к обсуждаемой проблеме материал по русско-китайским этническим контактам. Несомненно, что у С.М. Широкогорова такой материал, в том числе основанный на личном опыте, был в изрядном объёме. Однако, по-видимому, сжатый, «эскизный», как он сам выражался, и концептуальный характер публикаций выдающегося учёного не позволил ему ввести в оборот данные, раскрывающие тенденции взаимовлияния русских и китайцев в условиях тесного сосуществования.

История русского присутствия в Маньчжурии открывает широкие возможности для изучения темы жизнеспособности, витальности, устойчивости этносов. Социально-политический контекст российской эмиграции достаточно подробно воссоздан во многих отечественных и зарубежных публикациях[2]. На узком пространстве полосы отчуждения КВЖД, в Харбине, прежде всего, на протяжении более пятидесяти лет компактно проживали выходцы из России, численность которых колебалась в пределах от ста до двухсот с половиною тысяч. Среди этого населения были представители и тех народов, отношения с которыми описывал Н.Н. Харузин, были и другие – украинцы, поляки, татары, евреи, армяне, немцы и т.д. Разумеется, русские составляли большинство.

Прежде многие нерусские этносы жили порознь друг от друга, иногда на значительном удалении. В Харбине представители этнических групп стали жить бок о бок, иногда – в соседних домах или квартирах. Каждый этнос в специфических условиях тесного сосуществования в пределах российского анклава на китайской территории вырабатывал свои стратегии этнического поведения, демонстрируя в экстремальной ситуации пределы своей этнической

---

[1] Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. В 2-х кн. Книга вторая. Владивосток, 2002. С. 99, 116.

[2] См., например, одну из наиболее обстоятельных монографий: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

устойчивости и другие важные качества. Был накоплен бесценный этнический опыт, безусловно, интересный не только в научном отношении.

С другой стороны, выходцы из России оказались все вместе на чужбине и в близком взаимодействии с народом, культурой и политической системой, о которых они имели чаще всего самое отдалённое представление и с которыми никогда не имели опыта отношений. Важно также, что и народ, и культура, и политическая система Китая являлись сложноорганизованными формациями, излучавшими соседям мощные «импульсы изменений» и обладавшими высокой степенью устойчивости. Для русских эта ситуация оказалась особенно малопривычной, поскольку они фактически утратили в Маньчжурии многие конкурентные преимущества, которыми обладали в России, – статус государствообразующего народа, преференции политико-правовой и образовательной системы, твёрдую власть над территорией, господствующую религию, целостность этнического сознания, расколовшегося на чужбине после революции почти ровно пополам – на «белое» и «красное».

Опыт исхода был для русских не нов. Оглядываясь на русскую историю, мы видим, что В.О. Ключевский ничуть не преувеличивал, когда говорил, что русская история есть история колонизации. Славяне проявляются на исторической арене в V–VII вв. как племена, активно продвигающиеся на новые земли, причём дальние и чужие. Уже к X в. славяне успели занять огромную территорию от Средиземного моря до Балтики и Ладоги, прочно обосноваться на ней, построив города и государства, и обрести в прежде чужих землях новую родину. В домонгольской Руси движение поселенцев с юга на север и с запада на восток не прекращалось, иногда, как при Андрее Боголюбском, оно принимало вид государственной политики. Поворотное событие русской истории – превращение Киевской Руси в Русь Московскую – есть прямое следствие не только военно-политических, но, прежде всего, демографических сдвигов, обеспечивших освоение и рост восточных русских земель.

Движение на новые земли, на восток – неустранимо присутствующий вектор русской истории. Разгром Казанского царства, последней серьезной преграды, открыл русским просторы Великой степи. Насколько хватило размаху, Великая степь стала добычей русских поселенцев. На северном Урале новгородцы появились ещё прежде. В ближайшие десятилетия после взятия Казани весь Урал и Сибирь оказались во власти русского движения на восток. Поразителен темп перемещения русских колонистов в пространстве. Фактически за сто лет, с конца XVI по конец XVII в., русские первопроходцы прошли от Урала до Тихого океана, поставив остроги и основав поселения, продвинувшись на восток более чем на 4 тыс. км.

Для нашей темы важно заметить, что вольная колонизация решительно преобладала над правительственной. Примеры, явленные в хрестоматийных образах, хорошо известны – Ермак Тимофеевич, Ерофей Хабаров и другие. Обратимся к статистике: в 4-х округах Енисейской губернии на конец XIX в. всего

насчитывалось 776 поселений, из них 102 возникли благодаря правительственным мерам, а 674 были образованы путём вольной народной колонизации, в большинстве своём – «гулящими» людьми[1]. Волна за волной, сбиваясь в ватаги, а где и в одиночку, беглые холопы, казаки, торговый люд, «чёрные» крестьяне, раскольники без оглядки уходили в новые дикие земли, оставляя за спиной Русскую землю.

Русская земля – наиболее распространённое в традиционной русской культуре название «своего» пространства. Русская земля в мифологизированном образе – мать, Русь-матушка. В стихе о Голубиной книге добавлен характерный эпитет – «Светла Русь земля». Пространства, находящиеся за пределами «светлой» Русской земли, – пространство «тёмное», Руси враждебное. В традиционном русском мифологическом сознании чуждое «матушке Руси» земное пространство получает значение царства Дьявола, Сатаны, Антихриста, оно – как противоположность праведно устроенной Русской земли – мыслится средоточием неправедного устройства, «кривых» порядков и лжеучений. Завершённые и демонстративные формы отрицательное отношение к чужбине получает в XVI–XVII вв.: простой православный люд суеверно избегал общения с чужестранцами, при дворе существовал специальный обычай ритуального омовения рук царя после приёма иностранных послов.

На те же века, как известно, приходится и беспримерный исход на чужбину. Оппозиция «своего» и «чужого» пространства разрешается в русском этническом сознании путём решительного овладения «чужим» пространством, чтобы сделать его «своим». Просторы новых земель будоражат кровь разбойным ватагам, разжигают хозяйственный азарт хлебопашца, влекут глухоманью раскольника, у которого, помимо надежды на тихую скитскую жизнь, ещё один расчёт: отыскать за пределами Русской земли богоугодный край – Беловодье, – в своём прорыве к нему староверы дошли до Аляски. Вслед за первопроходцами, а иногда и опережая их, с подвижническим героизмом идут в «антихристовы» земли проповедники православной веры, крестя инородцев и освящая новые земли. Характерно, что русский образ наилучшего для жизни, «своего» пространства не совпадает с государственными границами России. Экспансионизм, молодеческая воля вольная, расчёт на приращение собственности, а вместе с тем эскапизм религиозных и иных диссидентов, странничество, неприкаянность – всё это духовные составляющие русской категории пространства. Прямым выражением этой этнокультурной константы является то, что русский тип поведения в пространстве отмечен центробежными тенденциями. Движение в сторону от исторического центра, с обжитого места на новое был привычной стратегией народа, сформировавшего таким образом не только границы государства, но и более обширное этнокультурное пространство – русский мир.

Однако исход в Маньчжурию занимает в русском пространственном дрей-

[1] Азиатская Россия. Том первый. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 183.

фе особое место. Как, впрочем, и весь исход огромной части народа, который нам известен как первая волна русской эмиграции. Он отмечен ярко выраженными признаками вынужденности и трагизма. После 1917 г. лишь в редких случаях причиной ухода в Маньчжурию были те черты русского характера, о которых мы упоминали выше. Главные причины хорошо известны. Их итогом стало образование многочисленной русской диаспоры в Маньчжурии.

Распространено представление, что русские не склонны к созданию устойчивых и жизнеспособных диаспор. Понятие диаспоры имеет разное толкование, поэтому необходимо прояснить наше понимание. Диаспора (греч. διασκόρπιση – «разбрасывание в разных направлениях», «рассеяние»; от греч. δια – «в разном направлении» и σκόρπιση – «разбрасывать, рассеивать») – это сообщество людей, принадлежащих к одной этнической традиции и проживающих за пределами своей исторической родины в чуждом этническом окружении на правах меньшинства. Люди, образующие диаспору, являются носителями общей исторической памяти, основное содержание которой составляет память о «духовной родине» и «исходе» из неё. Они разделяют общие ценностные ориентации и соблюдают культурные нормы своей традиции. Представление о неустойчивости русских диаспор несомненно имеет право на существование и может быть подкреплено многочисленными примерами из истории и современными реалиями. Отчасти это объясняется тем, что русские не имеют большого исторического опыта диаспоризации – в отличие, например, от евреев, армян, китайцев. Не углубляясь в рассмотрение всех сторон проблемы русского опыта диаспоризации, привлечём внимание к двум важным в контексте нашей темы обстоятельствам, которые способны существенно поколебать утверждение о малоперспективности русской диаспоризации.

С 1685 г. в столице Китая существовала немногочисленная община русских, образованная из согласившихся служить китайскому императору пленных казаков, защитников Албазина. Зачисленные на военную службу, они получили жильё, жалование, но при этом были поставлены перед необходимостью соблюдать многие китайские обычаи, носить китайскую одежду и косу. В иноэтническом окружении русским пришлось взять в жёны китаянок. При этом им была оставлена возможность свободно исповедовать свою веру и проживать компактно на отведённом для них участке Пекина – в Бэйгуане[1]. Вместе с казаками в Пекин отправился православный священник о. Максим (Леонидов), который вскоре после прибытия начал отправлять богослужения в переделанной под православную церковь бывшей буддийской кумирне. После смерти о. Максима православная вера поддерживалась в албазинцах священниками Российской духовной миссии в Китае. Почти триста лет потомки

[1] Бэйгуань, «Северное подворье», – территория в северной части Пекина, которая была выделена в 1685 г. императором Канси русским казакам-албазинцам, согласившимся служить в маньчжурской гвардии («Русской сотне») в Пекине. Вплоть до 1956 г. здесь располагалась Российская духовная миссия в Китае. Ныне часть этой территории занимает посольство России.

албазинцев сохраняли традицию компактного проживания, общие коллективные представления, православную веру, частично язык и даже внешние этнические признаки. Академик С.Л. Тихвинский, работавший в 1945 г. в посольстве СССР в Китае, вспоминал, что ему довелось познакомиться с «двумя китайскими православными священниками – потомками албазинцев – о. Василием Дэ и о. Федором Ли, возглавлявшими, соответственно, 2 крупные группы православных китайских жителей Бэйпина. Наиболее сильное впечатление на меня произвёл отец Василий, которого Владыка Виктор представил под его русской фамилией Дубинин. Это был полного телосложения, седой как лунь старик среднего роста, с большим массивным носом, необычайно пышной для китайца растительностью на лице, с миндалевидными глазами, какие обычно бывают у северян-китайцев, однако в отличие от них голубого цвета. Весь внешний облик Василия Дэ свидетельствовал о сохранении в его могучем организме генов его предков – русских землепроходцев»[1].

Сейчас, разумеется, уже не приходится говорить о сохранении физических антропологических признаков, указывающих на прошлое выходцев из Албазина, которых сейчас в Китае около ста человек. Но они сохраняют историческую память о прародине, православие и другие признаки, связывающие их в особое сообщество. В последнее время были случаи, когда потомки албазинцев официально меняли свою этничность, записываясь «русскими». В июле 2013 г. несколько родственников из семьи Дубининых (Дэ) приезжали в Албазино почтить память предков. Это было уже не первое «паломничество» албазинцев. Один из Дубининых-Дэ принял крещение в водах Амура и получил русское имя Василий, двое других мужчин, дяди новокрещёного, были православными. Из Китая они привезли мешочек с землёй, взятой от семейных могил, рассыпали её на исторической родине, а из Албазина забрали землю для могил в Китае. Всё это очень показательно. Прошло почти 330 лет с тех пор, как предки Дубининых (Дэ), Романовых (Ло), Яковлевых (Яо), Хабаровых (Хэ) и других албазинцев пришли в Пекин и были поселены на Северном подворье.

При всём трагическом своеобразии обстоятельств возникновения и существования, в Харбине в 20–40 гг. сложилась многочисленная русская диаспора. Она демонстрировала способность русских при определённых условиях создавать за пределами исторической родины жизнеспособные сообщества. Заметим, что опыт харбинской или, шире, маньчжурской диаспоры русских, был отмечен одной важной особенностью. Расселение русских по линии КВЖД изначально по условиям Контракта 1896 г. происходило на условиях фактического отчуждения необходимой для строительства и обслуживания дороги земли в пользу Общества КВЖД. Обладание территорией С.М. Широкогоров считал одним из важнейших факторов жизнеспособности этноса. Революция в России, самозахваты дороги милитаристским «кланом Чжанов», американские

---

[1] Тихвинский С.Л. Начальник 20-й Миссии – Владыка Виктор (воспоминания Генерального консула СССР в Пекине) // Православие на Дальнем Востоке. Спб., 1993. С. 87.

инспирации начала 20-х гг. и японские оккупации существенно осложняли правовой статус полосы отчуждения. Но для русских жителей она долго продолжала оставаться своей территорией, которую нельзя в полной мере изъять и превратить в чужую. По крайней мере, её нельзя изъять из сердца и памяти, хранившей образ уголка китайской земли, который стал родиной.

Эту свою территорию в пределах полосы отчуждения русские обустраивали по-своему, в традициях русской архитектуры, здесь они выстраивали образование и науку по русскому образцу, здесь думали, говорили, писали стихи и прозу в созвучии с русским слогом. В границах своего русского мира харбинская диаспора десятилетиями укоренялась – рожала детей, крестила их, обучала, венчала, а затем, по завершении жизненного круга, соборовала и провожала на погост. Последние представители этой диаспоры (с некоторыми из них авторам книги доводилось встречаться), дожившие до конца 90-х – начала 2000-х гг., не хотели возвращаться в Россию, даже имея для этого благоприятные возможности. На этой земле они родились, прожили в горе и радости, здесь были похоронены их близкие, рядом с которыми они ожидали упокоиться. Куда ехать? И зачем? Эта земля стала их родиной.

В этой духовной ситуации скрыта сложная коллизия. Люди, образующие диаспору, являются носителями общей исторической памяти, основное содержание которой составляет память о «духовной родине» и «исходе» из неё. Эта историческая память формирует патриотизм как любовь к стране исхода. Любовь к стране исхода выражается в ностальгических образах архитектуры, идиллических картинах поэзии и прозы, в идеологических программах сохранения этничности, в молитвенном слове о благе далёкой родины и в надежде на возвращение. И во многом другом, конечно. Однако укоренение за пределами исторической родины может встраивать в ансамбль патриотических чувств, на первый взгляд, неожиданные интонации.

Условия жизни в иной стране способны воспитывать наряду с осознанием чуждости этой страны ощущение её близости и родства, что становится основанием патриотизма особого рода – патриотизма как любви к стране пребывания. На этой основе в духовной жизни части диаспоры возникает сложное, отчасти противоречивое осознание и эмоциональное переживание «двух родин» – *бипатриотизм* (лат. bi- – дву-, patria – отечество, родина). Это не бипатризм – правовой статус двойного гражданства, а именно состояние души. Бипатриотизм был свойственен многим представителям русской диаспоры в Китае. Ксения Борисовна Кепинг, родившаяся в 1937 и до 1954 г. прожившая в Тяньцзине, Пекине, писала в своих воспоминаниях о «русской» части Пекина – Бэйгуане: «…Мы, дети, свободно бегавшие по огромным земельным угодьям Бэйгуаня, знали, что это – наша русская земля, а за высокими стенами Бэйгуаня была чужая страна, хотя мы все тут родились и выросли. А, как выяснилось позже, любили эту страну и, разбросанные в разные углы мира, скучали о ней и стремились

сюда. …Потому, что Китай – моя родина, страна моего детства»[1]. Противоположным был вектор судьбы Елизаветы Павловны Кишкиной (Ли Ша) – «Из России в Китай – путь длиною в сто лет». Так называется книга воспоминаний этой замечательной русской женщины. Выйдя замуж в 1936 г. в Москве за китайского революционера, одного из создателей КПК Ли Лисаня, она в 1946 г. вместе с мужем уехала в Китай. Там её ждала жизнь, в которой переплелись большое счастье и страшные тяготы, и это сплетение сроднило её со страной, ставшей для неё дорогой сердцу. И это нисколько не мешает Елизавете Павловне накануне своего столетия в 2013 г. порадоваться в предисловии, что «наконец-то книга моей жизни увидит свет у меня на Родине, и российский читатель услышит мой голос на русском языке»[2].

Сходные настроения можно найти в мемуарах, художественных произведениях представителей русской диаспоры в Китае. С одной стороны, эта страна, её народ при всём разительном контрасте с Россией могли произвести неизгладимое притягательное впечатление на самосознание русских. С другой стороны, русская диаспора в своей достаточно большой части демонстрировала способность преодоления традиционных моделей восприятия Китая как страны совершенно чуждой, «азиатской» в худшем смысле. Для многих китайцев, осевших в России в ходе исторических потрясений XIX–XX вв., чужая страна тоже постепенно стала второй родиной.

Таким образом, этническое сознание диаспоры неоднородно в своих установках по отношению к стране пребывания. Диапазон её восприятия может располагаться в широком спектре эмоциональных диспозиций – от полного неприятия и отторжения до патриотизма. Распространённое во многих автохтонных (принимающих) сообществах однобокое представление о диаспорах как чуждом этносоциальном организме, «пятой колонне», в ряде случаев несправедливо по отношению к этой сложной в своих умонастроениях человеческой формации.

Существование диаспоры чревато двойственностью причастности к двум культурам. В этом измерении своего бытия диаспоры представляют собой один из вариантов фронтирного существования, т.е. существования в условиях порубежья, на стыке своего и чужого[3]. Эта ситуация может иметь как положительные, так и отрицательные следствия. Ю.М. Лотману принадлежит известное выражение – «культура рождается на границах». Наверное, известный мыслитель имел основания для такого вывода. Стоит, однако, помнить о том,

---

[1] Кепинг К.Б. Судьба Российской духовной миссии в Китае // Кепинг Ксения. Последние статьи и документы. Спб., 2003. С. 237.

[2] Кишкина Е.П. (Ли Ша). Из России в Китай – путь длиною в сто лет: мемуары. М., 2013. С. 7.

[3] Развёрнутая характеристика понятий «порубежье», «фронтир» изложена автором в отдельной статье: Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 3–7.

что культура и разрушается на границах. Взаимодействие в условиях диаспоры двух, а иногда и более этнокультурных традиций влечёт за собой маргинализацию, утрату каждой из традиций доминантной целостности. Нельзя понимать маргинальность субкультур порубежья лишь как состояние деградации исходных нормативных качеств культурной формации, теряющих своё доминирующее положение и смешивающихся с чужеродными качествами. Маргинализация может развиваться по сценарию утраты фронтирной субкультурой собственной идентичности. Однако этот сценарий – не императив. В условиях существования субкультуры в тесном контакте с инокультурной средой маргинализация зачастую приводит к резкой интенсификации внутри субкультуры исходных нормативных качеств. Интенсифицируя, иногда вплоть до крайней гипертрофии, качества, осознаваемые как сущностные, носители фронтирной субкультуры стремятся уберечь свой мир от синкретизации с инокультурным. Нередко к этому стимулу добавляется не менее важный: носители субкультуры стремятся доказать, что несмотря на свою маргинальность, именно они являются образцом нормативной культуры. В своём субкультурном, порубежном, маргинальном положении они по отношению к культуре «центра», культуре родины исхода хотят быть, образно говоря, «святее папы римского».

Культура русского Харбина – впечатляющий пример фронтирной субкультуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Её история обнаруживает разные сценарии маргинализации. Главенствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронтира были консервация нормативных качеств русской культуры и их интенсификация. Эта стратегия не исключала, однако, усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма. Такая тенденция исподволь, без ломки привычного русского уклада и без нажима извне, органично складывалась в языке, зодчестве, литературе и религиозных верованиях.

Любая культура осуществляет себя в предметах и, главное, в людях. Основной плод культуры – личность определённого типа. Результатом самореализации маргинальной этнической культуры, фронтирной субкультуры является формирование маргинальной этнической личности. Это чрезвычайно неоднозначный по своим культурным и социальным последствиям процесс. «Маргинальный человек – это тот, кому судьбой предопределено жить в двух обществах и в двух не просто разных, но антагонистических культурах». По отношению к этим культурным мирам маргинальному человеку суждено играть «роль космополита и чужака»[1]. Эверетт В. Стоунквист изложил эти выводы в своей книге в 1937 г., в которой не оставлены без внимания Россия и оказавшиеся в поле влияния её культуры личности, такие, например, как Юзеф Пилсудский. Отчасти американский социолог прав, акцентируя внимание на

---

[1] Park R.E. Introduction // Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. N.Y., 1961. P. XV, XVII.

негативных следствиях маргинальности, но он, пожалуй, излишне пессимистичен, недооценивая позитивный креативный потенциал маргинальности. С одной стороны, ослабление определённой этнокультурной идентичности, неукоренённость в традиции, комплекс культурного/этнического меньшинства могут иметь своим следствием либо депрессивное состояние маргинальных личностей и групп, либо, напротив, ультрарадикальную националистическую идеологию маргинала. И первое, и второе разрушительно для культур, породивших маргинальный гибрид. С другой стороны, маргинальные личности и группы, выросшие на почве двух культур, могут обладать более широким культурным горизонтом и большими креативными способностями. Маргинальные личности могут способствовать сближению и взаимопониманию двух культур, снижая степень их различия. Плоды обеих тенденций, колоритные натуры, оставившие свой след в истории или действующие ныне среди нас, хорошо известны.

Пример албазинцев и харбинцев высвечивает не только аспекты, связанные с диаспоризацией русских, но и целый ряд актуальных проблем русско-китайского взаимодействия – в частности, проблему сохранения русскими этнокультурной идентичности в условиях китайского окружения. Эта проблема не потеряла своего практического значения и поныне. Скорее напротив, в условиях возросшего уровня общения и перемещения народов, актуальность этой проблемы очевидна.

Надеемся, наша книга внесёт свой вклад в фактографический фонд и теоретические дискуссии, лежащие в той плоскости проблемы жизнеспособности этносов, которая задана сопряжением двух народов – русских и китайцев, и двух стран – России и Китая, общим детищем которых стал «русский Харбин».

Глава 1.
Архитектура и архитектурная жизнь русского Харбина

1. Русская архитектура с харбинским акцентом

1.1. К идее города-сада: От Старого Харбина до Нового города

При планировке и застройке Харбина, как и других городов и около сотни железнодорожных посёлков, основанных в ходе обустройства КВЖД, были реализованы прогрессивные идеи градостроительства. Идеи эти зародились в Европе и России в контексте культуры эпохи модерна, утверждающего возможность преобразования жизни средствами искусства.

Русские архитекторы, внедряя идею «городов-садов», сосредоточили своё внимание на практической стороне – планировке посёлков, благоустройстве и организации транспорта. Идеалом нового типа градообразования виделось поселение, где жизнь, приближенная к природе (здоровье и красота), будет обеспечена в то же время инженерным благоустройством и удобствами городского уровня (комфортом).

Архитектор-градостроитель В.Н. Семёнов утверждал, что принципы «города-сада» реально применимы лишь «к городам, имеющим естественные данные для своего развития, являющимся действительно центрами новых провинций, таким, как города колониальные, города Сибири, Центральной Азии»[1]. Такими центрами в дальневосточной Азии стали Харбин, Дальний, Порт-Артур.

В зарубежной историографии Харбин предстаёт как яркий символ «Запада» в Азии, считается первым крупномасштабным проектом Российского правительства после Санкт-Петербурга. Харбин как крупное градостроительное явление совсем недавно нашёл своё заслуженное внимание и в отечественной историографии. В фундаментальной серии «Русское градостроительное искусство» в двух из трёх томов «Градостроительство России середины XIX – начала XX века» (2003 и 2010) он представлен как впечатляющее начинание в области реализации городов-садов в ходе широкомасштабного железнодорожного строительства России на Дальнем Востоке[2]. Подчёркивается, что города,

---

[1] Семёнов В. Благоустройство городов. М., 1912. С. 75.

[2] Реализация идеи городов-садов в России // Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга вторая / Под общей редакцией Е.И. Кириченко. М., 2003. С. 520–522, 528–531.

возникшие в 1898–1899 гг. при конечных и узловых станциях Китайской Восточной железной дороги, проектировались исходя из концепции города-сада в отличие, например, от Новониколаевска (будущего Новосибирска), строившегося в те же годы. «Самые крупные из них Харбин, Дальний, Порт-Артур представляют практически неизвестный даже специалистам выдающийся в мировом масштабе опыт применения градостроительной концепции модерна при проектировании крупного самостоятельного города», – пишет Е.И. Кириченко[1].

Сами архитекторы и инженеры-строители Харбина «искусственное построение целого обширного города» оценивали как «исключительную», «почти небывалую работу»[2]. Ко времени закладки Нового города на значительном расстоянии от него уже существовал так называемый Старый Харбин. Этот посёлок был образован в 1898 г. для самых первых строителей на базе фанз китайского ханшинного завода «Сян Фан». Харбин изначально стал застраиваться с двух сторон, со стороны реки Сунгари (Пристань) и со стороны территории, удалённой на 8 верст от берега в незатапливаемой местности – Старый Харбин. В этом регулярно распланированном первом районе города, который предполагали сделать центром, были сооружены первая церковь Святого Николая (сгорела и на её месте в 1926 г. возведена новая), первые административные и общественные сооружения: здание штаба округа, военное собрание, пожарное депо. Целый квартал занимал общественный парк. Во время боксёрского восстания 1900 г. Старый Харбин был сожжён.

Новый город – новый административный район Харбина – строили, как писали в «Харбинской старине», «основательно, с размахом, по правилам науки» по разработанному на месте генпланом. В пространственно-планировочной организации Нового города (это был уже третий район), размещённого на возвышенной местности, архитекторы отказались от кажущейся теперь скучной и нерациональной «шахматной» (ещё её назвали «американской») планировки. В генеральном плане 1899 г. основу планировки Нового города (в самом первом плане он назывался «посёлок Сунгари»), составляла регулярная схема из прямоугольных кварталов, пронизанная диагоналями, в сочетании с радиально-дуговой схемой сегментных кварталов, подчинённой изгибу полотна железнодорожной ветки на Владивосток. Там, где это диктовалось условиями местности (рельефом, изгибами речки Модягоу), трассировались улицы криволинейных очертаний. Пересечение диагоналей акцентировано круглыми и прямоугольными площадями. Каждая площадь имеет собственную подсистему лучевых улиц. В планировочной структуре заложены большие и малые

---

[1] Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Книга третья / Под общей редакцией Е.И. Кириченко. М., 2010. С. 552.

[2] Историографический обзор Китайско-Восточной железной дороги, 1896–1903 / Сост. Е.Х. Нилус. Т. 1. Харбин, 1923. С. 145.

парки, скверы и бульвары. Выдержано единство планировки и застройки. В ходе работы над планом определялось местоположение жилых и общественных зданий. Малоэтажные жилые дома свободно располагались среди зелени в глубине участков, характерна невысокая плотность застройки.

Можно согласиться с обобщающими выводами анализа градостроительных структур всех трёх городов, Харбина, Дальнего и Порт-Артура, Е.И. Кириченко, которая пишет – что, в целом, эти города спроектированы по «слободскому» принципу: они состоят из нескольких самостоятельных, организованных вокруг своего центра частей, которые обладают своим собственным структурным единством и одновременно связанных друг с другом. В этом многосоставном подходе можно видеть ландшафтный подход к разработке плана, акцентирование особенностей рельефа, связь с определённым планировочным приёмом. В этих городах, по её мнению, «возрождается характерное для древнерусского города отношение к рельефу как исходному пространственно-планировочному фактору, во многом обуславливающему своеобразие рисунка уличной сети»[1].

Первоначальный план Нового города не был реализован в полной мере, хотя в целом идея нашла своё воплощение. Например, из диагоналей реализованы лишь две (Сунгарийский и Маньчжурский проспекты, ограниченные осью Большого проспекта, пронизавшего с юго-запада на северо-восток весь Новый город), соответственно, уменьшилось и количество площадей. Улицы и проспекты получили более чёткую дифференциацию по назначению и, соответственно, ширине; площади по своей форме и размеру упорядочились в композиционно значимую систему. Несколько схематичный первоначальный проект детализировался, подчинился необходимым для нормального функционирования требованиям расширения магистральных улиц, более сложного территориального членения, организации площадей в зависимости от назначения в структуре города, появились иные планировочные акценты. В результате сформировался миниатюрный «сад-город» в системе большого «сад-города».

«Хотя план города Харбина в общем удачен, но ширина многих улиц далеко не достаточна... и отчасти виновником этого был Кербедз... Некоторое уширение новогородних улиц было достигнуто лишь после, вопреки проекту, им одобренному», – писал Е.Х. Нилус[2]. С.И. Кербедз, вице-председатель правления общества КВЖД, считал, «что Харбин всегда останется казённым железнодорожным посёлком при станции дороги, и не больше»[3]. Хотя первоначальный план посёлка Сунгари изначально отличался от типичных плани-

---

[1] Реализация идеи городов-садов в России. Указ. соч. С. 521–522.

[2] Историографический обзор Китайско-Восточной железной дороги, 1896–1903 / Сост. Е.Х. Нилус. Т. 1. Харбин, 1923. С. 145, 146.

[3] ГАХК. Ф. 831. оп. 2. д. 39. Л. 75.

ровочных схем других железнодорожных посёлков (Маньчжурия, Хайлар, Бухэду, Цицикар, Пограничная, Гунчжулин и других станций II класса) большой сложностью и масштабностью. Оказывается, будущее Харбина далеко не всем, даже принимавшим самое непосредственное участие в его основании, виделось столь перспективным, как представляется сейчас.

По свидетельству Е.Х. Нилуса, генплан посёлка Сунгари был разработан в течение зимы 1898–1899 гг. по личным указаниям инженера путей сообщения С.И. Кербедза[1]. Непосредственно разработкой занимались проектировщики технического отдела Строительного управления КВЖД, возглавляемого инженером А.К. Левтеевым, они же разрабатывали планы и других железнодорожных посёлков. После перевода Левтеева в 1901 г. в Порт-Артур руководство застройкой Нового города возглавил И.И. Обломиевский, который и стал главным его создателем.

В Новом городе разместились самые крупные и представительные административные и общественные здания (Управление КВЖД, Железнодорожное собрание, мужское и женское коммерческие училища, Московские торговые ряды, штаб Заамурского отдельного округа пограничной стражи, агентство Южно-Маньчжурской железной дороги, гостиницы, консульства). Здесь же размещались двухэтажные сложной композиции особняки для высокопоставленных служащих дороги, и одноэтажные совсем простые для рядовых служащих, стоящие с большим интервалом друг от друга, отделённые садами, палисадниками. Существует «Альбом сооружений Китайско-Восточной железной дороги, 1897–1903» (М., 1903), в котором представлены десятки типовых проектов особняков разной величины. Предположительно их автором был И.И. Обломиевский. Интересно, что даже сложные живописно-ассиметричные многообъёмные особняки в стиле модерн также использовались как типовые, они до сих пор сохранились в современном Харбине.

О Новом городе вспоминает Ю. Крузенштерн-Петерец: «Большой проспект с его аккуратными домиками в садах», «цепочка неприхотливых кирпичных домиков с зелёными палисадниками», «хорошенькие, утопавшие в зелени домики», «...стояли казармы, ...офицерские квартиры, но зелени было так много, что казалось, будто это не военный посёлок, а дача»; «и Садовая, и Большой проспект... очень живописны, застроены... одноэтажными особнячками железнодорожных служащих покрупнее, с палисадниками на улицу, дворами и садами позади»[2].

Обеспечение многочисленного среднего звена железнодорожных служащих экономичным и в то же время весьма комфортабельным жильём было одним из главных пунктов социально-экономической программы освоения Маньчжурии. Преобладание жилых домов-особняков, а не многоквартирных

[1] Историографический обзор Китайско-Восточной железной дороги, 1896–1903. С. 139.

[2] Крузенштерн-Петерц Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 38–41; Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 128.

домов – результат следования новейшим и тенденциям в градостроительстве. Нигде в России не встречалось подобной концентрации особняков на больших территориях.

В начале 1910-х гг. в планировочной структуре Харбина появился район частных домовладений с большими приусадебными участками непосредственно под таким названием – Сад-Город. Согласно плану Харбина 1933 г., он располагался в южной части города по дороге на ипподром, но во второй половине 1930-х гг., был ликвидирован.

По воспоминаниям И. Серебренникова, Новый город к 1920-м гг. представлял собой «чистенький приятный городок, утопавший летом в зелени». Он свидетельствует: «Это был действительно город-сад!»[1].

Взрывной, полустихийный характер становления Пристани – коммерческого района Харбина близ порта и станции железной дороги, – с едва поспевающими за застройкой схемами планов разбивки на участки, привёл к тому, что некоторые улицы, например, Мостовая или Артиллерийская, озеленены были совсем скудно. А на Китайской – главной улице Пристани – зелени не было вообще. «Нельзя... не признать, что распланировка Пристани оказалась не вполне удачной, особенно по сравнению с Новым городом»[2]. Для сравнения: на Пристани участки проектировались по 0,08 га, что не мало по европейским нормам, а в Новом городе, ближе к управлению КВЖД, для высших служащих железной дороги отводились участки до 0,5 га.

Общественные двух-, реже – трёхэтажные здания занимают угловое положение на пересечении улиц. Это традиционный приём организации пространства для русского города рубежа XIX–XX вв. В композиционной структуре фасадов преобладают фронтальность, регулярность, доминантой является архитектурно акцентированный куполом, башенкой срезанный угол с главным входом. Жилые одно-, двухэтажные здания, формирующие фасад улиц, стоят с большими интервалами, отделены друг от друга садами.

«Чистый и корректный» Новый город, – по мнению корреспондента журнала «Архитектура и жизнь», – не типичный Харбин, а нечто «случайное» и даже «вчерашнее» – речь идёт о начале 1920-х гг. Типичный Харбин представлен на Пристани: «Дух Харбина витает над Пристанью, где главным образом и путаешься в сомнении, – что же это за штука Харбин: Европа или Азия?»[3].

На фоне гражданской застройки, как и в любом русском городе, отчётливо выделяются культовые сооружения в национально-русском стиле. Так Свято-Николаевский собор, расположенный в центре круглой площади в Новом городе, доминировал над окружением. И так во всех районах города, каждый

---

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания. В 2-х т. Т. 2. В эмиграции (1920–1924). Тяньцин, 1940. С. 42, 43.

[2] Там же. С. 135, 136.

[3] Васильев М. Панорамы жизни. Облик Харбина // Архитектура и жизнь. 1921. № 3–4. С. 128.

из них имел одну или несколько церквей: Софийская церковь на Пристани, Свято-Алексеевская в Модягоу, Николаевская в Затоне, Спасо-Преображенская в Саманном городке и т.д. В сочетании массовой застройки современной архитектуры («нового стиля») и традиции древнерусского зодчества заключается острое своеобразие архитектурного облика города.

В 1916 г. для значительной части городской территории за р. Модягоу (занимаемой ранее сложившимися посёлками Старый Харбин, Алексеевка, Модягоу, Сад-город, Славянский городок, городок Гондатти) был разработан генеральный план развития. Композиция центральной части нового градостроительного образования воплотила некий «образцовый» вариант концепции «города-сада»: жёсткая концентрическая схема с десятью радиальными улицами. Аналогичными предстают идеализированные модели поселений в разработках Э. Говарда – автора концепции «города-сада».

Видно стремление зодчих композиционно увязать планировку уже существующих районов (посёлки Модягоу, Алексеевка, Старый Харбин) с идеально-правильной новой структурой. Генеральный план этой части Харбина, реализованный совсем небольшими фрагментами, говорит о прогрессивных воззрениях харбинских зодчих середины 1910-х годов, продолжающих градостроительную традицию, заложенную при основании города.

Архитектурная среда Харбина имеет легко узнаваемый «харбинский акцент» – колорит восточного города: китайские торговые лавочки, сервис на улице, вывески с иероглифами, праздничное специфическое украшение улиц, сами китайцы, одетые в традиционную одежду. Этот специфический оттенок русского Харбина проявляется и в архитектуре, о чём будет сказано в следующей главе.

Между Сунгари и железной дорогой, рядом с Мостовым посёлком, разделённый с ним Пограничным проспектом, расположился «китайский город новой формации» – Фудзядянь. Он административно не зависел от Харбина. На его улицах «рядом с жалкими фанзами оказывается... прекрасное здание в несколько этажей»[1]. Это район так называемого «китайского барокко», где имеется много сооружений в этом уникальном стиле, красноречиво говорящем о приобщении китайской архитектуры к европейской архитектуре классического направления. В застройке преобладал серый кирпич разных оттенков, встречалось и сочетание серо-красного кирпича. Типичное объёмное решение зданий, фасадные решения, декоративная обработка проёмов идентичны рядовой застройке конца XIX в. городов русского Дальнего Востока, Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Уссурийска… Вопрос, каким образом произошло это влияние, кто авторы этих построек, остаётся на сегодняшний день не исследованным.

[1] Харбин в иллюстрациях. Альбом видов г. Харбина и окрестностей. Харбин, 1925 (?). С. 47.

1.2. Модерн и другие стили. Харбинский «ORIENT»

При разработке архитектурных проектов для КВЖД всякого рода новации подразумевались как условие существования всего грандиозного мероприятия, предпринятого Россией. Зодчие ощущали особую ответственность, возложенную на их плечи. Петербургский академик архитектуры А.И. фон Гоген, причастный к проектированию в Маньчжурии, рассуждал: «…едва ли было бы уместно украшать формами ренессанса и т.п. новый город, возникающий на далёкой новой окраине на заре нового века…»[1]. Архитектор К.Х. Денисов писал в 1902 г. из Харбина своему учителю Л.Н. Бенуа в Петербург: «Мой начальник (архитектор К.К. Иокиш – *С.Л.*) кроме нового стиля ничего не признаёт. В библиотеке моего отдела кроме увражей в новом стиле ничего нет»[2]. Модерн как «новый стиль», изначально ориентированный на вненациональные универсальные формы, стал для них наиболее приемлемым при проектировании новых городов на новых землях.

Жизнестроительная концепция модерна была весьма актуальной для территории нового освоения, где требовалось создание особого культурного пространства: для совместного русско-китайского проживания и отвечающего государственным целям, которые преследовала Россия на международной арене: связать европейскую Россию и дальневосточную Азию. И закономерно, что модерн как новый стиль, формирующий вненациональные универсальные формы, способные существовать в различных социально-географических условиях, стал для архитекторов и заказчиков наиболее приемлемым.

Модерн просуществовал в архитектуре Маньчжурии несравненно дольше, чем в Европе, до конца 1930-х гг., сформировав стилистически однородные крупные фрагменты городской ткани, что явилось закономерностью при реализации соответствующего градостроительного подхода, о чём говорилось в предшествующем разделе.

Альбом сооружений и чертежей КВЖД, 1897–1903.

Множественность образов Харбина, отражённая в мемуаристике, свидетельствует о его исключительной архитектурной самобытности. Но есть нечто объединяющее все сравнения. Харбин первой трети XX в. стал символом современного европейского города в Азии благодаря особому куль-

[1] Строитель, 1902. № 7–8. С. 254–255.

[2] НБА РАХ. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 103. Л. 1, 2 об.

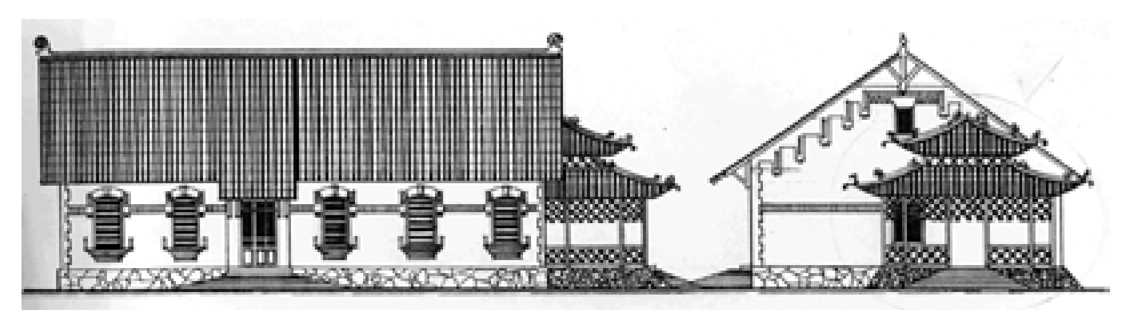
Типовой особняк для служащих (Альбом исполнительных чертежей).

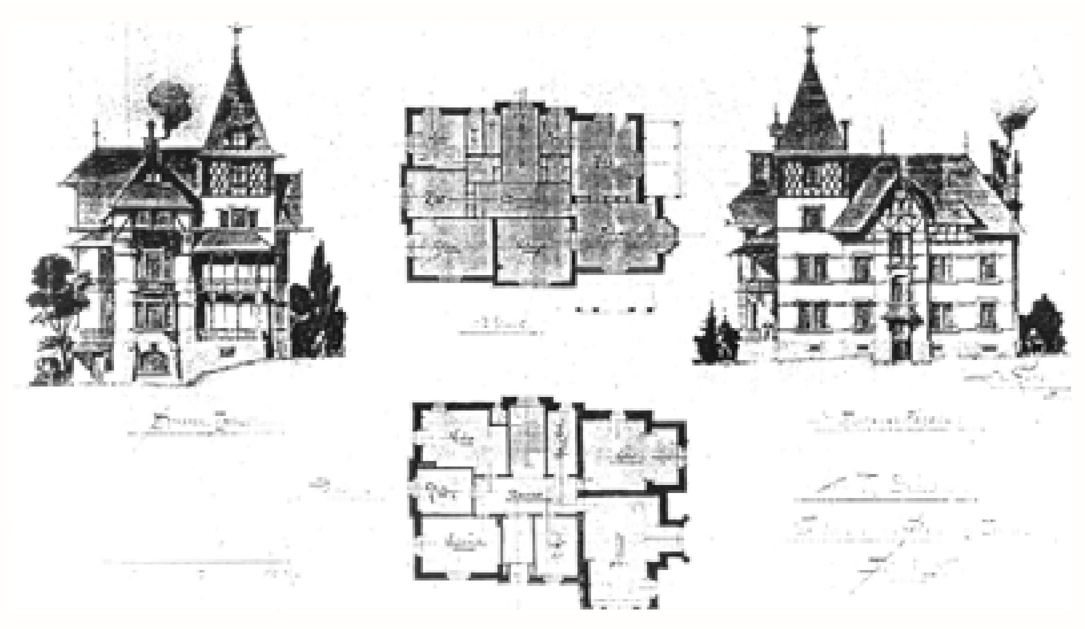
турному стилю жизни эпохи модерна, отразившемуся в искусстве архитектуры. Как известно, стиль жизни – стиль искусства.

Европейские художественные стили, такие как эклектика, национальный романтизм, модерн (в нескольких версиях) и ретроспективизм, определившие облик Харбина, были представлены российской архитектурной школой.

Версии модерна

Своеобразие модерна в Харбине выразилось в преимущественном распространении интернационального (в варианте «строгого» или рационального) и в меньшей степени национально-романтического направлений модерна. Как известно, интернациональный вариант модерна – «ядро стиля» – сформировался в центральной Европе, а национально-романтические версии модерна получили распространение по большей части на периферии Европы. Работая для национальных окраин Российской империи, архитекторы, следуя принципам «нового стиля», как правило, стремились отразить в своих работах региональную специфику. Например, ориентальный модерн в Харбине получил распространение не только потому, что он был естественен в Китае, но и потому, что ориентализм был явлением художественной жизни России. В силу исторических обстоятельств русская архитектура на рубеже XIX–XX веков оказалась «лицом к лицу» с подлинной китайской культурой, осмысление которой осуществилось несравненно более глубоко, чем в XVIII в. Благодаря взаимодействию с живой восточной культурой родилась национально-романтическая версия китайской архитектуры в русской интерпретации – назовём её харбинский «orient», подчеркнув таким образом переосмысленность (условность) ориентализма. Несмотря на «индивидуализм», этот и ещё подобные ему проекты были использованы многократно, хотя по своей идее они не являются типовыми. В этом повторном использо-


Типовой одноквартирый дом для служащих (Альбом исполнительных чертежей).



Архитектурные параллели. Проекты типовых загородных особняков и вилл. (Каталог. б/д, Цюрих).

вании не типовых по своей сути проектов заключается ещё одна особенность в архитектуре модерна Харбина.

Интересно провести параллели. Особняки анализируемой группы имеют явное сходство с формообразованием русских вилл на южном Черноморском побережье России. Например, с постройками архитектора Н.П. Краснова 1890-х–1900-х гг. в Крыму: дом Булгаковых в Ялте (1897), особняк художника Г.Ф. Ярцева там же, усадьба фабриканта фарфора М.С. Кузнецова, вилла «Эльвира» И.А. Яцкевича в Симеизе и другие. Н.П. Краснов осваивал татарскую архитектурную традицию, древнюю архитектуру Каира и считал использование в своём творчестве местных архитектурно-художественных приёмов, мотивов, строительных материалов более чем уместным. Поэтому в их деталях и декоративной обработке прочитывается восточный колорит. С другой стороны обе группы зданий – и дальневосточные, и крымские – аналогичны в своём формообразовании европейским загородным виллам того же времени в Германии, Швейцарии в национально-романтическом духе. Эти параллели ясно читаются при анализе особняков и дач, представленных в известной «Архитектурной энциклопедии» Г.В. Барановского[1], которую ещё называют «руководством к действию», а также в швейцарских и немецких каталогах загородных жилищ.

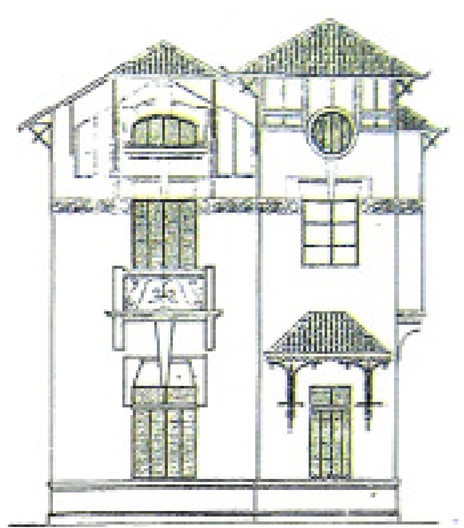
Кроме крымской архитектуры, указанная группа особняков обнаруживает сходство с группой зданий во Вьетнаме в городах Ханое, Далата, Хюэ и

[1] Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. СПб, 1902–1908. В 7 томах.

Архитектурные параллели. Фасады особняков
(Энциклопедия Г.В. Барановского, 1904).

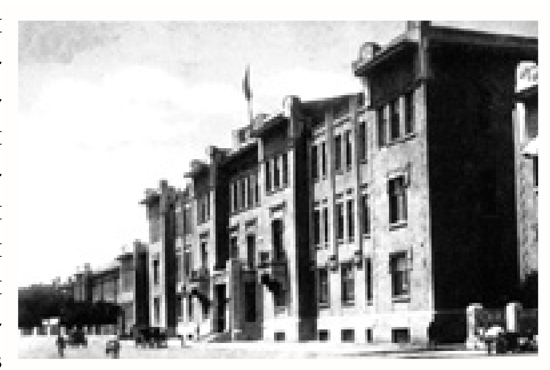
курортных городах, построенные во французский колониальный период. Эта стилистика в работах вьетнамских исследователей определяется как «архитектура центра Франции», «архитектура французских провинций», но с дальневосточным колоритом[1].

Главное, что все эти сооружения – это произведения своего времени, своей эпохи, которая и объединяет их, несмотря на контрастно-противоположное культурно-географическое положение.



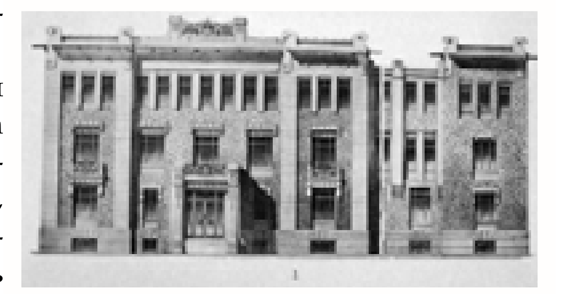
Архитектурные параллели. Вилла в Ханое.

[1] Хо Хай Нам. Черты европейского влияния в архитектуре и градостроительстве Вьетнама колониального периода (на примере г. Хюэ): дисс. на соиск. уч. ст. канд. архитектуры. Санкт-Петербург, 2007. С. 118–120.

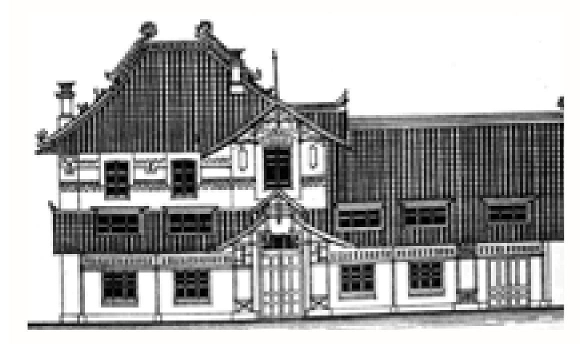

Управление КВЖД. Большой пр., Новый Город (сохранился).

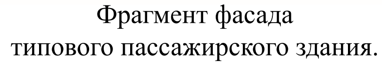
Первоначально железнодорожная гостиница на Вокзальном проспекте (фасады – арх. К.Х. Денисов, 1904) была цельным и чистым по архитектуре зданием в стиле рационального модерна. Рационализм здесь проявлен традиционным способом – многократным повторением унифицированной формы. Фасады подчинены ритму вертикальных членений, образованными пилястрами в два этажа. В деталях входной части и парапета использованы ажурные металлические элементы. После реконструкции во второй половине 1930-х гг., архитектура здания приобрела классицизирующий оттенок. Интерьер решён в модернизированном неоклассицистическом стиле. Просторное торжественное помещение вестибюля членят колонны дорического ордера, центрично-осевая композиция завершается парадной лестницей.

Проект Управления КВЖД на Большом проспекте был разработан в 1897 г. петербургским архитектором Д.А. Крыжановским, что говорит о том значении, которое ему придавалось. Однако к 1902 г., началу строительства, был утверждён новый проект, предусматривающий увеличение габаритов. Из двух предложенных вариантов фасадов, в формах ренессанса и в модерне, был не случайно выбран последний, что ещё раз свидетельствует об отчётливой направленности в идеологии создания образа нового русского города на Дальнем Востоке (фасады – арх. К.Х. Денисов). Мировоззренческая ориентация 1900-х гг. на модерн перестала быть определяющей только к середине 1910-х гг., о чём говорит появившаяся в печати, острая критика архитектуры модерна по КВЖД. Но идеи укоренения «исконно-русских форм» на КВЖД, выдвинутые частью российской общественности, не нашли там благодатной почвы и не были реализованы. Модерн ещё долгие годы (а с 1920-х гг. наравне с неоклассицизмом) оставался ведущим стилем художественной жизни русской Маньчжурии.


Управление КВЖД. Проект, 1902. Фасад. Арх. К.Х. Денисов.

Огромные размеры Управления дороги, планировочная структура двойным «колодцем», с системой внутренних дворов и сквозных проездов, симметричный главный фасад, вытянувшийся почти на 170 метров вдоль Большого проспекта, единое цветовое решение – всё вместе создаёт монумен-





Фрагмент фасада
типового пассажирского здания.

Особняк начальника округа
(сохранился, перестроен).

тальный и яркий образ самодостаточного организма. В композиции архитектурной формы выражено стремление архитектора к простоте, выявляющей целесообразность планировочного решения и конструктивной основы. Логичность объёмно-пространственного решения подчёркнута чётким ритмом одинаковых окон, сдержанностью и укрупнённостью декоративных деталей. Только парапет и балконы по оси центрального входа имеют живописный рисунок. Фактура и цвет материала здесь особенно значимы для архитектурной обработки фасадов. Природный облицовочный камень стен имеет естественные нерегулярные очертания (под «бутовую кладку») и тонкие градации серо-коричневого цвета. В сочетании с гладко оштукатуренными лопатками и рустовкой первого этажа достигается выразительный декоративный эффект. На всём лежит оттенок нарочитого культа целесообразности.

С него в русских поселениях Маньчжурии началась практика возведения государственных учреждений в стиле модерн, что не было распространённым явлением в самой России. В данном случае официальная идеология, отражавшая интересы государства как заказчика, совпала с художественными предпочтениями эпохи и архитекторов, приглашённых к участию в проектировании.

Московские торговые ряды, сер. 1900-х. гг.
Арх. К.К. Иокиш.

Архитектура Московских торговых рядов на Соборной площади (арх. К.К. Иокиш, середина 1900-х гг.) входит в группу сооружений нового типа: производственные и банковские здания, торговые пассажи и вокзалы, в которых нашли наиболее последовательное воплощение стилевые особенности рационального модерна. Формирование характерного образа Московских торговых рядов обусловлено его

функциональным назначением, размерами, конструктивными особенностями. Аркады окон верхнего яруса, композиционно объединённые с окнами нижнего яруса, зрительно дематериализуют стену и дают освещение просторным торговым залам. Мерный ритм единообразно решённых модулей фасада соответствует избранной конструктивно-планировочной схеме и подчёркивает реалистичность и функциональность архитектуры.

Коммерческие училища. Большой пр., Новый Город (сохранились).

Здание было призвано решать ответственную градостроительную задачу – формирование главной площади Нового города и двух прилегающих улиц. Несмотря на чистый в контексте рационального модерна принцип построения структуры фасадов, его планировочное решение, подчинённое градостроительным особенностям участка, не лишено некоторой традиционности подхода.

Рациональные тенденции проявились в архитектуре учебных заведений (коммерческие училища, техническое училище) и больничных комплексов Харбина. Но если говорить о фасадах, то, при всём своём лаконизме и декоре в духе модерна, они не ушли от эклектичных традиций. Их архитектурная обработка решается на сочетании строго отобранных деталей и приёмов «исторического» стиля, обращённого к классическому наследию и «строгого» модерна. Тем не менее, здания коммерческих училищ выглядят сдержанно-строгими, практичными и в духе рационалистических тенденций своего времени.

К этому же направлению рационального модерна относится Техническое училище – Политехнический институт. Три основные корпуса Технического училища объединены аналогичным проёмом входа: эллиптической аркой. Общими деталями оформления фасадов послужили пилоны в простенках, расшивка первого этажа под

Агенство Южно-Маньчжурской железной дороги (арх. фото).

Гостиница «Метрополь».
Сунгарийский пр., Новый город.

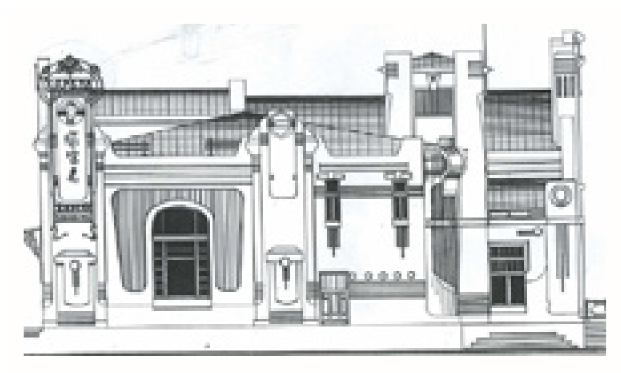
бутовую кладку и полукруглые башенные завершения. Трёхэтажная пристройка Политехнического института с круглой башней и полусферическим куполом стала мощной доминантой, объединившей старый и новый корпусы и сформировавшей угол квартала.

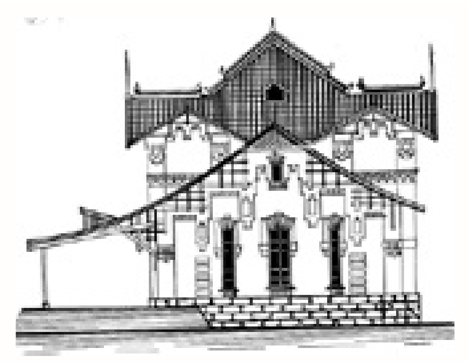
Здание агентства Южно-Маньчжурской железной дороги на Новоторговой улице Нового города относится к тому же стилевому направлению, что и коммерческие училища, с той разницей, что чисто внешние приёмы и детали модерна здесь проявлены чётче, но в планировочном отношении они более традиционны, чем коммерческие училища. Таким образом, архитектура агентства ЮМЖД отражает принадлежность модерну во многом внешне, «поверхностно». А по существу, – т.е. принципам организации пространства, отношению к формам прошлого – не до конца преодолела стилеобразующих отношений, свойственных эклектике.

Об этом же свидетельствует и архитектура гостиницы «Метрополь» на Сунгарийском проспекте в Харбине. Объёмная структура здания совершенно традиционна, а вот внешние формы и декор здания стилистически вполне позволяют отнести его к модерну. Над угловой срезанной частью здания оригинальной формы приположенный ребристый купол со шпилем, крытый под цветную «чешую», эллипсовидные окна-двери, характерный декор – всё это так. Но утверждаемые модернистские формы и орнаментация трактуются всё же как формы традиционных стилей: срезанный на пересечении улиц угол, те же приёмы размещения, фасадная фронтальность.

Железнодорожный вокзал в Харбине.
Арх. И. Цитович, 1903 (утрачен).

Интернациональный вариант модерна, лишённый национальной окраски, свободный от использования форм прошлого, был призван отразить беспрецедентность предпринятого Россией строительства КВЖД. Один из образцов интернацио-

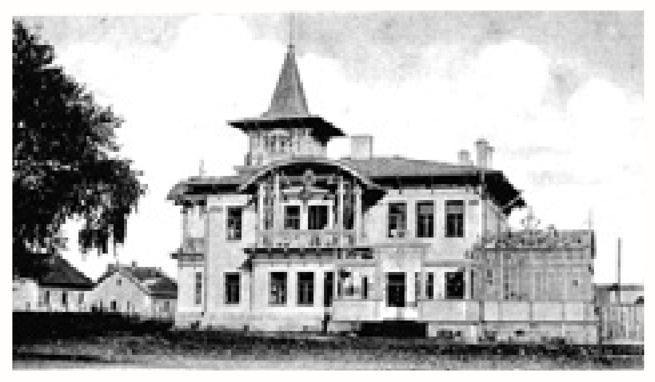

Фрагменты фасада харбинского вокзала (арх. И. Цитович).


Фасад типовой железнодорожной станции.

нального модерна – железнодорожный вокзал в Харбине (арх. И. Цитович, 1903), в известном смысле – символ Харбина. Энергичная волнообразная линия аттикового завершения входной части Харбинского вокзала, прорезанная мощными пилонами, контрастно сочетается с регулярной композиционной структурой фасадов правого и левого крыльев. Планировочная структура здания практически симметрична относительно оси центрального входа, но объёмно-пространственная структура сооружения такова, что она вуалирует эту симметричность. В отличие от богатой многоплановости и пластичности главного фасада, со стороны путей фасад первого этажа гладкий, вдоль него размещался металлический навес над перроном. Овальные, циркульные и прямоугольные окна разнообразно обрамлены; парапет, лестницы, перила, навесы – одним словом, всё, включая буквы названий, декорировано. Но обилие деталей не делало фасады равномерно «украшенными», они были увязаны в систему композиционно осмысленной иерархии. Отдельные интерьерные и фасадные детали выполнены из железобетона. Металл же был применён при покрытии крыш, в парапетах, лестницах и декоративных конструкциях. Для перекрытия вестибюля были использованы металлические фермы длиной 7 м.

Гарнизонное офицерское собрание. Вокзальный пр., Новый Город (сохранилось).

Первое Железнодорожное собрание Харбина в 1900-е гг. размещалось в особняке, выстроенном для управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата (1903). Свободная композиция из прямоугольных объемов разной этажности формируется вокруг центрального зала и примыкающей к нему овальной лестницы, ведущей



Типовой особняк для высших служащих. Новый Город (арх. фото).

в гранёный бельведер с выходом на крышу. Разнообразна и индивидуальна архитектурная обработка всех четырёх фасадов. Большие квадратные, узкие прямоугольные, эллипсовидные окна в различных комбинациях прорезают плоскости стен, декорированные мелкими деревянными элементами. Фасад, обращённый к большому саду, имеет открытую веранду и балкон. Мелкие деревянные детали их ограждений, а также зимнего сада живописно-изобретательны и контрастируют с плоским и строгим декором стен. Особняк находился на большом участке с садом в Новом городе, недалеко от управления КВЖД, но по своему облику скорее напоминал загородную усадьбу в слиянии с природой, в чём и проявляется одна из установок модерна – городской комфорт и «жизнь на природе».

К этой же группе можно отнести другие особняки для высокопоставленных лиц, в архитектуре которых используются стилизованные под китайскую архитектуру части и элементы зданий (бельведеры, венчающие крышу в форме китайского фонарика, теневые конструкции, обильный деревянный декор). Ресторан в Общественном саду Старого Харбина (1902) тоже решён с привнесением восточного колорита: большой вынос козырька плоской кровли с угловыми башнями символизировали характерный для китайского зодчества каркас.

Модерн и традиции классики. «Модерн-классик»

«Традиция сквозь призму модерна» или «модерн-классик», как называли это направление в Европе, характерны для ряда самых значительных зданий Харбина. В Маньчжурии это художественное течение, определившись, как и в России, к концу 1900-х гг., длительное время было востребовано, по крайней мере, до 1920-е гг., когда с наплывом эмиграции ретроспективизм получил здесь второе рождение. А первые из этих сооружений построены на границе рационального модерна и ретроспективизма.

Театр-ресторан-отель «Модерн» (арх. С.А. Венсан, 1913; сохранился) – знаменитое полифункциональное здание Харбина, одно из самых значимых в архитектурной истории города. Оно элегантно, не перегружено декором. Неоренессансные приёмы и формы модернизированы современными пропорциями и размерами. Верхняя часть сооружения наиболее энергична и эффектна. Её формируют волнообразные аттики и парапет, большой вынос карниза, крон-

штейны и оригинальной формы купол на углу, с диагональными гранями и завершающей башенкой. В остальном фасады сооружения сдержанны: округлые очертания крупных, почти квадратных окон, спокойная пластика деталей в характерном для модерна рисунке, немногочисленные фактурные сопоставления материалов, мелкофактуристых вставок под карнизом и гладко оштукатуренных поверхностей.

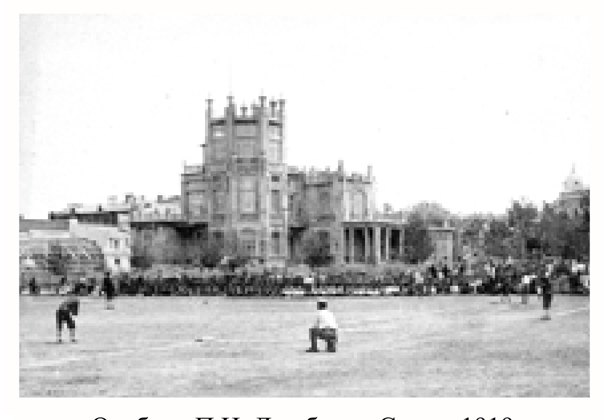
Театр-ресторан-отель «Модерн» (арх. С.А. Венсан, 1913; сохранился).

Архитектура сооружения – удачная утончённая стилизация ренессанса, поэтому театр-отель «Модерн» можно считать образцом классицизирующей ветви модерна в русской архитектуре Харбина, да и всей Маньчжурии.

Национально-романтические версии

Развитие модерна в архитектуре протекало как антиэклектическое движение. Но результатом этой борьбы зачастую была лишь новая переработка накопленных веками в русском и мировом зодчестве традиционных приёмов. Представители модерна, отвергая вековые художественные традиции в архитектуре и пытаясь изобрести новые формы, обращались в то же время к мотивам полузабытых или малоизвестных стилей.

Особняк П.И. Джибелло-Сокко (1919; сохранился) оригинален среди других харбинских построек в стиле модерн своим обращением к средневековым формам европейской архитектуры – английской готике. Свободная планиров-



Особняк П.И. Джибелло-Сокко, 1919.

Особняк генерала Ма.

ка, гибко отвечающая функциональным требованиям, эксплуатируемая кровля в нескольких уровнях, зимний сад, большие витражи – в этом отношении архитектура особняка совершенно современна. Мало соответствует масштабу особняка растительный лепной декор на огибающих углы здания лопатках и межэтажном фризе.

В Харбине было ещё несколько зданий, модерн которых основывался на переработке средневековых европейских форм, например, особняк генерала Ма на Старохарбинском шоссе (1910-е гг.; сохранился), особняк Васильева-Бондаря на углу Казачьей и Биржевой улиц (сохранился), доходный дом И.Ф. Чистякова на Вокзальном проспекте (1912; сохранился) и некоторые другие.

Неорусский стиль и харбинский «orient»

Архитектура деревянной гимназии М.А. Оксаковской на Вокзальном проспекте (1906) – образец общественного здания в неорусском стиле. В Харбине было мало деревянной застройки, поэтому пример крупного здания общественного назначения в дереве уникален, к тому же этот стиль в гражданских сооружениях Харбина использовался редко, в основном он развивался в православном зодчестве.

Для здания характерны многообъёмность, стилизованность форм (преувеличенно вытянутый башенный объём вестибюльной группы, крупные квадратные окна) и декоративных элементов древнерусского зодчества (кокошников, опор навеса обходной галереи, кронштейнов), смелая их компоновка и использование в нетрадиционном контексте. Основные части объёма декорированы искусной обильной резьбой, окрашенной в белую краску (карнизы, углы здания), что придаёт зданию национальный колорит, нарядность и праздничность. Таким характерным элементом декорирования конька кровли русских построек в Маньчжурии, как фигурка дракона, украшена и крыша гимназии Оксаковской.

Архитектура выступала средством коммуникации между русской и китайской культурами. На первом этапе незнание китайской традиции вело к поверхностному заимствованию элементов, структурно несвязанных с русской по принципам построения постройкой. Пёстрые черепичные крыши с мифологическими существами на коньках, ковровые узоры стен за счёт кирпичной кладки, подоконные карнизы с большим выносом, деревянные декоративные решётки веранд, навесов, ставен, формально соединяясь с традиционными приёмами русской жилой

Гимназия М.А. Оксаковской, 1906

архитектуры, приводили к образованию своеобразной китайско-русской образной среды.

Постепенно характерные черты русского и китайского жилья соединялись в постройках Харбина и образовывали новую систему знаков, символов и форм. Русские по происхождению выразительные средства приобретали китайские акценты и по формальным признакам трансформировались в систему переходного типа – русско-китайского архитектурного языка, – пишет в своём диссертационном исследовании Т.Ю. Троицкая[1]. В практике русской архитектуры в Харбине со временем появился и опыт творческого переосмысления традиционных восточных форм и приёмов. Их использование шло не только на уровне декорирования стены или «наложения» на традиционно-русскую стропильную конструкцию восточной крыши (с загнутыми кверху свесами), но и на уровне композиционного построения объёма, пропорционального и ритмического строя фасадных членений.

Фрагменты фасада главного павильона Международной выставки в Турине (арх. Р. Д'Аронко).

Интересно, что приём декоративной обработки стены в «кирпичном стиле» (кирпичное узорочье) оказался в своей основе сходным с приёмами орнаментального китайского зодчества. Полихромность, орнаментальность и небольшая рельефность составили общий для китайской и русской архитектуры приём обработки поверхности. Он (приём) взял на себя роль формообразующего фактора. Ковровая отделка фасадов исключала значимость отдельного элемента, обуславливая восприятие общего архитектурного облика здания. Эту же роль играла и традиционная азиатская крыша, определяя логику объёмно-планировочного построения здания своими формально-композиционными и конструктивными особенностями. Но порой применялись без каких-либо изменений характерные контуры кровли, накладные доски, объёмные элементы фантастических китайских животных в соседстве с деревянными и кирпичными деталями неорусского стиля[2].

Что осталось повсеместно прежним в русских постройках, так это конструктивная схема – несущие стены. Порой происходила имитация традиционно-китайской пространственной организации сооружений, стоечно-балочного каркаса. Однако постепенно, всё более глубоко осваивая местную традицию, русскими архитекторами применялись не только китайские при-

[1] Троицкая Т.Ю. Особенности архитектуры Китайско-Восточной железной дороги (конец XIX – первая треть XX века): дисс. на соиск. уч. ст. канд. архитектуры. Новосибирск, 1996.

[2] Там же.

ёмы внешней обработки фасадов, но и строительные материалы, технологии, конструкции крыш.

«Кирпичный» стиль в своих лучших проектах обнаруживал определённое сходство с модерном: в главных, сущностных его моментах, когда важна не отдельная деталь, а здание в целом, перетекание пространств «изнутри наружу», стилизация и свободная компоновка средневековых национальных форм китайского зодчества. Таким образом, характер познания китайской традиции изменился от поверхностного интереса до серьёзного желания понять его эстетику и культуру. Появившись сначала в железнодорожных постройках, китайские мотивы постепенно адаптировались в рамках «кирпичного» стиля русской архитектуры, что способствовало появлению некого синтезированного языка – харбинского «orient», территориально локализованного именно на КВЖД.

«Кирпичный стиль»

Идеи рационализма («бесстилевой» архитектуры), заложенные в русской архитектуре ещё во второй половине XIX в., получили своё наибольшее воплощение в так называемом кирпичном стиле в 1870–1890-х гг. Его зарождение отмечает первую в России нового времени попытку создания архитектуры, свободной от прямого обращения к историческому наследию.

Сооружения в «кирпичном» стиле составляли значительную часть застройки Харбина. Это Императорская китайская почтовая контора на Участковой улице (1906), Китайская таможня на Новоторговой улице, Гранд-отель на Сунгарийском проспекте, торговый дом «Кунст и Альберс» на Артиллерийской улице, Бельгийское вице-консульство на Кавказской улице, Японский торговый музей на Пристани, японский магазин «Восходящее солнце» на Мостовой улице, Дворянский госпиталь, коммерческая гостиница на Китайской улице, промышленные сооружения. Для них характерны простота объёмной композиции, акцентное решение срезанного угла с центральным входом (при расположении на перекрёстке улиц), создание декоративной пластики фасадов за счёт кладки кирпича, одинаковые приёмы размещения деталей и орнаментации, фронтальность. То же самое можно сказать и о кирпичном здании Городского Совета, выделяющемся своей необыкновенной пластичностью

Гранд-отель. Сунгарийский пр.

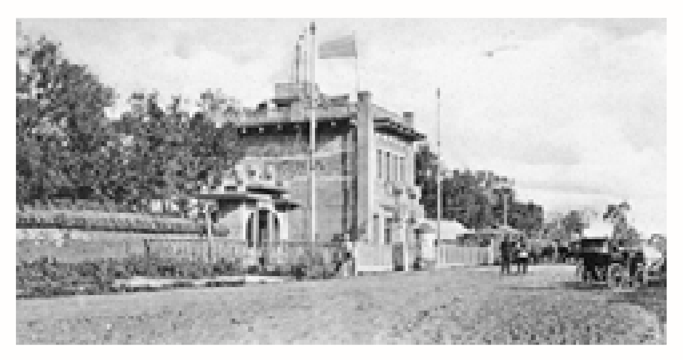
силуэта мансардного этажа и оригинальным использованием барочных мотивов.

Хотя обращение к кирпичу как к главному формообразующему средству и позволяет классифицировать архитектуру перечисленных сооружений как «кирпичный» стиль, ясно ощутима опора на традиционные стили, внешне порой едва читаемые.

Торговый дом «Кунст и Альберс». Артиллерийская ул.

Идеи рационализма в архитектуре Харбина имели место не только в начале XX в., но продолжали жить уже в несколько другой интерпретации и в эмигрантский период. «Архитектура и жизнь» констатировала в 1921 г.: «Строительство нашей эпохи менее заботится о красивых фасадных декорациях, чем о логичности и удобстве внутренней планировки. На конкурсах последнего времени премированные проекты расценивались главным образом за достоинства плана, красота же фасада... отходила на второй план»[1]. В этой оценке ситуации читается основное содержание новой архитектурной парадигмы.

Строгое деловое здание института Японо-русского общества (1920) практически лишено декоративной обработки. Архитектура института прагматично-функциональна и, на первый взгляд, нейтральна к историческому наследию. Эстетические вопросы, казалось бы, исключены из сферы волновавших автора проекта проблем. Самым выразительным художественным средством здесь выступает материал стен – облицовочный красный кирпич, что, собственно, является стилеобразующим фактором первостепенной важности для «кирпичного» стиля. Но это не тот «кирпичный» стиль, в котором строили в начале XX в. Здесь нет и намека на богатую кирпичную орнаментацию стен за счёт декоративной кладки кирпича. Единственным его украшением является лаконично орнаментированный фриз, едва читаемые выступы плоских портальных обрамле-



Первая метеорологическая станция, нач. 1900-х гг. Старый Харбин.

[1] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 21.

Городской Совет.

ний окон и западаний филенок. Тем не менее, и его архитектура не свободна от эклектичности подхода. Модернизированный дорический ордер входного портика – парафраза из классики, механистично соединён с рациональным фасадом, фронтальность и равнозначность проработки которого свидетельствуют об этом же – непреодолённых чертах эклектики. Таким образом, и в 1920-е гг., когда идеи новой архитектуры стали уже непреложной действительностью, строилось немало сооружений, в которых традиции предшествующих эпох продолжали жить, но в неявной форме.

Ретроспективизм

«Второй период (становления города – *С.Л.*), отмеченный <...> возрождением классицизма и ренессанса во всех его видах, продолжался с 1913 по 1930-е гг. В эти годы в Харбин приехало много архитекторов – беженцев из России, которые, не имея ограничений в своей творческой работе, украсили Харбин теперешним разнообразием стилей, включая и магометанский, мавританский, ближневосточный, китайский и т.д.», – пишет корреспондент газеты «Время»[1].

Ретроспективизм в русской архитектуре более известен под названием «неоклассицизм» – по имени наиболее распространённой его разновидности, отражающей предпочтительную ориентацию на классические основы в самом широком смысле (от Палладио до ампира). Однако в Харбине не обнаружено ни одного настоящего образца «неоклассицизма» – возможно, не сохранились документальные свидетельства. Представляется, что точнее применять термин «ретроспективизное неоклассическое направление». Он «материализовал» в зарубежье связь со своей национальной культурой, недавним идеализируемым прошлым.

Среди застройки Харбина обнаруживаются здания, построенные в различных неостилях, устремлённых к классическому наследию: в неоренессансе, неоклассике, необарокко, неоампире, неогреке. Русско-китайский банк (1903), Железнодорожное собрание, центральная железнодорожная больница, доходные дома и особняки, банки, кинотеатр «Арс» (1926), механическое собрание (1928), лицей Святого Николая (1929) и многие другие.

Выделяются своими архитектурными достоинствами неоклассические по-

---

[1] А.У. Город архитектурных стилей // Время. 1943. № 266 (окт.).

стройки архитектора Ю.П. Жданова: японская начальная школа, городская библиотека, японо-китайский клуб, правление Южно-Маньчжурской железной дороги, Мулинское углепромышленное товарищество.

В Харбине существовала масса иностранных банков, представительств, консульских резиденций. Бельгийское вице-консульство, агентство Французской Республики, харбинское отделение Иокогама Спеши банка. Многие из них, если не большинство, построены в ретростилях классического направления. Атрибуция их точно не установлена, но вполне вероятно, что проекты заказывались русским архитекторам.

Главное здание торгового дома «И.Я. Чурин и К°» на углу Большого проспекта и Новоторговой улицы (арх. К.Г. Иванов, 1906) в качестве основного выразительного элемента имеет купол, венчающий угловую часть. Широкий декорированный фриз по всему периметру здания смягчает лапидарную архитектурную обработку стен, лишённую тонкости рисунка, характерную для классицизма. В этой «сухости» сказывается определённая искусственность стиля. Планировочное решение здания, обусловленное градостроительной ситуацией и функциональными требованиями, вполне целесообразно. Простота и рациональность фасадов, избавленных от перегруженности форм, говорит о стилизации в русле новых тенденций в архитектуре.

Декоративные приемы главного фасада Железнодорожного собрания (фасады – арх. К.Х. Денисов) основаны на использовании классицистических форм (ионический ордер, ризалиты, межэтажные и завершающие карнизы, фронтоны и т.д.), но общая фасадная композиция не знает строгой нормативности. Ей присуща асимметричность (отсутствие центральной оси, композиционная неравнозначность двух входов по флангам), нетрадиционное решение важных для классицизма элементов, смягчение иерархии главного и второстепенного.

Архитектура торгового дома «Мацуура и К°» (арх. А.А. Мясковский, 1920) на углу Китайской и Пекарной улиц несомненно более ретроспективна, чем ренессансная стилизация модерна театра-отеля «Модерн», построенного в 1912 г. на той же улице, хотя источник вдохновения у них один – классика. Воспроизводя формы неоренессанса и барокко более откровенно и после-

Японское генеральное консульство.

довательно, архитектура торгового дома сохраняет чёткое визуальное сходство с историческими прототипами. Пластичность объёма и фасадов, ярусность, преувеличенность масштаба двух нижних этажей, полуколонн коринфского ордера, раскреповка антаблемента, небольшие изящные фронтоны над окнами, портальное обрамление групп окон, роскошные лепные украшения и скульптурный декор – всё работает на монументальный пышный образ. Тем не менее, архитектура торгового дома «Мацуура и К°» далека от буквального копиизма.

Вместо традиционного портика – модернизированная арочная композиция, а большие остеклённые витрины первого этажа, хоть и трактованы нейтрально, отражают функциональную организацию торгового дома: первые два этажа заняты магазинами. Выше – следующие этажи и мансарда – были предназначены под квартиры служащих, и соответственно масштаб окон и их компоновка становятся другими. Нашли отражение в фасаде и некоторые конструктивные параметры сооружения: один из пролётов по Китайской улице составляет более 12 м, и на уровне второго этажа появляется огромный витраж торгового зала. Градостроительное положение здания чётко акцентировано башенным объёмом барочного типа. На архивных фотографиях городских панорам пятиэтажное здание торгового дома «Мацуура и К°» выделяется своими внушительными размерами и выразительным силуэтом. В 1920-х гг. оно было одним из самых высоких в городе и главным украшением Китайской улицы, каковым остаётся и по сей день.

В архитектуре доходного дома Б.Д. Мееровича на Большом проспекте у Соборной площади чётко проявляются признаки новой стадии развития ретроспективизма (арх. Ю.П. Жданов, 1921). Уже к концу 1910-х гг. в практике неоклассицизма выработались определённые приёмы своеобразной рационализации классики, позволяющие придавать зданиям тот или иной стилистический оттенок, ограничиваясь использованием лишь самых характерных признаков. Судя по архитектуре Харбина, эти особенности эволюции стиля были присущи и им.

Неоренессансные и неоклассицистические формы и приёмы в архитектуре доходного дома Мееровича сочетаются с функционально-целесообразным объёмно-пространственным построением здания. Пластичность архитектурных объёмов стала здесь ведущим художественным приёмом. Ограниченность ретроспективизма, проявляющаяся, прежде всего, в применении отживших приёмов планировки и конструкций, в архитектуре доходного

Приют для мальчиков «Русский дом», 1920.

дома Мееровича преодолена.

Ретроспективизм в архитектуре Харбина был также представлен неомавританским, неокитайским, неорусским и другими неостилями. Архитектура польской гимназии (1913) – в неоготическом стиле, синагоги Бейс-Гамедрош (1919), особняка С.И. Ицхакена (арх. М.И. Дельников, 1921) и соборной мечети во имя пророка Магомета (арх. Ю.П. Жданов, 1937) – в неомавританском, гимназии «Пу-Юй» (арх. В.К. Вельс, 1927) – в неокитайском, приюта-училища «Русский дом» (1920) – в неорусском и т.д. Архитектура перечисленных сооружений основывается на средневековых национально-традиционных исторических прототипах. В большинстве своём появившиеся уже в эмигрантскую эпоху, и, конечно, в ограниченном в сравнении с неоклассикой количестве, они выделялись своей колоритностью, а порой и экзотичностью, вносили разнообразие в сложившуюся застройку улиц Харбина, в определённой степени отражали многонациональный и поликонфессиональный характер города. Но всё-таки цель ретроспективистов – не «выделиться» любыми средствами из ряда застройки, а привнести искусство в обыденную повседневность жизни.

Еврейское духовное училище «Талмуд-Тора» (Конная улица, 1920), приют для престарелых имени Рабиновичей (Артиллерийская улица, 1920), высшеначальное училище (Артиллерийская улица, 1919) решены во всей эффектности неомавританского стиля. Ретроспективистская направленность сооружений Левитина сочетается с требованиями норм современной жизни. Зодчий смог современно и изящно стилизовать мавританский стиль своих построек и выделить их из ряда многих сооружений.

Синагога (главная), построенная вместо сгоревшей в 1931 г. (арх. М.М. Осколков) – двухэтажное здание, увенчанное двумя «византийскими» куполами, предстаёт монументальным сооружением, которое «царит» в пространстве. Архитектура синагоги традиционна для иудаизма, с последней четверти XIX в. синагоги в знак восточного происхождения чаще всего и сооружались в мавританском стиле. Ясная композиционная структура, разнообразие крупных монолитных форм сочетается с обильной плоскостной деталировкой фасадных плоскостей, прорезанных изысканными мавританскими арками окон.

В культовых сооружениях, традиционно консервативных по форме, особенно сложно выявить те черты, которые стилизованы в результате новых художественных исканий. В данном случае романтически насыщенный и одновременно современный образ сооружения создан за счёт оголённых чётких форм с широким применением деталей и форм мавританской архитектуры, с характерным для средневекового Ближнего Востока начертанием объёмов, стилизуемых в подчёркнуто рационалистической манере. Детали применены откровенно декоративно, их роль второстепенна, они, как и фактурные и цветовые контрасты, подчёркивают главное – выразительность объёмно-пространственной организации сооружения.

1.3. Национальный стиль православного Харбина

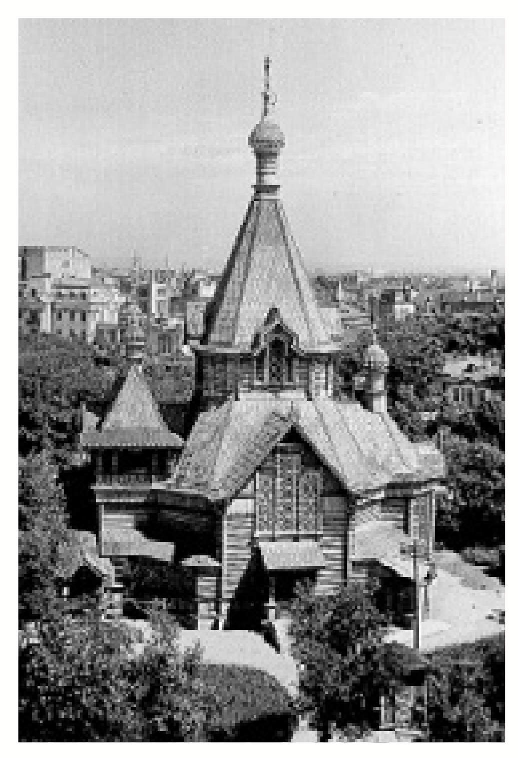
Национальные искания в архитектуре православных храмов в первой трети XX в. в Маньчжурии по-прежнему актуальны, как и в дореволюционной России. Представлялось, что единственно способным выразить во всей полноте национальную идею мог храм в русском стиле. Анализ разнообразных типов храмов в Харбине говорят о широкой палитре образцов древнерусского зодчества, к которым обращались архитекторы, работая в русском, византийском и неорусском стилях. С переживаемым в России в конце XIX – начале XX вв. религиозным искусством периода активного и сознательного обновления, в первую очередь, соотносится неорусский стиль. Он характеризуется обращением к кругу образцов, ранее не привлекавших внимания архитекторов: особое предпочтение оказывается древнерусскому зодчеству XII в., новгородско-псковской школе XIV–XV вв. и московской XVI в., а также деревянному зодчеству русского Севера. В целом это характерно и для Харбина. Можно отчётливо выделить ориентацию на тот тип сооружений и декора, символика которых издревле, традиционно связывалась с Россией, российской государственной идеей, Византией как первоисточником национально-православной культуры, Москвой.

Неорусский стиль в православном зодчестве Харбина был представлен кафедральным собором во имя Святителя Николая (1899), церковью Иверской иконы Божьей Матери на Пристани (1907), Успенской церковью на Новом кладбище (1908), Свято-Николаевской в Старом Харбине (1926) – четыре храма из более двух десятков, существовавших в Харбине на 1942 г.[1] В архитектуре некоторых, не включённых в эту группу храмов, черты неорусского стиля явно присутствуют, если учитывать не только архитектурную иконографию, но и всю художественную систему интерьеров. Заметим, что в дореволюционный период в Европе была построена единственная церковь в неорусском стиле – это церковь св. Николая Чудотворца в Бари в Италии (арх. А.В. Щусев, 1913).

Свято-Николаевский кафедральный собор (арх. И.В. Падлевский, 1899–1900 гг.; утрачен) – одно из прославленных храмовых сооружений дальневосточного русского зарубежья – занимает особое место в ряду культовых построек в неорусском стиле. Именно этот храм открыл новую страницу в истории православного храмостроительства в Китае, связанную со строительством КВЖД. Он был возведён из дерева, и современники считали его самым крупным деревянным сооружением во всей Восточной Азии: высота собора до креста составляла около 30 м. В России конца XIX – начала XX вв. новые деревянные храмы в городах сооружались нечасто.

[1] См. Приложение 1. Экспликация к схеме «Православные и старообрядческие храмы в планировочной структуре Харбина» (состояние на 1942). 25 церквей по состоянию на 1942 г., в который вошли две старообрядческие церкви и три домовых (при учебных заведениях и тюрьме).

В проекте планировки Нового города Харбина пространство вокруг церкви был задумано как главная площадь города, что традиционно для древнерусского поселения. Сооружённый под руководством гражданских инженеров А.К Левтеева и В.К. Вельса Свято-Николаевский собор стал одним из первых сооружений Нового города, его композиционной доминантой.



Свято-Николаевский кафедральный собор, 1899. Арх. И.В. Падлевский.

В качества прообраза здесь выступает обобщённый тип древнего северорусского храма. Вместе с тем, в образной структуре сооружения можно усмотреть и обращение к новогородско-псковскому зодчеству XIV–XV вв. – в характерной постановке самостоятельного объёма колокольни. Традиционно для древнерусского храмового зодчества и выделение из общего объёма сооружения самостоятельных объёмов притворов, трапезной, колокольни, апсиды, крылец, галерей. Пирамидальность силуэта, плавное облегчение масс кверху, преобладание крупных элементов, немногословность декора и в то же время декоративизм всех частей здания – всё становится средством создания образа города-храма. Но многобъёмность, сложность и живописность композиции не противоречит её величавой уравновешенности. Этому, в первую очередь, способствует симметричность здания.

В русском зарубежье с 1930-х гг. стало распространённым явлением воссоздание в виде копий или очень близких к прототипу храмов России, существующих или разрушенных. Рядом с самим Свято-Николаевским собором в 1933 г. была возведена Иверская часовня – копия разрушенной в 1929 г. в Москве (арх. Е.А. Уласовец, П.Ф. Федоровский).

Храм-памятник Иверской иконы Божьей Матери (арх. К.Х. Денисов, 1908, Пристань; сохранилась в полуразрушенном виде) был первым крупным храмом-памятником русским воинам, погибшим на Дальнем Востоке в военных событиях в 1898–1900 гг. и русско-японскую войну 1904–1905 гг. не только в Китае и Японии, но и в России.

Общая композиция Иверской церкви здания близка к русскому стилю, но взятая за исходный образец схема пятиглавого московского храма услож-

Часовня-памятник харбинскому Свято-Николаевскому собору на русском православном кладбище Руквуд (Сидней). Арх. А. Бакич.

няется и интерпретируется по-новому. На западном фасаде церкви над притвором вместо колокольни высится звонница, напоминающая типичный приём новгородско-псковской школы. Укрупнённость и чистота простых, ясно читаемых форм, многократно повторяющиеся крупные детали, цветовой контраст немногочисленных белокаменных деталей и краснокирпичных фасадных плоскостей создаёт декоративизм на уровне здания в целом, что свойственно неорусскому стилю. Четвериковый двусветный объём храма, его отдельных частей и даже деталей характеризует ступенчатость объёмов, последовательное облегчение кверху. Изразцовый фриз, живописные панно в нишах звонницы, мозаика в отделке интерьера отвечают новой концепции «национального романтизма».

На первый взгляд, строгая симметричность, уравновешенность сооружения, подчёркнутая «стилобатной» частью, не является характерной чертой для национально-романтической темы, под влиянием которой явно находился автор. Но статус Пантеона воинской славы обусловил выбор композиции, наиболее полно выявляющей мемориальную функцию церкви-монумента. Это не исключение, а скорее, правило для храмов с мемориально-поминальной функцией.

Церковь Успения Божьей Матери (арх. Н.А. Казы-Гирей), построенная в том же 1908 г., что и Иверский храм-памятник, расположена на Новом кладбище по оси Большого проспекта. В комплексе с надвратной колокольней в русском стиле церквей XVII в. (арх. Е.А. Уласовец), построенной позже, со служебными корпусами, домом причта, воротами ограды и ландшафтом кладбища (надгробиями, клумбами, фонтанами, фруктовым садом) составляет мемориально-парковый ансамбль. Колокольню окаймляют два симметричных крыла служебных помещений, образующих глубокое полукаре.

Идущему по Большому проспекту на Новое кладбище ещё издали, сквозь кладбищенские ворота и широкую проездную арку колокольни, открывался вид на здание храма. Небольшой компактный объём церкви, почти квадратный в плане, с луковичной главкой на высоком световом барабане, предельно лаконичен. Входной придел выделен навесом – сенью с характерными для допетровской архитектуры опорами – кубышками и высокой крещатой кровлей на восемь скатов. На северном и южном фасадах размещены строенные окна, обрамлённые архивольтами. Почти единственным её декоративным элементом является аркатурно-колончатый пояс по периметру объёма и пятигранной ап-

сиде. Архитектором по-новому осмыслена красота чистого кубовидного объёма. Роспись в тимпане фронтона Успенской церкви и подкарнизный узор оттеняет лапидарность форм и цветового решения. Сюжетика, иконография и характер размещения росписи на фасаде анализируемой церкви идентичны Успенской церкви на кладбище Сент-Женевьев де Буа (арх.-худ. А.А. Бенуа, 1939). Росписи стен в интерьере были сделаны в художественной манере В.М. Васнецова.

Свято-Успенская церковь на Новом кладбище, 1908. Арх. Н.А. Казы-Гирей. Надвратная колокольня. Арх. Е. Уласовец.

Церковь Николая Чудотворца Мирликийского примечательна тем, что была она самой первой на территории будущего города, которого, собственно, тогда ещё не существовало. Время её основания в приспособленном помещении – февраль 1898 г. Новое каменное здание Свято-Николаевской церкви (архитектор не известен) появилось в Старом Харбине на месте прежней, обветшавшей, в 1926 г. К этому моменту прошло уже почти десятилетие с тех пор, как неорусский стиль прекратил своё существование в России.

Церковь размещалась на просторной площади Старого Харбина, но не в центре, а на её границе. Таким образом, один из фасадов храма был обращён к площади, остальные же – замыкали перспективы, прямые и со смещением, близлежащих улиц. Этот приём размещения отражает укоренившийся в XIX в. принцип соединения двух градостроительных традиций: ориентированной на древнерусский приём и регулярной европейской Нового времени. Подобное размещение храмов в Харбине – у перекрестков улиц – было типичным. Зачастую рядом ещё разбивался сад, сквер, церковные подворья занимали большие участки земли.

Тип храма – приходской; первообразом, от которого оттолкнулся автор проекта, здесь послужила новгородско-псковская архитектура. Над западным притвором высится звонница, характерная для этой школы. Сооружение выразительно по силуэту за счёт выделения всех объёмов; примечательно оно и по пластике фасадов за счёт игры света и сочной тени на глади выбеленных стен, прорезанных разными окнами. В тимпане двускатной островерхой крыши звонницы – яркое пятно росписи, контрастирующее с белизной всего объёма. Всё вместе создаёт узнаваемый национально-романтический образ церкви где-нибудь на северо-западе России.

На рубеже XIX–XX вв. в массовом церковном строительстве России продолжал сохраняться характерный для второй половины XIX в. русский стиль,

Свято-Софийская церковь.
Арх. Вас.А. Косяков, повторное использование проекта, М.М. Осколков

то же самое можно сказать о Харбине, несмотря на приоритетное распространение модерна до 1910-гг. в жилой и общественной застройке.

Объёмно-пространственная композиция кирпично-деревянной церкви в честь Софии Премудрости Божьей (1907) основана на контрасте низкого распластанного объёма храма и высокой изящной колокольни. Четверик храма не выделен в общем объёме, но отмечен пятиглавием. Объёмное построение и декоративное убранство ярусной шатровой колокольни стилистически повторяет каменную храмовую архитектуру XVII в., хотя она деревянная и лишь облицована кирпичом. Фасады колокольни детально проработаны.

Прямое обращение к киевскому Софийскому собору в Харбине означало желание утвердить свои национально-православные истоки и культуру через символическое подобие известной святыне. Никакого архитектурного подобия формам киевского собора нет, но это посвящение имело выражение в интерьере: при входе в церковь прихожан встречали сцены «Послы Владимировы в Софийском Соборе в Царьграде» и «Крещение киевлян при Владимире».

В связи с притоком эмигрантов в 1920-х гг. приходской совет Софийской церкви решил построить новое здание церкви на том же участке, где она играла доминирующую композиционную роль в окружающем городском ландшафте.

Архитектор М.М. Осколков использовал с небольшими изменениями проект церкви Богоявления Господня (Гутуевская) в Санкт-Петербурге (арх. Вас. А. Косякова, инж. Б.К. Правдзик, 1892–1897).

Софийский храм относится к типу храма с трапезной, имеет план в виде латинского креста (удлинённая западная ветвь), апсида с трёх сторон охвачена обходной галереей. Пространство трапезной разделено на три нефа двумя рядами колонн. Восьмигранное в плане пространство основного объёма церкви прекрасно освещено 16 окнами, прорезающими высокий мощный барабан. Храм увенчан огромным куполом луковичной формы, восьмигранными шатрами с главками на тонких шейках над боковыми приделами, фасады разработаны в русском стиле.

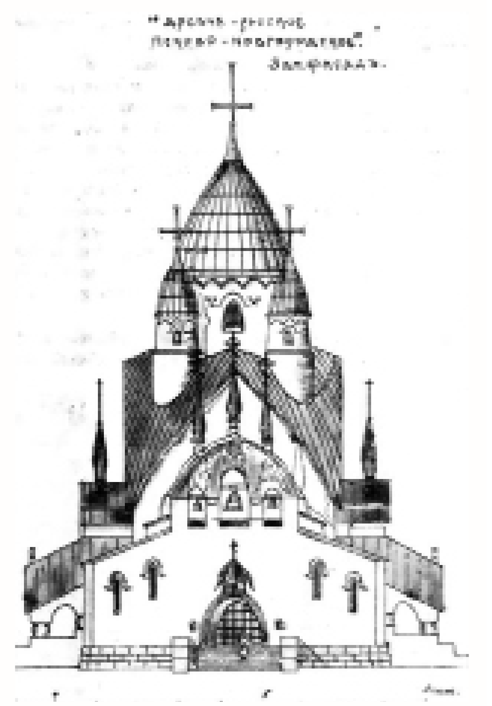
Новая каменная церковь в честь Святителя Алексия Московского Чудот-

ворца была построена в 1935 в пос. Модягоу (район Харбина) по проекту архитектора Ю.В. Смирнова.

В процессе строительства, в 1934, проект церкви был несколько изменён архитектором Б.М. Тустановским. В качестве конструктивного решения перекрытия храма были применены железобетонные своды, позволяющие освободить центральное подкупольное пространство от опор. Такое решение Б.М. Тустановский впервые использовал в проекте другого харбинского храма – Благовещенской церкви.

Свято-Алексеевская церковь, 1930–1935. Арх. Ю.В. Смирнов, Б.М. Тустановский

Церковь решена в русском стиле, здание выделялось среди окружающей застройки своей высотой и необычным силуэтом. Композиционная структура храма представляет собой размещённые по продольной оси восток-запад колокольню, трапезную, храм с апсидой. С северной и южной сторон к храму и колокольне симметрично примыкают низкие объёмы пристроек. Храмовый объём двухсветный, на всех фасадах второго яруса строенные оконные арочные проёмы. Оконные проёмы, арки звона, кровля украшены килевидными кокошниками. Детали фасадов белые, контрастируют с цветом красного кирпича стен.



Конкурсный проект, 1921. Вторая премия. Арх. П.С. Свиридов

Интерес к византийской архитектуре – как к таковой, и как к первоначалу национального зодчества, и как способу передать древность отечественной художественной традиции – вновь поднялся в России 1880–1910-х гг. Два харбинских храма – церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1930) и Благовещения Пресвятой Богородицы (1941) – несмотря на то, что между проектированием первого (1905) и второго (1930) пролегло 25 лет, в своей архитектуре обращены к одному и тому же источнику – ви-

зантийскому.

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Харбине была построена на Старом кладбище города, возникшем ещё в годы основания Харбина. Замысел Украинского прихода, явившегося инициатором строительства новой православной церкви на Старом кладбище, заключался в создании храма-памятника основателям, строителям и защитникам Харбина. Был выбран проект архитектора Ю.П. Жданова, разработанный им ещё в 1905 г. по другому заказу, техник С.С. Бруевич откорректировал проект.

Полусферический купол на огромном световом барабане перекрывает храмовое пространство. Арки барабана постепенно переходят к купольному покрытию. Углы четверика венчают небольшие декоративные главки на гранёных барабанах. Сводчатое перекрытие отражено в архитектурном декоре всех фасадов – архивольтах. Храм в одной связи с небольшой, не превышающей высоты центрального купола, колокольней над главным входом, с открытыми арками звона и увенчанной полусферической главкой.

Второй храм, Благовещения Пресвятой Богородицы (арх. Б.М. Тустановский) на Пристани, стал самым поздним произведением византийского стиля в истории русской архитектуры, в том числе, и за рубежом. Её художественный образ и конструкции оригинально решены. Силуэт храма сформирован доминирующим центральным куполом и небольшим куполом колокольни над главным входом. Ветви пространственного креста, перекрытые сводами, выступают из объёма храма. С востока примыкает необычно большая полукруглая апсида со сводчатым покрытием. Декор фасадов обращён к формам романского зодчества, что является довольно необычным приёмом для храмов в византийском стиле. Хотя до Б.М. Тустановского в России уже применялись перекрещивающиеся арки, поддерживающие в храмах купола больших пролётов, можно говорить, что харбинский зодчий здесь выступил как новатор. Он усовершенствовал внедрённую в русскую архитектуру в конце XIX в. новую систему перекрытия: разработал оригинальный способ укрепления арок и эллиптических перекрытий для условий сейсмики. Соединение исторического стиля с современными достижениями инженерной мысли было характерным творческим методом Петербургского

Благовещенская церковь, 1930–1940.
Арх. М.Б. Тустановский

института гражданских инженеров, воспитанником которого являлся и Тустановский.

Картина православной архитектуры Харбина была бы не полной, если не включить анализ ещё одного сооружения – часовню-памятник Николаю II и сербскому королю Александру I (арх. М.М. Осколков, 1936 г.), архитектура которой была совершенно нетрадиционной для Харбина. Архитектуру часовни на Скорбященском подворье можно отнести к неоклассическому направлению ретроспективизма, преобразованному эстетикой модерна. Как всегда в церковном зодчестве, где преобладают канонически-традиционные формы, сложно чётко стилистически размежевать ретроспективизм и модерн. Год создания – 1936 – говорит сам за себя, к этому времени в русской архитектуре Харбина был накоплен опыт модернизации классических и национальных стилей. Пропорции классического ордера часовни-памятника и его обработка, пропорции и формы арок, окон, оригинальная стилизация купола (под шапку Мономаха), синтез искусств (литьё, барельефы, орнамент, роспись) говорят о современном и смелом произведении, в котором присутствуют обращение и к знаковым европейским классическим формам, и к историческим национальным. Архитектуру часовни-памятника отличает рационализм композиции, чёткость сочленений, геометризм форм. Семантика форм, деталей и декоративного убранства символичны. Четверик часовни перекрыт полусферическим куполом на барабане на парусах и стилизован под регалию русских великих князей и царей – шапку Мономаха. Над аркой портала, также, как и на ограде, изваяние распростёршего крылья двуглавого орла – символа стражи на дальневосточных рубежах. На абаках декоративных полуколонн изваяния в гиперболизированном масштабе императорской и королевской корон – «венцов царственных страдальцев» (худ. – скульптор – В.Ф. Винклер). Подобная театрализация, укрупнённость скульптурных образов характерно для 1930-х гг.

Таким образом, в столь значимой и масштабной сфере русского зодчества за рубежом, как православное храмостроительство – связь с отечественной культурой мыслилась посредством национально-русского стиля, за единичными исключениями (в Харбине как мы видим, один пример такой есть). Ярким художественным явлением русской культуры религиозное искусство (архитектура, культовая живопись, музыка) остаётся в Харбине всю первую треть XX в., как и повсюду в Маньчжурии, где сформировались русские диаспоры. Общий художественный уровень храмового строительства в Харбине был высоким. Это не раз отмечалось как представителями духовенства, так и светскими людьми, прихожанами, туристами, иностранцами. Это подтверждают и исследования. Проанализированные в данном разделе храмы, воплощающие различные ветви национального стиля, отмечены оригинальностью, художественным вкусом и мастерством.

2. Архитектурная жизнь 1920–1940-х годов

2.1. Архитектурно-художественная критика (по страницам журнала «Архитектура и жизнь» за 1921 г.)

В начале 1920-х гг. происходит пополнение Харбина архитектурными кадрами, явное оживление архитектурной жизни, смена акцентов в градостроительстве и благоустройстве города, что неоднократно отмечалось в местных газетах и журналах. Организуется профессиональная общественная организация «Союз инженеров», выставки, проводятся конкурсы, начинает издаваться профессиональный журнал. «Несмотря на переживаемый кризис, строительный сезон в Харбине обещает быть очень оживлённым. И зодческий облик Харбина приобретает ту нарядность, которая стала обычным достоянием крупных населённых центров», – речь идёт о 1921 г.[1] Потом, через 10 лет, В. Сербский пишет: «А спросите, когда интересней жилось, какая полоса жизни кажется сейчас наиболее красочной, яркой, колоритной, наиболее привлекательной, и все скажут – 1920-й. Голодный, оборванный, без надежд, без настоящего, жуткий беженский год на новом месте в изгнании»[2].

Особый интерес для исследования архитектурной жизни Харбина представляет архитектурно-художественный и литературный журнал «Архитектура и жизнь», издававшийся там в 1921–1922 гг. Издательская деятельность в эмиграции в самом начале 1920-х гг., в самые трудные беженские годы, – свидетельство концентрации архитектурно-строительных сил в Харбине и высокого уровня профессиональной культуры архитекторов, свидетельство потребности сопричастности к своему «цеху» и воссоздания отечественных традиций, активной деятельности и насыщенной архитектурной жизни города. Большую роль сыграл тот факт, что в целом среда русского Харбина благоприятствовала эмигрантам из России, она была культурно подготовлена предшествующими двумя десятилетиями русского присутствия в Маньчжурии.

Сегодня об этом уникальном журнале, обнаруженном в библиотеке Харбинского института технологий (бывш. Политехнический институт) в 1996 г.[3] и включённом в научный оборот с 2001 г., специалистам известно довольно хорошо, и не только русским и китайским, но и, например, польским. Он указан в фундаментальном библиографическом труде О.М. Бакич (2002)[4], вошёл в новое энциклопе-

---

[1] Частное строительство // Архитектура и жизнь. 1921. С. 105–106.

[2] Сербский В. Наша история // Шанхайская заря. 1931. 22 апреля. № 1663.

[3] До 1996 г. он единожды упоминался в воспоминания И.И. Серебренникова, т.к. он сам работал в «Восточном просвещении». См.: И.И. Серебренников. Мои воспоминания. Т. II. В эмиграции. Тяньцзин, 1940.

[4] Harbin Russian imprints: Bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography / Olga Bakich. New York; Paris, 2002. C. 427.

дическое издание В.Б. Кудрявцева «Периодические и непериодические коллективные издания Русского зарубежья, 1918–1941 (2012)[1]. Установлено, что в течение 1921–1922 гг. было издано 16 номеров[2]. Однако до сих пор мы не имеем полного комплекта журнала. Частично он хранится в библиотеке ХИТ, частично, как выяснилось, в Славянской библиотеке национальной библиотеки Чешской республики в Праге. Последнее место хранения объяснимо. В 1939 г. в Прагу из Харбина было выслано несколько номеров журнала за 1922 г.[3]

Обложка журнала «Архитектура и жизнь». Харбин, 1921, январь.

«Архитектура и жизнь» стал первым профессиональным журналом русских архитекторов за рубежом[4]. Редакция находилась в Харбине, основателем, редактором-издателем был гражданский инженер Н.В. Никифоров[5], печатался журнал издательством «Восточное обозрение» при Российской Духовной миссии в Пекине ежемесячно. Авторами журнала, кроме самого Н.В. Никифорова, больше всех писавшего для своего детища, были инженеры-строители П.Ф. Козловский, Л.И. Корганов, А. Зельницкий, В.Г. Максименко, а также литераторы Л. Никитин (псевдоним Л.А. Никифоровой, жены

[1] Кудрявцев В.Б. Периодические и непериодические коллективные издания Русского зарубежья, 1918–1941: в 2 ч. М., 2011. Ч. I.

[2] Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г. Харбине на русском и др. европейских языках по 1-е января 1927 года // Труды общества изучения Маньчжурского края. Библиография Маньчжурии. Вып.1. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. С. 22.

[3] ГАРФ. Ф. 6784. Оп. 1. Д. 10. Л. 212.

[4] Журнал «Русский зодчий за рубежом» появился через 17 лет, в Праге (1938–1941). См.: http://www.artrz.ru/menu/1804656778/1805011148.html.

[5] Никифоров Николай Васильевич (1881, Ярославль – после 1944) – гражданский инженер, выпускник археологического института (1905), института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге (1912). Работал в Забайкалье на должности архитектора строительного отделения забайкальского областного правления, проектировал, преподавал в Читинской духовной семинарии, женском епархиальном училище и Читинском техникуме. Написал диссертацию «Философия архитектуры». Издал курс черчения для высшего начального училища, а также общедоступную историю русского искусства. В эмиграции, где оказался в 1920 г. тоже проектировал, преподавал в Алексеевском реальном училище (читал архитектурную археологию), возглавлял маньчжурско-русскую строительную контору при БРЭМ. См. подробнее: http://www.artrz.ru/menu/1804649223/1804870567.html.

издателя), Е. Максименко (обзоры художественных выставок), В. Казанцев, Мих. Васильев (литературно-поэтические обзоры); Скальд (театральные обзоры); под анонимными именами («Зодчий», «Старый библиофил», «Зритель»), вероятно, скрывался всё тот же Н.В. Никифоров; некоторые инициалы остались не расшифрованными.

«Архитектура и жизнь» отличается высоким полиграфическим качеством. На мягких обложках в линейной графике изображены классические архитектурные детали (колонны, кариатиды, маскароны, обломы и т.п.) или герои греческой мифологии, или фотоизображения популярных харбинских артистов. Журнал выделяется среди других изданий, заявляя принадлежность к миру искусства с прочитываемой ориентацией на классическое искусство.

По выходу «Архитектура и жизнь» сразу же привлёк к себе внимание. Востоковед и поэт Е. Яшнов опубликовал рецензию в «Русском обозрении» на первые два номера. Он отмечает, что новый журнал позволяет вновь проникнуться «атмосферой мирного художественного труда», «а это так порой необходимо для истрёпанных беженских нервов». Одновременно редакция «Архитектуры и жизни» подвергалаcт критике за «узкоместный – харбинский характер». В харбинской газете «Заря» отмечалось, что «журнал составлен довольно удачно». А составлен он был с опорой на аналогичные профессиональные журналы, выходившие в дореволюционной России – такие, как «Зодчий» (1872–1917), «Городское дело» (1909–1917), и особенно – «Архитектурно-художественный еженедельник» (1914–1917); однако, содержание харбинского издания выходило за рамки исключительно профессиональных интересов. В нём «задокументрирована» не только архитектурная жизнь Харбина, но и в определённой степени – литературно-художественная и театрально-музыкальная. Но мы остановимся только на архитектурном содержании.

Даже простой перечень архитектурных рубрик даёт представление о широте и многообразии охватываемых тем, волновавших профессиональное сообщество: «Харбинское строительство», «Строительная хроника», «Частное строительство», «Заграничная хроника», «В Союзе инженеров», «Панорамы жизни» (обзоры художественных выставок, о творческих союзах Харбина), «Библиография», «Список зодчих г. Харбина», «Справочные цены на рабочую силу, строительные материалы», «Ведомости построек» и даже «Афоризмы» (архитектурные!). При сравнении со структурой петербургского «Архитектурно-художественного еженедельника» становится очевидным сходство по рубрикациям и их последовательности (технический доклад, хроника, библиография, конкурсы, заявления о постройках, иллюстрации).

Интерес представляет и сухая строительная хроника, и списки практикующих архитекторов в Харбине, и информация о проводимых конкурсах, и заметки о творчестве местных архитекторов, и размышления об облике Харбина, об архитектуре дальневосточной России, о том, какая должна быть русская

архитектура за рубежом. На страницах журнала порой освещались архитектурные события и русского Дальнего Востока. Харбинские архитекторы были в курсе проходящих в России конкурсов. Например, в первом же номере дана информация об объявленном профессиональными союзами Владивостока конкурсе на «Рабочий дворец». При этом указывается владивостокский адрес, где можно получить конкурсные условия. Получается, что «Архитектура и жизнь» был доступен зодчим и на российском Дальнем Востоке.

Обложка журнала «Архитектура и жизнь». Харбин, 1921, февраль.

Публицистическая статья Н.В. Никифорова «Социальное значение архитектуры», опубликованная в первом номере «Архитектуры и жизни» и уже тем самым претендующая на роль заглавной, обозначающей позиции редактора, направленность и характер издания, посвящена роли архитектуры в формировании социальных настроений в обществе[1]. С одной стороны, в золотой век Елизаветы и Екатерины II красота архитектуры открывала новые горизонты и грани жизни. С другой – красота способствовала сословно-классовому антагонизму в обществе: «благородный облик классического здания с колоннами… мог натолкнуть на мысль о какой-то вопиющей несправедливости в построении жизненного уклада. Сила контраста могла заставить ещё сильнее почувствовать безотрадность обстановки, среди которой жили и умирали миллионы людей… и потому незаметно день за днём, год за годом, поэтическая красота архитектурных произведений могла способствовать отложению в народной душе грозно мстительных настроений… Вечно тлеющее пламя социальной ненависти потихоньку раздувалось раздражающей красотой архитектурных произведений, находящихся всегда на глазах толпы, не укрытых никакими завесами». И поэтому неудивительно неистовство погромного движения революции 1917 г. «С точки зрения обездоленных красота является преступлением. И за это преступление они карали кого могли и как умели». Мысли архитектора переходят в философскую плоскость, и это уже размышления не столько об архитектуре, сколько о вечном. Может быть, в статье нашли отражения какие-то ранее обдуманные положения из его диссертации «Философия архитектуры».

---

[1] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 10–13.

Н.В. Никифоров считает, что в таких странах, как Голландия, Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, и подобных им, где жизнь идёт «средней тропой», держится «в границах умеренности», можно надеяться на долгий и прочный мир. «И пожар социальной бури никогда не вспыхнет там с такой яростью, как в России – в этой стране чудовищных контрастов и неограниченных возможностей… Русское общество слишком долго и безоглядно упивалось ароматом пышно взлелеянной культуры и не помышляло о той "мёртвой зыби" ненависти, которая колыхалась в низинах жизни… Великий урок, данный российской революцией всему миру, заключается в завете умерения роскоши, в постепенном заравнивании той пропасти, которая всегда зияла между нищетой народа и красиво обставленной роскошью высших классов». Н.В. Никифоров перефразирует известное изречение «счастливы те народы, у которых летописи скучны» на «счастливы те народы, у которых нет искусства!». «…Можно, пожалуй, сказать, что искусство по своей сущности, по своим заданиям – антисоциально… Но несомненно, что рано или поздно сытое, осчастливленное полным "равенством" человечество будет столь же страстно тосковать об утраченной красоте, насколько теперь народные массы ненавидят и преследуют эту красоту». Искусство всегда опиралось и будет опираться на «неутолимую потребность красоты», которая заложена в человеке. «Эта потребность и пробудит его к борьбе за бытие искусства. В катастрофичности социальных потрясений архитектура, которая наиболее способствовала нарастанию социального гнева, обладает большей жизненностью, большей долговечностью своих творений»[1].

Созидательность, положительный психологический настрой, характерные для деятельной натуры Никифорова, дают ему нравственную опору в новой жизни, надежду на грядущую «эпоху примирения и творчества» после страданий, «когда в новом оздоровленном строе архитектурная красота быть может станет достоянием народа [выделено Н.В.] и потому – очистится от всплесков ненависти».

Придание непомерно огромной роли архитектуры в произошедших катаклизмах в России говорит о Н.В. Никифорове как романтике и идеалисте, а также человеке, глубоко преданном своей профессии, не мыслящем себя вне её, наивно верящем в социальное преобразование мира посредством этичной архитектуры.

Другая проблемная статья под заглавием «Архитектура и нравственность» перекликается по содержанию с публикацией Никифорова[2]. Её автор (предположительно, архитектор А.Г. Шеинг) считает, что «владельцы домов, при постройке их, меньше всего думают о моральном воздействии архитектуры на нравственность и характер их обитателей…», в то время как человек,

[1] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 18.

[2] Указ. соч. № 6–7. С. 207–209.

на каком бы уровне социального развития он ни стоял, «всегда имеет возможность осветить свою деятельность отблесками эстетических откровений». По его мнению, архитектура может развивать в человеке инстинктивную тягу к красоте, поэтому нужно «выдвигать и подчеркивать воспитывающую миссию архитектуры», рассматривать её как источник познания прекрасного. Архитектура же изучается преимущественно со стороны технической и в меньшей – с исторической. Автор с сожалением заключает, что в условиях разрухи на родине, адаптации эмигрантов к новой жизни, когда остро стоит вопрос элементарного выживания, не время заниматься отвлечёнными вопросами, и потому «утверждение эстетической миссии архитектуры – дело будущего, того отдалённого будущего, когда потрясённый мир успокоится и тоскующей, наболевшей душой страстно возжаждет прекрасного, тогда быть может человечество переживёт эпоху второго Ренессанса!..» В таком ключе рассуждают и другие авторы журнала, что позволяет прочувствовать духовный климат в обществе эмигрантов.

Обложка журнала «Архитектура и жизнь». Харбин, 1921, март–апрель.

Две другие статьи, «Владивостокское строительство» и «Русский стиль», сознательно размещённые рядом, дополняют друг друга[1]. Автор первой, «Зодчий» (по-видимому, тот же Н.В. Никифоров), здание железнодорожного вокзала во Владивостоке в неорусском стиле представляет «прекрасным и долговечным памятником эпохи русского владычества на Дальнем Востоке». При этом сетует на полное отсутствие в Харбине построек в национальном-романтическом стиле и призывает харбинских архитекторов обратиться к древнерусскому наследию как богатому источнику творческого вдохновения: «Теперь, когда всё русское загнано, унижено, мысль невольно тянется к погубленной культуре России, к облику её художественной красоты». «Зодчий» не объективен, считая, что в Харбине нет «ни одного» сооружения в русском стиле. Они были, но не так много, и поэтому не составляли ощутимого направления в архитектурном облике русского Харбина (учебное закрытое заведение «Русский

[1] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 203–207.

дом», русская почтовая контора, Розовая школа, школа Оксаковской, соборный дом для священнослужителей Свято-Николаевского собора и др.).

Образное выражение взаимосвязи с отечественной культурой происходило в иных, опосредованных формах, что подтверждают предшествующие исследования автора: в архитектуре Харбина преобладал модерн (в том числе национально-романтический), эклектика, неоклассицизм и другие исторические стили, но не «русский стиль» как таковой.

Н.В. Никифоров в статье «Русский стиль» констатирует, что только в последнее десятилетие (1910–1920), когда глубоко осмыслены основополагающие черты «русского Ренессанса», русским зодчим, как и всему российскому обществу, стала особенно близка и понятна красота древнерусских храмов, их уникальность в мире. Он полагает, что ключом к подлинному освоению древнего русского стиля является его творческая интерпретация в духе нового исторического времени. Древнерусское зодчество имеет такие яркие и характерные особенности, которых не были ни в одной древней архитектуре, и потому адаптация древнерусского зодчества к современным требованиям является одной из сложнейших художественных задач. «Ясно, что зодчий, желающий сохранить колоритность стиля… должен выработать нечто вроде компромиссного стиля, в котором бы тезисы древности примирились бы с заданиями современности… Думается, что если бы естественное течение древнерусского искусства не было насильственно прервано бунтарствующим реформаторством Петра I, то создания современности были бы близки некоторым наиболее продуманным зданиям модернизированного стиля». В подобных умозаключениях автор не одинок. Мысли о возможности развития русской архитектуры в национально-идентичных формах в XX в. высказывали и другие архитекторы, волею судеб ставшие эмигрантами. Они, в силу понятных обстоятельств, оказались более способны, чем их коллеги в это же время в советской России, взглянуть на национально-русскую архитектуру со стороны, на расстоянии, и увидеть в ней то, что, подобно древнерусской иконе, составляет уникальное достояние русской культуры. Они могли открыто обсуждать и развивать эти идеи, публично призывать к осмыслению этой проблемы, обращаться к древнерусской традиции, по крайней мере, при проектировании православных храмов. Русский архитектор-эмигрант Н.И. Исцеленнов в своих многочисленных статьях 1950-х годов в парижском «Возрождении» писал о взлёте православной архитектуры России в начале XX в., обусловленном возвратом художественного сознания к древнерусским традициям.

Оценка состояния русской архитектуры в России в её национально-романтическом проявлении накануне революции 1917 г. – как подъёма, взлёта, возрождения – справедлива и сейчас.

Размышления Н.В. Никифорова о русской архитектуре в Китае идут ещё в одной плоскости, он видит за русским стилем особую миссию: «Здесь, на Дальнем Востоке, воспроизведение русского стиля следует особенно привет-

ствовать, так как оно знакомит Азию с обликом русской культуры». В этом аспекте его мнение вписывалось в контекст официально-народной идеологии России второй половины XIX – начала XX веков в деле культурного освоения Дальнего Востока, православно-просветительской миссии России в Азии. Однако – это рассуждения философско-теоретического плана. Судя же по практической деятельности архитекторов Харбина, в Китае (и не только в Китае), можно сделать следующий вывод. В массовом профессиональном сознании русских архитекторов за рубежом, по-видимому, отсутствовала осознанная (или интуитивная) установка на проектирование в русском стиле, за исключением сферы православного зодчества. Для творческой русской эмиграции было свойственно осмыслять свою деятельность во взаимосвязи с русской культурой, и архитекторы – не исключение. Однако в отношении архитектуры с полным правом можно сказать то же самое, что и в отношении изобразительного искусства: оно «в силу своей специфики в большей мере вненационально, чем литература, философия или религия, оно меньше нуждается в национальной среде как опоре для развития»[1]. Строительный рынок, вкусы заказчиков и структура заказов, индустриально-технические возможности страны проживания, возможность получить лицензию на самостоятельный архитектурный труд значат для успешной деятельности архитектора больше, чем принадлежность к национальной архитектурной традиции.

Обложка журнала «Архитектура и жизнь». Харбин, 1921, июнь–июль.

Как и везде в русском зарубежье, архитектура православных храмов Харбина мыслилась только в традиционно-русских формах. «Архитектура и жизнь» предоставляет редчайшую возможность ознакомиться с материалами одного архитектурного конкурса – проекта православной церкви в Корпусном городке[2]. В архитектурной историографии русского Китая такие материалы встречаются впервые.

Комментарии 11 представленных проектных решений 7 авторов сопровождаются чертежами (планами, фасадами в цвете) трёх премированных проектов:

[1] Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь. СПб., 2000. С. 11.

[2] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 103–105.

техника И.М. Машкова (1 премия), гражданского инженера П.С. Свиридова (2 премия) и архитектора Б.И. Петрова (3 премия). Председатель жюри – Ю.П. Жданов, среди членов – маститые харбинские зодчие Вельс, Венсан, Нестеров.

Проект-победитель – в традиционно-русском стиле, и в новизне архитектурно-художественного решения явно проигрывает проектам, занявшим второе и третье места. Соответствие условиям конкурса, функциональная продуманность, несложность конструктивного решения и отделки фасадов, удобство в исполнении – вот, собственно, что определило призовую судьбу проекта Машкова. Девиз проекта П.С. Свиридова – «Древнерусское – псковско-новгородское» как нельзя лучше соответствует образному решению храма. Автор свободно оперирует формами и приёмами древнерусского зодчества, создавая своё произведение по законам формообразования неорусского стиля, в духе современных разработок национально-романтической темы в архитектуре. То же самое относится и к проекту архитектора Б.И. Петрова. Собственно, «новаторскими» в художественном отношении их можно назвать условно. Неорусский стиль с 1890-х развивался в православном зодчестве России, но в 1917 г. был отринут в связи с новыми художественными приоритетами советской России. Ни один из премированных проектов реализован не был.

«Interieur» – назвал свою публикацию один из самых активных авторов «Архитектуры и жизни» Л. Никитин[1]. Но посвящена она отнюдь не только искусству интерьера. С одной стороны, автор объективно оценивает неотвратимость идей рационализма в современной архитектуре XX в. – «пронёсшейся бурей разбит и разрушен возникший было культ интерьера». С другой – считает, что всё-таки архитекторы обязаны стремиться к созданию «внутренней уютности, избегая шаблона, скучной, неудобной планировки, <…> предоставить даже людям среднего достатка возможность придать своему жилищу отпечаток изящества и своеобразия». Содержательные и эстетические ценности модерна оказываются по-прежнему притягательными. Никитин объясняет происходящее художественное обеднение жилья, утрату индивидуальности, интимности интерьера социально-исторической подоплёкой, напрямую связывая эти процессы с «насильственно-резко» утверждаемой демократизацией общества. В то же время надеется, что «новый строй (в советской России – *С.Л.*) <…> не будет заставлять граждан жить в коммунистических фаланстерах». Профессиональную тематику Л. Никитин разворачивает к самым насущным, животрепещущим вопросам жизни в эмиграции: «После волны разрушения должна подняться мощная волна созидания… Все скитальцы и изгнанники когда-нибудь вернутся к разрушенным "очагам", будут вновь восстанавливать их… Близок ли этот день – никто не может сказать. Но когда он настанет, то с какой радостью можно думать о том, что Россия станет для всех уютно-радостным "интерьером" и что этот день даст забвение печали изгнания и… радость обретения Родины».

[1] Архитектура и жизнь. 1921. № 1. С. 21–24.

Как в этой работе Л. Никитина, на первый взгляд, посвящённой конкретному предмету проектирования – интерьеру, так и в статьях других авторов журнала архитектурно-профессиональные проблемы переплетаются с проблемами Бытия человека.

Авторы статей в «Архитектуре и жизни» сетуют на «ординарность строительства в Харбине, когда художнику трудно проявить себя, трудно найти применение богатого запаса своих творческих возможностей», сетуют на моральную и материальную недооценку своего творческого труда. Тем не менее, сегодня в ретроспективе мы видим, что русские зодчие Харбина при всей сложности жизни в условиях эмиграции (адаптация в азиатской среде, ограничение права на труд с конца 1920-х гг., скудость средств и др. причины), всё-таки смогли реализовать себя в творческо-проектной работе, более того, пытались подняться на уровень осмысления собственной деятельности и социальной роли архитектуры в обществе, что трудно переоценить в аспекте формирования культурного ландшафта русского Харбина.

2.2. Общественно-профессиональная жизнь в 1920–1949-е годы

Подобно другим специалистам, архитекторы, гражданские и военные инженеры, инженеры-строители, техники, инженеры других профилей для того, чтобы выжить, повсюду в эмиграции объединялись в различные общества и союзы, группы и корпорации, федерации и синдикаты. Их статус были сравнительно высоким. Архитектурно-инженерные общества русского зарубежья, так же как в своё время в России, обладали хорошей репутацией и оказывали влияние на общественное мнение. Для создания подобных обществ нужны условия – наличие подготовленных кадров, определённая степень развития науки, осознание идеи целесообразности существования. Такие условия в Харбине имелись.

В разные годы в Китае существовали Союз инженеров полосы отчуждения КВЖД, Общество русских инженеров в Маньчжурии (ОРИМ), Союз российских инженеров в Маньчжурии; высший технический центр в Шанхае, содружество русских работников искусства Шанхая «Понедельник». Были ли такие организации в доэмигрантский период – не установлено. В первую очередь, профессионально-общественная организация была создана в Харбине – осенью 1920 г. Это «Союз инженеров», объединивший инженеров всех специальностей полосы отчуждения, и в таком виде просуществовал до начала 1930-х гг. Для сравнения укажем на дату основания подобного общества русских инженеров и техников в Чехословацкой республике – май 1921 г., оно просуществовало по 1944 г. Своего печатного органа харбинский Союз инженеров не имел, и о его деятельности мы имеем представление, во-первых, из «Архитектуры и жизни» и других местных периодических изданий, во-вторых, по аналогии с

европейскими организациями, которые имели свой печатный орган и подробно освещали свою деятельность.

Создаваемые за рубежом профессиональные сообщества были наподобие тех, что существовали в России (общество гражданских инженеров, Общество архитекторов-художников, Московское архитектурное общество – всего 10 архитектурных обществ), в определённой степени наследовали их цели и формы работы, плюс к этому помогали с трудоустройством, оказывали материальную и правовую помощь, что было одним из самых важных аспектов деятельности подобных союзов. В 1910-е гг. в России главной задачей обществ была социальная – изменение социальных условий жизни людей путем улучшения среды их обитания, в то время как на предшествующем этапе, в 1900-е, главной задачей была кадровая – обеспечение работой своих сочленов[1]. Для русского зарубежья характерно объединение этих задач, и, вероятно, кадровая была очень острой и снова выдвинулась на первое место. Такие профессиональные союзы были единственным социальным институтом кадровой и правовой поддержки архитекторов-эмигрантов. Так, при харбинском Союзе инженеров, который в 1921 г. насчитывал свыше 100 человек, было открыто Бюро труда. Другой важной задачей Союз считал подготовку кадров; были организованы двухгодичные «Маньчжурские технические курсы».

Количество членов Союза быстро росло, и на 1927 г. их было уже 583 человека – по сравнению с подобными организациями в Европе, он был очень крупным[2]. Возможно, из-за того, что кроме архитекторов и гражданских инженеров, Союз включал инженеров многих специальностей. Впрочем, и для многих европейских обществ это было характерно. Этот факт лишний раз подчёркивает, сколь мощный слой профессионального общества представляли архитектурно-инженерные кадры Маньчжурии.

Члены харбинского Союза инженеров еженедельно собирались на «чашку чая», делали доклады на актуальные профессиональные темы. «Члены союза, собирающиеся на очередную "чашку чая" по понедельникам, ставят дело объединения инженеров на живую плоскость общения и обмена мыслей. Доклады касаются вопросов техники всех специальностей и читаются в такой непринуждённой обстановке, что имеют характер дружеской импровизированной беседы, посвящённой специальным вопросам», – писала «Архитектура и жизнь»[3].

В 1932 г. было учреждено Общество русских инженеров Маньчжурии, предполагалось, что его членами станут специалисты, получившие образование в дореволюционной России, потом эти условия несколько смягчились, тем не менее,

---

[1] Комарова И.И. Роль научных обществ России в развитии архитектурной науки и охраны памятников. М., 2010. С. 243–244.

[2] Крадин Н.П. Профессионально-творческие организации российских инженеров-эмигрантов в Китае // Архитектурное наследие Русского зарубежья. СПб., 2008. С. 116–117.

[3] В Союзе инженеров // Архитектура и жизнь. 1921. № 5. С. 158.

основной состав организации до конца своего существования составили, как они сами себя называли, «старые русские инженеры». Направленность Общества была по сути такой же, как и у всех подобных сообществ: трудоустройство, правовая поддержка, научно-техническая, повышение квалификации, просветительская, передача традиций инженерной мысли молодёжи.

Из 22 корпоративных союзов БРЭМ, состоявших на учёте в 1942 г., был и Союз российских инженеров Маньчжурии (основан в 1936 г.), Союз выполнял роль посредника между официальной властью и отдельными предприятиями, заказчиками, занимался регулированием цен, оплаты труда и т.п.[1]

Объединение окончивших Харбинский Политехнический институт, одним из инициаторов которого был выпускник этого института Н.П. Калугин, продолжает жить по сегодняшний день, имея свои ответвления в разных странах. С 1969 г. оно выпускает в Австралии уникальный журнал «Политехник».

Профессиональные организации русских архитекторов и инженеров Харбина «способствовали не только общению друг с другом, повышению квалификации, но и преследовали цели единения, поддержки и развития русской культуры, национального самосознания»[2].

Из целого ряда газет русского зарубежья 1934 г. («Русское слово», «Новое русское слово», «Свет», «Заря») известно, что в том году в Харбине было учреждено Общество «Икона», по целям и задачам такое же, как Общество «Икона» в Париже, созданное в 1927 г. «Очень одобряю возникшее здесь (в Харбине – *С. Л.*). Общество "Икона", которое может распространить в народ высокие образцы нашего исконного иконописания…», – говорил Н.К. Рерих в беседе о своей научно-исследовательской экспедиции в Баргу[3]. Сведения о деятельности этого общества пока не обнаружены.

В Харбине существовало представительство известного в Европе пражского Русского культурно-исторического музея (РКИМ), основанного в 1933 г. по инициативе писателя и литературоведа В.Ф. Булгакова. Целью создания было собирание, хранение и экспонирование материалов и экспонатов, которые представляют историю, творчество и быт русской эмиграции XX в., а также культуру всей России. Среди различных отделений было и Архитектурное[4]. Представителем РКИМ в Китае стал библиограф М.С. Тюнин, возглавляющий отдел местной печати в Обществе изучения Маньчжурского края с 1924 г. В архиве РКИМ имеется письмо из Харбина М.С. Тюнина; он писал в 1939 г.: «Здесь,

---

[1] Левошко С.С. Правовые аспекты деятельности русских зодчих за рубежом в 1920–1940-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е гг. СПб., 2006. С. 129–130.

[2] Крадин Н.П. Указ. соч. С. 129.

[3] Задача человечества – вернуть к жизни пустыню // Воскресенье. 1934. № 244. С. 13; Н.К. Рерих о поездке в баргу // Свет. 1934. 18 октября.

[4] Левошко С.С. К истории архитектурного отделения Русского культурно-исторического музея в Праге (1936–1944) // Межд. научно-практ. конференция «Рериховское наследие». Том VIII: Н.К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. СПб., 2011. С. 224–234.

в Харбине более десяти лет имеет своего представителя Русский заграничный исторический архив, который проявляет, особенно в последнее время, большую энергию по сбору разных материалов для архива. Но, несмотря на всё это, я надеюсь всё-таки кое-что собрать и для РКИМ»[1]. Так, в письме от 12 февраля 1939 г. М.С. Тюнин сообщает, что раздобыл 4 номера журнала «Архитектура и жизнь» за 1922 г. и выслал эти журналы в Прагу. Сведений о том, посылали ли харбинские архитекторы свои работы на постоянную архитектурную экспозицию РКИМ, не обнаружено.

Общество изучения старинного русского искусства при Харбинском управлении железных дорог было основано в 1938 г., оно ставило себе целью привлечение внимания харбинцев к национальному, а затем и классическому искусству[2]. Однако, по имеющимся современным исследованиям, это крупное любительское объединение пропагандировало русское оперно-музыкальное искусство. Весь ли это спектр деятельности? Оставим этот вопрос открытым.

[1] ГАРФ. Ф. Р-6784.Оп. 1. Д. 10. Л. 180.

[2] Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 169.

3. Архитектурный дискурс русского Харбина в зеркале зарубежной архитектурной историографии

Характеризуя деятельность России в Китае в первой половине XX в., отечественные и зарубежные исследователи 1990-х гг. выделяют культурные взаимоотношения двух стран и подчёркивают то, что через русских произошло знакомство китайцев с достижениями европейской культуры и науки, и, наоборот, введение Китая в мировое культурное сообщество.

По мнению китайских историков, архитектура была и остаётся одним из самых значительных вкладов России в китайскую культуру[1]. В «Общем обзоре архитектуры» в показательной для 1980-х гг. книге «Панорама Харбина» констатируется: «После 1898 года… царская Россия и другие империалистические державы вывозили огромные богатства, награбленные в Северо-восточном Китае, но, вместе с тем, привнесли в Харбин европейскую культуру, особенно архитектуру»[2].

В культурном ландшафте Харбина составляющие «русского происхождения», конечно же, всегда были осознаны специалистами, частью были заметными для российских туристов. Но публичная общественная, научно-историческая оценка этого явления отсутствовала, сознательно замалчивалась, а если имела место, то исключительно с негативной интенцией. Объясняется это политическими и идеологическими причинами, общественно-профессиональное сознание не имело реальной возможности проявить себя.

Пожалуй, исключение составляет исследование известного китайского историка архитектуры Чжан Хуайшэна «Архитектура Харбина», изданное в 1989 г.[3]

Он одним из первых и авторитетных исследователей русской архитектуры в Харбине, называя Харбин и Дальний главными центрами распространения западной культуры в Азии в первой трети XX в., указывал, в первую очередь, на архитектуру и градостроительство[4].

В то же время в современной зарубежной историографии (японской, ки-

---

[1] Panorama of Harbin. Under edit Zou Deli. Harbin, 1985; Лю Сунфу. Распространение западной архитектуры в китайском пограничье: к характеристике и историческому значению архитектуры Ар Нуво Харбина // The Journal of the Architecture Association. 1996. № 11. С. 36. (на кит. яз.); Liu Song-fu. Harbin – the city of Chinese Orient Moscow – Characteristic and Historic status of Harbin Russian-styles buildings // Anthology of 1998 international conference of modern history of Chines Architecture (1986–1988–1990–1992–1996–1998). Beijing, 1999. PP. 100–105 (на англ. яз.); Liu Song-fu. Указ. изд., 2003.

[2] General survey of architecture // Panorama of Harbin. Under edit Zou Deli. Harbin, 1985. P. 84.

[3] Чжан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1989. 298 с.

[4] Чжан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Указ. изд.; Он же. Новая эпоха архитектуры городов Китая. Харбин, 1993.

тайской, американской) проводится мысль о том, что Россия в начале XX в. являлась неким передаточным звеном в диаде «Запад–Восток»[1]. Россия сначала «копировала» европейские архитектурные стили, а потом – адаптировала «подражательные проекты» («копии копий реальности») в Азии, выдавая подражание за «своё».

Американская исследовательница Юкико Кога (Ukiko Koga, японка по происхождению) пишет: «...Харбин как архитектурное пространство воплощает модерн посредством подражательных проектов царской России, императорской Японии…». Харбин 1920–1930-х гг. – это культурная модель «Запада» в Азии, и уточняет, «имитация оригинала – развитого европейского города»[2]. Понятно, что автор имеет в виду культурный стиль жизнедеятельности в целом. Но верно и то, что логика суждений распространяется и на архитектурный дискурс Харбина. Япония, как утверждает Юкико Кога, также рассматривала в своё время Харбин как символ «Запада» и «модерна», и как бы в ответ «построила Дайрен… в расчёте на соперничество с построенным русским Харбином»[3].

Чжан Хуайшэн в своём фундаментальном труде «Архитектура Харбина» (1989) на примере Харбина представил свою научную позицию. Она весьма показательна и заслуживает отдельного внимания, так как отражает в случае с архитектурой общепринятую до последнего времени в китайском обществе точку зрения на русскую культуру в целом. В монографии анализируется формирование архитектурного облика Харбина в результате напластования различных «европейских стилей» и «восточной архитектуры». Каждая глава – это перечень зданий, отнесённых к тому или иному европейскому стилю с краткой аннотацией в интерпретации автора, и одна глава посвящена садово-парковой скульптуре и памятникам национального архитектурного наследия. Главы так и называются: «Архитектура барокко», «Стиль романтизма», «Направление классицизма», «Эклектизм» и т.д. По Чжан Хуайшэну, самые разнообразные

---

[1] Чжан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1989. С. 43; Цзи Фенхуэй. Истоки Харбина. Харбин, 1996; Нишизава Ясухико. «Мансю» Тоси Моногатари: Харубин, Дайрен, Шиняо, Чошун. (Рассказ о «Маньчжурских» городах: Харбин, Далянь, Шэньян, Чанчунь). Токио, 1996 (переиздание 1998). 128 с. (на яп. яз.); James Carter. Peeling onion domes: attempts to sinify harbin's physical and cultural landscape, 1917–1928 // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы международной конференции. Хабаровск. 1998. С. 90–92 (на англ. яз.). Он же. Исторические связи России и Китая: доклад // Международная конференция «Дальневосточный меридиан русской культуры. Исторический опыт освоения Дальнего Востока». Благовещенск–Харбин, 10–17 мая, 2000. Yukiko Koga. Appearances of the past: Visual preservation and presentation in Harbin // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 313 (на англ.яз); Old Photos of Harbin. China Famous City Centenary. People's fine arts publishing house. Beijing, 2000. 131 p. (на англ., кит. яз.). Soren Clausen; Stig Thogersen. The Making of a Chinese City: History and Historiography in Harbin. New York, 1995 (на англ. яз.).

[2] Yukiko Koga. Appearances of the past: Visual preservation and presentation in Harbin. Указ. изд. С. 313, 308.

[3] Там же.

«западные» и «восточные» направления архитектуры интегрируются и рождают «фантастическое многообразие» архитектурного облика Харбина, в результате чего и появляется «редкий», «невиданный во всём мире город». «В один исторический срок барокко, классический ренессанс, романтизм, эклектизм, "движения новых искусств", современные здания, китайская классика, исламистские здания, восточная и западная архитектура, всевозможные и разнородные направления… сформировали историческую картину большой встречи, на которой все вместе выступали на одной сцене»[1].

Все научно-популярные издания по Харбину (почтовые открытки, путеводители, карты, альбомы, буклеты и пр.) строятся по такому же принципу, что и структура рассматриваемой монографии, и отражают определённую научно-культурную концепцию. Она игнорирует доминантную роль и значение именно русской архитектуры в становлении и развитии города, и, в тоже время, акцентирует наднациональный характер культурного пространства и архитектурного ландшафта Харбина, его космополитичность, независимость от какой-либо одной определённой архитектурной культуры[2]. Метод «препарирования» застройки Харбина «по стилям» камуфлирует истинную принадлежность его архитектуры к русской культуре, хотя, на первый взгляд, создаётся впечатление попытки объективного подхода к выявлению стилевых первоисточников. Определяя, к какой стилевой группе, по мнению автора, относится здание, делая формализованный композиционно-художественный анализ, не говорится о существенном – в рамках какой культуры наследовалась эта стилевая общеевропейская традиция.

По мнению Чжан Хуайшэна, русская архитектура, как занимающая второстепенные позиции в европейской культуре конца XIX – начала XX вв., транслирует, в первую очередь, архитектуру Франции. Он полагает, что все российские архитекторы-эмигранты, безусловно, находились под глубоким влиянием французской архитектурной культуры. И, разрабатывая «французские стили», они таким способом отмежёвывались от собственной – «второстепенной» в общеевропейском смысле – культуры, при этом не заслуженно гордясь «русскими реальными силами». Особенно это положение педалируется, когда речь заходит о таких стилевых направлениях как «движение новых искусств» (то есть модерн), «французский ренессанс», «французское барок-

---

[1] Чжан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Указ. изд. С. 42.

[2] В свете одного из приоритетных научно-исследовательских направлений в харбинской исторической науке начала 2000-х (касающегося еврейской составляющей Харбина и вычленении результатов их деятельности) пытались выявить сооружения в «еврейском» стиле, а также построенные еврейскими архитекторами. Но если говорить об архитектуре «русского Харбина» вне коньюнктуры, то она оставалась «русской» по своему генезису, вне зависимости от этнической принадлежности специалистов, еврейских ли, польских ли – все они были выходцами из России, и полученное там архитектурное образование определённо их сформировало как «русских архитекторов». См.: Левошко С.С. Творчество архитектора Ю.И Левитина // Игуд Иоцей Син. 2005. Июль, № 384. С. 59.

ко». По сути, в этой концепции, безусловно, есть зерно объективности: существует естественный всеобъемлющий процесс разного рода архитектурных взаимовлияний, вектора которых постоянно меняются, особенно в странах, находящихся в географической близости и живущих во многом общими культурными идеями. Другое дело, что извне пришедшие архитектурные идеи воспринимаются и оригинально развиваются на «чужой» национальной почве лишь в случае собственной зрелости архитектуры и готовности к восприятию. Для Чжан Хуайшэна идентичной «русской архитектурой» является исключительно деревянное народное зодчество, которое он определяет как «русский хуторский стиль».

Итак, образ «Харбин – Восточный Париж» создают здания в европейских архитектурных стилях, которые более или менее успешно транслирует Россия из Европы, Франции по преимуществу[1]. Образ «Харбин – Восточная Москва» создают здания в национально-русском стиле, особенно православные храмы.

Широко распространённое сравнение Харбина с Парижем требует некоторых комментариев. По замечанию Е.П. Таскиной, оно носило скорее ироничный тон, и было связано больше с активной музыкально-театральной жизнью Харбина, нежели с архитектурой. По её мнению, это сравнение, закреплённое частым употреблением, получило неверную интерпретацию[2].

Таким образом, в современной зарубежной историографии общеевропейские стилевые течения в архитектуре Харбина не идентифицируются с национальной архитектурной школой России, не считаются аутентичным явлением русской культуры. В 1943 г. русским корреспондентом газеты «Время» Харбин характеризовался как редкий многонациональный конгломерат, – и в этом смысле он занимал второе место после Шанхая, – а с позиции архитектурного многообразия как «самый интересный город во всём Китае»[3]. При этом он не переставал быть «русским городом» как по культурной сути, так и по архитектурно-градостроительной с момента основания и, по крайней мере, по 1930-е гг. В чём, собственно, ему и отказывают зарубежные исследователи 1980-х гг. Как считает американский исследователь Джеймс Картер (James Carter), в 1920-х гг. для китайских националистов остро встала проблема «синификации» (sinify) культурного ландшафта русского Харбина. В градостроительно значимых местах города были построены Буддийский и Конфуцианский храмы в традиционных национально-китайских формах, Третья харбинская средняя школа (гимназия «Пу-Юй», автором проекта которой был русский архитектор П.В.К. Вельс), на фасадах зданий введена китайская графика и пр.[4]

Ранние работы, 1930–1940-х гг., китайских авторов по архитектурным проблемам русских городов КВЖД не известны, возможно, их попросту не суще-

---

[1] Чжан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Указ. изд. С. 42–43.

[2] Интервью с Е.П. Таскиной // Архив С.С. Левошко Москва, 19 октября 2000.

[3] А.У. Город архитектурных стилей // Время. 1943. № 266 (окт.).

[4] James Carter. Peeling onion domes: attempts to sinify harbin’s physical and cultural landscape, 1917–1928. Указ. изд. P. 90–92.

ствовало. В то же время сохранились свидетельства высокой оценки русской архитектуры японскими чиновниками и специалистами. Их высказывания и отзывы, опубликованные в местных газетах и журналах нельзя назвать «историографией» проблемы, тем не менее, они вполне определённы и в своей совокупности объективно отражают общую направленность суждений. Так, один из высокопоставленных японских чиновников заявил в 1933 г.: «Особенно высоко я оценил работу русских инженеров, трудами которых воздвигнут вполне европейский город, каковым является Харбин. Совершенны в архитектурном отношении и отдельные здания. Великому Харбину предстоит большое строительство, и я уверен, что к нему будут привлечены и русские инженеры…»[1]. Японский инженер-архитектор Ватанабэ (Watanabe), известный своей идеей конца 1930-х гг. организации в Харбине Общества инженеров всех национальностей Маньчжоу-Ди-Го, неоднократно высказывал свой интерес к русской архитектурной школе, опыту и знаниям русских проектировщиков.

С середины 1990-х гг., когда в Китае начал набирать силу процесс реабилитации исторического прошлого, возвращения имён и событий, начался поворот к положительной оценке существующего европейского наследия в Китае, в том числе, и русского. Китайские авторы последнего десятилетия XX в., несмотря на ранее устойчивую профессиональную позицию относительно «подражательности и вторичности русских проектов», стали по-другому оценивать именно русскую архитектуру Харбина. Она в их понимании прежде всего – «западная» архитектура, и в глобальном масштабе это правильно. Множество русских построек сегодня считаются историко-культурной ценностью не только города, но и национальным достоянием всего Китая. Признанием значительного вклада России в архитектурную культуру Китая в XX в. является включение большого числа русских построек 1900–1920-х гг. в энциклопедию «Архитектура Китая XX века» (1999). Из 52 представленных объектов первого десятилетия XX в. половина – *русские*. Это вклад реализован прежде всего через Северо-восток, образно говоря словами известного исследователя русской эмиграции Ли Шусяо, через «харбинское окно».

На рубеже демократических перемен в Китае, первой появилась работа по русскому наследию в Харбине японского автора (аннотированный каталог «The Architectural heritage of modern China-Harbin», издатель Houyoubin, Cunsonsen, Xizetaiyan, 1992), затем искусствоведческие работы харбинского историка архитектуры Лю Сунфу, в которых оценена огромная, в сравнении с другими европейскими странами, роль России в приобщении Китая к европейской стилевой архитектуре[2]. В середине 1990-х гг. он пишет, что российское правительство «основало Харбин, <…> провело широкомасштабное

[1] Цит по: Крадин Н.П. Приморские архитекторы в харбинской эмиграции // Вестник ДО РАН. Владивосток, 2001, № 3–4. С. 123–124.

[2] Лю Сунфу. Распространение западной архитектуры в китайском пограничье: к характеристике и историческому значению архитектуры «Ар нуво» Харбина // Журнал Архитектурной ассоциации. 1996. № 11. С. 36–39 и др.

строительство города, объединив огромное количество архитекторов для проектирования на всём протяжении КВЖД привокзальных гостиниц, мостов, туннелей, а также других построек и зданий». Он считает, что в Харбине зародилась влиятельная архитектурная школа модерна, продолжавшая своеобразно развиваться и в 1920–1930-е гг., в то время как в Европе и России национальные версии модерна сошли со сцены уже к началу первой мировой войны. Более того, по его мнению, модерн как новый архитектурный стиль рубежа XIX–XX вв., «связующий прошлое и будущее», ознаменовал собою начало, точку отсчёта, рубеж «вхождения в Китай современной западной архитектуры», а Харбин стал первым городом, принявшим её[1].

Чжан Хуайшэн особо оценивает вклад русских проектировщиков в градостроительную культуру Китая. Ансамбль Соборной площади в Харбине, с его радиально расходящимися шестью улицами, православным храмом в центре и всей прилегающей застройкой, органично подчинённой единому замыслу, он называет шедевром градостроительного искусства. И подчёркивает редкость подобного планировочного решения вообще, не говоря уже о Китае рубежа XIX–XX вв., где оно было «единственным и неповторимым»[2]. Это не было единственным примером подобного градостроительного приёма в русских городах Маньчжурии. Взять, к примеру, русский Дальний, запроектированный в то же время, что и Новый Город Харбина, и имеющий не одну, а несколько подобных площадей.

В книге «Панорама Харбина» одно из красивейших сохранившихся и поныне зданий русского Харбина – бывший торговый дом «Мацуура и К°» по Китайской ул. (арх. А.А. Мясковский, 1920) охарактеризовано следующим образом: «что наиболее удивительно – это обработка купольного свода, который завершает образ монументальности и устремлённости ввысь всего здания. …[Оно] блистательно, восхитительно и элегантно, в нём видны все основные черты, присущие ранним постройкам Харбина»[3]. В интерпретации китайского автора – это «классический западный стиль». В этом же обзоре при анализе русской православной храмовой архитектуры отмечается «великолепное владение конструкциями». Говорится и о деревянных сооружениях на набережных Сунгари, Солнечном острове, в городских парках, послуживших образцом для репродуцирования стиля, в частности, в постройках китайского детского сада Xingxiang деревни Юши (Yushu) в районе Даоли (Daoli). А архитектурный стиль ряда харбинских объектов (Московские торговые ряды, Управление КВЖД, коммерческие училища, жилые особняки для железнодорожных служащих и т.п.), построенных «группой неординарных молодых российских архитекторов», по мнению Лю

---

[1] Лю Сунфу. Распространение западной архитектуры в китайском пограничье: к характеристике и историческому значению архитектуры «Ар нуво» Харбина. Указ.изд.

[2] Харбинская архитектура – шедевр искусства // Хэйлунцзян Дейли. Харбин, 2000.26.10. (на кит. яз).

[3] Panorama of Harbin. Under edit Zou Deli. Указ.изд. P. 85.

Сунфу, «занимает важное место в истории мировой архитектуры»[1].

И историк архитектуры Чжан Хуайшэн, и историк Ли Шусяо подчёркивают былое исключительное значение для культурного и архитектурного пространства Харбина утраченного Свято-Николаевского собора. Считая его «шедевром архитектурного искусства, мировым наследием», а не только главным символом города и памятником православию, призывают к восстановлению уникального архитектурного сооружения на прежнем месте и организации в нём музея русской культуры, подобно тому, какой создан в Сан-Франциско в Америке. «Ведь правительство приняло решение разобрать девятиэтажное здание гостиницы с южной стороны Международного отеля, что восстановило Музейную площадь (речь идёт о реконструкции Софийской церкви и примыкающей к ней территории – *С.Л.*), <…> так почему же не решать вопрос в комплексе?»[2]. В контексте историографической проблемы это заявление 2000 г. весьма красноречиво. Через 8 лет Свято-Николаевский собор на самом деле воссоздали, правда в другом месте, но об этом пойдёт речь в другом разделе.

Итак, к концу XX в. чётко прослеживается изменение концептуальных доминант в китайской профессиональной критике русской культуры и русской архитектуры, в частности. А с 2000-х гг. можно зафиксировать уже результаты ощутимого поворота в интересах власти, градостроителей, учёных к историко-архитектурному наследию как Харбина, как и других городов по линии КВЖД.

---

[1] Panorama of Harbin. Under edit Zou Deli. Указ.изд. P. 85.

[2] Харбинская архитектура – шедевр искусства // Хэйлунцзян Дейли. Указ. изд.

4. Китайский опыт сохранения архитектурного наследия, 1990-е–2013 гг.

Положительное изменение вектора с начала 1990-х гг. в оценке русского архитектурного наследия в историко-культурологических и популярных текстах происходит параллельно практическим действиям государства по его охране.

Муниципалитет Харбина за последнее десятилетие издал не один десяток репрезентативных альбомов и книг об уникальной в сравнении с другими китайскими городами архитектурной среде их городов, посвящённых проблемам идентификации, сохранения и освоения культурного наследия.

Например, альбом «Central Avenue: memorial stamp collection of the awarded regeneration project for historic block of central avenue» (2005) представляет проектно-научные материалы ревалоризации Центральной улицы исторического района Харбина (бывш. Китайская), а также фотографии 17 исторических зданий лицевой застройки этой улицы, которым присвоен статус памятников архитектуры[1]. Все они, как и сама Центральная улица, являются наследием русского периода жизни Харбина. Фотографии проаннотированы на китайском и английском языках; приводятся чертежи фасадов этих памятников, коллекция марок с видами исторической застройки.

Ещё одно издание – каталог «Охраняемая архитектура Харбина» – третий том в серии книг по историко-культурному наследию (Харбин, 2005), в котором представлены 245 памятников и 14 историко-культурных планов с аннотациями на китайском и английском языках. Отметим, аннотации к памятникам становятся всё более качественными, и даже учтена установленная российскими исследователями атрибуция сооружений, что говорит о знакомстве китайских историков архитектуры с русскими трудами.

Харбинские власти сегодня активно популяризируют историческое наследие города среди жителей. В 2006 г., «Году России в Китае», на Центральной улице, протянувшейся почти на 1,5 км, под открытым небом была развёрнута большая экспозиция, демонстрирующая виды Харбина первой трети XX в. Эта информационная открытость поражает в сравнении с прошлыми годами и является следствием новых идеологических установок на позиционирование Харбина как международного туристического центра в Азии.

Одним из самых первых шагов по реабилитации архитектурной истории городов стало присвоение сооружениям статуса памятников. Так, городской мэрией Харбина почти двум сотням зданиям и комплексам, построенным по

---

[1] Central Avenue: memorial stamp collection of the awarded regeneration project for historic block of central avenue. Harbin, 2005.

проектам русских архитекторов, присвоен охранный статус, а на фасадах установлены мемориальные доски[1].

Центральная улица исторического района Харбина в последние два десятилетия всё время находится под вниманием харбинского правительства. В 1997 г. её сделали пешеходной, и за 10 лет она несколько раз подвергалась масштабной реконструкции. В 2005 г. «Проект реновации исторического пространства Центральной улицы» государственным Советом был награждён премией «Китайской программы по населённым пунктам». Сегодня её начало оформлено символической аркой, символизирующей вход в этот музей архитектуры под открытым небом «Улица архитектурных искусств» (Architectural arts museum of Central avenue). Центральную улицу во всех путеводителях, рекламных буклетах, книгах о достопримечательностях Харбина называют «мини-Парижем», подчёркивая тем самым её европейский архитектурный облик.

В том же Году России в Китае в Харбине состоялся китайско-российский форум на тему «Архитектурные стили и проектирование города». На форум были приглашены около 40 специалистов из обеих стран[2]. Россию представляли архитекторы из Москвы и Петербурга, Хабаровска и Владивостока.

Харбин ныне – бурно развивающийся город с десятимиллионным населением, он находится в активных поисках своего туристического имиджа, отличного от других городов Северо-восточного Китая, поиска проектного метода реализации своего культурного потенциала. Поставлена цель создания уникального архитектурного дискурса Харбина путём выявления характерных черт и особенностей городской среды. Один из путей – обращение к историко-культурному наследию, широко представленному русской архитектурой, частично – японской и китайской. Китайские архитекторы предложили следующую концепцию: выделить семь характерных районов в исторической части города, описывающих особенности его культурного ландшафта. Среди 13 характерных для «района исторических мест» объектов выбраны и такие, как «Сад русских обычаев» (бывший Городской сад), «площадь Архитектуры» (ансамбль бывшего православного Софийского храма, ныне музея истории города), площадь «Памятника защитникам Харбина от наводнения» (арх. М.А. Бакич, 1958), некоторые другие.

В программе комплексного проектирования центральной части Харбина 2006 г. даны предложения: «Для создания знаменитого международного туристического города нужно использовать существующие исторические кварталы, регенерировать исторические улицы, увеличить общественные площади

---

[1] К сожалению, тексты мемориальных досок изобилуют фактическими неточностями, что зачастую является следствием перевода русских фамилий на китайский, а потом на английский языки. Тексты на русском языке отсутствуют // Натурные обследования С.С. Левошко, октябрь 2013 г.

[2] Харбинский диалог // Петербургская недвижимость. 2006. № 30 (414). С. 10.

и сады». Предлагаемые программой туристические маршруты включают прогулку по Русскому саду, посещение бывших усадебных типовых домиков железнодорожных работников КВЖД, функционально-художественные особенности которых объединяют их в единую типологическую группу. Китайские архитекторы предлагают одновременно с охраной жилых домов железнодорожников как памятников, использовать их под обслуживающие туристические функции. Переселив жильцов в другие жилые районы, предлагается создать общественные культурные пространства, которые бы стали местами притяжения горожан и туристов. И сегодня, в 2013 г., стоит задача реконструкции массовой исторической застройки Харбина (а не только престижных улиц и мест), в том числе, сильно обветшавших, чудом сохранившихся среди наступающих небоскребов.

На 2013 год такой ценный опыт в Харбине уже имеется: почти завершена масштабная джентрификация[1] крупного района исторической застройки нач. XX в. (в первой трети XX века в генпланах Харбина он выделялся как китайский «город Фуцзядянь», что говорит о его функциональной и социальной обособленности), реставрируются и реконструируются отдельные памятники и ценные исторические объекты (синагога, главная синагога – арх. М.М. Осколков, 1931; Еврейская гимназия, особняки высших служащих КВЖД и др.). В 2005 г. именно об этих перечисленных зданиях писалось, что «от былого величия не осталось и следа», а сегодня они реконструируются или уже возрождены на хорошем профессиональном уровне[2].

Можно говорить не только о планах харбинских властей – сегодня облик города другой, нежели в 2006 г., не говоря уже о рубеже XX–XXI вв. В 2003 г. одному из проспектов было возвращено его прежнее историческое имя – Н.В. Гоголя – и установлен бюст писателя. В городе организовано несколько пешеходных улиц. Набережные городской речушки Модягоу и прилегающая к ней территория превращены в пешеходную хорошо обустроенную зону для молодёжи. В её благоустройстве использованы архитектурные «цитаты» из застройки «русского Харбина». Бывшая русская православная Алексеевская церковь (ныне католическая) включена в эту зону, ей отведена роль доминанты, на неё раскрыты визуальные направления с пешеходных путей следования. Декоративные городские часы рядом с церковью явно перекликаются с её формами. Элементы архитектурной среды (павильоны остановок, малые формы, озеленение и т п.) также используют формообразование из русской архитектуры (купола, шатры, закомары и даже миниатюрные модели знаковых построек).

В начале 2000-х на Солнечном острове за рекой Сунгари – традиционном

---

[1] Джентрификация (gentrification) – реконструкция и обновление строений в прежде нефешенебельных городских кварталах либо согласно программе запланированного городского восстановления, либо в результате решений, принимаемых профессионалами и управляющими.

[2] Натурные обследования С.С. Левошко. Октябрь 2013 г.

месте отдыха русских жителей Харбина в 1920–1930-х гг., на базе сохранившихся дачных построек (а их около 30) создан этнографический комплекс «Русская деревня». На фасадах деревянных домах – надписи «Баня», «Сельсовет», «Библиотека» и т.п. Это, конечно, «диснейлэндовский» приём, не имеющий ничего общего с серьёзной музейной концепцией, однако факт физического сохранения деревянных одноэтажных домов в сверхпереуплотнённом городе знаменателен. Очевидно, что необычность этой застройки осознанна. При этом здесь же, на Солнечном острове, возведён новый комплекс малоэтажной застройки, из отдельных домов с приусадебными участками, которые создали своеобразную буферную зону вокруг этнографического комплекса. Строили дома китайские строительные компании, сейчас они уже раскуплены харбинцами и обживаются, что обеспечивает «Русской деревне» включённость в жизнедеятельность населения и естественную социальную оживлённость.

Въезд-вход на Солнечный остров зафиксирован символической аркой «Входа». На этот объект в 2005 г. был объявлен международный конкурс, его выиграла хабаровский архитектор Н.Е. Козыренко (разработка совместно с китайским архитектором). По её словам, в качестве прообраза была использована овальная форма входа конкретного харбинского здания в стиле модерн начала XX в. Такая форма восходит и к традиционным китайским формам. В этом попадании «в тему», вероятно, кроется причина успеха данного проекта.

В 2007–2009 гг. в пригородной зоне Харбина в долине реки Ашихэ по инициативе одной китайской компании был возведён ещё один обширный, около 60 га, туристический комплекс – т.н. парк русской культуры «Усадьба "Волга"». Одно из назначений этого комплекса – познакомить харбинцев, китайских и иностранных туристов с характерными образцами русского зодчества: храм, часовня, дачный особняк, театр, фортификационное сооружение, ветряная мельница, конюшня и т.п. За основу проектов ряда «русских сооружений» хабаровским архитектором Н.П. Крадиным брались реально существовавшие, ныне утраченные здания русского Харбина, а также павильонов Нижегородской выставки-ярмарки 1896 г.[1] Воссоздан знаменитый в прошлом харбинский деревянный Свято-Николаевский собор, разрушенный в середине 1960-х гг. во времена культурной революции (автор проекта воссоздания проф. Н.П. Крадин). Ресторан «Миниатюр» восходит к образу существовавшего в 1920-х гг. кафе, входные ворота в парк – по типу русской деревянной крепостной башни и т.п.

В контексте международных хартий и деклараций по сохранению архитектурного наследия весь комплекс – новодел, а значит, не представляет историко-культурной ценности. Но посмотрим на проект шире. С позиций китайских авторов концепции, а именно – знакомства с архитектурной культурой

---

[1] Крадин Н.П. Харбин ─ русская Атлантида: очерки. Хабаровск, 2010. С. 341–354.

России первой трети XX века, во многом утраченной в Китае – эта идея вполне жизнеспособна, и такая практика существует во всём мире, а значит, востребована обществом.

Эволюция опыта сохранения русского историко-архитектурного наследия в Китае прошла несколько этапов: от освещения Китаем этого феномена в изданиях, выставках, создания музеев русской культуры до привлечения российских архитекторов к совместным проектам.

Толерантность государства по отношению к неофициальной истории, запечатлённой во множестве уцелевших постройках и даже относительно целостных фрагментах городской среды русского Харбина, продиктована весьма прагматическими причинами: экономическими реформами и независимым туризмом, всегда стоящими в оппозиции к неподвижной политике. «Харбин является отличным от других городов Китая, и в этом смысле мы высоко ценим искусство вне политики», – официально заявляет Пекин, а неформальные сообщества горожан и архитекторы ратуют за сохранение исторического наследия как безусловную ценность города.

Глава 2.
Русская дорога к харбинскому храму

Религия и церковь являлись объединяющей силой для всех российских общин в странах Дальнего Востока: религиозная идея лежала в основе семейной и общественной жизни всех диаспор и общин, а приходы были центром для общения людей в изгнании. В Харбине отразилось всё многообразие религиозной жизни бывшей Российской империи: от основных церквей до мелких конфессий и сект.

1. Православие

В Маньчжурии православие сохранило наиболее прочные позиции, чем где-либо в Китае. Прежде всего, это связано с тем, что здесь проживало наибольшее число православных, а Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), начиная с 1932 г., было весьма заинтересовано в поддержке его начинаний православием.

С 1907 г. все православные церкви в Северной Маньчжурии находились в ведении Владивостокской епархии и составляли отдельный благочиннический округ. После 1917 г. был утверждён временный Маньчжурский окружной церковный совет из шести выборных членов. Первым выборным благочинным церквей полосы отчуждения Китайско-восточной железной дороги стал И. Петелин. Тогда же по приходам были утверждены приходские советы. С получением «Определения Священного собора об управлении Православной Российской церковью» и «Положения о православном приходе» 22–24 сентября 1918 г. был избран Окружной благочинный совет с председателем А. Онипкиным, который одновременно заведовал церковным отделом при управлении КВЖД[1]. Эта должность существовала до 1 июля 1921 г., пока не был восстановлен благочиннический округ.

16/29 марта 1922 г. указом Высшего церковного управления в Харбине была учреждена временная самостоятельная Харбинская епархия с назначением архиепископа Мефодия её главой. На первых порах епархия замыкалась на Московскую Патриархию, но в 1923 г., опираясь на решения Заграничного архиерейского синода, Мефодий решил провести коренную реорганизацию епархии, сделав её самостоятельной, чем вызвал недовольство верующих. «Этот конфликт, – писал Н.И. Миролюбов, – повлёк за собой печальные последствия: падение церковной дисциплины, усиление сектантства (адвенти-

[1] Онипкин А. Краткие исторические сведения о церковной жизни в полосе отчуждения Кит. Вост. жел. дор. // Вера и жизнь. Харбин, 1925. № 3 (Май). С. 68–77.

стов, баптистов и др.) и проч. С переменой администрации КВЖД, с приходом сюда в октябре 1924 г. представителей Советской России, изменилось и положение православной церкви в Маньчжурии: причт был лишён жалования и квартир, церкви – пособий»[1]. Против реорганизации резко выступал и последний епископ Владивостокский Михаил, которому удалось в годы Гражданской войны уехать в Харбин.

Архиепископ Мефодий Маньчжурский и Харбинский смог удержать позиции православия. В результате не была закрыта ни одна церковь. «В дальнейшей своей проповеднической деятельности, – писал журнал «Хлеб Небесный», – архиепископ Мефодий, чуждый политиканства и интриганства, бичевал зло, беззаконие и всякие попытки сокрушить православную религию, не прикрываясь флёром "дипломатичности" или "непротивления злу"»[2].

После смерти Мефодия главой русской церкви в Маньчжурии избрали митрополита Мелетия. 29 июля 1938 г. он с большим успехом провёл в Харбине Владимирские юбилейные торжества в честь 950-летия крещения Руси. Их участникам особенно запомнился парад. На следующий день прошло торжественное собрание, на котором в перерывах между речами и докладами выступал хор И.П. Райского[3]. Юбилейные мероприятия прошли также в Шанхае. Председателем юбилейного комитета был выбран епископ Ювеналий, секретарем – протоиерей М. Рогожин. На память были выпущены значок и жетон, опубликован сборник. «Юбилейный комитет, составляя сей сборник, – писали его создатели, – поставил себе задачу собрать наилучший материал из истории Руси, раскрыть в настоящее время религиозного упадка величие святого православия, дать возможность всякому православному христианину посредством сборника иметь под рукою важнейшие исторические сведения о православии на Руси, о его проявлении в жизни русского народа и о влиянии православия на русский народ»[4].

21 октября 1939 г. этот иерарх отметил полувековой срок своей службы в церкви. «Всегда спокойный и выдержанный, владыка не торопился со взысканием, стремясь прежде всего довести до сознания провинившегося его вину. Много обращал он внимания на подготовку молодых пастырей, сам готовя их к будущему служению. Испытав на себе тяжесть раннего вдовства, владыка Мелетий исключительно тепло относился к молодым священникам, делая всё

---

[1] Архив Гуверовского ин-та. Mirolubov N. box 1. Л. 7.

[2] Митрополит Мефодий: (К 9-летию со дня смерти) // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 4. С. 51–52; См. также: Лавошников И. К пятилетию существования самостоятельной Харбинской епархии и пребывания на ней Владыки архиепископа Мефодия // Хлеб Небесный. 1927. № 8. С. 28–29.

[3] Е.С. Владимирские торжества в г. Харбине // Хлеб Небесный. 1938. № 8. С. 3–12; Холодов А. 950 лет Крещения Руси: Владимирские юбилейные торжества в Харбине // Рубеж. Харбин, 1938. № 32 (6 авг.). С. 13: фот.

[4] От Владимирского юбилейного комитета // Русь Святого Владимира: Юбилейный сб. ко дню 950-летия крещения Руси. Шанхай, 1938. С. 5.

возможное для облегчения их горя», – так отзывались о нём прихожане[1].

В 1937 г., стремясь к более устойчивым доходам, Харбинская епархия приобрела комплекс загородных домов с большим участком земли. Это место получило название епархиальной дачи «Сергиево». Священнослужители распахали землю, посадили большой сад, завели улья и занялись полеводством. Средств постоянно не хватало, но неустанный труд и вера в Бога помогали преодолеть трудности.

Начальное богословское образование можно было получить в Харбинской духовной семинарии, а высшее – на богословском факультете Института Святого Владимира.

В июне 1941 г. состоялось 18-е Харбинское Епархиальное собрание. К тому времени в состав епархии входило 40 приходов, три монастыря, богословский факультет, Харбинская духовная семинария, Епархиальный приют-убежище им. митрополита Мефодия и дачи.

Наибольшее количество православных церквей и соборов в Китае находилось в Харбине, где большинство их было построено при помощи КВЖД. Самая первая церковь, открытая в феврале 1898 г. в простом бараке, носила имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Вскоре храмы были воздвигнуты на всех станциях КВЖД. Эмигранты продолжили их строительство. В 1933 г. в Харбине работали следующие приходы: Харбинский кафедральный собор во имя Святого Николая Чудотворца (Новый город), Алексеевская церковь (Модягоу), Алексеевская (Новый город), Благовещенская, принадлежавшая Российской духовной миссии в Пекине (Пристань), Борисовская (Остроумовский городок), Дмитриевская (Госпитальный городок), Иверская (Пристань), Ивано-Богословская (Славянский городок, дом Иверского братства), Иоанно-Предтеченская (Московские казармы), Ильинская (Пристань), Николаевская (Частный затон), Николаевская (Старый Харбин), Петропавловская (Нахаловка), Преображенская (Корпусной городок), Софийская (Пристань) и Успенская (Новый городок). «Из церквей Харбина, – писал епископ Нестор, – многие являются исключительно ценными с художественной архитектурной точки стороны. Прекрасен величественный, новый, только что отстроенный Софийский собор, имеющий внутри 19 саженей, а по наружному обмеру – 25 саженей в высоту, построенный стараниями прот. М. Филологова и его сотрудников, прекрасен Иверский храм, весь расписанный строгой иконописью в стиле Васнецова и Нестерова. Трогателен сравнительно небольшой собор, возвышающийся посредине города, величественна и прекрасна новая Покровская церковь, стоящая рядом с католическим костёлом и лютеранской кирхой, но затмевающая инославные храмы своей красотою. Стильна и художественна маленькая церковь Нового кладбища, как будто сошедшая со страниц Грабаря, с иллюстрации древнерусского зодчества»[2].

---

[1] И.Р. Полвека в священном сане // Рубеж. 1939. 21 окт. С. 9.

[2] Нестор. Маньчжурия. Харбин; Белгород, 1933. С. 44.

Вернёмся к теме храмовых построек, о которой уже шла речь в первой главе, чтобы дополнить историю церквей некоторыми важными подробностями.

Свято-Николаевский собор был открыт в 1900 г. Его построили, как уже указывалось, по проекту инженера И.В. Падлевского из круглых струганых брёвен по старинному русскому способу в стиле шатровых церквей русского Севера. По предложению ктитора собора Е.В. Попова на северной стороне церкви, где находилась икона Иверской Божией матери, построили Иверскую часовню, спроектированную инженером Е.А. Уласовцом по эскизу профессора П.Ф. Федоровского. Часовню заложили летом 1933 г. и закончили строительство в октябре[1].

Инициатором постройки ***Свято-Богородице-Иверской церкви*** был начальник Заамурского военного округа генерал Н.М. Чичагов. Закладка камня состоялась 27 мая 1907 г., в 1908 г. церковь была освящена архиепископом Евсевием. Настоятелями в ней были С. Брадучан, Н. Вознесенский (Димитрий), А. Кочергин, А. Пономарев, В. Барышников и др. К 26 ноября 1916 г. (День георгиевских кавалеров) была проведена реконструкция и полностью оформлена новая роспись. В январе 1922 г. церковь сгорела, а 23 сентября 1923 г. была вновь открыта как домовая церковь «Во имя Пресвятой Богородицы всех скорбящих радостей». Прекрасным хором сначала руководил регент В.С. Лакша, которого позже пригласили в Сан-Франциско занять место регента в Троицком соборе, затем П.Ф. Распопов. На внутренних стенах и арках церкви были нанесены имена заамурцев, погибших во время военных действий.

Алексеевская церковь в Новом городе была построена как церковь коммерческих училищ КВЖД при содействии благотворителей Ф.К. Костромина, И.Ф. Чистякова и И.Ф. Кулаева. Её освятили в 1910 г., а весной 1913 г. на церкви достроили колокольню, колокола для которой пожертвовал Чистяков. В июле 1925 г., после перехода КВЖД под советско-китайское управление, Алексеевская церковь освободила помещение и перешла в Касаткинские ряды на Зелёном базаре. Когда после 15 лет аренды пришлось освободить и это помещение, службы проходили в квартире приходского старосты П.Т. Бабича по ул. Речной, 78. Собственное здание на Кривой улице было освящено 13 декабря 1942 г. при настоятеле Н. Писареве. Церковь закрылась в 1956 г. С помощью выпускников училищ КВЖД большая часть церковной утвари была переправлена в Сан-Франциско и ныне хранится в Свято-Скорбященском соборе[2].

Свято-Благовещенский собор, расположенный на Полицейской улице, был самым величественным и вместительным в Харбине: его площадь равнялась 120 кв. саженям и он мог принять до 1200 человек. Собор был известен как Благовещенский храм Русской духовной миссии. Его строительство продолжалось ровно 11 лет: с 14 сентября 1931 г., когда был зало-

[1] 10-летие Иверской часовни в Харбине // Хлеб Небесный. 1943. № 10. С. 58.

[2] Автономов Н.П. Иконы из Харбина в Сан-Франциско // Новая заря. Харбин, 1972. 22 апр.

жен храм, по 14 сентября 1941 г. В 1929 г. кружок ревнителей церковного благолепия (председатель архиепископ Мелетий) на годовом собрании постановил построить новый, более просторный храм. 24 июня того же года был утвержден проект инженера Б.М. Тустановского. В праздник Успения Пресвятой Богородицы 28 августа 1930 г. состоялся торжественный ход к месту строительства. Оформлением занимались художники П. Задорожный, Н.Я. Лотов, А.Е. Степанов, А.Ф.Тепляков, М.М. Лобанов, Е.В. Галченков, резные работы выполнены И.Ф. Ардатовым. «Как прекрасен девственно-белый трёхярусный византийского стиля иконостас (проект инженера Уласовца), увенчанный красивым резным крестом. Тихим покоем святости веет от многочисленных икон (работа протодиакона П. Задорожного), помещённых в трёх ярусах. Очень художественно и точно исполнены ажур и резьба Царских Ворот»[1]. При постройке использовались новейшие методы строительства, в частности, бетонные перекрытия, которые сделал подрядчик Ф.И. Каргополов. Журнал «Рубеж» писал: «Благовещенский храм представляет собой единственное в своём роде в Харбине архитектурное сооружение: в нём впервые были применены бетонные перекрытия, давшие возможность соорудить огромный храм, вмещающий до 1200 молящихся, без внутренних колонн. Колокольня нового храма – самая высокая из всех колоколен Харбина»[2]. Украшающие храм кресты были изготовлены И.И. Ардатовым и И.И. Савуцким.

Достопримечательностью была роспись стен, которую сделал художник-иконописец протодиакон П. Задорожный. Несмотря на большое число русских в Маньчжурии, постройка храма периодически приостанавливалась – не хватало средств. Взрыв энтузиазма произошёл в год 950-летия православия. Кассу будущего храма пополнили многочисленные добровольные пожертвования, и прихожане выкупили все закладные векселя. 14 сентября 1941 г. состоялось торжественное освящение Свято-Благовещенского собора. «Тысячные толпы православных людей заполнили огромный храм и его ограду, под радостный звон колоколов люди, встречаясь, поздравляли друг друга, многие сотни богомольцев спешили взять кусочек освящённой ткани, которою совершалось омовение престола, или хотя бы взглянуть на величественное служение [...]»[3].

После 1950 г. подавляющее число храмов Харбина было уничтожено.

Христианская жизнь характерна основанием разных орденов и обществ. В православии эта тенденция была представлена братствами. 6 сентября 1920 г. при Свято-Богородице-Иверской церкви в Харбине было основано Иверское

---

[1] Петрова О. Благовещенский храм // Луч Азии. Харбин, 1941. Авг. С. 33–34: фот. См. также: Комарова М.К. История Благовещенской церкви в Харбине. Харбин, 1941; Зайцева С. «Радуйся, Благодатная, Господь с тобою» // Хлеб Небесный. 1941. № 9–10. С. 40–46: фот.

[2] Аргус. Новый храм в Харбине // Рубеж. 1937. 23 окт. С. 15; См. также: Диомидов Л. Торжество русской эмиграции на Дальнем Востоке // Рубеж. 1941. № 39/12 (27 сент.). С.6–8: фот.

[3] Российская православная церковь // Всеобщ. календарь на 1942 г. Харбин, 1941. С. 43.

Свято-Богородицкое просветительско-благотворительное братство, которое чаще называли сокращённо Иверским братством. Учредителями его являлись генерал-лейтенант М.К. Самойлов и священник В.М. Демидов. Свою деятельность Иверское братство начало с проведения народных чтений на религиозно-нравственные и исторические темы. Эти заседания были очень популярными среди населения, нередко на них собиралось до 2 тыс. людей. За первый год существования братства 600 его членов собрали 20 тыс. рублей на просветительскую и благотворительную работу, благодаря чему были открыты детский приют и общежитие для взрослых, начал издаваться журнал «Сеятель» (1922 г.). Детский приют «Русский дом», рассчитанный на сто человек, был построен Иверским братством в октябре 1923 г. в Славянском городке Харбина. При нём имелись школа, сапожная и переплётная мастерские, пекарня и сельскохозяйственная ферма с большим участком земли. При Свято-Богородице-Иверской церкви также работала Серафимовская столовая.

Большую роль в Иверском братстве играл один из самых известных деятелей русского православия в Китае Н.Ф. Вознесенский (Димитрий, епископ Хайларский), первый заведующий Харбинскими музыкальными курсами при Иверской церкви и богословскими курсами. Деятелем братства был и известный богослов протоиерей В.М. Демидов, издатель харбинского журнала «Сеятель» и автор более десяти богословских книг. Особенно ярко его талант публициста проявился в статьях, направленных против местного сектантства. 20 сентября 1927 г. он уехал из Харбина в США, но не потерял связи с Харбином и регулярно печатал свои статьи на страницах журнала «Хлеб Небесный».

У стен церкви похоронены полковники Бутузов и Виторский, генералы Круглевский и Каппель, под полом левого предела лежит около 30 ящиков с прахом жертв с р. Хор[1].

Братство имени Святого апостола и евангелиста Иоанна богослова основали при богословском факультете Института Святого Владимира в Харбине для изучения и пропаганды деятельности Иоанна Богослова. Почётным учредителем братства был архимандрит Василий (В.М. Павловский). Братство имело своё издательство, которое в основном занималось переизданием богословской литературы, но, вместе с тем, публиковало и новые работы («Святой Апостол и евангелист Иоанн Богослов», «Старец Макарий Оптинский», «Жития Святых», «Псалтырь Протолкованная» и «Молитвослов для усердствующих» епископа Дмитрия, «Часослов», «Смерти нет», «Путем Христа» Е.Н. Сумарокова). Издательством руководил декан богословского факультета В.П. Гурьев, ответственный редактор православного, богословско-философского и научно-лите-

---

[1] Харбинец-Заамурец. Пятидесятилетие Богородице-Иверского храма в Харбине // Рус. жизнь. Сан-Франциско, 1957. 25 мая.

ратурного журнала «Вестник братства», выходившего в Харбине в 1945–1946 гг.[1] Братство поддерживало связь с другими странами.

В Харбине имелось Камчатское подворье, основанное архиепископом Камчатским и Петропавловским Нестором. Он открыл около 1925 г. небольшую церковную постройку – Скорбящий храм. При нём имелся приют для хронических больных, названный Домом Милосердия. Дом Милосердия содержал собственную типографию, благодаря чему Камчатское подворье занималось обширной издательской деятельностью. Понимая важность печатного слова, архиепископ Нестор смог привлечь к работе известных богословов Харбина, в том числе, журналиста и священника В.А. Герасимова. В этой же типографии вышли работы священника И. Сумневича. В 1940 г. Нестор провёл в Харбине Камчатские торжества в честь присоединения в 1643 г. Камчатки к России, 200-летия основания В. Берингом Петропавловска-Камчатского, столетия со дня учреждения самостоятельной Камчатской епархии и 30-летия учреждения Камчатского православного братства[2].

В Харбине, на ул. Дачной, 17, находилось подворье женской обители, открытой в годы Гражданской войны во Владивостоке на территории Морского кладбища игуменьей Руфиной, бывшей настоятельницей монастыря в Чердыни. С приходом в Приморье советской власти Руфина уехала в Харбин (июнь 1923), где начала строительство другого женского монастыря, Богородице-Владимирской женской обители[3]. В августе 1924 г. на Церковной улице была открыта домовая церковь во имя Тихвинской Божией Матери. 26 августа 1925 г. (по ст. ст.) она перешла в помещение в Новом Городе, где объединилась с домовой церковью бывшей гимназии Д.Л. Хорвата. 26 октября того же года в церкви состоялась первая литургия, которую провёл митрополит Мефодий. Затем под монастырь был куплен и переоборудован (август 1927 г.) дом по улице Почтовой. В 1936 г. Руфина открыла отделение Харбинской женской обители в Шанхае, заведовать которым стала А.А. Мичурина, постриженная в монахини под именем Ариадны и назначенная после смерти Руфины в 1937 г. настоятельницей монастыря в Харбине. В 1948 г. Ариадна уехала в Шанхай вместе с монахинями и послушницами.

Сведений о последних монахинях в Харбине сохранилось немного: «В женском монастыре (на Почтовой улице в Новом городе) осталось ещё не-

---

[1] Братство им. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова в Харбине // Хлеб Небесный. 1938. № 9. С. 22–23.

[2] Нестор, архиепископ Камчатский и Петропавловский. Юбилейный доклад о Камчатской епархии // Хлеб Небесный. 1940. № 11. С. 5–20; Камчатские торжества в Харбине // Хлеб Небесный. 1940. № 12. С. 32–35.

[3] Иогель И. Под тихой сенью обители // Рубеж. 1938. № 31 (30 июля). С. 14; Иверский Е. «На Божественной страже» // Хлеб Небесный. 1940. № 9. С. 36–40; Ариадна. Царский Путь Царской Игуменьи. Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины. Шанхай, 1948. С. 52; Ариадна. Торжество Святой обители. Шанхай, 1940. 50 с.; Отрада и утешение. Харбин, 1941. 51 с.

сколько монашек. Священника при монастыре нет. Сами монашки справляют службы. Туда же заходят редкие прихожане помолиться вместе с ними и поставить свечку»[1].

При въезде на одну из площадей Харбина можно было издалека видеть благолепный храм с колокольней, окружённый множеством построек. Это был мужской монастырь. Его основали в 1923 г. несколько монахов (10–12), объединившихся под началом архимандрита Ювеналия[2]. Первое время они снимали небольшую квартиру в Новом Модягоу (Гондатьевка) в пригороде Харбина. Затем Ювеналий обратился к руководству КВЖД с просьбой выделить землю для строительства монастыря, и начальник земельного отдела Н.Л. Гондатти отвёл 1700 кв. саж. 17 августа 1924 г. на этом участке состоялась торжественная закладка монастыря в честь Казанской иконы Божьей Матери, затем название изменилось на Казанско-Богородицкий мужской монастырь. 20 декабря того же года здание было освящено, а с наступлением весны монахи приступили к постройке двухэтажного братского корпуса. 27 октября 1925 г. он был окончен. На следующий год над церковью появилась величественная колокольня. Были построены и хозяйственные помещения: типография, скотный и птичий дворы и пр.

Архиепископ Мефодий был обеспокоен огромным количеством сектантской литературы, которая широко распространялась среди русских эмигрантов. Поэтому в конце 1926 г. монастырь приступил к изданию двухнедельного религиозно-нравственного журнала «Хлеб Небесный». В мае 1929 г. при монастыре заложили каменную больницу. Строительство было закончено 1 ноября 1931 г., и больнице присвоили имя врача Казем-бека. В 1935 г. архимандрит Ювеналий был хиротонисован в сан епископа Синьцзянского, но к новому месту службы он не выехал, а продолжил работать в монастыре. Затем епископ Ювеналий недолго служил в Пекине и Шанхае, а в мае 1940 г. вновь вернулся в Харбин настоятелем Казанского-Богородицкого мужского монастыря и вновь устраиваемого монастыря в Трёхречье. Ему было присвоено положение второго монастыря Харбинской епархии. Помимо типографии Казанско-Богородицкого монастыря религиозная литература печаталась в издательстве Братства Святого Иоанна Богослова. О последних днях монастыря сохранились следующие сведения: «В мужском монастыре в Гондатьевке в церкви в честь Богоматери Казанской совершает богослужения также китаец – о. Симон. В монастыре монахов совершенно не осталось, все разъехались кто куда. Там живут убогие старики-эмигранты, которые из-за преклонных лет находятся в отчаянном положении. Туда перенесён архив когда-то огромного епархиального

[1] К.М. Ещё о нынешней жизни в Харбине // Новая заря. 1964. 26 марта.

[2] Беженская Русь в Харбине. Мужской монастырь // Гун-Бао. Харбин, 1932. 23 июня; См. также: Очерк возникновения и устроения Казанско-Богородицкого монастыря в г. Харбине, 1924–1934 гг.: К 10-летию его существования / Под ред. Ювеналия. Харбин: Монастырская тип., 1934. 24 с.: ил.

совета при Софийской церкви на Водопроводной улице»[1].

Во время японской оккупации православная епархия испытывала серьёзные проблемы. Под влиянием японцев деятели БРЭМа заставляли русских детей ходить в японские храмы, но успеха не добились. Японские власти неоднократно предпринимали попытки пошатнуть устои православной церкви и заставить эмигрантов воздавать почести японской богине Аматерасу (1943), на что архиепископ Мелетий выразил резкий протест[2]. К нему присоединился епископ Димитрий, стойко отстаивавший традиции православия.

Понимая, что произвол может твориться и дальше, глава Харбинской епархии 26 июля 1945 г. созвал совещание, на котором постановили присоединиться к Московской патриархии. Это событие вызвало большой скандал, особенно в БРЭМ. На требования его деятелей изменить решение митрополит Мелетий сказал: «Если вы не смогли защитить нас, мы это сделали сами». Он же приветствовал вхождение Советской армии в Харбин. Несмотря на внешнюю сплоченность Харбинской епархии, в ней всё же наблюдались тенденции к разномыслию. Одним из основных диссидентов был богослов, протоиерей А.Р. Пономарёв[3], доцент богословского факультета Института Святого Владимира, который заявил: «Мы стремимся за границу, чтобы сохранить себя и детей от тлетворного влияния советской пропаганды»[4]. За это выступление он был лишён права ношения митры. Помимо Маньчжурии Харбинская епархия имела приходы-подворья в Индии, Вьетнаме, на Филиппинах и Яве[5].

2. Старообрядцы

Исторический опыт старообрядцев до сих пор вызывает большой интерес. Это связано не только с возрождением интереса к религии, но и с повышением актуальности изучения национально-культурных процессов в России, стремлением к возрождению нравственных основ и духовных ценностей. На примере старообрядцев, сохранивших традиционную культуру во время вынужденного бегства из России и жизни в Китае и других странах, можно найти ответы на многие вопросы, касающиеся будущего России и нравственного здоровья русского этноса.

Октябрьская революция и Гражданская война в России заставили старообрядцев, в основном «поповцев», покинуть родные места. Через Алтай и Приморье они эмигрировали в Китай, где старообрядческим центром стал Харбин. Там в 1917 г. старообрядцы-поповцы основали общину в честь святых

[1] К.М. Ещё о нынешней жизни в Харбине // Новая заря. 1964. 26 марта.

[2] Василевский В.А. Харбинская эпопея // Рус. жизнь. 1947. 9 янв.

[3] Церковная жизнь Харбина // Новая заря. 1946. 28 июня.

[4] Пономарёв Н. Памяти большого священнослужителя митрофорного протоиерея отца Аристарха Пономарева: (Некролог) // Рус. жизнь. 1967. 27 июля.

[5] Светлый праздник в г. Бандунге на острове Ява // Хлеб Небесный. 1941. № 7. С. 41–42: фот.

первоверховных апостолов Петра и Павла[1]. Несколько общин старообрядцев-поповцев было образовано и в Трёхречье. Одним из инициаторов строительства старообрядческой Свято-Петро-Павловской церкви в Харбине стал протоиерей отец Иоанн Кудрин[2]. Он происходил из семьи старообрядцев часовенного согласия Пермской губернии. Его родители присоединились к старообрядцам-поповцам, то есть приемлющим священство, когда мальчику было семь лет. С восьми лет он прислуживал в церкви, а в 19 лет стал начётчиком. В 1906 г. в Москве его произвели в диаконы, затем он был настоятелем церкви в Уфимской губернии. Кудрин хотел получить образование и в 1913 г. стал слушателем сельскохозяйственных курсов в Москве. Работая в кооперации, он публиковал статьи в журналах «Церковь» и «Старообрядческая мысль», был председателем Епархиального совета Пермско-Тобольской епархии (к 1917). В Гражданскую войну он служил проповедником в 3-й армии правительства А.В. Колчака. В Китае Иоанн Кудрин проявил себя миссионером, который не боялся полемики с православными священниками[3]. Другим известным деятелем старообрядчества был протоиерей Иоанн Шадрин, настоятель Древлеправославного храма во имя Успения Пресвятой богородицы в Харбине (с 1929). Он жил в Трёхречье, в посёлке Верх-кули и считался весьма знающим священником[4].

Дальнейшие события в Советской России привели к значительному увеличению старообрядцев в Китае. После окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке здесь появились новые группы из Сибири, Приморья и Приамурья. В начале 1921 г. в Харбин перенесли и кафедру епископа Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока, появились старообрядческие печатные издания. К 1930 г. до Дальнего Востока докатилась и коллективизация, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян, для большинства которых скрепляющим нравственным началом была религия. По всем сёлам и деревням стало проходить раскулачивание, при этом закрывались все старообрядческие приходы, как поповцев, так и беспоповцев. Потерпев в 1931–1935 гг. поражение в сопротивлении новой власти, они переправились через пограничную реку Уссури около Хутоу, севернее озера Ханка, а также в других местах советско-китайской границы, и поселились недалеко от России: в Харбине или Трёхречье.

[1] Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 36–38.

[2] Кудрин И.Г. Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул, 2006. 288 с.

[3] Соч. И.Г. Кудрина: Древняя Русь и старообрядчество. Харбин, 1929. 44 с.; Священномученник протопоп Аввакум. Харбин, 1931. 47 с.; О единоверии: Беседа новообрядческого священника со старообрядцами. Харбин, 1933. 38 с.; Как святые отцы учили о православной церкви, Харбин, 1935. 31 с.; Борьба с безбожием. Харбин, 1937. 4 с.; Голос старообрядца в защиту своих упований: (По поводу брошюры протоиерея Аристарха Пономарева «Об единоверии») Харбин, 1939. 174 с. и др.

[4] Шадрин И. Отчего произошёл раскол в православной церкви в XVII столетии. Харбин, 1937. 61 с. Рец.: Дмитрий. Мысли православного богослова // Хлеб Небесный. 1941. № 9–10. С. 46–50; № 12. С. 4–11.

Эмигранты предполагали быстро вернуться на родину после падения советского строя.

Наиболее крупным и характерным поселением была деревня Романовка, основанная летом 1936 г. в небольшой долине в окрестностях Хэндаохэцзы, обнаруженной братьями Калугиными. Первыми поселенцами стали Иван Селедков с двумя сыновьями и Павел Поносов. Сначала они жили в палатке, а в ноябре 1936 г. поставили в отведённом месте одноклетную избу из дерева, заготовленного в окрестном лесу с разрешения властей. В ней они с большим трудом перезимовали, добывая пропитание охотой. В феврале следующего года к ним пришли из разных мест Маньчжурии ещё 14 мужчин, в том числе, и Иван Калугин. Они привели лошадей. Проведя межевание пахотной земли и усадебных участков, мужчины начали строительство жилищ для своих семей. В марте в уже готовые избы приехали жены с детьми. Вскоре начались пахота и сев.

К концу 1937 г. в долине образовался целый посёлок. Существует несколько версий названия деревни. По одной из них, она названа по имени Романовской пади и одноимённой речки[1]. В своём ходатайстве властям старообрядцы отмечали: «У нас одна вера (мы все староверы), одна родина и занятие (крестьяне-охотники). Мы горячо желаем проживать вместе, служить народу, обществу и государству. Посему убедительно просим вас сдать в аренду участок земли, подходящей для земледелия и постройки посёлка... Сейчас в нашей группе 25 семей, в том числе: мужчин – 33, женщин – 28, детей – 61. Имеющийся скот и инвентарь: лошади – 28, коровы – 23, плуги – 2, телеги – 2, бороны – 4»[2].

В центре Романовки стояла молельня, построенная в 1939 г. В ней находились старинные иконы и книги. Кроме того, каждый бережно хранил у себя святыни, вывезенные из России. Настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов, изба которого располагалась напротив молельни. Старообрядцы были отличными плотниками и кузнецами: сами строили избы и изготавливали различную домашнюю утварь. Внешне избы были простыми и лишёнными украшений, но конструктивная продуманность удовлетворяла всем требованиям рациональности и удобства. В частности, большим достоинством их жилищ была хорошая защита от мороза и ветров. Романовцы жили необычайно сплочённо. Деньги от продажи пойманного зверя, – например, живого тигра – распределяли между всеми семьями. Даже подарки посетителей не попадали кому-либо в исключительное владение. Селяне помогали друг другу не только рабочей силой, но и рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями.

В первой половине 1940-х гг. кроме Романовки в восточной Маньчжурии существовало ещё несколько староверческих поселений. В Силинхе, образо-

---

[1] Гомбоев Н.Н. Вражда // Гомбоев Н.Н. Маньчжурия глазами охотника / Предисл. А.С. Лукашкина. Б.м., Б.г. С. 79.

[2] Накамура Ёсикадзу, Токио. Текст предоставлен Ричардом Моррисом // «Старообрядецъ», 2005, № 34. Электронный ресурс: http://bichura.ru/content/view/98/1/.

ванном в 1932 г., жили братья Дмитрий и Логин Гостевские, Герасим Юрков, Сазон Бодунов. В селении Дацзицюань, в долине реки Танванхэ, в 12 верстах от железнодорожной станции Вэлин, жили Игнатий Басаргин, его сын Ефим и его четыре двоюродных брата, сыновья Кондратия: Ефим, Анисим, Федул и Степан. Среди других крупных старообрядческих поселений – Коломбо, Ханьдаохэцзы, Мерген, Татицван, Чипигу (Масаловка) и Медяны. Общины староверов имелись в таких больших городах, как Харбин, Цицикар, Бухэду и Хайлар, или около них. Старообрядцы постоянно поддерживали связь между собой.

Одним из наиболее распространённых видов деятельности старообрядцев была охота, тем более, что маньчжурская тайга считалась очень богатой на дичь. В районе трёх линий КВЖД промышляли до трёх тысяч русских охотников[1]. Большинство предпочитали охотиться на птицу или пушного зверя, и только небольшая часть охотилась на тигра. Особенно удачливым считался житель Ханьдаохэцзы Семён Калугин, который за зимний сезон 1936 г. добыл семь тигров. Другими известными и удачливыми охотниками-профессионалами были Лука Малахов, Фёдор Мартюшев и Пётр Калугин[2]. По мнению китайских медиков, препарат из тигрового сердца даёт человеку необычайное мужество и стойкость, а амулеты из тигров когтей и усов возвращают утраченную любовь. Обычно туша тигра оценивалась от 900 до 1500 гоби[3], и один убитый тигр мог дать больше прибыли, чем самый удачный охотничий сезон[4]. С 1932 г. охота регулировалась правилами правительства Маньчжоу-ди-го и Харбинским обществом правильной охоты и рыболовства, которое затем было преобразовано в секцию охоты и рыболовства при БРЭМ (1936). Старообрядцы также занимались отловом живых тигров для продажи в зоопарки.

Популярной была и добыча пантов, которые использовались для приготовления лекарств традиционной китайской медицины. Китайцы утверждали, что снадобье из пантов излечивает малокровие, бессонницу, головокружение, ревматизм, слабость десен и зубов, расстройство желудка, камни в почках и другие серьёзные болезни. В тридцатые годы внимание восточной медицине, в частности, настойкам с использованием оленьих пантов, стали уделять и европейские медики. По этой причине панты в Китае стоили очень дорого: за пару пантов средней величины давали от 500 до 600 гоби, а за крупные можно

[1] Муратов Б. Охота на тигра в Маньчжурии // Рубеж. 1936. № 14 (28 марта). С. 17: фот.; Зуев С., Косицын Г. (По статьям Н.А. Байкова). Охота в Северной Маньчжурии // Политехник. Австралия, 1979. № 10. С. 250–257: фот.

[2] Гомбоев Н.Н. Охотничье счастье // Гомбоев Н.Н. Маньчжурия глазами охотника / Предисл. А.С. Лукашкина. Б.м., Б.г. С. 22–29.

[3] Муратов Б. Охота на тигра в Маньчжурии: Опасный, но прибыльный промысел // Рубеж. 1936. № 14 (28 марта). С. 17: ил.

[4] Три тигра на двоих! // Рубеж. 1937. № 4 (23 янв.). С. 17: фот.

было получить около 1000 гоби[1].

Японская оккупация Северной Маньчжурии мало изменила жизнь старообрядцев. Японцы совершенно не обращали внимания на внутреннюю структуру и особенности старообрядческой общины. Как и все русские эмигранты на севере Китая, старообрядцы были обязаны встать на учет в БРЭМ, заполнив соответствующую анкету. Старообрядческие общины выбирали из своей среды представителя БРЭМ, на котором лежали обязанности по общению старообрядцев с властями. Как и вся русская эмиграция, старообрядцы были обязаны участвовать в общественных работах, в частности, выделять скот для строительства дорог или принимать участие в системе японской гражданской обороны. Япония строила планы по вторжению на территорию российского Дальнего Востока, и русских эмигрантов предполагалось использовать как связующее звено между русским населением и японцами. Старообрядцев привлекали и на военную службу: их готовили на роль проводников. В основном, они проходили подготовку в формированиях Асана.

1945 год поставил точку на отлаженной жизни старообрядцев. Советская армия захватила в Харбине архив БРЭМ и определилась с теми, кто в той или иной степени контактировал с японцами. Сразу же были арестованы и депортированы в СССР почти все старообрядцы-мужчины кроме нескольких стариков. Советские дипломаты стали проводить в Маньчжурии и Синьцзяне агитацию за возвращение семей на родину. Некоторое время семьи старообрядцев, оставшиеся в Китае, ждали возвращения мужчин, но с каждым годом надежда гасла. В Китае же всё больше и больше устанавливалась власть коммунистов. В это время русские баптисты и пятидесятники сумели уехать через Шанхай и Филиппины в другие страны. Через них старообрядцы узнали о правилах эмиграции из Китая и вскоре тоже покинули Китай.

3. Молокане

Первые молокане попали в Китай вместе с первостроителями железной дороги. К 1904 г. их было около ста человек. В 1910 г. молокане попытались построить молитвенный дом и обратились к администрации КВЖД с просьбой выделить участок. Просьбу оставили без удовлетворения. Во время Гражданской войны число молокан значительно возросло. Общиной управляли представители старшего поколения, знавшие Священное писание. В 1920 г. был избран Комитет из семи человек, выработавший положение об общине. Этот устав был зарегистрирован 11 мая 1920 г. Русским пограничным окружным судом[2]. По нему Комитет переизбирался через два года. Три

---

[1] Муратов Б. За пантами в тайгу… Самый прибыльный вид охоты // Рубеж. 1936. № 29 (11 июля). С. 18: фот.

[2] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 51.

члена Комитета постоянно занимались разбором конфликтов или помощью нуждающимся молоканам. Первым и бессменным председателем и наставником (пресвитером) стал предприниматель Ефим Григорьевич Косицын (1865–1940, Харбин)[1]. Встречи молокан проходили на частных квартирах или в арендованном помещении школы. Богослужения и музыкальные спевки нередко приходилось переносить из-за школьных занятий.

В 1923 г. молокане вновь подняли вопрос о выделении земли, но только через шесть лет Городское земельное управление Харбина выделило им участок на правах аренды в Сунгарийском городке, по Варшавской ул., № 70. Инициатором строительства молитвенного дома был предприниматель Яков Иванович Чекмарев (? – 1948, Харбин)[2]. Большую помощь в строительстве оказал молоканский Дамский кружок, собравший немало средств. Одноэтажный Молоканский молитвенный дом (82 кв. м.) вмещал до 200 человек[3]. Торжественное открытие его состоялось 17 декабря 1929 г. При доме имелись квартиры для обслуживающего персонала.

27 декабря 1933 г. молоканская община прошла перерегистрацию. После японской оккупации Маньчжурии количество молокан стало уменьшаться. Часть их них уехали в Цицикар или Шанхай, но большинство предпочли эмигрировать в Австралию или США. На 1940 г. в Харбине числилось 186 молокан. Из них 171 были эмигрантами, 14 имели китайское подданство, а один молоканин формально являлся советским гражданином[4]. Новые члены общины появлялись только в результате браков. Молоканская община также имела своё кладбище (5460 кв. м.), которое размещалось напротив православного погоста, рядом с польскими и немецкими захоронениями.

4. Католицизм

Первый католический приход, или Русская епархия Византийско-Славянского обряда, в Китае был основан во время строительства КВЖД[5]. Первых католиков обслуживал военный капеллан, который устраивал моления в военных казармах, также имелась домовая церковь в Корпусном городке. Первыми харбинскими ксендзами являлись поляки Шиганович, Пшелуский и Антоний Мачук. В 1906 г. ксендз Пшелуский с единомышленниками решили построить капитальный храм в честь Святого Станислава, епископа-мученика. КВЖД выделило католикам «на вечные времена» большой земельный участок (819 кв.м.) на Большом проспекте, № 27, напротив Старого кладбища. Проект храма и

---

[1] Жилевич (Мирошниченко) Т. В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. Мельбурн, 2000. С. 123, портр.

[2] Земляк-Ник. Светлой памяти Я.И. и Н.И. Чекмаревых // Новая заря. 1948. 12 окт.

[3] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 52.

[4] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 53.

[5] Также см. Ефимова М. Харбинские католики и храмы // Ефимова М. Вера сквозь века: История римско-католической церкви Дальнего Востока России. Владивосток, 2007. С. 189–212.

строительство вёл инженер Николай Казы-Гирей. Закладка храма состоялась 7 октября 1906 г. Площадь кирпичного костёла составляла 227 кв.м. и вмещала до 500 человек. 1 августа 1909 г. архиепископ Ян Цепляк освятил новый костёл[1]. Вначале приход находился в ведении Могилевской митрополии, потом его подчинили Владивостокскому епископу. 28 октября 1923 г. в костёле состоялось посвящение Владивостокского настоятеля отца Карла Сливовского в епископы, которое провёл представитель папы епископ Константин. Позднее костёл управлялся Гиринским епископом Августином Гапэ.

Первое время служба велась нерегулярно, так как военные ксендзы были вынуждены разъезжать по гарнизонам. Первым постоянным настоятелем храма стал отец Владислав Островский. Позднее настоятелем был каноник Павел Ходневич, а его помощниками – отец Александр Эйсымонет и отец Витольд Зборовский. Прихожане, которых насчитывалось более 1500, на 90 процентов были поляками, хотя на службу приходили и литовцы, латыши, французы, немцы, венгры, португальцы, итальянцы, армяне и русские. Среди католиков встречались даже китайцы (около 40 чел.) и японцы (30–40 чел.). Богослужения велись в основном на латинском языке, но в праздничные дни евангелие читалось на польском, русском, французском, китайском и японском языках. Проповеди были на польском, но в праздничные дни также на русском языке.

На территории костёла находились дом для настоятеля, доходный дом и гимназия имени Генриха Сенкевича. Она была открыта в 1912 г. как начальная школа, а в 1916 г. получила права гимназии. С 1910 г. при костёле работало Благотворительное общество Святого Викентия, а в 1922–1942 гг. издавался журнал «Тыгодник (еженедельник) польский».

Другой католический храм в Харбине появился благодаря папскому представителю епископу де-Гебриану, который в 1921 г. приезжал в Харбин из Пекина. Он обратил внимание на то, что в районе Пристани жило много католиков, и предложил построить новый костёл. Вскоре создали Строительный комитет во главе с ксендзом Антонием Лещевичем. 3 сентября 1922 г. на Аптекарской улице (№ 115) прошла торжественная закладка по проекту инженера Владислава Янкевича, который вёл и строительство. Храм был деревянный, размером 19 на 8 метров и мог вместить до 300 человек[2]. Костёл был назван в честь Святого Иосафата (Иозефата) и торжественно освящён 15 июня 1925 г. миссионером отцом Мавром Клюгэ. Первым настоятелем стал отец Антоний Лещевич, затем его сменил Грацион Колодзейчик. Общее число прихожан составляло около 800 человек, среди них были и корейцы. При костёле с 5 июля 1925 г. (до 1938) работала приходская школа, открытая во Французской католической миссии (Тен-Гу-Та).

Католическим учебным заведением в Харбине был и Колледж (Конвент) Святой Урсулы для девочек с 11-летним сроком обучения, открытый католи-

---

[1] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 41–42.

[2] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 43–44.

ческой миссией 29 сентября 1928 г. Директор М.Л. Сливовская и другие монахини приняли византийско-славянский обряд (униатство) с целью претворить в жизнь экуменизм, сближение православия с католичеством. Первый выпуск в колледже состоялся в 1933 г., последний, 15-й, – в 1948 г., когда по требованию китайских властей здание было национализировано и учебное заведение закрылось[1]. Имелось и учебное заведение для мальчиков – Лицей Святого Николая[2].

Заслуживает внимания и издательская деятельность католиков, которой, в основном, занимался католический проповедник и историк Виктор Викторович Власов фон Вальденберг (1893–1951), бывший полковник[3]. Он был секретарём Лицея Святого Николая и написал несколько богословских и исторических работ[4]. Автором религиозных сочинений был католический священник в Харбине С. Тышкевич[5]. Большинство этих работ увидело свет в журнале «Католический вестник», который выпускался одноименным издательством Русской католической миссией (в некоторых случаях Русская католическая епархия). Богословскую литературу также издавала Русская католическая церковь в Шанхае. За исключением образования и издательской деятельности позиции католической церкви среди эмигрантов Харбина не были особенно сильны. Вероятно, последний католический приход закрылся после отъезда в Австралию в 1956 г. ксендза А. Эйсмонта.

5. Лютеранство

Евангелическо-Лютеранская община была основана 2 октября 1905 г. немцами, латышами и эстонцами, работавшими на КВЖД. Первое время служба велась на частных квартирах. В 1909 г. правление КВЖД выделило лютеранам земельные участки для строительства кирхи (9241 кв.м.) и кладбища (9880 кв.м.). В 1915 г. (по другим сведениям, в 1914) началось строительство нового храма, который торжественно освятили 16 октября 1916 г. Большую роль при этом сыграли Ф. Отт, Л. Мурс, Ф. Раупах и С. Вальс. Кирха (200 кв.м.) находилась

---

[1] См.: Колледж Св. Урсулы. 1929–1949 в г. Харбине / Под ред. Н. Бутвилло, Л. Косициной. Австралия, 1998. 255 с., ил.

[2] См.: Лицей Св. Николая. 1929–1949 в г. Харбине / Под ред. Н. Бутвилло. Австралия, Б.г. 280 с., ил.

[3] http://zarubezhje.narod.ru/texts/frrostislav309.htm.

[4] Власов В.В. К свету и вечной любви: Жизнь и деятельность основательницы ордена Францисканок миссионерок Св. Марии. Харбин, 1931. 23, 1 с.; История России (862–1920) / Сост. В.В. Власов фон Вальденберг. Харбин, 1936. 938 с.; Краткий очерк развития русского католического движения на Дальнем Востоке // 10 лет Лицея Св. Николая, 1929–1939: Сб. / Сост. В.В. Власов фон Вальденберг.

[5] Тышкевич С. Католический катехизис (Catechisme Catholique) / С разрешения и благословения Вост. Конгрегации. Харбин, 1935. 216 с.; Краткий католический катехизис = Petit Catechisme Catholique pour les Russes. Харбин, 1936. 108 с.; Что в православии приемлемо для католиков. Харбин, 1937. 31 с.

в Новом городе на Большом проспекте между ул. Телинской и Мукденской, № 13. Тогда Харбинский приход подчинялся Владивостоку. После окончания Гражданской войны он стал более самостоятельным, поддерживая тесные связи с Ригой, Ревелем и Берлином. Службу в Харбине вели проповедники Саллум, Лассман и военный пастор Я.А. Дризуль (1869, Литва – после 1943)[1]. Он же был директором Харбинской Русской гимназии (с 1906)[2], в стенах которой он и встречался с лютеранами до строительства кирхи. Педагогическую и религиозную деятельность Ян Андреевич начал одновременно в 1891 г. В 60 лет он окончил юридическое отделение Юридического факультета в Харбине (1929). 10 августа 1930 г. в Латвии Дризуля рукоположили на должность пастора евангелическо-лютеранской церкви в Харбине. Эту должность он занимал до 1934 г. С 1934 по 1943 гг. пастором был Розен. Потом вновь пастором стал Дризуль. Всего же лютеранами числилось около 300 семей (600 человек).

В Мостовом посёлке Харбина имелась Китайская католическая (христианская) миссия, которая известна изданием богословской литературы, выпускаемой Карлом Карловичем Кастлером[3]. Он же был и автором проповедей[4]. В 1928 г. Кастлер приобрёл небольшой участок земли с деревянным домом в 100 кв.м., обложенном кирпичом. Он вмещал до 150 прихожан. В 1936 г. кирху захватили прихожане-приверженцы нацизма. Они вынудили Кастлера уйти в другое помещение, и он открыл кирху в своём доме, капитально отремонтировав и торжественно освятив её 1 августа 1937 г. Новый приход получил имя в честь реформатора доктора М. Лютера. Харбинцы называли его домом Лютера или Домом лютеран, который существовал до 1954 г., когда Кастлер уехал во Францию.

6. Методизм

Методистская епископальная церковь, открытая в Харбине Сибирской Маньчжурской миссией[5], была известна большой издательской деятельностью. С 15 июля 1923 г. там издавался журнал «Методистский христианский поборник» (закрыт после 1925). Издательства «Посох» и «Меч Гедеона», принадлежавшие церкви, выпускали однодневные журналы и сборники: «Посох» (март, 1936 г.), «Слуга пастыря» (октябрь 1936 г.), «Ясли Царя» (декабрь 1936 г.), «Победа

[1] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 46–48.

[2] Пальмов Л. Двадцатилетний юбилей // Слово: Воскрес. иллюстр. прил. Шанхай, 1931. 13 сент. С. 8: портр.

[3] Тюнин М. Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. 1940. № 11. С. 38.

[4] Псалтирь и гусли («Воспрянь, Псалтирь и Гусли» Пс. CVII. 3): Сб. духов. гимнов для пользования на богослужениях в евангел.-лютер. церкви в «Доме Лютера» / Сост. К.К. Кастлер. Харбин, 1938. 48 с.

[5] Демидов В. Очерки сектантства: Время появления сектантства в Маньчжурии // Хлеб Небесный. 1927. № 6 (1–31 мая). С. 15–16.

жизни» (май, 1937 г.), «Свет во тьме (июль, 1937 г.), «Знамя Креста» (ноябрь 1937 г.), «Зов пришествия» (январь 1938 г.), «Крестный путь» (апрель 1938 г.), «Щит веры» (июль, 1938 г.), «Милость и долг» (сентябрь 1938 г.), «Во имя Христа» (март, 1939 г.), «Служение Христу» (1939 г.), «Юбилей Гедеонов» (ноябрь 1939 г.)[1].

Руководство Методистской епископальной церковью осуществлял протестантский пастор Г.И. Ясиницкий, представитель Библейского Шотландского общества в Харбине.

7. Баптизм

Первые баптисты приехали в Маньчжурию из Владикавказа и в 1903 г. основали общину из 20 человек, которые активно занимались миссионерской деятельностью[2]. Первым пресвитером был Иван Захарович Осипов (1883–?). В 1930 г. баптисты начали строить в Новом городе молитвенный дом (ул. Речная/Дровяная), но из-за нехватки средств строительство пришлось отложить. В это время из Шанхая приехал баптистский пресвитер Август (Аугустас) Матвеевич Пуке (1893–1976, Австралия), латыш по национальности. В своё время он проходил военную службу во Владивостоке и после демобилизации в 1918 г. остался в этом городе. Обладая музыкальным даром, Пуке стал регентом хора, сочинял музыку для псалмов. 23 января 1935 г. его избрали пресвитером Харбинской общины баптистов[3]. Он и его сподвижники решил продать участок с фундаментом и купить новый в Сунгарийском городке по Болотной ул., № 14. Торжественное открытие храма состоялось 10 ноября 1940 г. Молитвенный дом был просторным, 200 кв.м., и мог вместить до 200 прихожан, хотя вся община состояла из 98 человек (88 – русских, немцев и латышей – 2)[4]. Помимо этого баптисты арендовали зал для молитвенных собраний у Маньчжурской методистской церкви (Короткая ул., № 21). Всего же в Харбине насчитывалось 200–250 баптистов.

8. Евангельские христиане

Церковь Евангельских христиан тоже участвовала в религиозной жизни Харбина[5]. Евангелисты-христиане появились в Харбине после окончания Русско-японской войны, но община была основана только в 1911 г., когда появился первый миссионер-проповедник Е.Ф. Ножкин, который арендовал для молитвенных собраний небольшой дом. 15 августа 1915 г. настоятелем стал Семён

[1] Тюнин М. Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. 1940. № 11. С. 36.

[2] Наши баптистские принципы / Пер. и сост. для баптистского юношества Я.Я. Винс, миссионер Генерального миссионерского общества Германо-Балтийских церквей С. Америки. Харбин, 1924. 82 с. Репринт.

[3] См. о нём: http://baptistru.info/index.php/.

[4] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 61.

[5] Об евангелистских христианах см.: Свет Евангелия в Русском Китае // http://baptisti-vl.livejournal.com/32340.html.

Павлович Баданцев (1872–1957, Австралия), посланный из Петрограда Русским союзом Христиан евангельской веры. Некоторое время он жил в Никольск-Уссурийском. В 1921 г. его назначили представителем Всероссийского союза евангельских христиан[1].

Евангелисты-христиане имели несколько молитвенных домов. Первый, одноэтажный кирпичный дом в 30 кв.м, где собирались до 60 человек, располагался на Владимирской ул., № 69. Некоторое время прихожане встречались в здании на углу Киевской и Тверской улиц. Они занимали и дом в Корпусном городке, по Седьмой ул., № 3[2]. Богослужение велось четыре раза в неделю. Церковь вела активную деятельность, сумев привлечь к себе около 300 человек.

9. Христиане веры евангельской (пятидесятники)

Харбинская община христиан евангельской веры (пятидесятники) была основана 25 марта 1931 г. пастором Николаем Ивановичем Пейсти (1892–1947, Нью-Йорк). Его отец был шведом, а мать – русской. В 1919 г. Пейсти поселился с семьёй в Южно-Уссурийском крае. Он работал секретарём местного отделения Христианского союза молодых людей и три года возглавлял общину баптистов в Никольске-Уссурийске. В 1922 г. Пейсти организовал Библейские курсы, на которых готовили проповедников. В 1923 г. он уехал в Харбин, где стал директором Методистского Богословского института. В то время пятидесятники арендовали помещение (72 кв.м.) в доме на проспекте Да-тун с выходом на Королевскую ул., № 76[3]. Там собралось до ста прихожан. Община занималась благотворительной деятельностью, проводила беседы с маньчжурскими детьми. С началом японской оккупации финансовая помощь из США прекратилась, и приход стал жить на церковные сборы. В 1935 г. Пейсти с семьёй уехал в США[4].

Пятидесятники в Харбине имели свой журнал «Благая весть». Его редактором, как и ряда других изданий христиан евангельской веры, был Марк К. Гончаренко[5]. Критические статьи против пятидесятников печатал в харбинских газетах Б.Н. Брадович, работавший учителем в Харбинском обществе методистов и в дальнейшем, незадолго до смерти, принявший православие. Свои статьи он опубликовал в виде небольшой книги[6].

---

[1] См. о нём, портр.: http://baptisti-vl.livejournal.com/34009.html.

[2] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 2 9. Л. 54–56.

[3] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 64–65.

[4] Потапова Н.В. Воспроизводство кадров служителей дальневосточных баптистских церквей в условиях системного кризиса 1917–1922 годов. Сборник статей Международной научно-практической конференции «Традиция подготовки служителей в братстве евангельских христиан-баптистов. История и перспективы», Москва, 2013. С. 90.

[5] Демидов В. Очерки сектантства: Время появления сектантства в Маньчжурии // Хлеб Небесный. 1927. № 6 (1–31 мая). С. 13–14.

[6] Брадович Б.Н. Пятидесятничество и пятидесятники. Харбин, 1933. 30 с.

10. Христиане-адвентисты 7-го дня

Сунгари-Монгольская миссия Христиан Адвентистов Седьмого Дня появились в Китае во время строительства КВЖД, но она не проявляла активности до 1921 г., пока из США для активизации деятельности сектантов не приехал Феофил (Теофил Теофилович) Бабиенко (1885–?), автор нескольких работ[1]. Адвентисты издавали свой журнал «Семейный досуг», а также множество книг и листовок[2]. Они имели собственное издательство «Альфа и Омега» (1923), пользовались и другими возможностями. Через издательство «Спутник жизни», в частности, они напечатали Библию (1936).

Большую роль у адвентистов играла семья Бражниковых. Проповедником и преподавателем юридических и гуманитарных наук в гимназии адвентистов 7-го дня был Борис Константинович Бражников (1878–1865, Сан-Франциско). Окончив Императорское училище правоведение, он приехал на Дальний Восток следователем Владивостокского окружного суда (1904–1907), после чего служил товарищем прокурора окружного суда на станции Пограничной (1907–1920)[3]. «Владея французским и немецким языками и зная хорошо латинский и греческий языки, он погрузился в иностранную и отечественную богословскую и историческую литературу, после чего примкнул к евангельскому движению Адвентистов, вступил в Библейскую школу, которую закончил с успехом, и принял обязанности проповедника и директора гимназии»[4]. В 1939 г. Бражников переехал к дочери в США. Переводческой деятельностью и редактированием религиозной литературы занималась его жена Екатерина Ивановна (урождённая Кайдо, 1890–?). После окончания гимназии в Москве она три года училась на естественно-научных курсах Лохвицкой в Санкт-Петербурге (1909). Приехав в Маньчжурию из Владивостока, она преподавала английский язык в гимназиях адвентистов 7-го дня и Оксаковской[5] и подготовила к изданию книгу на тему воспитания[6].

Адвентисты имели два храма. Один находился в Новом городе, на Цицикарской ул., № 9[7]. Для строительства этого здания были заняты деньги у единоверцев из Мукдена. В конце октября (или начале ноября) 1923 г. храм площа-

---

[1] Бабиенко Т.Т. Катастрофа мира. Харбин, 1923. 107 с., ил.

[2] Тюнин М. Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиогр. очерк // Хлеб Небесный. 1940. № 11. С. 37.

[3] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 7935. Л. 8–9; Ксенос П.В. Отповедь вероотступнику адвентисту Б. Бражникову // Хлеб Небесный.1927. № 11. С. 27–28.

[4] Животенко Т. Светлой памяти Б.К. Бражникова: (Некролог) // Новая заря. 1965. 21 авг.

[5] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 7935. Л. 1–2.

[6] Ключ к выходу из всяких затруднений в нашей жизни / Ред. и пер. Е.И. Бражникова. Харбин, 1936. 152 с.

[7] ГАХК.Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 57.

дью 227 кв.м. торжественно открыли. Он вмещал до 300 человек. Второй храм находился в Сунгарийском городке. Вначале его построил на Ковельской ул. пастор Попов, настоятель в этом районе в 1927–1941гг. В дальнейшем приход перенесли на купленный участок на угол проспекта Да-тун и Пастеровской ул. Храм площадью 150 кв.м., вмещавший до 180 верующих, торжественно освятили в конце ноября (начале декабря) 1929 г.[1]

Долгое время пастором адвентистов был Михаил Андреевич Калабугин (1893–?)[2]. Окончив землемерное училище в Уфе (1913) и Казанское военное училище (1916), он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, дослужившись до штабс-капитана и приняв веру.

Харбинская церковь христиан адвентистов Седьмого дня вела большую миссионерскую деятельность и была популярна среди русских эмигрантов и китайцев. Особенно большое внимание обращалось на помощь неимущим – для этого был создан приют, а также больным вне зависимости от того, являются ли они адвентистами. Приход имел начальную школу (1922–1929), преобразованную в гимназию (1930–1941). За двадцать лет веру приняли более тысячи человек. Вероятно, поэтому она подвергалась критике со стороны православных деятелей[3].

11. Хлысты

Секта хлыстов была запрещена в Российской империи. Преследовались сектанты и в Маньчжурии, где появились с началом строительства КВЖД. Всего же по станциям железной дороги насчитывалось около 200 приверженцев этого течения. В июне 1912 г. харбинская полиция арестовала сектантов, которые находились в доме Федора Кирилловича Послениченко (или Подесниченко)[4].

12. Этнические диаспоры и вероисповедания

Армянское национальное общество в Маньчжурии было основано около 1917 г. (Устав утвердили в 1921), а первые армяне появились в Харбине в 1900–1903 гг. Они работали на строительстве КВЖД и занимались предпринимательством. Члены общества имели земельный участок в 1900 кв.м. в Новом городе Харбина, по ул. Садовой № 18 и ул. Ляоянской, на котором в 1923 г. построили кирпичный Армянский молитвенный дом. В нём имелся зал для молитв и национальных праздников (60 кв.м.), квартира священника (54 кв.м.),

---

[1] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 59–60.

[2] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 18756. Л. 1, 1 об.

[3] В частности, см.: Ефимов А.И. У адвентистов / Предисл. авт. Тянь-Цзин, 1929. 258 с.

[4] Демидов В. Очерки сектантства: Время появления сектантства в Маньчжурии // Хлеб Небесный. 1927. № 6 (1-31 мая). С. 11–12.

а также саманный дом-общежитие для жилья бедняков (21 кв.м.)[1]. Председателем правления был Касакальян, вице-председателем – Ананов, секретарём – Сатомонянц. Духовный глава – архимандрит о. Асотик Казарьян[2]. Прихожан насчитывалось более 150. Армяне имели свою национальную школу и другие общественные организации.

Грузинское национальное общество в Маньчжурии считалось одним из старейших организаций в Харбине. К 1941 г. оно насчитывало около 400 грузин. Председателем национального совета был В.М. Церцвадзе, товарищем председателя – Г.Е. Николадзе, председателем правления – Г.Е. Хундадзе. Общество имело собственный дом на проспекте Да Тун, где помещалась Грузинская библиотека, основанная в 1905 г. Ею заведовал К.М. Махвиладзе, он же был преподавателем в национальной школе[3]. Грузины имели и свой приход.

Тюрко-татарскую национальную общину в Маньчжурии основали в 1904 г., но первым поселенцем считается И.Х. Байчурин, приехавший сюда с партией строителей КВЖД в 1898 г. Просьба мусульман о выделении участка для строительства мечети была удовлетворена: Управление КВЖД в 1906 г. выделило им землю в районе Пристани, по Артиллерийской ул., № 58[4]. В том же году там соорудили небольшое каменное здание для мечети, а рядом – одноэтажный дом-школу. Первым постоянным имамом в Харбине был Гиниетулла Селихметов, служивший с 1907 по 1926 гг. Он же возглавил Тюрко-татарскую национальную и духовную общину, зарегистрированную в 1913 г. После смерти Селихметова муллой стал Мунир Хасбиуллин (до своей смерти в феврале 1944)[5].

Из-за огромного наплыва беженцев харбинские мусульмане решили построить новую мечеть в честь тысячелетия принятия ислама тюрко-татарами и булгарами. Старое здание было снесено, а на его месте соорудили большую двухэтажную Соборную мечеть в честь пророка Магомета (277 кв.м.), вмещавшую 500–600 человек. Это здание торжественно открыли 7 октября 1937 г.

К 1941 г. тюрко-татарская национальная община в Маньчжурии насчитывала 500 членов. Она управлялась правлением: председатель Х.И. Салеев, товарищ председателя И.Ф. Килькеев и секретарь Ш.И. Байчурин, мулла Хасбиуллин. При общине работали культурно-просветительский, благотворительный, дамский и другие комитеты[6]. Она содержала национальную школу «Гинаят», приют для инвалидов и престарелых (с 1937), детский приют-интернат (с 1941).

---

[1] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 40.

[2] Савский Г. Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. 1941. № 40/13 (4 окт.). С. 12–14: фот.

[3] Там же.

[4] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 66.

[5] http://tatarica.yuldash.com/culture/article584.

[6] Тюрко-татарская община // Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею Харбин, 1942. С. 316–318; Савский Г. Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. 1941. № 40/13 (4 окт.). С. 12–14: фот.

Одним из наиболее известных общественных деятелей общины был А. Исхаки. В 1933 г. он приехал из Германии в Японию, откуда перебрался в Харбин, где основал газету «Милли Байрак». Очень много для сплочения мусульман сделал председатель тюрко-татарской духовной и национальной общин в г. Харбине Хабибулла Ибятулович Салеев.

В Харбине также имелась мечеть для китайских мусульман (Фудзядянь) и мечеть «Чин-Ди-Сы».

Караимы. В Харбине проживала небольшая группа караимов, выходцев из Польши и Крыма[1]. Первые приехали в Харбин в 1902–1903 гг., а во время Русско-японской войны их число увеличилось. Многие занимались коммерцией. Самым известным из них был Илья Аронович Лопато (1874?–1934, Париж), владелец табачной компании «Акционерное общество А. Лопато и сыновья» и старшина Харбинского биржевого комитета[2]. Харбинские караимы примерно в 1906–1907 гг. основали своё Религиозное общество с 50 прихожанами. Оно размещалось в доме на Коммерческой ул., № 68, кв. 7 (14 кв.м.), где жил газзан, то есть настоятель[3]. Половина прихожан были выходцами из Польши. Богослужение велось на гибрейском (разговорном караимском), а также на русском языках. Очень много для общины сделал газзан Иосиф Романович Лопато.

Евреи поселились в Китае с началом строительства КВЖД, основав свою национальную общину в 1903 г. В это время в Харбине проживало от 5 до 10 тыс. евреев, объединённых в Харбинскую еврейскую духовную общину (ХЕДО), которая утвердила свой устав в 1919 г. Председателем общины был А.И. Кауфман. В связи с изменением устава в 1927 г. была учреждена новая еврейская община и проведены новые выборы[4]. К 1941 г. ХЕДО насчитывала 2500 человек и входила в состав Национального совета евреев Дальнего Востока. Он также находился в Харбине (председатель А.И. Кауфман, члены: М.Г. Зимин, М.М. Гроссман, В.М. Арцин и И.М. Беркович). В составе ХЕДО работали благотворительные организации: общество «Мишмерес Хойлим», основавшее Еврейскую больницу, общество «Еврейской бесплатной и дешевой столовой», Еврейская национальная школа «Талмуд-Тора» им. Л.Ш. Скидельского и др.

Общество беспроцентных ссуд «Гмилус Хесед» было основано в Харби-

---

[1] Лаврин Л.М. Караимы в Харбине // Крымские караимы, июнь 1998 год, Симферополь http://www.karaimskajazizn.estranky.cz/clanky/5.html.

[2] Доброхотов Н.М. Спутник коммерсанта: Ежегодн. экон., железнодор., администр. и обществ. справ. по Сев. Маньчжурии и по г. Харбину. 1926–1927 гг.: Вып. 1. Харбин, 1926. С. 104 (портр.), 109; Тишенко П. Памяти Ильи Ароновича Лопато // Харбин. старина. Харбин, 1936. С. 30–34: портр.

[3] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 75.

[4] Легализация Харбинской еврейской общины // Еврейс. жизнь. 1927. 16 июня. С. 16; См. также: Фридман М. Харбинская еврейская духовная община под руководством д-ра А.И. Кауфмана // Игуд иоцей син. 1999. № 358 (апр.–май). С. 54–57; № 359 (июнь–июль). С. 58–63; № 360 (сент.–окт.). С. 82–86; № 361 (нояб.–дек.). С. 88–92; 2000. № 363 (апр.–май). С. 36–43.

не 23 октября 1916 г. За первые десять лет оно выдало ссуд на общую сумму 26760 рублей[1]. В 1923 г. открыли Еврейский народный банк. Также существовали Дамское еврейское благотворительное общество, основанное в 1906 г., общество попечения о бедных евреях «Мойшев Згейним» им. четы Рабинович, общество мелких ссуд «Эзро», а также ряд культурно-просветительских организаций: «Маккаби», «Брит-Трумпельдор», «Вицо» и др.

Синагоги были открыты в каждом городе Китая, где имелись общины выходцев из России и существовали еврейские общины. В Харбине по ул. Артиллерийская, № 5 находилась Главная синагога, построенная в 1909 г. на участке, выделенном КВЖД (2503 кв.м.)[2]. Инициаторами строительства были М.Л. Самсонович, А.М. Мородохович, Е.М. Дебисов и Ф. Риф. Строительство началось в 1906 г., а открылось в августе 1907 г. Первым настоятелем был З. Кашкель, которого сменил Левин. В 1913 г. главным раввином стал Гаон Аарон Моше Шмуэль Кисилев (1866–1949, Харбин)[3], опубликовавший несколько книг[4]. В июне 1931 г. синагогу уничтожил пожар, поэтому на Артиллерийской ул., № 44, возвели новое двухэтажное здание с дополнительным помещением на верхнем этаже для администрации.

Во время Гражданской войны в Харбин приехало немало евреев. В связи с этим М.В. Кофман вместе с П.Н. Каном, Ю.А. Боровым, Я.М. Лифшицом и Я.Л. Кринкевич решили возвести ещё одну синагогу. Был приобретён участок в 1296 кв.м. на ул. Диагональной, № 88. Новая синагога «Бейс-Гамедриш» (Молитвенный дом) открылась 21 сентября 1919 г. и вмещала в себя около 800 человек[5]. В 1917 г. по инициативе Г.Б. Дризина, Ю.Ш. Мирвиса и Л.А. Дятловицкового был куплен участок земли (1145 кв.м.) в Модягоу по Сербской ул., № 6. Там открыли Еврейский молитвенный дом (66 кв.м.), который вмещал до 60 человек[6].

Большая общественная библиотека, открытая в 1912 г., считалась одной из лучших в Харбине. Много лет там действовало Дальневосточное еврейское центральное информационное бюро (Дальевциб). Издавался журнал «Еврейская жизнь», орган национального комитета, журнал «Гедетел», орган новой сионистской организации Брит-Трумпельдор[7]. Огромное внимание издатель-

---

[1] К десятилетнему юбилею в О-ве «Гмилус-Хесед» // Еврейс. жизнь.1926. 21 нояб. С. 20–21.

[2] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 69.

[3] Фридман М. Харбинская Еврейская духовная община под руководством д-ра А.И. Кауфмана // Бюл. Игуд иоцей син. 1999. № 358 (апр.–май). С. 54–57.

[4] Соч.: Морские валы. Харбин: Тип. Левитина, 1926; Сефер мишбрей иам (Шалот утшувот): Респонсы по талмудческим вопросам. Харбин, 1927 (на иврите); Национализм и еврейство: Сб. статей и лекций. Харбин, 1941. 182 с.

[5] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 72.

[6] ГАХК. Ф. 831. Оп. 2. Д. 29. Л. 74.

[7] Савский Г. Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. 1941. № 40/13 (4 окт.). С. 12–14: фот.

скому делу уделял А.М. Киселёв, приехавший в Харбин раввином в 1913 г. и ставший в 1937 г. по решению Первой Дальневосточной еврейской конференции (1937) главным раввином еврейских общин на Дальнем Востоке. Редактором двухнедельного журнала «Гадегел» (Знамя), органа Союза сионистов-ревизионистов, основанного А.Я. Гурвичем в 1932 г., был С.А. Клейн.

Положение харбинских евреев с началом японской оккупации несколько изменилось. Их не ущемляли в политическом отношении, несмотря на подписание антикоммунистического пакта Японии и Германии, но подавляющее большинство предпринимателей остались не у дел и потеряли возможность получать доходы. После ввода в Харбин Советской армии часть еврейских деятелей была арестована. Как писала газета «Русская жизнь», в отношении евреев наблюдалось особенно озлобленное отношение, их всех обвинили в троцкизме[1]. В 1949 г. более 5 тыс. евреев выехали в Израиль, часть репатриировалась в СССР, другая эмигрировала в Австралию и США. К июню 1959 г. в Харбине проживали около 150 евреев. Официально ХЕДО закрылась 20 ноября 1965 г.[2] Архив ХЕДО находится в собрании Центрального архива Хейлунцзянской провинции.

Украинская община и церковь. Украинская община в Маньчжурии насчитывала более 2 тыс. человек, включая детей, и была наиболее влиятельным национальным объединением, играя заметную роль в эмиграции на Дальнем Востоке. Общине принадлежал собственный дом по Новоторговой улице в Харбине, два этажа которого сдавались Северо-Маньчжурскому университету, а на третьем располагались учреждения, клуб и библиотека, имелся большой зал со сценой, кружки по изучению украинского и японского языков, регулярно устраивались общие собрания и заседания академии, на которых читались доклады по истории Украины. Там велась духовно-религиозная работа, обращалось внимание на воспитание молодёжи, устраивались концерты украинского хора, ставились спектакли и оперы украинских авторов.

Председателем украинской национальной общины был профессор В.В. Кулябко-Корецкий, в число его помощников входили начальник организационного отдела и секретарь правления П.Я. Лисуненко, начальник культурно-просветительского отдела Ф.Ф. Даниленко, начальник хозяйственного отдела Г.И. Нестеренко[3]. В личном деле Даниленко было отмечено: «По своим убеждениям он является сторонником полного политического сотрудничества между Украиной и Россией, не одобряет сепаратистских стремлений некоторой части украин-

---

[1] С.В. Расправа с русскими эмигрантами в Харбине // Рус. жизнь. 1946. 10 июля.

[2] Сюй синь. Жизнь евреев в Китае во второй половине 50-х годов // Игуд иоцей син. 2000. № 363 (апр.–май). С. 23.

[3] Савский Г. Российские эмигранты всех национальностей сохраняют свой быт и религию в Маньчжурской империи // Рубеж. 1941. № 40/13 (4 окт.). С. 12–14: фот.; Украинская национальная колония // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 318–320.

ской колонии [...]. В отношении новых эмигрантских значков в среде украинцев также не благополучно. Но скрытый протест носит далеко не общий характер, и выявился он только резко со стороны украинца-сепаратиста Ф.Ф. Даниленко, отказавшегося надеть этот значок и возвратившего его»[1]. Одним из учредителей Украинского издательского товарищества в Харбине был В.С. Опадчий, основавший в 1907 г. Председателем Украинского эмигрантского комитета в Харбине, а затем в Шанхае был японовед Б.И. Воблый, сотрудник управления КВЖД.

Украинцы имели собственный храм, Свято-Покровскую церковь, открытую в 1922 г. в здании Украинского дома. В 1930 г. на средства прихода и русских жителей Харбина для церкви было построено новое здание по проекту гражданского инженера Ю.П. Жданова. В настоящее время это по-прежнему действующая церковь.

Вера в бога помогала русской и другим этническим диаспорам в Китае преодолеть многие тяготы эмигрантской жизни, а храмы стали своеобразными социальными клубами, помогавшими верующим сохранить свои культурные традиции.

---

[1] ГАХК. Ф.830. Оп. 3. Д. 11798. Л. 26 об., 33.

Глава 3. Изучение Китая русскими исследователями из Харбина

1. Общество русских ориенталистов (Харбин)

Харбин стал одним из ведущих центров практического востоковедения в Азии задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию. Для строительства и обслуживания КВЖД, работы на предприятиях и организациях, возникавших вокруг неё, сюда приезжали тысячи людей из России. Прежде всего, это были инженеры-путейцы, главным образом, выпускники Института инженеров путей сообщения (Санкт-Петербург). Большую роль сыграли также выпускники Восточного института во Владивостоке. Многие из них вначале служили переводчиками для русских инженеров, затем обучали служащих КВЖД восточным языкам, а ещё позднее стали преподавателями китайского языка для русских студентов и русского языка для китайских граждан в вузах на территории Китая. Исследователи отмечают: «Первым поколением, приехавшим из России, были люди с высшим образованием и, в силу этого, с определёнными культурными потребностями»[1]. Стремление российских специалистов к повышению квалификации и культурного уровня, самообразованию, просветительской деятельности обусловило то, что многие, приехав в Китай, помимо основной работы, стали заниматься изучением экономики, истории, географии, культуры Маньчжурии и соседних территорий.

Изучение стран Дальнего Востока было начато с позиций научно-общественного востоковедения, характерными чертами которого были проведение экспедиций, лекционная и музейная работа, публикация трудов. Одной из первых организаций, объединивших исследователей, стало Харбинское отделение Императорского общества востоковедения в Санкт-Петербурге. Секретарём отделения избрали ротмистра Заамурской пограничной стражи А.М. Баранова, к тому времени уже получившего известность своими работами о Монголии. Он же стал редактором «Известий Харбинского отделения Императорского общества востоковедения». Закрытость этой организации (в неё входили только те, кто приехал из Петербурга и состоял в Обществе раньше) ограничила её возможности. Этим можно объяснить и недолговечность печатного издания: вышло всего лишь два номера «Известий» (1910), но и они позволили познакомить читателей, как в Маньчжурии, так и в России, с новейшими результатами востоковедческих исследований.

---

[1] Райан Н.В. Уникальное положение русской диаспоры Маньчжурии в первой половине XX века // Русский язык за рубежом. 2002. № 2. С. 78.

Работа А.П. Болобана

В Пекине, где к 1908 г. собралось около 80 выпускников восточного факультета С.-Петербургского университета и Восточного института во Владивостоке, также предпринимались попытки создать профессиональное объединение, Союз ориенталистов на Дальнем Востоке, но дальше разговоров о проекте устава дело не пошло.

Гораздо больших успехов добилось Общество русских ориенталистов (ОРО), учреждённое 21 июня 1908 г. и объединившее всех русских исследователей в Харбине. Известны имена пяти инициаторов его создания: коммерческий агент КВЖД в г. Цицикаре А.П. Болобан, редактор газеты «Юань-дун-бао» А.В. Спицын, его помощник по редакции И.А. Доброловский, чиновник Министерства торговли и промышленности А.Н. Петров и городской голова Харбина П.С. Тишенко – все выпускники Восточного института. Основными задачами новой организации провозглашались следующие: «1) Изучение Восточной и Средней Азии в общественно-политическом, географическом, лингвистическом и прочих отношениях; 2) Содействие сближению России с народами Восточной и Средней Азии на почве взаимных интересов с ними; 3) Освещение в печати и обществе вопросов научного и практического характера, связанных со служением организации первым двум целям; 4) Духовная и материальная взаимопомощь и поддержка членов организации»[1].

Вскоре после создания ОРО была высказана мысль о координации работы с местным отделением российского Общества востоковедения и даже об объединении двух аналогичных организаций. И.А. Доброловский вышел с этим предложением к коллегам, но деятели Общества востоковедения отклонили уже саму идею о создании согласительной комиссии. 24 января 1909 г. на учредительном собрании утвердили устав ОРО, предложенный Доброловским. Первым председателем[2] избрали блестящего китаеведа А.В. Спицына, организатора многих встреч и лекций. Его работы для «Нового времени» были замечены премьер-министром

[1] Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932—1942 / Изд. М.Н. Гордеев. Харбин, 1942. С. 336.

[2] Председатели Общества русских ориенталистов: 1. А.В. Спицын (1908–1911, 1917–1918); 2. Е.В. Даниэль (1911–1915); 3. И.А. Доброловский (1915); 4. А.К. Гинце (1915–1917); 5. Н.Л. Гондатти (1919–1924); 6. И.Г. Баранов (1924–1927); 7. А.П. Хионин (1924–1927); Почётные председатели: И.Я. Коростовец, Д.Л.Хорват.

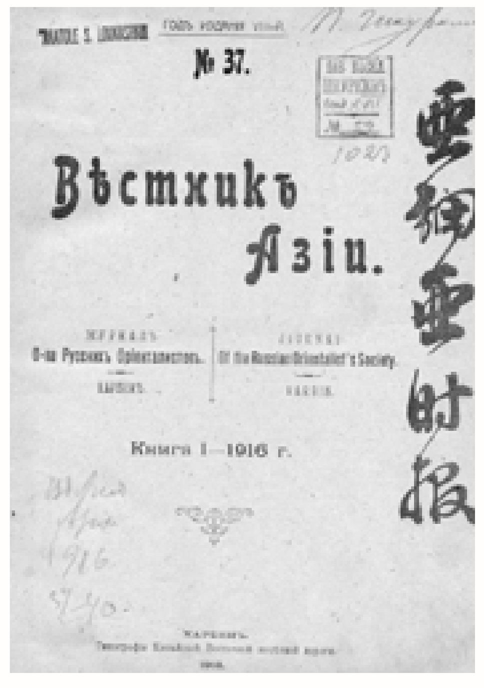
П.А. Столыпиным, предложившим автору разработать экономическую программу для Маньчжурии. 22 марта 1909 г. Н.К. Новиков выступил с программной речью «Задачи ОРО в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока», а 19 апреля в помещении Мужского коммерческого училища Доброловский прочёл первый доклад – «Внеземельность и общественное управление иностранных поселений в Китае».

Своей основной задачей востоковеды считали популяризацию знаний о Востоке среди населения. Доклады, которые они читали на заседаниях Общества, затем публиковались в журнале «Вестник Азии», первый номер которого вышел в свет в июле 1909 г. «Редакция журнала, – подчёркивалось в нём, – не обольщает себя радужными надеждами на активное сочувствие широких слоёв русского общества. Слишком велико ещё равнодушие так называемой широкой публики не только к более или менее отвлечённым проблемам жизни Востока, глубоко интересным для всякого пытливого ума, но и к вопросам, затрагивающим повседневные интересы практического общения с ним. Даже более того, молодому Обществу русских ориенталистов с самого момента своего нарождения пришлось считаться с недружелюбным к нему отношением и отрицательным взглядом на возможность практических результатов его деятельности в силу отрицания востоковедения, как цикла специальных знаний о Востоке, имеющих право на самостоятельное существование и развитие»[1].

Н.П. Автономов, ставший первым историком ОРО, писал: «Журнал сразу же был встречен очень сочувственно и прессой, и публикой, и научным миром. Непосредственно после выхода первого номера журнала И.А. Доброловский на общем собрании членов ОРО в конце октября 1909 г. сообщил об отзывах о журнале. За исключением одного (проф[ессора] С.-П[етербургского] ун[иверсите]та Бартольда), все отзывы печати носили благоприятный, ободряющий и даже лестный характер, как для журнала, так и для всего О-ва. Пожелания сводились, главным образом, к наибольшему развитию в журнале отделов общественно-политического и экономического и, возможно, разносторонней популяризации вопросов востоковедения. Несколько позднее (в конце мая 1910) редактор журнала Н.К. Новиков свидетельствовал: «Судя по отзывам печати, журнал, по мере распространения, создаёт себе прочное положение в среде читающего общества, и с журналом на-

Н.П. Автономов

[1] От редакции // Вестн. Азии. 1909. № 1 (Июль). С. I–II.



Журнал «Вестник Азии»

чинают считаться в научно-академических сферах»[1]. Всего свет увидели 53 номера журнала «Вестник Азии»[2]. Позднее, анализируя деятельность ОРО, Автономов разделил её на четыре периода: I. Организационный. Начало издания журнала «Вестник Азии». 1908–1912 гг.; II. Популяризационный. Проведение докладов и лекций. 1913–1917 гг.; III. Ослабление деятельности, вызванное Гражданской войной. 1917–1920 гг. и IV. Восстановительный. 1920–1927 гг.[3]

Членами ОРО стали переводчики, дипломаты, коммерсанты и профессора Восточного института и С.-Петербургского университета. Наряду с крупными городами Китая, в которых существовали русские общины, отделения Общества были открыты во Владивостоке и Санкт-Петербурге. В столице Российской империи отделение ОРО основали 26 сентября 1910 г. В нём работали три секции: Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Первые итоги, подведённые после полугодовой деятельности ОРО, таковы: «[...] установило тесное общение и сотрудничество с другими обществами, учреждениями и повременными изданиями, русскими и иностранными, преследующими цели, сходные или близко соприкасающиеся с целями ОРО. Общество имело пять общих собраний и 10 соединительных заседаний Правления и Совета, на которых был вырешен и частью уже приведён в жизнь ряд важных вопросов, например, организовано издание журнала «Вестник Азии» и издательство трудов членов О-ва, организован ряд рефератов и популярных лекций по востоковедению, предпринята разработка вопросов о положении офицеров, окончивших Восточный институт и не имеющих возможности, по независящим от них причинам, принести государству пользу своими специальными знаниями, об учреждении в Харбине Бюро торговых сношений с Палатой мер и весов (китайских и русских) при нём и другие»[4].

В своих обсуждениях и исследованиях члены ОРО останавливались не только на теоретических вопросах. Доброловский, в частности, предложил собирать материалы по пересмотру русско-китайского договора, заключённо-

---

[1] Автономов Н. Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк). Харбин, 1926. С. 417.

[2] Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин, 1927. С. 24–25.

[3] Автономов Н. Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк). Указ. изд. С. 415.

[4] В обществе русских ориенталистов // Вестн. Азии. 1910. № 3 (Янв). С. 273.

го в Санкт-Петербурге 12 февраля 1881 г. С этой целью он отпечатал копии договора и раздал бесплатно подписчикам «Вестника Азии». 6 апреля 1910 г. по инициативе И.А. Доброловского, А.П. Болобана и других было учреждено Русско-японское общество, в которое записались около 80 человек. Его основной целью была организация курсов по русскому языку для японцев и японскому языку – для русских.

На второй год своей деятельности члены ОРО решили построить собственное здание, в котором планировали разместить библиотеку, музей и информационное бюро. Особым вниманием пользовалась идея создания музея, экспонаты для которого постепенно накапливались. Так, Болобан передал обществу старинные предметы и монеты, найденные на развалинах крепости Таченхото, М.А. Полумордвинов пожертвовал «буддийских идолов», а Гребенщиков – «каменный памятник с неизвестными письменами». В библиотеке к тому времени было собрано 371 книг. Редкие издания подарили Г.Г. Авенариус, А.Ю. Ландезен, А.Т. Бельченко, А.П. Болобан, Д.М. Позднеев и др. Особенно отмечали дар А.В. Гребенщикова, передавшего библиотеке 25 книг и редких рукописей на маньчжурском языке, высказав при этом пожелание об основании особого отдела маньчжуроведения.

Несмотря на неимоверные усилия членов Совета, дело со строительством здания застопорилось, но тут на помощь пришло правление КВЖД, предложившее возвести для нужд ОРО пристройку к Железнодорожному собранию, потратив на это 6 тыс. руб., накопленных ориенталистами. Много сил занимал вопрос о создании в Харбине семинарии восточных языков – открыть её предложил Н.К. Новиков. Я.Я. Бранд договорился с российским посланником в Китае И.Я. Коростовцом о материальной поддержке будущего учебного заведения в 1200 руб. в год, но дальше этого дело так и не сдвинулось.

Вскоре не стало хватать средств и на издательскую деятельность. Выпуск «Вестника Азии» неоднократно прерывался. Если № 10 вышел в октябре 1911 г., то № 11–12 подписчики получили лишь в мае 1912 г. Затем пришлось отказаться от услуг дорогой типографии и сменить её на другую, «Бергут и Сын»: там отпечатали № 14–15, увидевшие свет в феврале 1913 г. Последующие выпуски были небольшими как по тиражу, так и по объёму, видимо, не доставало материалов.

Не могла удовлетворить всех нуждающихся и библиотека ОРО. «Мне казалось непонятным, – писал известный сибиряк-краевед И.И. Серебренников, вступивший в члены ОРО в 1920 г., сразу же по приезде в Харбин, – почему это научное общество за одиннадцать лет своего существования не смогло обзавестись научной библиотекой, этим необходимым условием всякой научной деятельности. Неужели, думал я, КВЖД не могла бы помочь учёному Обществу? В таком богатом городе, как Харбин, Общество русских ориенталистов было, очевидно, на положении пасынка»[1].

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. Тяньцзинь: Наше знание, 1940. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 54.

Начало Первой мировой войны привело к снижению активности деятелей ОРО: некоторые ушли в действующую армию, другие занялись делами, далёкими от востоковедения. Помешала сбыться планам членов Общества русских ориенталистов и Гражданская война: многие востоковеды увлеклись политикой, не стал исключением и душа ОРО И.А. Доброловский. В то же время его сотрудничество со многими русскими газетами, издававшимися на Дальнем Востоке, позволяло пропагандировать деятельность востоковедов. Так, с января 1918 г. до 11 марта 1920 г. (дня своей смерти) он редактировал еженедельную газету «Вестник Маньчжурии», посвящённую «политике, экономике, культуре и интересам профессиональной и трудовой жизни». Об этом писали: «ОРО имело друга-редактора и "свой" орган печати, так как страницы "Вестника Маньчжурии" при редакторе-ориенталисте всегда были предоставлены для освещения всех вопросов, касающихся изучения Востока. Благодаря энергии И.А. газета эта, как известно, имела из местных газет самый большой тираж на Дальнем Востоке, а по осведомлённости в делах Китая и Японии считалась лучшей из русских повременных органов печати»[1].

Одним из зачинателей Общества русских ориенталистов и автором многих работ о Китае, увидевших свет на страницах журнала «Вестник Азии», был П.В. Шкуркин. Окончив в 1903 г. Восточный институт, он служил помощником владивостокского полицмейстера, в 1908 г. путешествовал по центральному Китаю, а затем преподавал в Гирине в Филологическом училище, где читал лекции по истории России и русскому языку. Он удостоился там следующей характеристики: «Мы чистосердечно радуемся, что уже в течение целого года пользовались Вашей просвещённой помощью в училище, в котором Вы состоите преподавателем; мы радостны и счастливы, и все Ваши ученики охвачены пылом соревнования, и оказывали большие успехи. Вы не только постепенно внедряли в них познания, но и учили их также правилам приличия и вежливости; Вы положили прочное начало добрым навыкам, – и вполне в этом успели»[2].

П.В. Шкуркин

[1] Баранов И.Г. Илья Амвлихович Добровольский. Некролог // Вестн. Азии. 1922. № 48, вып. 1. С. 5.

[2] Собр. В.В. Шкуркина (Калифорния). Письмо директора училища от 4 апр. 1908. Л.1.

Вероятно, в то время деятельность офицера Шкуркина не ограничивалась преподаванием. Некоторые материалы из семейного архива дают понять, что он собирал различную оперативную информацию о Китае для Генерального штаба Российской империи. В 1909 г. Шкуркин приехал в Хабаровск, где служил в штабе Приамурского военного округа, но в 1913 г. вышел в отставку, став переводчиком на КВЖД в Харбине. Именно на эти годы приходится расцвет его творчества как учёного-синолога. Один за другим выходят его труды, совершаются экспедиции. Шкуркин был редактором «Вестника Азии» (№№ 37–40) и соредактором (№№ 48, 49 и 53). Почти все его работы вначале увидели свет на страницах этого журнала.

С 1915 по 1925 гг. Шкуркин преподавал в Харбинских коммерческих училищах КВЖД и одновременно в Первом смешанном реальном училище и на курсах китайского языка, а также был лектором на курсах востоковедения, организованных в учебном отделе КВЖД. Его ученики отмечали, что его лекции всегда были яркими и интересными. При этом он оставался большим патриотом России, подчёркивая приоритет русских учёных и путешественников в области географических открытий. В летние каникулы он путешествовал по Маньчжурии, иногда приезжая в Приморье, стараясь дополнить имеющиеся у него материалы и подготовить к изданию свои книги. Так, однажды он побывал в Адими, недалеко от Славянки, где записал корейские сказки. В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «В этом труде я постарался сохранить, иногда в ущерб художественности, манеру рассказчика, не смея нарушить цельности повествования выпуском хотя бы излишних деталей и длиннот, предназначая эти сказки главным образом не для широкой публики, а для востоковедов и ВОСТОКОЛЮБОВ (выделено П.Ш. – *А.Х.*)»[1].

Шкуркин внёс вклад и в написание истории Китая: его перу принадлежит несколько интересных работ. Основанные на редких источниках, они часто содержали народные легенды и сказания, записанные Шкуркиным во время экспедиций. Интересными являются и его работы по этнографии, к сожалению, малоизвестные современным исследователям. Общепризнанна деятельность его и как популяризатора знаний о Китае, и автора литературных произ-

Харбинское коммерческое училище – урок китайского языка

[1] Шкуркин П.В. Корейские сказки. Шанхай, 1941. С. IV.

ведений. С 1910 по 1926 гг. вышли в свет более десяти книг Шкуркина, посвящённые китайским сказкам, в основном изданные в Харбине.

Шкуркин собрал бесценный материал по хунхузничеству и смог написать несколько этнографических книг. В предисловии к книге «Хунхузы», оконченной в 1919 г., он отмечал: «Всякая характеристика этого любопытного социального явления в Китае будет не точна; поэтому пусть лучше сам читатель сделает свои собственные выводы из ряда предлагаемых рассказов, объединённых одним общим названием "Хунхузы". Здесь он увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т.д., но увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит – подлости и предательства. Кроме того, "хунхузничество" как бытовое явление, заслуживает самого глубокого внимания и должно сделаться предметом серьёзного научного исследования»[1].

Книга «Хунхузы» стала популярной в среде русского населения в Маньчжурии. С одной стороны, был высок авторитет автора, с другой – привлекала злободневность темы. В рецензии на книгу отмечалось: «Русские в Маньчжурии постоянно соприкасаются с китайцами и, в частности, с хунхузами, но почти никто их не знает, а между тем в хунхузничестве, как в капле воды, отражаются все национальные особенности Китая: это социальное явление имеет глубокие корни, гнездящиеся в особенностях характера сынов "черноволосого народа" и укладе их жизни, книга же Шкуркина ярко освещает этот кусочек китайского быта и знакомит нас вообще с Китаем и его обитателями»[2].

Шкуркин много работал над составлением археологических карт и в 1917 г. опубликовал работу «Исторические таблицы Китая в красках». Продолжая работу, на следующий год он издал «Справочник по истории Китая». Вскоре все работы были обобщены в фундаментальном труде. Вместе с известным востоковедом А.М. Барановым Шкуркин составил первую карту исторических периодов Маньчжурии, основанную на результатах последних археологических раскопок, которые вели члены Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд не был опубликован и до сего дня хранится в Харбине, в музее Хэйлунцзянской провинции. Помимо этого совместно с харбинским издателем М. Зайцевым Шкуркин издал карту Китая. Для читателей она была удобна в использовании благодаря большому индексу имён.

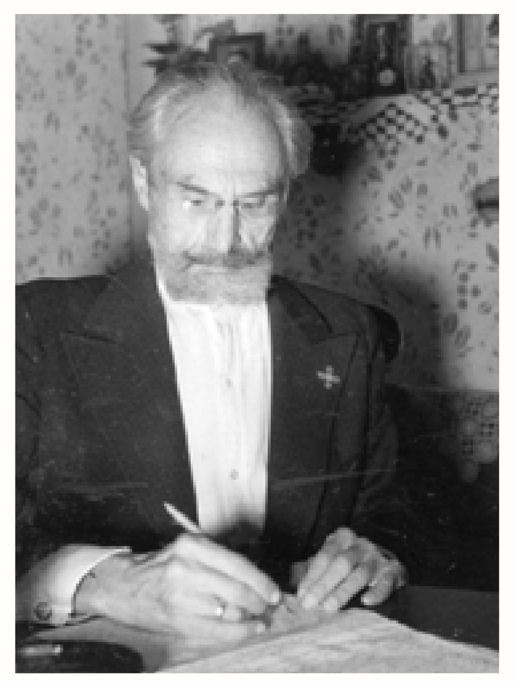
В свободное время Шкуркин совершал поездки, которые не всегда были безопасными. Однажды ему пришлось побывать в серьёзной переделке. Вот что писала по этому поводу харбинская газета «Заря»: «При объяснении с бандитами г. Шкуркин проявил полное спокойствие, назвал себя, перечислил ряд

[1] Шкуркин П.В. Хунхузы: Этногр. рассказы. Харбин, 1924. С. 2.

[2] Библиография // Слово. 1924. 20 апр.

имён, бывших его учениками, объяснил свои цели и даже показал свою визитную карточку, сказав, что за 38 лет своей работы в Китае он подобного разбойного безобразия не видел. Хладнокровие обескуражило бандитов, а затянувшийся диалог свидетельствовал о воцарявшемся мире. Заметив растерянность разбойников, Шкуркин предложил сфотографировать их, что и выполнил Полумордвинов, запечатлевший на плёнке товарища председателя историко-этнографической секции в компании двух разбойников...»[1].

Деятельно работал в ОРО и учёный агроном В.В. Солдатов, сблизившийся с П.В. Шкуркиным и другими деятелями Общества сразу же по приезду в Харбин. Вступив в члены ОРО в конце января 1913 г., 2 марта Солдатов уже прочитал доклад «Критический очерк о книге А.П. Болобана», а через месяц слушатели обсуждали его сообщение «Организация агрономической помощи населению в полосе отчуждения КВЖД». Современники отмечали, что «как преподаватель В.В. отличался ровным, спокойным характером, большой терпимостью, деликатностью и добротой. Своих учащихся В.В. старался привлекать и к практической работе, и многие, конечно, помнят, что первая перепись Харбина была осуществлена в 1913 г. им с помощью его учеников [...]. Большую работу В.В. проявил и по своей специальности – агрономической, и в этой области, несомненно, он останется заметной и колоритной фигурой и в Маньчжурии и в Приморье»[2].


Н.А. Байков

В работе Общества русских ориенталистов принял активное участие и натуралист Н.А. Байков. В 1901 г. он получил перевод в пограничные войска Заамурского военного округа и 14 лет провёл в Маньчжурии: участвовал в Русско-японской войне, собирал научные коллекции, охотился на тигров, писал рассказы и научные работы, занимался ликвидацией банд хунхузов. «Находясь на службе, – писал Байков в автобиографии, – занимался исследовательской и литературной деятельностью, выполняя задания Императорской академии наук по сбору зоологических и ботанических экспонатов; по указаниям директора Зоологического института профессора Н.В. Насонова

[1] Научная экскурсия с приключением // Заря. 1926. 21 авг.

[2] Некролог // Вестн. Азии. 1922. № 50. С. 349.

и учёного ботаника Д.И. Литвинова, произведя исследование края, исходил пешком и верхом всю Гиринскую провинцию от р. Сунгари до границ Кореи, вдоль и поперёк»[1].

В 1907 г. Академия наук присвоила Байкову почётное звание сотрудника-корреспондента. По её ходатайству Министерство государственных имуществ наградило его в 1908 г. за научную деятельность земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Участвовал Байков и в Первой мировой войне, закончив её полковником, командиром полка. С 1918 по 1919 гг. он находился в рядах Добровольческой армии. В 1920 г. он заболел тифом и был эвакуирован англичанами в Египет, а затем через Индию вернулся в Харбин, где сразу же окунулся в занятия востоковедением.

Большим энтузиастом ОРО являлся правовед Н.П. Автономов, приехавший в Маньчжурию в сентябре 1912 г. Он работал преподавателем русского языка, словесности, латыни и истории в Харбинском коммерческом училище КВЖД, куда был приглашён ещё студентом 4-го курса, был секретарём Маньчжурского педагогического общества, опубликовав множество статей в его «Вестнике», и соредактором журнала «Просветительское дело в Азиатской России». Как действительный член ОРО Автономов принимал участие и в редактировании его трудов.

Членами ОРО также были видный специалист по военным отношениям с Китаем генерал Н.Г. Володченко, полковник И.Е. Иванов[2], переводчики В.И. Надаров[3], А.В. Тужилин[4], П.Н. Смольников[5], В.В. Коханский, журналист Н.П. Штейнфельд[6] и др. Ряд работ опубликовал за время членства в ОРО один из его организаторов А.П. Болобан[7].

Общество русских ориенталистов внимательно следило за деятельностью своих коллег в Приморье и Приамурье. Подтверждением тому является участие в делах ОРО подполковника В.К. Арсеньева, которого попросили выступить с серией докладов, что он сделал с большим удовольствием. Вот какие темы он вынес на суд слушателей: «Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амур» (6 июня 1916 г.), «Наши американоиды» (8 июня), «Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу» (10 июня), «Этнологические проблемы на востоке России» (13 июня). Всем слушателям так понравились выступления исследователя из Хабаровска, что в те же дни Арсеньева избрали почётным членом ОРО. Его также уговорили вы-

---

[1] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11198. Л. 6.
[2] Иванов И.Е. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[3] Надаров В.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[4] Тужилин А.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[5] Смольников П.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[6] Штейнфельд Н.П. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[7] Болобан А.П. (см. Приложение 3. Библиографический список).

ступить с докладом о памятниках старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. Поездка Арсеньева в Маньчжурию оказалась очень насыщенной и полезной. Он смог не только поближе познакомиться с русскими этнографами-востоковедами в Маньчжурии, но и по-новому посмотреть на свои работы.

Помимо встречи с давним знакомым П.В. Шкуркиным Арсеньев сблизился с деятелем ОРО врачом И.В. Мозолевским, большим поклонником буддизма. Он обладал великолепной коллекцией предметов буддийского и ламаистского культа. Они вместе совершили поездку в Чаньчунь, где Арсеньев познакомился с русским консулом М.И. Лавровым, также увлекавшимся буддизмом[1] и имевшим одну из лучших коллекций китайского фарфора. Доклады Арсеньева были опубликованы в журнале «Вестник Азии», а 20 мая 1917 г. Шкуркин написал «Необходимое предуведомление» к книге Арсеньева «Дерсу Узала», ставшей впоследствии знаменитой. Непременными докладчиками в ОРО были и другие исследователи, приезжавшие на короткий срок в Харбин, например, географ и этнограф И.И. Гапанович.

Работа Общества русских ориенталистов улучшилась с избранием на должность председателя бывшего генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти. «Одной из особенностей этого периода, – писал Н.П. Автономов, – являлось продолжение начатых в предыдущем периоде так называемых «субботников», как назывались заседания президиума, на которых не выносилось определённых резолюций, а происходил между собравшимися оживлённый обмен мнений по самым разнообразным общественно-политическим и научным вопросам, имеющим отношение к Востоку. Отчёт ОРО за 1919 г. отмечает большую положительную сторону этих «субботников», такая их роль оставалась в дальнейшем до конца 1924 г., т.е. времени активной работы в ОРО Н.Л. Гондатти, придавшего этим «субботникам» особый интерес»[2]. Правда, в дальнейшем деятельность Гондатти на посту председателя Общества домовладельцев и политическая жизнь русских жителей Маньчжурии отвлекли его от науки.

В те годы фактическим руководителем Общества русских ориенталистов стал китаевед А.П. Хионин, сыгравший большую роль в изучении Востока. Многие из переводчиков пользовались словарями, которые он опубликовал, живя в Китае. Досконально изучив экономику и бухгалтерское дело, Хионин занялся исследованием экономики Китая. В 1924 г. его пригласили на должность экономиста в правление Южно-Маньчжурской железной дороги в Харбине. На эти годы и выпала его активная деятельность в ОРО, где он занимал должность вице-председателя. Был он и соредактором «Вестника Азии».

Хотя многие члены ОРО во время Гражданской войны отошли от научной

---

[1] Лавров М.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Автономов Н. Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк). Указ. изд. С. 446.

А.В. Спицын

работы, на смену им пришли бежавшие из Советской России эмигранты, среди которых были и известные востоковеды. В то время Общество размещалось в Харбине в двух комнатах Железнодорожного собрания, одна из которых служила лекционным залом. Новые члены Общества оживили работу: чаще стали устраиваться собрания, где читались интересные лекции и доклады. Примером того, чем занимались в тот период члены ОРО, может служить деятельность первого председателя ОРО А.В. Спицына: он участвовал в мирных переговорах с китайскими властями о передаче им дороги во время Гражданской войны. Много его записей об этом периоде осталось в рукописях. В 1924 г. при совместной эксплуатации КВЖД Мукденским правительством и СССР Спицын был назначен советником при правлении КВЖД и своими предложениями содействовал упрочению порядка в крае. Большую роль востоковед Спицын сыграл в развитии местной угольной промышленности: он был одним из основателей Мулинских и Шасунских копий, где работал в последние годы жизни.

Осенью 1922 г. русские исследователи стали основателями и другой научно-просветительской организации, Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). Оно было основано во время празднования 25-летия КВЖД, устав был утверждён китайскими властями 22 сентября 1922 г., когда русская община Харбина уже начала пополняться беженцами с российского Дальнего Востока, охваченного Гражданской войной.

В 1927 г. ОРО и ОИМК объединились, что позволило исследователям сконцентрировать усилия по изучению Дальнего Востока. По взаимному соглашению ОРО получило статус секции ориенталистов при ОИМК (председатель – А.П. Хионин), сохранив полную самостоятельность, включая собственность и издательскую деятельность. Одним из последних дел ОРО было издание в 1927 г. большой работы Хионина – Русско-китайского словаря юридических, международных, экономических, политических и других терминов. Книга получила высокую оценку специалистов и почти сразу же была раскуплена. Новую работу Хионина, «Новейший Китайско-Русский словарь», в который вошло более 10 тыс. иероглифов и около 60 тыс. словосочетаний по

графической системе, выпустило в 1928 г. уже ОИМК. 15 марта 1924 г. с обобщающим докладом в Обществе русских ориенталистов выступил прекрасный этнограф и профессор-китаевед И.Г. Баранов. С 1921 г. он был вице-председателем ОРО и соредактором журнала «Вестник Азии» (№№ 48–52).

Архив Общества русских ориенталистов находился вначале в музее Общества изучения Маньчжурского края. После того, как он стал частью государственной системы Китая, следы бесценного собрания затерялись. Книги русских востоковедов, живших в Китае, также постепенно стали исчезать с полок библиотек. Огромный урон культурному наследию, которое русские эмигранты оставили в Китае, нанесла и культурная революция.

2. Востоковедение на Китайско-Восточной железной дороге

Строительство КВЖД ускорило экономическое развитие Маньчжурии, которая до 1898 г. оставалась крайне отсталой. Уже в проекте строительства предусматривался анализ условий работы новой железнодорожной магистрали. Изучение этих вопросов шло прежде всего через Экономическое бюро КВЖД, которое, по мнению И.И. Серебренникова, берёт начало с Экономического кружка, основанного И.А. Михайловым осенью 1920 г.[1] Бывший министр финансов в правительстве А.В. Колчака И.А. Михайлов в Харбине сотрудничал с газетами «Заря» и «Харбинское время», одно время издавал журнал «Manchurian Economic Review». Вклад в экономические исследования вносили также Тарифно-показательный музей, метеорологические станции и земельный отдел КВЖД.

Е.Х. Нилус

Первые работы о КВЖД относятся к началу 20-х гг. XX в. В 1922 г., при подготовке к 25-летию со дня открытия дороги, военному юристу Е.Х. Нилусу было поручено составить исторический обзор[2]. Тогда же вышла монография, посвящённая экономике Северной Маньчжурии и КВЖД[3]. О Южно-Маньчжурской железной до-

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Указ. изд. Т. 2. С. 56.

[2] Нилус Е.Х. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. (см. Приложение 3. Библиографический список).

роге опубликовал интересную работу востоковед И.В. Свит[1]. Свои труды публиковала Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующей армии, которой руководил А.С. Мещерский[2].

Наиболее важные работы по Маньчжурии были написаны начальником Коммерческой части КВЖД П.Н. Меньшиковым[3] и экономистом Е.Е. Яшновым, чья книга «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» вышла в 1926 г. «Напрасно было бы, – отмечалось в предисловии, – искать главный интерес предлагаемой книги в общих воззрениях автора по вопросу о теории крестьянского хозяйства, которым и сам он отвёл лишь ограниченное место в заключительной главе. Хотя эти воззрения и в состоянии вызвать жаркие споры, но кто при оценке книги интересовался бы прежде всего содержащимися в ней общими теоретическими соображениями, тот неминуемо просмотрел бы исключительно крупное и совершенно бесспорное значение предлагаемого труда в сфере "цифр и фактов", установленных впервые для сельского хозяйства Маньчжурии на основе научных методов исследования»[4].

За эту работу Яшнов получил в 1928 г. награду Русского Географического общества. В рукописи остался набросок его интересной работы «Тёмные проблемы экономики сельского хозяйства в Китае». «Бесспорно, – писал автор, – что в настоящее время Китай переживает весьма тяжелый аграрный кризис. Авторы "буржуазного" направления объясняют его пересечённостью страны. В более "левых" кругах причины видят в недостатках существующего строя и в "грабительской" политике империалистов. За последнее десятилетие второе направление приобрело себе немало адептов среди китайских экономистов. К сожалению, несмотря на довольно большую литературу по данному вопросу, многое в нём остается не освещённым, отчасти благодаря отсутствию надёжных цифровых материалов, отчасти же в силу предвзятости многих исследователей, что нередко ведёт их к забвению некоторых бесспорных предпосылок, которые, казалось бы, должны лежать в основе всяких суждений на эту тему. В результате порой авторы впадают в явные – но, однако, не замеченные ими – противоречия и делают выводы, не соответствующие реальному положению вещей. Цель этой работы – указать на некоторые пробелы в нашем понимании китайского аграрного кризиса»[5].

Обращали на себя внимание труды В.И. Сурина. «Сообщения о событиях на КВЖД, – отмечала критика, – в середине 20-х годов не сходили с газетных полос. Поэтому издание книги «Северная Маньчжурия» было как никогда

---

[1] Свит И.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Мещерский А.С. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Меньшиков П.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[4] Дикий Г.В. Предисловие // Яшнов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: Экономический очерк. Харбин, 1926. С. V.

[5] Коллекция писем Е.Е. Яшнова // Архив А.А. Хисамутдинова.

своевременно. Автор показал через цифры (сведения на 1924 г.), как Россия помогла поднять Китаю экономику её северной провинции, приблизив к ней рынки Дальнего Востока. Исчерпывающе даны сведения о земледелии, животноводстве, лесопромышленности и добывающей промышленности Северной Маньчжурии. […] даёт богатый материал для ознакомления с хозяйственной жизнью нашего ближайшего соседа на Д. Востоке, с которым история связала нас железной дорогой, а перед лицом будущего поставила большие вопросы по урегулированию этой связи и взаимоотношений»[1].

В. И. СУРИН

ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ В МАНЬЧЖУРИИ И КИТАЕ

МАТЕРИАЛЫ К ТРАНСПОРТНОЙ ПРОБЛЕМЕ В КИТАЕ И МАНЬЧЖУРИИ

Труд В.И. Сурина

Большое количество экономических работ опубликовал А.Е. Герасимов, работавший в коммерческом бюро КВЖД. Известным экономистом-сменовеховцем и автором многих работ по экономике Китая был Г.Н. Дикий. В Харбине он заведовал коммерческим агентством Уссурийской железной дороги и экономическим бюро КВЖД. В Экономическом бюро также служил Л.И. Любимов. Помимо основной работы он преподавал на курсах русского языка КВЖД, редактировал «Юбилейный сборник Харбинского биржевого комитета», был председателем Русского национального общества при ст. Маньчжурия, принимал участие в составлении учебников для китайцев на русском языке.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ

А. Е. ГЕРАСИМОВ

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

в Северной Маньчжурии

ХАРБИН, КИТАЙ

Труд А.Е. Герасимова

Харбинский журнал «Вестник Маньчжурии» являлся еженедельным органом Экономического бюро КВЖД и вначале выходил под названием «Экономический вестник Маньчжурии» (№ 1 – 28 января 1923 г.). «Мы приступаем к изданию, – писала редакция, – в исключительно тяжелое время. Край переживает огромный финансовый и торгово-промышленный кризис. Торговля и

[1] «Виф». Рецензия // Вольная Сибирь. 1927. № 1. С. 205–206.

Журнал «Вестник Маньчжурии»

промышленность в застое. Пока ещё не видно просвета впереди, и трудно надеяться на улучшение положения в более или менее близкое время»[1].

В то же время деятели КВЖД считали издание нового экономического журнала очень важным делом. Требовалось выяснить условия выхода из кризиса, помочь теоретикам и практикам разобраться в экономике Дальнего Востока. Как орган КВЖД журнал большую часть своих страниц посвящал русскому и китайскому транспорту и разрабатывал вопросы, связанные с ним. Учитывая большое значение издания, КВЖД решило с 1 января 1925 г. назвать его «Вестник Маньчжурии» и выпускать ежемесячно в большем объёме. Ключевыми темами были вопросы торгово-промышленного характера и сельского хозяйства. «Имея перед собой узкоспециальную задачу, – отмечал «Вестник Маньчжурии», – помогать торговопромышленникам в их повседневной работе, наш журнал, естественно, должен отвести большое место и обратить особое внимание на чисто-информационную, коммерческо-финансовую часть в виде хозяйственных и коммерческих обзоров, специальной хроники, товарных и валютных бюллетеней и т.п.»[2].

В журнале существовали следующие разделы: общий, «На Китайско-Восточной железной дороге», «По Маньчжурскому краю», «По Китайской республике», «По Советскому Союзу» и библиография. В выпуске журнала принимали участие экономисты и востоковеды П.Н. Меньшиков, А.Н. Тихонов, В.А. Кормазов[3], Л.И. Любимов[4], В.И. Сурин, Э.Э. Анерт, Е.Е. Яшнов, А.Е. Герасимов[5], В.Г. Кудреватов[6], А.Я. Авдощенков, А.И. Погребецкий, А.И. Гражданцев, В.Н. Жернаков, Н.А. Сетницкий[7], А.А. Митаревский, В.В. Тресвятский и др. Подводя итоги десятилетней деятельности, редакция «Вестника Маньчжурии» отмечала: «Немало внимания в журнале уделялось вопросам железнодорожной техники и вопросам товароведческого описания грузов дороги. Библиографические указатели журнала разрослись до пределов книжной летописи

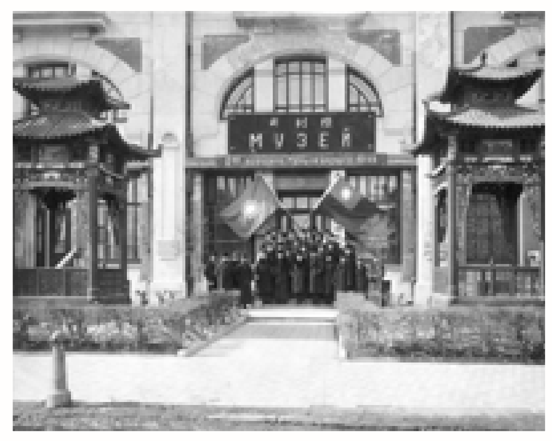
[1] Наши задачи // Экон. вестн. Маньчжурии. 1923. № 1 (28 янв.). С. 1.
[2] Пять лет «Вестника Маньчжурии» // Вестн. Маньчжурии. 1928. № 1 (Янв). С. 1.
[3] Кормазов В.А. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[4] Любимов Л.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[5] Герасимов А.Е. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[6] Кудреватов В.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[7] Кудреватов В.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).

стран Дальнего Востока. Даже такие обзоры, как конъюнктурный обзор рынка, обзор погоды и др. в настоящее время представляют большой интерес как единственный солидный источник для сравнительно большого отрезка времени»[1].

Наряду с экономическими вопросами журнал регулярно печатал статьи, посвящённые быту Китая и краеведению (И.Г. Баранов, И.И. Серебренников, И.Н. Веревкин и др.), истории (Б.Ф. Сквирский и др.), археологии (В.Я. Толмачев и др.), природе и географии (Г.Г. Авенариус, Н.А. Байков, А.В. Иванов, Б.В. Скворцов, Е.М. Чепурковский, А.В. Лукашкин и др.), климату[2], химии[3], агрономии[4], почвоведению[5] и др. Раздел библиографии вели А.Д. Воейков[6], Е.Х. Нилус, И.Г. Баранов, В.Н. Крылов и др. Большим достоинством журнала являлось наличие аннотаций на английском языке. Одно время имелось приложение, «Экономический бюллетень». С 1933 г. журнал издавался дважды в месяц. В нём появился раздел «Научная хроника стран Дальнего Востока».

3. Общество изучения Маньчжурского края (Харбин), его музей и отдел печати

Подлинным краеведческим центром Маньчжурии стало Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК). Оно просуществовало всего шесть лет, но сделало многое, сумев объединить исследователей-энтузиастов. Среди основателей ОИМК, помимо русских исследователей – Э.Э. Анерта, В.В. Гагельстрома, П.Н. Меньшикова, А.В. Спицына, Б.В. Скворцова, П.В. Шкуркина и других – было немало китайцев. Задумывая создать полновесное научно-просветительское общество с музеем и библиотекой, они взяли за основу владивостокское Общество изучения Амурского края, позаимствовав отчасти и название. В циркулярном письме властям говорилось: «Всем известно, какое огромное культурное и просветительское значение имеют выставки и музеи не только в отношении повышения общего уровня куль-



Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК)

[1] Десять лет // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 1 (Янв.). С. 2.
[2] Бедарев П.К. Ливни Северной Маньчжурии. Харбин, 1932. 22 с.: прил.
[3] Морозов Н.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[4] Константинов П.Ф. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[5] Глебов М.Д. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[6] Воейков А.Д. (см. Приложение 3. Библиографический список).

Деятели ОИМК (сверху слева на право): В.В. Поносов, В.Н. Жернаков, А.А. Костин, А.С. Лукашкин, Э.Э. Анерт, Б.В. Скворцов, Т.П. Гордеев

туры, но и развития рациональных методов работы, делового практического настроения, которое является непременным залогом успеха в хозяйственной и интеллектуальной жизни. Всё это побудило группу лиц взять на себя инициативу создания в Харбине Общества изучения Маньчжурского края, главной целью которого является использование и объединение всех культурных сил края». На первом общем собрании ОИМК 29 октября 1922 г. приняли участие 105 человек[1].

Деятелями ОИМК были известные исследователи и краеведы русской Маньчжурии: А.А. Болотов, Н.В. Борзов, Н.Л. Гондатти, В.В. Гагельстром[2], В.В. Ламанский, П.А. Павлов[3], П.Н. Меньшиков, М.С. Тюнин, П.В. Шкуркин, Г.Я. Маляровский[4], И.В. Козлов[5], А.И. Галич[6], А.Н. Тихонов[7], В.Я. Толмачев[8]. Большое внимание обращалось на изучение культурного развития края. Члены секции регулярно читали доклады, которые затем обсуждались слушателями. Большинство работ публиковалось в «Известиях Общества изучения Маньчжурского края». «Три культуры, – писала редакция в первом номере, – должны встретиться в работе О-ва, а, следовательно, найти отражение в «Известиях»: китайская, русская и маньчжурская. И верим мы, «Известия» помогут всем культурным силам края найти общий язык и дружными усилиями пойти к единой цели, к всестороннему изучению местного края». Всего вышло десять выпусков «Известий ОИМК», также было издано десять трудов, 12 выпусков по экономике. Первым отдельным изданием была книга А.И. Погребецкого «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции»[9]. Всего же ОИМК издало более 200 работ своих членов.

Большое участие в организации ОИМК принял геолог Э.Э. Анерт, который в то время был директором Дальгеолкома и совершил несколько экспедиций по Маньчжурии. Окончательно переехав в Харбин 1 июля 1924 г., он сразу же занялся организацией секции геологии. Участник международных конгрес-

---

[1] Исполнительное бюро. Циркулярно // Изв. ОИМК. 1922. № 1 (Нояб.). Б.с.
[2] Гагельстром В.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[3] Павлов П.А. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[4] Маляровский Г.Я. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[5] Козлов И.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[6] Галич А.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[7] Тихонов А.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[8] Толмачёв В.Я. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[9] Погребецкий А.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).

сов и автор множества научных работ[1], он пользовался среди исследователей большим авторитетом. В 1939 г., когда друзья и ученики Анерта торжественно отмечали пятидесятилетие его творческой деятельности, он был членом-корреспондентом многих научных организаций, в том числе Германской академии наук (с 1937)[2].

Один из учредителей ОИМК, ботаник Б.В. Скворцов, стал учёным секретарём Общества и председателем подсекции ботаники. Он работал сотрудником музея, ботанического сада, а также Сунгарийской речной биологической станции. ОИМК выпустило около десяти работ учёного[3]. В последние годы жизни в Китае Скворцов был тесно связан с Лесным институтом Академии наук КНР, Сельскохозяйственной академией и Лесной академией Северо-Восточного Китая в Харбине. «В этих научных учреждениях, – вспоминал современник, – он работал в качестве ботаника, инструктора по ботанике у начинающих преподавателей и лектора. Во время работы в вышеупомянутых учреждениях он совершил много ботанических экскурсий в различные части Северо-Восточного Китая, в результате чего опубликовал ряд отчётов об этих экскурсиях. В 1951 г. он принял участие в ботанической экспедиции Лесной академии в верховье р. Гана (Гэньхэ), правый приток р. Аргуни. Лесная академия – учебное заведение, в котором обучалось 5000 студентов и насчитывалось около 500 преподавателей. В течение 1956–1958 гг. в Лесной академии он занимался подведением итогов своих альгологических работ, совершенных им за время долголетнего пребывания в Китае. В результате он составил 6 отчётов на русском, английском и латинском языках с описанием 5000 видов разных водорослей, из которых 50% были ещё неизвестными для науки». Б.В. Скворцов принял активное участие в издании справочника «Древесные растения Северо-Восточного Китая», увидевшего свет в 1955 г.

Историко-этнографической секцией руководил бывший военный А.М. Баранов, автор многих работ о Монголии и Маньчжурии[4]. Главными задачами своей секции он считал сбор и хранение этнографического материала Северной Маньчжурии, а также заботу о сохранности древних памятников Маньчжурии. Проведя их детальное обследование, было решено зарегистрировать все памятники[5]. После смерти Баранова в 1927 г. эту работу продолжил П.В. Шкуркин.

А.М. Баранов руководил и этнографическим отделом музея ОИМК, открытого 11 ноября 1923 г. и посвящённого природе, быту, экономике и культуре Маньчжурии. Этнографический отдел был особой гордостью создателей музея. Он «…занимал пятый зал и часть шестого зала. В пятом зале находил-

---

[1] Анерт Э.Э. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Жернаков В. Э.Э. Анерт – исследователь русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии: к 20-летию со дня смерти // Рус. жизнь. 1967. 8 янв.

[3] Жернаков В.Н. К восьмидесятилетию Б.В. Скворцова // Рус. жизнь. 1976. 27 янв.

[4] Баранов А.М. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[5] Баранов А. Регистрация памятников в Маньчжурии (см. Приложение 3. Библиографический список).

ся подотдел восточноазиатского искусства. Здесь находились фарфоровые и фаянсовые вазы, различная посуда, клуазоне, изделия из нефрита, слоновой кости весьма художественной работы. В подотделе религиозных культов были интересны две витрины с алтарями ламаитского и китайского буддизма, коллекции по даосизму и шаманизму, и коллекция по ламаитской иконографии. Подотдел был представлен рядом коллекций, посвящённых быту китайцев, маньчжур, монголов, орочёнов, солонов и даур. Находились там коллекции мандаринских халатов, маньчжурской одежды и обуви, монгольской одежды, китайских музыкальных инструментов, игрушек, игр, домашней утвари»[1].

Деятельным членом ОИМК был Т.П. Гордеев, с 1925 г. преподававший естествознание в различных учебных заведениях Харбина. «За этот период, – вспоминали его ученики, – Тарас Петрович воспитал несколько тысяч русских юношей и девушек. Преподавал он свои любимые предметы в нескольких средних школах, везде создавая кружки любителей природы, с которыми дополнительно занимался во внешкольное время. Беженские школы только начинали вставать на ноги. В них не было буквально никаких пособий, и Тарас Петрович со своими юными энтузиастами на скромные средства, собранные среди учеников, работал над изготовлением наглядных пособий и моделей, чем с годами обогатил школьные музеи. Одновременно он ввёл практические занятия в школьных садах»[2]. В 1945–1967 гг. Гордеев работал в Харбинском музее. Названия его небольших работ свидетельствуют о широте интересов исследователя[3].

Под влиянием Гордеева и Скворцова изучать естественные науки начал А.И. Баранов. Окончив Юридический факультет в Харбине, он поступил в Пекинский университет на отделении ботаники, а затем до 1950 г. был научным сотрудником Харбинского краеведческого музея и Института лесного хозяйства и почвоведения при Академии наук КНР в Харбине. «В процессе работы, – писали об исследователе, – он участвовал во многих экспедициях, в том числе, на Малый Хинган и по реке Амуру, которые были особенно полезны и интересны. Руководители института относились к нему с большим уважением и высоко ценили его работу. Для китайцев, занимающихся ботаникой, Андрей составил латинский словарь ботанических терминов, за что получил особую благодарность и премию. Узнав о намерении Андрея уехать из Харбина, руководители долго уговаривали его остаться в Институте, предлагая хорошие условия для работы, в том числе, обещая сделать его полным профессором»[4].

С 1929 г. все занятия в кружке натуралистов посещал В.Н. Жернаков, в течение 17 лет он был его бессменным секретарём и редактором научных трудов.

---

[1] Харбинский музей (Ист. очерк) // Юбилейный сб. Политехник. 1969–1979. Сидней, Австралия. № 10. С. 152.

[2] Группа бывших учеников Тараса Петровича Гордеева: Памяти русского учёного // Русская жизнь. 1972. 27 апр.

[3] Гордеева Т.П. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[4] Баранова Н. Андрей Ипполитович Баранов // Друзьям от друзей. Австралия. 1987. № 27. С. 22–23.

Ещё во время учебы Жернаков стал работать в музее Бинцзянской провинции. После окончания факультета в 1937 г. он поступил на работу в музей «Да-лу». Уже тогда он совершил несколько увлекательных поездок и экскурсий. С 1938 г. он работал в музее Континентального института при ведомстве Совета министров Маньчжоу-Ди-Го. Жернаков щедро делился своими знаниями с приезжающими в Китай коллегами: французским геологом и философом Т. де Шарденом, академиком Х. Брейлем, немецкими географами Б. Плетшке, Е. Тилем, Г. Фохлер-Хауке и многими другими. Иностранные учёные высоко оценивали его знания. Во время войны Жернаков работал лектором в колледже Христианского союза молодых людей. Много лет он преподавал экономику географии Китая в Харбинском политехническом институте, где был заместителем декана транспортно-экономического факультета.

Результаты исследований и экспедиций Жернакова вышли в 1960 г. отдельным томом в трудах Академии наук КНР. Работал он и как геоботаник, исследуя флору и фауну озер. Одним из его корреспондентов был академик В.Л. Комаров. Хотя время от времени у учёного и возникали политические проблемы с правящим коммунистическим режимом, он продолжал трудиться на благо науки Китая, но культурная революция всё же заставила его в сентябре 1962 г. эмигрировать с семьёй в Австралию, где В.Н. Жернаков работал в клубе натуралистов Мельбурна, совершая поездки и собирая коллекции. В 1972 г. он переехал в США, где на следующий год перенёс серьёзную операцию на сердце. Последние годы жизни он писал воспоминания, публикуя их в сан-францисской газете «Русская жизнь». Он написал также ряд работ о своих учителях и старших товарищах в Китае: Н.А. Байкове, И.И. Гапановиче, А.П. Хионине, В.В. Поносове, Т.П. Гордееве и многих других, каждый из которых был личностью в науке и литературе[1]. Всего насчитывают 166 научных, научно-популярных, биографических очерков, статей и заметок, опубликованных Жернаковым в русских, английских, немецких, французских, японских и китайских научных и популярных журналах[2].

Интересную книгу «Амур и его бассейн» выпустил в 1925 г. бывший начальник 3-го участка водных сообщений на Амуре А.А. Болотов, член комитета Общества изучения Маньчжурского края, работавший в Харбине наблюдателем Сунгарийской биологической станции. Вот какую рецензию получила эта работа: «Автор монографии, местный старожил и краевой деятель (20 лет непрерывной работы по водному управлению) увлекательно раскрывает перед читателем скрытое могущество своего края. Детально изучив Амурский бассейн с края до края, он уводит читателя в своеобразные причудливые и такие разные условия Амурской жизни. [...] Автор умеет захватить читателя своим простым, правдивым и красочным повествованием о причудливом крае»[3].

---

[1] Zissermann N.V. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Лукашкин А.С. Владимир Николаевич Жернаков (Ко дню полугодовой кончины) // Рус. жизнь. 1977. 27 авг.

[3] «Виф». Отзывы о новых книгах // Вольная Сибирь. 1927. № 1. С 206–207.

В работе ОИМК принял активное участие и натуралист Н.А. Байков, автор многих краеведческих работ о Маньчжурии[1].

Так как ОИМК собрало под своим крылом не только энтузиастов изучения Маньчжурии, но и многие общественные организации Харбина, это отразилось на фондах его библиотеки. «Книжный состав библиотеки ОИМК, – сообщалось в «Известиях ОИМК, – значительно пополнился присоединением библиотек Общества ориенталистов и Маньчжурского сельскохозяйственного общества. В связи с основанием в Харбине Центральной библиотеки КВЖД, имеющей большие материальные возможности и специальное здание, наша библиотека, во избежание параллелизма в работе и ради сохранения небольших своих средств была реорганизована. Весь книжный фонд библиотеки был пересмотрен, в ней оставлены следующие издания: А) книги и брошюры о Маньчжурии и соседних областях, Б) справочные, классические и фундаментальные научные сочинения по тем отраслям знания, в направлении которых по преимуществу развивается деятельность ОИМК, В) словари, энциклопедические и языков, Г) обменные издания учёных учреждений и обществ, краеведческих организаций и Д) научные периодические издания»[2].

До 1924 г. в Маньчжурии никто не только не занимался составлением библиографических справочников, но даже не собирал коллекцию местных печатных изданий[3]. Газеты выписывало управление гражданской частью КВЖД, но с её ликвидацией это собрание было уничтожено. Библиотеки Железнодорожного и Коммерческого собраний Харбина хранили только текущую периодику. В 1924 г. ОИМК решило ликвидировать этот пробел, основав при своём музее отдел местной печати, который возглавил Михаил Семенович Тюнин[4]. В июле 1924 г., приступив к работе, он обратился от имени ОИМК к редакциям всех харбинских газет и владельцам типографий с просьбой прислать их издания для будущей коллекции. «Помимо книг, газет, журналов, – писал Тюнин, – в отделе собираются и хранятся и другие предметы тиснения, выпущенные в пределах Маньчжурии как из-под печатного станка, так и

М.С. Тюнин

[1] Байков Н.А. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Рачковский А.А. Шесть лет // Изв. ОИМК. 1927. № 7 (Дек.). С. 5.

[3] Сатовский-Ржевский Д.Г. Эмигрантская печать в Маньчжоу-Ди-Го // Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею, 1932—1942. Указ. изд. С. 351.

[4] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 1, 1об., 2, 2об., 4.

с литографического камня. Собираются, по возможности, все опубликованные распоряжения властей, обязательные постановления, объявления учреждений, собираются географические карты и отдельные чертежи, рисунки, портреты, коллекционируются афиши спектаклей, концертов, программ их, афиши и объявления кинематографов, всевозможные торговые объявления и, наконец, более мелкие теснения в виде пригласительных писем, билетов, меню обедов, летучек и т.д. Собираются печатные произведения на всех языках, но поступают в отдел издания более на русском языке»[1].

Среди первых на просьбу библиографа с энтузиазмом откликнулось управление КВЖД, передав не только текущие издания, но и всю печатную продукцию прошлых лет, включая карты. Отдел местной печати также получил коллекцию издательств «ОЗО» и «Заря». Русско-китайский политехнический институт и другие учебные заведения Харбина передали Тюнину свои учебники и пособия. Немало редкостей поступило в отдел от местных коллекционеров-краеведов. Проведённые в начале мая 1925 г. «Дни Книги» позволили значительно увеличить коллекцию, для которой в музее выделили большую комнату.

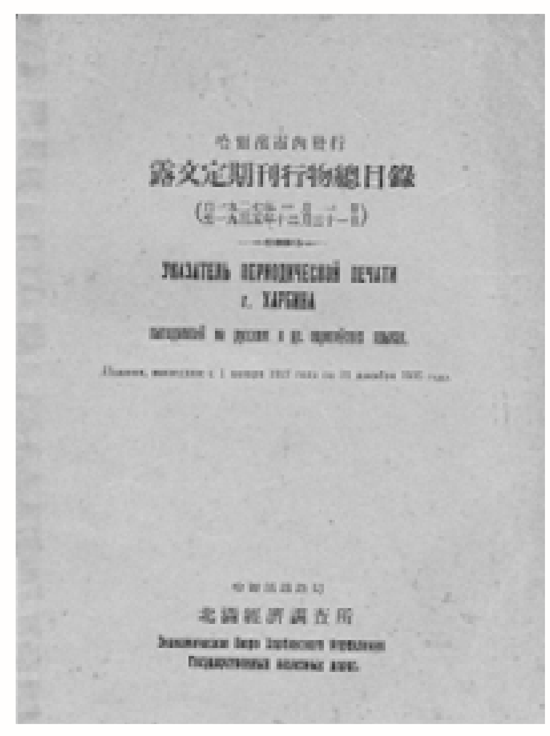
К 1927 г. библиотека ОИМК насчитывала 7 тысяч томов, а его отдел местной печати собрал около 12 тысяч книг, журналов, брошюр и прочей малотиражной литературы, и Тюнин смог приступить к составлению «Библиографии Маньчжурии», первого местного библиографического справочника. Он тщательно анализировал содержание изданий, их владельцев и продолжительность выпуска, отмечая недолговечность многих изданий: к 1927 г. «почти третья часть всех харбинских изданий просуществовала менее года, а именно 89 из общего числа 243. Если же предположить, а это именно вероятно, что большинство изданий, помещённых в рубрике «время существования неизвестно», выходили менее года, – то число краткосрочных изданий ещё значительно увеличится». Изданием, выходившим в Харбине дольше других, является «Торговый бюллетень Харбинской биржи», просуществовавший непрерывно 17 лет и продолжавший выпуск своих бюллетеней. Из газет самой долговечной оказался «Харбинский вестник», издававшийся КВЖД на протяжении 15 лет, а из журналов – «Вестник Азии» (14 лет). На втором месте по продолжительности издания стояли журналы «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии» и «Известия Харбинского общественного управления», выходившие, хотя и с перерывами, в течение 10 лет[2].

После выхода библиографического указателя в свет М.С. Тюнин продолжил составление библиографии местной печати и в 1936 г. выпустил новый, более профессиональный справочник. Он не только дополнил старую работу, но и дал

---

[1] Тюнин М.С. Отдел местной печати. (Обзор деятельности) // Изв. ОИМК. 1928. № 7 (Дек.). С. 71–72.

[2] Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин, 1927. С. 8.



Указатель периодической печати г. Харбин, автор М.С. Тюнин

более полное библиографическое описание, необходимые аннотации, расширил справочный аппарат. Эта работа проходила в более сложных условиях, так как Общество Маньчжурского края было упразднено, и Тюнин перебрался в библиотеку КВЖД. «Регистрация же изданий для настоящего, второго выпуска, – отмечал он, – была сопряжена с некоторыми, а иногда и с большими затруднениями. А причина – отсутствие в городе за ряд последних лет книгохранилища местной печати, где можно было бы найти все без исключения периодические издания Харбина. Приходилось для собирания сведений бывать во многих учреждениях и у отдельных лиц, чтобы найти тот или другой журнал или газету, и поиски эти производить возможно часто, так как в противном случае можно было рисковать совершенно не найти того или другого произведения местной печати»[1].

Одновременно с составлением библиографии М.С. Тюнин публиковал статьи о редких изданиях. В частности, он написал о харбинском журнале «Досуги Заамурцев», выходившем с января 1905 г. по 1911 г. Он рассказал не только о целях и задачах этого издания, но и раскрыл некоторые подробности, остававшиеся неизвестными. «На популярность журнала «Досуги Заамурцев» обратила своё внимание местная организация социалистов-революционеров и попыталась использовать его название для своих целей. Организация успела выпустить несколько номеров своего органа (подпольного, конечно) под таким же названием – «Досуги Заамурцев». Легальный, настоящий журнал «Досуги Заамурцев» боролся со своим подпольным тёзкой, и местные власти быстро его ликвидировали»[2].

В дальнейшем Тюнин продолжил работу, составив библиографический указатель издательской деятельности разных конфессий Харбина в период с 1 января 1936 г. по 31 декабря 1939 г. Библиограф проанализировал издания

[1] Тюнин М.С. Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и других европейских языках. Издания, вышедшие с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1935 г. Харбин, 1936. С. IV.

[2] Тюнин М.С. Первый журнал в Харбине // Харбинская старина: Сб. Харбин, 1936. С. 43.

(периодические и отдельные книги), выпущенные православной церковью, католической епархией византийско-славянского обряда, протестантской церковью (издательство «Посох»), общинами духовных христиан-молокан, адвентистов 7-го дня, христиан евангельской веры (пятидесятники), старообрядческой и лютеранской церквями, дав подробно сведения о тиражах и издателях[1].

М.А. Фирсов

В феврале 1929 г. китайские власти закрыли ОИМК по формальной причине его «преобразования» в Общество изучения культурного развития Особого района Восточных провинций (ОРВП), членами которого могли быть только китайцы. Музей ОИМК перешёл в ведение Департамента народного образования ОРВП, при котором в январе 1931 г. создали НИИ ОРВП. Несмотря на эти, а также последующие преобразования, в музее в основном работали русские исследователи: Б.П. Яковлев, А.С. Лукашкин, М.А. Фирсов, Н.А. Байков.

Нет нужды говорить о том, что эмигрантская молодёжь довольно бегло говорила на китайском языке. Если взрослые не обращали большого внимания на китайскую культуру и больше занимались поисками хлеба насущного, многие дети быстро привыкали не только к языку, но и вникали в местные традиции и реалии. Харбинские педагоги и исследователи обращали большое внимание на воспитание подрастающего поколения, всячески привлекая молодых людей в свои научные общества и объединения, издавая материалы этнографического характера. Редактор популярного детского журнала «Ласточка» Е.А. Васильева вспоминала: «Приятель мой, Кешенька Кухин, который хорошо знал китайский язык, нередко переводил мне для "Ласточки" китайские сказки. В отделе "Почему и отчего" были всякие полезные сведения, но это уже писала не я, это не моя специальность, разве что описания китайского Нового года или японского праздника детей»[2].

В Маньчжурии активно работали молодёжные научно-общественные организации. Наиболее крупным объединением был Клуб естествознания и географии Христианского союза молодых людей, основанный бывшими членами

[1] Тюнин М.С. Духовно-нравственные издания (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Юрка. Детский журнал «Ласточка»: (Воспоминания) // Политехник. Юбилейный сб. 1969–1979 / Объединение инженеров, окончивших Харбинский политехнический институт. Sydney, Australia, 1979. № 10. С. 188.

В.В. Поносов

ОИМК. 7 апреля 1929 г. деятели клуба создали «Национальную организацию исследователей-пржевальцев», которую возглавил В.В. Поносов. Отмечая десятилетие организации, были подведены первые итоги: «Работа велась исключительно с молодёжью. Было сделано около 200 экскурсий, собирались коллекции. В юбилейные дни была устроена отчётная выставка в помещении 1-го Русского реального училища. Центральное место на выставке занимал скелет мамонта (правда, неполный), добытый пржевальцами в местности Хуаншань, к северу от Харбина. Это первая находка скелета мамонта в Маньчжурии. Рядом были расположены археологические находки, относящиеся главным образом к эпохе народа Мохэ (1500 лет тому назад) и империи Цинь (700–800 лет назад). Привлекал также внимание этнографический уголок с шаманскими принадлежностями и божками, а также и зоологические сборы пржевальцев. Фоном для всего этого были многочисленные китайские лубки, которыми были затянуты стены помещения»[1].

Организация исследователей-пржевальцев была закрыта в 1946 г. К этому времени им удалось издать только один выпуск «Сборника научных работ пржевальцев». Окончательно российские краеведы прекратили свои занятия по изучению Китая и Маньчжурии с закрытием Клуба естествоиспытателей и географии в 1955 г. Последней краеведческой организацией стало Харбинское общество естествоиспытателей и этнографов, основанное в 1946 г., которое просуществовало 9 лет. Обществом руководили Б.В. Скворцов и В.Н. Алин, интересами последнего были зоология, энтомология и этнография[2].

4. Русские учебные заведения в Маньчжурии

Проблема обучения русских детей в Харбине возникла ещё в 1898 г., когда сюда вместе с семьями стали приезжать первые строители КВЖД, поэтому к концу года наряду с церковью и клубом в посёлке русских поселенцев появилась и начальная школа, первая не только в Харбине, но и во всей Маньчжурии. Она была открыта 6 (19) декабря 1898 г. благодаря усилиям И.С. Степано-

[1] Аргус. По стопам Пржевальского // Рубеж. 1939. 27 мая. (№ 22). С. 19.
[2] Алин В.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).

ва, приехавшего в Харбин по собственной инициативе. Он написал и букварь для первых учеников, не получив вовремя его из России. Этот учебник считается первой книгой, напечатанной в Харбине. Если в первое время в школу записалось 11 детей, то к маю 1899 г. в неё ходило уже 20 учеников, к 1900 г. их число увеличилось до 93, а к 1901 г. – до 200. В 1902 г., имея 207 учеников, школа была вынуждена ограничить приём и проводить занятия в две смены. Степанов также организовал вечерние занятия для китайских граждан.

По мере роста Харбина администрация КВЖД открывала новые начальные школы. К началу 1906 г. в зоне КВЖД насчитывалось 12 начальных школ с 1460 учениками и 38 учителями. В 1917 г. там работало десять одноклассных и 20 двухклассных школ с 3036 учениками и 76 учителями. К 1923 г. число школ достигло 66, в них учились около 10 тыс. детей, включая китайских, и работали 227 педагогов. В Харбине также была муниципальная школа, открытая в 1908 г., и несколько частных школ. Практически все школы повторяли русскую школьную систему и делились на гимназии, дававшие классическое образование и позволявшие поступать в университет, и реальные училища, готовившие выпускников к практической деятельности.

В 1906 г. руководство КВЖД учредило специальный отдел, учебный, и открыло первое среднее учебное заведение – Харбинское коммерческое училище, фактически состоявшее из двух училищ – мужского и женского, расположенных по соседству в центре Харбина. Училище предназначалось для детей служащих КВЖД, но принимались туда все желающие. Начальником учебного отдела КВЖД и первым директором Коммерческого училища с 1906 по 1917 гг. был Н.В. Борзов. Нахождение русских школ и училищ на территории соседнего государства и обучение в них китайских детей наряду с русскими обусловило появление в учебных планах востоковедческого компонента: курсов краеведения (маньчжуроведения), китайского языка, географии и истории стран Дальнего Востока. Поэтому первоначальную востоковедческую подготовку русские дети получали ещё в средних учебных заведениях.

Учебный отдел КВЖД в период с 1906 по 1917 гг. ежегодно организовывал летние учительские конференции, а в 1909 г. было основано Общество Маньчжурских народных университетов, которое организовало вечерние курсы для взрослых: одногодичные по начальному обучению и двухгодичные – по расширенной программе. С 1910 г. педагоги Харбина были объединены в Маньчжурское педагогическое общество. Согласно уставу, своими задачами оно ставило «следить за развитием педагогической науки в России и за границей, способствовать уяснению вопросов, выдвигаемых учебно-воспитательной практикой в крае, устраивать курсы, съезды, выставки, научные экскурсии…». Проблемы и идеи, возникавшие при этом, выносились на обсуждение общественности при помощи ежемесячного журнала «Просветительское дело в Азиатской России», выходившего в 1913–1919 гг. (с 1922 – «Вестник Маньчжурского педаго-

гического общества»). В дальнейшем вопросы школьного образования поднимали педагогический журнал «Вопросы школьной жизни», выпускавшийся в 1925–1926 гг. Союзом учителей КВЖД, и «Бюллетень Союза учителей», который в 1932 г. издавало Русское учительское общество в Маньчжурии[1]. Особенно много для анализа русского образования в Маньчжурии сделал Н.П. Автономов[2]. И он, и другие харбинские педагоги издали немало учебников[3]. В частности, большой популярностью пользовались учебные пособия бывшего дипломата А.С. Троицкого. Переход контроля как над советскими, так и над русскими школами к китайским властям в 1926 г. чаще всего был формальным и не мешал руководству школ работать по собственным программам.

Вопрос о создании высших учебных заведений в Харбине поднимался уже в начале Первой мировой войны. В 1916 г. был образован Комитет по высшему образованию, работа которого прервалась в 1917 г. и возобновилась летом 1918 г. Комитет проводил сбор пожертвований для открытия в Харбине университета с юридическим, экономическим и техническим факультетами и медицинской школой. Энтузиастам удалось собрать только половину нужной суммы, но их усилия всё же привели к созданию в 1920 г. двух учебных заведений, которые можно было приравнять к высшим: Высших экономико-юридических курсов (в дальнейшем Юридический факультет) и Русско-Китайского техникума (в дальнейшем Харбинский политехнический институт).

Первый набор Высших экономико-юридических курсов, основанных 1 марта 1920 г. с Н.В. Устряловым на посту декана, составил 98 человек, среди которых было много вольнослушателей. Интенсивно занимаясь вечерами в здании Харбинского коммерческого училища, они прошли программу первого курса за четыре месяца. С сентября 1920 г. второй академический год начался всего с 15 студентами, так как вольнослушатели уже не допускались. После того как в 1922 г. курсы получили аккредитацию Дальневосточного государственного университета во Владивостоке, утверждённую министром образования Приамурского правительства, они стали называться Юридическим фа-

Юридический факультет

[1] Bakich O. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography. New York; Paris, 2002. P. 430, 434.

[2] Автономов Н.П. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Петелин И.И. (см. Приложение 3. Библиографический список); Уласевич В.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).

культетом.

И.Г. Баранов

С установлением в Приморье в октябре 1922 г. советской власти научное сотрудничество между вузами прекратилось. В это время Устрялова на посту декана сменил юрист Н.И. Миролюбов, известный правовед, один из руководителей расследования убийства царской семьи, он же занимался юридическим оформлением последней белой власти в Приморье. В Маньчжурии Н.И. Миролюбов изучал китайскую юриспруденцию и пользовался известностью.

В стенах Юридического факультета трудилось немало профессоров и преподавателей, уехавших из Владивостока. Так, в январе 1920 г. в Харбине появился бывший деятель колчаковского правительства Георгий Константинович Гинс. Одновременно с чтением лекций он готовил к печати по следам недавних событий свою знаменитую книгу «Сибирь, союзники и Колчак», публикуя отрывки из неё в газете «Вестник Маньчжурии». За время пребывания в Харбине Гинс опубликовал много востоковедческих трудов, причем, не только о Китае, но и о Японии. Ряд работ по материалам, собранным в этот период, был опубликованы много позднее, когда учёный уехал в США[1].

Приват-доцентом Юридического факультета был И.Г. Баранов. Он читал лекции и принимал экзамены по китайскому языку, литературе, этнографии и истории культуры Китая. В это время он подготовил большое количество статей по фольклору, этнографии и истории Китая[2]. С 1926 г. он читал курс краеведения и в Харбинском педагогическом институте.

В число преподавателей Юридического факультета входили и другие известные востоковеды. Одним из организаторов вуза, где он работал со дня его основания до закрытия, был экономист М.В. Абросимов. Он читал лекции и вёл практические занятия по политэкономии, подготовив ряд работ[3]. Оставили свой след в востоковедении и другие преподаватели Юридического факультета: М.Н. Ершов[4], А.А. Камков[5], В.В. Ламанский[6], Н.Г. Третчиков[7],

[1] Гинс Г.К. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[2] Баранов И.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[3] Абросимов М.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[4] Ершов М.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[5] Камков А.А. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[6] Ламанский В.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).
[7] Третчиков Н.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).

К.В. Успенский[1], И.Н. Вешнер и Г.Г. Авенариус[2]. В основном их труды посвящались юридическим вопросам, но они не оставляли в стороне и проблемы Китая. Свидетельство тому – многочисленные публикации на китайскую тему в «Известиях Юридического факультета».

Факультет привлекал к преподаванию и практиков, в частности, сотрудника Экономического бюро КВЖД и автора ряда работ Г.А. Богданова («Юридическая природа железнодорожной перевозки: Конспект лекций по железнодорожному праву, читанных на курсах КВЖД», «Налоговая реформа Маньчжоу-Ди-Го»), а также статей в «Известиях Юридического факультета» и периодических изданиях Харбина. Выпускники Юридического факультета также внесли большой вклад в востоковедение. В частности, уехавший в Германию В.Г. Зейберлих занимался библиографией востоковедения.

1925–1929 гг. были временем финансовой стабильности и роста Юридического факультета. Его поддерживали субсидии от Комитета по высшему образованию, муниципалитета и, в значительной степени, от администрации КВЖД. Учебная программа соответствовала юридическим факультетам в России с добавлением некоторых специальных дисциплин, необходимых для работы на КВЖД: китайское государственное и гражданское право, железнодорожные тарифы и т.д. В тот период, как отмечал историк Юридического факультета Н.П. Автономов, было «организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы Подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация – только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов, число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов, вместе со слушателями Подготовительных классов было свыше тысячи»[3]. Некоторые курсы лекций читались на китайском языке.

После смерти Миролюбова (1927) деканом Юридического факультета единогласно избрали В.А. Рязановского, который читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догму римского права и вёл семинары по гражданскому праву. Студенты о нём вспоминали так: «Гражданское право и гражданский процесс читал профессор Валентин Александрович Рязановский, типичный русский интеллигент чеховского типа,

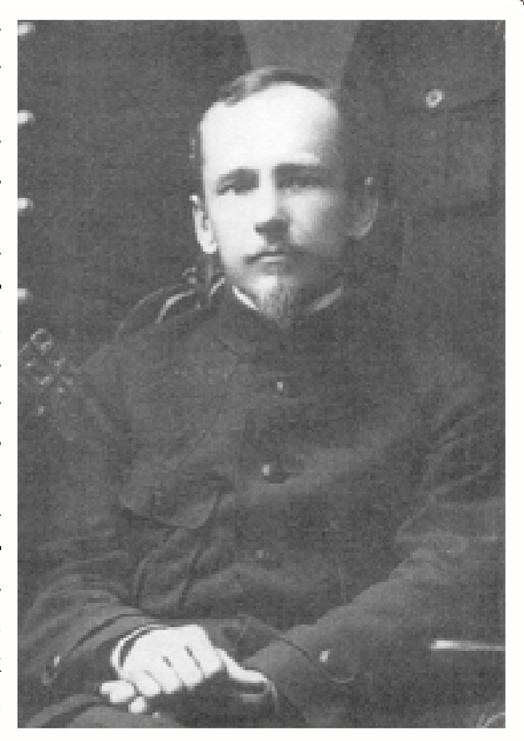
---

[1] Успенский К.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[2] Авенариус Г.Г. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине: (Ист. очерк), 1920-1937 // Право и культура: Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 23.

с небольшой бородкой, лёгкими светлыми волосами, худощавый; он казался человеком не особенно крепкого здоровья. Читал он свои лекции негромким голосом, как бы разговаривая, прохаживаясь по классу из угла в угол»[1].


В.А. Рязановский

Юрист и педагог, Рязановский отчётливо понимал, какие цели и задачи стоят перед учебным заведением. Он считал, что русские беженцы нуждаются в юридической помощи, а потому задача факультета – как можно скорее подготовить квалифицированных русских юристов. «Я не сомневаюсь в том, – говорил он студентам, – что пройдёт ещё несколько лет и в России юридическое образование займёт приличествующее ему место, ибо там, где существуют юридические нормы, как бы их не называть – законами, декретами, указами, постановлениями и т.д. – всегда нужны люди, которые могли бы истолковывать эти юридические нормы и применять их к жизни»[2]. Понимал он и то, что невозможно поднять уровень профессиональной подготовки русских юристов, находясь в Маньчжурии. Он помогал коллегам отправиться в Париж и защитить свои диссертации перед авторитетной комиссией Русской академической группы. В 1925 г. там защитил диссертацию «Очерки государственного права Китая» заведующий кафедрой административного права В.В. Энгельфельд, а в 1929 г. – магистерскую диссертацию «Водное право» Г.К. Гинс.

Рязановский старался поддерживать отношения и с учёными из Советской России. Свидетельством этому является его переписка с востоковедом В.М. Алексеевым. «В частности, в 1923 г. Ф[акульте]т по моему предложению, – писал он, – ввёл преподавание китайского языка и изучение его (эта область китаеведения была в особом загоне). Под моим неустанным наблюдением происходит оно и до сих пор и скоро будут выпущены новые труды по китайскому уголовному, административному и торговому праву (если у Факультета будут средства) и т.д. В качестве декана я способствовал открытию при Факультете в 1925 г. экономического отделения, а в 1926 г. – восточного отдела, т.е. краеведческому уклону Факультета в более широком масштабе. В частности, состою и одним из редакторов задуманного большого труда по китаеведению. Есте-

[1] Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990. С. 180–181.
[2] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2014. Л. 4.

ственно, что без одобрения, помощи, а часто и инициативы декана научная работа ф-та, как целого, не могла бы успешно развиваться. В частности, я стараюсь систематизировать работу членов Ф-та, ставить определённые задачи (изучение права Китая, финансов Китая, общий обзор современного состояния Китая). Конечно, мне уже, как декану, приходится выносить значительную часть ударов, сыплющихся в последние 1 1/2 года на Фак-т. И лично я стараюсь посильно участвовать в указанной работе – как работами по гражданскому праву и процессу вообще, так в особенности по восточному праву. За последние годы, несмотря на ответственную работу на КВЖД, на административные обязанности по Фак-ту, на преподавательскую работу (нагрузка, как видите, немалая), я всё же кое-что сделал и в области науки. Кроме большой работы – лекции по гражданскому праву (участник в 5 выпусках, около 500 стр., изд. 1922–1924), ряде очерков и статей по гражданскому праву и процессу, я напечатал ряд больших и малых работ по монгольскому и китайскому праву <...> Недостатком моих последних работ, между прочими недостатками, является и незнание восточных языков. Я изучал в своё время монгольский язык и начал здесь изучать китайский, но недостаток времени не дал мне возможности довести эту работу до желательных результатов. ...Чувствуя силы и способности на большее, принуждён был все эти годы ограничиваться возможным и только мечтать о большой научной работе. А время идёт, годы уходят, и силы убывают (Сегодня как раз исполнилось 45 лет)»[1].

Рязановский посылал Алексееву новую литературу, образцы китайского письма, некрологи на известных китайских деятелей, которые могли пригодиться для занятий. Алексеев писал Рязановскому, что смотрит на профессоров Юридического факультета как «на форпост русской науки и культуры». Рязановский огорчался, что так и не смог завязать официальных отношений с Академией наук СССР, которую харбинские учёные считали своим научным центром. Когда в 1927 г. академик В.Л. Комаров был проездом в Харбине, Рязановский встретился с ним и вручил все труды Юридического факультета, попросив организовать обмен литературой, но из этого ничего не получилось.

Невзирая на внутреннюю неудовлетворённость, Рязановский продолжал большую организационную работу. В 1926 г. он сделал доклад о деятельности Юридического факультета. «Восточно-экономический подотдел носит краевой характер, имеет целью создать образованных деятелей в различных областях и, главным образом, в экономической здесь, на месте. В Маньчжурии сталкиваются экономические интересы Китая, России и Ниппон. В силу этого подотдел подразделяется на два цикла: китаеведения и ниппоноведения. Здесь, кроме основных экономических и юридических дисциплин, преподаются: география Восточной Азии (главным образом Китая и Ниппон), история Восточной Азии, этнография Восточной Азии, экономическая география Вос-

[1] АПОРАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 699. Л. 6–7.

точной Азии, история культуры Китая, государственное право Китая и Ниппон, гражданское право Китая и Ниппон, международные отношения в Восточной Азии, пути сообщения Восточной Азии, банковская и денежная система Китая, экономика хозяйства, торговли и промышленности Маньчжурии, английский язык, ниппонский язык и др. Для экономиста, желающего работать на Дальнем Востоке, мы даём сведения по географии, истории, этнографии, праву, экономике стран Дальнего Востока (главным образом Китая и Ниппон) и мы будем учить его, главным образом, разговорному языку и затем уже современному литературному китайскому или ниппонскому языку. Наша цель практическая: дать возможность таким лицам работать в крае и в пределах этого»[1].

С.Н. Усов

Учитывая большой интерес к Востоку, в 1931 г. на факультете были открыты курсы китайского и японского языков во главе с С.Н.Усовым, для которого китайский язык был родным с детства. Закончив экстерном восточно-экономический подотдел Юридического факультета, он опубликовал серию учебников и учебных пособий по китайскому и русскому языкам, иероглифике, фонетике и фонетическим упражнениям, методики преподавания языка[2]. В то же время научное китаеведение на факультете оставалось на низком уровне. И.Г. Баранов писал В.М. Алексееву 27 мая 1927 г.: «Очень жаль, что в Харбине нет ни одного профессора-синолога, с авторитетом которого считались бы широкие круги общества. Мне, например, приходится чувствовать недостаток в авторитетном руководителе. С Владивостоком связь очень слабая, да и там теперь синология как будто не блещет новыми исследованиями и трудами. ...Вообще русские синологи – вымирающее племя, хотя и мнящих себя знатоками Китая очень много...»[3]. И.Г. Баранов хотел сдать в 1928 г. магистерские экзамены, но не нашлось специалистов, которые могли бы принять их у него.

Русские профессора-эмигранты хотели бы получить отклик на свои работы с родины. В.А. Рязановский имел очень много рецензий и откликов на свои труды со всего мира. За вклад в науку он был избран почётным и действительным членом многих обществ (Royal Asiatic Society и др.). Но ни единого слова,

[1] ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2014. Л. 5.

[2] Усов С.Н. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Архив ПОИВ. Ф. 820. Оп. 3. Д. 143. Л. 5, 5 об.

ни доброго, ни худого, не получил он из России, о чём с горечью писал В.М. Алексееву: «Но русские юристы и восточники не обмолвились не словом. И в результате все мои коллеги уже бросили изучать кит[айское] и монг[ольское] право: нет смысла тратить свои последние деньги на книги, которые никто не читает и знать не хочет. Я один ещё продолжаю работать над монг[ольским] правом, но и у меня (к 25-летнему юбилею) начали опускаться руки. Меня не читают, даже специалисты. Ясно: я не нужен родине. И передо мной встал вопрос: работать дальше по вост[очному] праву и печататься на англ[ийском] языке, или совсем оставить занятия правом и заняться другой научной специальностью, хотя бы в качестве дилетанта, или даже замолчать»[1]. Всё же, несмотря на пессимизм, так явственно высказанный в письме, Рязановский продолжал занятия наукой, об этом говорят опубликованные труды, вышедшие из-под его пера. Правда, они вновь остались незамеченными в России.

С весны 1929 г. положение Юридического факультета стало ухудшаться. 2 марта он перешёл под китайское управление с назначением ректора-китайца, хотя первоначально власти утверждали, что ничего подобного не произойдёт. В.А. Рязановский принял решение уйти со своей должности. В знак признания его заслуг перед факультетом было постановлено избрать его почётным членом совета профессоров и вывесить портрет в помещении Юридического факультета.

Одно время деканом Юридического факультета был В.В. Энгельфельд. Переехав в Харбин, он заведовал кафедрой административного права Юридического факультета. Читая лекции по административному праву, он постепенно расширял тематику курса и вводил в них вопросы права стран Восточной Азии. На эту тему он опубликовал ряд научных статей и очерков[2]. Последним деканом Юридического факультета был Н.И. Никифоров, опубликовавший много работ по Всеобщей истории и издавший несколько учебных пособий, в том числе и о Китае[3].

После установления в 1932 г. в Маньчжурии марионеточного правительства целый ряд факторов стал негативно влиять на работу Юридического факультета: политические проблемы, продажа КВЖД, стремление японских властей ликвидировать все русские образовательные учреждения, отъезд из Харбина многих русских. 1 июля 1934 г. Юридический факультет покинула группа профессоров, принявших советское гражданство, среди которых был и Устрялов. В марте 1936 г. Юридический факультет был вынужден объединиться с Педагогическим институтом, чтобы сократить административные расходы. Задачей Педагогического института, основанного 31 сентября 1925 г., было обеспечить учителями харбинские школы. На двух факультетах – филолого-исто-

---

[1] Архив ПОИВ. Ф. 820. Оп. 3. Д. 699. Л. 35 об.

[2] Энгельфельд В.В. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Никифоров Н.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).

рическом и физико-математическом – обучение продолжалось четыре года, помимо педагогических дисциплин и избранной специальности лекции читались по истории, искусству, литературе, науке и коммерции. Как и на Юридическом факультете, здесь преподавались регионоведческие дисциплины: география, история, политическое устройство, культура Японии и Китая. Будущие учителя изучали также латынь, английский язык, основы китайского и японского языков. Заключительный год обучения посвящался практической работе в детском саду и в гимназии, открытой при Институте. Как и другие харбинские вузы, Педагогический институт постоянно испытывал нехватку денег, преподавателей, книг и учебных пособий. Финансовое положение особенно ухудшилось с японской оккупацией, продажей КВЖД и отъездом многих русских семей. За 11 лет существования Педагогический институт выпустил 48 человек: 35 с филолого-исторического факультета и 11 с физико-математического.

Объединение двух вузов не принесло существенной пользы, в новом виде они смогли продержаться чуть больше года, пока 1 июля 1937 г. не закрылись окончательно. Тем временем в апреле 1937 г. японские власти спешно создали Высший коммерческий институт при Бюро по делам российских эмигрантов, к которому и перешла вся собственность Юридического факультета и Педагогического института, а также некоторые профессора и часть студентов. В частности, в этом вузе преподавал Г.К. Гинс. Но этот институт оказался недолговечным и через год закрылся.

Последний том «Известий Юридического факультета» под названием «Право и культура», увидевший свет уже после закрытия вуза китайскими властями, дал оценку усилиям инициаторов создания Юридического факультета в Харбине. «По многим причинам, – отмечалось в рецензии, – Харбин и его эмиграция войдут самостоятельно в историю российской эмиграции, и одной из главных причин к этому окажется то научное горение группы молодых профессоров, которые в 1920 г. в полудикой, колониального типа стране, не имевшей ни университетов, ни культурных соседних европейских стран, ни университетских традиций, ни библиотек, ни научных сил, кроме этих нескольких приезжих ещё недавних российских приват-доцентов, ни специальных сумм, ни привыкшего жертвовать на учебные заведения культурного купечества, буквально из ничего создали на маньчжурском чернозёме громадное, прекрасное высшее учебное заведение, признанное Сорбонной и всеми европейскими и американскими университетами, принимавшими наших питомцев на соответствующие курсы […]»[1].

Вторым по значению вузом Харбина был Харбинский политехнический институт, открытый 18 апреля 1920 г. как Русско-китайский технический колледж, через два года переименованный в Русско-китайский политехнический

---

[1] Луч Азии. 1938. № 48/8. С. 19.

институт и получивший своё окончательное название в ноябре 1928 г. Первый набор в него составил 110 студентов, к 1925 г. их число увеличилось до 445, а в 1926 г. – до 650 человек. Техническое образование в Харбине находило всестороннюю поддержку: и со стороны администрации КВЖД, и от муниципалитета, от Харбинской фондовой биржи, а также жителей. Наибольшую финансовую помощь оказывала КВЖД, она же выделила институту здание бывшего Российского консульства и ряд других строений в центре Харбина, а также поощряла своих служащих к преподаванию в новом институте.

Как и профессоры Юридического факультета, их коллеги из Политехнического института помимо преподавания занимались исследованиями, публикуя их результаты сначала в «Известиях и трудах Русско-китайского политехнического института», а затем в «Известиях и трудах Харбинского политехнического института». С 1923 по 1934 гг. вышло шесть томов «Известий». Кроме того, в свет выходили сборники лекций профессоров по отдельным дисциплинам, отчасти компенсировавшие недостаток учебников.

В 1932 г. ряд преподавателей Политехнического института перешли на работу в только что открытый Северо-Маньчжурский политехнический институт ХСМЛ, но японские власти вскоре закрыли оба вуза. Харбинский политехнический как самостоятельный вуз перестал работать в марте 1935 г. В том же году закрылся и Северо-Маньчжурский политехнический, все студенты и преподаватели которого были переведены в Институт Св. Владимира, открытый в сентябре 1934 г. под руководством главы Харбинской епархии архиепископа Мелетия на основе Высших богословских курсов.

В то время, когда другие харбинские вузы испытывали трудности, новый институт получил поддержку от японских властей. Выступая на церемонии открытия, архиепископ Мелетий сказал, что институт должен стать центром русской науки в эмиграции и будет помогать беженцам даже на чужбине сохранять их национальные особенности. Время создания Института и наличие в нём таких факультетов, как богословский, восточно-экономический и политехнический позволяет предположить, что Институт Св. Владимира создавался не столько для развития богословского образования, сколько для того, чтобы в какой-то мере временно компенсировать работу по тем направлениям, по которым велось преподавание на закрытых в этот период вузах.

Богословский факультет под руководством архиепископа Мелетия был одним из весьма немногих высших учебных заведений русской православной церкви в эмиграции. С 1934 по 1939 гг. его посещали свыше 140 студентов. В 1942 г. факультет выпустил 14 человек, некоторые из них стали священниками. В 1934 г. во главе Института Св. Владимира стоял профессор юриспруденции Мстислав Петрович Головачев. Являясь одним из идеологов сибирского областничества, он издавал в Харбине журнал «Сибирские вопросы», был редактором газеты «Гун-Бао», одним из основателей Института ориентальных и коммерческих наук, где читал лекции по международному праву. При Ин-

ституте долгое время действовал кружок востоковедения, которым руководил А.А. Костин[1].

В 1938–1939 гг. японские власти вывели политехнический и восточно-экономические факультеты из состава Института Св. Владимира и на их основе открыли Северо-Маньчжурский университет, который состоял из политехнического и коммерческого факультетов и находился полностью в ведении японской администрации. Известно, что в 1938–1945 гг. Баранов преподавал в нём китайский язык и экономическую географию Маньчжурии. Одновременно он занимался переводческой деятельностью и был заведующим Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте. Университет прекратил существование в 1945 г. с окончанием войны СССР и Японии. Харбинский политехнический институт советские власти вновь открыли лишь в ноябре 1945 г. с окончанием японской оккупации Маньчжурии и существовал вплоть до 1957 г., пока не был передан КНР. В период 1925–1938 гг. он выпустил свыше 1 тыс. инженеров, в 1938–1957 гг. из него вышло ещё 500–600 специалистов. Многие выпускники Харбинского политехнического института стали известными людьми, а русские эмигранты, вернувшиеся в Россию, оказали влияние на советское китаеведение.

Отдельного разговора заслуживает деятельность Института ориентальных и коммерческих наук, открытого в Харбине в 1925 г. А.П. Хиониным совместно с группой единомышленников из Общества русских ориенталистов. Управление институтом осуществлялось тремя органами: правлением, дирекцией и академическим советом, а его директором (деканом) единогласно избрали Хионина. Институт делился на два факультета: ориентальный (восточно-экономический) и коммерческий. Обучение велось по программам и учебникам Восточного института во Владивостоке. В основном упор делался на практи-

Институт ориентальных и коммерческих наук

[1] Акантопанакс. Молодые русские ориенталисты: Семь лет работы кружка востоковедения при восточном факультете Института Св. Владимира в Харбине // Рубеж. 1935. № 49 (1 дек.) С. 15–16: фот.

ческое изучение китайского, японского и английского языков. Общими для факультетов были такие дисциплины, как английская корреспонденция, языковедение, география и история Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тибета, коммерческо-экономическая география стран Дальнего Востока, экономика Маньчжурии, сибиреведение, история европейской культуры, проблемы Тихого океана, государственное устройство Дальнего Востока, история торговли, коммерческая корреспонденция, коммерческие и банковские вычисления, высшая математика, страховое дело, товароведение, история и теория кооперации, статистика, политическая экономия, государственное право, общее международное право, финансовое право, железнодорожное право, уголовное право, основные положения китайского и гражданского права[1]. «Действительными» студентами были лица, имевшие законченное среднее образование, вольнослушателем можно было стать и без него. На второй год существования института занятия посещали 70 студентов, а через пять лет их стало 200. Всего же за десять лет через институт прошло около 750 человек[2]. ОРО бесплатно предоставил в распоряжение студентов свою библиотеку.

Географию и историю Востока преподавал Шкуркин, именно здесь проявив себя как автор первых учебников по востоковедению. Среди других профессоров и преподавателей были А.И. Андогский (железнодорожное право, финансовая наука)[3], М.П. Головачев (общая теория права и государства, международное право, проблемы Тихого океана, Ф.Ф. Даниленко (история материальной и духовной культуры Востока, история китайской литературы и общественной мысли), Г.Я. Маляровский (сибиреведение, история торговли, статистика), В.Д. Маракулин (политическая экономия и история экономических учений, экономика транспорта и промышленности), Н.К. Новиков (китайский язык, политическая организация стран Дальнего Востока), В.Г. Павловский (общее языкознание, логика), Г.Г. Авенариус (история Восточной Азии), С.В. Щировский (китайский язык) и др.[4]

М.П. Головачев

Всё своё свободное время А.П. Хионин отдавал преподаванию, читая лекции по китай-

[1] Г.К. Институт ориентальных и коммерческих наук // Политехник: Юбилейный сб. 1969–1979. Сидней, 1979. № 10. С. А-6.

[2] Там же. С. А-7.

[3] Андогский А.И. (см. Приложение 3. Библиографический список).

[4] Профессорско-преподавательский состав // Вестн. Азии. 1926. № 53. С. 410–411.

скому языку и экономике стран Дальнего Востока. «Для совершенствования в китайском языке, – вспоминал один из его учеников, – деканом факультета был сделан специальный подбор текстов, дающих студентам полное знакомство с юридическими, административными и коммерческими терминами, с газетным стилем и с преобладающими течениями общественной мысли у дальневосточных народов. Благодаря введённому в средних школах обязательному изучению восточных языков, уровень знаний поступающих на первый курс факультета становился выше, и это обстоятельство также отразилось на значительном расширении программы факультета по языкам»[1].

Понимая, что будущим специалистам требуется серьёзная научная подготовка, Хионин помог лектору института А.И. Галичу создать 28 октября 1928 г. кружок востоковедения, который стал настоящим научным студенческим обществом. В нём будущие востоковеды под руководством профессоров и преподавателей занимались исследовательской работой. Многие работы членов кружка увидели свет в институтском журнале «Восточник», а также двух сборниках «Дальний Восток», которые они выпустили. С помощью Хионина, выделившего необходимые средства, студенты организовали и Музей торговых образцов.

Краеведческая секция кружка Востоковедения развила бурную деятельность и занялась обследованием районов Китая по отраслям промышленности. Большую работу провела и фотосекция, составившая «Альбом Востоковедения», в котором нашли отражение не только история, но и огромное количество этнографического материала, порой уникального. Вся работа секции проходила под пристальным вниманием Хионина, который в это время напряжённо работал над своим словарем, увидевшим свет в 1930 г. Фундаментальный труд получил высочайшую оценку востоковедов и на многие годы стал настольной книгой для переводчиков.

Хотя профессора Института ориентальных и коммерческих наук не могли пожаловаться на то, что их питомцы не могут найти работы, они задумали провести реорганизацию. Основной причиной этого стала оккупация Маньчжурии японцами, которые сразу же захотели взять учебный процесс в свои руки. Профессора во главе с Хиониным решили уйти под крыло православной церкви и 23 сентября 1934 г. Институт ориентальных и коммерческих наук влился на правах восточно-экономического факультета в институт Св. Владимира. А.П. Хионин при этом стал деканом факультета.

Одновременно с преподаванием в Институте ориентальных и коммерческих наук Хионин работал профессором монголоведения в Японо-русском институте в Харбине (директор Томира Таката). С оккупацией Китая Японией многих русских эмигрантов обязали изучать японский язык. Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи стало спешно создавать многочисленные курсы японского языка. Несмотря на их политическую ориентацию, эти занятия приобщали слушателей не только к языку, но и в целом к япо-

---

[1] Г.К. Институт ориентальных и коммерческих наук. Указ. изд. С. А-7.

новедению: там ставились спектакли, читались доклады об истории, религии, культуре и природе Японии. По настоянию японцев в 1941 г. восточно-экономический факультет был закрыт. Тогда же было учреждено Объединение окончивших институт, где бывшие выпускники на заседаниях не только предавались воспоминаниям, но и читали доклады на темы востоковедения: привычки, привитые Хиониным, оказались живучими.

Предчувствуя конец своего детища, за год до закрытия учебного заведения А.П. Хионин перебрался в Дайрен, где занял должность экономиста-монголоведа в правлении Южно-Маньчжурской железной дороги. Здесь старый профессор продолжил научную работу и в 1941 г. совместно с переводчиком Исида К. опубликовал «Монгольско-русско-японский словарь». Когда в Маньчжурию пришли советские войска, стоявший вне политики в течение всей своей жизни Хионин стал переводчиком Главной военной комендатуры в Дальнем. Несмотря на уговоры советских властей, ценивших его высокий профессионализма, он так и не вернулся на родину. С 1950 по 1959 гг. он работал профессором русского языка в Китайском институте и Китайском университете в Дальнем-Дайрене, воспитав целое поколение китайцев-русистов, а затем эмигрировал с семьёй в Австралию. Там он подготовил к печати «Новейший китайско-английский словарь», насчитывающий 9060 иероглифов и более ста тысяч выражений. Эта работа не была последней, но, к сожалению, все труды востоковеда до сих пор не известны на родине. К счастью для нас, младший коллега учёного В.Н. Жернаков ещё при жизни Хионина написал краткую брошюру-биографию, которая донесла до нас многие детали жизни и характера востоковеда. Эта работа заканчивалась словами: «За огромной эрудицией Алексея Павловича скрывался необыкновенно простой, скромный и отзывчивый человек»[1].

5. Закат эмигрантского востоковедения

И.А. Лопатин, желая продолжить занятие наукой, переехал в Канаду и 9 мая 1929 г. с блеском защитил магистерскую диссертацию «География Ванкувера» в университете Британской Колумбии. Таёжник по натуре, Лопатин участвовал в экспедиции Национального Канадского музея по изучению быта китиматских индейцев в проливе Дугласа. Вернувшись из путешествия, русский эмигрант стал преподавателем на факультете антропологии Вашингтонского университета в Сиэтле, где разработал курс «Народы Северо-Восточной Азии, народы Центральной Азии». В 1935 г. Лопатин защитил докторскую диссертацию в университете Южной Калифорнии (Лос-Анджелес), а затем стал преподавателем русского языка, истории русской цивилизации и антропологии этого университета. В свободное время он занимался сравнительным языкознанием народов Дальнего Востока.

[1] Жернаков В.Н. Алексей Павлович Хионин. Мельбурн, 1973. С. 5.

1945 г. поставил точку на размеренной жизни российских эмигрантов. Часть востоковедов была арестована за сотрудничество с японскими властями и эмигрантскими организациями, и их дальнейшая судьба остаётся неизвестной. Многие же примкнули к советской армии, пришедшей в Маньчжурию, которой требовались профессиональные переводчики. Среди последних был и И.Г. Баранов, заведовавший кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте. По отзывам современников, «в своей жизни и деятельности он был не только трудолюбивым, аккуратным, простым и отзывчивым, но и чрезвычайно скромным, религиозно настроенным человеком, церковным деятелем. Это последнее качество он сохранил и в СССР, куда выехал в 1958 г., не желая разрушать семьи»[1].

В.П. Петров, эмигрировав в США, стал известным писателем и профессором ряда американских университетов, издал 35 книг, из них 8 на английском языке, и более 300 очерков[2]. С 1940 г. он жил в Сан-Франциско.

В США продолжил свою деятельность и Н.П. Автономов, переехавший туда в 1939 г. Впервые он прочёл в США курс лекций по методике преподавания русского языка в Русско-американском институте в Нью-Йорке весной 1946 г. Он был основателем, издателем и редактором журнала «В помощь преподавателю русского языка в Америке» (Мемфис, затем Сан-Франциско), редактором журнала «В помощь русской школе в Америке». Он – автор около 300 научных работ, в основном посвящённых преподаванию русского языка иностранцам и вопросам просвещения в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. Был он и членом Русской академической группы в США. В.Н. Жернаков писал о нём: «Последние годы своей жизни Николай Павлович посвятил составлению труда о высших учебных заведениях Харбина [...] ему не удалось закончить этот большой и важный труд. [...] Обладал изумительной памятью, чувством тонкого юмора, и был очень интересным собеседником»[3].

В заключении надо отметить, что деятельность российского эмигрантского востоковедения в рассматриваемый период, в отличие от столичных школ, всегда находилась в тени. В то же время многие аспекты научно-общественного востоковедения, деятельность и труды профессоров и сотрудников учебных заведений, работы эмигрантов-востоковедов, безусловно, являются частью золотого фонда отечественного востоковедения. Таким образом, можно сделать следующий вывод: 1) научное изучение стран Дальнего Востока было начато с позиций научно-общественного востоковедения, характерными чертами которого были проведение экспедиций, лекционная и музейная работа, публикация трудов членов обществ; 2) востоковеды-эмигранты смогли подготовить фундамент для создания в Китае высшей школы для российской эмиграции;

---

[1] Автономов Н.П. И.Г. Баранов (Некролог) // Рус. жизнь. 1972. 3 март.

[2] Собр. А.А. Хисамутдинова. Автобиогр. В.П. Петрова; Сочинения В.П. Петрова, изданные в Китае (см. Приложение 3. Библиографический список).

[3] Жернаков В.Н. Памяти Н.П. Автономова: (Некролог) // Рус. жизнь. 1976. 2 июля.

3) научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения. Их труды являются достойным вкладом в теоретические дисциплины, такие как сравнительная лингвистика, языкознание, составление словарей; 4) успешно действовала Харбинская школа востоковедения, деятельность которой требует нового переосмысления и дополнительного анализа. Оценивая уроки российского эмигрантского востоковедения на Дальнем Востоке, надо подчеркнуть, что его представители показали специалистам примеры подлинного служения науке, став и выдающимися деятелями мирового востоковедения.

Разумеется, достижений могло быть значительно больше, так как подавляющее число эмигрантов считало своё пребывание в странах Дальнего Востока временным и предполагало скоро вернуться на родину. К тому же борьба за существование ограничивала многие культурные инициативы российской эмиграции.

Без сомнения, Гражданская война нанесла большой ущерб развитию отечественного востоковедения. Это произошло не только из-за того, что часть востоковедов навсегда уехала из России. Вскоре был ужесточён и режим выезда из Советской России, в том числе и в страны Дальнего Востока. Ситуацию усугубило и то, что во Владивостоке, считавшимся военным форпостом, не могли находиться бывшие участники Белого движения. Их либо арестовывали, либо высылали из Дальневосточного края.

Востоковеды-эмигранты смогли подготовить фундамент для создания в Китае высшей школы для российской эмиграции. Научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения. Их труды являются достойным вкладом в теоретические дисциплины, такие как сравнительная лингвистика, языкознание, составление словарей.

Глава 4.
Дальневосточный фронтир в художественном сознании русских эмигрантов

1. Русский город в сердце Маньчжурии: художественный образ Харбина

Как всякий «значительный» город, возведённый по «государеву замышлению» и в «сказочно-быстрые сроки»[1], Харбин имел все права на мифологическую рецепцию собственной уникальности. Он возрос, как на дрожжах, в самом сердце Маньчжурии на месте ханшинного[2] завода и прилегающего к нему кладбища, расположенного почти в лесу. Характер городской застройки и заселения, послереволюционная роль «странноприимного дома» для беженцев со всех уголков России усилили предпосылки для складывания харбинской мифологии. Она воплотилась в речевых жанрах, художественных текстах 20–40-х гг. XX в. и продолжила развитие в поздних мемуарах бывших харбинцев., рассеянных по всему свету[3].

Начнём с названия города – «Харбин». Оно до сих пор не поддаётся точной этимологизации. Одни переводят это слово (Ха-эр-бинь) как «высокий берег», другие – как «весёлая» или «красивая (хорошая) могила». Третьи вовсе считают перевод бессмысленным. Одна из попыток пролить свет на происхождение слова «Харбин» исходит из монгольского слова «хараба» – «баранья лопатка», так как возвышенность, где впоследствии был разбит Новый город, походила (с высоты птичьего полёта) на неё очертаниями. Существует также мнение, что название взято из маньчжурского языка и оз-

Первые харбинские постройки

---

[1] Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 8–10.

[2] Ханшин – дешёвая пшеничная китайская водка.

[3] Забияко А.А. Мемуары русских харбинцев: мифологизация истории vs. история эмиграции // От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии. Москва, 2011. С. 247–265.

начает «брод» или «переправа» и т.д. Г.В. Мелихов считает, что производное китайское «Хаэрбинь» произошло от «"русского названия Харбин", которым основатели города, первые русские поселенцы, назвали местность, в которой поселились, и город, который они создали. То есть Харбин – слово русское»[1].

В китайской историографии, ранее обходившей молчанием как историю возникновения города, так и происхождение его названия, существует своё толкование слова «Харбин». Многие исследователи сходятся в том, что Харбин – слово не китайское, и иероглифы, которыми оно пишется, можно перевести по-разному[2]. Разночтения в истории возникновения и называния города имеют самую разную природу – историческую, этническую, политическую. Историк Ли Мэн подчёркивает, что ещё в 1864 г. в официальном документе «маньчжурское слово "Харбин" упоминается в смысле "узкий остров", находящийся на реке Сунгари, напротив нынешнего Харбина»[3]. Долгое время на языке китайского истеблишмента город представлялся «изначально китайским», давшим в своё время убежище «русским эмигрантам»[4]. Его маньчжурскую историю китайские историки предпочитают обходить молчанием.

Не вдаваясь в этимологические тонкости и отражая *типичную точку зрения русских* обитателей столицы КВЖД, констатировал факт «творения» и «именования» Харбина русскими казаками Арсений Несмелов: «Здесь построим *русский город, / Назовём – Харбин*» («Стихи о Харбине», сб. «Полустанок», 1938). Но, как бы там ни было, ни русская, ни китайская версия именования Харбина не находит подтверждений на лингвистическом уровне. При этом в современном китайском словоупотреблении все топонимы и гидронимы, связанные с харбинскими территориями, приобрели китайское звучание и китайское же толкование, и в этом состоит логика сегодняшней истории Харбина.

Официальное именование Харбина в начале XX в. гармонично уживалось с его топонимическими перифразами, определяющими уникальный потенциал возможностей и преференций, открытых жителям этого города. Каждый воспринимал город сквозь призму собственных предпочтений, но сущность Харбина заключалась как раз в этом многоголосии представлений. Харбин именовали «восточным Петербургом», «восточной Москвой», «восточным Парижем», «восточным Чикаго», «восточным Сан-Франциско», «восточным Клондайком», «восточным Сионом»… Образные определения неофициальной столицы КВЖД, основанной русскими, вобрали, с одной стороны, «гений места», а с другой – архитектурный, социокультурный и этнокультурный облик Харбина.

---

[1] Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1994. С. 66.

[2] Об этом: Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., 2004. С. 59–61.

[3] Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 102.

[4] Из речи официального представителя администрации провинции Хэйлунцзян на открытии международной конференции «Литература русских эмигрантов в Китае» (Хэйлунцзянский университет, Харбин, 2002) // Личный архив А.А. Забияко.

Родственные аналогии с Петербургом определялись функциональным назначением городов, продиктованным имперской политикой. Используя классическую метафору, можно сказать, что оба города стали для России «окнами»: Петербург – в Европу, Харбин – в Азию:

Перед днём Российской встряски,
Через двести лет,
Не петровской и закваски
Запоздалый след?

(А. Несмелов. «Стихи о Харбине»)[1].

С Петербургом роднили Харбин плановый характер застройки, названия улиц: Первая Линия, Вторая Линия, Большой проспект, Садовая. «Центральной, – реконструировал Г.В. Мелихов, – была Военная улица; параллельно шли Ветеринарная, Офицерская, Армейская и Штабная. <…> Между Штабной и Охранной улицами находился весьма популярный Городской сад. Между ними пролегали Фуражная, Лагерная, Обозная, Солдатская и многие другие улицы»[2].

Харбинский текст был связан с «петербургским мифом» и феноменологически – как культурная реплика «нерусского города» посреди русских болот, превратившегося в «русский город посреди маньчжурских степей». Как и его северный «собрат», Харбин был построен на болоте и постоянно находился под угрозой наводнения. Если демонический образ Невы организовал центральный эсхатологический миф Петербурга («Медный всадник»), то образ «хищной желтоводной реки» задал тон эсхатологическим прозрениям А. Несмелова:

Но хищно желтоводная река
Кусает берег, дни жестоко числит,
И горестно мы наблюдаем, как
Строения подмытые повисли.

И через столько-то летящих лет
Ни россиян, ни дач, ни храма – нет,
И только память обо всём об этом
Да двадцать строк, оставленных поэтом.

(«Эпитафия»)[3].

Однако, в отличие от Петербурга, чьё эмоциональное поле восприятия строилось на метафоре «антигуманности», невозможности жить в этом «городе на болоте», «городе на костях», Харбин создавал полярное семантическое поле – сказочно-утопического пристанища всех страждущих и нуждающихся.

---

[1] Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Владивосток, 2006. С. 184. Далее ссылки на это издание с указанием тома и страниц. С. 137.

[2] Мелихов Г.В. Маньчжурия далёкая и близкая. М., 1991. С. 74.

[3] Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. Т. 1. С. 184.

Харбинские улицы. 20-е гг.

«Петербургская» (столичная) топонимика Харбина коррелировала с «домашней» – исконно-харбинской, провинциальной. Интонациями эпической сказительницы сопровождает заочное путешествие по «своему» Харбину чураевская поэтесса Лидия Хаиндрова: «Вот я иду по главной, Китайской улице, она тянется до самой реки <…>. Город делился на деловую часть, центральную, которая называлась Пристань. Ясно, что она была расположена ближе к реке, и на вторую часть, которая носила название Нового города. <…> На Пристани были любопытные названия улиц, так и веяло от них старой, наивной Россией. Была, например, Пекарная улица, будьте спокойны, что название соответствовало действительности. Скажем, была Тюремная улица, причём в самом центре города. Это так и было на самом деле, – там находилась тюрьма, защищённая высокими стенами и всеми атрибутами этого учреждения. Была Полицейская улица, она оправдывала своё название. На ней находилось полицейское управление. А когда человек начинал чихать, и его спрашивали, где он так простудился, то следовал ответ, что он простудился на Сквозной улице»[1]. «На нашей мирной Садовой улице, действительно мирной, даже чьи-то коровы проходили утром и вечером мимо нашего сада; говорили, что это бывший офицер завёл молочную ферму и научил коров поворачиваться и равняться по команде», – словно в сказочном поединке «небылиц в лицах» развивает харбинскую топонимику уже Ларисса Андерсен[2]. Завершим этот буколический экскурс воспоминаниями Ю. Крузенштерн-Петерец: «У меня в прошлом – прочный, военный быт, дружная семья. Моя Россия был маленькой – наша Офицерская улица в Харбине, наш полк, офицеры, солдаты. Военная церковь. Стройное "Коль славен" с полкового плаца, нежно разливавшееся над улицей. В далеком маньчжурском прошлом я, сама того не зная, пила живую воду России, и её хватило на весь мой век»[3].

Патриархальный быт города, его размеренная сытая жизнь, обилие православных храмов (практически в каждом районе города) навевали аналогии с «восточной Москвой». Да тут и жили хлебосольно, праздники справляли пышно и шумно. Как во всяком «значительном городе», были в Харбине и свои

---

[1] Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Калуга, 2003. С. 205–210.

[2] Андерсен Л. Ларисса вспоминает... // Новый журнал. 1995. № 200. С. 317.

[3] Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 82.

«архитектурные мифологемы», сближающие город с московским культурным текстом. К примеру, Свято-Николаевский собор с золотым крестом, доминирующий над окрестностями города. «Красивая мысль» (Е.Х. Нилус) возведения этого храма должна была, по всей видимости, не только утверждать торжество православной веры, но и символизировать запечатлённую в камне русскость. «Православный храм, построенный для русских на китайской земле, в образно-содержательном смысле стал культурным символом Харбина – "восточной Москвы", как его называли, и больше – символом самой России»[1].

Памятник святому Николаю на харбинском вокзале, именуемый на пиджине «Старика вокзала» – архитектурный миф многонационального Харбина. «Перед ним при отъезде ставили свечи не только русские, но и китайцы, называвшие его "старика вокзала". Они, нехристиане, защитили образ [речь идёт о событиях 1924 г., когда КВЖД была поделена между Советской Россией и Китаем. – *А.З.*]. Обратились к председателю правления, китайцу, с петицией: "Если русским не надо, нам надо. Старик хороший, нельзя убирать". Советская администрация должна была уступить: китайские почитатели Угодника могли и на драку пойти»[2].

Восприятие Николая Угодника как споспешника добрых начинаний практичными китайцами перекликалось с простонародными воззрениями русских людей. Очевидно, что в сознании белопоходников внутренний императив («понужай!»), дававший им волю к жизни в страшные дни Ледяного похода, поначалу персонифицировался, антропоморфизировался в образе чудесного помощника – старичка, и, наконец, обрёл черты святости. Как подчёркивает Г.В. Мелихов, во время Ледяного похода в образе легендарного Понужая, таинственного Помощника нашёл своё земное воплощение «заступник за народ и Землю Русскую, Святитель Николай Чудотворец»[3]. Само имя «Понужай» происходит от диалектного забайкальского глагола «понужать» (принуждать, заставлять, преодолевать) в повелительном наклонении. Марианна Колосова, описывая страшные события Ледяного похода, написала трагическое стихотворение о том, как спасались разбитые белые войска и в название положила именно вопль-императив «Понужай-ай!»:

Погасла даль. Вечерний крепнущий мороз
Дыханьем смерти овевал сибирский край.
Тянулся лентой бесконечною обоз,
И повторялся крик протяжный – «понужай-ай!»
И ехали они... в шинелях, в башлыках...
Смятенье сильных душ! Сплетенье многих воль...
Как передать в моих коротеньких строках

---

[1] Об архитектурной идее Свято-Николаевского собора: Левошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века. Хабаровск, 2003. С. 33, 118.

[2] Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 26.

[3] Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 180.

Изгнанников тоску и побеждённых боль?
Обида глубока, и в каждом сердце стон,
И в каждом сердце страх кричит: не отставай!
Похолодел наган, и потускнел погон,
И повторялся крик протяжный – «понужай-ай!»

В этой стихотворной новелле рассказывается о том, как офицер, чья лошадь пала и стало ясно, что жене и детям не спастись, вынужден был застрелить свою семью:

И проезжали все, поспешно отвернувшись...
В степи чуть-чуть завихрился буран.
И бледный офицер, в молчанье, задохнувшись,
Застывшею рукою выхватил наган!
Два выстрела! Замолкли плачущие дети...
Один в жену... и крик короткий – «ай!»
Себе в висок... Был Бог тому свидетель,
Да страшный крик протяжный – «понужай-ай!»

(«Понужай-ай!», 1927)[1].

Арсений Несмелов запечатлел мифологический сюжет о Понужае в стихотворной балладе:

Эшелоны, эшелоны, эшелоны –
Далеко по рельсам не уйти!..
Замерзали красные вагоны
По всему сибирскому пути.

В это время он и объявился,
Тихо вышел из таёжных недр,
Перед ним богатырем склонился
Даже гордый забайкальский кедр.
<…>

Стар и сед, а силы на медведя
Не уходят из железных рук!..
То идёт, то на лошадке едет,
Пар клубится облаком вокруг…
<…>
– Кто ты, дедка? Мы тебя не знаем,
Ты мелькаешь всюду и везде…
– Прозываюсь, парень, Понужаем,
Пособляю русскому в беде[2].

Так в пиджинизированном именовании памятника, особом отношении

---

[1] Русское слово. 10.4. 1927.

[2] Несмелов А. Понужай // Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. Т. 1. С. 133.

к «Старика вокзала» и олитературенном мифе о Понужае нашло реализацию «народное слово» о многонациональном городе и его заступнике, святом Николае, помогающем и русскому, и украинцу, и китайцу, и еврею[1].

Старая синагога. г. Харбин, 20-е гг.

Размах культурной жизни города способствовал тому, что позднее в воспоминаниях харбинцев разных вероисповеданий мифологические очертания примут гостиница «Модерн», здания Желсоба (Железнодорожного Собрания), ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей), старой синагоги и т.д.

А «восточным Сионом» город прослыл за терпимость его граждан к евреям, следствием чего стал расцвет еврейской общины не только в финансовом, но и в общественно-политическом, религиозном, художественном направлении. Харбин стал одним из центров развития еврейской культуры на Дальнем Востоке; в нём сформировались основы движения евреев на Землю обетованную в процессе формирования государства Израиль. До сей поры харбинские евреи издают альманах «Игуд Иоцей Син», сделав образ Харбина символом своего объединения.

Этот город давал широкие, поначалу – неограниченные возможности вновь прибывшим туда, особенно – людям витальным, готовым к разного рода авантюрным предприятиям: «Харбин – во-первых, город международный по характеру своего населения, во-вторых, он город тихоокеанской культуры с известной повышенностью и остротой переживаний. В этом смысле он город фантастический»[2], –

Джаз-банд Олега Лундстрема

[1] Образ Понужая не имеет конкретного визуального изображения. Как одна из художественных интерпретаций этого русского Помощника может рассматриваться картина К. Васильева «Северный орел», 1969.

[2] Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова) // Заря. 1926. 1 февраля.

Странички парижской моды, 20-е гг.

так в 1926 г. харбинцы оценивали свою онтологию.

«Фантастическая» природа Харбина позволяла соотнести его с крупнейшими центрами Европы и Дикого Запада. За «деловитость и умение принимать верные решения, ведущие к развитию и прогрессу…» Харбин получил именование «восточный Чикаго»[1]. «Восточный Клондайк» определял те сказочные возможности обогащения и процветания, что таили в себе богатая недрами маньчжурская равнина и маньчжурская тайга, наличие там золотых приисков и лесных концессий. А «восточным Парижем» маньчжурский городок стал чуть позже – по праву крупнейшего культурного центра русской эмиграции на Дальнем Востоке. Но был окрещён так и за любовь к развлечениям и модным нарядам (Г.В. Мелихов)[2], за особый «харбинский шик»[3], вызывавший зависть у советских дам – жен совслужащих, специально отправлявшихся туда «пошить костюмчик». Благодаря именно этим качествам в восприятии ориентированных на Запад харбинцев их город был «авантюристичен», «подтянут», «американизирован», «кинематографичен»[4]:

Прекрасна жизнь в Париже
И в Вене, и поближе,
Бывает там весь свет,
Но Сунгари там нет!
В Венеции не худо,
Неаполь – тоже чудо,
Но место, без прикрас –
Нахаловка у нас.
И Альпы, и Карпаты
Культурою богаты,
Ну что же и пускай,
Там нет «толкай-толкай»!

---

[1] Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003. С. 375.

[2] Мелихов Г.В. Белый Харбин. Указ. изд.

[3] Об этом: Эфендиева Г.В. «Харбинский шик» и «советская прозодежда»: о моде, идеологии и культуре // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 97–110.

[4] Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова). Указ. изд.

В Европе всё изжито,
Опошлено, избито,
Житье же, как во сне,
В одном лишь Харбине!
(«Харбинские прелести»)[1].

Мифопоэтическое восприятие пространственных координат Харбина возникает в сознании харбинцев не сразу, а лишь тогда, когда революционная катастрофа отделит этот город от метрополии и от Китая, от прошлого и от настоящего. Волна революции не сразу докатилась до Харбина, долгое время жизнь в нём протекала в привычном русле. В целом Харбин сохранял свой облик добропорядочного провинциального городка. Известный политический деятель Н.В. Устрялов – человек, вовсе не настроенный на «литературную волну» – писал: «Харбин производит впечатление совсем патриархальное. Даже не дореволюционный, а прямо довоенный стиль жизни. Что-то совсем старомодное – словно «страна воспоминаний» из «Синей птицы». Повсюду благообразные, степенные лица, благонамеренные взгляды и по-старому пышное, обильное хлебосольство»[2]. Возникла особая ситуация *безвременья*: «Время как бы остановилось в Харбине. А мы знаем: это типичный мотив волшебной сказки», – с расстояния прошедших лет реконструирует темпоральные ощущения харбинцев современный исследователь[3]. Правда, идиллическое время «между историей» продолжалось недолго. Характерно, в какую форму облекаются воспоминания об этом: «*однажды*, примерно в 1919 году, коренные харбинцы, проснувшись утром, узнали из газет, что они со своими чадами и домочадцами стали эмигрантами. Это было тяжёлое пробуждение. Нужно было с этим примириться» (курсив мой. – *А.З.*)[4].

Реклама в «Рубеже»

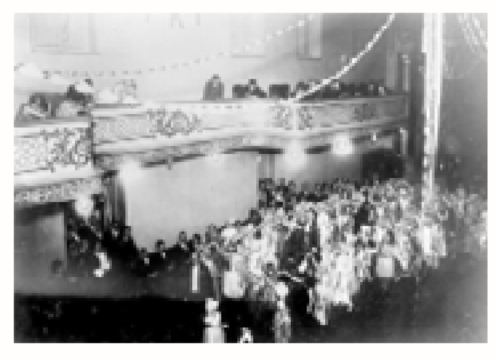
«Однажды», «один раз», «случалось»… Данные формы модальности, выражаемые однотипными словами-операторами, сопровождают харбинский текст на всех этапах его становления и подчёркивают его вневременную, сказочную маргинальность (фронтирность) в сознании повествующих: *и был такой*

[1] Цит. по: Мелихов Г.В. Белый Харбин. Указ. изд. С. 374–375.

[2] Устрялов Н.В. Иркутск-Харбин // Новости жизни. 1927. Юбилейный номер.

[3] Линник Ю. Сольвейг. Наброски к портрету Ларисcы Андерсен // Грани. 1995. № 177. С. 149–167; С. 150.

[4] Хаиндрова Л.Ю. В Харбине – городе детства // Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Указ. изд. С. 210.



Харбинские балы

случай – Н. Заика, *как-то* – А. Ачаир, *однажды произошёл интересный случай* – Ю. Крузенштерн-Петерец, *как-то раз* – Л. Андерсен, Н. Резникова, В. Слободчиков.

Постепенно город стал наполняться реальными беженцами из России. Своеобразие социокультурной обстановки в Харбине состояло в том, что средние слои бывших российских граждан попали в «почти довоенную» «почти Россию» тогда, когда той – прошлой России – уже не было. По сравнению с западными центрами, где эмигрантам приходилось выживать в тяжелейших условиях, харбинская обстановка была более благоприятной. «Положение этого города тогда было двойственно: географически он находился в Китае – и в то же время казался частью России. Ведь здесь давно обосновались россияне, строившие и обслуживавшие КВЖД. Русская колония многократно увеличивалась после Гражданской войны. Институты, издательства, церкви, школы: всё это было в эмигрантском Харбине, который жил и функционировал как полноценный русский город. Но только не было в нём ни КГБ, ни Главлита. И вместо революционных лозунгов висели на его магазинах добротные купеческие вывески с привычными «ять»»[1].

Испытав поистине эсхатологическое потрясение, утратив семью, дом, Отчизну, пережив ужасы Ледяного похода, новоявленные харбинцы словно вернулись в прошлое и практически оказались в ситуации первотворения, когда могли не только заново «восстановить» былое, но и имели для этого ещё лучшие возможности: отсутствие фактической бедности, лояльность со стороны китайских властей, большой приток интеллигентных сил, полных креативной энергии, отсутствие жёстких границ с Россией. Впоследствии это дало возможность прийти к мифологическому обобщению о том, что в Харбине «всё… было доступно, и все мы говорили по-русски, и все мы были равны. Именно там, в эмиграции, особенно среди молодёжи, в гимназиях, на спортплощадках бесклассовое общество получилось

Танцующий Харбин

[1] Линник Ю. Сольвейг. Указ. изд. С. 151.

само собой» (курсив мой. – *А.З.*)[1]. Подобный устойчивый образ «положительного Харбина», «Харбина-папы»[2] сформировался под воздействием «харбинского эффекта» на сознание тех, чья жизнь протекала в этом городе, и тех, кто впервые встречался с ним. Отметим, что и в откровениях известной поэтессы, прозвучавших спустя многие годы, также сильна доля мифологизации харбинской социальной парадигмы, но это – опять-таки результат работы художественного сознания.

Харбинские улочки с вывесками

Все социокультурные особенности формирования харбинской среды располагали к тому, чтобы «удивительная власть литературы» стала силой, интенсивно движущей восточный центр русского зарубежья вперёд[3]. В Харбине, воссоздавшем в миниатюре по образцу и подобию модель ушедшей России, во-первых, сформировались все условия для того, чтобы заново «проиграть» сценарий недавней литературной эпохи, взращенной в Петербурге. Для харбинских сочинителей это было тем более актуально, что, находясь в относительной изоляции от своих парижских собратьев, они во многом развивались собственными силами. В то время как первое поколение западной эмиграции задавалось мучительными вопросами самопознания и осознания своей исторической миссии в философских трудах[4], публицистике, харбинские изгнанники на первых порах использовали практическую возможность воссоздать по дореволюционным образцам русскую культурную среду. До революции будучи отстранённой от столичных центров, от эстетических исканий «серебряного века», (в силу своего социального происхождения либо географической удалённости), сформированная в начале 20-х гг. харбинская интеллигенция испытывала мифологизаторское отношение к эпохе русского модернизма. Она с радостью неофита открывала для себя поэзию А. Блока, А. Белого, А. Ах-

---

[1] Андерсен Л. Ларисса вспоминает… Указ. изд. С. 319.

[2] Янковский В. Харбин-папа // Рубеж. 2006. № 6. С. 367–375.

[3] Об этом подробно: Забияко А.А. Русский Харбин: мифогенное пространство и художественное мифотворчество // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» Художественный мир лирики русского Харбина. Благовещенск, 2008. С. 18–39.

[4] Например: Степун Ф.А. Мысли о России // Современные записки. Париж. 1923. № 17; Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993; Федотов Г. Зачем мы здесь? // Современные записки. Париж. 1935. № 8; Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961 и др.

матовой, в меру возможностей постигая и зачастую впервые переживая изыски салонной культуры:

Россия. Петербург. Нева.
Как не зови их, смысл все тот же.
Душа забудет все слова,
Но этих позабыть не сможет.

(С. Сергин «Заветные слова», 1935)[1]

Так писал поэт, никогда не бывавший в Петербурге, не выезжавший никуда за пределы Харбина. В то время как русский Париж декларативно обозначил свою дистанцированность от культуры «серебряного века», обвинив Блока и его последователей в скифстве и разрушительной азиатчине[2], дальневосточные беженцы именно в литературе той поры искали духовную опору. Потому в интеллигентской среде Харбина просыпается жажда творчества – настоящая «жадность к поэзии» (В. Слободчиков). Писать начинают все – не только представители дворянского сословия, но и бывшие военные, их жены и дети, домохозяйки, железнодорожные служащие, дети железнодорожников, танцовщицы, чиновники, журналисты, архитекторы и т.д. В мифопоэтической утопии литературного Харбина, неимоверными темпами проживающего свою историю, сходятся и ожидание «легендарного Героя», и потребность сакрализации недавнего прошлого, в романтизации жизни, и жажда мифологизации бытия русского человека в инокультурном окружении.

Харбинское танго

Но в Харбине, наиболее удалённом от Парижа по сравнению с другими эмигрантскими центрами, создавалась и харбинская мифология уже «русского Парижа». Он воспринимался харбинцами – в противоположность «провинциальному» Харбину – как столичная антитеза, как идеализированное царство «высокой» литературы и «высоких» литературных отношений, тем более, что туда отправился весь цвет российской интеллигенции:

Когда бы вырос я в Париже, –
Изрёк литературовед, –
Я был бы и к Парнасу ближе…
<…>

---

[1] Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 485. Далее ссылки на это издание: РПК с указанием страниц.

[2] Адамович Г. Александр Блок // Адамович А. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 287–297.

Преславный город, град небесный!
Зачем ты не открылся мне?
Я оказался в Харбине…

(В. Перелешин «Поэма без предмета»).

«Нам казалось…, что парижские поэты – сплочённая группа, что все они пишут в одном тоне (и как прекрасно!), что Ладинский в отличных отношениях с Цветаевой, Адамович запросто бывает у Ходасевича, Поплавский на «ты» с Георгием Ивановым и что «телесная» Екатерина Бакунина кормит пельменями Эйснера и обожаемого (нами) Анатолия Штейгера:

Синеватое облако,
И ещё облака…

И это было бесподобно. Лучше и Ахматовой, и Гумилева, и Блока»[1].

Мифологизированный образ Парижа явлен в письме В. Янковской (хотя и не проживающей в Харбине, но близкой по духу харбинцам) к М. Кантору: «Слово «Париж» звучит в Корее далёким и почти нереальным. Боюсь, что в этом Париже такими же покажутся Вам и мои дальневосточные стихи… Но мне так хочется попасть на Запад!»[2].

Надо сказать, что и первые заседания будущей «Чураевки» проходили под названием «Вечера под Зелёной лампой» – в полном соответствии с парижскими «вечерами» в доме Мережковских:

В Париже группировки, кланы,
Литературные кружки:
Подружки млеют и дружки,
Взаимным восхищеньем пьяны.
Там видятся большие планы,
Там анемичные стишки
О счастьи, остром до тоски,
Превознесут терапианы.
Там не запьёшь, не захандришь:
Рукой Бакуниной телесной
От сплина вылечит Париж[3].

Конкурс красоты в Харбине. 30-е гг.

Но, как бы ни проецировали художники слова свою харбинскую жизнь на европейские стандарты, они оставались, в первую очередь, русскими насельниками полудикой в те годы Маньчжурии. Это

[1] Перелешин В. Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. Amsterdam, 1987. С. 26.

[2] Письмо В. Янковской М. Кантору от 7 октября 1934 г. // Якорь: Антология русской зарубежной поэзии / сост. Г.В. Адамович, М.Л. Кантор; под ред. О. Коростелева [и др.]. СПб., 2005. С. 352. Далее ссылки на это издание: Якорь. (с указанием страниц).

[3] Перелешин В. Поэма без предмета. Холиок, 1989. С. 47.

было определяющей чертой их эмигрантской онтологии и основой их уникального мироощущения.

Вопрос: «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?»[1] – жители этого города стали задавать себе с начала 20-х годов. Но риторический вопрос, обозначенный в архитектурно-художественном журнале, для многих звучал более определённо: «Это Россия или Китай?» Действительно, примыкающие к КВЖД территории с центром в Харбине можно рассматривать как некое маргинальное пространство, находящееся между Китаем и Советской Россией и определяющее социокультурные, этнокультурные и этнорелигиозные стереотипы населяющих его эмигрантов, их *фронтирную ментальность*[2]. «Мы оказались *среди двух миров*, – писала Л. Хаиндрова. – Харбин был китайским городом. Харбин оставался старорежимным русским городом, и о нём можно было сказать здесь русский дух, здесь Русью пахнет»[3].

Культурные установки русских жителей Харбина были направлены, в первую очередь, на реставрацию образа утраченной Родины. И потому многие реалии особенного – харбинского – жития проходили мимо них. «Привыкши считать Харбин за самую настоящую Россию, мы проглядываем его специфические особенности, как проглядываем подобные местные термины»[4], – уже в 1926 году писал харбинский критик. А широкие пространства вокруг Харбина были засеяны не пшеницей, а гаоляном, шумящим под ветрами с Гоби. Совсем недалеко пугала своими дебрями и тиграми не уссурийская и не амурская – маньчжурская тайга. Китай и Россия – две оси этнокультурных координат, по которым начались для харбинцев поиски собственной идентичности[5].

Литература русского Харбина отразила эти сложнейшие процессы сквозь призму разных этнокультурных установок в их индивидуальном творческом многообразии и многозвучии художественных форм.

---

[1] Васильев М. Панорамы жизни. Облик Харбина // Архитектура и жизнь. 1921. № 3–4. С. 128.

[2] *Фронтирная ментальность* – духовная формация, выражающая идейно-психологические особенности индивидов и групп, существующих в условиях порубежья (Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С. 10).

[3] Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Указ. изд. С. 274.

[4] Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова). Указ. изд.

[5] Под этнической самоидентификацией (идентичностью) понимается «составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определённой этнической общности» // Стефаненко Т. Этнопсихология. М., 1999. С. 210.

2. Эмигрантская лирика и фронтирная ментальность

2.1. «Всё мнится мне, что я в России, а не маньчжурском городке…»: Россия и проблема русскости в творчестве харбинских поэтов

В Харбине зажили свободно, забывая, что живём в Китае – не у себя.
(Из неопубликованной автобиографии Н. Резниковой)[1].

Объединяющим началом для всех бывших граждан многонациональной Российской империи (украинцев, евреев, латышей, поляков, грузин, армян, и, конечно, самих русских), оказавшихся в Северной Маньчжурии, стала *русскость* как психологическая, культурная и языковая установка. Построение эмиграцией «гуманитарной утопии» (А. Бенуа) было немыслимо без русского языка, русской литературы и образов русской культуры. Воссоздание образа утраченной России в Харбине началось по моделям недавнего прошлого – с образования литературно-художественных объединений, где царствовала поэзия.

Старшее поколение харбинских поэтов (А. Несмелов, А. Ачаир, А. Паркау, М. Колосова и др.) свою *русскость* поверяло не только генетической связью с реальными географическими координатами, но и представлениями о былом величии Российской империи, гордостью за историческое прошлое Родины, наконец, недавними воспоминаниями об утраченном доме. По сравнению с молодой порослью поэтов им было и труднее, и легче. Труднее – потому что жгли воспоминания о бесславно проигранной Первой мировой войне, о гибели белого движения, об утраченных семьях и загубленном быте. Легче – потому что им было *что* вспомнить, о *чём* пожалеть. В их арсенале была вся предшествующая литературная традиция и отечественная история, начиная от периода Древней Руси и заканчивая «серебряным» веком.

Потому воспитанная в дворянской семье, коренная петербурженка **Александра Петровна Паркау [1887–1954]** устремилась к тому, чтобы «разбудить харбинскую музу» (Ю. Крузенштерн-Петерец). Паркау не приняла ничего советского – начиная с «безгласного» слова СССР – названия государства, «…что в насмешку всему свету / Теперь зовут – страной Советов»[2]. Своим нравствен-

---

[1] РПК. С. 691.

[2] Паркау А. Несокрушимый всадник // Паркау А. Родной стране. Шанхай, 1942. С. 22–23.

Паркау Александра Петровна

ным долгом она считала «продолжать традиции старого времени и стоять на страже тех гуманных идеалов, к которым стремились отцы и деды. <…> Охранять и беречь прекрасную старую культуру, быт и искусство»[1].

При первой же возможности Александра Петровна стала устраивать в своём доме литературные вечера, атмосфера которых воспроизводила быт петербургских салонов рубежа XIX–XX вв. Поначалу там преимущественно спорили о политике, так как литераторов в то время в Харбине ещё не было (Ю. Крузенштерн-Петерец). Но где-то к середине 20-х гг., в уютной обстановке дома Нилусов[2] зазвучали стихи «разбуженных» А. Паркау харбинских авторов (А. Несмелова, Л. Ещина, А. Ачаира и др.). Именно после одного из таких вечеров и возникла идея создать в Харбине легендарную впоследствии «Чураевку»[3]. Позднее, находясь в Шанхае, А. Паркау вновь гостеприимно откроет двери своего дома – на этот раз для собраний поэтического кружка «Среда», в котором, как вспоминает В. Слободчиков, собирался как весь бывший чураевский актив, так и просто любители поэзии[4].

Литературная деятельность для писателя, оказавшегося за пределами родины, является наиболее действенным способом сберечь «родного языка улыбку на чужбине, / И гордый русский герб, и русские святыни, / И верность Родине, преданьям и отцам!» («Пятнадцать лет»). Поэтому, начав в эмиграции писать стихи, а затем и прозу, А. Паркау уже не оставляла этого занятия.

А. Паркау удалось выразить тот образ Руси, который доминирует в представлении русских о себе как о нации. Он неотделим от русской литературной традиции, и его составляющими являются концепты *родной стороны, родства, отчего дома* (драматический этюд «Горит Москва», 1920)[5]. Частный эпизод – история одного дворянского семейства в период Отечественной войны 1812 г.

[1] Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. 1934. № 47. С. 24–25.

[2] Нилус Е.Х. – супруг А.П. Паркау, адвокат, во время войны – военный следователь, полковник, получивший назначение в правление КВЖД; таким образом семья оказалась в Харбине в 1916 г.

[3] Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной. … Харбин. Шанхай. М., 2005. С. 37.

[4] Там же. С. 135, 216–220.

[5] Об этом: Эфендиева Г.В. «Она разбудила харбинскую музу…»: Александра Паркау // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» Художественный мир лирики русского Харбина. Указ. изд. С. 135–145.

– вобрал в себя трагедию многих русских семей, вынужденных покинуть «насиженные гнезда», «родовые берлоги», а горящая Москва стала символом трагедии русской нации, когда:

Всё прошлое горит, горит былая слава
<…>
Родной истории крупнейшая глава
<…>
Горят в её стенах народные святыни.
Соборов маковки и золото дворцов,
Гробницы царские, причастье древних скиний,
Кольчуги праотцев и тяжкий меч отцов.
<…>
И сладостных побед воинственный угар.
И память мрачная о пережитом иге,
И русских мудрецов священные слова,
<…>
В Московском зареве вся родина пылает.

(«Москва горит»)[1].

Образ «матушки-Москвы» в полной мере отвечал сложившимся в русском национальном сознании представлениям о *русскости*, а пожар в Москве – не только драматический эпизод отечественной истории, но, в первую очередь, символ *русского характера*, непостижимого для иностранцев.

СЕМЬ ЛѢТ ЧУРАЕВКИ.

О «Чураевке» в «Рубеже»

Не всем удалось услышать в этом драматическом этюде переклички с послереволюционной ситуацией в России. Например, В. Казанцев писал: «Думается, что такая лирика «не от мира сего», – теперь невозможна. Ибо теперь «горит» – не одна Москва. Горит вся Россия. Нет-нет – и запылает пожаром вражды весь мир»[2], – и упрекал поэтессу в неуместном обращении к прошлому, архаичности художественного языка, поверхностности образов, приторности интонаций и т.п. Не принимала впоследствии стихов Паркау и рьяная поэтическая молодежь, на что поэтесса спокойно

[1] Паркау А. Родной стране... С. 50.

[2] Казанцев В. А. Нилус // Архитектура и жизнь. 1921. № 5. С. 192.

Литературно-художественное объединение «Чураевка»

отвечала: да, её стихи «не создадут эпохи, / в них нет ни новых форм, ни жгучих откровений», но в них – «печаль, мечты, сомненья, вздохи / трагично гибнущих со мною поколений».

Именно эти эмоции стали для поэтессы способом выражения её русскости. Сегодня в лирике А. Паркау конца 20-х гг. мы черпаем те ощущения и эмоции, что вместе с нею переживали многие дальневосточные беженцы. Чувства героини неотделимы от времени года – ведь жизнь человека измеряется циклами, – но имеют точную пространственную закреплённость. Несмотря на то, что сборник был написан уже в Шанхае, для А. Паркау это – Харбин, Северная Маньчжурия.

Образы особенных – харбинских – времён года неизменно коррелируют у Паркау с воспоминаниями о России:

Харбинская… весна… Гудят автомобили,
Кругом густая мгла, пирушка злобной тьмы,
Китайцы все в очках от ветра и от пыли,
Японцы с масками от гриппа и чумы.

Очки чудовищны, и лица странно жутки,
В смятенном городе зловещий маскарад.
Ни снега талого, ни робкой незабудки,
Ни звонких ручейков, ни вешних серенад.

(«Харбинская весна») (курсив мой. – *А.З.*)[1].

Весна в Харбине – стихия, ветреная и пыльная; здесь уж не до звуков капели и трелей птиц. Сезонные впечатления в Харбине весной резко отличны от романтики вёсен в России. Русский человек, проведший в Харбине полный год, и сегодня найдёт в своём сердце отклик данным импрессионистическим зарисовкам – кроме, возможно, этнических портретов, которые всегда суть индивидуальная установка.

Образы китайцев и японцев в лирике Паркау харбинской поры связаны с инфернальным началом, такое восприятие определяет жизнь лирической героини и ему трудно сопротивляться. Её жизнь теперь идёт не в соответствии с природными законами, а «по китайскому календарю»:

[1] Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937.

Этой ночью в сочных ветках вяза
Первый лист поблёкший изнемог,
Этой ночью лето *кто-то сглазил*
И *на гибель чёрную обрек*.

Утром ходя, шумен и несносен,
Мёл дорожку, щурясь на зарю,
И сказал, что *наступила осень*
По китайскому календарю.

(«По китайскому календарю») (курсив мой. – *А.З.*)[1].

Но всё изменится в ощущениях лирической героини А. Паркау, как только поэтесса переберётся в Шанхай.

Заборы, домики, заброшенные дачи,
Фанзенки ветхие, подгнивший серый тын…
Прощай, мой друг, печальный и невзрачный,
Нескладный беженский Харбин[2], –

напишет Паркау в стихотворении «Туда – к чужим», уезжая в Шанхай. Воспоминания о Харбине будут неотступно следовать за поэтессой. Оказалось – она успела полюбить этот город, пусть даже в его неповторимой русско-китайской убогости.

Несмотря на все противоречивые чувства, в её сознании образ Харбина останется дорогим сердцу пристанищем на пути «скитальцев горестных»:

Ты столько раз в годины испытаний,
В смертельный час волнений и тревог
Давал приют уставшим от скитаний
И душу русскую берёг.

В своём творчестве и литературном быту Александра Паркау воплощала тип русской жены-мироустроительницы, которая, вопреки всем потрясениям и лишениям, стремится восстановить патриархальные скрепы русского дома, русской семьи, русской культуры.

Иной сценарий утверждения русскости выбрала **Марианна Колосова [1903–1964]**[3]. Данных о её жизни немного: до сих пор не установлены точно

[1] Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937.

[2] Паркау А. Туда – к чужим // Паркау А. Огонь неугасимый: Стихи. Шанхай, 1937.

[3] Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Рождена ведь я всё-таки женщиной…»: Марианна Колосова // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 145–173; Забияко А.А. Неистовая Марианна: Опыт духовного подвижничества харбинской поэтессы М. Колосовой // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 8. Благовещенск, 2009. С. 437–459; Забияко А.А. Художественные трансформации этнокультурных архетипов: от юродства до фашизма // Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск, 2009. С. 195–234; Забияко А.А. Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации // Религиоведение. 2010. № 1. С. 157–167.

М. Колосова и Д. Косьмин

ни место её рождения, ни обстоятельства переезда в Харбин. Существует предположение, что отец Риммы Ивановны Виноградовой (настоящее имя поэтессы) был священником, впоследствии зверски убитым большевиками, о матери сведений вовсе нет[1]. Ясно одно – Колосова была воспитана в православной вере, по собственным признаниям – училась в томском епархиальном училище[2]. Её духовными наставниками были Митрополит Московский Макарий и Архиепископ Харбинский Мефодий[3]. Очевидно, что индивидуальный психический склад, послереволюционные беды и лишения стали причиной страстной, доходящей до фанатизма, религиозности М. Колосовой. Нетерпимость и радикальные религиозные взгляды привели её в стан харбинских фашистов[4].

По мнению историков, харбинский фашизм определялся «лихорадочными поисками новых социальных идей и новых организационных форм борьбы с советской властью» (Н.Е. Аблова). Добавим – не только социальных, но и национально-религиозных идей. «Бог, Нация, Труд!» – девиз русского фашизма. Национализм через обращение к религиозным истокам стал выигрышной картой этого общественно-политического движения[5]. По воспоминаниям И. Хаиндравы, «белое движение не сумело противопоставить большевистским лозунгам собственных позитивных лозунгов» и харбинская интеллигенция поверила «в обещания Родзаевского возродить великую, единую, неделимую Россию, Россию русской нации»[6]. Несмотря на довольно прохладное отношение харбинской интеллигенции к деятельности фашистов, те нашли сторонников в среде писателей и поэтов. Правда, Колосова с её мужем, Б. Покровским, были личными противниками Родзаевского.

[1] Забияко А.А. «Рождена ведь я всё-таки женщиной…»: Марианна Колосова. Указ. изд. С. 147.

[2] Забияко А.А. Литературное кликушество: драма женской души и форма этнорелигиозной идентификации. Указ. изд. С. 160.

[3] Там же. С. 159.

[4] Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121; № 3. С. 156–177; Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорусский журнал международного права и права и международных отношений. 1999. № 2.

[5] Аблова Н.Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии. Указ. изд.

[6] Вполне возможно, что большую роль в этом альянсе играли деньги – как известно, фашисты хорошо обеспечивались японцами, а харбинские писатели сильно нуждались.

Харбинские фашисты были связаны с Братством Русской Правды – религиозно-политическим движением, основанным, кстати, поэтом С.А. Соколовым-Кречетовым[1]. Среди немногочисленных последователей «Атамана Кречета», в частности, была и никогда не видевшая «Брата № 1» Марианна Колосова, писавшая:

Граната и пуля – закон террориста.
Наш суд беспощаден и скор.
Есть только два слова: – «убей коммуниста»
За Русскую боль и позор[2].

Она была молитвенно преданным членом Братства. В письме члену Братства Русской Правды Г.П. Ларину М. Колосова признавалась: «Я дала клятву быть верной моей Родине – Православной Великодержавной Единой Неделимой России. И этой клятвы я не изменяла ни на минуту»[3]. Эти слова являются ключевыми для понимания мировоззрения и творческой позиции поэтессы: «Родина» и «Православие» для неё – неразделимые концепты. Начиная с названий сборников, лирика Колосовой определяется самой поэтессой как «динамитная»[4], но этот «динамит» – во славу Божию: «Армия песен» (1928), «Господи, спаси Россию!» (1930), «Не покорюсь!» (1932), «На звон мечей…» (1935), «Медный гул» (1937). Стихи Марианны разных лет пронизаны христианскими образами (храм, икона, крест, божий суд и др.), обращениями к Богу: «*Господи, Боже мой, / Вечный, Праведный, Строгий*» и т.д.

Российское женское фашистское движение.
Харбин, 30-е гг.

Сложное сопряжение религиозного чувства и лирической эмоции, желание во что бы то ни стало утвердиться в своей *православной русскости* рождали в творчестве и в литературном поведении М. Колосовой особые формы: в жанровом отношении – молитвы, плачи, гимны, «садические» стихотворные инвективы; в области художественных жестов – уподобление кликуше, «неистовой Марианне». Валерий Перелешин вспоминал о своей встрече с поэтессой. На одном из чураевских вторников летом 1933 года Колосова подскочила к В. Перелешину со словами: «Я вас ненавижу! Вы – мой враг, потому

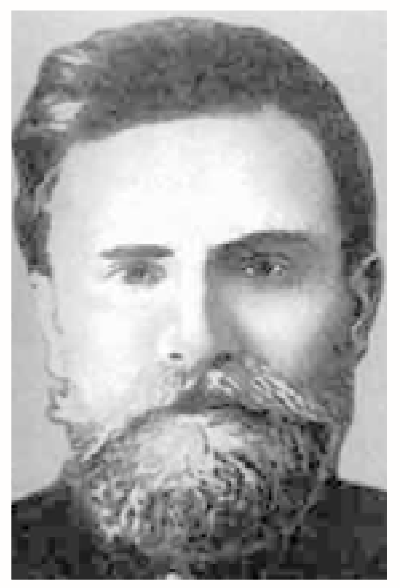
---

[1] Будницкий О.В. Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 114–143.

[2] Колосова М. Два слова // Русская правда. 1928. Март-апрель. С. 7.

[3] Письмо М. Колосовой Г.П. Ларину. Цит. по: Вспомнить нельзя забыть. Стихи Марианны Колосовой / сост. В.А. Суманосов. Барнаул, 2011. С. 26.

[4] Название стихотворения «Динамитная лирика» («Господи, спаси Россию!»).



Родзаевский
Константин Владимирович

что вы – враг России!»[1]. Правда, несколько дней спустя Валерий Перелешин побывал у поэтессы в гостях, и расстались они уже вполне мирно, даже по-дружески. Причиной же довольно курьёзного знакомства двух талантливых поэтов послужило только что напечатанное произведение Перелешина «Вечный Рим». Крайняя религиозность, православная исступленность Марианны перекрывала все «светские» нормы. Потому её не очень жаловали в поэтических студиях, старались не упоминать её имени в европейской печати.

Лирические строки Колосовой заражают своей фанатичной энергией:

Тускнеют, блекнут все химеры
Перед сиянием креста!
Я не сменю отцовской веры,
Она, как жизнь и смерть, проста!

(«Отступнику». С. 18)[2].

Такими стихами поэтесса увещевала молодое поколение эмигрантов пойти на смерть за «святую Русь»:

К чему увертки и хитрость?
Сжечь надо врага дотла!
Душонку из тела вытрясти,
Коль подлой она была!

(«Прямая линия». Апрель 1932 //
На звон мечей. С. 186–187).

Для своей героини Колосова сознательно выбирает удел странницы, духовной подвижницы, чьи мытарства позволяют понять промысел Божий. Она последовательно выстраивает собственную поэтическую биографию – образец для подражания другим «русским девушкам»: «Есть девушки, удел которых страшен».

М. Колосова была склонна соотносить современную судьбу России с судьбой Иисуса Христа: по мысли поэтессы, Россия искупает великий грех, проходит крестный путь, после чего её ожидает воскрешение. Но религиозное чувство и его рефлексия в произведениях Колосовой сложнее православных канонов. Это обусловлено противоречивостью личности самой поэтессы. Так, себя Колосова видит себя русской Жанной Д'Арк. Будучи истовой христианкой, поэтесса нередко обращается к архаическим славянским образам и мотивам, к демоническим образам.

---

[1] Перелешин В. Два полустанка (фрагменты) // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 110–119.
[2] Цит. по: Колосова М. Господи, спаси Россию!.. Стихи: Кн. 2. Харбин, 1930. С. 37.

Несмелов (Митропольский)
Арсений Иванович.
Харбин, середина 30-х гг.

Вместе с Россией героиня лирики Колосовой проходит крестный путь страданий, проживает жизнь, полную стойко переносимых бедствий. С одной стороны, кликуша, с другой – боевая помощница, споспешница активных борцов за освобождение России.

«Поэтом взвихренной России, огненных лет, непосильных испытаний» назвал Н. Голенищев-Кутузов **Арсения Ивановича Несмелова [1889–1945]**[1]. Отношения Несмелова с Россией и русскостью пропущены и сквозь его дореволюционный литературный опыт, фронты германской, стужу Ледяного похода, время владивостокской передышки и испытаний при переходе границы. Квинтэссенцией выяснения этих отношений стал сборник «Без России» (1931)[2] – несмотря на дату, своеобразный итоговый сборник русского поэта-эмигранта.

Книга начинается с одновременно изгнаннической и метапоэтической декларации:

Свою страну, страну судьбы лихой,
Я вспоминаю лишь литературно:
Какой-то *Райский* и какой-то Хорь:
Саводников кладбищенские урны[3]!
И *Вера* – восхитительный «Обрыв» –
Бескрылая, утратившая силу.
И, может быть, ребёнком полюбив,
Ещё я вспомню дьякона *Ахиллу.*

(«Свою страну, страну судьбы лихой…». С. 99.
Курсив мой. – *А.З.*).

Русская литература становится призмой, сквозь которую герой проясняет

[1] Голенищев-Кутузов И.Н. Арсений Несмелов // Возрождение. 1932. 8 сентября. С. 110.

[2] Об этом: Забияко А.А. «Сердце жаждет поединка…»: Арсений Несмелов // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 217–255.

[3] Владимир Федорович Саводник – автор официального дореволюционного учебника по истории литературы для средней школы «Очерки по истории русской литературы XIX века» (1906).

своё отношение к прошлому, ко всей былой России. Оттого сборник просто «перенаселён» интертекстуальными параллелями как с предшествующей, так и современной автору литературой. Это – и постоянные отсылки к произведениям русской классики с прямыми указаниями на авторитеты: Тургенева, Гончарова, Лескова («Свою страну…»), Толстого («В эти годы…»), и ритмические переклички с Лермонтовым, Буниным, Блоком, Маяковским, Есениным и др. Более сложные интертекстуальные связи проявляются через аллюзии на уровне лексики, цитации, прямые и опосредованные обращения-посвящения (поэзия Есенина, Вс. Иванова, Л. Ещина, В. Логинова), заимствование целых сюжетных сцен из прозы (И. Бабель, помноженный на Шекспира – «Я вспомнил Стоход…», Б. Пильняк – «Белый остров», Пушкин – «Две тени»).

Отказываясь от известной русской болезни – *литературности* как способа отношения к действительности, подменяющей порою само бытие, герой Несмелова при этом именно в отечественной словесности ищет опору для устройства себя на чужбине. Он тоскует не по прошлому России, а потому, что ему нет дороги в Россию «живую». Вместе с этим герой трагически осознаёт, что и там никому не нужен и никто его не ждёт. Так с первого стихотворения обнажается его экзистенциальное одиночество:

Конечно, список может быть длинней,
Но суть не в нём: я думаю, робея:
В живой стране, в России наших дней,
Нет у меня родного, как в Бомбее!

(«Свою страну, страну судьбы лихой». С. 99, курсив мой. – *А.З.*).

Лирический герой Несмелова ищет исхода своим кризисным настроениям. Он не только остался «без России», но и ощутил себя уже немолодым человеком, когда «ты вспоминаешь о сердце», постиг трагизм общей участи эмиграции: «мы умрём, а молодняк поделят – Франция, Америка, Китай». Потому с самого начала экзистенциальное самоощущение лирического героя семантически концептуализировано в мотиве *границы*, его разнообразных пространственных и временных коннотативах, обозначающих как границу реальную, так и пограничное состояние героя – *водораздел, берег, рубеж, сигнал прощания, неведомая суша, перегон, окопы, могилы, корма, изгородь, экран* и др. («Переходя границу», «Ручная волчиха», «Так уходит море…», «О России», «Изнеможение» и др.)[1].

Мотив *перехода границы* кладёт начало развитию лирического сюжета сборника. В художественном мире Несмелова этот мотив является метажанровой основой – не случайно многие стихотворения сборника перекликаются с прозаическими произведениями, посвящёнными переходу границы и про-

[1] Забияко А.А., Юрьева А.А. Концепт «граница» в художественной рефлексии дальневосточных писателей-эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 10. Благовещенск, 2013. С. 237–248.

щанию с Родиной («Ленка Рыжая», «Улыбка», написанными в эти же годы, и «Наш тигр», который, правда, появится гораздо позднее)[1]. Метасюжет достигает кульминации в третьем стихотворении – «Переходя границу».

Именно это произведение дало повод Ю. Терапиано для литературной «проповеди» Несмелову: «Книга А. Несмелова называется "Без России". Она претендует выражать и, по мнению автора, – по-своему он искренен, выражает его личную и нашу общую трагедию. Но как Несмелов не чувствует, что подобное обращение – к Родине на вы, при его добром намерении, непростительно…»[2]. Как видно, парижского критика покоробили начальные строки стихотворения «Переходя границу»:

Пусть дней немало вместе пройдено,
Но вот – не нужен я и чужд,
Ведь вы же женщина – о, Родина!
И, следовательно, к чему ж

Всё то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча:
Мы расстаёмся по-хорошему,
Чтоб никогда не докучать

Друг другу больше…

(«Переходя границу». С. 100).

Драматизм ситуации реализуется не столько на лексическом, сколько на ритмическом и графическом уровне, при помощи строфического переноса. По этому принципу построено всё стихотворение, где каждый новый перенос – как очередной, мучительно дающийся шаг, удаляющий лирического героя от Родины, с которой у него такая же тесная связь, как с близкой и дорогой сердцу женщиной – от этого ритмические перебои становятся перебоями дыхания.

Поэт дистанцировался от ставшего уже каноническим в русской культурной среде и всемерно усилившегося в эмиграции мифологизирования Русской земли – Святой Руси, Третьего Рима[3]. Несмеловская Родина – не та Русь, что вызывает экзальтированный пиитический восторг («О, Русь моя! Жена моя!» – А. Блок). Поэт предельно прям и конкретен в своих чувствах (от этого – не

[1] Забияко А.А., Лощилина Ю.М. Автобиографизм как метажанровая основа прозы Арсения Несмелова // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 1. Благовещенск, 2006. С. 81–100.

[2] Терапиано Ю. Несмелов А. «Без России» // Числа. 1933. № 7–8. С. 276.

[3] В русской этнической картине мира этот образ «облекался в женские, материнские черты: Русская земля в сознании древнерусского человека – мать, Русь-матушка… Родная земля наделялась качествами апотропея, ей приписывались охранительные и целительные свойства. Так, былинные русские богатыри в момент смертельной опасности припадают к земле, чтобы набраться силы. Русские, оправляясь на войну или чужбину, брали с собой частичку родной земли… Уже в первой пол. XI в. на Руси провозглашается идея христианской святости Русской земли» (Забияко А.П. Земли культ // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 359).

менее глубоких). Он вступает с Родиной в благородный *диалог* как *мужчина* – с *женщиной*. Налицо семантический параллелизм мучительных переживаний человека, расстающегося с любимой женщиной (с которой вместе пережиты радости и горести), старающегося сохранить собственное достоинство, уважающего выбор своей возлюбленной, и человека, навсегда прощающегося с Родиной. Этот приём делает стихотворение не только одним из пронзительнейших в сборнике, но в лирике Несмелова в целом, и – шире – в эмигрантской лирике:

…Всё, что нажито
Оставлю вам, долги простив.
Вам – эти пастбища и пажити,
А мне – просторы и пути.

Да ваш язык. Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв,
Он, изумительный – от Тютчева
До Маяковского велик.

Даже спустя семь лет событие, навсегда оторвавшее поэта от Родины, никак не оставляет его, становится точкой отсчёта, с которой начинается новая жизнь – «Без России», поэтому «Переходя границу» сюжетно связано со стихотворением «На водоразделе». В нём воспроизводится один из эпизодов перехода границы поэтом и его товарищами и появляется иное осмысление Родины. В стихотворении «На водоразделе» образ России приобретает *зооморфные*, теперь уже *ремифологизированные* черты:

Воет одинокая волчиха
На мерцанье нашего костра.
Милая, не сетуй, замолчи-ка:
Мы пробудем только до утра.

Лирический сюжет строится по типу метаморфозы, соответствующей метаморфной природе лирического героя. В первом катрене воссоздаётся вполне реалистическая картина встречи измученных беглецов с одинокой волчихой (эта история соотносима с повествованием о переходе границы, изложенной, к примеру, в «Нашем тигре»[1]. Но постепенно волчьи черты «проступают» в самих героях – это объясняет тоскливый вой по ним волчицы:

Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьём из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

В последнем катрене, наоборот, волчиха обретает своё «истинное» лицо:

[1] Забияко А.А., Лощилина Ю.М. Автобиографизм как метажанровая основа прозы Арсения Несмелова // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Указ. изд. С. 81–100.

Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник…
Не волчиха, родина, пожалуй,
Плачет о детёнышах своих.

Оборотническая природа волчьего образа[1] определяет всё то страшное, что пробудила в русском человеке революция безотносительно к его политическим взглядам. Кто-то упрекал Несмелова в цинизме – но его пронзительные строки, посвящённые России, говорят об обратном: о глубокой боли, спрятанной в сердце старого солдата, доблестно прошедшего пол-Европы, но не сумевшего отстоять свою землю, свою семью.

Если Несмелов мог позволить себе, хоть и «литературные», выяснения отношений с Родиной и «русскостью», то **Леонид Евсеевич Ещин [1897–1930]** в основание своего художественного мира и жизнестроительной программы в эмиграции положил идею *сознательного обрусения*. Еврейский мальчик из семьи выкрестов, воспитанный в народно-демократическом духе, волей истории (видимо, и по сердечному влечению) оказывается в рядах Белой гвардии, а затем – в географических и ментальных координатах дальневосточного фронтира (Владивосток, затем Харбин). Ещин не отрекается от векового «бремени» русской культуры – русская литература и культура становятся пространством его этнокультурной идентификации.

В «Стихах таёжного похода» (1921) этот художественный процесс только исподволь начался и проявился на уровне ритмических и образных реминисценций, аллюзий. В первую очередь – на Блока и Маяковского, но и с оглядкой на «отца русского модернизма» Д. Мережковского, а значит, и на весь корпус лирики «серебряного века»[2]. Художественный двойник поэта – не просто отщепенец. Обращаясь к Богоматери, он вопиет:

Матерь Божья! Мне тридцать два…
Двадцать лет перехожим каликою
Я живу лишь едва-едва,
Не живу, а жизнь свою мыкаю.

(«Беженец». С. 30).

В воспоминаниях современников поэт таким и остался: «Огромный, почти никогда не бритый, неряшливый, Ещин подкупал своим детским беззлобьем, и его любили, как беспризорного ребенка, как большого доброго пса. *Он, вероятно, таким себя и чувствовал…*» (курсив мой. – *А.З.*)[3]. На самом деле, портрет

[1] Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 242.

[2] Об этом: Забияко А.А. «Перехожий калика» харбинской лирики: Леонид Ещин // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (Художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 255–286; Забияко А.А. Юродство как форма литературного поведения // Религиоведение. 2008. № 2. С. 166–178.

[3] Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. № 204. С. 57.

поэта, повторяющийся и у Несмелова, и у Л. Хаиндровой, и у Ю. Крузенштерн-Петерец, в совокупности с лирическими самохарактеристиками, создаёт образ, напоминающий древнерусского *калику перехожего*, весьма органичного для лирического героя Л. Ещина. Кто такие калики в русском этническом сознании? Это звание в последние века русской истории «закрепилось только за нищими, убогими, преимущественно бродячими слепыми, добывающими средства к существованию пением духовных стихов. <…> Всё о нищете и убожестве богом любимых и ему угодных, всё о нужде и страданиях, которые каждый на себе испытал, и тоску, согласную с напевом и складом, носит в душе своей, да не умеет выразить»[1].

Художественное обращение к истокам древнерусской духовности было, по всей видимости, особо значимо для такого культурного маргинала, каким являлся Леонид Ещин. Погружаясь в истоки формирования национальных этнокультурных архетипов, поэт не просто «выплакивал» свою горькую участь, но и брался, как подобает «калике», «за мир пострадать». Сознательное литературное *убожение* (которое можно соотнести с известным древнерусской культуре *кенотическим* типом святости)[2] интенционально направлено и на читателя, на пробуждение его *человеколюбия*, на возрождение заповеди любви к ближнему. «Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слезу страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием»[3].

Этот лирический герой-странник в своей убогости, нищете и бесприютности сродни не просто *калике*, он – почти *юродивый*, носитель так называемой *потаённой святости*. Вот почему он «сызмала без крова», с «малолетства струпьями покрыт». Он восклицает:

– Неужели не знаешь Ты, Господи Боже,
Что обидеть меня – это грех!
(«Фокстрот». С. 25).

В этническом сознании, закрепляемом литературными архетипами, «суть юродства заключается в подражании Христу поруганному, терпящему насмешки и издевательства толпы, которая тешится видом нелепого в её глазах самозванца, взявшегося учить праведности»[4].

Одежда Ещина в воспоминаниях о нём напоминает рубище странника («на нём "не было ни одной шерстяной нитки", – так он сам любил говорить»)[5] – истинное облачение *святого человека* в русском этническом сознании. А он и есть

[1] Максимов С.В. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 470–471.
[2] Забияко А.П. Святое и падшее // Литературная учеба. Кн. третья. 1998. С. 167.
[3] Забияко А.П. Святое и падшее. Указ. изд. С. 170.
[4] Там же. С. 173.
[5] Несмелов А. Чудесный подарок // Несмелов А. Собрание сочинений. Указ. изд. Т. 2. С. 523.

странник, одинокий путник, и цель его – в обретении *Пути* «к просторам неземных великолепий» («Мимо»). Об этом – не одно стихотворение поэта:

Если все это так, – Боже, за что же мне
Вновь одному, одному, словно перст,
Вновь в *путь обратный* шагать – уничтоженным,
Снова и снова тащу этот крест…

(«Маята. Фрагмент поэмы». С. 27,
курсив мой. – *А.З.*).

Я одиночество своё
Никак, наверно, не забуду,
И если в Царствие Твоё
Войду – и там печальным буду!

(«Таёжный поход». С. 22).

Образ *калики*, *юродивого* накладывает на его носителя ответственность *пророческой силы*. Лирический герой Ещина это осознает:

Свершилось. Мне ль менять судеб
Предвечный ход, подарок Рока?
Ведь для меня единый хлеб –
Призванье скорбное пророка.

(«Сумасшедшая поэма», 6 февраля 1924;
курсив мой. – *А.З.*).

Его отношение к суетной погоне за славой удивляет своей кротостью. Воистину – «потаённая святость не только скромна в облике, она утишена в слове. Ей не нужна земная слава, она ищет упокоения в безвестности»[1]:

Спасение от смерти – лишь случайность
Для тех, кто населяет землю.
Словам «геройство» и «необычайность»
Я с удивлением и тихой грустью внемлю.
Слова теряют в жизни основанье
Для тех, кто заглянул в миры, где только мысли…
А будущее местопребыванье –
Не меряю,
Не числю…

(«Мимо. *Арсению Несмелову*». С. 30–31).

Наверняка Ещин также осознавал первостепенную значимость для себя поэтической одаренности. «Впрочем, что ж: *я родился поэтом* / Вы же просто мадам Барри», – гордо восклицает герой Ещина («Мне неловко и с ними, и с вами…», курсив мой. – *А.З.*), но при этом он же называет себя «словоблудом» («Сумасшедшая поэма»). И в этом нет противоречия, лишь только актуализация *литературной осознанности* своего отношения к жизни. Как нет противоре-

---

[1] Забияко А.П. Святое и падшее. Указ. изд. С. 173.

чия в том, что *калика перехожий* Леонид Ещин оказывается открытым для инокультуры в её самых обыденных проявлениях:

И занывши от старых ран,
Я молю тебя пред иконами:
«Даруй фанзу, курму и чифан
В той стране, что хранима драконами»
(«Беженец». С. 30).

Заметно, что изменились только география странника и название окружающих реалий: вместо крыши над головой – *фанза*, убогую одежонку ему заменит *курма* (простая полотняная одежда китайцев), а ожидание еды в её общем пиджинизированном обозначении – *чифан* – можно понимать как угодно; ясно, что герою главное – не умереть с голоду.

Не страшится лирический герой и особенностей чуждых ритуалов. Оказавшись в буддийском монастыре, он готов к тому, что может быть «переправлен» в мир иной несоответствующим образом. Героя пугает совсем другое:

Эй, не меня ли тут хоронят,
Не я ль иду на вышний суд,
Меня ль то на мишурной броне,
На жертвенном огне сожгут?
Зачем задумчивые ламы
Кадят куреньями вослед?
Постойте! Я не видел мамы
Так долго – целых восемь лет.
(«Сумасшедшая поэма», 6 февраля 1924. С. 37,
курсив мой. – *А.З.*).

Художественный мир харбинского поэта Леонида Евсеевича Ещина вместил в себя самые разнообразные художественные установки – от обращения к основам древнерусской литературы и поэтики фольклора до предчувствия путей развития новоявленной советской лирики. «*Русский*, он не избежал судеб *русского народа* и прошёл их мрачным рядом вместе со всеми теми, кто были его спутниками и его противниками, и скрылся, подобно многим, имена же их Ты, Господи, веси – в сумерках прошлого…», – писал о Леониде Ещине С. Курбатов (курсив мой. – *А.З.*)[1]. В своём потенциале художественное развитие Ещина несло зачатки той литературы, что могла развиться в русском Харбине – литературы *универсального мироощущения*, где гипертрофированная *русскость* сочеталась бы с разнообразными *инонациональными* элементами и благодатно бы впитывала всё то новаторское, что рождалось в метрополии, *литературы дальневосточного фронтира*.

***

К концу 20-х гг. старшее поколение харбинских поэтов уже прояснило свои отношения и с Россией, и с русскостью, и с русской культурной традицией. Ло-

[1] Курбатов С. Леонид Ещин. Сегодня – пять лет со дня смерти поэта // Заря. 14 июня 1935.

гика исторических событий приводила старшее поколение к пониманию того, что Харбин для русских – временный «полустанок» (А. Несмелов)[1] на их трудном пути мытарей-изгнанников. Они знали, как хотят «воспитать русских детей, любящих свою Родину, <…> знающих русский язык и русскую историю» (А. Паркау)[2]. Но в столице КВЖД к тому времени уже выросло поколение тех, кто России – не знал, будучи либо вывезенными оттуда в нежном возрасте (Н. Щеголев, В. Перелешин, Н. Петерец, Л. Андерсен), либо рождёнными на чужбине (Г. Гранин, Ф. Дмитриева и т.д.). Для новой генерации поэтов «Россия» была одним из мифов, наполняющих их «провинциальное» бытие.

Многие из «молодых», выросших в Маньчжурии, могли сказать словами В. Петрова: «Я никогда не был в России, я не видел красот моей родины, и поэтому мне кажется, что лучше и красивее моей родной Маньчжурии нет страны в мире, нет ничего красивее блестящей ленточки полотна дороги, пробивающейся через стройные кедровые или берёзовые леса, пролетающей через быстрые горные речушки, выбивающиеся между взгромоздившихся сопок»[3].

С другой стороны, спустя годы кое-кто сетовал: «Того, что нас окружала огромная, полудикая, прекрасная Маньчжурия, что рядом были Корея, Монголия, Сибирь, не говоря уж о Китае, мы не замечали: раскрыть нам глаза не позаботился никто»[4]. Ю. Крузенштерн-Петерец вторила Л. Хаиндрова[5]. Идеализация образа Родины, присущая старшим эмигрантам, оборачивалась тем, что иногда окружающие китайские реалии не выдерживали конкуренции, казались «худшими» по сравнению с «подлинными», российскими. «Разве это запахи? Разве в России так пахнут травы, цветы, деревья! <…> Разве так поют птицы! Разве такой вкус у яблок, арбузов, дынь! <…> А вода, разве такой вкус у воды? А хлеб! Какой он был вкусный, пахучий!»[6] – постоянно слышали от близких и знакомых поэты и их сверстники. Об этом писала и Наталия Ильина, добавляя только, что сильнее родительского внушения было, пожалуй, влияние русской литературы[7].

Свои литературные «отношения» с родиной каждый из молодых выстраивал в соответствии со своим социальным происхождением, семейной укоренённостью в национальной традиции, а также складывающимися связями с инокультурой. Нина Завадская, например, глубоко переживала ситуацию, когда нет «*ни кустов смородины, / Ни берез, о которых петь… /* И не знать той земли и

---

[1] «Полустанок» – название сборника А. Несмелова 1938 г., в котором он в поэтическом ключе осмысляет историю русского Харбина и провиденциально предрекает его скорый финал.

[2] Смотр женских литературных сил. Указ. изд. С. 24–25.

[3] Петров С. В Маньчжурии // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / Собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 7. С. 233.

[4] Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 65.

[5] Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. Указ. изд. С. 292.

[6] Там же. С. 291.

[7] Ильина Н. Встречи: Из автобиографической прозы // Октябрь. 1987. № 5. С. 90.

Слободчиков
Владимир Александрович,
Харбин, 30-е гг.

родины, / За которую умереть!» (курсив мой. – *А.З.*)[1]. «Было нечто сладостное в любви к земле, никогда не виденной, – замечает Н. Ильина. – Тем из нас, кто в своё отечество вернулся, предстояло примирить эти книжные, сентиментальные чувства с отношением к стране зримой, осязаемой и во многом неожиданной. А те, кто не вернулся, продолжают грустить о берёзке»[2]. Так, Лариса Андерсен, после Харбина и последующих переездов до самой кончины долгие годы прожившая на французской земле, признавалась: «Я берёзку вдруг захотела / Посадить у окна в саду, / Ведь фантазиям нет предела, / Только силам есть, на беду!»[3].

Владимир Александрович Слободчиков [1913–2006], потомственный дворянин, покинувший родину вместе с родителями в детском возрасте, нашёл источник самопознания в российской истории. Судя по личным признаниям, Слободчикову с молодых лет был присущ интерес к истории Отечества, к годам становления российской государственности. Во многом тому способствовала высоко интеллектуальная атмосфера семьи с домашними чтениями русской классики, беседами с гувернёром, «широко образованным человеком, особенно интересовавшимся историей»[4]. Хранительница семейных преданий о родовом гнезде, бабушка поэта также много способствовала тому, что «беспочвенных» настроений у него и его братьев не сформировалось. Будучи уже взрослым человеком, он напишет стихотворение «Земля отцов» (1947), где воссоздаст ощущения молодости, когда:

Вставала в сновиденьях голубиных –
Под бледным кровом северных небес
Страна родных богатырей былинных,
Страна любви, загадок и чудес…[5]

(В.А. Слободчиков. Москва, 2004).

В творчестве поэта тема утраченной Родины реализовалась в мотиве исторической памяти, претворённом в мифопоэтическом ключе. На заседаниях «Чураевки» он читал отрывки из своей поэмы «Царство российское», написан-

---

[1] Завадская Н. Светлое кольцо. Харбин, 1943. С. 69. Об этом: Эфендиева Г.В. «В одном ряду с советским поколеньем…»: последняя страница истории харбинской лирики // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…». Указ. изд. С. 376–396.

[2] Ильина Н. Встречи. С. 90.

[3] Там же.

[4] Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной…Указ. изд. С. 34–184.

[5] Слободчиков В.А. Земля отцов. Стихи. Владимир, 2003. С. 15.

ной под псевдонимом «Ю. Калатаров» и получившей впоследствии название «Русь» (1933–1934)[1].

Нина Завадская

Просветительской задачей ХСМЛ (Христианского Союза Молодых Людей), выпускниками образовательных учреждений которого было большинство молодых харбинских поэтов, помимо «накопления творческих национальных молодых сил за границей»[2], становится практическая подготовка молодого поколения к дальнейшей жизни в европейских странах и Америке. Этим же целям служила и созданная сибирским казаком, георгиевским кавалером-белопоходником Алексеем Ачаиром, «Чураевка». Она вошла в историю эмигрантских объединений как совершенно уникальное образование, где вопросы художественного мастерства поднимались наравне с вопросами духовного воспитания, где закладывались основы будущей самостоятельной деятельности питомцев (не случайно Ю.В. Крузенштерн-Петерец назовёт свои воспоминания «Чураевский питомник»)[3]. Роль Ачаира как доброго наставника харбинских «птиц певчих»[4] трудно переоценить. Собрав под своим отеческим крылом молодых ребят, в ситуации безвременья ищущих применение своей энергии, он обеспечил идеальные условия для их творческого развития и самовыражения. Ачаир органично воспроизвёл атмосферу «серебряного века» в её харбинско-чураевской миниатюре, продолжил салонную культуру с мелодекламациями, чтением стихов своих и чужих, докладов о художественном творчестве с их последующим обсуждением[5]. В «Чураевке» работала литературная студия, художественный сектор (куда приглашались все известные в городе художники, курирующие «молодых работников, изучающих живопись»), театральная студия (где «опытными театральными работниками» читались доклады «по вопросам театрального искусства»), а также музыкальная и вокальная секции, проводившие свои показательные открытые вторники, посвящённые отдельным композиторам (Григу, Скрябину и т.д.)[6]. Позднее была открыта общественно-научная секция. Все, кто был мало-мальски одарен – в сочинительстве, музицировании, пении, художественном чтении, – имел возможность проявить себя и услышать либо восторженную похвалу, либо доброжелательную критику. «Так сочетаются в одно целое – Литература, Наука

---

[1] В смятенные годы реэмиграции поэма была потеряна, и только в 1980-х О. Бакич нашла и переслала её текст автору // Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. Москва, 2002.

[2] Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4. С. 221–228.

[3] Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах). Указ. изд. С. 45–70.

[4] Ачаир А. Птицы певчие (О харбинских поэтах и поэтессах) // Харбин в зеркале прессы. 1939. № 2. С. 6–7.

[5] Об этом: Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира: Монография. Благовещенск, 2005.

[6] [Б.п.] Работа по студиям // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 5.

и Искусство. И так – творческая молодежь продолжает культурную традицию нашей любимой Родины, Традицию Национальной Культуры…» – отмечал в восьмую годовщину «Чураевки» её организатор[1].

Литературная студия собиралась еженедельно по вторникам в 8 часов вечера в здании ХСМЛ. «Присутствуют желающие из действительных членов кружка, члены-сотрудники и иногда специально приглашённые из посторонних. Обычно сначала прочитывается проза, затем стихи <…> Благодаря порядку, выработавшемуся в течение ряда собраний, автор получает почти исчерпывающую оценку своих произведений присутствующими членами кружка», и хотя эти оценки «не всегда бывают лестными для авторов, но здоровая атмосфера дружеской, хотя подчас и суровой критики, почти никогда не нарушается», – писалось в газете «Чураевка»[2]. В разные годы в состав Литературной студии входили Н. Светлов, Н. Петерец, Г. Гранин, Л. Андерсен, Л. Хаиндрова, Вл. Слободчиков, О. Тельтофт, М. Волин, В. Перелешин и др.

Молодёжи было дано право самой выбирать кумиров – не по воле партийного циркуляра, а по велению сердца и собственного художественного чутья. Здесь увлекались попеременно Блоком, Гумилёвым, Северяниным, Маяковским, Пастернаком, Волошиным… Вот как пишет об этом В. Перелешин в «Поэме без предмета»:

Всех уголков гостеприимней
в Х.С.М.Л. тогда слыла
учительская. Стужи зимней
мы, раскалившись добела,
не замечали. Облаками
табачный дым ходил над нами,
и в гуле звонких голосов
терялся бой стенных часов.
Пока прочитывалась проза,
которой не блистал Харбин,
мы стыли, но быстрее льдин,
внесённых в кузницу с мороза,
оттаивали: добрый грог –
рифмованных струенье строк

(Песня первая, строфа XLV)[3].

Благотворная, созидающая роль «Чураевки» сказалась в воспитании целого поколения русских юношей и девушек, выброшенных историей на обочину эмиграции. Декларативно это была идеологическая платформа ХСМЛ

[1] Ачаир А. Перед началом // Чураевка. 1933. № 10 (4), 14 нояб. С. 1.

[2] Работа по студиям. Указ. изд.

[3] Перелешин В. Поэма без предмета / Под ред. и с предисл. С. Карлинского. Холиок, 1989. С. 57.

(YMCA), базирующаяся на идее о том, что «быть христианином – значит верить во Христа и жить согласно его учению, следовательно, не только личная жизнь человека, но и социальная и экономическая жизнь народов должна быть согласуема с христианскими принципами»[1]. Алексей Ачаир же как русский секретарь считал руководящими принципами «Чураевки» идеи сибирского регионализма, неотделимые от «Живой Этики» Н. Рериха[2]. Но в практической плоскости весь спектр идейных ориентиров преломлялся в многоуровневой системе воспитания и образования русских ребятишек в духе добра, справедливости и уважения к своим национальным корням[3].

Известно, что юная поросль харбинцев не вполне понимала Ачаира: «сибирские идеи» руководителя «Чураевки» не были ей близки Постепенно ретивые чураевцы стали томиться под отеческим покровительством наставника. В общем, возникла хрестоматийная коллизия тургеневских нигилистов и их долготерпеливых родителей[4]. «Тип харбинского студента того времени трогателен: днём на работе, часто тяжёлой, грубой, вечером в чистенькой тужурке за партой. Когда выпадает свободное время и свободный доллар – русский театр, русские уютные, единственные в мире кабачки с цыганами, ресторанчики с горячими пирожками, где можно слышать споры, доходящие до ссор, и всегда о том же, о России», – воссоздавала портрет представителей молодого поколения Ю. Крузенштерн-Петерец[5]. Отсюда – печальный «Опыт» Н. Щёголева: «Эмиграция – да! – прозябанье в кругу иностранцев, / Это та же тоска, это значит – учить про запас / Все ремесла, языки, машинопись, музыку, танцы / Получая гроши, получая презренье подчас»[6].

Молодой человек оказывался в пограничной ситуации, определить которую можно перифразом Лермонтова: «нет у нас родины, нет нам изгнания». «А вдруг и – вправду была Россия, / Россия: пламя, вихрь, огонь!» – с сомнением вопрошал самый юный из них, Георгий Гранин, никогда не знавший Родины.

[1] Лякер Н. Христианский Союз Молодых Людей // Чураевка. 1932. № 7 (1), 27 дек. С. 6.

[2] Об этом: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 197–219.

[3] О работе «Чураевки»: Слободчиков В.А. «Чураевка» // Русский Харбин. М., 2005. С. 73–77; Ли Мэн. Харбинская «Чураевка» // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. Благовещенск, 2012. С. 167–182; Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова. Указ. изд.

[4] Подробно об этом: Забияко А.А. «Дело о «Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 6. С. 170–186.

[5] Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 30.

[6] РПК. С. 563.

«Трио» Литературного кружка «Молодая Чураевка». Николай Лапикен, Николай Щеголев, Петр Лапикен

«Нельзя сказать, – писала годы спустя Л. Андерсен, – чтобы стихи нашего кружка ["Чураевки" – *А.З.*] отражали окружающее – ни особенностей нашего города, ни эмигрантской ностальгии в них почти не было. У нас не могло быть много воспоминаний, мы жили теперь и писали о своих переживаниях и чувствах, которые, как и мы сами, росли, требовали выхода»[1]. Подтверждением этой поздней рефлексии собственных ощущений молодых харбинцев служат декларативные заявления одного из лидеров чураевцев **Николая Александровича Щеголева [1910–1975]**: «…У нас нет воспоминаний, которые перетряхивает старшее поколение эмигрантов, а между тем мы чувствуем себя до крайности русскими. Отсюда некоторая беспочвенность настроений»[2].

Именно состояние беспочвенности, неприкаянности, когда и вспоминать-то ещё нечего, и определяет, например, настроения его лирического субъекта. Во многом *тоска* щёголевского героя – это родовая характеристика *русскости*, поэтический знак этнокультурной идентичности. *Тоска* понимается как неотъемлемое составляющее русской сути лирического «я»:

И в самом деле, в самом деле –
Иль не со мной моя *тоска*,

И покаянные недели,
И трепет сердца у виска –
Вся русская моя природа,
Полузадушенная мной?

(«В раздумьи», 1934; курсив мой. – *А.З.*)[3].

Ключом к пониманию такой амбивалентной ментальной установки могут служить следующие признания: «Художник – я, и, несомненно, *русский*, / Но *не лишённый иностранных черт*» (Н. Щёголев «Русский художник», курсив здесь и

---

[1] Андерсен Л. Ларисса вспоминает... / публ. Э. Штейна // Новый журнал. 1995. № 200. С. 318.

[2] Щёголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. 1931. № 1. С. 82.

[3] Щёголев Н. Победное отчаянье. Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый. Послесловие А.А. Забияко. М., 2014. С. 57. Подробно о жизни и творчестве А.Н. Щёголева: Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щёголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья). Указ. изд. С. 238–310.

далее наш. – *А.З.*)[1]. Свой «идеальный» автопортрет русского европейца Н. Щёголев представлял следующим образом: «Мне кажется, что я на возвышеньи, / Вот почему и самый дух мне люб / *Французской плавности телодвижений*, / *Англо-немецкой тонкой складки губ*». Как видно, «русская природа» поэта должна была обогатиться за счёт лучших ментальных характеристик других европейских народов, реализованных опять-таки в этнокультурных стереотипах русского сознания[2]: «И как я рад, когда порой / Веду себя, *как иноземец*, – / *Холодный* бритт, *упрямый* немец – / Как горд! *Кровь моего народа* / *Во мне сияет новизной!*»[3].

В целом генерация молодых поэтов проецировала эфемерный образ России на своё маньчжурское пространство:

…Но так безумно я мечтаю,
С такою верностью люблю,
Что даже и в часы лихие,
В болезни, гнёте и тоске,
Всё мнится мне, что я в России,
А не в маньчжурском городке…

(Н. Щёголев «В раздумьи»)[4].

Одним из путей спасения от *беспочвенности* и становится «потребность жертвенно работать для России. Потребность стать поэтами русскими» (Н. Петерец)[5]. «Приниженное чувство» изгойства оправдывает «неоценимый дар – вглядеться до конца / В лик Родины своей через её искусство» (Н. Петерец «Россия»)[6]. Литературный характер размышлений молодых о России приводит к тому, что в своих стихотворениях Н. Щеголев, Н. Петерец, Н. Светлов, Г. Гранин, С. Сергин, разъедаемые «ядом ностальгии», столь часто обращаются к Достоевскому, Гоголю, Пушкину, Блоку. В этих стихотворных апелляциях русская литература представала «виновницей» за постигшие их страдания: «Встают сквозь мутный бред властней во много крат / Россия Белого – пылающее море, / Россия Тютчева – смирение и горе, / Россия Гоголя – смятение и ад»[7].

«Сообщение» с русской литературой как акт самопознания и самоидентификации носило избирательный характер (судя по частотности упомина-

---

[1] Щёголев Н. Победное отчаянье. Указ. изд. С. 47–48.

[2] Шмелёв А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Вежбицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 7–13; Вежбицкая А. Лингвистические и концептуальные универсалии // Указ. соч. С. 45–48; Шмелев А.Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 17–35.

[3] Щёголев Н. Победное отчаянье. Указ. изд. С. 57.

[4] Там же.

[5] Петерец Н. Доклад на организационном собрании «Круга поэтов» // Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка». Указ. изд. С. 219–229.

[6] РПК. С. 425.

[7] Там же. С. 425.

емых имён) и приобретало разнообразные формы. Молодые поэты стремились к лирическому «разговору» с поэтом или писателем-классиком. Толстой, Достоевский, Лермонтов, Пушкин выступают мерилами нравственных и интеллектуальных ценностей и отражают в своих мифологизированных образах комплекс национальных черт и достоинств (Н. Светлов – к Пушкину «О непостижимом»[1], М. Волин – «Разговор с Тютчевым»[2]):

Несравненный Александр Сергеевич!
Вы, гений нашей страны,
Вы, буян и бунтарь,
Вы, ловелас и скептик, –
Если вы так по-ребячески
Верили в непостижимое,
То что же делать мне,
Обычному человеку,
Который, как и все, жаждет – жить,
Но который не знает, что такое – жизнь,
И, самое главное,
Что же такое там – над жизнью?

(Н. Светлов «О непостижимом»).

Обращение к гению «золотого века» написано белым стихом. Метрические ассоциации направляют читательское сознание к стихотворным «обращениям» Блока («Когда Вы стоите на моём пути…» и раннего Маяковского («Послушайте!»). В жанрах-прототипах Блок утверждал себя как «сочинитель», которому доступны тайны бытия, а Маяковский – как неофит, только ещё причащающийся к этим тайнам, постигающий загадочное «если звезды зажигают…».

Чем ближе к мироощущению был писатель-классик, тем более поэтам хотелось высказаться от имени кумира. Тот же Н. Щёголев, едва повзрослев, уже писал о своей недавней детской любви к Лермонтову: «Стихотворение "Сидел рыбак веселый на берегу реки" – первое стихотворение, подействовавшее на меня особою музыкой. *Позднее*, в третьем, четвёртом классе среднеучебного заведения выбили во мне огромный незаживающий след те стихотворения, что обычно производят впечатление на гимназистов этого возраста. Разумеется, это было "И скучно, и грустно, и некому руку подать", которое я и теперь считаю лучшим стихотворением Л<ермонтова>, хотя мода на него проходит, и особенно "Выхожу один я на дорогу". Из поэм выделились "Мцыри" и "Песня про купца Калашникова"»[3]. Возможно, что точно так был потрясён в юности Достоевским Н. Петерец – натура сложная, противоречивая.

Так появились ролевые стихотворения-монологи, написанные «от лица» писателя или поэта «золотого века», воссоздающие его характер, метапоэтические

[1] РПК. С. 482.
[2] Там же. С. 119.
[3] Щёголев Н. Мысли по поводу Лермонтова // Чураевка. 1933. № 8 (2), 7 февр. С. 4–5.

размышления, а также выражающие отношение к сегодняшнему дню и сегодняшней литературе («Лермонтов» Н. Щёголева, «Достоевский» Н. Петереца[1] и др.):

В этом мире мне счастья нету,
Всё лишь сказка, перечень снов
Одинокой, чёрной планеты
У преддверья многих миров.
И от этой холодной сказки,
От ненужных женских ласк, –
В неудобной тряской коляске
Отправляюсь я на Кавказ,
И гуляю там, нелюдимый,
Поджидая скорую смерть…
Пятигорск… Золотые дымы.
Взгляд последний, кинутый в твердь

(Н. Щёголев «Лермонтов»[2]).

Поэты, склонные к метапоэтическим раздумьям, обращались к текстам писателей-классиков, чтобы вложить в уста мэтров декларации идей, актуальных для сегодняшнего дня («Война и Мир»[3] Н. Щёголева, «Толстый том. Тисненье – Гоголь…», «Третий том Александра Блока…»[4] Н. Петереца):

Третий том Александра Блока
И подчёркнутый памятный стих,
То не голос ли издалека
Тихой жалобой слуха достиг?

На смерть Маяковского Н. Щёголев откликнулся обращением, с которым выступил на заседании «Чураевки»:

Маяковский, неправда, не ты
Нам бормочешь из темноты:
– Я не первый и я не последний[5].

«Стихотворение-перечень» из знаковых образов писателей, составляющих основу русской классики, в стихах молодых поэтов становилось репликой «всей России» («Россия» Н. Петереца[6], «За рубежом» Н. Светлова, «Гонг» Н. Щёголева[7]). Николай Светлов, к примеру, проецировал знаковые фигуры петербургского литературного мифа на своё харбинское бытие:

---

[1] Петерец Н. Избранные стихотворения // Россияне в Азии. 1999. № 6. С. 3–28. Необходимо подчеркнуть, что хотя участники шанхайской «Пятницы» практически все писали стихотворение на заданную тему «Достоевский», подобную жанровую форму выбрал один Петерец.

[2] Чураевка. 1934. № 5.

[3] Чураевка. 1934. № 2.

[4] Петерец Н. Избранные стихотворения. Указ. изд. С. 10, 5.

[5] Крузенштерн-Петерец Ю.В. Воспоминания // Россияне в Азии. 2000. № 7. С. 138.

[6] Петерец Н. Избранные стихотворения. Указ. изд. С. 23.

[7] РПК. С. 579–580.

Сердцу холодно. И, согреваясь,
Сердце сказку теплую творит:
Предо мною улица кривая
Принимает петербургский вид.

И в тумане улицы – виденья:
Пушкин, Достоевский, Гоголь, Блок,
Чьи неумирающие тени –
Всей былой России эпилог.
Хочется упасть лицом в сугробы
Сонного проспекта и уснуть,
Чтоб забыть, смиряя в сердце злобу,
Ту страну, куда заказан путь

(Н. Светлов «За рубежом»)[1].

В беженском море, разлившемся и образовавшем новые островки русской культуры в самых разных уголках земного шара, культура дальневосточной эмиграции выделялась не только географически. Обращение к русскости и русской истории как духовному прибежищу и залогу единения было всемерно усилено в харбинской культуре китайским окружением. Несмотря на иллюзию «дореволюционной России», «руссейший облик Харбина′», беженцы осознавали, что они – в Китае, на чужбине. В стране, столь же богатой традициями, сколь и нищей на тот период времени, раздираемой социальными противоречиями. Харбин ведь и топографически делился на русские и китайские районы. В этом можно было убедиться, едва перешагнув воображаемую границу Пристани и Фудзядяня. В сознании русских эмигрантов этот Китай, далёкий от картинки «с банки чайной», формировал противоречивые этнокультурные установки – от высокомерно-шовинистических до глубоко заинтересованных и творчески продуктивных. Китай помог русским беженцам выжить и – подарил своеобразный облик восточной ветви русского зарубежья. Сначала он помог удалиться от тягот реальной жизни и погрузиться в тайны чужой истории и чужой традиции. Затем стал источником новых тем и сюжетов.

Последние, как правило, определили художественное сознание русских харбинцев и дали возможность прозвучать особой – харбинской ноте – в лирике русского зарубежья[2].

---

[1] Рубеж. 1931. № 3.

[2] На наш взгляд, наиболее фундированной работой, посвящённой лирике дальневосточного зарубежья, является работа Ли Иннань «Образ Китая в русской поэзии Харбина» (Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвящённых 60-летию проф. В.В. Агеносова. М., 2002. С. 271–285). С точки зрения филолога, живущего на границе двух культур и двух языков, Ли Иннань анализирует те образы и мотивы китайской литературы, что были востребованы русскими поэтами и творчески адаптированы для русской литературы.

2.2. «Живая муза с узкими глазами»: Китай и китайцы в харбинской лирике

Китайским языком русские в Харбине, как правило, не владели. «Не мы учили кит<айский> язык, а китайцы – «пусть *ходи*[1] приспосабливаются, по-нашему маракуют»[2], – читаем в неопубликованной рукописи черновика автобиографического романа Н. Щёголева «Перекрёсток», посвящённого русскому Харбину. В анонимной реплике персонажа (или повествователя) озвучено расхожее для простых жителей Харбина представление о языковой самоидентификации русских беженцев. Да, дети эмигрантов учили и в совершенстве овладевали французским, английским языками, а китайский выучили совсем немногие.

Тому есть простое объяснение. В те годы в Харбине сложился специфический социокультурный состав китайского и маньчжурского населения – в основном, состоящий из обслуживающего персонала и торговцев, которые, в силу этнической предприимчивости, действительно, быстро осваивали чужой язык и чужие бытовые привычки – конечно, на уровне «пиджина» (твоя-моя, мало-мало), весьма редко овладевая литературным языком[3]. Художественной и литературной китайской элиты, ориентированной на культурные диалогические отношения с русскими, в это время в Маньчжурии ещё не сложилось.

Хотя населяющие Маньчжурию китайцы в большинстве не владели книжной культурой – её духовные основания издревле наполняли их обыденное сознание, определяли жизненную философию и бытовое поведение. Правда, историк харбинской культуры Е. Таскина с этим не согласна: «надо всегда помнить, что говорить о влиянии китайской культуры, – литературы в частности, – на русскую зарубежную литературу следует

Китайские работники в Харбине. 20-е гг.

[1] Ходи (ходя – ед.ч.) – просторечное именование китайцев на русском Дальнем Востоке.

[2] Щёголев Н.А. Тетрадь №1. Рукопись черновика романа «Перекресток» (1957–1962) Л. 3. // Личный архив А.А. Забияко.

[3] Об этом, например: Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

Продавцы сладостей в Харбине. 20-е гг.

с большой осторожностью (В. Перелешин – исключение, и то в плане тематическом). Материальная культура – одно, духовная культура – другое (ещё раз повторяю этот тезис)»[1].

Культура – многослойное явление, предполагающее сложные пути и механизмы взаимодействия элитарного и народного, материального и духовного уровней. Но наши беженцы попали в Харбин не из дворцов и не во дворцы, а зачастую жили и питались бок о бок с китайцами и маньчжурами, охотились с ними, работали в мастерских, ресторанах и типографиях. Китайские, маньчжурские, русские дети играли вместе во дворах. Праздники тоже были общими: Пасха и Чуньцзе, день Полнолуния и Рождество[2]. А когда в семье не было денег, китайские лавочники давали русским продукты в долг – до лучших дней. Для многих эти дни наступали очень не скоро…

Кроме того, – об этом мало пишут русские исследователи, – китайское население Харбина благодаря присущей китайской переимчивости весьма быстро «цивилизовывалось», усваивая европейские стиль и стандарт жизни в его «русском изводе». Многие родители хотели выучить детей русскому и английскому языкам, и нигде, кроме как в Харбине, потом не говорили так чисто китайцы по-русски. Наряду с русской частью города появился и быстро стал расти китайский посёлок Фудзядянь, ставший потом частью Харбина и до сей поры представляющий загадку происхождения своей «барочной» архитектуры. «Злачный» характер многих заведений Фудзядяня не мешал тому, что там работали китайские театры и кинематограф, развивалась индустрия китайской моды. И, как показывают архивные разыскания последних лет, повседневные контакты русской интеллигенции с китайским населением и русский культуроцентризм, заставляющий проявлять известную «всемирную отзывчивость» по отношению к мощной инокультурной традиции, в своём сочетании не могли не способствовать общей маргинализации русской культуры в Китае, и, в частности, возникновению особых – «восточных» – черт в культуре русского Харбина[3].

[1] Таскина Е.П. Письмо А.А. Забияко от 6 мая 2004 г. // Личный архив А.А. Забияко.

[2] Иванов Вс.Н. Китайский Новый год // Гун Бао, 22. 01.1928.

[3] Подробно об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

Несмотря на языковой барьер, различный образовательный уровень русских эмигрантов и китайцев, проживающих в зоне КВЖД, бурные политические события, – именно в начале 20-х годов начинает создаваться особое лицо «региональной литературы», о которой впоследствии скажет Н. Голенищев-Кутузов.

Семья Янковских. Сидеми, Новина. Корея. 30-е гг.

Первооткрывателями в процессе лирического освоения чужого как своего явилось старшее поколение писателей и поэтов, и здесь немаловажное значение играл их предшествующий этнокультурный опыт. Среди тех, кто стоял у истоков харбинской литературы, было много выходцев из южных районов Сибири, Забайкалья, Приамурья, Приморья – тех земель, что были исторически близки к Китаю (например, А. Ачаир, М. Колосова, В. Март, Б. Бета, семьи В. Перелешина, Л. Андерсен, В. Янковской). Вместе с особым «чувством ландшафта» дальневосточные изгнанники принесли с собой в эмиграцию и опыт межкультурной интеграции, характерный для народов, населяющих эти территории Российской империи. На сибирских и дальневосточных просторах в течение столетий скрещивались пути самых разных народов, обычаев, языков и религий, и именно это определило особую духовно-эмоциональную направленность сознания бывших русских «зауральцев», как их именовали в столичных кругах, и членов их семей к тому, что определяется нами как «фронтирная ментальность» (В. Март, А. Ачаир, Б. Бета, В. Перелешин и многие другие). Это относится и к писательскому «клану» семьи Янковских, дети которого проживали сначала в Японии, затем в Корее, а под конец в Маньчжурии. Они выросли бок о бок с китайскими, корейскими и маньчжурскими охотниками, овладели искусством промысловиков, впитали в себя мифологию китайцев и корейцев, овладели языками.

С конца 20-х гг. харбинские сочинители проявляют повышенный интерес не только к региональным особенностям окружающей их Маньчжурии, но и в целом к наследию древнейших культур Востока (Китая, Кореи, Японии), а также к богатейшей литературной традиции этих стран. К тому времени Приморье и Маньчжурия представляли ещё единое геополитическое пространство, владивостокцы свободно вояжировали в Харбин, харбинцы – в другую сторону; литераторы могли сообщаться друг с другом – в частности, в те годы в Хар-

бине побывали и Н. Асеев, и В. Арсеньев и др. Пять лет прожил в Харбине В. Март. Шкуркин дружил с Арсеньевым, Арсеньев переписывался с Байковым. Во Владивостоке с Арсеньевым успели пообщаться Щербаков и Несмелов. Постепенно реалии дальневосточного фронтира, неотделимые от мифологических представлений местного населения, захватили практически всех наиболее крупных художников слова, различающихся по возрастным, эстетическим и географическим и социокультурным ориентирам.

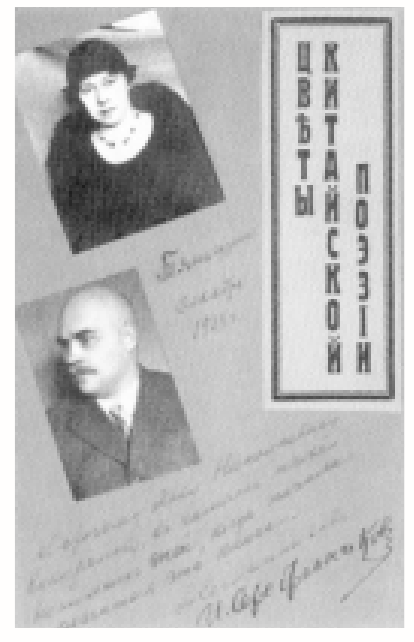
Наиболее проявленным считается интерес русских харбинцев к Китаю в лирике. Но обычно разговор об этом ограничивается указанием двух направлений: «Во-первых, осуществлен перевод на русский язык большого числа поэтических произведений разных периодов китайской литературы. Во-вторых, в оригинальных стихах многих поэтов присутствует местный колорит, образность, реалии» (В. Крейд)[1]. На наш взгляд, лирика русского Китая в своём «прокитайском» корпусе – явление более сложное, многогранное. В ней действительно запечатлелся фронтирный дух литературы дальневосточного зарубежья, особенные ментальные установки «русских китайцев». Среди поэтов, испытавших мощное влияние духовного воздействия Китая, Инна Ли, помимо В. Перелешина, называет А. Ачаира, Л. Хаиндрову, Б. Волкова, Ю. Крузенштерн-Петерец, М. Волина и др., восклицая: «Вообще удивительно это проникновение в глубины китайского духа!»[2].

Серебренникова
Александра Николаевна

Начали русские поэты с переводов. Попыток их осуществить было не так много, и, так как китайский язык был для многих недоступен, делали **«двойные» переводы** (через английские переводы китайской лирики). И здесь нельзя обойти вниманием супругов Серебренниковых, которые активно занимались переводами китайских поэтов – преимущественно с английских изданий. В 1938 г. у них вышел сборник «Цветы китайской поэзии» тиражом в сто экземпляров, выполненный в китайском стиле[3]. Обложка книги была переплетена шёлком с костяными застёжками. Издание имело большой успех у публики. Отзыв на него подготовил А. Несмелов, который отметил высокое достоинство стихотворного перевода: «Стих везде выразителен, упруг и ритмически

[1] Крейд В. Все звезды повидав чужие… РПК. С. 23.
[2] Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 278.
[3] Серебренникова А.Н., Серебренников И.И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзин, 1938.

оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания откровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу»[1].



Сборник «Цветы китайской поэзии». Тяньцзин, 1938

Помимо супругов Серебренниковых, к переводам обращались и другие авторы. Например, «Песня весны во *дворце*» владевшего английским А. Ачаира (1929):

День вчерашний гас под ветром; ветер с вечером в родстве.
На колодезь пухом бледным падал персиковый цвет.
Круг луны качался в небе в чарах грёз и небылиц,
И роса слетала в блеске на изгибы черепиц[2].

Стихотворение, опубликованное в «Рубеже», имело подзаголовок: «Из китайской лирики. Ван Чанглин (Династии Тангов)». В нём явно ощущаются приёмы, в целом характерные для поэзии рубежа веков (звуковые цепочки – *ветер с вечером в родстве, и роса слетала в блеске, качался в чарах* и т.д.; специфическая лексика – *грезы, небылицы, блеск*). Благодаря витиеватой звукописи китайские реалии (*персиковый цвет, изгибы черепиц, звуки лютни, флейты, барабан, шелест шёлка, бамбуковые ставни*) приобретали почти осязаемую материальность. Суггестивность подобного звукосемантического сплава тонко передавала дремотность ощущений и созерцательный характер восточного сознания, с «точки зрения» которого и создавался этот текст.

Были у харбинцев и **прямые переводы с китайского**. Наиболее удачными считаются опыты Я. Аракина, Н. Светлова, В. Перелешина. Николай Светлов был одним из немногих, кто выучил китайский язык и пробовал себя в качестве переводчика классической китайской лирики:

Рыболов

Поэта Ли-Бай

И шляпа и рыбачий плащ. И челн.
И удилища согнутая сажень.

---

[1] Несмелов А. Отзыв // Харбинская заря. 1939. 19 января.

[2] Рубеж. 1929. №. 17. С. 9. Слово «во дворце» выделено курсивом не случайно – в других публикациях (РПК; Русские поэты о Китае // Россияне в Азии. 1995. № 2) напечатано «во дворе», что существенно меняет смысл стихотворения.

И тень горы. И плеск игривых волн.
И лунный блеск осеннего пейзажа.

Вдохновение

Поэта Цин Жун

В руке стакан пьянящего вина.
Мой стол устлал стихотворений ворох.
Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров[1].

Мастером переводческого искусства китайской лирики считается Валерий Перелешин; он даже издал антологию китайской поэзии «Стихи на веере»[2]. Его переводы относятся уже к более позднему времени – концу 30-х гг.:

О, прогоните иволгу скорей,
Чтоб не кричала посреди ветвей:
Крича, она распугивает сны
О небесах моей родной страны.

(Ли Бай)[3].

ПРИГЛАШЕНИЕ

Прошу, хотя я с вами незнаком,
Зайти и обогреться у огня.
В харчевне пусть нас угостят вином, –
В мешке довольно денег у меня!

(Хо Чжи-чжа)[4].

По мнению В.С. Макарова, «его [В. Перелешина] переводы навсегда останутся единственными в своём роде, ибо такое редкое сочетание талантов, как китаевед и поэт, встречается крайне редко»[5]. Следует отметить, что и сам Валерий Перелешин хорошо осознавал значимость своих переводов, а также считал себя первым переводчиком с китайского языка в русской литературе. Об этом он пишет в письме Алле Кторовой: «Скромностью я не отличаюсь. Хорошо понимаю, что я первый в русской литературе переводчик с китайского…»[6]

Правда, суждение о том, что он был «лучшим переводчиком китайской поэзии», китайская исследовательница Ли Мэн считает «*легендой, придуманной им САМИМ*»[7], а И. Ли находит в его переводах множество неточностей и

[1] Рубеж. 1931. № 28.

[2] Перелешин В. Стихи на веере: Антология классической китайской поэзии. Франкфурт-на-Майне, 1970.

[3] Цит. по: Рубеж. 1939. № 6. С. 20.

[4] Цит. по: Рубеж. 1941. № 4. С. 1.

[5] Макаров В. Русские дальневосточные синологи // Ковалевский П.Е. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971. С. 92.

[6] Перелешин В. Три письма Валерия Перелешина / Публ. Аллы Кторовой // Новый журнал. 1999. № 216. С. 108.

[7] Письмо Ли Мэн В.В. Агеносову от 17 марта 2005 г. // Личный архив В.В. Агеносова.

несоответствий[1].

Перелешин
Валерий Францевич

Российские синологи-переводчики менее строги, подчеркивая, что Перелешин «имел собственный взгляд на китайскую поэзию и в переводах старался передать не только содержание произведений, но и ритмический рисунок, о чём он пишет в предисловии к сборнику “Стихи на веере”: “…китайский язык – односложный, и ударение приходится делать на каждом слоге. В русской поэзии делались аналогичные опыты, но искусственность их очевидна. Вот, например, из Марины Цветаевой: «Конь рыж, меч ржав; / Кто сей? – Вождь толп»»[2].

Обращался В. Перелешин и к **лингвокультурным имитациям** национальной поэзии («Подражание китайскому»):

твой мир прям
хлеб да рты
я не там
я не ты

но и здесь
ложь да спесь
быль же вся
ты не я[3]

Подобные «формальные изыски» Инна Ли совершенно справедливо оценивает невысоко, считая, что более плодотворным является «**переосмысление китайских образов и аллегорий**»[4]. Например, стилизации китайской и восточной лирики (А. Ачаир «Ханьчжоу», Л. Андерсен «Нарцисс», «Узенькая дорожка / Бежит по груди откоса…», Вс. Иванов «Японские стихи» и т.д.).

Та же Ли Иннань пишет об Ачаире: «С огромной эмоциональной силой передано растворение в нирване у А. Ачаира, когда в окружении священных буддистских храмов и сказочного пейзажа Ханьчжоу поэт ощущает:

---

[1] Подробно о мастерстве Перелешина-переводчика: Эфендиева Г.В., Пышняк О.Е. Валерий Перелешин как переводчик китайской классической поэзии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт этнокультурного взаимодействия. Вып. 10. Благовещенск, 2013. С. 256–266; Эфендиева Г.В., Пышняк О.Е. Валерий Перелешин и его опыт стихотворного перевода древнекитайского трактата ”Дао Дэ Цзин“» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 136–140.

[2] Перелешин В. От переводчика // Стихи на веере: Антология классической китайской поэзии. Франкфурт-на-Майне, 1970. С. III.

[3] Там же. С. 409-410.

[4] Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 280.

И был только он – только отдых. И сон, и полёт в беспредельность,
и скрипки, и лютни, и цитры, и радостный крик окарины,
и дрожь трепетавшего гонга, и млечность, и вечность, и цельность,
и – облачный ладан, и звезды, и путь в поднебесье орлиный.

(«Ханьчжоу»)[1].

Экспериментировали харбинцы и с «**псевдо-стилизациями**», построенными на китаизированном «воляпюке» (имитация китайского языка и реалий, им обозначаемых). Например, «Лайфу» Кшижанны Зороастры (Изида Орлова):

Монотонно плачет струнный тачинкин
В чайном домике, стоящем на углу:
И в фаянсовых посудах чай лянсин
Носит грустный узкоглазый бой Лайфу.

(«Лайфу», 1929)[2].

В китайском языке нет слов «тачинкин», «канфа», нет чая сорта «лянсин», нет и инструмента под названием «артабаз» (в словообразовательной модели которого больше тюркских, нежели сино-тибетских корней). И всё же, несмотря на иронические оценки этих опытов (В. Перелешин), подобное «языковое моделирование» в своей интенции плодотворно, и неоднозначно оценивается современными учёными-филологами[3]. На наш взгляд, «фантастические» реалии в лирике Изиды Орловой могут стоять в одном ряду с «аонидами», придуманными О. Мандельштамом в духе античной романтики (И. Одоевцева).

Лирика – это, в первую очередь, эмоция и отношение, то, что наиболее точно фиксирует авторскую установку. Поэтическое **«вживание» в глубины национального сознания** китайцев стало следующим этапом на пути художественного проникновения в этнокультурные традиции этой восточной страны. Не случайно современное читательское восприятие, свободное от культурно-исторических стереотипов, интуитивно улавливает необычное свойство всех стихотворений русских поэтов Харбина: «они становятся созерцательными. Вероятно, и время в Китае течёт не так, как в России. Даже самые экзальтированные строки звучат немного подсурдиненно»[4].

Лирический Арсений Несмелов в этом смысле – прекрасный образец поэтического **наблюдения за жизнью китайцев со стороны**. Попав в Харбин в самом начале 20-х гг., он только к началу следующего десятилетия обращается к «китайским картинкам» в лирике. Но и в этих опытах Китай и Маньчжурия для Несмелова – образы по большей части отстранённо-литературные, иногда с налётом футуристической вычуры:

---

[1] Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд. С. 277.

[2] Зороастра Кшижанна. Чёрные иммортели. Харбин, 1929.

[3] Ярославцев С. Искусственные и естественные языки // Режим доступа: http: // www.lingvisto.org/artkoloj/lingvoj.html.

[4] Александров В. Срок годности // Независимая газета. 2001. 11 октября.

Узкие окна. Фонарики.
Продолговатый лимон,
Выжженный в мреющем паре – как
Вызолоченное клеймо.

Думаешь: тщательно вырисуй
Загнутых кровель углы.
Звёзд лиловатые ирисы,
Синее марево мглы.

Небо… Не медными грудами
Над перевалом веков –
Храм с девятнадцатью Буддами
Медленных облаков.

(«В Китае»)[1].

Можно, конечно, говорить о своеобразном мифологизировании поэтом своего вынужденного китайского бытия путём экстраполяции античного сюжета-архетипа на беженский сюжет:

Была похожа на тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец грёб,
И весла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвёздная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.

(«Прикосновения», сб. «Без России», 1931)[2].

Перевозчик-китаец уподобляется мифическому персонажу, переправляющему душу умершего на тот свет. Во многом этот мотив связан с мотивом перехода границы, своеобразным метемпсихозом лирического героя: умиранием офицера-великоросса, возрождением его в качестве бездомного эмигранта.

Как подчёркивает Ли Иннань, китайская культура, в которой покой является одной из глобальных ценностей, стала желанным спасением от эмигрантской усталости и тоски. Обращение к ней не требовало от русских обязательного кропотливого труда книжников: дыхание этой культуры было растворено не только в самой атмосфере древних дворцов и пагод, но и в ароматах маленьких лавчонок, скромных святилищ[3].

Лирические зарисовки китайского быта, в который погружается лирический субъект эмигрантской лирики – прекрасная иллюстрация постепенного душевного вживания русских в этот мир:

---

[1] Азия. 1932. № 2. Апрель. Т. 1. С. 239.
[2] Несмелов А. Собр. соч. Указ. изд. Т. 1. С. 105.
[3] Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина. Указ. изд.

Сижу с китайцами в харчевнях,
Ведя бесед несложных ряд,
И странной радостью напоён
Мой каждый в быт Китая взгляд!
(М. Спургот. «Сижу с китайцами в харчевнях…», 1931)[1].

Русский поэт приобщается к **созерцанию** этой жизни. В стихотворениях А. Ачаира, написанных в промежуток 1925–1937 гг. («Сунгари», «Как и прежде» и др.), географические координаты и бытовые подробности Китая в сознании русского эмигранта такими же близкими и дорогими, как и самим китайцам:

Над молочной рекою – шафранный закат,
Лижут воду огней языки,
У камней берегов, беспокоясь, лежат
Огневые на поле круги…
Раскатай, раскатай голубую лазурь,
Как лепёшку в маньчжурской муке!
Загружённые стаи лениво ползут
По молочной и жирной реке…
(«Сунгари», 1929)[2].

… Но я, как и прежде,
Скитаюсь по Азии древней.
Цветные одежды.
Кумирни. Пустыни. Дворцы.
Живу, наблюдая.
А жизнь настоящая дремлет.
А в марте, подтаяв,
Вниз падают с крыш леденцы.
(«Как и прежде», 1933)[3].

Даже Александра Паркау, столь трудно осознающая себя в чужом пространстве и чужом мире, в умиротворённой повествовательной манере рисует нам «Лунный Новый год»:

Солнце село над кольцом строений,
Зимний вечер благостен и мирен.
Тонкий дым сжигаемых курений
В окнах фанз и у камней кумирен.
<…>
Не страшат ни свисты, ни раскаты,
Ни ракет оранжевые мушки,

---

[1] Спургот М. Сижу с китайцами в харчевнях… // Спургот М. Желтая дама. Шанхай, 1931.
[2] РПК. С. 76.
[3] РПК. С. 80.

И гремят с заката до заката
Частой дробью шумные хлопушки[1].

Следующим этапом становится **скрещение экзотических реалий и семантических ореолов знаковых метров русского стиха** («Маньчжурские ямбы» Б. Бета, «Беженец» Л. Ещин, «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир, лирика Н. Светлова).

Так, совсем в иных, чем у А. Паркау, красках и ритмах изображён праздник Нового года по китайскому календарю в стихотворении Н. Светлова:

Ночь морозная, крутая…
Завтра – Новый год Китая!
Трррам-там-там!.. Тарам-там-там! –
Раздаётся здесь и там.
Это лихо в барабаны
От вина и шума пьяный
Бьёт китайский весь народ,
Провожая старый год.

(«Новый год Китая»)[2].

Как вспоминают харбинцы, этот праздник особенно привлекал русских своей красочностью, шумом, обильным столом[3]. Написанное «весёлым» – частушечным Х4, стихотворение не просто воссоздаёт радостную атмосферу, царящую среди китайцев в их самый главный народный праздник, но выражает и праздничное сопереживание *русского* лирического субъекта, а вместе с ним – *русского* читателя.

Весной 1930 г. Н. Светлов становится первым призёром конкурса, устроенного «Молодой Чураевкой» среди поэтов Северной Маньчжурии за стихотворения на тему «Восток». По этому поводу А. Ачаир писал: «Восток в молодом творчестве этого поэта проявляют не только переводы образцов китайской поэзии, но "полынь" и "погони", и "деревянный таз луны", и "конюшни", и "садики" русской восточной провинции, над городами которой сверкают купола православных храмов и мечетей. И "охра щёк" (смуглых, как у тунгуса) и протяжное "Сто-о-ой…" и китайское "канка-пуе" и русское "цаца" – от всего этого несётся аромат девственных степей и нетронутых диких цветов Хинганских или Саянских высот, и ещё лучше сказать: чрез всё это так и глядит – переимчивость и озорство русского деревенского парнишки. Но вместе с тем, композиция стиха, ритм и рифмы, – и неожиданное: "all right!" – с гиканьем и присвистом веселого, добродушного американского матроса»[4].

Как видно, руководитель «Чураевки» не столько подчёркивал значимость переводческой деятельности Светлова, сколько тонко подмечал продуктив-

---

[1] Рубеж, 1931. № 11.
[2] РПК. С. 469.
[3] Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. С. 42.
[4] Ачаир А. Семеро [вступ. ст.] // Семеро. Харбин, 1931. С. 8.

ность художественного синтезирования в практике молодого поэта разных этнокультурных поэтологических систем, рождающих на «местном материале» особый эффект.

Пример жанрового синтезирования двух литературных традиций – в «Маньчжурских ямбах» Б. Бета (1935):

Не раз задумывался я
Уйти в глубокие края,
И в фанзе поселиться там,
Где часты переплёты рам;
Бумага в них, а не стекло,
И кана под окном тепло.
На скользкую циновку сесть,
Свинину палочками есть,
И чаем горьким запивать;
Потом курить и рисовать…[1]

«Маньчжурские ямбы» демонстрируют эффектное наращивание семантического ореола четырёхстопного ямба с мужскими рифмами, устойчиво связанного с романтическими поэмами Лермонтова («Мцыри»). Перенос романтической устремлённости «уйти в глубокие края» на конкретную «маньчжурскую почву», подробное и соблазнительное умножение деталей, сопровождающих повседневную жизнь китайца, создают образ лирического героя дальневосточного фронтира.

В стихотворении «В фруктовой лавчонке» А. Ачаир использует приём статического нагнетания «восточности», имитирующий принцип даосской созерцательности. Это становится возможным благодаря «скрещению» метрических ассоциаций ореола двустопного амфибрахия в катренах особого типа рифмовки (аввC dbbC) с перечислением онтологических ценностей восточного сознания. Ритмический рисунок хорошо увязан с деталями местного пейзажа, этнопсихологическими характеристиками китайцев и метонимическими обозначениями самоцветных камней, традиционно используемых в китайском храмостроительстве:

Рыбацкая воля,
купцовая леность,
буддийская вечность
и желтый закат.
И нежные зори.
Кристальность. Нетленность.
Нирвана. Беспечность.
Нефрит и агат.

(«В фруктовой лавчонке», 1938)[2].

---

[1] РПК. С. 97.
[2] РПК. С. 82–83.

Л. Хаиндрова, хоть и не овладела китайским языком, но отчим домом считала Китай – взрастившую её землю; с Китаем она ощущала духовное родство[1]. В одном из своих стихотворений она обращается к китайскому земледельцу с наказом беречь дедовские и прадедовские могилы: «Осторожней проходи по пашням: / Мирно спят здесь прадеды твои, / Охраняя твой посев вчерашний / Всем долготерпением любви»[2].

Хаиндрова Лидия Юлиановна

Как и многие собратья по перу, Арсений Несмелов также пытался примерить на себя китайскую реальность, вплавляя экзотические мотивы в семантику русских стихотворных размеров:

Китаец, до пояса голый,
Из бронзы загара литой,
Не дружит с усмешкой весёлой,
Не любит беседы пустой.

Уронит гортанное слово
И вновь молчалив и согбен –
Работы, заботы суровой
Влекущий, магический плен.

(«Гряда»)[3].

Ритм стихотворения отсылает семантическую память воспитанного на отечественной лирике читателя к некрасовскому образу русских женщин, их горькой доле и одновременному восхищению их долготерпением. Думается, что такое синтезирование инокультурных реалий и русского версификационного «народничества» (трехстопный амфибрахий) имеют общий корень, имя которому – *тоска*, «*скука*». Именно с этим чувством, по-видимому, связаны для поэта и «литературные» воспоминания о своей родине, и недоумение от того, как можно жить только этой непреодолимой рутиной тяжкого труда китайца: «Щетина зеленого лука / На серой иссохшей гряде. / Степные просторы да скука, / Да пыльная скука везде…» («Гряда»).

Вдохновение харбинским поэтам дарили и **сюжеты классических китайских текстов** («Дракон, пожирающий солнце» Б. Волкова – поэма Ли Ци, «Ян Гуэй-фэй» Ю. Крузенштерн-Петерец – поэма Бо Цзюи «Песня вечной тоски» и т.д.).

---

[1] РПК. С. 275.

[2] Хаиндрова Л. Китайская пашня // РПК. С. 545.

[3] Феникс. 1935. № 14 / Цит. по: Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1. С. 249.

Русские писатели-харбинцы

***

Таким образом, традиции древнейшей поэзии Китая проявились как в тематике, тональности и образности «русских» стихотворений, так и в самой их форме. Китайский исследователь Ли Янлен замечает, что поэзия Харбина испытала влияние философичности и лаконизма китайской поэзии, размывающей грань между настроением и пейзажем и предлагающей краткий философский вывод в заключительных строчках стиха[1].

Красноречивой иллюстрацией многообразных способов поэтического обращения к китайской традиции является подборка стихотворений харбинцев, опубликованная в 1930 году в «Рубеже» (№ 32) под рубрикой «Миниатюры в рифмах». Её авторами стали Николай Светлов, Александра Паркау, Ларисса Андерсен, неизвестный И. Авив, Николай Щёголев, Алексей Ачаир и некий Тин. Номинация жанра, апробированная в «Рубеже» – «миниатюры в рифмах» – была сама по себе уже любопытна. В ней актуализировался не столько лиризм задания, сколько его сентенциозность. Это качество демонстрировала начинавшая рубрику миниатюра «Ромео и Юлия», подписанная именем «Тин». С него начинаются восточные ассоциации, окружающие миниатюры «Рубежа» (хотя само содержание стихотворения обращает нас как раз-таки к европейской литературе):

Ромео и Юлия

«Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о Ромео и Джульетте»…
Нет жизни беспощадней и больней,
Чем подражанье горестное ей[2].

Сама композиция миниатюры (четырёхстопный ямб с параллельными мужскими рифмами) при внимательном прочтении определяет её скрытый смысл. «Ромео и Юлия» представляет сдвоенное двустишие. В его художе-

[1] Ли Янлен. Доклад о русской литературе Харбина на научной конференции Китайской ассоциации исследователей русской литературы. Ноябрь, 1999.

[2] Рубеж. 1931. № 32.

ственном целом тезис первой части не развивается во второй, а состоит с ней в отношениях художественного параллелизма (нет *повести* печальнее, чем *повесть* о «Ромео и Джульетте»; нет *жизни* беспощадней и больней, чем *подражанье* (ей – *жизни*). Опираясь на расхожий афоризм Шекспира как на цитату, задавая тем самым некую европоцентристскую систему координат, Тин её же и опровергает во втором дистихе. Не менее известное со времён шекспировского «Глобуса» утверждение «Вся жизнь – театр» в перифрастическом толковании этого выразителя восточного сознания понимается как беспощадное и болезненное «подражанье жизни».

Далее следовал перевод Н. Светловым танского классика Ли Бо. Стихотворение А. Паркау («Свет и тень») занимало пограничное положение между русской медитативной лирикой и китайской пейзажной зарисовкой. В миниатюрах Л. Андерсен («Разное»), И. Авива («Уйди!»), Н. Щёголева («Опоздал») ориентализм тематики и образности нивелировался. Завершало рубрику стихотворение А. Ачаира «Опыт»:

Опыт

Теперь и каждой буквы слова
мне смысл и цель уже ясны.
Но – повторяемое снова…
не повторяет – новизны.

Эта миниатюра (как и стихотворение Тина) своей философичностью и афористичностью в большей степени, чем другие, соответствовало жанровой установке публикации. Перед взором читателя «Рубежа» вновь представало сдвоенное двустишие, которое теперь напрямую перекликалось с известным изречением Конфуция, начинающим его знаменитые «Суждения и беседы» («Лунь Юй») и вслед за ним повторяемым десятками поколений китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев (в трактовке Чжу Си): «Учиться и время от времени повторять – это значит повторять старое; повторяя старое, можешь постичь новое, поэтому и приходит радость?» – или «Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно?»[1].

Ачаировский перифраз Конфуция объединил представления о ценности человеческого опыта, имеющие разные, даже полярные, толкования в восточной и европейской парадигме ценностей. «Повторяемое снова / не повторяет новизны», – в пику Конфуцию восклицает alter ego Ачаира. В этом откровенно позитивистском высказывании слышится явная полемика с конфуцианским посылом в его любых переводческих истолкованиях.

Так в рубрике «Рубежа» возникла своеобразная концептуальная рокировка Востока и Запада: китаец Тин подверг сомнению шекспировский топос, русский поэт Ачаир опроверг конфуцианскую максиму. Повторений подобных

[1] Конфуций. Лунь Юй. М., 1996. С. 290–295.

конкурсов «миниатюр» в «Рубеже» больше не было, но, как видно, опыт малой формы получил дальнейшее развитие в творчестве Ачаира. Кто был тот европеизированный китаец, в 1930 г. знала, возможно, только редакция журнала. Лишь в 1938 г., после выхода в свет сборника А. Ачаира «Лаконизмы», содержащего 52 стихотворения сверхкраткой формы с посвящением Тину, авторство китаизированного анонима было установлено.

Как бы ни были противопоставлены друг другу этнокультурные установки старших и младших харбинцев, мужчин-поэтов и женщин-поэтесс, надо признать, что к середине 30-х гг. их направление обретает общее русло. «Ах, мы меняемся, не знаем сами», – признаётся в 1935 г. герой лирики Н. Щёголева («Живая муза»)[1]. «О, как во всём мы разны, / Но сблизила нас странно красота», – словно вторя поэту, спустя десятилетие напишет Е. Рачинская («Лотос»)[2]. Уже не существовало «Чураевки», одни поэты погибли (Г. Гранин и С. Сергин), другие уехали в Шанхай (Н. Щеголев, Н. Петерец, Л. Хаиндрова, В. Слободчиков и др.), а сам процесс сближения с культурой приютившего русских беженцев народа продолжался подспудно.

2.3. Китайская философия, регионализм и теософия: «Лаконизмы» Алексея Ачаира

Так. Бога нет. Но есть – закон и честь,
добро, любовь... и жизнь всего живого…
– Чудак какой! Бежишь трусливо слова:
«Добро..., любовь...» – так это Бог и есть.
(А. Ачаир. Атеизм[3])

Алексей Ачаир (Алексей Алексеевич Грызов) [1896–1960] – личность, созидательными и просветительскими инициативами которого в далёкой Маньчжурии была сполна удовлетворена потребность русских изгнанников в культурном герое[4]. Он не только основал «Чураевку», по эгидой ХСМЛ поддерживал детское, молодёжное и юношеское движение в Маньчжурии, работал как педагог-просветитель. Многонаправленность системы духовного воздействия на молодёжь, осуществляемого Ачаиром и его единомышленниками, не укладывалась в рамки совершенствования художественного мастерства, как

---

[1] РПК. С. 573.

[2] Там же. С. 435.

[3] Ачаир А. Лаконизмы. Харбин, 1937.

[4] Подробно о жизни и творчестве А.А. Ачаира см.: Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд.; Забияко А.А. «Лирическая романтика, к сожалению…»: А. Ачаир // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 174–217; Забияко А.А. Русский Харбин: мифогенное пространство и художественное мифотворчество // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина). Указ. изд. С. 18–39.

Ачаир Алексей Алексеевич

это было, например, в поэтических объединениях других эмигрантских центров. В её основе лежали не просто просветительские, но и миссионерские интенции Ачаира, сугубо оригинальная религиозная мотивация русского секретаря ХСМЛ. Уже в пору расцвета «Чураевки» Ачаир подчёркивал, что его объединение стремилось найти «путь к красоте, простоте и бесстрашию» через «возжигание факела духа во мгле повседневных забот»[1]. Он считал ХСМЛ движением, направленным против всего антихристианского, антирелигиозного, антиэтичного, движением, отстаивающим христианскую гражданственность и развитие человеческой личности на основах христианской этики и нравственности[2].

И это была не просто риторическая патетика. Ачаир своим обликом, творческим поведением, и, как оказывается, религиозной настроенностью словно пытался всемерно соответствовать великим предшественникам. Рождённый в сибирской казачьей станице, Алексей Ачаир не был воспитан в атмосфере «серебряного века». Алтайский край не подарил ему возможности взрасти среди модернистских изысков и религиозных исканий петербургской богемы. Однако его судьбу и деятельность во многом определила модернистская модель жизнестроения. Творчество писателей и поэтов рубежа веков интересовало его не просто как художественный опыт.

Сопряжение и взаимопроникновение «текстов жизни» и «текстов литературы» послужили для Ачаира образцом, в соответствии с которым он пытался выстроить собственную религиозную систему, опирающуюся на конкретику практических соображений деятельного сибиряка.

Алексей Ачаир вырос у подножия Тянь-Шаня. Скорее всего, он знал о том, что топонимика его родного края неотделима от теонимики народов Южной Сибири, тесно проживающих со славянским населением[3]. Топонимическая модель интегральной культуры легла, по всей видимости, и в основу его псевдонима «Ачаир». Причиной выбора полковником Грызовым своего второго имени стала не только любовь к родным местам, усугубленная ностальгией, а уж тем

[1] Ачаир А. Письмо в Музей Николая Рериха (январь 1932) // Архив Музея Николая Рериха. Нью-Йорк. Цит. по: Росов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь». «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. 2009. № 256. С. 240.

[2] Десять лет работы среди молодёжи. Юбилейная беседа с пом. старшего секретаря А.А. Грызовым // Заря. 1933. № 268. С. 3.

[3] Курилов В.Н. Топонимия как источник для истории духовной культуры народов Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 269–279.

более, не его звукосемантическая многозначность, а личное осознание своей культурной миссии в эмиграции. Находясь в так называемой «провинции» зарубежья, Ачаир не претендовал на универсализм философских обобщений. Но он – *русский* секретарь ХСМЛ[1], покровитель юношеского объединения «Костровых братьев», руководитель молодёжного литературного кружка «Чураевка», вероятно, соотносил прочность эмигрантского бытия в Маньчжурии с возможностью синтезирования восточного и западного типов сознания. Предпосылки такой межкультурной и межрелигиозной толерантности были действительно заложены в его сибирском детстве, где естественным образом переплетались быт, нравы казачьего населения и коренного населения Алтая (монголов, татар, казахов и др.). Мало того, семиреченские казаки, к которым и относился род Грызовых, начиная с 60-х гг. XIX в. тесно взаимодействовали с цинскими подданными (калмыками, даурами, маньчжурами и собственно китайцами), зачастую принимающих православие и даже становившихся казаками. И хотя их ассимиляция в русской среде протекала весьма сложно, но опыт межкультурного общения, безусловно, оказывал определённое влияние на формирование этнокультурных концептов[2].

Действенную опору своим регионально-религиозным поискам Ачаир нашёл в Г. Гребенщикове. В основе религиозных устремлений Гребенщикова, а впоследствии и Ачаира, лежали принципы сибирского регионализма, понятого как духовное объединение всех мыслящих сибиряков, движимых идеей свободной и процветающей Сибири. В историографии термин «сибирское областничество» теснейшим образом связан с понятием «сибирский регионализм». Идеи сибирского регионализма берут своё начало из того времени, когда по общероссийской политической программе сибирский регион целенаправленно заселялся переселенцами из других регионов. «Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшееся в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), славянское население обострённо ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине»[3].

Сибирские областники развили концепцию Сибири как особой области с присущими ей географическими, этнокультурными, политическими особен-

[1] Принцип организации ХСМЛ (YMCA) в разных странах состоял в том, что руководил региональным отделением американский секретарь (в Харбине – Г. Хейг), а его помощником был представитель национального объединения.

[2] Дацышен В.Г. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX века) // Диаспоры. 2001. № 2–3. С. 36–53.

[3] Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX в. // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей. Казань, 2004. С. 235. Подробно о понятиях «сибирская ментальность», «сибирский регионализм» см. ещё: Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума: В 2 т. Т. 2. Новосибирск, 1998.

ностями и специфическим региональным самосознанием[1]. Культурная направленность сибирского областничества выразилась в идеях просветительства и патриотизма, которые должны были способствовать выводу сибирского региона из культурной изоляции, преодолению его культурного провинциализма[2]. Известно, что Гребенщиков поддерживал программу, последователем которой он сам стал под влиянием известного исследователя Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанина[3], и выступил одним из организаторов Общества сибиряков в США[4]. В своём творчестве он поднимал вопросы сибирской старины и особенно пристальное внимание уделял проблеме угнетения «инородцев», уважению национальной самобытности и традиций коренного населения Сибири[5].

Гребенщиков
Георгий Дмитриевич

Г.Д. Гребенщикова можно назвать первопроходцем в деле распространения «сибирского влияния». В 1925 г. он организует строительство американской Чураевки. Это поселение мыслилось как *скит русской культурной мысли*, как начало «Практической Школы жизни», цель которой состояла в помощи человеку «проходить свой жизненный путь бережно, полезно и красиво»[6]. Выбирая место для будущего *скита*, Гребенщиков испытывал обострённую тоску по родине, ему очень хотелось найти место, которое напоминало бы Россию, Сибирь с её пейзажами, где на лоне природы можно было бы размышлять о «первой помощи человеку»: «Плохо это или хорошо, навязчиво или наивно, но больше и усерднее всего я хотел бы задуматься о радости для ближнего и для далекого брата – человека и, главное, о том, чтобы, помогая в укреплении духа самому себе, научиться подать первую посильную помощь человеку-брату, русскому, без различия сословий, религии и политики»[7].

Регионализм Гребенщикова органично сочетался с его увлечением идеями Рериха и теософии, что также нашло отклик в душе А. Ачаира[8]. Очевидно, что старшему поколению дальневосточных эмигрантов теософские

[1] Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 4.

[2] Там же. С. 6.

[3] Азаров Ю.А. Гребенщиков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. М., 2008. Вып. 4. С. 351.

[4] Азаров Ю.А. Гребенщиков. Указ. изд. С. 354.

[5] Там же. С. 351.

[6] Росов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. 2009. № 256. С. 249.

[7] Гребенщиков Г. Письма с Помперага // Перезвоны. 1926. № 22. С. 689.

[8] Об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Меж двух миров»: Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

идеи были близки и соприродны. В первую очередь, потому, что «дети восемнадцатого года» были ориентированы на культуру «серебряного века» и религиозные искания той поры. Многие из старших харбинцев ещё до революции познакомились с идеями Н.К. Рериха, а в начале 1920-х гг. восприняли его новые прожекты как откровение, столь ожидаемое в эпоху духовных метаний и общественного разброда[1]. Теософские настроения буквально были «растворены» в обыденном сознании русских харбинцев, даже если их носители не отдавали себе в этом отчёта[2]. В.А. Слободчиков в мемуарах рассказывает об одной из ячеек теософского общества в Харбине, секретарём которой была его мать. Теософы собирались на частной квартире семьи Слободчиковых, их было немного, человек пятнадцать. Общество «не имело официального статуса и регистрации, да, по-видимому, такая организация в те времена в регистрации и не нуждалась»[3]. Слободчиков запомнил, что изучение теории членами теософской ячейки носило серьёзный характер: «две книги Блаватской, «Тайная доктрина» и «Эзотерическое христианство» изучались и обсуждались в течение полутора лет». Эти книги тогда ещё не были переведены на русский язык, и все присутствующие читали их на английском языке, а затем обсуждали содержание на русском[4].

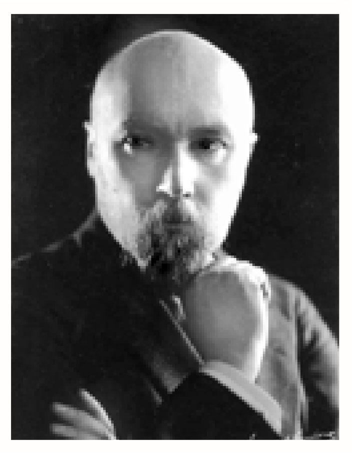
---

[1] Об этом: Росов В.А. Николай Рерих: Вестник Звенигорода. Экспедиции Н.К. Рериха по окраинам пустыни Гоби. Книга I: Великий План. СПб.; М., 2002; Шахматова Е.В. Шамбала как утопия русского сознания // Религиоведение. 2013. № 1. С. 132–143.

[2] Книги по теософии и оккультизму занимают в корпусе харбинских и шанхайских публикаций большое место. Например: Архангельский Д.А. Ты есть То. Новое сознание человечества. Харбин, 1931; Полный оракул и чародей, предсказывающий будущее по предложенным вопросам… Шанхай, 1939. 108 с.; Пономарёв А.Р. О теософии. Харбин, 1936; Практический курс сосредоточения. Оккультное руководство. Шанхай, 1937; Пьянкович В.Н. Лекции по оккультизму. Харбин, 1928; Соломбин Е. Таинственное в обычном. Шанхай, 1936.; Теософия и теософское общество: краткий очерк. Шанхай, 1937; Истоки тайноведения: справочник по оккультизму…; еженедельный журнал русского оккультного центра «Огонь» (Шанхай) // Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее. Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М., 2002. Библиотека Д.Н. Бодиско предлагала харбинским читателям ознакомиться со следующими изданиями: Тутолка С. Оккультизм и магия // Рупор. 1931. № 252. С. 1; Крыжановская В.И. Рафаэла; Её же. Мёртвая петля и др. // Рупор. 1931. № 188. С. 2. На страницах харбинских газет весьма много публиковали отрывки из теософского трактата Д.А. Архангельского. Например: Архангельский Д. Семь тел человека // Рупор. 1927. № 1996. С. 5; Его же. Женщина спасает человечество! // Рупор. 1927. № 2000. С. 17; Его же. Рассудок – наш враг, ум – наша гордость! // Рупор. 1927. № 2012. С. 2.

[3] Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. Указ. изд. С. 62–63.

[4] Книжное собрание В. Слободчикова, в котором сохранилась часть семейной библиотеки, содержит несколько книг философского и оккультного характера. Например, «Истоки тайноведения: справочник по оккультизму» (Шанхай, 1939), «Астрономическое мировоззрение в его историческом развитии» С. Оппенгейма (Берлин, 1923), «Пути благословения» Н. Рериха (Харбин, 1924), «Четвёртое измерение: обзор главнейших теорий и попыток исследования области неизмеримого» П. Успенского (Берлин, 1931), «Японские рассказы из области чудесного» (Иокохама, 1909) // Коллекция «русского харбинца». Каталог собрания В.А. Слободчикова. М., 2006.


Рерих
Николай Константинович

В 1927 году Рерих предпринимает практическую попытку осуществить свои духовные предсказания и найти-таки мифическую Шамбалу. Этот «Великий План», результатом которого должно было стать создание «Новой Страны», монголо-сибирского государства на просторах Азии, и составил содержание Тибетской экспедиции 1927–1928 гг. Для многих дальневосточных эмигрантов учение Рериха, преломляемое в столь практическом ключе, имело судьбоносное значение.

Ачаир мечтал воплотить великие замыслы Учителя на маньчжурской земле. Опубликованная в последние годы переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова даёт возможность понять, как складывалась в сознании Алексея Ачаира концепция сопряжения сибирского регионализма, рерихианства и китайской философии[1]. Эпистолярное общение разделённых океанами сибирских прожектеров продолжалось недолго, в течение нескольких месяцев 1927 г., и составило 7 писем; 3 из них Ачаир написал Гребенщикову. Ачаиру в это время исполнился 31 год. Гребенщикову – 43. Он уже издал сборники повестей и рассказов «В просторах Сибири» (1915), «Степь да небо» (1917), три тома эпопеи «Чураевы» (1922–1923), роман «Былина о Микуле Буяновиче» (1924). А. Ачаир был читателем и горячим почитателем писательского таланта Г.Д. Гребенщикова[2].

Поэтому не случайно Ачаир обращается за советом к более опытному единомышленнику, «своему старшему другу и брату по народу»[3]. В лице Ачаира

[1] Росов В. «Полно охватить всю Сибирскую Русь». «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал. 2009. № 256. С. 239–264. В дальнейшем ссылки на письма А. Ачаира и Г. Гребенщикова приводятся по этому изданию. Подробнее об этом см.: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта. Указ. изд. С. 197–218.

[2] Подробнее о Г.Д. Гребенщикове см.: Росов В.А. Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. СПб., 2004; Росов В.А. Георгий Гребенщиков. О Новом Ковчеге // Дельфис. 2001. № 1. С. 37–39; Росов В.А. Георгий Гребенщиков: наследие сибирского писателя в Санкт-Петербурге // Берега. 2005. Вып. 4. С. 58–59; Тарлыкова О. Аристократ мысли и слова // Зарница. 1926. № 6; Горшков М. К 25-летнему юбилею литературной деятельности Г.Д. Гребенщикова // Гун-бао. 1931. 4 апреля; <Б.п.> Юбилей Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 325. С. 4; Гинс Г. Г.Д. Гребенщиков. По случаю 25-летнего юбилея // Заря. 1931. № 335. С. 4; Нилус Е.Х. На чествовании Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 345. С. 6; Ачаир А. Идея творчества Гребенщикова // Заря. 1931. № 347. С. 6; Растан М. Юбилей Г.Д. Гребенщикова // Заря. 1931. № 312. С. 4; <Б.п.> 25-летний юбилей Г.Д. Гребенщикова // Рупор. 1931. № 323. С. 9; О.Ш. Литературный юбилей // Рупор. 1931. № 309. С. 10; Леонов В.Н. Культурологическая концепция Г.Д. Гребенщикова. Дис. на соискание канд. филос. наук. Барнаул, 2003.

[3] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927 // Новый журнал. 2009. № 256. С. 253.

объединение молодых харбинцев (очевидно, имевших смутные представления об основах регионализма[1]) восприняло опыт американской Чураевки, расположенной недалеко от Нью-Йорка. Ачаир так объяснял выбор названия своего объединения: «За границей существует маленькая культурная колония – деревня Чураевка, где учатся русскому языку и истории дети в русской школе, где они знакомятся с русским бытом, родной культурой. Они на время как бы уходят в родную страну, хотя бы в миниатюре, и черпают там из неё национальные соки для работы в международном обществе, в большом международном и, во всяком случае, иностранном масштабе. Мы руководились именем Чураевки – как символом накопления творческих национальных сил за границей»[2].

Он собирается работать над «установлением Всемирной сибирской связи – для учёта культурно-творческих сил, которые могут быть использованы для будущей помощи строительству Нашей страны»[3], «пусть всемировая Чураевка явится деревней, отдельные дома которой разбросаны по всей Земле»[4]. «Вселенская Русь», как видно, была не только поэтической метафорой дальневосточного поэта, но и *религиозным концептом* эмигранта-областника.

Сибирь становится одним из смыслообразующих понятий системы его духовных устремлений. Специфичен подбор выражений для раскрытия Ачаиром образа Сибири: «живая связь», «большая Сибирь», «дух Жизни, Света и Любви». О том, что идея религиозного служения Сибири необыкновенно увлекла Алексея Ачаира, свидетельствует его лирическое творчество тех лет:

Святая Русь – Суровая Сибирь.
Так вот и все, что сохранилось с детства…
И от тебя, годов изгнанья пыль,
уберегу отцовское наследство[5].

«Думы вечны» в его переписке – свидетельство сильнейшего влияния философии Н.К. Рериха. Ачаир признаётся в этом сам: «на столе передо мной лежат и "Цветы Мории"», и «эти цветы <…> – в сердце»[6]; «Пути Благословения – моя настольная книга с начала 26-го года»[7].

В ответных письмах Гребенщикова не единожды прозвучит призыв изучать творческое наследие Н.К. Рериха, «этого редчайшего в наш век Человека»[8], идеи которого лишь будущие потомки поймут в полной мере: «Прекрасно де-

---

[1] В 1930 г. в харбинских газетах появились публикации об изданных книгах по сибирскому регионализму: Сватиков С.Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества XIX в. Прага, 1930.

[2] Цит. по: Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 220.

[3] Там же. С. 220.

[4] Там же.

[5] Ачаир А. Сибирь // Рубеж. 1932. № 46.

[6] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 28.03.1927. Указ. изд. С. 244.

[7] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 31.05.1927. Указ. изд. С. 251.

[8] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 255.

лаете, что читаете Рериха. Это еще непочатый, не открытый пророк нашей эпохи»[1]. В будущем, по мысли Г. Гребенщикова, харбинская «Чураевка» может стать «неуловимым Беловодьем, символом для единения культурных сил <человечества>»[2]. Гребенщиков призывает Ачаира «свободно и по внутреннему зову отобраться для работы путем рыцарского служения культуре и путём искреннего понимания происходящей Космической Эволюции»[3], для «создания учреждения подвига, для достижения великой радости небывалого ещё служения Будущему Человечеству»[4], для творения «неслыханно-чудесного Грядущего»[5], для создания «своей новой, великой, всемирной Сибири»[6], «построения новой светлой Родины, Страны Великого Будущего». Основная цель «должна быть самой далёкой и прекрасной настолько, чтобы казаться почти недостижимой. Так оно и будет: чем выше вы будете идти, тем выше вам захочется»[7].

Очевидно, что сама переписка возникает в период мучительных духовных метаний Ачаира. Он сетует: «В моей работе (вообще) и, в особенности, в стихах я чувствую сейчас, и не только чувствую, но и наблюдаю какой-то *перелом*. Словно происходит внутри или вне меня какое-то перемещение мне неизвестных духовных частиц. <…> Я переживаю сейчас на себе – отсутствие питающей среды. Я как бы ядро в пустом яйце, и чтобы не колоться о стенки – я раздвинул себя до границ формы. Естественно произошло разрежение, и от этого образовались пустоты. Эти пустые клеточки я ничем не могу заполнить. Не думайте, что не стремлюсь к этому. Пустота разъедает и живые волокна, и вот это-то и есть главное» (курсив мой. – *А.З.*). Философия Рериха стала для Ачаира духовным прибежищем. Этика Агни Йоги уделяла большое внимание внутренней работе человека над самим собой, подробно рассматривала процесс самосовершенствования и восхождения ко всё более высоким формам бытия и сознания[8].

Гребенщиков пишет Ачаиру о том, что они «живут в период, когда впервые на земле появляются величайшие свершения, ради которых приходили Будда и Христос и многие пророки, но которые не были миром понятыми до конца»[9]. В данную эпоху, по мысли Рерихов, формируется новый тип мышления – космическое мышление: «Мы находимся у самого преддверия нового

[1] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 249.

[2] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 255.

[3] Там же. С. 256.

[4] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 10.10.1927. Указ. изд. С. 259.

[5] Письмо Г. Гребенщикова кружку христианской молодежи в Харбине от 7.09.1927. Указ. изд. С. 261.

[6] Там же. С. 262.

[7] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 10.10.1927. Указ. изд. С. 257.

[8] Трефилов В.А. Агни Йога // Основы религиоведения / Под ред. И.Н. Яблокова. М., 1994. С. 244.

[9] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 254.

века, новой расы, и потому наше время может быть приравнено к последним временам Атлантиды, в существовании которой наука начинает всё более и более убеждаться», – говорила современникам Е.И. Рерих[1].

В своих призывах к Ачаиру Гребенщиков постоянно говорит *о теплоте доверия* («Мне как-то особенно тепло от сознания, что я могу всю эту *теплоту доверия* отдать обратно в утроенной порции»)[2], о *Радости жизни* («Это будет для нас первый шаг к Школе жизни, то есть к *Радости жизни*»)[3]. Эти понятия-концепты также напрямую соотносятся с учением Рерихов: «не бессмысленная телячья радость, которая заставляет прыгать и скакать, и дрыгать бессознательно ногами, но это Радость мудрости, Радость от сознания Красоты Бытия»[4]. Согласно этике Агни Йоги, *радость* наступает от осознания возможности что-то кому-то дать[5], от философского восприятия себя в мире и своего отношения к этому миру. «Я к этому прибавил бы, что все вечное и великое можно найти в любой крупице сущего. Значит – все зависит от того, как на что смотреть, как мыслить, как воспринимать»[6], – формулирует своё кредо жизни Г. Гребенщиков. И он продолжает: «путь к прекрасному <лежит> через жертву, через подвиг, через искренний отказ от многого, что иногда ошибочно называем ценным»[7], и если мы «будем творить благо всюду и всегда – и, как лучами солнца, покроем мир искренностью и любовью. И тогда станет легко и радостно работать даже в дымовой трубе»[8].

Ачаир наполняет свои письма философским содержанием, следуя практическим советам и духовным наставлениям Гребенщикова и проникаясь духовными идеями Рериха: «Ваш совет будет крещением нашего молодого дела – крещением духом Жизни, Света и любви»[9]; «Для себя я имею желание, чтобы иметь как можно больше для других»[10]. Последний тезис Ачаира почти дословно перелагает положения Этики Агни Йоги о преодолении препятствия на пути к высшим мирам – чувства собственности, а потому «опытом жизни и почитанием Иерархии» необходимо освободиться от этого чувства[11].

Что разумеет харбинский поэт под собственностью? 31-летний Ачаир пишет: «По-моему, нет сильнее муки, как не иметь, что *отдать*. Но отдавать то, что

---

[1] Рерих Е.И. Письмо от 28.08.1931 // Агни Йога: Интернет-энциклопедия. URL: http://agniyoga.roerich.info/index.php?title=28.08.31 (дата обращения: 13.05.2010).

[2] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 248.

[3] Там же. С. 249.

[4] Рерих Е.И. Письмо к молодёжи о радости // Практика Агни Йоги. URL: http://agni-yoga.eu/?page_id=197 (дата обращения: 14.05.2010).

[5] Там же.

[6] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 2.05.1927. Указ. изд. С. 249.

[7] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927. Указ. изд. С. 254.

[8] Там же. С. 255.

[9] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 31.05.1927. Указ. изд. С. 251.

[10] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927. Указ. изд. С. 253.

[11] Трефилов В.А. Агни Йога. Указ. изд. С. 244.

я сам считаю не ценным – ценно ли это? Отсюда и моё разочарование (впрочем, я никогда не был и в очаровании) от моей работы вообще и творчества в частности. А вместе с тем, я не имею права не иметь, что *отдать*. Я должен. Ведь все мы должны – следующему за нами поколению, которое слишком мало хорошего видело, да и сейчас видит в жизни»[1] (курсив мой. – *А.З.*). Гребенщиков трактует моменты уныния и разочарования Ачаира сугубо в рерихианском ключе: «Уж ежели вы доросли до сознания, что "нет сильнее муки, как не иметь, что отдать", то значит – Вы умеете отдать и путем отдачи еще больше накопляете»[2]. А для Ачаира «отдать» – это живая потребность всех его жизненных устремлений.

Через десять лет эти строки буквальным образом отзовутся на страницах самого загадочного сборника Ачаира – «Лаконизмы»[3].

В «пятикнижии» Ачаира, по справедливым замечаниям харбиноведов, этот сборник стоит «особняком»[4]. И тому есть причины, особенно явные с расстояния лет, отделяющих нас от эпохи русского Харбина. Даже по внешнему виду – очевидно, по инициативе самого автора, – книга представляла «чёткий лаконизм»[5]: формат карманного блокнота, на каждой странице которого было размещено по два стихотворения, тематически связанных.

Перед тем, как сборник увидел свет, Ачаир словно предался творческой схиме – целых двенадцать лет он, по-видимому, не просто вынашивал идею сборника[6], а достраивал индивидуальную духовную систему. И вот в знаковый для русской культуры год (празднования 100-летия Пушкина) он публикует книгу, состоящую из 52 стихотворений сверхкраткой формы. Внешний вид этой книжечки напоминал молитвенник, её стихотворные изречения – духовные наставления. Не случайно один из критиков весьма тонко почувствовал религиозную природу её дидактизма: «такие книжечки стихов во времена Вольтера давали славным воинам на память, когда они шли в долгие походы и битвы»[7]. Стоит предположить, что эта тоненькая и компактная книжечка задумывалась автором как постоянный спутник приобретающего её читателя.

Краткость суждения как таковая в лирическом роде исторически присуща малым жанрам европейской литературы (мадригалу, эпиграмме, эпитафии

---

[1] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927.Указ. изд. С. 253.

[2] Гребенщиков Г. Ачаиру А. Письмо от 7.09.1927.Указ. изд. С. 254.

[3] Забияко А.А. «Восток – дело тонкое…» (сборник Ачаира «Лаконизмы» как опыт этнокультурного синтеза) // Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 124–186; Забияко А.А. «Лирическая романтика, к сожалению…»: Алексей Ачаир // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» Художественный мир лирики русского Харбина. Указ. изд. С. 174–217.

[4] Глухих Д. Алексей Ачаир: «В строках, набросанных небрежно, – моя безумная душа…» // Рубеж. 1998. № 3. С. 29–31; Таскина Е.П. Ачаир А.А. // Русские писатели XX века: Библиографический словарь. М., 2000.

[5] А-с. Ачаир А. Лаконизмы // Рубеж. 1937. № 16.

[6] И предшествующий сборник «Первая», и последующие за «Лаконизмами» книги стихов состоят из произведений самых разных жанров, отличающихся и по объёму.

[7] А-с. Алексей Ачаир. «Лаконизмы» [рец.] // Рубеж. 1937. № 16.

и т.д.). Основной объединяющей чертой этих малых форм является ёмкость и лапидарность (лаконизм) выражаемой мысли, stylelapidaire[1]. Понятно, что даже в контексте отечественной традиции Ачаир не был новатором в малом жанре – у него были великие предшественники, учителя и современники. Обращение поэтов к сверхкратким формам (в частности, к четверостишиям) непосредственно связывается исследователями с общим лаконизмом поэтического мышления и тяготением к афористичности[2].

Лапидарность лирического слога в малых жанрах достигает наивысшей концентрации, что требует от поэта ещё большей требовательности к своим творениям, каждое из которых должно соответствовать глубинной сокровенности художественного задания, по определению становиться «крылатым». Но афористичность и учительный характер, органично продолжающие мировую художественную традицию, одновременно являются и ахиллесовой пятой структурного выражения этих малых форм лирики[3].

Какие причины побудили обратиться к «лаконизмам» харбинского поэта Алексея Ачаира?

С момента выхода его первой книги прошло двенадцать лет[4]. За это время Ачаир преодолел несколько ступеней человеческого самоопределения. Весьма преуспел в служебной карьере в должности секретаря ХСМЛ. Женился на оперной певице, красавице Галли Добротворской, стал отцом. Правда, о подлинных отношениях в семье поэта в те годы известно мало. По осторожным замечаниям бывших чураевцев (например, В.А. Слободчикова) оперная прима Галли Добротворская была не совсем удачной партией своему супругу[5]. За плечами Ачаира в эти годы – и работа в созданной им же «Чураевке», её драматический распад (1934), отъезд большинства чураевцев в Шанхай…

---

[1] Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995. С. 41.

[2] Яркий пример тому – стихи позднего Жуковского и Тютчева, эпиграммы Пушкина, четверостишия О. Мандельштама и А. Ахматовой и т.д. Об этом: Кормилов С.И. Одиночные четверостишия Ахматовой // Славянский стих: Лингвистическая и прикладная поэтика. М., 2001. С. 275–285; Федотов О.И. Катрены охватной рифмовки в стихотворениях О. Мандельштама 1908–1909 гг. // Там же. С. 285–300.

[3] Например, ранняя Ахматова не обращалась к коротким стихотворениям из-за того, что эта форма «не давала – именно в силу ограниченности своего плацдарма – маневренных возможностей для сочетания мига лирического постижения чувства с предметно-событийным окружением, порождающим его». Об этом: Адмони В.Г. Лаконичность лирики Ахматовой // Ахматовские чтения. М., 1992. Вып. 1. С. 34.

[4] Ачаир А. Первая. Харбин, 1925; Лаконизмы. Харбин, 1937.

[5] Возможно, уже в середине 30-х гг. в их отношениях назревает кризис. Е.П. Таскина, лично знавшая Ачаира в Харбине и встречавшаяся с ним уже в СССР, также предполагает, что в 40-х гг. Алексей Алексеевич, по всей видимости, был не очень счастлив в семейной жизни. Об этом: Слободчиков В.А. Интервью А.А. Забияко. Москва, октябрь-ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко; Таскина Е.П. Интервью А.А. Забияко. Москва, октябрь-ноябрь 2003 г. // Личный архив А.А. Забияко.

В 1937 году Ачаир переступил сорокалетний рубеж.

Годы суровых испытаний не прошли даром – на смену золотоволосому поэту-музыканту приходит дряхлеющий мужчина. «Совсем ещё юношей, вместе со своим отцом, полковником Грызовым, он сражался в Белой Армии, проделал весь страшный Ледяной поход, был ранен в позвоночник, перенёс сильную контузию, от которой никогда по-настоящему не оправился, страдал невероятными головными болями и тиком. Мне случалось видеть его во время таких приступов на эстраде; лицо у него напрягалось, и пальцы начинали дергаться. Но он никогда не уходил, не дочитав стихотворения, лишь отказывался бисировать, сколько бы ни вызывали», – вспоминает Ю. Крузенштерн-Петерец[1]. Один за другим покидали Ачаира и израненные друзья-однополчане…

Но дело было не только в физических недугах. Если верить культурной антропологии, в 40 лет наступает период «кризиса витальности»[2]. А поэту в этом возрасте вообще приличнее всего – умереть.

Ачаир умирать не собирался. Однако в 1936–1937 гг. он явно переживал не лучшие времена. Глубокая печаль от осознания ушедшей молодости и наступления безрадостной старости становится ведущим мотивом стихотворений той поры («Жизнь и смерть», 1932; «На народе», 1932; «Цветок Купавы», 1935; «Старый казак», 1937; «Розовый вальс», 1937; «Любовь поэта», 1937; «Улыбка поэта», 1937). *Смерть, старость (старуха, старый ангел, старею понемногу, морщины), воспоминанье* – сквозные образы лирики, свидетельствующие о явном геронтологическом уклоне художественной рефлексии Ачаира[3].

Представляется весьма убедительной мысль о связи «кризиса креативности» с тягой художника к малому жанру[4]. Лаконизмы – за исключением трёх стихотворений – до выхода сборника в свет в периодике не появлялись по одиночке[5]. «Обычные» же стихи Ачаир публикует, и довольно активно, – в основном в «Рубеже» и «Молодой Чураевке», – почти в каждом номере. Минимализм лирического жанра для поэта тех лет не характерен – средний стиховой объём стихотворений 5–7 строф. Многие из них впоследствии войдут в сборники – не-

---

[1] Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 43.

[2] «Данный возраст, не часто декларируемый в качестве символического знака практического существования литературных персонажей, является едва ли не самым значимым в мифологии повседневности. Связан он с экзистенциальными аспектами самочувствия человека, с проблемой подведения ещё не очень драматических итогов». Об этом: Ястребов А.Л. Возрастное измерение человека: типология 40-летней антропности (исследование онтологии кризиса самоактуализации) // Религиоведение. 2003. № 3. С. 107–121.

[3] Ачаир А. Последняя любовь // Рубеж. 1937. № 42; Зеркальные коридоры // Рубеж. 1937. № 1. С. 3. Обратим внимание на героев лирики и прозы тех лет: как правило, Он – стареющий мужчина и Она – юная, чистая, одарённая натура.

[4] Ястребов А.Л. Возрастное измерение человека: типология 40-летней антропности (исследование онтологии кризиса самоактуализации). Указ. изд.

[5] Кормилов С.И. Одиночные четверостишия Ахматовой. Указ. изд. С. 284.

зависимо от хронологии, а подчиняясь исключительно тематическому заданию. После публикации «Лаконизмов» Ачаира словно «прорвало», и остальные сборники начинают выходить один за другим – «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939), «Под золотым небом» (1943). Но к сверхкратким формам поэт уже более не обращался. Стало быть, много лет лаконизмы копились подспудно, а само их появление можно рассматривать как художественный акт завершения и одновременного начала очередного жизненного и творческого цикла.

Вернёмся к «возрастному» и «гендерному» измерению данной ситуации. Для изживания «кризиса витальности» обыкновенному мужчине нужна влюблённость. Для возрождения креативности поэту необходима Муза. В переводе на язык обыденный, – вдохновение может быть подарено и новой возлюбленной, и новыми впечатлениями, и необычными идеями.

«Лаконизмы» предваряла строка: «25 декабря 1892. Тин». Эпиграф к произведению – одна из наиболее явленных форм авторской субъектности, некий ключ к пониманию текста. Дата, кроме её соотнесенности с Рождеством, ничего не говорит современному читателю. Что означало сочетание загадочного имени и указанной даты – при полном отсутствии авторских комментариев – понять сложно. «Тин» предполагает разные толкования и гендерной, и этнической своей природы.

В этрусской мифологии Тин – бог неба, громовержец, повелевавший тремя пучками молний[1]. Вспомним – Ачаиру весьма импонировала связь его псевдонима с именованием другого демиурга – бурхана Очирвани[2]. Мог привлечь его образ иного – европейского громовержца? Ведь от такой игры мифологемами «рукой подать» и до других, снова тюркских предпочтений. В тюркско-татарских именованиях антрополексема Тин означает «равный, соответствующий; ровня, пара; приятный для души»[3].

По фонетическому облику слова и его русской транскрипции Тин соотносится и с китайскими «корнями». Так, Тин Хау (Динь Хау) – китайская богиня моря.

Так или иначе, но муза явилась к поэту в «восточных одеждах». Открытость чужой культуре была привита Ачаиру с детства. В тех краях, где он рос – у подножия Тян-Шаня – исторически сплелись судьбы самых разных народов, языков и конфессий (ислама, индуизма, буддизма, православия). В горячем тигле разнородных языков переплавлялись тюркизмы, славянизмы, китаизмы… Не случайно в его лирике появляются то царевич Очир, то Никдали и Сарасвати, то Акрама… Ачаир проповедовал идею Сибирского регионализма, надеясь объединить самые разные народы с точки зрения разумной геополитики. Живя в Маньчжурии, населённой китайцами, японцами, корейцами, монго-

---

[1] Этрусская мифология // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 672–673.

[2] Об этом: Забияко А.А. «Что в имени тебе моём?» (поэтический псевдоним в опыте личной мифологии поэта // Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд. С. 34–65.

[3] Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974–2003.

лами, наш поэт, по всей видимости, как и многие его собратья по перу, свой интерес к восточному типу мышления подогрел новыми ощущениями.

Особенное впечатление, вслед за эпиграфом к «Лаконизмам», производит не просто малая форма стихотворений, а то, что для европейского (и русского) сознания подобного stile lapidaire в одном сборнике *слишком* много. Эта характерная черта сразу была подмечена в анонимной рецензии на сборник в «Рубеже»: «Сжатый, как бы намагниченный внутренним содержанием и скупой по внешней форме, лаконичный стих встречается почти у всех поэтов русских, хотя *исключительного внимания этой манере, требующей особенно большого мастерства, не уделял никто*»[1]. Подобная концентрация сверхкратких форм, создающая особый поэтический мир, «включает» нашу память жанра, в первую очередь, о восточной поэзии *вообще*. Сказать же что-либо более определённое о жанрово-национальной специфике стихотворений – трудно. Это – не стилизованные *ши* и *ци* китайской классической поэзии, не *танка* и *хойку*, узнаваемые более легко. Даже если мы сравним «Лаконизмы» с «Фарфоровым павильоном» Н. Гумилёва, то в последнем «китайского» будет намного больше, а ведь эти стихи, по мнению О.И. Федотова, можно «только с очень большой натяжкой признать вольными переводами (скорее, это сильно авторизированные переводы переводов, через французское посредство»[2].

Но интуитивно мы ощущаем доминирующее присутствие в «Лаконизмах» именно *китайской культуры*, спроецированной на русскую поэтическую традицию. Попробуем доказать все эти предположения. Загадочный Тин уже появлялся на страницах харбинской печати. В 1930 г. в «Рубеже» (№ 11) под этим именем было опубликовано одиночное четверостишие «Иногда»:

Иногда

Иногда голубая волна
утром плещет тревогой заката...
Иногда покорённое: – «На!» –
меньше любит, чем любит: «Не надо!».

Затем очередное стихотворение Тин(а) было помещено в рубрике «Миниатюры в рифмах», о чём писалось выше. В 1937 г. все три стихотворения украсили сборник «Лаконизмы». Поэтому Тин – это такая же фигура фикции, как, например, Иван Петрович Белкин у Пушкина, снимающий ответственность с автора за многие «несоответствующие» ему решения.

Помимо литературной мистификации, связанной с псевдонимом «Тин», Ачаир уже имел, хотя и небольшой, опыт адресации к китайской теме, о чём писалось выше. Ачаир, не владевший китайским, а тем более, японским литературным языком, не был знаком с восточной лирикой в подлиннике, но имел

---

[1] А-с. Алексей Ачаир. «Лаконизмы» [рец.] // Рубеж. 1937. № 16.

[2] Федотов О.И. «Китайские стихи» Николая Гумилёва (версификационная поэтика цикла) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. Благовещенск, 2002. С. 494–501.

возможность читать русских переводчиков[1].

Интерес к восточной теме не иссяк у Ачаира и после публикации «Лаконизмов»[2]. Но от других «китайских» стихов «Лаконизмы» отличаются: кроме эпиграфа, в них, во-первых, нет ни одного явного «китаизма», во-вторых, не стилизуется и сама форма стиха.

Ачаир обращается к рифмованным катренам, при этом эксплуатирует все три основных способа рифмовки. Если учесть, что пятистопный ямб – самый распространённый для этой эпохи размер, а перекрёстная рифмовка – самая приемлемая для катрена модификация в целом, то «банальные четверостишия» «с их неумолимым и комфортным альтернансом рифмующихся созвучий»[3] не случайно являются преобладающим большинством в сборнике. Очевидно, что не поиск формальной изысканности лежал в основе художественной установки поэта.

Вероятно, путь Ачаира к восточной лирике лежал через книжное постижение и художественную рефлексию идей китайской философии – содержания «Лунь Юй» Конфуция и «Дао Дэ Цзин»[4]. Основной корпус «Лаконизмов» посвящён проблемам быстротечности времени и необходимости следовать тем ценностным аксиомам, которые позволят преумножить добродетель и человеколюбие, если воспользоваться лексикой Конфуция. Ачаир сознательно выбрал *жанровое мышление* как приём, в то же время стремясь быть интересным современному харбинскому читателю и высказать *сокровенное*.

Нельзя забывать о том, что неотъемлемой частью художественной практики Ачаира была личная мифология. Попробовав себя в роли культурного героя, демиурга, теперь он «примеряет» на себя *костюм китайского мудреца*. Именно в 40 лет китайские чиновники начинали не только помышлять о душевной старости, но и сочинять стихи: «Поэт объявлял себя старцем в сорок лет, когда далеко еще ему было и до бессилия старости, и до смерти. Поэтическая старость человека, полного сил, находящегося в расцвете, позволяла поэту говорить и о собственном своём приближении к смерти и о тяготах одряхлевшей плоти без трагизма сопричастности. Жалобы эти были эстетизированы, а на их фоне шли размышления о сути жизни и предназначении человека»[5].

Однако насколько *эстетизированы* были жалобы-лаконизмы Ачаира?

В древнем китайском государстве занятие стихами было знакомо каждому чиновнику, но, естественно, не каждый становился поэтом. В этом смысле Ача-

---

[1] Например, «Стихотворения в прозе» Ли Бо (1911), «Поэма о поэте» Сыкун Ту (1916) в пер. В.М. Алексеева; публикации в 20-е гг. переводов Ли Бо В.М. Алексеева в журнале «Восток»; «Антология китайской лирики VII-IX веков» / Сост. и пер. Ю.К. Шуцкий (1923).

[2] Об этом: Забияко А.А. Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд.

[3] Там же.

[4] Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь Юй». Указ. изд.; Мартынов А.А. Конфуцианство. «Лунь юй»: в 2 т. Т. 1. СПб., 2001.

[5] Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М., 1977. С. 193.

ир представлял как раз уникальный тип «чиновника от культуры», органично сочетая дар хорошего организатора и тонкого лирика, способного отрешиться от будничной суеты и бумажной рутины. В китайской культуре тема отшельничества воплощается не только в даосской уходе от жизненной суеты, но и в умении чиновника отрешиться внутренне от карьеризма и стяжательства, царящих вокруг. «Снится мне, что жизнь иною стала», – признается, например, Ду Фу в стихотворении «Мне снится днём…»[1]. А вот каким виделся своим современникам чиновник-стихотворец Ачаир: «Он – старший секретарь крупного учреждения, проводит долгие дни за письменным столом, на котором не найти стихов: стихам отданы ночи. В жизни – проза, однообразие, – "ни сказок, ни фей". Но в творчестве эта же самая жизнь горит, как радуга»[2].

По представлениям древней китайской критики, поэзия выражает моральные качества поэта. Духовные максимы, воплощённые в лаконизмах Ачаира, были весьма органичны его внутреннему миру. Не случайно сборник открывался стихотворением «Плата», в лапидарной форме выражающим кредо поэта – как «всю жизнь прожить»:

Всю жизнь прожить и – выиграв игру! –
взять незаметное и самое простое...
Мы отдаём, что мы имеем, друг,
а платим столько, сколько это стоит.

Щемящие интонации лирики сорокалетних китайских отшельников усугубляло следующее обстоятельство: чиновник был вынужден служить в чужой (непременно чужой) стороне, вдали от родины, родных, друзей – отсюда тоска по родной природе, по родине. Такой род тоски – своеобразной внутренней эмиграции – весьма соотносим с эмигрантской тоской Ачаира…

В лирике название не просто обозначает тему стихотворения, но и содержит в себе «конденсат образа, определяет развитие образа, его оформление, радиус его действия и правила прочтения»[3]. В китайской лирике (например, танской), названия уже сами по себе – поэзия: «В ранние холода на реке», «Беседка в бамбуковой роще», «На башне Желтого аиста», «Ночной крик ворона», «Лунной ночью с лодки смотрю на храм», «В опьянении перед красной листвой». За названиями этих восточных миниатюр встаёт целый мир поэтических чувств, тонких наблюдений и переживаний. При чтении «Лаконизмов» зачастую кажется, что название выбрано произвольно и связано с идеей стихотворения весьма слабо: («Девушка», «Весна», «Ревность» и т.д.):

Весна

– Здравствуй!.. (Проходя, не глянув).
На щеке — прикосновенье губ...

---

[1] Цит. по: Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. Указ. изд. С. 287.

[2] Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. С. 4–8.

[3] Степанов Г.В. О границах лингвистического и литературоведческого анализа художественного текста // Известия АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1980. С. 195–204.

Есть цветы, что беззащитно вянут,
если тот, кто трогает их, груб.

Однословность и слабая мотивированность названий, в первую очередь, являются жанрообразующими признаками, напоминающими установку на *иероглифичность* – как принцип китайской словесности[1]. Иероглифический принцип толкования китайской поэзии может быть соотнесён с авторской концепцией Ачаира – загадочным эпиграфом к сборнику, краткостью и криптограмматичностью многих названий и смысла многих стихотворений.

Лаконизмы написаны в форме диалога (явного или внутреннего) – не только в соответствии с логикой конфуцианских максим, но и как свидетельство раздвоенности самого лирического субъекта, ищущего истину. Структура стихотворения представляет, как правило, смысловой двучлен типа «вопрос – ответ» либо «тезис – антитезис», – в столкновении двух точек зрения и воплощается смысл суждения. В разных стихотворениях Ачаира оппонентами являются воображаемый учитель и ученик («Плата», «Дом», «Атеизм»), девушка и юноша («Девушка»), карандаш и пишущий («Карандаш»), рукопись и поэт («Рукопись») и т.д. Иногда диалогизм рождается структурным параллелизмом двустиший, внешне не связанных по смыслу («Иногда», «Пустой конверт», «Ромео и Юлия»):

Пустой конверт

На конверте сломана печать.
Он разорван, одинок и пуст...
Если любишь – то умей прощать
лживый смех раз изменивших уст.

Нравственность и в её конфуцианском и в даосском понимании редко давалась в обнажённом виде. Такой завуалированности этических деклараций служит у Ачаира параллелизм природных//человеческих состояний, общих законов существования.

В целом на долю любви и связанных с нею ощущений, переживаний, сопровождающих её препятствий – верности, ревности, страсти, смущения, светских приличий, – выпадает немалая часть лаконизмов. Но удивляет сдержанность поэта в воплощении любовной темы. Эротические мотивы вообще не характерны для этого сборника, любовь здесь – не наслаждение страстью, не «бурь порыв мятежный». При этом само чувство лишено и трагической безысходности. Идеал любви по Ачаиру – в самопожертвовании:

Любовь

Как ты ласкала, женщина, того,
кто взял любовь и не дал ничего?!

---

[1] «Понятие, объемлемое иероглифом, "многолико" и многословно, и таким образом, китайское стихотворение, конечно, больше подчинено фантазии читателя, чем стихотворение, записанное фонетической азбукой. Переводчик – тоже читатель, и он выбирает одно из ряда доступных ему читательских толкований и предлагает его своему читателю» // Эйдлин Л. Китайская классическая поэзия. Указ. изд. С. 196.

Ручей бежит к реке с отвесной кручи,
а там и в море, а затем и в тучи...

Не случайно мудрые суждения о любви чаще изрекаются женскими устами. Именно женщине отведено природой оберегать семейный очаг, отделяя истинное от случайного во взаимоотношениях двоих. Но при всей готовности «отдать» героиня Ачаира обладает и внутренней силой, позволяющей скрывать свои чувства («Иногда»). Глубина переживаний героини никогда не проявляется внешне, не позволяет нарушить правил приличия:

Поздно

Пришёл нежданно поздний гость.
Ему – оставшиеся сласти
с приправой горечи, и злость,
и слёзы по любви и страсти.

Изящным переносом (сласти // с приправой горечи), а также паронимической перекличкой обозначений реальных угощений и их эмоциональных «приправ» (*сласти – злость – слезы – страсти*) поэт создаёт психологически тонкую лирическую ситуацию. Истинный драматизм переживаний (разочарование, настающее вслед за тщетным ожиданием) скрыт за внешней *этикетностью* поведения. Лирический герой Ачаира и его возлюбленная предпочитают скрывать свои чувства под маской светскости:

Светскость

Полупоклон учтивой головы
предупредил: – Не бойся и не сетуй!
Холодное, изысканное: «Вы»
сердечной воле иногда не следует.

Куртуазность внешних проявлений и подчёркнутая закрытость любовных переживаний может быть вполне объяснима логикой жанра, определяющей поэтику «Лаконизмов». В китайских образцах, на которые, возможно, опирался Ачаир, поэзия неотделима от чувства, но это – чувство, проверенное разумом. Поэтому в китайской лирике так мало стихов о любви, о юношеской мимолетной страсти[1].

Основной идеал любовной китайской лирики – *верность в любви*. Именно *верность* как истинное мерило чувства, противостоящего сиюминутным соблазнам, воспевается и Ачаиром:

Верность

На устремлённый жадно взгляд
ответить робостью смущенья.

---

[1] «Что касается любви мужчины к женщине, любви-страсти, то под давлением конфуцианских традиций она исчезает из китайской поэзии или, если звучит, то автор-мужчина придает ей завуалированную форму обращения верной жены к отсутствующему супругу: "В башне яшмовой, в свете луны я о Вас тоскую, мой друг" (Вэнь Тинъюнь), "Боясь потерять и тень, что всегда со мной, я всю эту ночь не буду гасить фонарь» (Бо Цзюйи)". См.: Ли И. Танская поэзия // Литературная энциклопедия для школьников. М., 2005.

И – посмотрев с мольбой назад –
постичь безумную тоску –
немой тени, лежащей молча...
И все ж ответить: – н е м о г у.

Его лирический субъект предстаёт в образе умудрённого мужа, способного оборот бушующие страсти:

Любовь

Мой щит и меч — твой ясный взор.
Открытой радостью победы
пылает жертвенный костер.
Идём… Чтоб вместе в нём — сгореть,
познав – грудь с грудью – наслажденье
в таинственном: п р е о д о л е т ь

(разрядка А. Ачаира).

Данные шестистишия расположены на одной странице и представляют собой ритмико-семантические пары, находящиеся в диалогических отношениях. Мотив борьбы с соблазнами во имя «жертвенного костра» любви определяет семантическую и даже графическую изоморфность их финальных строк. Непременный атрибут любовного чувства – «наслажденье» – в русской поэтической традиции со времён романтической лирики вмещает представление о неотделимых от эмоциональных восторгов эротических ласках. В устах лирического субъекта лаконичного Ачаира *наслажденье* приобретает далеко не свойственный *интимной* лирике *аскетический* смысл.

К подобному повороту мысли читатель оказывается не совсем готов. Вплоть до финальной строки шестистишия лирическое высказывание развивается в полном соответствии со сценарием любовной лирики: тут и «ясный взор», и «радость победы», и «жертвенный костер», и желание «вместе сгореть». Особенного пика накал чувств достигает в пятой строке: «познав – грудь с грудью – наслажденье», и тут перенос являет нам эффектный сюрприз. Оказывается, выделенное межстиховой паузой и столь многообещающее «наслажденье» состоит… «в таинственном: преодолеть». Если Пушкин повернул гражданскую лирику лицом к любовной, тем самым утверждая, «что любовь не противоречит свободе, а является как бы её синонимом. Свобода включает счастье и расцвет, а не самоограничение личности»[1], то Ачаир совершает обратную метаморфозу. В устах его лирического субъекта именно самоограничение (*преодолеть!*) приобретает значение этического концепта. Духовным антропоцентристским ориентирам, завещанным русской классикой, он противопоставляет совершенно не свойственный ей – особенно в эпоху XX века – учительный канон.

Психологически это вполне объяснимо: он был старше своей красавицы-жены на целых 15 лет. Дневниковый характер лаконизмов располагал к мо-

[1] Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 11.

рализаторским излияниям, обращённым, как автор статьи считал раньше, к своей «девочке-жене». Или же не к ней?[1].

Новые факты духовной жизни Ачаира, запечатлённые в его эпистолярном общении с Гребенщиковым, становятся кристаллизующим компонентом всех предшествующих умопостроений. Действительно, в «Лаконизмах» поэтически преломилась сложившаяся система моральных ценностей Ачаира – поэта, воина, мужа, отца, мужчины, пропущенная сквозь сито богатого личного опыта и помноженная на поэтическую ситуацию отшельничества[2]. В этом смысле особый интерес представляет концепт «отдать», имеющий, как видно из переписки с Гребенщиковым, религиозную подоплёку. В художественном пространстве духовных максим Ачаира он атрибутирован различным субъектам:

Плата

Всю жизнь прожить и – выиграв игру! –
взять незаметное и самое простое...
Мы отдаём, что мы имеем, друг,
а платим столько, сколько это стоит.

И первой в ряду лирических адресатов стоит Девушка, например:

Девушка

– Жизнь – это приз, это первенство, гонка;
жизнь побеждают, беря, были бы
щеки алей...
Девушка хитрость подметила тонко:
– Если нет счастья *отдать* – стоит ли
жить на земле?

Почему «Девушка»? Во-первых, именно *девушка* излагает взгляд на жизненные принципы, которые близки автору. Во-вторых, *девушка* как мифологизированный образ чистоты и надмирности существования наиболее убедительна и трогательна в изречении подобных истин. В-третьих, с архетипом *девушки, девы* связаны мифы о чудесном рождении божеств и культурных героев (кстати, и Лао-Цзы)[3]. И, конечно же, образ девушки – вечный источник поэтических размышлений о любви. Для романтика Ачаира этот образ – один из самых притягательных, достаточно только посмотреть на названия: «Портрет девушки», «Девушка на шестом этаже» (1930), «Девушка-юнга», «Девушка у реки», «Любовь девушки», «Девушка из Коломны», «Раз услыхала девушка стихи…» (1941). Девушки в лирике Ачаира предстают в самых разных воплощениях – царевны из его фантазий, кельнерши, наборщицы, провинциальной

[1] Забияко А.А. «Лирическая романтика, к сожалению…»: Алексей Ачаир // Тропа Судьбы Алексея Ачаира. Указ. изд.; Забияко А.А. Страсть русского сердца в одеждах восточной мудрости («Лаконизмы» Ачаира) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Благовещенск, 2010. Вып. 4. С. 60–80.

[2] Забияко А.А. Страсть русского сердца в одеждах восточной мудрости («Лаконизмы» Ачаира). Указ. изд.

[3] Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 67.

Лариса Андерсен. Харбин, 30-е гг.

барышни, спутницы поэта, танцовщицы, учительницы и разнообразных жанровых формах – воспоминаниях, обращениях, ролевых диалогах, лирических раздумьях.

В лаконизме Девушка – не объект лирических фантазий и откровений, а идеологический концепт, противостоящий эгоцентрическому «брать» её оппонента, видимо, мужеского пола. Выделенное самим Ачаиром слово *отдать* подчёркивает это чистое стремление отдать себя ради любви – именно в этом видится поэту смысл человеческой жизни. При этом сама архитектоника лаконизма воплощает типичную морализаторскую установку всех остальных стихотворений сборника. Вернёмся к этому стихотворению позже.

Этот, казалось бы, отвлечённый образ имел реального прототипа – Ларису Андерсен[1]. О легендарной Музе харбинского Парнаса написано много, особенно – про романтическую увлеченность ею поэтов Г. Гранина и Н. Петереца[2]. Вполне убедительной представляется версия о том, что стихотворение Ачаира «Муза» спустя многие годы реконструирует ситуацию вхождения юной Ларисы в круг чураевских поэтов:

Ты – муза средь нас золотая,
Слетевшая сонным листком
С прекрасного дерева рая –
В наш новый, приветливый дом.
Ты красочной жизни круженье –
Без слов и без рифм, без конца.
Ты – песни самой вдохновенье,
В груди гусляра и певца.

(Рубеж. 1938. № 51).

Ясно, что Ачаир в определённой мере «приписал» своей Музе собственные духовные посылы, связанные с желанием *отдать*. В предисловии к сборнику «Семеро» (1931) он писал о стихотворении Л. Андерсен «Колыбельная»:

---

[1] Забияко А.А. Страсть русского сердца в одеждах восточной мудрости («Лаконизмы» Ачаира) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Благовещенск, 2010. Вып. 4.

[2] Об этом: Эфендиева Г.В. «Я верю в тишь и дальние кочевья…»: Лариса Андерсен // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск, 2008.

«Её первым побуждением явилось – *отдать* ребенку – девочке частицу своего восприятия красоты жизни»[1]. Столь щедрый аванс начинающей поэтессе, привлёкший внимание к её довольно несовершенному с версификационной точки зрения стихотворению, стал воплощением его собственного желания «отдать».

Вероятно, надежды, возлагаемые учителем на талантливую и одухотворенно-красивую ученицу, можно уподобить тем идеалистическим посылам, которые в свое время А. Блок адресовал Л.Д. Менделеевой, а Андрей Белый – М. Морозовой. Блок и Белый, видевшие в своих избранницах, вслед за В. Соловьевым, воплощение идеи «Вечной Женственности», «Мировой Души», испытали впоследствии глубокий душевный кризис. Ни та, ни другая «Прекрасными Дамами» себя видеть не хотели; иными были и их натуры.

Другой сценарий мифотворческой заострённости отношений получился у Ачаира и Андерсен. Лариса, очевидно, воспринимала Ачаира также с восторгом, но – как юная ученица мудрого, не совсем ещё старого (добавим – весьма импозантного) Учителя, открывшего и поддерживавшего всю жизнь её дарование. Это искреннее чувство она пронесла через всю жизнь. «Я всегда любила Ачаира»[2], – писала она в одном из писем, добавляя, что любила и «Гали» (жену поэта Галину), но – «по-другому». Думается, что Ларисса – одна из немногих чураевцев, кто смог проникнуться религиозным чувством жизнестроения в «Духе Жизни, Света и Любви», двигавшим Ачаиром всю его жизнь. Но к Рериху это имело самое опосредованное отношение.

Тонкая поэтическая натура Лариссы органично усвоила заветы Учителя, только – не смогла, как думала сама, воплотить все их в жизнь. Ларисса верила искренности Ачаира, а к отвлечённым идеям Рериха и «Агни Йоги» так и относилась – весьма-весьма отвлечённо. Её «рерихианство», по всей видимости, было опять-таки навеяно личностью Ачаира – свидетельством тому могут служить воспоминания в письмах: «О Н.К. Рерихе я помню только то, что он сказал что-то, что полагается, когда Алексей Ачаир представил меня: "Вот это наша будущая художница". Запомнила, что лицо Рериха было немного странным: очень гладкое, бледно-желтоватое, как воск, слегка восточное. Не помню, как он был одет, но не в костюме, как все люди. Это все. Потом я читала о нём. И то, что он написал. Кажется, Ачаир, Рерих и Гребенщиков были "одного толку"и переписывались. Однажды Ачаир сказал мне, что Рерих (или Гребенщиков) написал про меня: "Вижу в этой девочке много света". Это поводу чего-то, что я написала. (Запомнилось – лестно, – но только вот ничего особенно светлого не получилось). Позднее, уже в Шанхае, я написала Рериху просьбу взять меня в экспедицию.

Ещё позднее, тоже в Шанхае, я посещала кружок, который можно было считать кружком рериховцев, возглавлявшийся художником Владимиром

[1] Ачаир А. «Семеро» [вст. ст.] // Семеро. Харбин, 1931. С. 7.
[2] Письмо Л.Н. Андерсен А.А. Забияко от 9 августа 2006 г. // Личный архив А.А. Забияко.

Болгарским»[1].

Понимание содержания религиозных исканий Ачаира в духе Рериха, частично отражённых в его переписке с Гребенщиковым, выразилось Лариссой Андерсен в маловразумительной формуле: «одного толку»[2]. Однако личная – промыслительная – роль в её судьбе Ачаира (поэта, педагога, учителя) воспринималась Лариссой изначально совершенно иначе.

В автобиографическом эссе «По весенней земле (из раннего)» Ларисса (в форме так называемого "экстатического путешествия" [М. Элиаде]) воспроизведёт один эпизод из своей юности, напрямую перекликающийся с историей знакомства с Ачаиром:

«– Расскажи мне что-нибудь о любви…

– О любви?.. Я расскажу тебе о том, что могут люди дать любви…

– Это длинная сказка?

– Нет, очень короткая. Жила одна девушка. Совсем не красивая и совсем не самая лучшая. Ей было все равно, как жить. Она думала: "Нет никого на свете, кто хотел бы, чтобы я была хорошая". И вот однажды один человек сказал ей: "Ты чиста. Ты прекрасна. Ты имеешь так много, что можешь радовать других. И я так хочу, чтобы ты была такою всегда…" И человек ушёл.

– Но это не о любви?

– Ты ошибаешься. Если это не о любви, то надо ли о любви?..

– И он увез её с собой?

– Нет, он совсем не был принцем на белом коне. И он любил её. Не для себя… Но дал ей то, чего не мог бы дать самый влюблённый…»[3].

Действенность ачаировской проповеди Любви отразилась на всём жизненном пути Лариссы, оказавшейся только одной ученицей, не предавшей своего Учителя. «Помоги мне сломать преграды / И вернуться к себе самой!» – через десятилетия обратится она к тому, кто дал ей «путевку в жизнь» («Невыполненный обет»)[4].

Вернёмся к ачаировскому концепту «отдать» и его обсуждению с Гребенщиковым. Поводом к столь мощной взаимной рефлексии его содержания со стороны сибирских писателей стала реальная ситуация. Ачаир рассказывает о том, как, беседуя с одним учеником, решил поделиться с ним своими письменными заметками о странствиях по северной тайге. И – не нашёл их. Ачаир на-

[1] Андерсен Л. Письмена памяти: Из переписки. Письмо Ю.В. Линнику. 21 сентября 1994. Иссанжо // Андерсен Л.Н. Одна на мосту. М., 2006. С. 352–353.

[2] Подробно о встрече Ачаира с Рерихом см.: Забияко А.А., Крыжанская К.А. Спиритизм, теософия, масонство: харбинский вариант космополитизма // Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Меж двух миров»: Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд. С. 175–195.

[3] Андерсен Л. Другие берега: Из воспоминаний // Андерсен Л.Н. Одна на мосту. Указ. изд. С. 250.

[4] Об этом: Эфендиева Г.В. «Я верю в тишь и дальние кочевья…»: Ларисса Андерсен. Указ. изд.

чинает мучительно воссоздавать по памяти обстоятельства этого путешествия: «Вы не знаете, что семь лет тому назад я один бродил в оленьей шкуре, полубосой, голодный, дикий – по якутской тайге моей любимой Сибири. Я слеп в тайге, я шел по бадарану, ступая окровавленными ступнями на острые сухие стебли прошлогодних трав, я сидел у реки три дня и глотал выброшенную на берег гниющую рыбу, и искал смерти – и не находил её»[1]. Через несколько лет эти воспоминания буквально отзовутся в тексте одного из его рассказов – «Тайна северной тайги» (1937)[2], где речь вновь пойдёт об этом вынужденном путешествии, своими тяготами вызвавшем полумифические, полумистические видения у героя повествования. Автобиографический герой «Тайны северной тайги» вспоминает, как «с окровавленными ногами, в оленьей шкуре, усталый, голодный, худой, как обожженная пожаром лиственница, – согнулся от боли: наступил ногой на острый камень. <…> Нога кровоточила. <…> Я – полузверь, полудикарь, затравленный и ободранный, изнемогающий от голода, пробирался на Камчатку с моим другом, уссурийским казаком»[3]. Этот рассказ станет своеобразной перекличкой с другим харбинским рерихианцем, о котором пойдёт речь ниже.

Духовный императив «отдать», пронизывающий «Лаконизмы», также может быть связан с образом Лариссы в сознании Ачаира[4]. Из юной девушки Ларисса превращается в молодую очаровательную женщину. Жизнь круто разводит её и Маэстро. Ларисса уезжает из Харбина, много гастролирует по Китаю, Японии. Но их общение не прекращается, не иссякает и заряд стихотворных перекличек[5]. 1937 год, возможно, становится наивысшим пиком увлечённости Ачаира Лариссой. В этом году, в перерывах между выступлениями «Харбиншоу», Ларисса навещает Харбин, где живут её родители, принимает участие в «Розовом бале» ХСМЛ[6]. Не к ней ли обращены строки «Розового вальса» Ачаира: «Сегодня Вы в розовом платье / и розовый жемчуг на Вас. / Как странно похож на объятья / мечтательный розовый вальс!»[7]? С определённой степенью уверенности можно говорить о том, что «Лаконизмы» отразили позднюю влюблённость Ачаира, его желание увидеть в Лариссе – Музу.

Конечно, универсализм художественных решений сборника не даёт лирическому субъекту замкнуться в рамках одной темы. Сопряжение русской и китайской классической традиции продолжается в лирике дружбы («Посвященье»), в теме творчества («Карандаш», «Мена», «Рукопись»), философском

[1] Ачаир А. Гребенщикову Г. Письмо от 4.06.1927. Указ. изд. С. 253.

[2] Рубеж. 1937. № 23. С. 1–6.

[3] Рубеж. 1937. № 23. С. 1.

[4] Эфендиева Г.В. «Я верю в тишь и дальние кочевья…»: Ларисса Андерсен. Указ. изд.

[5] Там же.

[6] Аргус. «Там все было в розовом свете!» (Пышный бал Христианского Союза Молодых Людей в Харбине) // Рубеж. 1937. № 21. С. 17.

[7] Рубеж. 1937. № 4.

осмыслении онтологических проблем[1]. Творчество для Ачаира-отшельника можно уподобить индивидуальному проявлению Дао Пути, форме пребывания Дао в отдельном человеке, показывающей нравственное совершенство личности, следующей Дао и достигшей абсолютной гармонии с окружающим миром[2].

С таким пониманием жизнетворчества связаны и усиливающиеся к концу сборника мотивы бренности человеческой жизни и вечности бытия. «Вечность», «Ночью», «Тропы», два одноименных стихотворения «Жизнь», «Здесь и там», «Суд», «Вчера», «Сегодня» – сами названия последних 16 стихотворений подчёркивают их экзистенциальную подоплеку. В них последовательно развивается и внутренняя полемика с идеями восточной философии:

Вечность

Рожденье... смерть... вновь воплощенье...
Стоп!
Зачем валить все элементы в груду?
Ставь пограничный столб:
«Здесь – был, а там – я буду».

Его лирический герой занят непрекращающимся поиском этих «верных троп»:

Тропы

Как обольстительны бывают дали!
Мы к ним спешим; мы радостны в пути...
Но вдруг – обрыв... Куда теперь идти?
Мы верных троп, увы, не наблюдали.

И хотя сам образ *тропы* органично входит в семантическое поле общемодернистского мотива *пути (путь, дорога, тропа)*, всё же тема *жизнь – путь – тропа* реализуется у Ачаира глубоко индивидуально.

Его разочарование в тщетном поиске *верных троп* напоминает нам о ментальности «срединного пути», определяющей китайскую психологию культуры[3]. Не случайно Инна Ли, обращая внимание на восприятие Ачаиром жизни как *Тропы Судьбы* («Проводников в туманном мире нет / – есть предначертанность и предопределенье»), подчёркивает: «И это тоже очень свойственно фаталистическому взгляду на Судьбу, укоренённому в душе китайцев»[4]. Понимание жизни как Тропы Судьбы снова напрямую соотносится с понятием Дао «Пути». Важнейшим из связанных с ним представлений является прин-

[1] Об этом подробно: Забияко А.А. Страсть русского сердца в одеждах восточной мудрости («Лаконизмы» А. Ачаира). Указ. изд.

[2] Рифтин Б. Литература Древнего Китая // Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973. С. 251–260.

[3] Тань Аошуан. Ментальность срединного пути // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 46–54.

[4] Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения. М., 2002. С. 271–285.

цип «недеяния», то есть ненарушения естественного порядка и невмешательства в природу вещей (подчинения естественному ходу событий)[1]. Лаконизм «Тропы» с его полемическим осмыслением *недеяния* мог бы стать прекрасным эпиграфом к одноимённому сборнику Ачаира, вышедшему спустя два года после «Лаконизмов» и реализующему самые разнообразные мотивы жизненных *троп* в их соотнесённости с этическими идеалами (любовью к людям, верностью в любви мужчины и женщины, жертвенностью, гуманностью).

Ачаир стремится примирить свой личный морализаторский порыв с той культурной традицией, в которой эти категории исторически находили адекватное поэтическое выражение. Не случайно современник поэта писал про «Лаконизмы»: «такие книжечки стихов во времена Вольтера давали славным воинам на память, когда они шли в долгие походы и битвы»[2]. Словно предчувствуя ещё более тяжелые испытания, что выпадут на его долю через несколько лет, поэт вооружается целой морально-философской системой, дающей ответы на все вопросы.

Атеизм

Так. Бога нет. Но есть –
закон и честь,
добро, любовь... и жизнь всего живого…
– Чудак какой! Бежишь трусливо слова:
«Добро..., любовь...» – так это Бог и есть.

Храм

Когда ты остался один по воле своей,
или случай (как то, чему быть суждено)
к пустынным привел берегам, –
не сетуй в тоске и не плачь,
не бейся в отчаяньи жгучем.
Подумай: так редко любовь ведёт
не на площадь, а в храм.

В сочетании с даосским недеянием и конфуцианской гуманностью этот «храмовый point» становится заключительным этапом самопознания и самовоспитания *совершенного мужа* и *настоящего мужчины*. Но – русского мужчины. Пронизывающая короткие стихи печаль о смерти, печаль о жизни, боль за человека становится не только связующим звеном поэзии Ачаира и китайской поэзии, но и выражением личных драматических переживаний[3].

Оставшись верным себе и «смиряя соблазны» («Маэстро»), Ачаир одновременно оправдал дидактическую сентенциозность «собранья пестрых лако-

---

[1] Тань Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка: Языки этики. Указ. изд. С. 31–46.

[2] А-с. Алексей Ачаир. «Лаконизмы» [рец.]. Указ. изд.

[3] Перфильев А. «Лаконизмы» А. Ачаира [рец.] // Для Вас. 1937. № 17. С. 29.

низмов». При этом – не изменил своей планиде Наставника и Учителя.

Столо ли искать биографические схождения и прояснять тайны личных отношений, сокрытые в художественном пространстве «Лаконизмов»? В истории харбинской литературы такие «интимные» сюжеты становятся порой единственными источниками биографических сведений о том или ином поэте (правда – с большей или меньшей степенью достоверности), в свою очередь, обладающих текстологическим и источниковедческим значением. С другой стороны, «личный» контекст «Лаконизмов» служит оправданием их утомляющей назидательности и криптограмматичности.

Ачаир спрятал свою «русскую» страсть под одеждами восточной мудрости, передав собственные чувства и переживания образу поэта-отшельника, живущего в Китае. Лирическая стенограмма платонического романа Ачаира, по всей видимости, имевшего место в конце 40-х гг., обладает и художественным значением. В год столетнего юбилея Пушкина, широко праздновавшегося эмигрантской культурой, «Лаконизмы» стали ещё одним уникальным и довольно успешным фронтирным опытом постижения китайской картины мира русским поэтом.

3. Дальневосточный фронтир и беллетристика эмиграции: модусы художественного восприятия

Литература дальневосточной эмиграции развивалась не только поэзией, но и прозой – *беллетристикой*, как определяли этот способ художественного самовыражения сами писатели-беженцы[1]. В их практике явление «беллетристика» было абсолютно лишено отрицательных смыслов и коррелировало исключительно с понятиями «поэтическое» (лирическое) и «публицистическое». «В последнее время наблюдается тяготение к беллетристике»[2], – напишет анонимный автор «Чураевки», и это будет просто констатация того, что в популярной литературной газете больше стало появляться прозаических произведений. «Ремесло беллетриста» в сознании пишущей харбинской братии осмысляется как трудное, требующее не только таланта, но и определённого умения[3]. После тягот Гражданской войны и треволнений обустройства в неведомой Маньчжурии харбинский читатель ждал от писателей именно хорошей прозы, не задумываясь о её оценочном определении.

В первой половине 20-х гг. харбинские издатели и сочинители словно с «чистого листа» начинают наверстывать потерянное за время революции и Гражданской войны[4]. В 1929 г. Вс.Н. Иванов, чей литературный багаж успел стать довольно весомым, а авторитет – солидным, обрушится на прозаиков дальневосточной эмиграции с провокационными попреками: «Харбинские эмигрантские беллетристы и иже с ними, которые в своих рассказиках помещают то лирические переживания при встрече с некоей обворожительной девушкой, то копаются в воспоминаниях, расплываясь в сладкой и теплой водице, не подозревают, в каких возможно-

Иванов Всеволод Никанорович. 20-е гг.

---

[1] Опираясь на внеиерархическое толкование данного понятия, под беллетристикой мы понимаем прозаические произведения разнообразной жанровой природы, обладающие острой фабулой, динамичным стилем, занимательные для чтения; как правило, беллетристические тесты – небольшого объёма. Беллетристика обладает широким рецептивным потенциалом среди разных читательских слоёв, разделённых не только социокультурными, но в идеале – и временными границами. Априори в корпус дальневосточной беллетристики мы включаем произведения, на наш взгляд, эстетически значимые, не предполагающие поправок на «провинциализм», «мелкотемье» и эпигонство.

[2] <Б.п.> Работа по студиям // Чураевка. 1932. 27 декабря. № 7 (1).

[3] Ребринский А. О творчестве беллетриста (Литературный ларец) // Рубеж. 1942. № 18.

[4] Менестрель. После разлуки // Гонг. 1923. № 1. С. 18–20.

стях сюжетов они пребывают»[1].

Несмотря на достаточно трезвую оценку литературной ситуации тех лет, проблема эмигрантской прозы состояла не в отсутствии талантов. Суровая беженская действительность подвигала русских сочинителей применять свои художественные амбиции к жёстким условиям рыночных отношений, соотносить меру собственного эстетического вкуса с запросами читающей публики, сопрягать с талант с его «реализуемостью» и искать новые темы.

«Не пиши мне фраз из рубежных рассказов!» – взывает юный герой рассказа Г. Гранина к своему коллеге-сочинителю[2], ёрничая над беллетристической продукцией популярного журнала «Рубеж». И, действительно, «сколько было там пустячного, лёгкого!»[3] Однако жанр рассказа, регламентированный границами журнального объёма и специфическим соцзаказом эмигрантской читающей публики, сыграл двоякое значение в развитии дальневосточной беженской прозы. За броскими названиями («Черт» Б. Юльского, «Призрак Алексея Бельского» А. Хейдока, «Золотой зуб» А. Несмелова и мн. др.), динамичными фабулами, мистическими мотивами или столь наскучившим «местным бытом» (Ю.В. Крузенштерн-Петерец) зачастую скрывались явления, оценить которые можно было только по прошествии времени. Отчасти вынужденная, малая форма нацелила сочинителей не только на острые наблюдения над единичным эпизодом, событием, частной судьбой, но и пробудила интерес к их «провинциальному» бытию, заставила обратить внимание на инокультурную проблематику, определить своеобразную повествовательную стратегию. «Рубежу» обязаны «вторым дыханием» специфические беллетристические жанры «по случаю», столь популярные в дореволюционной России и возрождённые в Харбине: «рождественский рассказ», «святочный рассказ», «пасхальный рассказ» и др. Сама ситуация востребованности такого рассказа в праздничные дни рождает, в свою очередь, и новый, сугубо «региональный» жанр – «давнюю харбинскую быль» (А. Несмелов «Сторублевка», 1944)[4].

Круг чтения русских харбинцев расширялся стремительно, и постепенно стал необыкновенно разнообразен[5]. Знаменитые библиотеки КВЖД[6], ХСМЛ

[1] Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Иванов Вс.Н. Огни в тумане. Рерих – художник-мыслитель. М., 1991. С. 239–243.

[2] Гранин Г. Монна Ванна // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 30–45.

[3] Крузенштерн-Петерец Ю.В. О «Рубеже» // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. М., 2005. С. 94–97.

[4] Кстати, сопоставимый с уже апробированными в 1923 г. «шанхайскими анекдотами» М. Щербакова.

[5] Об этом: Эфендиева Г.В. «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. Благовещенск, 2012. С. 182–195.

[6] Библиотека Харбинского железнодорожного собрания считалась одной из самых богатых и старейших в городе (она была образована в 1902 г.). Об этом: Бердин Д.В. (Сост.) Краткая инструкция по библиотечной технике: Применительно к библиотеке Харбинского железнодорожного собрания. Харбин, 1923; В.Р. О библиотеке института и её создателе П.А. Казакове // Политехник. 1973. № 5. С. 9–10.

и Д.Н. Бодиско предоставляли читателям и русскую классику, и литературу русского модернизма, и модные оккультные романы.

В библиотеке Д.Н. Бодиско.
Харбин, 30-е гг.

Вернёмся к статье Вс.Н. Иванова, который призывал харбинских беллетристов отрешиться от старого мира воспоминаний и обратиться к «тяготам настоящих дней», потому что до сих пор «в них упорно не видят ни человеческой воли, ни человеческой правоты, ни острых тех переживаний, которые заставляют поставить на карту всё – жизнь, близких и так далее и брести проводником, а часто и так, по компасу, взыскуя лишь одного – воли, воли, воли от невыносимого гнёта во что бы то ни стало»[1]. Но к концу 20-х гг. эти тенденции уже вызревали в сознании многих дальневосточных писателей. Едва-едва обустроившись в своём эмигрантском бытии, отойдя от тягот бесконечных переходов и переездов, воспрянувшие от былого и новоиспеченные, харбинские сочинители, наконец, почувствовали скрытые толчки литературных импульсов[2].

Фронтирная (пограничная, порубежная) ситуация была литературогенна для них своей пространственно-географической спецификой.

«Загадочная страна Маньчжурия», «дебри маньчжурской тайги» стали художественной мифологемой, определяющей, с одной стороны, крайнюю степень отчуждённости русского изгнанника от бескрайних просторов российских степей, его «умирания» в качестве *русского* человека, «возрождения» в качестве *эмигранта*, с другой стороны, его особую выделенность в неоднородном пространстве эмиграции в целом. Не случайно в эмигрантской среде многие называли их «русскими китайцами».

Порубежье как временная и социально-философская категория тесно связались в сознании эмигрантов с лихолетьем Гражданской и последующими за этим переменами в их судьбе и художественном сознании[3]. Остро осознавая

[1] Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе. Указ изд. С. 240.

[2] Подробно об этом: Забияко А.А. На проселочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. В 4 т. Т. 1. Часть 1. Проза / Хрестоматия. Благовещенск: Амурский госуниверситет, 2013. С. 3–37.

[3] Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 3–7.

Дикари под боком у Харбина.

И. Кедров «Дикари под боком у Харбина»

пограничность своего местоположения и состояния, многие сочинители понимали, что в этом их уникальность. Трагедия Ледяного похода, тяжелейшие невзгоды, сопровождавшие семьи дальневосточных беженцев на пути в эмиграцию, экзотика русского города посреди маньчжурских болот, процветающий на почве харбинского многовластия бандитизм, хунхузничество провоцировали и продуцировали особые темы и сюжеты. Да ведь и люди-то, решившиеся на переход дальневосточной границы, были непростыми: авантюрного склада, витальными, и, говоря сегодняшним языком, готовые к любому экстриму. Иначе как могли бы они справиться с той чередой испытаний, что предъявили им история и жизнь? Лихо закрученными сюжетами из собственной биографии могли поделиться Альфред Хейдок[1], Арсений Несмелов[2], Алексей Ачаир[3], Яков Лович[4] и сам Вс.Н. Иванов[5]…

«Пограничная жизнь – это огромная канва, по которой можно расшивать узоры бесчисленных, весьма запутанных, обременённых сложной фабулярностью, романов… Недаром в доброе старое время писались повести о контрабандистах, о мрачных следопытах-охотниках, о невероятных приключениях, все это – в связи с жизнью на границе», – писал в середине 30-х гг. на страницах журнала «Рубеж» критик Аргус[6].

Этнографический материал становится востребованным не только в узких научных кругах, но и в среде обычных горожан, постепенно осознающих уникальность своего местоположения, того края, что стал их домом. Для обретения новых впечатлений харбинские писатели отправляются в путешествия (они же – корреспонденты ведущих периодических изданий): А. Ачаир, А. Хейдок, В. Логинов, Н. Байков и др.; по югу Китая и странам

[1] Хейдок А.П. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 17–42.

[2] Несмелов А. О себе и о Владивостоке; Наш тигр, Ленка Рыжая и т.д.

[3] Ачаир А. Тайна северной тайги // Рубеж. 1937. № 23. С. 3–8.

[4] Лович Я. Враги. М., 2007.

[5] Иванов Вс.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12.

[6] Аргус. Роман, написанный жизнью (Книга К. Сабурова «Зелёный фронт», только что вышедшая в Харбине) // Рубеж. 1937. № 17.

Азии путешествуют шанхайские авторы (М. Щербаков). Их этнографические репортажи и зарисовки несут ценнейшую информацию о нравах, обычаях и верованиях коренных народов Востока Азии и обнажают интерес к окружающей экзотике не только самих писателей-эмигрантов, но и, в первую очередь, читателей газет и журналов[1]. Особенности непростой пограничной жизни в Северной Маньчжурии, обусловленной политической ситуацией на Дальнем Востоке, к 1937 г. лишь обозначились уже столь явно, что о них стало возможным писать и в иллюстрированном журнале, и в более солидных публикациях[2].

Беллетристы дальневосточной эмиграции эти возможности использовали многообразно, реализуясь в соответствии со своими модусами художественного восприятия: в пространстве мистического реализма (А. Хейдок), в области художественной этнографии (Н. Байков, П. Шкуркин, В. Март, М. Щербаков, Б. Юльский), в «динамическом реализме» А. Несмелова и т.д.

3.1. Китай, Рерих и мистический реализм: Альфред Хейдок

Особенным образом ментальность дальневосточного фронтира отозвалась в этнокультурных, религиозных и творческих исканиях **Альфреда Петровича Хейдока [1892–1990]** – латыша, чьим предопределением стала судьба русского писателя. Настроенность психики культурного маргинала А. Хейдока к приятию инокультурных традиций соединилась с мистическим мироощущением и острым даром беллетриста.

Как и многие из старшего поколения писателей-эмигрантов, Хейдок имел богатый жизненный опыт, вмещающийся в авантюрную драму, режиссерами которой явились судьба и случай. Анализируя жизненный путь этого писателя, можно примыслить, что все противоречивые хитросплетения истории Российской империи рубежа XIX–XX были задуманы исключительно для того, чтобы мальчик из латышской деревушки стал тем, кем он стал – доблестным русским солдатом, талантливым русским писателем-мистиком и до конца своих дней последовательным апологетом Н.К. Рериха. Корни этого сложного комплекса, характеризующего духовный мир Альфреда Хейдока, лежали в детстве, воспитании и образовании, а проросли пышными плодами благодаря его встрече

---

[1] Ачаир Ал. У священного озера (Спец. корреспонденция для «Рубежа» из Ханьчжоу) // Рубеж. 1929. № 6. С. 11; Хейдок А. Город предрассветных сумерек (Впечатления о Гирине) // Рубеж. 1929. № 45. С. 3; Кедров И. Дикари под боком у Харбина // Рубеж. 1933. № 10. С. 3–4; Забайкалец. Соколиная охота в Китае // Рубеж. 1929. № 48. С. 6; На отрогах Хингана (Результаты научной экспедиции) // Рубеж. 1931 (?). № 11. С. 5–6; Щербаков М. По каналам. С фотографиями автора // Слово, 22.03.1930; По древним каналам. Этнографический очерк // Понедельник, 1930. № 1; Священный остров. Очерк о Путу // Парус, 1932. Вып. 9.

[2] Об этом, например: Забияко А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // Религиоведение. 2014. № 4. С. 185–192.

Хейдок Альфред Петрович

с Дальним Востоком.

«Как живы и прочны детские воспоминания. Мне скоро сто лет, но я попрежнему помню во всех деталях бревенчатый домик с пристроенной к нему кузницей… Лес, который моя фантазия населяла всеми персонажами прочитанных сказок», – начинает свой экскурс в прошлое уже седобородый и практически слепой Альфред Хейдок[1]. Ощущение религиозности, склонность к мистическому постижению реальности были присущи этому мальчику с ранних лет, о чём мы узнаем из его автобиографических очерков. Во многом обращённость его психического склада к религиозным опытам объяснима влиянием матери и бабушки. Хейдок вспоминал: «Церковь была довольно далеко, и она [бабушка] каждое воскресенье устраивала нечто вроде богослужения сама, в полном одиночестве. После завтрака она водружала на нос очки в железной оправе и доставала из шкафа сборник проповедей на каждое воскресенье и праздник. Проповеди она читала громким голосом, хотя ни одного слушателя у неё не было; мать хлопотала по хозяйству, отец по воскресеньям уходил на сыгровку любительского оркестра, в котором участвовал (на контрабасе), а если это был охотничий сезон, то непременно уходил на охоту, к великому неудовольствию бабушки, обрушивавшей на него упреки, что время, отведённое для богослужения, он употребляет для "греховной страсти"»[2].

Мать научила будущего писателя тонко чувствовать окружающую красоту, её религиозность носила пантеистический характер: «Многим я обязан ей в своём воспитании, главным образом – бережным отношением к природе. Помню: на росистом лугу она подозвала меня и раскрыла перед моими глазами гнездо какой-то птички, полное крапчатых яиц. Но она меня строго предупредила, чтобы я их не касался руками, так как птичка, почуяв чужое прикосновение, больше к гнезду не вернется. Умело она раскрывала передо мной красоту природы, научила любить цветы...»[3]. Брат и отец будущего осо-

[1] Хейдок А. Страницы моей жизни. М., 2011. С. 4–5.

[2] Хейдок А. Скорее… Автобиографические очерки // Официальный сайт о творчестве Альфреда Петровича Хейдока. [М., 2006]. URL: http://www.hejdok.ru/index.html (дата обращения: 12.05.2009).

[3] Хейдок А. Скорее… Автобиографические очерки. Указ. ист.

бой религиозностью не отличались. Отец мечтал видеть в сыне не писателя, а «весёлого кузнеца», как и он. Но и мать и отец тонко чувствовали музыку: отец играл на трубе в сельском духовом оркестре, а позднее с матерью на берегу Волги они музицировали на гармонике и кларнете лютеранские хоралы.

Альфред Хейдок, выросший в прибалтийской деревне на окраине Российской империи, воспитанный в лютеранской семье, вынужден был учить русский язык, с детства знакомиться с русской литературой, так как в силу тогдашней имперской политики образование и библиотека в школе были русскоязычными. Но это не стало для маленького латыша тяготой. Русскую литературу он читал запойно.

Любимыми писателями будущего харбинского мистика стали Лермонтов и Гоголь. С ранних лет он почувствовал в себе и писательские задатки, считая, что писателем уже родился. В детстве же Хейдок решил, что когда-то в прошлых жизнях он был именно русским, и надо было просто вспомнить давно знакомое[1]. В 16 лет юноша попадает в глухую сибирскую деревню. Будущий теософ знакомится с русскими народными обычаями, с живым бытованием фольклорных жанров. Своеобразие песенного начала русской культуры произвело неизгладимое впечатление на его сознание. Позднее Хейдок и это сочтёт знаком предопределения. В своём последующем творчестве он неоднократно будет обращаться к наследию русского фольклора (быличкам, бывальщинам, легендам, историческим песням, сказкам и сказам), через него возвращая своего героя к архетипическим истокам формирования личности. Несмотря на то, что до конца жизни Альфред Хейдок говорил по-русски с акцентом[2], это не помешало ему создать безупречные с точки зрения русской стилистики и напоённые тончайшей поэзией тексты.

Типологию формирования его религиозности, глубочайшего интереса к тайнам бытия можно соотнести с судьбой румынского ученого Мирчи Элиаде, который «на протяжении всей жизни имел склонность видеть в событиях своей жизни, порой на первый взгляд мелких или случайных, многозначительный скрытый смысл»[3]. С детства маленький Мирча испытывал неизбывную тягу к этническому самоопределению[4]. Анализируя свою этнокультурную идентичность, Элиаде объяснял перепады настроения, ему присущие, интерес к национальной мифологии и тягу к сакральному именно *поликультурностью* своего

[1] Попов А.Е. Трудная жизнь сильного духа: А.П. Хейдок // Официальный сайт о творчестве Альфреда Петровича Хейдока. [М., 2006] // URL://http://www.hejdok..ru/b_popov.html (дата обращения 15.02.2007).

[2] Иронические замечания на сей счёт оставил В. Перелешин: Перелешин В. Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanhai, 1930–1950. – Amsterdam, 1987; критически высказывался по поводу печатного стиля А. Хейдока и М. Щербаков.

[3] Об этом: Забияко А.П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // Религиоведение. 2008. № 1. С. 53–66.

[4] Забияко А.П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности. Указ. изд.

генетического наследия[1].

Альфреду Хейдоку с юности была близка идея перевоплощения, которую, как думал, он воспринял благодаря романам популярной в те годы В.И. Крыжановской – автора оккультных романов. Писательница утверждала, что все романы надиктованы ей духом английского поэта, Джона Уилмота, графа Рочестера (потому это имя она приписывала рядом со своим при издании книг)[2]. Однако готовность к восприятию идеи перевоплощения была определена склонностью самого Хейдока к личному религиозному опыту, способностью к вещим снам, «экстатическим путешествиям» (М. Элиаде) и мистическим предчувствиям. Как и румынский мистик, всю жизнь разрабатывавший собственную концепцию «творческой герменевтики», Хейдок большое значение придавал своим «онейрическим» предсказаниям. Так, уже в конце жизни он подробно рассказывал о снах-предсказаниях и мистических схождениях, предопределивших его судьбу.

Чудесным образом он мог предугадывать события личной жизни, читать на расстоянии мысли близких. Ярким примером такого предугадания, во-первых, стало для Хейдока знакомство с его будущей женой: «Это было 3 марта 1918 года. Я с рюкзаком за плечами вышел из города, не спеша, пошёл пешком в сторону станции Столбцы, чтобы выбраться с оккупированной немцами территории и уйти домой. Да, в тот день, когда я вышел, матрос, один нехороший человек, убил выстрелом из трёхлинейки первого мужа моей жены. А в конце апреля я приехал по железной дороге в г. Благовещенск-на-Амуре. И когда слез с поезда, вышел из вокзала, передо мною открылись крыши г. Благовещенска. *Внутренний голос мне подсказал*: под одной из этих крыш живёт твоя будущая жена. И действительно, я пошёл пешком в город и первая женщина, с которой я познакомился и начал разговаривать, была моя будущая жена. Она стояла с похоронкой, убитая горем»[3]. Рассказывал он и об опыте личных «экстатических путешествий»: «Хочу рассказать один эпизод из своей жизни, который иллюстрирует силу человеческой мысли. Я женился в г. Благовещенске. Гражданскую войну пробыл в Благовещенске. А потом, когда Белая власть пала, я должен был из Благовещенска бежать на китайскую территорию в Харбин. А жена осталась в Благовещенске. И, конечно, перебежав в Харбин, я тосковал по своей жене невероятно. Я любил свою жену и разлука с ней, тем более в таких обстоятельствах, была для меня жестоким ударом.

И вот что я один раз придумал: я решил посетить свою жену мысленно. Как это делать, в какой-то книге я прочитал. И вот я поступил так: в Харбине у меня была маленькая комната, жили там несколько человек, другие ушли,

[1] Eliade M. L'epreuve du labyrinthe. Entretiens avec Claud-Henri Rocquet. Paris, 1978.

[2] Крыжановская В.И. На соседней планете. СПб., 1903; Адские чары. СПб., 1910; Дочь колдуна. СПб., 1913; В царстве тьмы. СПб., 1914 и др.

[3] Хейдок А. Интервью видео-журналу «Беловодье». Указ. ист.

я остался воскресным вечером один в комнате. Тогда я сел на стул или на кресло, скорее всего на стул, и ярко мысленно представил, что я сейчас встаю со стула, выхожу из дома, спускаюсь по ступенькам во двор, иду под гору, перехожу улицу и иду на берег реки Сунгари (Сунгари впадает в Амур). По Сунгари я уже на крыльях мысленно лечу до Амура. Амур поворачивает, я лечу вверх по течению, представляю себе знакомые казачьи станицы, которые я пролетаю и прилетаю в г. Благовещенск. По знакомой улице иду на свою покинутую квартиру. Прохожу в спальню и нахожу, что жена моя спит. Всё это происходит мысленно. Я нагибаюсь и целую её. Потом я выпрямляюсь и лечу обратно в Харбин. Это было зимой.

Благовещенск. 20-е гг.

Прошло больше полгода и моей жене удалось вырваться оттуда и приехать ко мне в Харбин. Жена рассказала, что она в тот день, когда я её посетил и поцеловал, проснулась от моего поцелуя…»[1].

Он воевал на фронтах Первой Мировой и Гражданской войн, затем оказался в Амурской области, где в с. Тамбовка работал начальником милиции, заслужив уважение среди сослуживцев рассудительностью и порядочностью. Чудом спасшись, перешёл Амур буквально накануне входа в Благовещенск красных партизан[2]. Видел такое, после чего нетрудно подвинуться рассудком либо уйти в религию. Но, попав в Харбин, боевой офицер Альфред Хейдок окунается в писательскую среду. При этом становится пламенным последователем и сотрудником Рериха на всю жизнь.

Хейдок, по его собственным словам, был готов к встрече с Учителем с юных лет[3]. В детстве он уже был под большим впечатлением от репродукций картин Н.К. Рериха. Своими необычными темами они будили в юноше мечту, звали вдаль, окутывали действительность сладостью сказки. Подолгу, не отрываясь, засматривался юный Альфред на эти картины и как бы переселялся в них. Хейдок писал: «Мне было 16 лет, когда я пришёл к заключению, что нет в мире лучше художника, чем Рерих. Мог ли я в то время подумать, что когда-нибудь с ним встречусь». Позднее он напишет: «Это не было случайность. Это

[1] Хейдок А. Интервью видео-журналу «Беловодье». Указ. ист.

[2] Хейдок А. Страницы моей жизни. Из устных рассказов писателя (1989). Указ. изд.

[3] Об этом: Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Меж двух миров»: Русские писатели в Маньчжурии. Указ. изд.

была воля планомерной руки Владыки, который направлял меня. <…> И неминуемо наша встреча должна была состояться»[1]. Предчувствие этого события отразится в творчестве писателя задолго до знакомства с Рерихом: уже в рассказе «Маньчжурская принцесса» (1930) при описании китайских представлений о мире даётся упоминание полотен Рериха: «Видели ли вы когда-нибудь некоторые их удачнейших творений Рериха? Замечали в них за каким-нибудь холмом нашего севера, ничего особенного собой не представляющим, неизмеримую глубину бледных северных небес, в которой вы сразу чувствуете *седую вечность, космическое спокойствие и такую даль, будто она раскинулась за гранью недосягаемых миров?*»[2] (курсив мой – *А.З.*).

Встреча с Учителем произошла в 1934 г., но известно, что Хейдок познакомился с трудами Рериха задолго до того – например, в 1924 г. была выпущена книга «Пути благословения», включившая 12 статей Н.К. Рериха. Книга была издана при непосредственном участии Г.Д. Гребенщикова. В 1924 г. в газете «Русский голос» были опубликованы две статьи «Н.К. Рерих» за подписью Е.В. и «Таинство Рериха» Г.Д. Гребенщикова; в 1933 г. газета «Заря» опубликовала статью Рериха «Неизлечимая рана». Для А. Хейдока, переводившего «Тайную доктрину» Е.П. Блаватской, увлечение теософским учением явилось ступенью на пути к постижению «Агни Йоги».

Реальную встречу с Рерихом Хейдок считал самым важным событием, поворотным пунктом своей жизни: «Первый раз я встретился с Николаем Константиновичем на вечере, устроенном литературным объединением "Чураевка". <…> Когда я узнал, что А. Ачаир устраивает вечер в честь приезда Николая Константиновича, я помчался к нему с просьбой, чтоб он познакомил меня с Николаем Константиновичем, и А. Ачаир обещал. Зал, в котором происходило это собрание, был не велик, но он был полон народу. Появился Николай Константинович, я впервые увидел его, и произнёс краткую речь о сотрудничестве. О сотрудничестве, как о принципе, на котором должны строиться человеческие межгосударственные отношения в будущем. Он призывал также всех вносить принцип сотрудничества в нашу жизнь. <…> Когда А. Ачаир меня представил, я попросил Николая Константиновича назначить мне аудиенцию, принять меня для более, так сказать, длительного разговора. Но оказалось, что желающих попасть к Николаю Константиновичу так много, что Николай Константинович должен был открыть запись на приём и нанять специального швейцара у дверей, который пускал посетителей строго по записи, по очереди, и эту запись как раз вёл его брат. Когда я попросил о приёме Николая Константиновича, он обратился к брату и спросил: "Как там у тебя, когда мы сможем принять молодого писателя?" Брат прикинул и сказал: "Через три

[1] Хейдок А. События. Время. Люди // Хейдок А. Страницы моей жизни. Указ. изд. С. 34.
[2] Хейдок А. Звезды Маньчжурии: Рассказы. Владивосток, 2011. С. 74.

дня. Очередь такая большая, что через три, четыре дня". Ну, вот я дождался назначенного времени для приёма и пришёл к Николаю Константиновичу. <…>

Войдя в кабинет, он встал за письменным столом. Причём письменный стол его стоял напротив входной двери, в которую я входил. И вот в этот момент, когда он стоял за письменным столом во весь рост, когда я близко устремил на него взгляд, я понял, что я давно знаю его, и что совсем не первый раз вижу его, и ещё я понял, что он мне *роднее родного отца*. У меня вылетели все заготовленные фразы, с которых я хотел начать разговор с Николаем Константиновичем. Я решил задать ему вопрос, который меня очень волновал в Томске, и я задал его. Я сказал: "Николай Константинович, я читал ваши книги: «Пути благословения», «Сердце Азии», читал о Шамбале и о Великих Учителях, скажите мне, действительно ли существуют такие Великие Учителя и такая Шамбала?" И он мне ответил: "Да, существуют, и я у них был". После этого у нас пошла беседа о Великих Учителях, о теософии, о Шамбале. Николай Константинович сказал, что Великие Учителя Шамбалы дали Новое Учение, которое называется «Агни Йога», более того, он мне обещал книги Агни Йоги, как только придет его багаж. Я слушал, *преисполненный огромной радости*, я был счастлив, Николай Константинович излучал из себя *духовный магнетизм*, на фоне которого люди чувствовали себя счастливыми, радовались. Присутствие Николая Константиновича *было до того благостно*, до того приятно, что не хотелось уходить, но я понимал, что уходить-то надо. Но, прощаясь, я так сказать, высказал мысли, что я прощаюсь, ухожу совсем и больше не приду, а он меня перебил и сказал: "Зачем, вы будете приходить, мы с вами будем встречаться", – и называет новый день для прихода» (Курсив мой. – *А.З.*)[1]. Впоследствии у Хейдока и Рериха завяжется переписка, к сожалению, пропавшая в 1950 г. во время ареста Хейдока в СССР. Телеграмму Рериха с поддержкой идеи вернуться в СССР Хейдок будет хранить также до ареста. А вот кольцо-талисман с зелёным камнем, подаренное Учителем в тот незабвенный день, Хейдок чудесным образом пронесёт сквозь лагеря и лишения… «Настанет некогда в жизни каждого человека такой день, когда он будет в состоянии заглянуть в свои ранее прожитые жизни в веках и тысячелетиях». В такой ёмкой форме в своём позднем творчестве А. Хейдок выразит один из постулатов учения Агни Йоги. Очевидно, что его путь к восприятию и стойкому следованию идеям Рериха начался в самую раннюю харбинскую пору.

С одной стороны, произведения Хейдока тех лет пронизаны теософскими идеями поиска сверхреального бытия, сопряжёнными с китайской мистикой и религиозными представлениями Востока, и насыщены соответствующей символикой. С другой стороны, эти идеи поверяются степенью присутствия

---

[1] Хейдок А. Интервью видео-журналу «Беловодье» // Неоконченная симфония. Рубцовск, 2004.

разумного // безумного в сознании человека и особой предрасположенностью к восприятию этих идей разными этническими психотипами: американцами, скандинавами, китайцами, русскими, маньчжурами, монголами. Не удивительно, что соприродны эти идеи китайцам, монголам и маньчжурам, а наиболее органично они усваиваются русскими. Условием проявления в обыденной жизни этих вечных идей становится особый хронотоп, в котором оказываются герои и разворачивается сюжет.

Благодаря историческим и географическим реалиям читатель может определить, когда и где происходит действие – это время гражданской междоусобицы, охватившей широкие пространства и территории России и перекинувшейся в Китай, Маньчжурию и Монголию. Но временные координаты самим автором определяются метафизически: это «дни великих дерзаний, когда безумие бродило в головах и порождало дикие поступки; когда ожесточение носилось в воздухе и пьянило души»[1]. В характеристике пространственных ориентиров доминирует принцип психоэмоциональных ощущений героя: «безумие желтых пустынь», «на этом холме я испытал нечто похожее: сознание близости закоченевших фигур в крепких деревянных гробах под землей; неестественно жуткий покой мертвых»[2]. Именно в «безумные дни» на этих маргинальных пространствах, погружающих человека в первобытное состояние и оправдывающих его дикие инстинкты, возможна встреча с Дьяволом, Сатаной, демонами.

С 1929 по 1934 Хейдок опубликует в «Рубеже» и других изданиях Харбина и Шанхая более 40 рассказов, большая часть которых войдёт затем в концептуально скомпонованный сборник «Звезды Маньчжурии» (1934). «Помимо увлекательного содержания и вдумчивого изложения, "Звезды Маньчжурии" полны тех внутренних зовов, которые пробуждаются на древних просторах, напитанных славою прошлого. В каждом рассказе, безразлично, будет ли он основан на бытие современности или на далеких звучаниях великих наследий, всюду внимание останавливается на чертах больших реальностей, которые уводят внимание читателя в область высоких представлений»[3], – такую характеристику даст в своём предисловии к сборнику Н. Рерих.

Итак, древние просторы Северной Маньчжурии и пустыни Гоби становятся для автора-мистика пространством, в котором человеку доступно Откровение («черты больших реальностей»). В каждом новом рассказе Хейдок поступательно утверждает возможность непосредственных контактов людей со сверхъестественными силами. Призрак Андрея Бельского (одноимённый рассказ) предупреждает друга о грозящей ему опасности, Кузнецов из рассказа «Миами» общается с помощью деревенского духовидца и колдуна со своей

[1] Хейдок А. Безумие жёлтых пустынь // Рубеж. 1930. № 18.
[2] Хейдок А. Три осечки // Рупор. 1932. 14 августа.
[3] Хейдок А. Звезды Маньчжурии. Указ. изд. С. 31.

умершей женой. Мы словно окунаемся в терминологический континуум учения Н. Рериха, ибо эти лексемы концептуальны именно для его философии. Рерих пишет, что любовь может создавать миры, и советует думать о великом даре любви к Единому Богу и уметь развивать великий дар прозрения в будущее Единство человечества. «Учение жизни, направленное мною – пишет Н. Рерих, – кратчайший путь для достижения явления понимания Космоса»[1]. Возможность общения со сверхъестественными силами теософия объясняет пользой для живущего от возвращения духа на объективный уровень. Предупреждение призрака в рассказе «Призрак Андрея Бельского» спасло Вадиму жизнь, то есть сила стремления умершего Андрея спасти друга заставила «высшее сознание» остаться бодрствующим.

Идея перевоплощения находит свою беллетризованную интерпретацию в рассказе «Маньчжурская принцесса». Художник Багров оказывается способен *заглянуть за завесу времени* и увидеть собственную ипостась несколько сотен лет назад: «Одним словом, в ту минуту я уже был не нынешний Багров, а... Как ты думаешь, кто я был? Яшка Багор, атаман шайки, ... ну, там – землепроходец Сибири, что ли или просто – разбойник»[2]. Хейдок объясняет эту способность Багрова, с одной стороны, силой его любовного чувства к маньчжурской принцессе, с другой стороны, его художественным даром. В теософском учении говорится о том, что «мы остаёмся с теми, кого потеряли в материальной форме и становимся много ближе к ним, чем когда они были живы. Ибо чистая божественная любовь – не только цветок человеческого сердца, но имеет свои корни в вечности. Духовная святая любовь бессмертна, и Карма, рано или поздно, даёт возможность тем, кто любил друг друга с такой возвышенной страстью, воплотиться ещё раз»[3]. Осознав, какая любовь его посетила в прошлом, художник Багров всеми силами старается соединиться с любимой в сфере «тонкого мира». Для этого он последовательными экспериментами с собственным здоровьем «стал ловить смерть на приманку, чуть-чуть приоткрывая ей дверь».

Хейдок делает попытку изучить природу любовного чувства в мистическом контексте вселенских масштабов. И ему весьма импонирует теософская *идея возникновения будущего всеобщего братства*. В рассказе «Песнь Вальгунты» писатель соединяет два временных пласта – время дикарства на заре человечества и «нынешнее» начало XX в. Лишь обратившись к истокам существования человечества, мы можем обнаружить идею слияния человеческих чувств в едином порыве, которое и должно привести к возникновению всеобщего братства. На поиски истины автор отправляет героя – человека среди многих, ничем не выделяющегося скромного комиссионера. С точки зрения теософского вероучения, все люди между собой равны и неважно, посредством кого будет про-

[1] Рерих Н. Листы сада Мории // Октябрь. 2001. № 5. С. 19.
[2] Хейдок А. Звёзды Маньчжурии. Указ. изд.
[3] Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М., 1993. С. 135.

возглашена истина, ведь в каждом человеке обретён бог. Но Хейдок в финале рассказа приходит к неутешительному выводу о том, что современный человек не готов к постижению истины: «в тёмной душе моей произошло какое-то движение, точно там замерцал слабый свет, и мне показалось, что я получил ответ на свои вопросы, но не хватало соображения сделать вывод».

Теософия как мистическое учение стала синтетической доктриной, претендующей на раскрытие особых божественных тайн, на всеобщность и всеохватность. Она соединила в себе черты буддизма и других восточных учений с элементами оккультизма и неортодоксального христианства. Со страниц сборника «Звезды Маньчжурии» звучат голоса многих религий. Это и языческое поклонение богам древних египтян в рассказе «Храм снов», и представление о карающей и воздающей силе кармы буддийского вероучения: «пусть вертится колесо жизни: пройдут века, настанут новые жизни, и тогда Лао Ку будет сидеть у полного котла, а лодочники – наоборот…». Название другого рассказа («Неоценённая добродетель») содержит в себе центральное антропологическое понятие даосизма – добродетели как собственно проявления энергии Дао в сфере бытия. Влияние даосизма проявляется на страницах сборника в изображении китайского культа предков: «трижды он бьёт земные поклоны и трижды посылает заклинания властителю Царства Мертвых, чтобы отпустил он отлетевший дух усопшего». Хейдок обращается и к религиозному синкретизму восточного славянина: «Мы справили похороны и очень далеко везли покойника на кладбище, где предали его земле, которая ему, действительно, мать». Православная культура входит в художественную ткань сборника посредством христианских оборотов, которыми герои сборника иногда пересыпают свою речь: «Всякая тварь от бога, мил человек».

Как любые тексты религиозного характера, рассчитанные на широкую аудиторию, рассказы Хейдока имеют двуплановый характер, где за самой историей скрывается притчевый характер. Но Хейдок ещё – и мастер фабулата, его произведения захватывают филигранным сочетанием мистики, интриги и иронии. Читатель может не разбираться в тонкостях теософской доктрины – он следит за судьбой героев, способных заглянуть за грань обыденной жизни и очутиться в мирах иных. В отличие от литературных героев с рационалистическим сознанием[1], персонажи Хейдока способны и стремятся преодолевать этнические границы чужих мифологий и представлений. Потому что они – культурные маргиналы («авантюристы в душе, люди, потерявшие представление о границах государств, не желавшие знать пределов»), все – немного сумасшедшие либо близкие к безумию (барон Унгерн, Стимс, стрелок Гржебин,

[1] Так, личный рассказчик И.А. Гончарова из «Фрегата "Паллада"» спасается от «инокультурной» английской хандры рационалистическими аргументами: «Туманы бывают если не каждый день, то через день непременно; можно бы, пожалуй, нажить сплин; но они не русские, а я не англичанин: что же мне терпеть в чужом миру похмелье?».

Кузьмин, Кострецов, Алексей Бельский, Багров и др.).

Особое место среди них занимают русские – потерявшие всё после революции и гражданской войны и превратившиеся в «безумных обитателей жёлтых пустынь», равно открытых как смерти, так и откровениям. Они легко проникают в иные миры, достойны неземной любви прекрасных женщин, готовы к поединку с дьявольскими силами. Тому причиной – спиритуалистичность русской культуры, помноженная на те испытания, что посылает история русскому народу. Хейдок не пишет об этом напрямую. Но художественная логика его произведений подводит читателя к подобным выводам.

Образный и мифопоэтический строй одного из самых загадочных рассказов харбинского мистика «Нечто» (1931)[1] является квинтэссенцией вышесказанного. Что есть Нечто? Образ таинственного Нечто нельзя найти ни в одной из мировых религий и культурных форм. Однако упоминание о нём, пусть даже и через другое наименование, присутствует в учении Н.К. Рериха. Это Шамбала – будущая эпоха духовности, культуры, разума и мировой общины, в ней воплощены мечты о земном Рае, будущем всеобщем братстве. Когда люди смогут заключить прочный союз с понятием Братства, тогда можно надеяться на строение крепких основ, тогда к человечеству приблизится великое светлое Будущее[2].

Многие пытаются достичь Шамбалы. Некоторые из них исчезают навсегда. Только немногие доходят до святого места, и только если карма их созрела[3]. В 1929 г. Марианна Колосова, предрасположенная к экстатическим состояниям и, очевидно, в тот момент вдохновлённая идеями Рериха, напишет загадочное стихотворение «Ничто»[4]:

Не пожалею, что уйду я от земли
И встречу утро новое вдали.
И сказочные белые слоны
Пойдут к границе
Голубой страны[5].

Знала ли Колосова о Рерихе, о Шамбале? Как относилась к теософии? Этих данных мы, к сожалению, не имеем. Но её лирическая медитация удивительным образом лексически, топонимически и концептуально перекликается с теософскими предчувствиями А. Хейдока. Только у Колосовой это – «Ничто», а у Хейдока – «Нечто». На самом деле – разница в одной букве рождает поляр-

---

[1] Хейдок А. Нечто // Рубеж. 1931. № 12.

[2] Стульгинский С.В. Космические легенды Востока. Ростов-на-Дону, 1992. С. 11.

[3] Рерих Н.К. Шамбала Сияющая // Теософия в России [Нефиц. сайт]. 2000 // URL: http://www.teosophy.ru/lib/shambala.html (дата обращения: 6.11.2009).

[4] О религиозно-художественном радикализме М. Колосовой см.: Забияко А.А. «Слово моё – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма. Указ. изд.

[5] Юртин Н. (Колосова М.). Ничто // Рубеж. 1929. № 44.

ные смыслы в интерпретации мистического топонима.

В безумное путешествие по мёртвой пустыне в поисках неведомого Нечто отправляется потерявший интерес к суетной жизни, но одержимый поиском сверхсмыслов бытия американский богач Стимс: «Я иду за тем заманчивым ″Нечто“, которое окутывает тайной далёкие горы и исчезает по мере приближения к ним. Если хотите – назовите это наркозом неизведанных глубин. Человечество платит ему дань непогребёнными костями в самых неудобных закоулках планеты»[1]. «Мне тут нужно найти нечто... ну, такое... это трудно объяснить, но оно чрезвычайно важно для меня»[2]. Очевидно, что одержимость Стимса – сродни умопомешательству, это понимают окружающие его люди. В последний момент своё безумие осознает и сам Стимс.

Спутник сумасшедшего американца – русский стрелок Илья Звенигородцев. Пресыщенный жизнью миллионер Стимс отправляется в путешествие в поиске неиспытанных ощущений, учёный-прагматик Баренс пристраивается к экспедиции с мыслью прославиться. А молодой русский мужчина обуреваем сумасшедшим желанием «хоть на миг пожить так, как жили другие, кто разъезжал на мягко шуршащих автокарах, пил вино в обществе красивых женщин за толстым стеклом бара, – так близко и так далеко!».

Но его образ не случайно соположен с образом библейского Илии («Элия» – так на библейский манер зовут его слуга Стимса и сам миллионер). Как библейский пророк, русский парень Илья истоптал ни одну милю в поисках лучшей доли для себя и своего народа («жизнь Ильи, за немногими исключениями, была почти сплошным походом, где упругие, мускулистые и неутомимые ноги являлись существеннейшим из шансов на существование»). Им движет один вопрос: «Где тут путь к радостям человеческим?» и именно он должен «объявить божью милость»[3] Стимсу – помочь отыскать искомое Нечто. «Так они поступили в странном согласии оба: один, потерявший вкус к жизни, – весь в устремлении за туманной мечтой; другой – чтобы завоевать ту самую жизнь, от которой бежал первый».

На рассвете четвёртого дня в замутнённом сознании Стимса предстаёт образ женщины на белом коне. «Женщина на белом коне только что проскакала мимо нас! – в самое ухо прокричал ему Стимс, покрывая голосом рев бури; он трепетал в невероятно радостном возбуждении, – это конец пути; она приведёт нас к людям! Слышишь – нужно бежать за ней».

«Она неслась, как птица по равнине… на ней была огненно-красная мантия и убор из страусовых перьев на голове… Её лицо излучало сияние. Она сказала, что давно ждёт меня... что жрецы в храме трижды приносили жертвы о моём прибытии».

[1] Хейдок А. Нечто. Указ. изд.

[2] Там же.

[3] Библейская энциклопедия Брокгауза. Paderborn, 1999. 1226 с.

Образ женщины-фантома можно рассмотреть и как закономерный образ галлюцинирующего сознания героя, и как концептуальную реализацию различных мировых символов. Образ этот не случайно эклектичен. Упоминание страусовых перьев на голове женщины отсылает нас к мифологии Древнего Египта, где перо страуса являлось атрибутом Маат, богини истины и правосудия, жены бога мудрости Тота[1]. Только Тот, лунный бог египтян, удостаивается этих знаков… Его же называют измерителем, мужем божественной Маат. Это перо, согласно легенде, клали на чашу весов при взвешивании душ умерших, чтобы определить тяжесть их грехов. Их использовали как символ справедливости.

«Её лицо излучало сияние»: сияние символизирует чистую духовность, мудрость, святость, чистоту сердца, сверхъестественное[2]. Белый конь (лошадь), на котором восседает женщина, – символ сложной религиозной природы: это и древнейшая зловещая ассоциация с царством мертвых, и апокалиптический символ христианства, и животное-апотропей в славянской языческой символике[3]. Возможно, что здесь есть намек и на атрибут Будды, ведь известно, что он покинул земную жизнь на белой лошади[4].

Теперь обратимся к числовой символике. Три – число священное, первое совершенное, сильное число, поскольку при его разделении сохраняется центр, то есть центральная точка равновесия. Оно является янским и благоприятным. Это символ троичности бытия: «всё тройственное совершенно», «всё подлинное триедино»[5]. Оккультисты полагают, что понятие «тройка» представляет собой проявление наивысшего уровня в сфере духовного мира[6].

Итак, в образе женщины-галлюцинации слились черты различных культур, словно это – само учение Рериха, в котором звучат голоса многих учений и религий мира: буддизм, веданта, египетский эзотеризм, зороастризм, античные мистерии, русское язычество, христианство. Если суммировать все символические трактовки элементов этого образа, то можно их представить в виде следующих теософских сем: чистая духовность, мудрость, святость, чистота сердца, сверхъестественное, справедливость, истина, свет, жизнь, духовное просветление. Этими качествами должны обладать истинные махатмы, которые населяют Шамбалу, считал Н. Рерих. Но можно ли считать ее проводником в таинственную Шамбалу, воспетую Рерихом? Стимс в этом уверен: «Она приведёт нас к людям! Слышишь – нужно бежать за ней! Она сказала, что давно ждёт меня, что жрецы в храме трижды приносили жертвы о моём прибытии». Его русский спутник иного мнения: «Точно ударили Илью, – он замедлил шаг:

---

[1] Рак И.В. Египетская мифология. М., 2004. С. 269.

[2] Энциклопедия символов / Под ред. В.М. Рошаль. М., 2006. С. 323.

[3] Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996. С. 152–154.

[4] Энциклопедия символов / Под ред. В.М. Рошаль. Указ. изд. С. 881.

[5] Бидерманн Г. Энциклопедия символов. Указ. изд. С. 298–299.

[6] Энциклопедия символов / Под ред. В.М. Рошаль. Указ. изд. С. 47.

сумасшедший человек находился перед ним и нес дикие, сумасшедшие речи... Как он раньше не заметил этого?

Стимс подскочил к нему и схватил за руки.

– Она сказала, что воины с сигнальными трубами расставлены по всем высотам, чтобы известить о моём появлении!

Илья остановился, тяжело переводя дыхание.

– А! Ты не веришь?! – с криком набросился на него Стимс, бешено колотя кулаками, – не веришь?! Я и сам не верю... Но почему ей не быть?.. Почему...

Вцепившись друг в друга, они вступили в исступлённую борьбу. Кто-то из них поскользнулся, и они вместе покатились по скату вниз. Клубок из двух тел, подпрыгивая на неровностях, с глухим шумом грохнулся с обрыва на камни...».

Финал рассказа не двусмыслен и лишён оптимизма. Стимс достигает апогея своего безумия и обретает то, что ищет его воспалённый мозг: «Ему чудилось, что он идёт не один, а целая армия суровых мужчин – начиная с сухощавых, одетых в лёгкую парусину тропических путешественников и кончая укутанными в меха полярными исследователями – молча движется вместе с ним.

Стальные крылья реяли над ним в воздухе, и оттуда приникали к земле острые, упорные взгляды, пилотов, отыскивающие следы таинственного "Нечто".

Невиданные растения-полуживотные морских пучин и рыбы, покрытые десятками глаз, шевелились, когда мимо них проплывали подводные лодки, откуда опять выглядывали жадные глаза мужчины, влюблённого в "Нечто".

Отплёвываясь песком и задыхаясь, Стимс продолжал идти. Наконец, ничего не видя перед собой, он закружился на месте и упал. В этот именно момент его потухающее сознание подсказало ему, что он достиг...».

Перед своим последним шагом в Нечто (или в безумие, *ничто*) Стимс совершает поступок, вполне логичный для всего его предшествующего пути. С дьявольским хладнокровием и мистическим интересом он провоцирует на дальнейший поиск Нечто своего русского спутника, оставляя тому чек на огромную сумму: «К выведенной единице он стал приписывать нули, и тут же дьявольский сарказм подсказал ему: – С тремя нулями Илья испытает лишь краткое блаженство, с четырьмя – превратится в тупого мещанина, с пятью – станет, пожалуй, крупным дельцом, а с шестью... сгорит, как я, и, может быть... – тут он задумчиво потёр переносицу, – может быть, снова снарядит караван на запад, в поисках невероятного...»[1].

Илья – без сознания – остаётся один посреди пустыни с чеком на шестизначную сумму. Нет у него и надежды вернуться, что он понимает ещё много раньше, так как запаса воды у него нет.

Несмотря на перегруженность рассказа теософской символикой и основ-

[1] Хейдок А. Нечто. Указ. изд.

ными доктринами учения, для рядового читателя его идея укладывается в классический сюжет безудержного стремления человека обрести смысл жизни. А в случае Ильи, русского мальчика-изгоя, этот сюжет обретает общенациональные масштабы: в чём найти обетованную землю его поколению? Не являются ли все стремления его собратьев по несчастью поисками химерического Нечто?

Религиозный настрой сознания Альфреда Хейдока нашёл благодатную почву – теософское учение Рериха, обращённое к мистике Востока. Самые разные учения и духовные практики сошлись воедино в этой религиозной системе, воплотившись у Хейдока в мистическом реализме его рассказов. Непредвзято и объективно он фиксирует события, свидетелем которых становится благодаря своим русским знакомцам-экстремалам.

Писатель – носитель пограничного типа этнического и культурного сознания – смотрит на своих героев немного со стороны; не случайно в его текстах почти всегда присутствует личный рассказчик. Конечно, первостепенная задача такого рассказчика – прояснить неясные моменты учения Агни Йога, о чём Хейдок говорит в своих поздних интервью: «в жизни изучающих Агни Йогу бывают отдельные интересные моменты, которые требуют обсуждения»[1]. Потому апологету приходится зачастую прибегать к творческому воображению: «в нём участвует сердце, сердечные энергии, и поэтому в процессе творчества, при участии творческого воображения, возможны взлёты и откровения, которые недоступны простому рассудку. Давно говорят, что поэты открывают великие философские истины. Это признание, например, за английским поэтом Эдвином, который написал поэму о жизни Будды. Там он высказал такие философские истины, которые доступны только глубоко посвящённым буддистам. Этого поэта никто не посвящал. Но в процессе воображения ему это стало доступно»[2].

Рассказы Хейдока можно рассматривать как художественные комментарии к заветам Агни Йога, или, говоря его же словами, «очень хорошие упражнения для рассудка и полезные для расширения сознания»[3]. И все же *писатель* в творческой натуре Хейдока оказывается больше *теософа* – и в эмигрантском творчестве, и даже в позднем, советском. Его случай – яркий пример из раздела «психологии творчества», когда художественная правда борется с идеологемами либо религиозными доктринами (Гоголь, Тургенев, Фадеев, Шолохов и др.) и, как правило, одерживает победу – независимо от воли художника.

---

[1] Интервью А.П. Хейдока, данное видео-журналу «Беловодье» в период пребывания его в г. Челябинске // Неоконченная симфония. Рубцовск, 2004 //hejdok.ru> b_ belovod.html. (дата обращения: 2.12. 2014).

[2] Там же.

[3] Интервью А.П. Хейдока, данное видео-журналу «Беловодье» в период пребывания его в г. Челябинске // Неоконченная симфония. Рубцовск, 2004 //hejdok.ru> b_ belovod.html. (дата обращения: 2.12. 2014).

Не случайно проводниками русских героев в мир Вечного Добра зачастую становятся носители восточного типа сознания: Миами, Маньчжурская принцесса, старик Хоу. Мистика, определяющая повседневную жизнь китайца и маньчжура, помогает русскому человеку найти спасение от невыносимых тягот исторических катаклизмов. И потому даже смерть русские персонажи Хейдока принимают легко – как знак предопределения, как возможность узнать новые воплощения. Очевидно, что эти философские идеи, помноженные на теософские постулаты, помогли и самому Хейдоку пережить и принять те нелегкие испытания, что были суждены образованному латышу его русским жребием.

В целом мистический реализм Альфреда Хейдока, несмотря на свою теософскую модернизацию в духе Рериха, стал продолжением оккультной литературной традиции рубежа XIX – начала XX вв. Этот модус художественного постижения Востока имеет горячих поклонников и по сей день, как и наследие Н. Рериха.

Совсем иная парадигма освоения культурной традиции Китая и соотнесения собственных этнических представлений с этой системой ценностей была представлена *литературой дальневосточной этнографии*. Она связала воедино науку и поэзию, дореволюционную и послереволюционную литературную традицию, метрополию и эмиграцию.

3.2. От научных изысканий к художественной этнографии: В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков

Освоение дальневосточных земель изначально определялось государственными интересами. Практически все учёные-путешественники были людьми военными, имеющими от столичных властей разного рода секретные поручения. К примеру, Александр Васильевич Елисеев [1859–1895], автор дальневосточных повествований «В тайге» (1891) и «По белу свету» (1901–1904), был причислен «для особых поручений» к Министерству внутренних дел Российской империи, при этом состоял врачом при Главном военно-медицинском управлении; то же самое мы можем сказать и о других русских учёных-путешественниках XIX – начала XX в. – С.В. Максимове, П.В. Шкуркине, Н.А. Байкове, В.К. Арсеньеве и др.

Выполнение государственных заданий протекало в неразрывной связи с изучением дальневосточной природы, нравов и обычаев местного населения. Бок о бок проживая с местным населением Дальнего Востока, русские географы, картографы и натуралисты делили с ними трудности и опасности таёжной жизни; вписывая себя в их культурную парадигму, начинали познавать истоки собственной этничности.

Так как натуры дальневосточных исследователей (имеющих прекрасное

образование) были незаурядными, многим из них хотелось этот уникальный опыт запечатлеть не только в служебных записках и рапортах, но и в текстах, в личных рассказах и увлекательных историях, где были бы уместны эмоции и непосредственные переживания. Так, восторженное отношение к дальневосточным землям Н.М. Пржевальского и его художественный дар оказали огромное воздействие и на В.К. Арсеньева, и на Н.А. Байкова. Н.А. Байков всегда помнил напутствие учителя, повлиявшее не только на его натуралистические изыскания, но и на писательскую деятельность: «Если ты так любишь природу и охоту, – говорил Н.М. Пржевальский, – советую тебе после учебы отправиться на Дальний Восток. Дивный край! Прекрасная охота! Тайга – что твои сельвасы Бразилии! Степи – пампасы Аргентины! Такой природы нет даже у нас на Кавказе и Туркестане! Жаль, что мне не удалось побывать там вторично! Ты интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. *Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края*»[1] (курсив мой. – *А.З.*).

Пржевальский был не одинок в своей художественной «заряженности». Именно учёными-путешественниками – С.В. Максимовым, Д.И. Стахеевым, А.В. Елисеевыми др., вдохновлёнными загадочными тайнами дальневосточной природы, образом жизни и нравами обитателей тайги, было положено начало **художественному освоению** Дальнего Востока. Речь в данном случае идёт о тех произведениях, в которых тесно переплавлены научный и художественный текст.

Такого рода литературе писателями, а затем и учёными-литературоведами в разные годы давались разные определения: «воспоминания»[2], «этнографические рассказы»[3], «популярный обзор путешествий»[4], «краеведческое направление в литературе»[5], «поэтический этнографизм»[6], «этнографическая проза»[7], «географическая проза»[8]. Проблема дефиниции самих авторов не особенно волновала, а их исследователями не ставилась во главу угла, потому что каждый отдельный текст рассматривался, как правило, с точки зрения его уни-

[1] Байков Н. Тайга шумит. Заветы Пржевальского. Харбин, 1937.

[2] Елисеев А.В. В тайге (из воспоминаний о далеком Востоке). СПб., 1891.

[3] Шкуркин П.В. Хунхузы. Харбин, 1924. С. 4.

[4] Арсеньев В.К. По Уссурийскому краю. Владивосток, 1921. Цит. по: Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1 / Под ред. ОИАК. Владивосток, 2007. 704 с. С. 50.

[5] Арсеньев Вл. Кл. // Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 77.

[6] Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень, 2005.

[7] Фокеев А.Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века (Истоки, тип творчества, история развития): Дис. д-ра филол. наук: 10.01.01. М., 2004. 516 с.

[8] Яроцкая Ю.А. Творчество В.К. Арсеньева. Специфика научно-художественной системы: Дис. канд. филол. наук: 10.01.01. Владивосток, 2005. 167 с.

кальности, той научной и художественной новизны, что каждый автор привносил в литературу.

На наш взгляд, наиболее универсальным смыслом при изучении такого рода произведений обладает понятие *художественная этнография*, под которым подразумевается результат *художественного освоения* автором культурных, религиозных, психологических установок, нравственно-этических норм, особенностей обустройства быта представителей определенного этноса, населяющих определённые географические пространства[1]. Художественное освоение предполагает «олитературивание» фактического материала вымыслом, художественной условностью, поэтическим слогом, авантюрной сюжетикой. Таким образом, мы однозначно дифференцируем научный и художественный текст, как в теории науки различают научный и художественный образ. Но, так как свои корни художественная этнография берёт в этнографии научной, в центре изображения писателя-этнографа – представители тех или иных этнических групп в реальных условиях обитания и этнокультурного сообщения. Соотношение двух начал (научного и художественного) может балансировать в ту или иную сторону – в зависимости от установки и предпочтений автора, рождая разнообразные жанрово-стилевые формы – от притчи до детектива[2].

«О далеком Востоке» в 1891 г. напишет художественные воспоминания А.В. Елисеев[3]. В этой книге впервые появится знаменитый манза[4] Тунли (впоследствии под этим именем войдёт в литературу герой «Великого Вана» Н. Байкова). Тунли – типичный представитель дальневосточного фронтира, таёжный человек, соединивший в своём сознании черты многих этносов и характеров: «Хитрость манзы, чутье собаки, глаз сокола, ухо зайца и ловкость тигра – вот качества старого лесного бродяги, какие чуть не от рождения приобрёл или унаследовал Тунли. *Не трусливый китаец родом, а сын дикой Маньчжурии, потомок старой охотничьей семьи, он был настоящим царём идущей по верховьям Суйфуна тайги*. Человек и зверь соединились в нём, но зверь не заглушил человека; его сердце было отзывчиво к нуждам ближнего, кто бы ни был то – свой, инородец или русский человек; старым дедом и отцом называли его беспpиютные одинокие манзы; лесная фанза (избушка) Тунли была в самом деле домом для всякого путника или охотника, заблудившегося в тайге. Старый Тунли провёл свою долгую жизнь одиноким; его женою была дикая тайга, его братьями – дикие звери, его детьми – бесприютные манзы» (курсив мой. – *А.З.*)[5].

---

[1] Об этом подробно: Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: Оленная тропа истории и культуры (монография). Благовещенск, 2012. С. 270–275.

[2] Об этом: Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290.

[3] Елисеев А.В. В тайге (из воспоминаний о далёком Востоке). СПб., 1891.

[4] «Манзы» – специфическое именование китайцев жителями российской части территории Дальнего Востока.

[5] Елисеев А.В. В тайге. Указ. изд. С. 5–7.

А.В. Елисеев одним из первых обратился к художественной рефлексии уникальных психоментальных особенностей насельников дальневосточных земель, сформированных условиями их проживания и образом жизни. Елисеевский Тунли – совсем не тот романтический тип лесного бродяги, к которому привык русский читатель XIX в.: «странная, противоречивая натура его совмещала в себе такие несходные стороны характера, как роковое стремление к наживе и аскетическое обречение себя на жизнь и смерть в тайге. Грубый материалист уживался в нём с полудиким таёжником, любящим лес выше всего в мире, мрачный фаталист – с мечтателем, легко смотрящим как на жизнь, так и на смерть». С этим образом вошли в русскую литературу и образы фронтирной мифологии: «Ведя постоянно жизнь, полную поэзии и общения с природою, старый охотник *спокойно и фатально смотрел на смерть*, часто угрожавшую ему во всех видах; *как истый сын Востока, верящий в рок и предопределение, суеверный до мозга костей* Тунли твердо *помнил одно предсказание*:

– *Ты умрёшь в когтях тигра*, – сказала ему давно-давно, гадая по волшебным картам, одна гадалка из Фу-Чеу, – но не бегай тигра в лесу, – прибавила она, – смерть найдёт тебя и в постели, и в стенах родного города, и в море на корабле, если задумаешь её избежать…» (курсив мой. – *А.З.*).

Как мы видим, с первых строк своих «восточных воспоминаний» автор задумал погрузить читателя в мир религиозных воззрений таёжного человека, его особый мифологический комплекс, определяющий жизнь и судьбу дальневосточного жителя. Мы понимаем, что перед нами – текст особого рода, совмещающий в себе научно-этнографический и художественный посылы.

10–20 гг. прошлого века стали наиболее интенсивным периодом развития и научной, и художественной этнографии Дальнего Востока, при этом благодаря одним и тем же людям: в Приморье исследовательской деятельностью занимается Владимир Клавдиевич Арсеньев [1872–1930], в Северной Маньчжурии – Павел Васильевич Шкуркин [1868–1943] и Николай Аполлонович Байков [1872–1956]. Вокруг каждого создаётся особая среда единомышленников. Начиная с 1900 г. по поручению Русского Географического общества Арсеньев исхаживает вдоль и поперёк дебри Уссурийской тайги и отроги Хингана, собирая материалы по картографии и этнографии. При этом он – капитан, затем полковник, исполняет особые поручения Императорского двора, вояжирует из Хабаровска в Харбин. Байков, будучи прикомандирован в Маньчжурию от Академии Наук, служит в Заамурском полку, в «Тигровой роте», спасая край от хунхузов и хищников. Шкуркин после окончания Александровского военного училища в 1889 году получил направление на Дальний Восток, доблестно воевал в русско-японской войне. В 1903 г. окончил Владивостокский восточный институт, десять лет прослужил в чине владивостокского полицмейстера. А затем в 1913 г. вышел в отставку и переехал в Маньчжурию. В совершенстве владея китайским языком, был переводчиком в Управлении КВЖД, преподавал язык в различных учебных заведениях, с 1925 г. стал профессором института

Арсеньев Владимир Клавдиевич

ориентальных и коммерческих наук.

Революция, гражданская война и последующее разделение границы внесут в научную жизнь и художественные опыты учёных и писателей существенные коррективы. Конечно, события Первой Мировой войны также повлияли на процесс накопления, обработки и сохранения научного материала. Байков, например, отправился на фронт и доблестно воевал, оставив творческий багаж в Маньчжурии. Архив, как и пожалованные ему огромные земельные наделы, после войны оказались утраченными. Но к тому времени первые серьёзные труды Байкова уже были опубликованы и переизданы многотысячными тиражами. Арсеньева Русское Географическое общество смогло уберечь от мобилизации, и он остался, уйдя с военной службы, выполнять «особые поручения» на месте. После октябрьских событий развитие дальневосточной научной, а затем и художественной этнографии пошло параллельными путями – в творчестве писателей, принявших советскую власть и оставшихся в России (В.К. Арсеньев, М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский), и тех, кто волею исторических потрясений превратился в эмигрантов (П.В. Шкуркин, Н.А. Байков, М.В. Щербаков, позднее – Б.М. Юльский). Особое место среди них занимает Венедикт Март, но о его случае – далее.

Поначалу писатели-исследователи Дальнего Востока худо-бедно сообщались: читали работы друг друга, обменивались письмами (Н.А. Байков и В.К. Арсеньев). Но постепенно границы, разделившие Советскую Россию и эмигрантский Китай, стали непроницаемыми. В результате советский читатель знал труды Арсеньева (те, которые он имел возможность прочитать хотя бы в купированном виде), но совершенно не был знаком с наследием Байкова и Шкуркина. С середины 20-х гг. жизнь Арсеньева становится невыносимой: его труды критикуют рьяные «этнографы с пистолетами» (И. Кузьмичев), как бывшего офицера ставят на учёт в ОГПУ, заставляют отчитываться за каждый неосторожный разговор, обвиняют в «великодержавном шовинизме». В это же время слава, например, эмигранта Байкова распространяется далеко пределы Китая и Маньчжурии, он становится любимым и переводимым писателем в Японии,

сам король Югославии зачитывается его произведениями.

Репрессивная политическая машина не только извела В.К. Арсеньева, не дав ему, ещё полному физических и творческих сил, реализовать свои возможности. После смерти учёного была физически уничтожена его семья, отечественные исследователи и читатели на долгие годы лишились возможности полноценного, без купюр и редакций, изучения его научных и художественных текстов. Многие эпистолярии Арсеньева, по-видимому, вообще канули в Лету. Но после 1945 года такая же беда постигла и дальневосточную эмигрантскую литературу и её этнографическую составляющую – люди были рассеяны по свету (Байков оказался в Австралии, Шкуркин ещё раньше перебрался в Америку), архивы были либо уничтожены, либо частично вывезены, закрыты на долгие годы; полностью исчез архив ОИМК, скрупулезно собираемый русскими краеведами и маньчжуроведами с начала 1900-х гг.

И всё же сегодняшние разыскания, публикация ранее неизвестных текстов частично восполняют обозначенные лакуны. Сопоставительный анализ этих материалов приводит к интересным наблюдениям и выводам о перипетиях и типологической схожести процесса развития научной и художественной этнографии Дальнего Востока в 20-40 гг. прошлого века в метрополии и эмиграции. Открытиями дальневосточной этнографии, а затем – художественной этнографии русской эмиграции стали мифо-ритуальный комплекс жителей Дальнего Востока и Северной Маньчжурии, этнокультурный и этнопсихологический портрет этих людей. Особенное развитие эти наблюдения нашли, конечно, в науке и литературе эмиграции, что было определено той степенью свободы, которой русские изгнанники обладали, – в отличие от своих советских коллег и единомышленников. Но, с другой стороны, эмигрантская этнография и натурализм развивались на основе богатейшего опыта дореволюционной науки, во многом опираясь на изыскания, осуществленные с середины XIX в. по 20-е гг. XX столетия.

Что знало большинство русских людей о Маньчжурии до того, как впервые попало в те края? «Маньчжурия – *дикая страна, покрытая дремучими лесами*. Здесь растёт знаменитый *женьшень*, водятся *тигры* и добывается трава для обуви – ула»), – писалось об этих местах в дореволюционных учебниках[1]. Ларисса Андерсен, проведшая в этих краях детство и эмигрантскую юность, вспоминала самые яркие впечатления маньчжурской жизни: «Всё-таки зверский там был быт. Как я, такая "чувствительная" барынька, оттуда вышла? *Хунхузы, тигры* на окраинах городов, медведь в церкви, и ещё на фоне нашей "гражданской"»[2]. А Николай Байков, уже будучи прославленным писателем-

---

[1] Строки из дореволюционного учебника (Байков Н.А. Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 49).

[2] Письмо Л.Н. Андерсен Ю.В. Крузенштерн-Петерец от 12 апреля 1969 г. Цит. по: Андерсен Л.Н. Одна на мосту. Указ. изд. С. 333–334.

натуралистом, возвращался в дорогие сердцу края начала XX в. художественной мыслью: «Здесь была своя *особенная жизнь*, и сохранился *древний быт*, очень далёкий и чуждый современной культуре и цивилизации. Здесь доминировал "*Закон тайги*", жестокий с точки зрения обывательской морали, но рациональный и неизбежный. Властелином здесь был не человек, а *дикий зверь*, которому подчинялось всё живое, не исключая и человека»[1] (курсив мой – *А.З.*). Можно сказать, что перед нами – динамичный образ восприятия русскими того обширного маргинального пространства Северо-восточного Китая, на котором на протяжении тысячелетий скрещивались разные этносы, культуры и религии. Этот взгляд был определён живым опытом.

Обратим внимание на «Закон тайги», зафиксированный Николаем Байковым: в его «кодексе» абсолютно стёрты социальные, морально-этические, этнические различия. В первую очередь, речь идёт о религиозном синкретизме, когда шаманизм, мантика, промысловая и лечебная магия коренного населения (эвенков, удэгейцев, ульчей) постепенно интегрируются в православную религиозность новопоселенцев; китайские солдаты усваивают религиозные обычаи тунгусо-маньчжуров, справляют ритуалы в честь «горного духа»; напротив, среди коренных народов Амура была широко распространена духовная культура китайцев[2]. Подобные духовные процессы, протекающие на территории дальневосточных земель в XIX в., фиксировались российскими учёными (Н. Свербеевым, Г.М. Пермикиным, В.П. Васильевым, Герстфельдом и др.).

П. Шкуркин, В. Арсеньев, Н. Байков окунулись в атмосферу фронтирной ментальности в начале XX века. Чуть позднее, в 20-е гг., ощутил её М. Пришвин, путешествующий уже по советскому Приморью. Его – чужака в этих землях, весьма удивило в русских владивостокцах, ничего не понимающих в местном «ритме природы», доверие к китайским приметам: «Так и повелось, что в затруднительных случаях многие говорят: – Надо бы китайца спросить»[3] (у весьма трезвомыслящего Арсения Несмелова, прожившего много лет в Харбине, это станет полу-поэтической приметой: «к дождю поют китайцы…», и именно у китайцев для героя «есть на всё ответ»; а лирической героине Александры

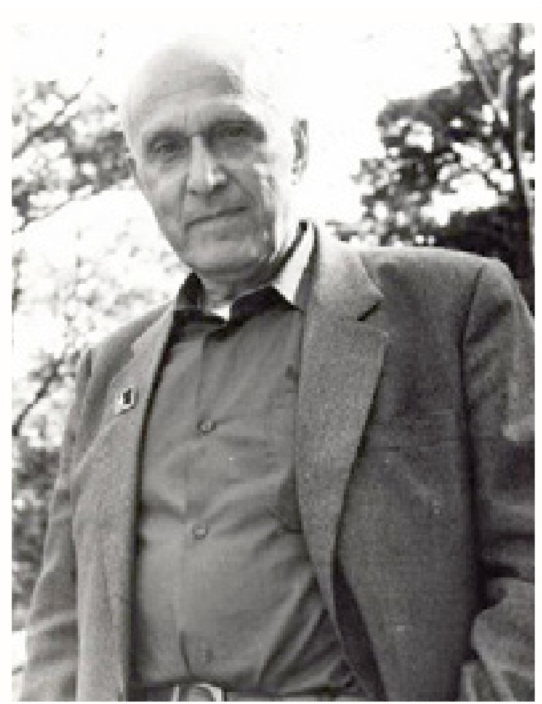
[1] Байков Н.А. Дань Великому Вану // Австралиада. 2003. № 34. С. 43–45.

[2] Анализируя, к примеру, религиозную практику дауров, Герстфельд увидел в ней «смешение конфуциевых и ламаистских обычаев с тунгусским шаманством» (Свербеев Н. Описание плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири в 1854 году // Записки Сибирского отдела Императорского русского географического общества. СПб., 1857. Книга 3. С. 41, 67; Герстфельд. О прибрежных жителях Амура // Вестник ИРГО. СПб., 1857. Кн. 4. Ч. XII. С. 99, 321, 322). Об этом: Аниховский С.Э. Изучение этнических и религиозных традиций китайского населения Дальнего Востока России русскими исследователями в 50—60 гг. XIX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 1–24.

[3] Пришвин М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2006. № 6 (868). С. 201–281.

Паркау, томящейся от предчувствий, «утром ходя, шумен и несносен», сообщит, «что наступила осень /по китайскому календарю»).

Природу «народного мистицизма» приморских жителей Пришвин определял доверием к *таёжному человеку* (искателю женьшеня, охотнику, ловцу)[1]. Не случайно В. Янковский, отпрыск знаменитой династии промысловиков-дальневосточников – православный, но выросший бок о бок с китайцами и корейцами, – даже не ставил под сомнение действенность народных мифологических представлений[2]. Он описывает случай, как один «старый знакомый кореец» зашёл к его дяде во время постройки усадьбы, «долго всматривался в окружающие сопки и распадки, качал головой. Сказал, что дом будет стоять на шее горного духа, а тот не потерпит обиды, хозяин будет жить недолго». Дядя Ян, не придавший этому никакого значения, вскоре во цвете лет умирает, а В. Янковский резюмирует: «предсказания старика-корейца … сбылись»[3]. Тут же Янковский приводит записки своего кузена, вспоминающего, как он чудом спасся на «озере чудовищ» – месте обитания загадочных тероморфных гадов, вызывающем ужас у местных корейцев[4]. В достоверности существования чудовищ кузен Янковского не сомневался.



Янковский Валерий Юрьевич

Таёжный человек и его представления – это особый мир религиозных примет и верований, объединивший разнообразные традиции народов дальневосточного фронтира. Суровые условия выживания в этих краях предопределили сакрализацию пространственных и временных координат маньчжурской тайги. «Таёжные люди» и невольно там оказывающиеся путники, охотники, новопоселенцы движимы чувствами и потребностями, стирающими этническое своеобразие. Дальневосточная тайга не только ежедневно подтверждает

---

[1] Пришвин М.М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.). Указ. изд. С. 222.

[2] О семье Янковских: Янковский Ю., Янковский В. Нэнуни. Дальневосточная одиссея. Владивосток, 2007.

[3] Янковский В.Ю. Михаил Григорьевич Шевелев и его потомки (от XIX века до наших дней) // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2004. № 5 (867). С. 298–316.

[4] Янковский В.Ю. Михаил Григорьевич Шевелев и его потомки (от XIX века до наших дней). Указ. изд. С. 312.

многовековые сюжеты таёжной мифологии, но и порождает новые религиозные опыты. Здесь сталкиваются разные вероучительные системы и категории святости[1]. Несмотря на разность лингворелигиозных обозначений, в этой синкретической картине мира так или иначе присутствуют представления *о святом (священном), священном пространстве, священном времени, табу* и т.д.[2]

Тайга в сознании таёжников – *священное пространство* со всей вытекающей спецификой *религиозных феноменов*. *Рациональное* начало, определяемое потребностью выживания («таёжная грамота»), неотделимо в сознании таёжного жителя от *иррационального*: ужаса перед встречей с хищником – не просто свирепым кабаном, кровожадным медведем, а с самим Владыкой гор, Властелином леса – тигром; постоянной зависимости от случая; страха нарушить *табу* – неписанный «Закон тайги».

Начнём с *тигра*. «Ван» и «Дэ» («Царь» и «Великий») – многосмысленные иероглифы, природой выведенные на лбу дальневосточного хищника. «Великий Ван», «Хозяин тайги», «Повелитель тайги», «Акбар», «Семь полосок на спине», «Амба» и прочие иносказательные именования этого великолепного представителя рода кошачьих настоятельно рекомендуются у разных народов для использования вместо прямого его имени. До сегодняшнего дня в целях безопасности таёжникам крайне не рекомендуется использовать изображение тигра.

Женьшень – растительное воплощение Духа леса и гор. «Китайцы, японцы, корейцы, монголы, тунгусы, индокитайцы и туркестанцы имеют свой цикл легенд и сказаний о женьшене, и каждый из этих народов даёт им свой на-

Н. Байков. Великий Ван на охоте

[1] «"Тайга" – искривление: два пути, смирение и выход в ясность и ширь, или тайга: бодливой корове (неудачники)» (из дневника М. Пришвина) // Пришвин М. Дальний Восток. Указ. изд. С. 253.

[2] Забияко А.П. Святое, священное, сакральное // Религиоведение / Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 962–963; Он же. Священное время // Указ. изд. С. 964–966; Он же. Священное пространство // Указ. изд. С. 966–968; Красников А.Н. Табу // Указ. изд. С. 1027.

циональный отпечаток и физиологию»[1]. «Великому Вану» – «Господину леса и гор» – возведены таёжные кумирни и служились молебны охотников за *женьшенем*. Молитва эта приблизительно такова: «Великий дух, не уходи! Я пришёл сюда с чистым сердцем, освободившийся от грехов и злых помышлений! Не уходи!»[2]. После открытия девственных просторов Дальнего Востока и его природы женьшень обретает необыкновенную популярность и входит в массовое сознание не просто как панацея, но и как поистине *чудесное* растение: «Раньше настоящих лекарств было мало, культура народа была низкой. Поэтому люди верили в народные лекарства, хотя они не всегда помогали. В прежние годы – начало 20 века – много говорили и писали о женьшене. Чудо корень, излечивает, омолаживает, воскрешает даже; ночью светится, приносит счастье, фосфоресцирует, и др. легенды ходили о женьшене самые красочные»[3]. М. Пришвин[4] размышлял в дневнике: «Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий…», а затем возвращался к своим «прелюдиям» (*М.П.*): «Он (корень) служит как бы стимулом справедливости и добра, эмблемой вселенной, в нём заложена частица Великого Духа, жизни и движения в мировой бесконечности. ЖШ. – источник и корень жизни, незримый свет мировой энергии»[5].

В.К. Арсеньев в костюме гольда

Священные места – это различные возвышенности и хребты (шеи и хвосты Дракона), водоёмы («Озеро чудовищ»), могущественные деревья («Господин Леса»), участки произрастания *женьшеня* – те особые локусы таёжного простран-

---

[1] Байков Н. Женьшень // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2004. № 5 (867). С. 209–223.

[2] Байков Н. За женьшенем // Байков Н. В дебрях Маньчжурии (Главы из книги) // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2003. № 4. С. 243–259.

[3] Арсеньева А. Арсеньев и женьшень // Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2006. № 6 (868). С. 295.

[4] Об этом: Забияко А.А. Женьшень, тигр, священные места: мифологемы дальневосточного фронтира в творчестве писателей-эмигрантов // Россия и Китай: социально-экономическое взаимодействие между странами и приграничными регионами: Материалы межд. научно-практической конференции, посв. Году русского языка в России. Благовещенск, 2010. С. 336–346

[5] Пришвин М.М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.). Указ. изд. С. 201–281. С. 212; С. 250.

ства, где наиболее вероятно проявление лесного и горного Духа. Именно в этих местах чаще всего возводятся кумирни, отправляются священные ритуалы с использованием специальных предметов. Таким образом, *тигр, женьшень, священные места* тесно связаны между собой. Следуя логике мифологического сознания, это выражает подвижность сферы пребывания божества и его могущества[1]. По представлениям дальневосточных народов, «Хинганский горный хребет – это каменный остов дракона, голова которого упирается в Амур, а хвост оканчивается у устья реки Ляо-хэ. Окаменел он давно, много тысяч лет тому назад, но придёт время, когда дракон проснётся, дрогнут его члены и сбросит он с себя землю и леса и двинется на запад, уничтожая все на своём пути»[2].

В основе всех фронтирных представлений – антропологический аспект, – люди, сугубо волевые, пассионарные личности, способные выжить в дальневосточной тайге. Проблемы адаптации в этих суровых условиях (от Амура до морских границ), помноженные на необходимость фронтирного взаимодействия с другими этносами, определили некоторые общие черты в идейно-психологическом облике пришлых насельников дальневосточных земель – будь то маньчжуры, китайцы, корейцы, русские и т.д. Исследуя документы и хроники в XVI–XX вв., учёные обнаруживают сходство в социокультурном, этнопсихологическом и этнорелигиозном облике народов, осваивавших трансграничные территории в Приамурье, Уссурийском крае, Приморье.

Кто решался на рисковые предприятия в дальневосточных землях? Люди соответствующих моральных и психологических установок. Так, начиная с XVII в., совершенно особую группу русских новопоселенцев составлял «слой населения, явно или неявно противопоставивший себя государству, – преступники, беглые авантюристы, ищущие воли крестьяне и прочий люд, пришедший на Амур "без царя в голове". Характерно, что уже со времен похода Хабарова власть выстраивала политику заселения Приамурья ссыльными…"[3]. Преступный элемент самых разных мастей устремлялся к низовьям Амура и с обратной стороны, из Китая и Маньчжурии[4]. Как подчёркивают учёные, опирающиеся на архивные разыскания в китайских источниках и материалах рос-

---

[1] Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 508–510.

[2] Байков Н.А. Великий Ван // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Чёрный капитан: Роман / Вступ. ст. Е. Ким. Владивосток, 2009. С. 22.

[3] Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 10.

[4] Об этом: Аниховский С.Э. Китайцы на Дальнем Востоке России: этносоциологический аспект (вторая половина XIX – начало XX века) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 7. Благовещенск, 2006. С. 103; Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приморской области // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Выпуск 11. СПб., 1912. С. 5; Кобызов Р.А. Китайцы на Дальнем Востоке России: Этносоциальный портрет (вторая половина XIX – начало XX века) // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Указ. изд. С. 46.

сийских исследователей 50-х гг. XIX столетия, местные китайцы в своём большинстве являлись беглыми преступниками из Маньчжурии, центральных провинций Китая или же лицами, сосланными сюда за различные правонарушения[1]. Г.И. Невельской подмечал дерзость и определённое нахальство маньчжуров, торгующих с гиляками и не встречающих сопротивления[2]; Л.И. Шренк «довольно часто сталкивался и с китайскими торговцами, которых он характеризовал как ловких дельцов, не страшащихся "ни трудов, ни лишений и не гнушавшихся никаких средств, лишь бы извлечь как можно больше выгоды для себя или своих хозяев"»[3]. В 1914 г. эти социокультурные реалии зафиксировал Н.А. Байков: «С незапамятных времен сюда стекались из ближних и дальних мест любители легкой наживы, беглые китайские солдаты, хунхузы, преступники, ускользнувшие от продажного правосудия, и всякий сброд, в силу различных превратностей судьбы и беспросветной жизни потерявший образ и подобие Божие. Большинство, конечно, погибало здесь или о рук своих же звероподобных товарищей, или от руки дикого первобытного правосудия в лице выборного старшины, или от эпидемиологических болезней и неумеренного курения опиума»[4].

Отмечая грабительские импульсы у всех пришедших на Амур народов, В.К. Арсеньев во время своей экспедиции 1908–1909 гг. уточнял: «Не такими хищниками-торговцами являются русские, как китайцы-кулаки»[5]. Но и русских новопоселенцев с их первых шагов по дальневосточным землям отличали не только дерзость в помыслах и поступках, но и пассионарная способность выживать в сложнейших условиях, преуспевать – и зачастую не очень благовидным путем. Так, Н. Байков подчеркнёт «малокультурность и беспринципность» русских охотников, промышляющих в Северной Маньчжурии[6].

Наложила фронтирная реальность отпечаток и на облик русской интеллигенции: «Полстолетия тому назад Восточная Сибирь представляла собой действительно "Далекую окраину" или "Дальний Восток", как её обыкновенно называли российские обыватели. Чтобы добраться до её крайних восточ-

---

[1] Пржевальский Н.М. Опыт статистического описания и военного обозрения Приамурского края (1863). Рукопись. АГО РФ Ф. 13. Оп. 1. Д. 14. Л. 91 об. – 92, 94 об.

[2] По сведениям Г.И. Невельского, цинские власти запрещали своим подданным посещать низовья Амура, и поэтому маньчжуры и китайцы торговали здесь нелегально, откупаясь от чиновников-пограничников взятками (Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849–1855. М., 1947. С. 119–120).

[3] Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899. Т. 2. С. 289.

[4] Байков Н.А. Любовь хунхуза (В горах и лесах Маньчжурии) // Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть. Владивосток: Рубеж, 2011. С. 384.

[5] Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева, оп.1, д. 11, л. 131 об. – 132. Цит. по: Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток, 2007. С. 96.

[6] Байков Н.А. Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 121.

ных пределов, то есть до берегов Тихого Океана, надо было "скакать" десять тысяч верст через всю Сибирь, или "болтаться" по "морю-океану" сорок дней и сорок ночей! Обыкновенно тех, кто решался ехать в эти "гиблые места", *провожали, как на тот свет*! И не даром, так как люди, забравшиеся на Дальний Восток, почти никогда не возвращались к себе на родину и, постепенно теряя с ней связь, становились "камчадалами", то есть *людьми со своей особенной психологией и мировоззрением*.

Эта оторванность от родины, суровые условия жизни в диком безлюдном крае, отсутствие культурных интересов и сравнительная материальная обеспеченность выработали *особый тип дальневосточной интеллигенции*, отличавшейся от коренной российской своим *широким размахом, деловитостью, энергией и предприимчивостью*, но, в то же время, *бесшабашным легкомыслием, самодурством и беспечностью*»[1] (курсив мой. – *А.З.*).

Не преминет Байков вывести и особый типаж этносоциального маргинала – *русского, обретающегося в стане хунхузов*: «Это был один из типов, часто встречающихся теперь в Маньчжурии. Спасаясь от справедливой кары закона, люди эти бегут к хунхузам и предлагают им свои услуги. Не имея ничего святого на земле, не веря ни в добро, ни в зло, руководясь исключительно злою преступною волей, они иногда бывают полезны хунхузам в сношениях с русскими, но, надо отдать справедливость китайским разбойникам, они ненавидят их не только как представителей белой расы, но и как людей, способных на всякое гнусное и позорное дело ради наживы. Не доверяя им, китайцы их только терпят, когда видят в них хотя малейшую пользу для себя, и при удобном случае убивают. Несмотря на низкую степень нравственности, хунхузы стоят выше этих подонков культурного общества»[2] (курсив мой. – *А.З.*).

Было бы, конечно, весьма странным определять психологию и морально-этические качества жителей приграничных территорий чертами только «преступного элемента». Однако природные особенности Приамурского и Приморского ландшафта, трудности выживания в этом регионе, помноженные на национальную специфику, сформировали поведенческий портрет многих представителей этносов, взаимодействующих на территории Дальнего Востока.

Для русских в 20-е гг. эта «фронтирная специфика» психо-ментального комплекса помножилась на эмигрантские лишения. Экзистенциальная ситуация, которую переживает человек, оказавшийся в эмиграции, сходна с восприятием смерти/возрождения в обрядах перехода. Реально человек не умирает ни в том, ни в другом случае, но его лиминальный статус чреват

---

[1] Байков Н.А. Ланцепупы (У костра) // Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. Пекин, 2005. Т. 3. Соната над Хинганом. С. 170–174.

[2] Байков Н.А. Любовь хунхуза. Указ. изд. С. 388.

воплощением уже в новом качестве. Поэтому дихотомия «смерть/возрождение» и сопутствующие ей категории «возрождение», «судьба», «рок», «предопределение» являются основными категориями эмигрантского сознания. Для дальневосточных эмигрантов эта архетипическая модель «пограничья» реализовалась в особых географических, социокультурных, этнорелигиозных координатах, что способствовало проявлению специфических духовных, религиозных и художественных опытов. Так зародилась *художественная этнография* дальневосточного фронтира.

«Тигров больше, чем людей», – иронизировали по поводу дальневосточной литературы западные эмигрантские критики[1]. Они писали: «Многие из парижских читателей, пожалуй, заметят, что веселее и даже прибыльнее охотиться за тиграми или сидеть в прохладных конторах, не спеша обделывая свои "бизнесы", чем работать у "Рено" и стрелять из ружья с кривой мушкой в одном из парижских тиров»[2]. Действительно, «тигриная тема» стала отличительной чертой дальневосточных авторов – достаточно перечислить имена Байкова, Шкуркина, Марта, Щербакова, Юльского, Несмелова... В отличие от западных прозаиков, окружённых урбанистическими пейзажами и романтикой мощённых улочек, ароматом кофе и другими уютными запахами буржуазного благополучия, дальневосточников окружала дикая тайга, где царил Закон тайги и правил Дух леса. И с этими таёжными реалиями многие были знакомы не понаслышке. Маньчжурия, тигры и женьшень стали знаковыми образами их исследовательской и художественной деятельности.

***

Своей «второй родиной» называл Маньчжурию **Николай Аполлонович Байков [1872–1958]**[3]. Он попал в эти земли задолго до революционных событий, прослужил в Маньчжурии четырнадцать лет, а затем, уже после фронтов Первой мировой, возвратился туда в качестве беженца. Всем известно, что начинал он как учёный-натуралист, из-под пера которого вышло множество этнографических очерков[4]. «Исключительно литературным трудом», по признанию самого Байкова, он стал заниматься лишь в 30-е гг. Однако, как под-

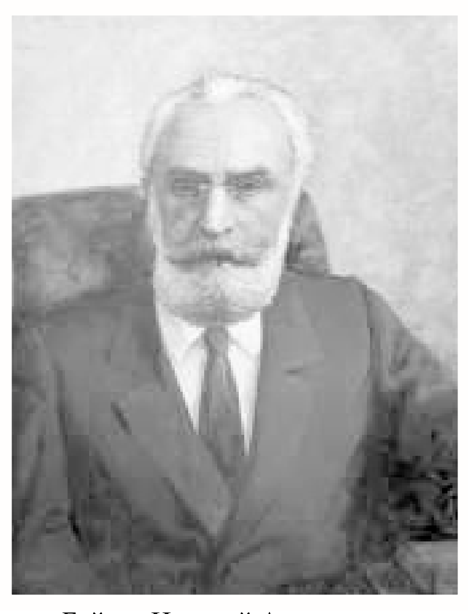
---

[1] Об этом: Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. Париж. 1932.

[2] Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке. Указ. изд.

[3] Подробнее о творчестве Н.А. Байкова: Ким Рехо. Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297; Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Чёрный капитан: Роман. Владивосток, 2009. С. 5–52; Хисамутдинов А.А. В лесах Маньчжурии (К 125-летию Н.А. Байкова) // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 5. С. 120–125 и др.

[4] См., например: «Звероводство в Маньчжурии» (1903), «В Маньчжурии» (1904), «Фауна и флора» (1905), «Охота у горы Маоэршань» (1907), «По тигровым следам» (1907), «Змеи и их приручение» (1911), «Маньчжурский тигр» (1925), «Женьшень» (1926), «Медведи Дальнего Востока» (1928) и др.



Байков Николай Аполлонович

мечала Е. Сентянина, первые свои рассказы о Маньчжурии напечатал ещё в 1901 г.[1]

В творчестве Н.А. Байкова с самого начала *научное мышление* учёного-этнографа вступило в поединок с *художественным восприятием* окружающей дальневосточной природы и обычаев населяющих её народов. Этнограф деловито передаёт подробности охоты в маньчжурской тайге, научные сведения об «объекте описания», а художник незаметно трансформирует эти заметки в поэтизированные зарисовки из охотничьего и военного быта, где мифология играет особую роль.

Эта особенность дискурсивной организации произведений писателя определяется специфической картиной мира, в которой анимистическое восприятие природы уживается с христианскими взглядами, почти языческое отношение к судьбе соперничает с научным скепсисом. Объяснение данному феномену можно найти в самой эпохе. Личность Байкова – натуралиста и писателя – была сформирована в годы перехода от позитивистской этнологии конца XIX в. к новому осмыслению природы мифа: от видения в мифах лишь «пережитков» и наивного донаучного способа объяснения непознанных сил природы – к социальной, логической, лингвистической и, главное, универсалистской его трактовке[2].

Детство Байкова окутывала атмосфера семейных преданий, связанных с Востоком и Китаем: «страсть к путешествию, к Востоку была заложена в его генах» (предок был первым послом Русского государства в Китае; бабушка была родной племянницей знаменитого Шамиля)[3]. Мистическому откровению, к которому было готово юное сознание, можно уподобить «явление» пятнадцатилетнему отроку Николаю Н.М. Пржевальского. «Вся фигура его, могучая и величественная, производила неизгладимое впечатление; недаром полудикие номады Центральной Азии считали его полубогом, или же могучим посланником Великого Белого Царя!», – воссоздаёт писатель своё юношеское впечатление[4].

Следующей провиденциальной встречей с «великим человеком», чьи «заветы» Байков также выполнял всю свою жизнь, стало знакомство с «великим стариком» Д.И. Менделеевым. Его книгу с дарственной надписью хранил он

[1] Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. 1940. № 24. Имеется в виду журнал «Нива».

[2] Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 19.

[3] Ким Е. По белу свету. Указ. изд.

[4] Байков Н. Тайга шумит. Заветы Пржевальского. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. Указ. изд. Т. 3. Соната над Хинганом. С. 81–85.

с тем же трепетным чувством, что и автограф Пржевальского[1]. Она, по словам самого писателя, служила «путеводным светочем» в его богатой впечатлениями жизни[2]. Как видно, ещё в ранней юности под воздействием обаяния Пржевальского, а затем напутствия Менделеева («Поезжайте, поезжайте, молодой человек, в Маньчжурию!») было положено начало усвоению будущим натуралистом «фронтирной ментальности» Дальнего Востока, ставшей впоследствии основой его художественного мировидения.

Первым крупным художественным опытом Н.А. Байкова и бестселлером в столичной среде стала книга «В горах и лесах Маньчжурии»[3] (СПб, 1914). Она включила разнящиеся в жанровом и художественном наполнении произведения, очевидно, собиравшиеся с самых первых дней пребывания Байкова в маньчжурских землях: очерки «Флора и фауна», «Зоография», «Зверовые собаки», «Добывание пантов», «Пресмыкающиеся и земноводные» наряду с рассказами «Любовь хунхуза», «Заблудился», «Тигровые ночи», «Тайга шумит» и т.д. Автор, открывший Маньчжурию для русского читателя, имел оглушительный успех по всей России, и через год книга была переиздана.

В этой книге в разных дискурсивных воплощениях впервые прозвучит тема чудодейственного корня – женьшеня. В натуралистическом очерке «Звероловство»[4] «джень-шеню» посвящено всего два абзаца, даны его разные именования на маньчжурском и китайском языках, научное определение, подробно описан внешний вид, условия произрастания: «Растение это любит чернозёмную почву, не выносит жгучих солнечных лучей и растёт исключительно в глубоких, тёмных и сырых падях, в тени непроницаемых густых зарослей (и т.д.)».

А завершает более чем 400-страничный труд оригинальный авантюрный рассказ «Корень жизни» (С. 440–463), в котором в полной мере реализована мифологическая сюжетика, присущая женьшеню. Первые строки рассказа погружают нас в мир маньчжурской тайги, увиденной глазами поэтически настроенного автора: «Тихо в лесу. Не шелохнёт ветерок в ветвях могучих кедров и лиственниц, не прокричит зверь, не пролетит птица.<…>

Под сводами дремучего леса вечно царит полумрак, даже летом, в яркий полдень здесь темно и сыро, как в погребе. <…>

С сухих заглохших ветвей дерев и толстых стволов старых елей свешиваются седые бороды нитевидных мхов, напоминая видом своим отжившие волосы павших здесь богатырей» (С. 440). Завязка рассказа – нахождение корня двумя женьшеньщиками, стариком Лу-фан-бинем и его племянником Ван-ли-

[1] Речь идёт о книге Н.М. Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869», подаренной Байкову с дарственной надписью автора.

[2] Байков Н.У костра. Воспоминания о Менделееве // Литература русских эмигрантов в Китае. Указ. изд. Т. 3. Соната над Хинганом. С. 235–241.

[3] Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. СПб., 1915. С. 39–48. Далее в тексте ссылки на это издание с указанием страниц.

[4] Байков Н.А Корень жизни // Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии. Указ. изд.

саном: «Войдя в шалаш и сбросив с плеча кожаную сумку, старик проговорил, обращаясь к молодому товарищу, разжигавшему огонь в очаге:

– Сегодня нам с тобой повезло! Хороший корешок нашли! Вот уже три года, как я не находил такого! Тяжёлый! И видом совсем как человек! За него мы выручим большие деньги! Надо только его поскорее спрятать, а то как раз нащупают хунхузы и отнимут! – с этими словами он вынул из сумки небольшой корешок растения, величиной около четверти» (С. 441).

Повествовательная стратегия рассказа органично вписывается в расхожую для тех лет беллетристическую форму «личного рассказчика». Этим субъект повествования сразу выдаёт в себе натуралистические задатки. Натуралистическое описание сопровождается преамбулой: «Пока оба китайца будут заняты хозяйственными делами, мне, может быть, удастся вкратце изложить всё то, что известно нам, европейцам, о драгоценном "корне жизни" жизни и его добывании в драгоценных диких лесах Маньчжурии» (С. 442).

Далее следует подробное наукообразное описание женьшеня, даются его другие названия на китайском, маньчжурском и японском языках, указываются места произрастания, перечисляются трудности помысла, целебные свойства «корешка». Отдельный абзац посвящён женьшеньщикам: «Опытный глаз по внешности сразу отличит искателя женьшеня в пёстрой толпе маньчжуров и китайцев. Сухой, тренированный в ходьбе по горам, крепкий и жилистый, с суровым обветренным лицом, сутулый, одетый в синий оборванный костюм и остроконечную шапку, с берестяной котомкой за плечами и железной лопаточкой за широким поясом, – он заметно выделяется среди пестрой восточной толпы» (С. 447).

Однако натуралист лишь ненадолго внедряется в повествование, которое далее развивается по законам авантюрного жанра. В центре повествования – судьба корня, сюжет движется реализацией мифологических представлений о нём. По пути к «цветущему» женьшеню унесён тигром юный Ван-ли-сан: «Струсил мальчишка и не пошёл за мной! Великий дух разгневался и пожрал его, а цветок превратился в гнилой пень!», – решает для себя Лу-фан-бинь. Сам же он схвачен хунхузами и умирает от пыток, так и не раскрыв место хранения корней – большого и поменьше. Хунхузов, наконец, нашедших корни, трое. Один в результате убит подельниками, так как хотел сбежать с добычей, из оставшихся двоих один, предводитель Ван-до (этот одиозный персонаж, имеющий реального прототипа, появится и в других произведениях Байкова), убивает второго подельника и отправляется с драгоценными корнями в Посьет. По дороге во Владивосток его джонка не справляется с бурей. Ван-до гибнет, а тело хунхуза и спрятанные в одежде корешки волны выбрасывают на берег, где они оказываются найдены семьёй бедного корейца.

Финал рассказа символически умиротворяющ – корень достаётся тем, кто чист душой: «Тихая летняя ночь плыла над уснувшею землей. Тёмное море, медленно колыхаясь в своём необъятном ложе, рокотало, и волны одна за другой

набегали на плоский берег. Бледный серп месяца всплыл из-за неясных морских далей и бросил серебряный столб лучей своих на выпуклую грудь океана.

В одиноком океане рыболовной фанзы светился красноватый огонь.

Счастливая семья бедного корейца сидела, поджав ноги, вокруг низкого стола, уставленного чашками, блюдами и кушаньями. Из тонкого горлышка глиняного кувшина хозяин и хозяйка наливали подогретую китайскую водку и пили из маленьких, величиной с напёрсток, чашечек.

Всем было весело. Даже дети участвовали в семейной радости, пили из рук матери сладкий тёплый напиток, смеялись, кричали и угощали остатками еды своего любимца, остроухого пса, сидевшего возле них на задних лапах» (С. 463).

Песней счастливого корейца заканчивается повествование о корне жизни и заканчивается книга «В горах и лесах Маньчжурии».

Итак, первое (из доступных нам) повествование Байкова о женьшене свидетельствует о том, что это – *оригинальная тема* самого Байкова, по которой уже в 1914 году им было собрано достаточно материалов. Среди них – описание условий произрастания и добычи корня, данные о синкретической связи в мифологии образа тигра и женьшеня, о вере в силу цветущего растения, о воздаянии корня неправедным добытчикам.

В это же время другой дальневосточный исследователь, **Владимир Клавдиевич Арсеньев [1872–1930]**, издаст книгу научно-популярной направленности – «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914 г.). В ней учёный-путешественник даст подробнейшее описание быта и нравов китайцев, охарактеризует их хозяйственную деятельность и промыслы в Уссурийском крае, весьма пространно напишет о женьшене и женьшеньщиках. Арсеньев вообще мечтал написать отдельную книгу о женьшене, для этого собрав «около 30 легенд китайских, русских, корейских, гольдских». Как вспоминает его первая жена, одно время он сам «тоже верил в чудесный женьшень, заказывал китайцам женьшеневые пилюли – коричневые, очень дорогие. Китаец приносил ему, он их глотал изредка. "Омолаживают, продлевают жизнь"»[1]. К чести Арсеньева, он не только был хорошо знаком с культурой гольдов, орочонов и других коренных жителей уссурийской тайги, но очень интересовался Китаем, его культурой, учил китайские иероглифы, был знаком с классикой китайской литературы.

Этим Арсеньев, в свою очередь, был во многом обязан **Павлу Васильевичу Шкуркину [1868–1943]**, с которым дружил ещё с начала 1900-х гг., а после поездок в Харбин дружеские отношения двух страстных писателей-исследователей

[1] «Он несколько раз бывал в этом русском городе на китайской земле. Известно, что Арсеньев был в Харбине в 1916 году. Это неполные данные. <…> В Харбине он дружил с Павлом Шкуркиным, бородатым большим знатоком Китая и автором блестящих рассказов об этой стране. Володя рассказал, что китайцы очень азартны. Если играют, то на жен, на имущество, на «живое мясо». Отрезают кусок мяса и играют на него. Володя был поклонник Павла Шкуркина» (Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания. Указ. изд. С. 281–338).

Шкуркин П.В. «Китайские легенды». Харбин, 1921

только упрочились[1]. Шкуркин же, судя по воспоминаниям А. Арсеньевой, дал Владимиру Клавдиевичу и любопытные сведения о национальном характере китайцев и их нравах. Для книги «Китайцы в Уссурийском крае» П.В. Шкуркин переводил ему все китайские документы, на работу Шкуркина «Китайские азартные игры» Арсеньев ссылается в главе «Азартные игры»[2].

Павел Васильевич Шкуркин был тем исследователем, чей – поначалу профессиональный, затем образовательный, научный – и, наконец, художественный рост определили интерес и любовь к Китаю, китайскому языку, китайской культуре и китайскому национальному характеру. Эта психологическая установка сформировала определённый модус художественной рефлексии им инокультуры.

У П.В. Шкуркина был богатый жизненный опыт и большой багаж путешествий по дальневосточным границам – начиная со службы приставом в Приморье, помощником полицмейстера во Владивостоке и заканчивая преподавательской и писательской работой в Маньчжурии (говоря, конечно, только о китайском периоде)[3].

Шкуркин сам выучил китайский язык – вначале в процессе живого общения, затем осознанно в стенах Восточного Института г. Владивостока и закрепив всё это в долгих поездках по Китаю. Говоривший свободно по-китайски, он изучил китайцев, быт и нравы самых разных социальных слоёв Поднебесной досконально – об этом свидетельствует тематический диапазон его публикаций[4]. Тому всемерно способствовали профессиональные интересы офицера-разведчика, обязанного разбираться в китайской военной тактике и стратегии,

---

[1] Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания. Указ. изд.; Он же. Введение // Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Указ. изд. С. 6.

[2] Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Указ. изд. С. 194.

[3] Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбов» // Известия Восточного интститута. 1996. № 3. С. 150–160.

[4] Шкуркин П.В. По Востоку. Харбин, 1912; тип. КВЖД, 1916; Он же. Официальный отчёт по Гириньской провинции за 34-й год Гуан-сюй (1908) Изд-во Штаба Приамурского округа, 1913; Он же. Японо-китайский конфликт (Доклад в ОРО [Обществе русских ориенталистов]) // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 170–192; Он же. Исторические таблицы Китая в красках. Харбин, 1917; Он же. Справочник по истории Китая. Харбин, 1918; Он же. Китайские легенды. Харбин, 1921. И др.

повседневных привычках. И, кроме того, опыт полевого офицера, зачастую бок о бок воевавшего с китайцами – против японцев, либо с китайцами – против маньчжурских хунхузов.

По призванию Шкуркин был настоящим учёным – он глубоко погрузился в историю Китая и его литературную и фольклорную традицию. И, очевидно, он был прекрасным дипломатом и недурным человеком, потому умел налаживать личные контакты с китайским и маньчжурским населением, даже – с хунхузами. Потому его этнографические наблюдения за жителями Маньчжурии содержат ценнейшие с точки зрения науки наблюдения, проникнуты искренним интересом и симпатией по отношению к отдельному человеку – не просто представителю инокультуры, но человеку, проживающему бок о бок с русскими на территориях дальневосточного фронтира. Иногда этот человек поступает неожиданно для русского восприятия, но зачастую – восхищает наблюдателя своими поступками.

Для начала Шкуркин пробует себя в путевых очерках «По Востоку», написанных в 1906 и лишь только в 1913 опубликованных[1]; потом – в художественных переводах китайских и корейских легенд[2], и лишь затем обращается к художественной этнографии.

Его «козырной картой» и оригинальной темой становятся хунхузы – именно те, кто стал настоящим бедствием для населения Дальнего Востока и с кем пришлось ему самому бороться долгие годы сначала в Приморье в должности пристава и помощника полицмейстера, затем – в Маньчжурии.

В середине 20-х гг. П.В. Шкуркин выпустит отдельные книги «Хунхузы: Этнографические рассказы» и «Игроки»[3] (хотя первая книга была готова ещё в 1919 г.).

В предисловии к «Хунхузам» Шкуркин с самого начала продекларирует *этнографичность* своих историй, отказав самому себе в *беллетристичности*: «Предлагаемые рассказы не беллетристические: они не обработаны с внешней стороны, форма их груба, и изложение не удовлетворяет элементарным требованиям изящной словесности. Но зато все они взяты из жизни: *все рассказанные в них случаи списаны с действительности по возможности с фотографической точностью; это – негативы или протоколы*. <…> Рассказы эти разрешите назвать этнографическими»[4] (курсив мой. – *А.З.*).

Очевидно, что писатель ясно понимал разницу между беллетристическим[5] и этнографическим текстом. Другое дело, что он недооценил те возможности,

---

[1] Шкуркин П.В. По Востоку // Записки Приамурского отдела Императорского Общества востоковедения. Вып. 11. Хабаровск, 1913.

[2] Шкуркин П.В. Китайские легенды. Харбин, 1921.

[3] Шкуркин П.В. Хунхузы: Этнографические рассказы. Харбин, 1924; Его же. Игроки: Китайская быль. Харбин, 1926.

[4] Шкуркин П.В. Несколько слов // Шкуркин П.В. Хунхузы. Этнографические рассказы. Указ. изд. С. 483–484.

[5] В более поздние годы, уже живя в Америке, Шкуркин обратится и к чистого рода беллетристике («История капитана Дагерти». Сан-Франциско, 1939).

что даёт фактографический этнографический материал *литературе*. Именно такой способ рефлексии и определяется нами как художественная этнография, а произведения П.В. Шкуркина – полноценное воплощение этнографического повествования. Несмотря на заявленную во вступительной главе документальность и реалистичность в изображении образов китайских разбойников, автор нередко «замешивает» на основе жизненной правды *художественную рефлексию* хунхузничества, а заодно с этим социокультурным явлением олитературивает свои наблюдения о национальных традициях жителей Северо-востока Китая, о социально-политической обстановке дальневосточного фронтира конца XIX – начала XX вв.[1]

Несмотря на декларативный отказ от беллетризации, в тексте Шкуркина переплелись наблюдения за хунхузами (их обычаями, этическими нормами, религиозными взглядами, образом жизни, особым языком), мифологические приемы организации сюжета и новеллистичность. В этом Шкуркин пошёл дальше первых опытов Байкова в области беллетризации. Но и модус художественного осмысления этнографического материала у Шкуркина был иной. Он двигался к этнографизму через постижение китайской мифологии, погружаясь в китайскую картину мира.

В отличие от Байкова, для которого хунхузы, в первую очередь – «двуногие хищники», «подонки рода человеческого», Шкуркин изучает это явление изнутри, вставая на позицию хунхуза не как представителя этносоциального типа, а как отдельного человека со своими индивидуальными душевными качествами, представляющего этнически определённый характер. В результате появляется, например, рассказ «Как я сделался хунхузом». В нём писатель-исследователь предлагает нам одну из человеческих историй бывшего предводителя хунхузской банды – Юй Цай-туня: «Недавно мне пришлось познакомиться с *весьма интересным человеком* – командиром китайского полка, полк которого славится безукоризненной дисциплиной и отсутствием проступков среди солдат. Это – высокий, худощавый мужчина с *симпатичным лицом*, которое делается иногда каменным и показывает необыкновенную твёрдость характера. Вместе с тем, как это ни странно, он скромен и даже *конфузлив*. Хорошо знающие его говорят, что он очень *добрый человек*, но *раб своего слова*, что однажды он сказал – того не изменит. Подчинённые *не только боятся его*, но *уважают* и *любят*»[2] (курсив мой. – *А.З.*).

Уже из описания Юй Цай-туня, в котором нет ни одной отрицательной характеристики, становится ясно, что речь идёт не о закоренелом злодее, а о че-

---

[1] Об этом: Забияко А.А., Дябкин И.А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях. Пенза-Прага, 2011. С. 170–181.

[2] Цит. по: Шкуркин П.В. Как я сделался хунхузом // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 234–241.

ловеке, в первую очередь, интересном и симпатичном автору. Писатель предуведомляет: «История его представляет *один из типичных примеров того, как китайцы делаются хунхузами, как живут и промышляют хунхузские шайки*» (курсив мой. – *А.З.*). Действительно, из рассказа мы поступательно узнаём о том, как формируется хунхузское сообщество, каким образом организована нелёгкая жизнь лесных разбойников, на каких принципах держится их социум.

Юй Цай-тунь прибыл в Маньчжурию из Владивостока, а туда попал из Шандуня. Писатель воспроизводит типичную историю пути миграции китайцев в Приморье в XIX – начале XX столетия. Здесь же Шкуркин от лица китайца рассуждает о возможностях, которые открыты русским и китайцам в условиях их тесного проживания в дальневосточных землях: «Людей у нас на родине много, а земли мало, да и плоха она, рабочие руки ценятся ни во что; а у русских – так говорили у нас – каждый китаец с хорошей головой и здоровым руками в короткое время может составить себе капитал, если только не будет играть в азартные игры или курить опий».

Именно последнее несчастье и постигло нашего героя, следствием чего стала куриная слепота, приведшая к более тяжким последствиям. Неизвестно, что было бы с наркоманом Юем дальше, «если бы неожиданный случай не изменил его судьбу»: за неосторожные движения старшина ударил его по лицу.

«Я не скажу, что я почувствовал, но я ни слова не сказал, и, пробравшись ощупью на свое место, я лег и пролежал без сна до утра.

С восходом солнца вернулось ко мне зрение. Я встал и стал прощаться с товарищами, говоря, что я ухожу. Те стали уговаривать меня остаться, но я ушёл, бросив внесённый мною в дело пай и причитавшиеся на мою долю заработанные деньги, а их было порядочно.

Пошёл я в лес, вглубь, в горы, куда глаза глядят. Без денег, почти без платья, без друзей и знакомых, нищий, шёл я по тропе, сам не зная куда».

Он стал «независимым» («т.е. тем, что вы обыкновенно называете "хунхузом"») потому, что, не сумев простить нанесённое публичное оскорбление, жестоко расквитался с ударившим его по лицу старшиной артели. Вернувшись в артель, заработанным американским топором Юй хладнокровно зарубил своего обидчика: «Лицо его развалилось на две стороны, и он без звука опрокинулся на кан. Я ударил его ещё раз, и ещё третий раз посередине тела и видел, как вывалились внутренности.

Все смотрели не шевелясь, и никто не сказал мне ни слова, когда я спокойно вышел из шалаша и опять, как и в первый раз, пошёл куда глаза глядят.

Что мне теперь было делать? Я сделал то, что выбросило меня из общества людей. В работники – видимо мне уже идти нельзя...». При этом Юй подчёркивает, что иначе он не мог бы поступить, настолько органично его *естеству* было желание отомстить обидчику *за потерю лица* («толкала какая-то посторонняя сила...»).

Не углубляясь в этические рассуждения, Шкуркин фиксирует отличи-

тельные черты национального характера китайцев – мстительность и жестокость по отношению к обидчикам, удивительные для русского сознания в столь эмоционально ровном повествовании, но, очевидно, вполне понятные соплеменникам. Русский читатель погружается в мир абсолютно иных психоментальных установок: *готовности китайцев к тяжкому монотонному труду* («целый день приходилось быть на ногах в снегу, в слякоти, с топором или пилой; свалишь дерево, нужно его очистить от сучьев, запрячься в верёвочные лямки и тащить его через камни, пни и буераки к самой речке.

Лошадей у нас не было – слишком дорого было их покупать. К концу дня иной раз так устанешь, что даже есть ничего не можешь...»); *отсутствию каких-либо отвлечённых душевных интересов, упорству и терпению в физических лишениях* («теперь мне 37 лет, хотя на вид мне больше, – тяжёлая жизнь быстро старит. Вы ведь отлично знаете, кем я был раньше, да я и не скрываю этого! Постоянное напряжение, непрерывные переходы, необходимость вечно быть начеку – по пять, по шесть дней невозможно было даже ул переобуть – все это даром не проходит…»), *способности к высокой степени самоорганизации*.

Тот же Шкуркин ненавязчиво отмечает и редкую национальную черту китайцев – *умение поддерживать друг друга в беде и ценить дружбу*. Эта тема затронута в рассказе о друге Юя, бывшем атамане, подарившем Юю двухэтажный дом: «– Возьми! Быть может, нам ещё придётся искать зимой крышу для отдыха. Мы – братья: ты всегда найдёшь пристанище у меня; а я – я хочу быть уверенным, что найду угол у тебя!». Эти слова Юй не забывал, они согревали его надеждой на поддержку в трудной ситуации со стороны друзей, но и стимулировали отплатить добром за добро.

Отдельно Шкуркин заводит разговор о *способности китайцев быть благодарными* – это национальная черта, отличающая китайцев среди других этносов Востока Азии и подтверждаемая многолетними отношениями с китайцами разных социальных слоёв и разных иерархических статусов. Об этом писатель рассказывает в рассказе «Маньчжурский князёк», этой теме посвящает рассказ «Старая хлеб-соль» – не случайно названный словами *русской пословицы*. В нём повествуется уже о русском десятнике и главаре хунхузской шайки, не забывшем о доброте «русской мадамы», жены десятника, в своё время вылечившей его, тогда простого рабочего:

«– Тебе помнишь Василия, что рука топор ломайла; другой десятник говори – твоя нельзя работай, – цуба Харбин! Тебе Марья говори – его Харбин ход – кушай нет, – помирай есть! Марья шибко хорошо лечи – один месяц Василий работай есть!

Десятник вспомнил – действительно был такой случай несколько лет назад, когда один из рабочих китайцев поранил себе руку. Китайца хотели рассчитать, но его жена заступилась за рабочего, и, приобретя кое-какие сведенья о перевязках во время своей службы сиделкой в больнице, стала сама "лечить"

больного. На её счастье рука быстро зажила без особых осложнений; рабочий скоро ушёл, и о нём все забыли.

– Смотри! – сказал хунхуз и протянул левую руку. У основания большого пальца тянулся большой шрам.

Тогда только десятник догадался, кого он видит перед собой, и сладкая надежда на спасение заставила забиться его сердце.

– Ну, – продолжил хунхуз, – бери твоя вещи и ходи домой. Скажи Марья – шибко хорошо! – и он опять отдал какое-то приказание своим подчинённым.

Через несколько минут десятник в сопровождении двух хунхузов-проводников пробирался через лесную чащу кратчайшим путём к своей конторе.

В тот же день вечером предводитель хунхузов потребовал в свою фанзу одного из конвоиров, сопровождавших десятника.

– Ты исправно доставил десятника домой? – сказал он.

– Да, исправно, – отвечал хунхуз.

– Почему же ты не доложил мне по возвращении? – уже строже спросил атаман.

– Мы только что вернулись, да-лао-е! – смутился тот.

– А как у тебя очутились часы десятника?

Хунхуз помертвел; из-за косого борта его куртки предательски высовывался кончик серебряного брелока в виде перекрещивающихся ружей – тот самый, который висел на конце цепочки от часов у десятника.

– Мне… мне… подарил их десятник, – лепетал растерявшийся в конец хунхуз.

– А я что приказал?

– Да-лао-е, великий господин! Я виноват!

Через пять минут хунхуз был расстрелян, а на другой день какой-то китаец вызвал десятника из конторы, отдал отобранные у него накануне одним из его проводников часы и, рассказав всё случившееся, быстро скрылся»[1].

Повествовательная организация произведений Шкуркина такова, что точка зрения на то или иное событие, оценка поступков героев выражаются не авторскими характеристиками, а либо через реплики рассказчика, либо в диалогических формах. При этом речь героев предельно реалистична, не многословна, зачастую замешана на русско-китайском пиджине. Автор интуитивно выбирает оригинальный способ «двойной этнической точки зрения»: его субъект повествования может одновременно представлять собой носителя двух типов ментальности, – например, маньчжурской и русской. Так, рассказ «Маньчжурский князёк» начинается следующим образом: «Далеко-далеко на северо-востоке, где-то за морем Бо-хай, находится неведомая, чудная, сказочная, но и страшная страна Маньчжурия, *откуда вышла наша священная династия – да хранят её боги!*

Высокие горы вздымаются к небу; в одной из них на самой вершине, в глу-

[1] Шкуркин П.В. Старая хлеб-соль // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 260–262.

боком провале, есть озеро, на дне которого живет князь-дракон, в громе и молнии взлетающий иногда на небо… Из других гор иногда вырываются столбы пламени, расплавленные камни, как вода, текут вниз, всё сжигая на своём пути, и густая тьма, вырвавшись тучами из недр горы, чёрной адской сажей оседает внизу и покрывает землю на сотни ли (верст)…

Горы покрыты непроходимыми лесами, и в этих лесах растёт таинственная волшебная трава орхой-да, или женьшень, способная влить новую жизнь больному телу. Но горе тому смельчаку, который, целыми месяцами разыскивая волшебный корешок и, наконец, найдя его, бросится тотчас вырывать его из земли, забыв от радости, что сначала следует помолиться и возблагодарить духов гор и владыку здешних мест – грозного амба-лао-ху! Тотчас неведомо откуда появится страшный лао-ху (тигр) со священным иероглифом – «ван» (князь) на лбу, и… Никогда уже никто из смертных не увидит больше на этом свете несчастного искателя корней.

Но если счастливцу удастся добыть хотя бы два-три корешка в лето – ему больше ничего не нужно: он может продать их дороже, чем на вес золота... Конечно, если не попадётся в руки надсмотрщиков, потому что выходить на опасный промысел без особых билетов нельзя: все добытые корни следует сдавать нашим милостивым фу-му-гуань – «отцу-матери подобным начальникам». Если же вышел без разрешения и попался – ну, так лучше было бы уж с тигром встретиться!»[1] (курсив мой. – *А.З.*). Но дальнейшее повествование ведётся от лица одного из русских офицеров из дивизии генерала Р., участника «китайского похода» против «боксёрского восстания», а затем – участника русско-японской войны.

Для чего Шкуркину понадобилось такое смешение и смещение точек зрения? Очевидно, для того, чтобы показать ситуацию начала XX в. на Северо-востоке Китая изнутри и *сочувственно*, приняв её как свою. Например, он описывает начало восстания ихэтуаней: «Наступил 1900-й год. В Китае началось движение, известное у нас под глупым названием "боксёрского восстания". Желудок Китая судорожно сокращался, чтобы извергнуть насильственно попавшую туда неудобоваримую пищу – европейцев.

Генерал Вогак доносил из Тяньцзина о том, что не сегодня-завтра вспыхнет антиевропейское восстание; ему не верили. Он представил неопровержимые данные – Питер решил уже объявить его сумасшедшим, но генерал от переутомления и моральных страданий заболел воспалением мозга как раз в тот момент, когда началась уже резня и международный экспедиционный корпус двинулся от Таку к Тяньцзину и затем к Пекину.

Потянулись и мы на юг – начался китайский поход»[2]. Проникновенная

---

[1] Шкуркин П.В. Маньчжурский князёк // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 241–260.

[2] Шкуркин П.В. Маньчжурский князёк // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 3. Проза / Хрестоматия. Благовещенск, 2013. С. 241–260.

рефлексия Шкуркиным тяжелейших для Китая исторических событий неотделима от глубоких раздумий русского патриота о судьбе России и роковых последствий для неё тех самых событий. Шкуркин стал одним из первых писателей-исследователей, осознавших тесную связь исторических путей России и Китая, важность диалогических отношений двух этносов, взаимопомощи русских и китайцев. Свою точку зрения он выражает при помощи органичного соединения реального и мифологического повествования, опираясь на сущностный принцип китайской картины мира – мифологизацию истории. Из его «этнографических рассказов» читатель может сделать вывод о близости многих черт душевного склада русских и китайцев: горячности и открытости, жестокости и при этом – отзывчивости. Это взгляд человека, влюблённого в Китай и китайцев, потому он субъективен. Но при этом он фокусирует внимание читателя на том позитивном начале, что русский человек может обратить во благо своих взаимоотношений с китайцами.

К сожалению, жизнь русских писателей-дальневосточников была далека от мифологической идеализации, но весьма соотносима с авантюрной сюжетикой – уже в духе и полном соответствии с русской традицией. К тому времени, когда П.В. Шкуркин выпустит в свет свои «хунхузские повествования», его коллега Н.А. Байков после долгих испытаний войнами, революциями, странствиями, бедностью, вновь обретает себя в Маньчжурии, потеряв всё нажитое за дореволюционные годы. Он начинает всё с чистого листа.

***

В 1926 году сразу в двух изданиях увидел свет очерк Н.А. Байкова «Женьшень»[1]. Доступный нам текстовый вариант[2] представляет собой именно натуралистический очерк, со всеми содержательными и стилистическими характеристиками, определяющими этот жанр. Он состоит из шести частей, где, как уже следует из названия, женьшень – главный объект. Натуралист даёт отдельное и подробное «Описание растения», рассказывает о «Распространении женьшеня», «Искателях женьшеня», об «Искусственном разведении» корня, приводит «Легенды и сказания» и, наконец, данные об использовании «Женьшеня в восточной медицине»[3].

Научную заданность материала «оживляют» несколько моментов: интригующая преамбула, легенды о женьшене, связанные с ними поэтизированные фрагменты. Приведём наиболее запоминающиеся (и, как выяснится позднее, не случайно): «По понятиям китайцев, только чистый, непорочный человек может

[1] Байков Н.А. Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223.

[2] Цит. по: Байков Н.А. Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223. Как указывают публикаторы, текст очерка (очевидно, и название) печатается по журналу «Вестник Маньчжурии». 1926. № 5. Далее в тексте – ссылки на указанное выше издание с указанием страниц и сохранением орфографии публикаторов.

[3] Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии. Харбин, 1934.

найти "корень жизни". Для человека порочного и безнравственного это недоступно, так как от такого человека растение исчезает, и корень глубоко уходит в землю, горы начинают колебаться и лес стонать, из зарослей выходит грозный владыка тайги, хранитель женьшеня – тигр, – и разрывает неудачливого искателя.

Найдя дорогое растение, искатель бросает в сторону палку, закрыв глаза рукою, падает ниц на землю и произносит молитву для умилостивления божества. Молитва эта приблизительно гласит: Великий дух, не уходи! Я пришёл сюда один с чистым сердцем и душой, освободившийся от грехов и злых помышлений. Не уходи!

После этой молитвы искатель решается взглянуть на открытое им растение».

Особенно занимательным компонентом очерка становятся воспоминания автора о корне, подаренном ему «на счастье» стариком Хо-сином, и тесно сплетённые с этим же корнем былички. *Натуралист* позволяет себе привести примеры магического воздействия женьшеня на окружающих людей лишь самом конце, так сказать, походя, дистанцируясь от «суеверий»: «Не безынтересно, кстати, отметить судьбу этого корешка». Но эти детали – каждая сама по себе – достойны стать сюжетом отдельного рассказа: случай с обезьянкой Байкова, странным образом нашедшей коробочку с корнем в столе писателя, история кражи корня в Киеве из магазина, по всей видимости, осуществлённой богатым китайцем. Этот китаец трижды пытался приобрести корень (добравшись до воевавшего в Карпатах писателя и напоследок предупредившего его о том, что тот будет жалеть и раскаиваться в своём упорстве, отказывая продать корень). Владелец магазина, где был выставлен и затем похищен корень, впоследствии признавался, что «чувствовал какое-то непонятное беспокойство, доходившее иногда до галлюцинаций, всё время, пока корень находился в магазине, и самый корень действовал на него притягательно. Только после исчезновения корня он почувствовал облегчение, несмотря на моральную ответственность за его исчезновение».

Все эти авантюрные подробности Байков поступательно дезавуирует – сначала рационально-медицинскими рекомендациями Хо-сина: «отдавая мне корешок, старый лесной бродяга предупредил меня, чтобы я не держал его при себе, в спальной комнате, и чтобы коробка, где он лежит, была обложена плотной оловянной бумагой; кроме того, он рекомендовал мне быть осторожным при пользовании им, применять только в крайнем случае». Читающий эти строки, в зависимости от его настроенности на проявление чудесного, может либо приписать корню магические способности, либо предположить в нём сильнейший стимулятор жизненных потенций («несомненные радиоактивные свойства» – *Н.Б.*).

В завершение автор-натуралист даёт сухое и отстранённое резюме: «*Действия этого корня на себе я лично не испытывал*. На вкус он был сладковато-горек и немного жгуч.

Владелец магазина, где корень был выставлен, уверял меня, что в сырую

погоду он издавал слабый, едва заметный фосфорический свет и распространял пряный специфический запах. *Лично наблюдать свечение корня мне не приходилось, но запах он имел определённый*» (курсив мой. – *А.З.*).

Тема женьшеня и связанной с ним системы мифологических представлений не оставляют писателя. В 1934 году Н.А. Байков издаёт сборник рассказов «В дебрях Маньчжурии»[1]. Включённый туда рассказ «За женьшенем» представляет собой ещё более любопытное соединение научно-популярного дискурса и приёмов беллетризации. Само начало его выполнено в диалогической манере, как будто некий экскурсовод ведёт нас по своеобразному музею «под открытым небом» и предваряет свой рассказ об уникальном экспонате риторическим вопросом: «Вероятно, вам приходилось слышать о корне "женьшень"?». Помимо введения в текст легенд о корне, бытующих в народе, Байков ещё пристальнее всматривается в образы искателей женьшеня: «Жизнь, полная лишений, тревог и опасностей в дремучих лесах, наложила на этих людей особый отпечаток аскетизма и подвижничества. Это – человек, превратившийся в особое существо, с хитростью китайца, чутьём волка, глазом сокола, ухом зайца и ловкостью барса (вспомним Елисеева. – *А.З.*). Человек и зверь соединились в нём одно целое, создав интересный, оригинальный тип лесного скитальца, в душе которого развились поэтические струны любителя природы. Весь мир его – в тайге; миросозерцание его не выходит за её пределы. Здесь провёл он долгую и скитальческую жизнь, здесь же он сложит свои кости, в непрестанной борьбе за существование, одинокий, оторванный от людского мира, на лоне дикой, прекрасной природы. Как истый сын Востока, верящий в рок и предопределение, он безропотно и безмолвно несёт бремя подвижнической жизни, не стремясь к улучшению её условий» (С. 246).

Это – логически оправданная экспозиция к появлению конкретного образа женьшеньщика, уже известного старика Хосина (так в публикации пишется это имя), вместе с которым рассказчик отправляется за корнем. Теперь именно Хосин становится субъектом, в уста которого вкладывается цитированная выше молитва (очерк «Корень жизни (женьшень)»).

Заметим – описание Хо-сина уже встречалось в очерке «Корень жизни» в разделе «Искатели женьшеня», однако в тексте 1926 года это была лишь иллюстрация к общим сведениям. В рассказе «За женьшенем» Хосин – главный герой, это теперь не этнографический пример, а *образ*, наделённый свойствами поэтического обобщения. Внося художественные элементы и «совокупляя» их с научными данными, Байков очеловечивает последние. Теперь его текст написан не в обобщённо-личной либо безличной манере научного дискурса. Автор создаёт персонифицированный и в то же время обобщённый образ носителя древней традиции и специфического мировоззрения таёжного человека:

---

[1] Цит. по: Байков Н.А. В дебрях Маньчжурии (главы из книги) // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2003. № 4 (866). С. 243–259. Далее в тексте ссылки на это издание с сохранением орфографии публикаторов.

«Долго молился старый бродяга, благодаря могучего горного духа за богатую добычу. Звуки чугунного колокола, рокотавшие в лесной чаще, становились всё тише и тише и постепенно замерли в далёких тайниках угрюмой тайги.

Я стал уже засыпать и сквозь одолевшую меня дрёму слышал, как пришёл старый Хосин, раскурил у очага свою длинную трубку и затих. Не будучи в состоянии преодолеть сна, я мельком взглянул на старого таёжника и увидел его сидящим на корточках перед очагом; во рту его дымилась трубка и взор был обращён на тлеющие угли; красное пламя последних отражалось бликами в его глазах; мысли мои путались, и я видел перед собой, не то наяву, не то во сне гигантскую фигуру труженика леса, освещённую красными лучами нарождающейся зари». Это – заключительный аккорд рассказа.

Повествование Н. Байкова о женьшене и женьшеньщиках 1934 г. можно рассматривать в разных контекстах: накопления исследователем-натуралистом научного материала и становления его писательского мастерства (1914, 1926, 1934). В обоих случаях книга «В дебрях Маньчжурии» не заслуживает упрёков, посланных ей, например, М. Щербаковым: «в неё отчасти вошли очерки, уже издававшиеся ещё до революции, содержащие богатый фактический материал по изучению края, но написанные очень беспомощно в художественно-литературном отношении»[1]. О вкусах, тем более с расстояния лет, не спорят. Но в качестве очерков произведения Байкова вполне олитературены, написаны живо и увлекательно. А то, что Байков постоянно перерабатывал и дорабатывал свой материал, повторяя и развивая концептуальные моменты, доказывает другой, на первый взгляд, одиозный факт.

Оказывается, целые страницы очерка Н. Байкова «Женьшень» (1926), посвящённые чудесному корню и его добыче, совпадают с текстом арсеньевской монографии «Китайцы в Уссурийском крае» (1914)[2]. Так, Байков с самого начала практически «цитирует» Арсеньева (см. главу «Искатели женьшеня» из книги «Китайцы в Уссурийском крае»). А в главах «Искатели женьшеня» и «Легенды и сказания» те самые поэтизированные фрагменты, что привлекли наше внимание выше, просто-напросто «скопированы» у Арсеньева (а затем повторены в Байковым в рассказе «За женьшенем»): условия, при которых корень попадает в руки женьшеньщика, молитва женьшеньщика, легенды о женьшене. Таких «заимствованных» фрагментов весьма много. Выходит, Николай Аполлонович Байков (к примеру, воспользовавшись тем, что в Харбине труды Арсеньева не были широко известны) проявил, мягко говоря, научную недобросовестность и создал компилятивный текст? К сожалению, текстологические разыскания в данной области крайне затруднены. Мы можем об-

[1] Щербаков М. Литература и книгоиздательство // Врата. Шанхай. 1935. № 2.

[2] См.: Арсеньев В.К. Искатели женьшеня // Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Нансен Ф. В страну будущего. М., 2004. С. 153–164 vs. Байков Н.А. Женьшень // Рубеж. 2004. № 5 (867). С. 209–223.

ратиться к данным только архива В.К. Арсеньева[1]. Архив Н.А. Байкова был уничтожен самим писателем в 1945 году. В нашем распоряжении – автобиографические рассказы Байкова[2], а также мемуары первой супруги Арсеньева и публикация архива его вдовы[3].

Как известно, Н.А. Байков и В.К. Арсеньев были погодками, поклонниками таланта Н.М. Пржевальского, его последователями[4]. Даже любимые писатели у них были одни и те же: Ф. Купер, М. Рид, Ж. Верн[5]. Они начали работать практически в одно и то же время, только на разных территориях Дальнего Востока. Байков – в Маньчжурии (1901 г.), Арсеньев – в Приморье и Уссурийском крае (1900 г.).

До 1914 года, как подсчитано, Байков опубликовал 13 очерков о Маньчжурии, а Арсеньев начинает публиковаться только с 1912 года[6]. Лично они знакомы не были, но, очевидно, следили за результатами изысканий друг друга. Только в 20-е годы, когда Н.А. Байков, после невероятных бед и странствий обретёт, наконец, свой угол в любимой Маньчжурии, между ними завязывается переписка. К сожалению, мы можем сослаться только на фрагменты писем Байкова Арсеньеву. Судя по этим письмам, Байков весьма уважительно относился к Арсеньеву и его разысканиям. Начиная с 1924 года Байков, работающий над своей монографией «Маньчжурский тигр», в своих письмах просит Арсеньева, как «единственного знатока природы Д.В.», поделиться своими личными наблюдениями, а также – другими сведениями из известных ему источников: «Не имею под руками никакой соответствующей литературы, прошу, если возможно, оказать содействие к освещению затронутого выше вопроса» (Письмо от 9 января 1924 года). А 10 августа 1925 года Байков благодарит Арсеньева за три присланные книги трудов. Что это за книги – неизвестно, но ясно из письма,

[1] Архив ОИАК (Общество Изучения Амурского Края). Ф. В.К. Арсеньева. Публикации, основанные на архивных материалах: Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. Указ. изд.; Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 томах. Том 1 / под ред. ОИАК. Владивосток, 2007. 704 с.; Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 томах. Том II / под ред. ОИАК. 2-е доп. изд. Владивосток, 2011. 608 с.

[2] Байков Н.А. Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4.

[3] Арсеньева А. Мой муж – Володя Арсеньев. Воспоминания // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2006. № 6 (868); Сумашедов Б. Путешествие по кольцам времени. Неизвестный архив Маргариты Арсеньевой // Там же. С. 338–356; Егорчев И. В.К. Арсеньев. Две жены – две судьбы // Там же. С. 334–337; Ким Рехо. Байков // Литература русского зарубежья. 1920–1940 / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. Вып. 2. М., 1999. С. 270–297; Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество) // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Чёрный капитан: Роман / Вступ. ст. Е. Ким. Владивосток, 2009. С. 5–52; Кузьмичев И. Имя честного человека // Арсеньев В.К. Собрание сочинений в 6 томах. Том 1 / под ред. ОИАК. Владивосток, 2007. С. 13–41.

[4] Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж, 1940. № 24; Егорчев И. В.К. Арсеньев. Две жены – две судьбы. Указ. изд.

[5] Ким Е. Из переписки Н.А. Байкова и В.К. Арсеньева // Рубеж. Тихоокеанский альманах, 2011. № 11 (873). С. 294–299.

[6] Ким Е. Из переписки Н.А. Байкова и В.К. Арсеньева. Указ. изд.

что Байков был знаком с работами Арсеньева задолго до этого: «судя по беглому взгляду, они так же интересны и живо написаны, как и все Ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Д.В.».

Вполне вероятно, что в 1924–1925 гг. Арсеньев помог Байкову с подбором интересующей его литературы по изучению тигра и природы Дальнего Востока. Но ведь и сам Байков был тем редким «знатоком», каким называет он Арсеньева. Его исследования о тиграх были написаны задолго до революции («По тигровым следам», 1907). Очерк Байкова 1926 года сопровождается обстоятельным «Списком» (всего – 14 источников), из которого следует, что Байков опирался на многие серьёзные исследования: труд П.А. Бадмаева «Чжуд-ши: Основы тибетской врачебной науки» (СПб., 1903); В.Б. Врадия «Китайские легенды о корне женьшень (человек-корень)» (СПб., 1900); В.Л. Комарова «Флора Маньчжурии» (СПб., 1907), «Словарь китайский толковый. Цы-юань» (Шанхай, 1915), книгу С.В. Максимова «На Дальнем Востоке (СПб., 1884.).

Работа В.К. Арсеньева «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914) указана первой в «Списке литературы» Байкова. Стало быть, харбинский учёный-натуралист нисколько не стеснялся своего обращения к тексту приморского коллеги. Почему же Байков эмигрантского периода творчества решил ориентироваться, и столь кардинально, на текст Арсеньева? Для чего ему, самобытному исследователю, работающему вдобавок над собственной оригинальной темой тигра (действительно прославившей его), было необходимо создавать текст-компиляцию? Почему свой сборник 1934 года он называет по аналогии с книгой Арсеньева (в то время – уже покойного) – «В дебрях Маньчжурии»? Здесь могли сыграть роль, по крайней мере, несколько причин[1].

Байков вернулся в Харбин из Африки совсем не тем легендарным героем, которым он был до войны и революции. Чудом спасшегося, писателя никто не ждал. Настрадавшись от долгих и мучительных странствий, безденежья и безработицы, унизительных должностей на станциях КВЖД, когда его семья просто-напросто могла погибнуть от голода, он, наконец, получает место в Харбине. Очерк о женьшене был заказан Байкову Обществом изучения Маньчжурского края (ОИМК), в который Байков был избран пожизненным членом[2]. В издании этого общества очерк и был впервые напечатан[3].

Издателям был нужен *научный текст*. А собственного текста, и вообще, очевидно, архивов под рукой у Байкова, этого учёного-мытаря, не было. Кроме того, слава Арсеньева в эти годы гремела – а о Байкове в те годы мало кто помнил. И Байков начал с самых азов. Он действовал как просветитель: читательской аудитории Харбина нужны были знания о том, что было уже сделано по изучению природы и быта обитателей их края. Как учёный позитивистского

[1] Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, 1926.

[2] Байков Н.А. Корень жизни (Жень-шень) // Издание Общества изучения Маньчжурского края. Харбин, 1926.

[3] См.: Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. М., 2004. С. 158.

склада, Байков хотел «досказать» всё невысказанное о женьшене. Потому он пошёл путём, на первый взгляд, экстенсивного наращивания материала, более чем в четыре раза расширив представленные Арсеньевым данные, обогатив их красочными примерами из книг, при этом – добросовестно сославшись на первоисточник.

Очерк Байкова более распространён, нежели заметки о женьшене Арсеньева. Байков как раз-таки воспользовался отсылкой Арсеньева к работе В.П. Врадия «Китайские легенды о корне женьшень (человек-корень)». Он углубил сведения о женьшене личными воспоминаниями, своими датировками, известными только ему китайскими и маньчжурскими быличками, обогатил поэтизированными фрагментами и беллетризованным материалом. Это придало очерку ноты интимности, и, в свою очередь, расширило читательскую аудиторию издания ОИМК. Это же подтвердило и самостоятельность Байкова, его самоценность как учёного, умело использующего уже наработанное коллегами, – и писателя.

Поистине эксклюзивной темой Байкова становится другой персонаж таёжной мифологии – тигр, Великий Ван. В своё время именно слова о тигре Н.М. Пржевальского потрясли юного кадета: «Ты интересуешься, убивал ли я тигров. К сожалению, нет. Много всякого зверя я стрелял, но тигров не удалось взять ни одного. Это ты сделаешь за меня, когда будешь путешествовать по тайге Маньчжурии или Уссурийского края»[1].

Тигр – не только мифология, это – суровая реальность для жителя Маньчжурии конца XIX – начала XX в. В предисловии к воспоминаниям своего отца Ю.М. Янковского, сверстника Байкова, не менее бывалый охотник Валерий Янковский писал: «Автор книги "Полвека охоты на тигров" рос в те годы, когда тигры являлись непримиримыми врагами животноводства. Давили не только лошадей и оленей, но и коров, свиней, собак. Тигр был врагом и трофеем номер один. Поэтому неуёмная страсть к охоте на хищников, тигров и барсов вполне закономерна»[2]. Приведём наблюдения Байкова тех лет: тигр лёг на рельсы и ни за что не хочет уходить – на полдня движение поездов остановлено. Или текст телеграммы в заамурский полк, где служил наш герой: «Срочно

[1] Байков Н. Тайга шумит. Заветы Пржевальского. Указ. изд. С. 81–85.

[2] Янковский В. Предисловие сына // Янковский Ю. Полвека охоты на тигров; Янковский В. Нэнуни. Корейские новеллы. Владивосток, 2007. С. 15. Сравним эту реплику с впечатлениями М. Пришвина, проезжающего уже в 1931 г. по «даурской» земле (Уссурийский край, место «недалеко от того самого озера Ханка, где Дерсу спас Арсеньева от верной гибели»): «Один из пассажиров рассказывал даже, что будто недавно тигр снял машиниста с поезда и унёс его как котенка, в дебри уссурийского края. Замечательно было, что ту небылицу сейчас же выяснили, но при этом выяснили серьёзно, а не смеялись, как если бы это рассказывали у нас» (курсив мой. – *А.З.*). Цит. по: Пришвин М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.) // Рубеж. 2006. № 6. С. 201–281. Фиксируя «небылицу», писатель, тем не менее, следом приводит следующий «факт»: «Господствующая сопка во Владивостоке «Тигровая» названа потому, что ещё в 1905 году тигры снимали с батарей часовых». О несоответствии данных фактов реальности см.: Мизь Н.Г. Комментарии. Указ. изд. С. 276–277.

пришлите кого-нибудь – станцию осаждают тигры»[1].

По разным сведениям, сам Байков убил двух или трёх тигров[2]. Подчинённые его «Тигровой роты» заамурцев стали отличными следопытами, в одиночку ходившими не только на медведей, но и на тигров[3]. Известна фотография писателя в черкеске со шкурой убитого им Великого Вана – сильного и ловкого хищника, людоеда, терроризировавшего многие годы местных жителей.

Легендарная слава «победителя Вана» спасла однажды писателю жизнь: шайка хунхуза Ван-до (тоже – большого Вана), осадившая отряд заамурцев, узнала о личности их командира и достойно ретировалась в горы («Записки заамурца»).

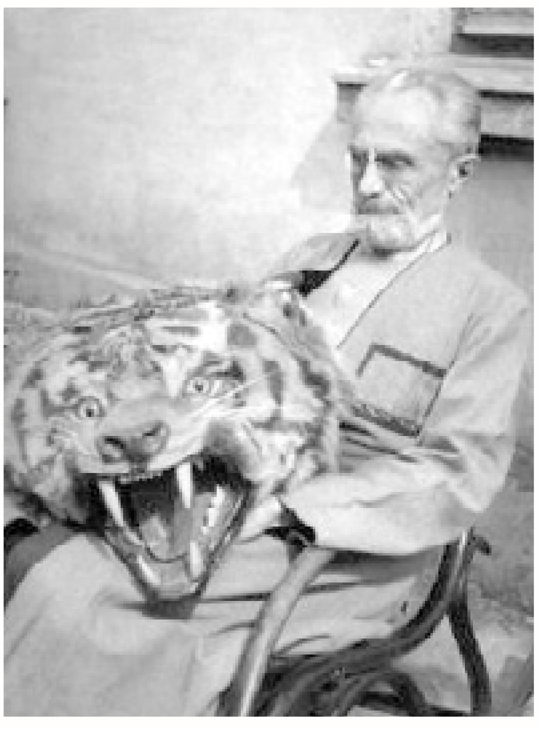
Охотясь на тигров, Байков не только прекрасно изучил их повадки и образ жизни, но и усвоил весь комплекс сложнейшей системы мифологических представлений жителей тайги. Образ тигра, Великого Вана, появляется и в ранних очерках Байкова, и в качестве вставных эпизодов в воспоминаниях («Записки заамурца»), и, конечно, является центральным в прославившей его одноимённой повести, переведённой на многие языки. Один из таких фрагментов устойчиво кочует из произведения в произведение Байкова, насыщаясь разной степенью художественности. Он звучит так: «Этот царственный зверь с незапамятных времён у многих народов Восточной Азии пользуется особым почитанием. В религиозных воззрениях эти народов существует даже особый "культ тигра", связанный с целым циклом верований, обрядностей и обычаев. Маньчжуры считают, что Великий Ван – царь всех зверей; в его теле находится душа умершего великого человека, царя или князя. Тигр для маньчжура – священный зверь, перед которым преклоняются, воздвигают алтари и кумирни и совершают моление "Великому духу гор и лесов"»[4].

Воссоздавая в знаменитой повести родословную Вана, писатель выбирает высоко-поэтический, напоённый мифологическим величием, тон: «Отец его, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горы Бай-Тоу-Шань (по корейски Пак-Ту-Сан), в пещере Великого Духа Дракона. Смерть его ознаменовалась землетрясением, так как Великий Дракон, спящий в недрах горы, ворочался в своём каменном ложе, и горячее дыхание его в виде серых паров и ядовитых газов вырывалось из глубоких трещин у самой вершины. Небесное же озеро, покоящееся в кратере вулкана, кипело и волновалось, посылая свои животворящие священные воды в Сунгари, в реку Желтого Лотоса.

Народное сказание говорит, что душа великого человека, совершая цикл своих перевоплощений, поселяется в теле Великого Вана, а с его смертью переходит в цветок лотоса, невидимый для смертных, и пребывает в нём до полно-

[1] Байков Н.А. Тайга шумит. Тигровая рота. Указ. изд. С. 111.
[2] Ким Е. По белу свету (Николай Байков. Судьба и творчество). Указ. изд. С. 31–32.
[3] Байков Н.А. Записки заамурца. Воспоминания // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 116–119.
[4] Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд. С. 95.

го очищения и слияния с мировой душою Вселенной. Воды реки Сунгари насыщены дыханием Великого Дракона Священной горы и несут в себе животворящее начало и целительную силу»[1].



Н.А. Байков со шкурой убитого им тигра

Воображение писателя будоражат легенды, сопровождающие образ Великого Вана: он рассказывает о том, как тигр, пойманный во время Императорской охоты, но с почётом отпущенный, спокойно подошёл к самому Богдыхану, «поклонился ему до земли и медленно удалился в родные леса»[2], описывает, каким магнетизмом исполнен взгляд Великого Вана и т.д. «Культ тигра, как и культ дракона, глубоко укоренился в психологии китайца и сжился с ним, войдя в обиход его повседневной жизни.

В особенности то заметно среди обитателей гор и лесов, где человеку приходится жить в первобытной обстановке дикой природы и сталкиваться с властелином тайги непосредственно.

Обаяние, которым пользуется тигр среди некоторых народов Азии, отчасти распространяется и на пришлых европейцев; так, некоторые охотники на крупного зверя поплатились своей жизнью при встрече с тигром, не будучи в состоянии поднять винтовку для выстрела. Пронзительный, полный сознания силы и могущества, гипнотизирующий взгляд свирепого хищника лишает человека, нервного и нравственно неустойчивого, воли и парализует его нервные центры, следствием чего является временный нервный шок или паралич органов движения. В таком состоянии человек легко становится жертвой хищника» (С. 95).

«Обаяние и мистический ужас, внушаемый тигром народам Восточной Азии», Байков объясняет «тёмным умом человека», способного в проявлении сил враждебной природы видеть сверхъестественное начало: «Необычайная сила, поразительная ловкость, быстрота движений и удивительная хитрость гигантской кошки и в настоящее время поражают *ум человека*, наводя его на мысль о чём-то сверхъестественном. *Мистически настроенный полудикий народ* под влиянием преданий глубокой древности и легенд *давно отживших поколе-*

---

[1] Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд. С. 95.

[2] Байков Н.А. Тайга шумит. Сказочная быль. Указ. изд. С. 117.

ний создал особый культ тигра, связанный с особыми обрядами» (С. 96) (курсив мой. – *А.З.*). Но вот Байков приступает к истории рождения, взросления и мужания Вана – и наука забыта, победу одерживает полумифическая-полумистическая природа образа тигра.

Исследователи, отмечающие эти особенности мировидения писателя, приписывают их «двоемирию» автора. При этом они не могут уложить в единую парадигму мировоззренческие и стилистические, сюжетно-композиционные явления. А они, безусловно, – взаимообразны, как картина мира писателя и её языковое, идиостилевое и поэтологическое воплощения. И в этом – не недостаток, а яркое своеобразие байковских повествований самых разных жанрово-стилистических параметров.

«Тигриная мифология» реализуется в тексте писателя сквозь призму его собственного полумистического отношения к этому обитателю тайги. Например, рассказ «Судьба» («У костра») начинается преамбулой: «Можно верить или не верить в судьбу или предопределение, но я хочу рассказать вам случай из своих наблюдений, который невольно наводит на размышление»[1]. Далее рассказывается о встрече охотника-рассказчика с неким звероловом, который, узнав, что в тайге появились тигры (самая ценная дичь), неожиданно собирается домой. Оказывается, что однажды нечаянная встреча с тигром перевернула его жизнь: столкнувшись в тайге с хищником, смелый, опытный, но в тот момент безоружный зверобой Железняков (имеющий «солдатского Егория за храбрость!»), спасается, лишь в последнюю минуту бросив в пасть тигра добытых фазанов.

После столь драматического случая, несмотря на насмешки товарищей, Железников заказал себе охоту на тигров.

Но это его не спасло: спустя два года после встречи с рассказчиком, уехав в очередной раз в тайгу на промысел, Железняков пропадает без вести. Охотники, тщетно проискавшие его, «порешили»: «либо хунхузы его угробили, либо напоролся на тигра! Только последнее вернее, так как из собак вернулись только две, а две пропали, должно быть, тоже тигра задрала. <…> Что ж, ничего не поделаешь: видно уж такая судьба».

В повествовании Байкова китайские и маньчжурские религиозные воззрения вступают в поединок с силой православной веры. В рассказе «Хунхузы» («У костра») два приятеля-охотника теряются на пути к фанзе, в которой мечтали скоротать зимнюю таёжную ночь. Вокруг бродит тигр – тайга наполнена тревожными знаками его присутствия. Едва увернувшись от встречи с голодным хищником, один из друзей переночевал у костра и двинулся дальше, как вдруг, выйдя на гребень седловины, находит своего товарища, привязанного к дереву. Оказалось, что тот дошёл до охотничьей фанзы, но был схвачен хунхузами, и никем иными, как шайкой известного разбойника Корявого, «самого

[1] Байков Н.А. У костра. Судьба. Указ. изд. С. 154.

жестокого и дикого предводителя хунхузских шаек»[1]. Встреча с легендарным разбойником развивается по закону остросюжетного жанра: «Это тот русский охотник, который выдал наших китайским властям в прошлом году. Пощады ему не будет! Теперь *звериная ночь* и Великому Вану нужна человеческая жертва. Отведите его на перевал Лао-Сун-Лин и там привяжите к дереву. Если Ван пощадит его, – значит, так угодно. Если нет, то справедливый суд совершится!», – изрекает Корявый (курсив мой. – *А.З.*).

Бедолага, которого хунхузы привязывают морскими узлами к дереву и оставляют, пожелав «доброй ночи!», начинает «усердно молиться Богу, прося его избавить… от мучительной смерти в когтях хищника!» В отчаянных молитвах и ожидании смерти проходит кошмарная ночь. Тигр – Великий Ван – ходит рядом, его рычание и шаги слышит приговорённый. Именно «Божественному провидению», по мнению пленника, обязан он был тем, что не только пережил ночной кошмар, но и дождался прихода товарища: «"Да! Теперь я вижу, что меня спас сам Бог! Он отвёл тигра, шедшего на перевал! Если бы не это, он растерзал бы меня, как кот мышонка!" Я вполне разделял его мнение, ещё более *убеждаясь в проявлении Воли Всевышнего и в неизбежность судьбы*» (курсив мой. – *А.З.*). Испытавший страшное потрясение таёжник меняется не только внешне (резко стареет, седеет и худеет), но и внутренне: «из веселого, жизнерадостного юноши он стал угрюмым нелюдимым человеком. Этот жизненный эпизод, перевернувший всю его психику, оказал влияние на всю его жизнь: «он навсегда отказался от охоты, хотя природу любил по-прежнему, до обожания».

В этом поединке двух религиозных типов сознания остаётся открытым вопрос, чья же правда – русского Бога либо таёжного Вана – определила судьбу несчастного. Байков не фокусирует на этом внимания, и в этом нам видится выражение его религиозного сознания. «Таёжный закон» и определяемая им судьба – вот что является решающим. Его разъяснению Байков уделяет отдельную главу в повести «Великий Ван»: «Закон тайги – самый древний из всех юридических установлений человека. Это неписаный кодекс, ведущий своё начало от древнейших времен младенчества рода человеческого, когда борьба за существование зависела от наличия физической силы и право на жизнь покупалось дорогой ценой. <…> С течением времени это право обратилось в обычное право и приобрело внешние формы закона, фиксируемого самой жизнью, обстоятельствами и местными условиями»[2]. Потому, когда таёжное судилище выносит приговор неправедному воришке Сун-Фа, укравшему у своего хозяина две собольи шкурки (хотя для помощи голодающей матери достаточно было и одной), и преступника привязывают к дереву для жертвы

[1] Байков Н.А.У костра. Хунхузы. Указ. изд. С. 163–170. Хунхуз Корявый – реальная фигура – не единожды станет героем художественных повествований харбинцев. См., например: Несмелов А. Сторублевка // Несмелов А.И. Собрание сочинений: В 2 т. Владивосток, 2006. Т. 2. С. 470–481.

[2] Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд. С. 181–187.

Великому Вану, тигр и его самка принимают жертву. Весной старый Тун-ли приходит на то место «собрать цветы мака, выросшего на крови погибшего Сун-Фа». У ствола старого кедра, «где казнён был Сун-Фа, он повесил на ветвях лоскутки его одежды, уцелевшие от времени и непогод. Затем, сделав ножом затеску на коре, он написал тушью следующее: "Здесь умер Сун-Фа. Великий Ван решил так! Прохожий. Остановись и положи свой камень. Да хранит тебя Горный Дух в пути твоём"[1].

Вбирая знания «таёжной грамоты», Байков ощущает себя частью тайги, входя в её владения, он принимает её законы, преклоняясь перед первобытной таёжной красотой.

С самых первых публикаций несомненным открытием Байкова-писателя становятся его этнографические наблюдения. Помимо тех мифологем, которые вплетаются в повествование о маньчжурской тайге, её обитателях, он постоянно обращается к *человеку* и его этнокультурному портрету – будь то русский (солдат, офицер, охотник, хунхуз) или китаец, маньчжур (охотник, хунхуз). Волшебный мир тайги, в который был допущен охотник Байков как «свой», подарил ему встречи и с императорскими егерями – ветхими стариками китайцами и маньчжурами, доживающими в убогих фанзах свои последние дни, и с простыми охотниками (к таким типам относится старый Хосин, описанный им в рассказе «За женьшенем», Тун-ли из «Великого Вана»). Ночуя в ветхих жилищах таёжников, слушал писатель мифологические сказания о давних временах, и неслучайно ему «иногда казалось, что это шёпот первобытного леса и шум древней тайги доносится издалека, из тёмных тайников Шу-Хая, Лесного моря»[2]. Его лучшие герои – плоть от плоти жители тайги, причастные к её таинственной жизни. Потому Тун-ли, по определению Байкова, – «великий старик», он «великий врач и знахарь. Ему известны многие тайны природы. Сам Ван, Великий Ван, при встречах уступает ему дорогу»[3].

Многолетние наблюдения *за этническими типами дальневосточного фронтира*, живой опыт общения с таёжными обитателями позволяет Байкову определить, например, базовые этнические характеристики русских, населяющих приграничье. Так, его автобиографический рассказчик ночует вместе с ротой заамурцев, отправленных ловить хунхузов: «Солдаты храпели, пренебрегая всеми опасностями дикой маньчжурской тайги, как будто находились в мирной безмятежной обстановке своей деревни. *Что это? Наивность? Невежество? Или сознательное презрение опасности, равносильное героизму? Ни то, ни другое, ни третье. Это врождённая беспечность русского человека, бессознательное чувство силы и мощи, присущее самонадеянной, даровитой натуре*.

[1] Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд.. С. 187.

[2] Байков Н. За женьшенем // Байков Н. В дебрях Маньчжурии (Главы из книги). Указ. изд. С. 248.

[3] Байков Н.А.Великий Ван. Указ. изд.

Такова натура славянина, могучая, способная, увлекающаяся и пылкая.

С такими солдатами, думалось мне, можно завоевать мир, но надо уметь подойти к ним, понять их, увлечь, пробудив спящую энергию и дремлющую душу этих чудо-богатырей» («Хищники тайги»)[1] (курсив мой. – *А.З.*).

В разных ситуациях один и тот же этнический тип проявляется по-разному. Это зачастую зависит от установки. Весьма кратко и в то же время ёмко определяет русский инженер характер китайца-хунхуза, угрожающего его жене: «Ты не знаешь натуру китайца! Это упорная, настойчивая и дикая натура! Шутить с нею нельзя!»[2].

Писатель испытывает русского и китайца в ситуацию, связанной с соблазном получить награду за украденного ребенка. Он выделяет коренные отличия русской и китайской ментальности: «Зверолов предполагал, что Иван, услышав о большой денежной награде за ребенка, изменил первоначальному плану и сам захотел получить эту награду, не зная, конечно, что Ивану совершенно было неизвестно об обещанной награде. *У китайца и в мыслях не могло быть предположения, что Иваном в данном случае руководило сердце, простое, бесхитростное сердце русского человека. Для китайца совершенно непонятны некоторые движения души человеческой, как-то: великодушие, самопожертвование и бескорыстие, свойственные в высокой степени представителям арийской расы*. У монгольских народов своё мировоззрение, своя специфическая нравственная этика, не поддающаяся поверхностному анализу европейца и совершенно ему непонятная.

Материалистический взгляд на всё окружающее, благодаря физиологическим особенностям и окружающей обстановке, отчасти под влиянием учения Конфуция, выработался у этого народа веками и создал особую нацию, стойкую и крепкую, но чуждую поэзии и ярких колоритных красок»[3] (курсив мой. – *А.З.*). Китаец-зверолов убивает русского хунхуза (обдуманно и деловито, топором отсекая тому голову), а потом справляет молитву: «Подойдя к божнице, устроенной вблизи фанзы под гигантским стволом кедра, зверолов поставил на алтарике перед изображение *Конфуция* две курительные ароматные свечи, зажёг их спичками, вынутыми из кармана брюк Ивана, стал на колени и начал молиться:

– Благодарю тебя, всевышний, могучий *Лао-цзы*, что помог мне, бедному зверолову, уничтожить одного белого дьявола и отобрать у него дитя, за которое ты мне ещё раз поможешь взять много, много русских денег. Благодарю и тебя, грозный дух гор и лесов, не оставляющий меня, слабого и несчастного китайца, своими милостями. Пусть будет то, что должно быть! То, что написано кровью в книге судеб, исполнится! – произнеся эти слова, китаец встал и,

---

[1] Байков Н. Хищники тайги // Байков Н. В дебрях Маньчжурии (Главы из книги). Указ. изд. С. 489.

[2] Байков Н.А. Любовь хунхуза. // Байков Н. В горах и лесах Маньчжурии. (Главы из книги). Указ. изд. С. 400.

[3] Байков Н. Любовь хунхуза. Указ. изд. С. 422.

ударив деревянным молоточком по чугунному колоколу, висевшему над крышей божницы, вышел из-под навеса и скрылся в дверях фанзы.

Металлический звук колокола глухо зарокотал и, вибрируя на одной басовой ноте, замер в далёких тайниках дремучего леса. Ему ответил с вершины кедра филин-пугач, и хохот его, напоминавший человеческий, раздался внезапно в тишине ночной, встревожив далекое горное эхо»[1] (курсив мой. – *А.З.*).

Смешав в одном тексте Конфуция и Лао Цзы, автор совсем не ошибся, – вполне вероятно, что именно в таком синкретическом единстве и существовали в сознании таёжника эти великие духовные наставники. Так в новелле «Любовь хунхуза» писатель успевает не только передать трагическую историю столкновения двух типов отношения к жизни – хунхуза-китайца и русской женщины. Он зафиксировал множество этнографических подробностей о нравах китайцев и маньчжуров, их отношении к иностранцам – «белым дьяволам», о синкретических верованиях китайцев, об особом ритуальном комплексе, сопровождающем их обращение к богам, об этническом составе хунхузских отрядов, об устройстве их социума. При этом Байков успевает подчеркнуть множественные линии схождения нравов русских и китайцев, проживающих в условиях маньчжурской тайги.

С юмористическими вкраплениями пишет, к примеру, Байков об усвоении и творческой переработке русскими мифологического комплекса, связанного с образом тигра. Некий бедолага Архипов, решивший самонадеянно доказать, что он не трус, что «пусть сам Ван, переван, чего его бояться?», отправляется в дозор и становится-таки жертвой нападения того самого Вана. После выздоровления он рассказывает:

«Я понимаю теперь, почему все звери боятся тигра! Один взгляд его желтых глаз может лишить сознания. <…> здесь он хозяин, а не ты. Китайцы говорили, что это был Ван, то есть начальник всех тигров. Кто их знает, врут они или нет, а только скажу, что я не хотел бы с ним встретиться вторично»[2]. На что его сослуживцы резюмировали:

«Да! Дело такое! <…> – одно слово – тигра! Она тебя не помилует! Не то что наш брат, ведмедь! Ен дюже смирен и добер. Не троне! Не замай только его, а ен не поворушит. Это наш зверь, рассейский. А тигра не наша, да и обличье у её не наше!»

«Недаром у китайца она заместо бога! – говорили другие. – К примеру, у нас Николай Угодник, а у них Ван! Видно, так уже положено! Каждому своё! Да, дела! Чего только на свете не бывает!»[3]

Образам русских обитателей тайги Байков уделяет особенное внимание. Это – люди не только необыкновенных навыков, позволяющих им выжить в тайге, но и необыкновенной силы духа, вызывающие восхищение и даже ре-

---

[1] Байков Н.А. Великий Ван. Указ. изд. С. 424–425.

[2] Там же. С. 201.

[3] Байков Н.А. Любовь хунхуза. Указ. изд. С. 201

лигиозное поклонение у хунхузов. Таков любимый автором Бобошин: «По натуре этот богатырь был добродушен и незлобив, как ребенок, и, зная свою силу, никогда не пользовался ею в драке иди спорах. Этим злоупотребляли его друзья и собутыльники и нередко поколачивали его, когда он был совершенно пьян.

Китайцы и маньчжуры уважали его за силу и добрый нрав и называли его "Моуцзы Бобошка", или же "Чан-Ли", т.е. "Длинная верста". Они любили его также за отсутствие у него племенной гордости и корыстолюбия. Он был в буквальном смысле бессребреник и, несмотря на хороший заработок от охоты, всегда нуждался в деньгах, к которым относился с презрением и пропивал их при первом случае.

Здоровье у него было медвежье: никакие морозы его не брали, в самую стужу он снимал рукавицы, и руки его только краснели, наливаясь кровью. Любого зверя он легко заганивал на смерть и мог безостановочно ходить по сопкам в течение суток, с двухпудовой ношей на спине.

Лучшего следопыта и зверобоя в Маньчжурии не было, а трёхлинейная винтовка его не знала промаха. <…>

Хунхузы и *таёжники* считали Бобошку сверхъестественным существом и преклонялись перед его ростом и физической силой, полагая, что эти качества не человеческого происхождения.

В самых отдалённых и глухих местах восточной Маньчжурии он пользовался почётом и гостеприимством, ему всегда были рады, так как, по мнению звероловов, приход его приносил удачу в промысле.

В одной из кумирен, на перевале хребта Лао-э-лина, над алтарем, где жгут курительные свечи, *было изображение Бобошина* в виде фантастического великана с головою тигра; иероглифическая надпись гласила следующее:

"Моуцзы Бобошка. Повелитель тигров. Самый большой и могучий человек Шу-хая. Сердце и душа великана".

Узнав об этом, Бобошин отправился на перевал, к кумирне, и сорвал своё изображение, ругаясь при этом нехорошими словами и отплёвываясь.

– Вот выдумали, черти! – гремел его бас под сводами вековых кедров. – Меня вместо бога повесили в своём капище! Добро бы было похоже! А то вместо головы какое-то чудище!

Но это не помогло: вскоре же изображение было возобновлено, не в одной, а в двух кумирнях на том же перевале»[1] (курсив мой. – *А.З.*).

То же самое можно сказать и об Алатаеве – Чёрном капитане (прообразом которому стала личность самого автора)[2], побеждающем главаря хунхузов в поединке воль. Алатаев запрягает в упряжку ручных изюбрей, «при виде такой необыкновенной упряжки все прохожие, русские и китайцы, останавливались и, качая головами, говорили между собой:

[1] Байков Н.А. Тигрица. Указ. изд. С. 540.

[2] Байков Н. Чёрный капитан. Указ. изд. С. 227–516.

– Да ведь это Алатаев! Поэтому ничего нет удивительного. Он запряжёт самого чёрта и поскачет на нём куда угодно.

А китайцы, видя в этом проявление сверхъестественного, высказывались так:

– Это Чёрный капитан! Он знается с самим дьяволом и может оседлать дракона. Есть люди, которые видели, как он мчался ночью на драконе. Что же тут удивительного, если ему подчиняется олень?»[1]. Хунхузы, весьма склонные к мифологизации вследствие закрытости своего сообщества и непосредственной зависимости от жестоких природных условий, обожествляют Алатаева, считая, что в него вселяется время от времени дух Великого Вана.

Женскому представителю суровой породы русских таёжников посвящает Байков повесть «Тигрица». О Настасье, которую русские не случайно прозывают Тигрицей, бывалый Бобошин говорит: «Её не испугаешь ничем! Сам чёрт убежит от неё, поджав хост, а что уж говорить про нашего брата мужика!»[2]

«Мудрый Старец Байков» («Байков-О») – так уважительно именовали писателя на Востоке, в частности, в Японии (Ким Рехо). В подобном отношении к писателю, открывшему, по наблюдению японского филолога, восточному сознанию новый взгляд на его природу, культуру, мифологию, проявляется культ старого мудреца, присущий восточной традиции в её разных этнических преломлениях.

Известные псевдонимы Байкова (наряду с Заамурцем – Зверобой, Следопыт, Промысловик, Скиталец) выдают его юношескую увлечённость произведениями американского романтика-этнографа Фенимора Купера, о чём он, не скрывая, признается и в рассказах («Волшебный стрелок»). В уже цитированном очерке «Харбинские писатели и поэты» Е. Сентянина писала: «Герои рассказов Н.А. Байкова – сильные, мужественные, отважные люди лесов и гор, охотники, хунхузы, солдаты. Творчество Байкова – русская параллель Дж. Лондону, Кэрвуду и другим авторам книг о смелых и свободны людях, о суровой природе, о жизни вдали от цивилизации, от закона, от машинного века с его газолином, пылью и скукой… Во многие молодые души вложил Н.А. Байков здоровую волю, мужество и благородство, дух предприимчивости и свободолюбия».

Но подражание Куперу или Лондону – не самое большое достижение писателя Байкова. А вот тончайшие наблюдения за религиозными взглядами и мифологическими представлениями жителей тайги, стремление воссоздать облик её обитателей – порою независимо от этнических корней, наконец, описание национальных характеров китайцев и русских, подспудное выделение черт, сближающих эти этнопсихологические типы – действительная заслуга русского натуралиста и этнографа Николая Аполлоновича Байкова.

Он стоял у истоков того пути, что намеченными же им тропами будут то-

[1] Байков Н. Чёрный капитан. Указ. изд. С. 315.

[2] Байков Н. Тигрица. Указ. изд. С. 546.

рить дальше другие писатели, зачастую не признаваясь ни себе, никому в том, что идут в одном с ним направлении – к женьшеню, тиграм и священным местам. Этот путь будет пролегать через усиление художественного начала и углубление в беллетризацию этнографического по своей природе повествования.

3.3. Дальневосточный фронтир, традиция народничества и соцзаказ: Венедикт Март

Венедикт Март (Венедикт Николаевич Матвеев) [1896–1937] занимает особое место среди писателей дальневосточной этнографии. Во-первых, потому, что фронтир как мироощущение вошёл в его сознание вместе с рождением. Во-вторых, потому что намного раньше, чем все остальные писатели, обратился к образам Китая и китайцев в литературе (наряду с образами Японии и японцев). В-третьих, Март не успел полной мерой испить горечи изгнания: он прожил в Харбине около пяти лет, приехав оттуда из родного Владивостока, а затем отправился в Москву. В те годы (1921–1924) Харбин ещё не был эмигрантским, а его жители по инерции полноценно жили своим дореволюционным утопически-благополучным миром. В-третьих, Венедикт Март изначально был настроен на народническую традицию восприятия инокультуры и создания художественной этнографии, это определило его особенную манеру и отчасти – судьбу. В генезисе разнообразного творчества Венедикта Марта нашли отражение дореволюционное увлечение русских писателей Востоком, собственный опыт повседневного этнокультурного общения, а также – эмигрантский и советский тексты того направления в дальневосточной прозе, которое мы определяем понятием «художественная этнография»[1].

Март (Матвеев) Венедикт Николаевич

Марту не надо было совершать путешествия – по крайней мере, в молодости. Он родился и вырос в Приморье, его детство и юность прошли во Владивостоке, где китайская, японская, корейская речь звучали почти из каждого квартала. Прислуга, прачки и парикмахеры, богатые и мелкие торговцы, владельцы

[1] Об этом: Забияко А.А. Художественная этнография Дальнего Востока: советский и эмигрантский текст // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск, 2014. С. 270–290.

Китайский квартал. 20-е гг.

притонов и проститутки, хозяева опиумокурилен, представители бандитских группировок – таков был пёстрый социокультурный портрет этой части населения города в 10–20-е гг. прошлого века. «По большей части, русские эту землю обрусили. Но даже теперь легко поверить, что Вавилонскую башню строили в Сибири [имеется в виду российский Дальний Восток. – *А.З.*], поскольку здесь слышишь тьму языков и видишь великое разнообразие национальных обычаев», – писал в 1920 г. посетивший Приморье и Владивосток известный американский журналист Коуди Марш[1].

География рождения Венедикта Марта гармонично соединилась с фамильными культурными ценностями: будущий писатель был воспитан в семье, где увлечение историей края и её изучение стояло на первом месте. Если не с молоком матери, то уже с первыми звуками отцовского голоса маленькому Венедикту был привит интерес к восточной культуре. Отец Марта Н.П. Матвеев родился в Хакодате (Япония), в семье фельдшера духовной миссии, «став первым русским ребенком, появившимся на свет на японской земле», к тому же выросшим под присмотром японской кормилицы[2]. Для Николая Матвеева японский язык был вторым родным языком[3]. Впоследствии Н.П. Матвеев стал известным журналистом и краеведом, прославившимся как автор первой, до сих пор не утратившей своей актуальности, «Истории города Владивостока», а также – как поэт Н. Амурский.

Интерес отца Марта к краеведению протекал в общем русле развития дальневосточной этнографии, поощряемого российским государством в переломное для истории страны и общества время. Н.П. Матвеев был настроен, в первую очередь, «прояпонски». До революции он раз пятнадцать самостоятельно ездил в Японию. Интерес к Японии и населяющим его народам был профес-

[1] Марш К. Знакомство с российским «Диким Востоком» (Нэшнл Джиогрэфик, декабрь 1920 г. Т. 38. № 6) / Пер. с англ. М. Немцова // Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 230–235.

[2] Хисамутдинов А.А. Владивостокъ. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. С. 212.

[3] Витковский Е. Состоявшийся эмигрант // Елагин И. Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1998. С. 5–40.

сиональным – с 1896 г. Н.П. Матвеев вступил в Общество изучения Амурского края, в 1898 стал секретарем Общества, а в 1901 – действительным его членом[1]. Его даже подозревали в связях японцами – и старая власть, и новая (возможно, небезосновательно, учитывая активность японской разведки в те годы)[2]. Потому после октябрьских событий он с женой принимает решение эмигрировать в Японию с младшими детьми. Там Н.П. Матвеев продолжил занятия журналистикой, став представителем журнала «Русский Дальний Восток» в г. Осака, писал статьи, издавал детские книги[3], сочинял, а также знакомил российских эмигрантов с наиболее известными достижениями этой страны. Очевидно, что круг его интересов был необыкновенно широк – в своих заметках для журнала «Рубеж» Матвеев обращался к обычаям самих японцев, к проблемам мусульман и православных в Японии, традиционного воспитания японских детей и звероводства в Японии, адаптации русских в Японии и восприятия русской культуры и литературы японцами, жизни японских айнов и т.д.[4]

Стиль очерков Н.П. Матвеева выдаёт в нём продолжателя «знаньевской» традиции, берущей, в свою очередь, начало в натуралистических очерках середины XIX в. Это и неудивительно: наряду с культивируемым в семье интересом к этносам и культурам Дальнего Востока клан Матвеевых исповедовал народно-демократические ценности. Н.П. Матвеев увлекался революционными идеями, даже преследовался царской полицией за распространение нелегальной литературы и бывал арестован. Не случайно крестным В. Марта стал ссыльный отец Д. Хармса И. Ювачев. Тот, как известно, во время ссылки на Сахалин обратился из народовольца в правоверного монархиста. Очевидно, что и отец Марта после октябрьских событий перестроился в своих политических симпатиях. С большевиками не заигрывал – в отличие от революционно настроенных сыновей. Но и в увлечениях его детей, как ни парадоксально, сказалось как раз влияние отцовского воспитания и его внутренних убеждений.

Это проявилось и в политике, и в искусстве. Тем более, что в 20-е годы на короткое время эти две стихии счастливо совпали. В генезисе творческого пути одного из старших сыновей, Венедикта «революционностью» определялись не только политические убеждения. В первую очередь, это было постоянное стремление преодолевать эстетические барьеры.

Сыграла свою роль и литературность воспитания. Каждый из детей уже прославившегося отца пробовал себя в написании стихов, которые они запи-

---

[1] Савада К. Н.П. Матвеев в харбинском журнале «Рубеж» // Матвеев Н.П. «Ваш японский корреспондент…». Рубеж. 2011. № 11 (873). С. 375–391.

[2] Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы // libbabr.com/?book=2053. Дата обращения 4.11. 2014.

[3] Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: в 2 ч. Ч. 2. Русские в Японии, Америке и Австралии. Владивосток, 2000. 172 с.

[4] Савада К. Н.П. Матвеев в харбинском журнале «Рубеж». Указ. изд. С. 125.

В. Март. Петербург. 10-е гг.

сывали в домашний журнал «Мысль». За несколько лет было исписано два толстых тома[1]. Первые стихи гимназиста Венедикта Матвеева появились в 1913 году, а дебютный сборник стихов «Порывы» под именем «В. Марьин» был издан в 1914 в типографии отца (на первой странице надпись: «Мои первые юношеские стихотворения посвящаю дорогому отцу»)[2].

С одной стороны – безмерное уважение Марта к отцу и авторитет проповедуемых им ценностных установок. А с другой (по аналогии с Д. Хармсом, всячески отталкивающимся от морализаторской установки отца Ювачева-Миролюбова) – стремление выразиться совсем иным способом, чем позитивист-отец, с точностью до наоборот, склонность к одиозным поступкам и аффектации. Пространство художественных увлечений Марта юных лет – модернизм в его декадентском изводе: мрачные предсмертные и даже «загробные» настроения (сборник «Мартелии» и др.), преобладание чёрного цвета (стихи «Чёрная тщета», «Чёрная грозная ночь» и т.д.), декадентская символика, и при этом – эстетизация восточной тематики; бьющий через край эротизм. В 1914 г. Март выехал в Москву, по 1918 г. пребывал в Петербурге и его окрестностях – возможно, учился в каком-либо заведении, возможно, общался со столичной богемой (сведений о чём, к сожалению, нет). О значимости этого периода для художника мы можем судить по сборникам, вышедшим уже во Владивостоке: «Чёрный дом», «Чёрный хрусталь»[3], «Лепестки сакуры»[4], «Песенцы»[5], стихотворения которых сопровождаются датировкой и указанием места написания: «Дар Мака» (СПб., 22 ноября 1915 г.)[6], «Ночью» (СПб., 31 января 1916 г.)[7], «Белая Земля» (СПб., 1 мая 1917 г.)[8] и др. В архиве сохранилась фотография Марта 1916 г. в военной форме – очевидно, он был мобилизован в годы Первой мировой, однако ничего не известно об участии писателя в этих событиях.

---

[1] Дьяченко Б. Клан Матвеевых // Рубеж. Тихоокеанский альманах. № 3. С. 265–272.
[2] Марьин В. Порывы. Владивосток, 1914. С. 3.
[3] Март В. Чёрный дом. Чёрный хрусталь. Владивосток, 1918. 29 с.
[4] Март В., Безе. Лепестки Сакуры. Владивосток, 1919. 24 с.
[5] Март В. Песенцы. Владивосток, 1917. 24 с.
[6] Март В. Чёрный дом. Чёрный хрусталь. Указ. изд. С. 9.
[7] Там же. С. 11.
[8] Там же. С. 15.

В марте 1918 г. Март подготовил рукописный вариант сборника «Русь – кровь моя», где в заметке «От автора» писал: «В эту книгу вошли стихи, созданные в угарные годы войны и святые Дни Революции. Стихотворения эти весьма незакончены, некоторые – грубо отрывочны, но я не хотел работать над ними, ибо –

"Померкло солнце днесь!"
– "И слову не сиять!"
– ибо нет Форм и Слова неизжитому текущему.
Всё же выпускаю эту книгу
Ради безграничной веры своей в Русь,
Ради Слова Востока,
Ради смутного Духа тая душой»[1].

Итак: символистская нагруженность слов смыслами, вольные цитаты из Священного Писания; при этом – рваный синтаксис, внимание к «Форме» и «Слову», «неизжитому текущему», загадочному «Слову Востока» (образ не случаен; повторится затем уже в танка собственного сочинения); полное приятие революции и – апелляция к «смутному Духу». Воплощенная эклектика, предтеча авангардистских изысков. В общем, Март (постоянно семантизирующий свой псевдоним – и в символистском ключе: «жду марта», и в футуристическом: «Мартелии», и т.д., вплоть до абсурдистских датировок своих сочинений исключительно мартом) весьма органично вписался в фантасмагорическую владивостокскую атмосферу 20-х гг.

Отцовский авторитет сыграл решающую роль в изучении юным Венедиктом китайского и японского языков. Постепенно ему стали близки в первоисточниках культура и литература Японии и Китая. Дебюты в художественном освоении этой темы начались с лирических «зарисовок с натуры», вернее – по памяти. Юношей, в пору пребывания в Петербурге, он пишет стихотворения «Песенцы» (1915)[2], «На Амурском заливе» (19 февраля 1916)[3] и «В курильне» (4 февраля 1916)[4].

Своё лирическое высказывание, передающее картину мира китайца, в которой доминируют покой и созерцание, Март создаёт либо в форме трёхстиший, либо пятистиший, написанных белым, сплошь инверсированным, стихом. В этом явственно чувствуется гумилевская традиция «восточной поэзии»[5] – Март отдаёт дань литературному опыту авторитетов («Китайские стихи» Н. Гумилёва были написаны в июле 1914 г.). Но он и оригинален, – в первую очередь, в том, что его лирический герой не просто эстетствует в петербургском кафе, а дей-

[1] Март В. Русь – кровь моя. Владивосток, 1918.
[2] Март В. Песенцы. Владивосток, 1917. С. 5.
[3] Там же. С. 6.
[4] Там же. С. 8.
[5] Федотов О.И. «Китайские стихи» Николая Гумилева (версификационная поэтика цикла) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 3. С. 494–501.

ствительно плоть от плоти – носитель ментальности дальневосточного фронтира[1], сам переживший описываемые ситуации:

«Юлит» веслом китаец желтолицый.
Легко скользит широкая шаланда
По тихой глади синих вод залива…

(«На Амурском заливе». С. 7)[2].

Примечательно, что свои рукописные сборники Март постоянно «топонимизирует» именно китайским названием Владивостока: «Хай-шин-вей» (с указанием года написания и улицы). Создаётся впечатление, что поэт – сам немного китаец, ведь именно его глазами он наблюдает за скрытым в тумане Хай-шин-веем:

Как всплески под кормою монотонно
Поёт тягуче за веслом китаец
Про Хай-шин-вей – «трепангов град великий».

Над ним в далях небес светло-зёленых
Полоски алые в томленьи тают
И звёзды робко открывают лики.

(«На Амурском заливе». С. 7).

Уже в ранних «китайских» стихах Март полностью «вживается» в создаваемые им образы. Так, в стихотворениях, позднее вошедших в сборник «Песенцы», лирический субъект лирики Марта – сам участник сеанса опиекурения:

Зорко и пристально взглядом стеклянным
Смотрит курильщик на шкуру тигрицы –
Некогда хищного зверя Амура.

Чтобы отдаться объятиям пьяным,
Женщина с юношей ею прикрылись.
Смотрит курильщик, как движется шкура…

Мак, точно маг-чаротворец багровый,
Явь затемняет обманом дурмана,
Чадные грезы тревожит и будит[3].

(«В курильне». С. 6).

---

[1] Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2010. Вып. 9. С. 5–10; Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. С. 9–35.

[2] Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи / Предисл. С. Гусева-Оренбургского. 2-е изд. Харбин, 1922. 14 с.

[3] Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи. Указ. изд.

Для натуралистичного воссоздания атмосферы курильни и ощущений опиумного дурмана поэту не нужно было предаваться полету фантазии – известно, что этому пагубному пристрастию был подвержен он сам, а его брат (Гавриил)[1] даже получил второе имя – Фаин[2] (от китайского «фаин», обозначающего дозу опиума и одновременно состояние после её употребления)[3]. Эти «фаины» Гавриила и сгубили, а вот Март сумел выкарабкаться и избавиться от пагубной страсти.

Каппа. Хокусай

Художественные опыты Марта начала 20-х гг. соединяли в себе тягу к эксперименту (в визуализации поэзии, в ритмике и образности) и живой интерес к культурной традиции Востока. Он проявляет себя как поэт и прозаик, беллетрист и очеркист, модернист и реалист, символист и футурист. И на этом фоне балансирует между любовью к великим культурам Китая и Японии.

В 1917 г. появляется сборник В. Марта «Песенцы». В своей первой редакции текст сборника синтезировал произведения китайской и японской ориентации: собственно «Песенцы» (пиджинизированное именование жанра песни одним китайским приятелем Марта) и «Бисер» (танка и хокку Марта и переводы императора Микадо Мацухито). «Китайская часть» в этом сборнике изначально продемонстрировала интерес Марта к разным сторонам культурной традиции Китая, базовым установкам национальной культуры, растворившимся в обыденной жизни китайцев. Объектом его лирических зарисовок становятся религиозные представления китайцев о посмертном существовании («У Фудзядяня»), пристрастие к опиумокурению («В курильне»). Но его стихотворения обращены и к повседневной жизни китайцев и японцев («На Амурском заливе», «В чайном домике»).

---

[1] Дьяченко Б. Клан Матвеевых. Указ. изд. С. 265–272.

[2] Несмелов А. О себе и о Владивостоке // Собрание сочинений. В 2-х т. Т. 2. Рассказы и повести. Мемуары / А. Несмелов. Владивосток, 2006. С. 642–660.

[3] Об этом: Юльский Б. Возвращение г-жи Цай // Рубеж. 1937. № 28.

Каппа в изображении В. Марта

В 1918 г. Март путешествует по Японии, посылая путевые заметки в дальневосточные журналы. Там он вновь проявляет себя писателем-исследователем народной жизни и народного сознания – например, пишет блестящий очерк о японском водяном Каппе – «кошмарной чуди» японского бестиария[1]. Чуть позднее появятся его «Распечатанные тайны» (1920) – странный сплав модернистского эротизма и стилизации под японскую средневековую литературу[2]. «Миниатюры» были опубликованы в литературно-художественном ежемесячнике «Окно», издание которого имело своей целью установление связи между Харбином и Советской Россией (вышло, правда, всего два номера)[3]. Первый журнал с автографом на обложке был даже специально отправлен из Харбина в Москву М. Горькому, хотя ответа дальневосточные поэты не дождались. Журнал просуществовал недолго, но он дал возможность публиковаться многим авторам: С. Алымову, Ф. Камышнюку, С. Третьякову, А. Несмелову, М. Щербакову, в том числе и В. Марту[4].

Культурная и литературная жизнь столицы Приморья тех лет была необыкновенно насыщенна и интенсивна. Революционная сумятица и последующее буферное положение Дальневосточной Республики всемерно способствовали тому, что начиная с 20-х гг. город представлял собою «бурно кипящий творческий котел» (В. Марков) – город стал прибежищем для многих писателей и художников, спасающихся от лихолетья, голода[5]. Причём это были люди, зачастую принадлежащие к враждующим политическим лагерям: в эти годы во Владивостоке бок о бок работали А. Несмелов, Вс.Н. Иванов, Н. Чужак, Л. Ещин,

[1] Март В. Каппа // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1225. ЛЛ. 31–33. Об этом: Забияко А.А., Левченко А.А. «Кошмарная чудь» японского бестиария: образ Каппы в русской литературе начала XX в. (В. Март) // Религиоведение. 2014. № 3. С. 187–196.

[2] Март В. Распечатанные тайны. Миниатюры // Окно. 1920. № 2. С. 8–10.

[3] Окно – литературно-художественный ежемесячник, выходивший в Харбине в 1920 г. (№ 1, ноябрь. № 2, декабрь).

[4] Диао Шаохуа. Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Диао Шаохуа. Харбин, 2001. С. 403–445; 428–429.

[5] Марков В. Русский след в Японии (Давид Бурлюк – отец японского футуризма) // Рубеж. 2010. № 10 (872). С. 261–279.

приезжал из Харбина Скиталец. Среди направлений господствовал, конечно, футуризм. В 1920 под руководством Н. Насимовича-Чужака во Владивостоке было создано литературное общество «Творчество» и одноимённый журнал. А затем туда перебрался предприимчивый и дальновидный «отец русского футуризма» Давид Бурлюк. Одна из местных газет тех лет писала после его приезда: «Тут уже целая армия деятелей всех видов искусства и течений, которые со всех концов волею судеб причалили к берегам Великого Океана…»[1]. Тесное содружество художников и поэтов всех направлений (С. Третьякова, Н. Асеева, Д. Бурлюка, В. Марта, Я. Варшавского, А. Зиновьева, В. Пальмова и др.) способствовало работе театра-кабаре («Би-Ба-Бо»), ЛХО (литературно-художественного общества) и одноименного кафе («Балаганик»), открытию всевозможных выставок, конкурсов (литературных, драматических и художественных), провоцировало бесконечные словесные баталии о будущем искусстве.

Вернувшись во Владивосток, в начале 20-х гг. Март примкнул к футуристам, сам им не являясь. Слишком уж увлекательно протекала жизнь в их окружении, давая новые стимулы и художественные импульсы – так, например, Д. Бурлюк свои знаменитые программные статьи слал в Москву из Владивостока. Местный шутник на «футуристическом жаргоне» фиксировал творческие штудии «Балаганчика»: «Кто-то где-то уж бурлючил, кто-то что-то футурил», Третьяков, разумеется, «третьяковил», Асеев – «асеил», а Март реализовывался, «стихи венедиктиня…»[2]. Марту за теоретическим опытом и поэтическим вдохновением и ходить далеко не было нужды – некоторое время Давид Бурлюк проживал у них дома[3].

Не стоит удивляться, что на футуристическом поприще Март не снискал себе славы[4]. Более того – даже позднее заработал скептическое отношение у более успешных в этой области писателей (в романе К. Вагинова «Козлиная песнь», написанном в 1927 г. и посвящённом не нашедшим себя в новой советской реальности писателям). Вагинов гиперболизирует недоученность Сентября, умножая недостаток образования на безумие: «Я кончил только четырёхклассное городское училище, затем я сошёл с ума. По выходе из больницы стал писать символистические стихи, ничего не зная о символизме. Когда, затем, мне случайно попались рассказы По, я был потрясён. Мне казалось, что это я написал эту книгу; я только недавно стал футуристом».

Очевидно, в этих репликах Сентября-Марта – отзвуки его питерских откровений о владивостокской юности. Тот же Вагинов (правда, в травестированном виде) подмечает и «экзотизм» Сентября-Марта (в книге он приехал из

---

[1] Эхо. 1920. 25 января.

[2] Голос Родины. 1920. 2 марта.

[3] Афанасьева Л. Владивосток, Бурлюк, «Балаганчик». Мемуары // Рубеж. 2012. № 12 (874). С. 220–224.

[4] Март В. Мартелии. Владивосток, 1918. 7 с.

Тегерана, а ходит в сапогах и косоворотке). Очевидно, что в среде ленинградской творческой интеллигенции Март всё же выделялся своей «инокультурной ориентированностью» (правда, косоворотки он не носил, но дома ходил в восточном халате и китайской шапочке). На наш взгляд, такая «китайскость» была не просто чисто внешним качеством[1]. Об этом сразу после его появления в Москве стали говорить советские критики. В 1924 г. А. Киржниц писал: «… Камышнюк и Март великолепно знают Японию и Китай», а также упоминал о том, что «Венедикт Март, давший в первые годы своей деятельности ряд ярких и красочных произведений», имел в своём художественном арсенале и «прекрасную поэму из жизни японской девушки» (возможно, имеется в виду произведение «Лепестки сакуры» (Владивосток, 1920)[2].

И в футуризме Марта привлекали не просто эксперименты, богемная среда. Его владивостокский футуризм был неотделим от соприродного писателю увлечения Востоком. У некоторых ревнителей «теоретически чистого», урбанистического футуризма возникнет закономерный вопрос: каким образом связать это с футуризмом, если Восток – заповедная епархия модернизма, а футуризм – это стеклобетонный, «жестяный» урбанизм и т.д.? Надо учитывать, что владивостокские футуристы были из «особого теста»: они были всецело ориентированы на Восток и его эстетику (С. Третьяков, С. Алымов, Д. Бурлюк). Помимо сердечного влечения, очевидно, что это были продолжатели хлебниковского порыва сказать своё «я Азии»[3]. Потому так настойчиво устремился в Китай чуть позже С. Третьяков[4], а Д. Бурлюк стал ещё и «отцом японского футуризма»[5].

Но Март был продолжателем народно-демократического начала в литературе. Его с юных лет привлекает образ простого человека, именно – представителя инокультуры: китайца, японца, позднее им станет нанаец («Дэрэ – водяная свадьба»). Март-прозаик явно тяготеет к линейному повествованию в духе древних китайских новелл. Этот тип прозаического текста, отражающий национальную картину мира китайцев, был адекватен и запросам русской беллетристики той поры в целом[6], и соответствовал опытам в художественной

---

[1] Об этом подробно: Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография В. Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4. С. 150–165.

[2] Киржниц А. У порога Китая. М., 1924. 70 с. С. 44–45.

[3] Хлебников В. Письмо двум японцам // Творения / Общ. ред. и вступ. ст. М.Я. Полякова; Сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М., 1986. С. 603–605. С. 603.

[4] Ли Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова: Роман «Дэн ши-хуа» // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. Благовещенск, 2012. С. 237–251.

[5] Марков В. Русский след в Японии (Давид Бурлюк – отец японского футуризма). Указ. изд.

[6] Забияко А.А. На просёлочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь: Хрестоматия: В 4-х томах. Т. 1. Проза: В 3-х частях. Ч. 1 (А-К). Указ. изд. С. 3–36.

этнографии других писателей-дальневосточников[1].

Всё в том же 1920-м году Март публикует сборник «Тигровьи чары»[2]. В книгу вошли произведения, семантически связанные: 2 рассказа – «Лапа Миндзы», «Долг покойного» и стихотворение «Гадальщик». Их всех объединяют традиционные верования китайцев в судьбу, переселение душ и посмертное существование.

Заметим – название сборника словообразовательной моделью перекликается с названием романа Ф. Сологуба, чего многие не замечают и используют неверное, но с точки зрения русского языка более понятное, написание: «Тигровые чары». На наш взгляд, переклички с Сологубом вызваны не просто более предпочтительной мелодикой словосочетания (хотя и в этом есть смысл, учитывая мартовское увлечение словесной вязью), а именно религиозными коннотациями. Март перекликается с Сологубом – тот изобретает, «творит» легенду о России и русской жизни, а Март погружается в мир живых и действенных преданий, определяющих быт китайского народа. Это определено самим названием сборника[3].

Графический и синтаксический рисунок рассказа «Лапа Мин-Цзы» обращает читательское сознание к ритмизованной прозе символистов:

«Так и состарилась на чужбине Мин-дзы.

Лет тридцать назад – ещё бойкой, расторопной – выбралась она случаем из родной деревушки. Зазвал её на чужбину заезжий проходимец Ван-со-хин, бывалый делец, не однажды посетивший и таёжный Амур, и тихие берега спокойной Кореи, и дальний приют белого дьявола Хай-шин-вей.

Ван-со-хин развозил по китайским незатейливым селеньям побережья, ближайшего в Чифу, всякую ходкую всячину: и спрессованную морскую капусту, и лакомые трепанги, и чечунчу прочную, и напраздничные раскрашенные картины театрального действа с изображениями длиннобрадых старческих ликов богов, и наряды готовые, и безделушки любимые, и всякую неожиданную чужестранную невидаль»[4].

Но, как видно уже из первых абзацев, повествование Марта далеко от сверхсмысловой нагруженности символистского текста. Писатель обращается к религиозным верованиям китайцев сквозь призму их повседневной жизни. И, самое главное, – с точки зрения самих китайцев.

Потому перед нами уже не опоэтизированный одурманенным сознанием Хай-шин-вей (Владивосток, куда из Чифу попадает Мин-дзы), а шокирующий своей реальностью приют торговцев, насильников и убийц:

---

[1] Забияко А.А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 20-40 гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Благовещенск, 2012. С. 84–102.

[2] Март В. Тигровьи чары. Владивосток: Типография «Эхо», 1920. 19 с.

[3] Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронтира в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение 2011. № 2. С. 154–170.

[4] Март В. Тигровьи чары. Указ. изд. С. 3.

«Запёкшиеся в комьях почерневшей крови, отрубленные головы уличных опийщиков всё чаще свешивались на придорожных столбах в назидание ещё не уличенным опийщикам»[1]. Судьба Мин-дзы этом городе – «приюте белого дьявола» – отличается от судеб многих таких же бедолаг тем, что ей сопутствует удача, приносимая таинственной тигровой лапой – «наследной» лапой-амулетом. «С необычайным вниманием и осторожностью, пуще всего берегла Мин-дзы эту вещь. Ещё дед завещал отцу, а отец ей передал тигровую лапу»[2]. Вскоре жестокая участь обитательницы притона сменилась на тепло и уют: девушка подружилась с богатой китаянкой Кун-ны и до старости прожила у этой доброй и ласковой женщины. После смерти своей покровительницы Мин-Дзы пришлось вернуться в грязь и нищету. Вот тут и пригодилась тигровая лапа.

На старости лет Мин-Дзы стала пользоваться уважением и почётом. Она прославилась тем, что избавляла человека от застрявшей в горле рыбной кости при помощи лапы. Так и закончила свой век «в чёрных, сумрачных провалах среди бесконечных грязных пристроек, надстроек и построек одного из затхлых, потускневших домов китайского Владивостока… слепнущая, еле движущаяся крохотная старушонка Мин-Дзы – «знаменитая и единственная специалистка по вытаскиванию рыбных костей из горл»[3].

Мин-Дзы пользуется древней магической практикой, непременным атрибутом которой является таинственная тигровая лапа, дарующая жизнь: «Цап-царап, цап-цапыньки – сверху вниз, и ещё, и опять, и потом… водит, проводит старушёнка без толку кропотливой ручонкой… минута, другая – глянь! – кость-то и выскочила из места насиженного…»[4]. Не случайно лапа тигра словно срастается со старушкой – это вполне соответствует мифологической логике подвижности пребывания сферы божества. Потому и рассказ назван не «Тигровая лапа», а «Лапа Мин-цзы»; в названии процесс мифологической апеллятивизации зафиксирован как нельзя более убедительно[5].

Взгляд на жизнь китайцев сквозь призму их повседневной религиозности становится основой сюжета другого рассказа сборника – «Долг покойного»[6]. Начинается рассказ с небольшой экспозиции – китайского поверья:

«Три души у человека. После смерти расходятся они.

Одна душа уходит в иной, загробный мир и повторяет земную жизнь усопшего.

Душа другая остаётся в могиле с мертвецом.

А третья душа покидает прах, вселяется в родную фанзу, ютится в дощеч-

---

[1] Март В. Тигровьи чары. Указ. изд. С. 4.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 10.
[4] Там же.
[5] Топоров В.Н. Очир // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 271.
[6] Март В. Тигровьи чары. Указ. изд. С. 11–18.

ке родовой с начертанным именем покойного.

Как будто бы и умер человек – ан, нет! Жива его душа и бродит в мире…»[1]

Сюжетная ситуация рассказа – мифема о том, что нет успокоения душе того, кто взял в долг.

Согласно древнему представлению китайцев, у человека несколько душ, например, души хунь и по, одна из которых улетает после смерти, а другая остаётся с умершим до полного разложения тела. Кроме того, есть душа лин, которая находит жизнь во всех вещах и существах[2]. По-видимому, о душе лин и повествует Март.

Душа Ку-юн-суна после смерти переселилась в жеребёнка, чтобы конём отработать долг, взятый при жизни. Пример подобной реинкарнации мы можем встретить в уже упомянутом рассказе «Лапа Мин-дзы».

Настоящим сокровищем становится стройный красавец-жеребец для Син-дзы. Однажды юноша решил взять коня на ярмарку, где он впервые расстроил хозяина – учинил разгром в горшечной лавке. Впоследствии оказалось, что хозяин лавки был должен дяде Син-дзы. Таким образом, душа Ку-юн-суна вернула долг. Миф, сказка и реальность переплетены в рассказе, как и в традиционной китайской прозе. Март сотворяет свою легенду о жизни и верованиях китайского народа.

Бытописание у Марта сочетается с особой словесной вязью – стиль рассказов сборника сближается с орнаментальной прозой. И здесь его ближайшими предшественниками выступают, очевидно, всё тот же Ф. Сологуб и А. Ремизов. Разговорная лексика, просторечия, которыми он мыслит воссоздать речь простых китайцев («шевели мозгой», «пень расторопный»), перемежаются тавтологическими повторами, инверсиями («с детства далечайшего», «родовых россказней» и др.), помещается в особую графическую систему абзацев-предложений. Автор не старается выглядеть отстранённым повествователем – текст изобилует эмоционально-экспрессивной лексикой: «дядюшка», «старушка», «соседушка», «мелюзга» и др., выражающими авторское отношение к объекту изображения. Образ «седого, горбатого» старика Ку-юн-суна становится сквозным персонажем «китайского» текста В. Марта – позднее он появится и в лирике, и снова в прозе.

Стихотворение «Гадальщик» становится логическим завершением художественной идеи сборника, вбирающей мифологический комплекс представлений китайцев о жизни и смерти. В нём простыми тактовиковыми ритмами и незатейливыми интонациями воссоздаётся ежедневная практика гадания «И-Цзин» и вера китайцев в эти предсказания. Лирический «рассказчик» наблюдает за этим со стороны:

---

[1] Март В. Тигровьи чары. Указ. изд. С. 11–18.

[2] Токарев С.А. Душа // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. Указ. изд. С. 414.

У дверей харчевни
Стол гадальщика стоит.
Старец чужеземный
«Завтра» каждого таит.

Три монетки медных,
Тушь и кисть на тростнике.
Книги строгие отметок
Ожидают в уголке.

Изредка прохожий
Остановится гадать,
И старик находит,
Что судьба готова дать.

Дальневосточное творчество Марта – начальный этап становления его художественной этнографии. Первый рассказ сборника «Тигровьи чары» предваряло посвящение: «Посвящаю китайскому поэту Сыкун-Ту, автору бессмертных стансов «Поэма о поэте». Автор». С поэзией классика танской эпохи Март мог познакомиться в издании В.М. Алексеева[1]. Обращение к творчеству китайского поэта-критика, по всей видимости, было не случайным. Сборник «Тигровьи чары» стал этапом окончательной «китайской ориентации» Марта.

В 1920 Март уезжает в Харбин, в многонациональной среде которого всемерно усиливается направленность писательского сознания на этнографизм, причём в народно-демократическом изводе. В Харбине Март переиздает свои «Песенцы», дав иное название: «Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи», – и обновив содержание. Из владивостокского в харбинский сборник перекочевали почти все стихотворения: «Песенцы», «В курильне», «У Фудзядяна», «На Амурском заливе», «Мой гипсовый череп». Исключение составило лишь стихотворение «В чайном домике» (оно посвящено японцам). Новыми для второго сборника стали стихотворения «Три души», «У моря», «Гадальщик» (которое публиковалось в сб. «Тигровьи чары») и «ДУ-ХЭ (одинокий журавль-аист)».

Новую редакцию «Песенцов» по праву можно считать новым сборником. Её пронизывает просветительский посыл Марта: поэт сопровождает стихотворения комментариями, поясняющими читателю ту или иную сторону жизни китайцев, их художественную традицию. Стихотворение «Три души» сопровождает два комментария, касающихся мифологии посмертного существования и определяющих сюжет лирической зарисовки.

Китайская легенда о переселении душ теперь даётся в поэтическом пере-

[1] Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкунь Ту (837–908): Перевод и исследование. Пг., 1916. 636 с.

ложении. В стихотворении «Три души»[1] она воссоздаётся при помощи причудливого сочетания лирического «повествования» и акцентного стиха с прихотливой аграмматической рифмовкой:

…Три души его покорно
Разбрелись. Дороги
Их решили боги:
Брак трёх душ его расторгнуть.

Страж душа одна осталась
С мертвецом в могиле…
С новой ясной силой
В теле бренном засияла.

Отошла душа другая,
Труп покинув в гробе, –
В мир иной загробный,
Жизнь земную повторяя.
Третья – в фанзу возвратилась.
И дощечка в доме –
Память о покойном –
Третью душу приютила[2].

Такой стих, по замечанию М.Л. Гаспарова, почти не употребителен[3], что приводит к определённой прозаизации художественного текста[4]. И если бы текст не был заведомо графически разбит Мартом на четверостишия, он, действительно, мог бы читаться как ритмизованная проза. В результате графической сегментации создаётся особый ритмический рисунок, имитирующий китайскую поэзию – для знатоков. А для «профанов» эта лирика несёт на себе печать версификационного эксперимента.

А. Киржниц писал о Марте (вкупе с Камышнюком), что «в гнилой и засасывающей обстановке Харбина их творчество получило специфический уклон, и они сами так погрязли в харбинском болоте, что вряд ли им уже удастся выбраться из него»[5]. Справедливости ради – кроме «Распечатанных тайн» и «Пе-

---

[1] Весьма любопытно, что в издании «Русская поэзия Китая: Антология» это стихотворение опубликовано отрывком, словно издатели взяли только первую страницу текста оригинала «Песенцов» с первым комментарием. Вероятно, это просто ошибка составителей (либо был опубликован фрагмент текста, имеющийся в копии). Как бы то ни было, в результате текст стихотворения утратил свой смысл.

[2] Март В. Хай-шин-вей: Песенцы: Китайские этюды: Стихи / Предисл. С. Гусева-Оренбургского. Указ. изд. С. 9–10.

[3] Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001. С. 154–155.

[4] Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Указ. изд. С. 18.

[5] Киржниц А. У порога Китая. Указ. изд.

сенцов» в Харбине Мартом были изданы сборники «Луна. Стихи» (1922), «На перекрестках смерти. Украденная смерть» (1922), «На любовных перекрёстках. Новелла-миниатюра» (1922), несколько стихотворений в газетах и журналах[1].

Что касается «харбинского болота» – действительно, писатель оказался в Харбине в те годы, когда не просто литературной среды – культурной жизни дальневосточного зарубежья как таковой ещё не сложилось. Потому не мудрено, что в Харбине Март (по владивостокской привычке) вёл беспутный образ жизни: «что у него было – пропивалось, прокуривалось и расходовалось на <зачркн.>, в ущерб семье»[2]. Но гривуазные похождения Марта оказались чреваты для писателя и открытиями – как ни удивительно, именно в художественной этнографии. По крайней мере, об этом можно судить по циклу очерков «Желтые рабыни»[3]: в нём Март проявился и как этнограф, и как очеркист, и как прозаик. Как учёный этнограф, Март предпринимает настоящее путешествие в естественную среду. Только среда эта не выходит за пределы Харбина, а располагается в специфическом его районе – Фудзядяне, месте притонов и других злачных мест.

Цикл «путешествий» (а точнее – очерков, написанных в жанре «петербургского физиологического очерка») открывает просветительски заряженное предуведомление автора: «Европейцы – жители Полосы Отчуждения – китайской территории – буквально отчуждены, вовсе изолированы от территории китайского повседневия.

Смешавшись вплотную, перепутав свои насущнейшие интересы и потребности с местными желтолицыми аборигенами, мы всё же допущены, проникли к ним лишь в сфере уличной поверхности...

Наше знакомство, по преимуществу, шапочно через прилавок, по мере необходимости.

Мы за китайской стеной быта.

Поэтому вряд ли не представит интерес наш очерк, приоткрывающий несколько двери в интимнейший мир туземного Харбина и к его детищу – Фудзядяну!...»[4].

В цикле «Желтые рабыни» под специфическим углом зрения Март исследует рынок любви в Китае, успевая при этом рассказать и о традиционной китайской семье, и об устройстве её в отдельных районах, и о нравах простолюдинов. Так, автор начинает с преамбулы: «Многоликий несметный гигант Китай изобилует самыми разноречивыми, парадоксально неожиданными (в смысле географически замкнутой той или иной провинции и т.п.) нравами, специфическими обычаями, бытовыми укладами и т.д.

---

[1] Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Диао Шаохуа. Указ. изд. С. 87–88.

[2] Архив Н.Н. Матвеева-Бодрого // ХКМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 723.

[3] Март В. Желтые рабыни // Копейка. 1923. № 123–126, 159.

[4] Март В. Желтые рабыни. Указ. изд. № 124.

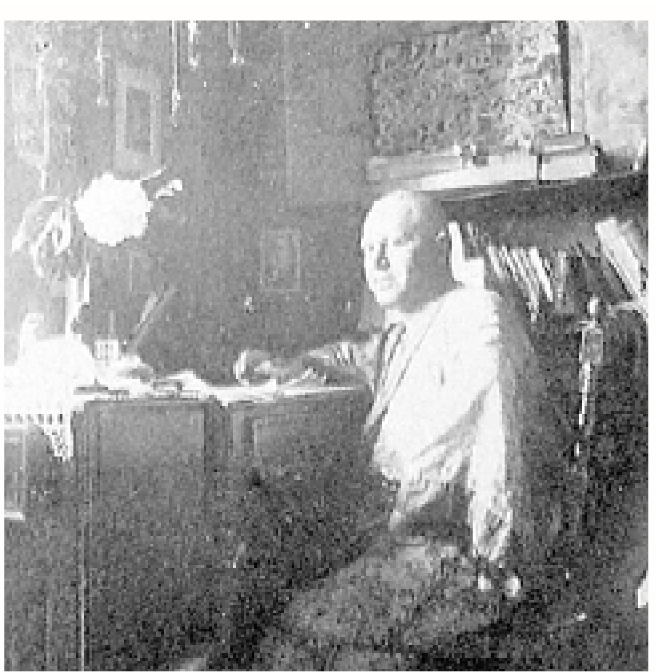
Благодаря таковой обстановке, отличные, часто вовсе чуждые и даже в некоторой толике иной раз враждебные друг другу условия быта той или иной местности создают совершенно разных характером и по мироотношению людей.

Два китайца из разных провинций при встрече могут отлично разделить участь чужестранца – белолицего европейца.

Крайне различное часто произношение китайского языка вполне способствует таковой возможности...»[1].

Рынок проституции на Северо-Востоке Азии, и, конкретно, в Китае интересует сегодня и российских, и французских учёных – историков, этнографов, антропологов. Правда, никто после Марта не обратился к национальным истокам и специфике этого социокультурного явления.

Несмотря на сомнительную с точки зрения обывательской морали тему, Март проводит настоящее научное исследование как грамотный антрополог: вновь обращаясь к интервью, используя методы, которые сегодня активно применяет социология, этнография, антропология – соцопрос, контент-анализ. При этом, проникая в тайная тайных фудзядяньских притонов и скрупулёзно фиксируя особенности быта их обитателей, он остаётся истинным художником, сохраняя интригу в повествовании, душевно проникаясь своими героями, тщательно работая над словом. По ходу путешествия (которое он предпринимает с китайским проводником) Март успевает поведать и поэтическую быль о губительной любви бедного юноши к проститутке, и историю о куртизанке Куа-хуа – поклоннице театра и других видов искусств. Цикл «Желтые рабыни», без сомнения, представляет собой ценный с точки зрения этнографии и художественной этнографии материал, ждущий детального исследования.



В. Март в рабочем кабинете в Москве

Этнографическая копилка, созданная за небольшой срок жизни в Северной Маньчжурии, пригодится писателю далеко-далеко от советско-китайской границы – правда, совсем не в той мере, в которой из неё можно было бы черпать и черпать информацию и вдохновение. В 1923 году Март с семьёй уезжает в Москву.

Китайская тема и люби-

[1] Март В. Желтые рабыни. Указ. изд. № 124.

мые китайские персонажи не оставят воображение Марта и в Советском Союзе. Теперь Китай станет для писателя источником художественной оригинальности – ведь мало кто из столичных авторов может соперничать с ним по степени жизненного опыта общения с инокультурой, что же говорить о знании языка и литературной традиции. Но в новой системе ценностей, в которой Март оказался, познания в мифологии Китая и его веками устоявшихся традиций – сродни мракобесию. Богатейший «китайский» багаж Марта в социалистическом мире богоборчества ожидает печальная участь годных только в утиль вредных предрассудков. С этим надо было что-то делать.

Март забывает на время, что он – салонный писатель-кокаинист, очарованный китайской мистикой и яркими красками фудзяньских героинок. Он пытается следовать общему направлению жизни, новым требованиям к развитию литературы (хотя дома всё ещё ходит в роскошном восточном халате и шапочке). Помогло присущее с детства «народолюбие».

В эти годы советская литература переживает период острых дискуссий о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта»[1]. И, конечно, тематику и проблематику прозаических произведений определяет требование соцзаказа[2]. Приехавшему из «белого Харбина» Марту приходится балансировать между предшествующим жизненным и художественным опытом и тем, чего ждёт от него новый читатель совершенно незнакомой ему страны и новая критика.

Но и Китай к концу двадцатых годов перестал уже быть тем древним Китаем, бедные жители которого только тихо возделывают рис, а богатые подрёмывают в тени дворцовых покоев. Это прекрасно знали в республике Советов. Начало 1927 г. было связано в Советской России с ожиданием китайской революции. Идея мировой революции переживает к тому времени кризис, и на этом фоне вопрос пролетарской революции в Китае – вопрос идеологически и стратегически важный для Коминтерна и ЦК партии[3]. В марте 1927 г. газеты сообщали: «Знамя революции развевается над Шанхаем». Говорилось о восстании рабочих, вступлении в город национально-революционной армии, печатались портреты её главнокомандующего Чан Кай Ши, одного из лидеров Гоминьдана[4]. Однако скоро ситуация резко меняется, происходит раскол Гоминьдана. Взятие власти, осуществлённое Чан Кай Ши, было направлено против китайских коммунистов и симпатизирующих им советских советников: он старался ослабить политическое и идеологическое влияние СССР и Коммунистической партии Китая. Советские газеты сообщили о том, что войска героя китайской

[1] Литература факта. Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н.Ф. Чужака. М., 2000.

[2] Об этом, например: Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. 504 с.; В поисках новой идеологии: Социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / Отв. ред. О.А. Казнина. М., 2010. 608 с.

[3] Политбюро ЦК РКП9б0 – ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 356–494.

[4] Рабочая Москва. 1927. 22 марта. С. 1.

революции расстреливают рабочих, их жён и детей, появляются статьи о «китайской корниловщине»[1]. На страницах советских газет и журналов появляются заметки пролетарских писателей в поддержку китайской революции.

Такая кампания привела не только к расколу внутри страны, но и ухудшению советско-китайских отношений: советская миссия была атакована вооружёнными солдатами Пекинского правительства. Инициаторы нападения стремились обострить конфликт между странами, что привело бы к прекращению помощи СССР китайской революции. Ситуацию также усугубляла политика американских и британских представителей в Китае[2].

Новый советский читатель был захвачен бурными революционными событиями в Китае. А советская критика ждала «красных Толстых». Март находит для самовыражения новую форму. Он почти отказывается от стихов и отдаёт предпочтение прозе: «Скоро этак разучусь вовсе писать стихами… Да и к тому же что-то тянет на прозу», – напишет в письме Рязановскому[3].

И потому жизнь любимых героев Марта – Кун Юн-Суна, Мин-Цзы – и всего китайского народа определяют уже не Судьба, дарованная свыше Небом, не мистическая воля предков, а социально-политические процессы, марксистско-ленинские лозунги. Именно об этом недвусмысленно идёт речь в вышедшем в Советском Союзе «Сборнике рассказов» (1928), а также в «повести для детей из быта современного Китая» «Речные люди» (1930). Заметим – Март воспринял новый модус изображения Китая весьма органично.

Теперь перед читателем Марта – государство, охваченное волнениями и революционной борьбой. Так, в рассказе «Хун Чиэ-Фу» главный герой переживает личную трагедию, связанную с вторжением «белолицых чужестранцев» в Китай. Старик зарабатывает себе на жизнь тяжким трудом, работает рикшей. Рикша, или человек-лошадь, «редко может проработать пятнадцать-двадцать лет»[4], и Хун постоянно думает о том, что «где-нибудь в торгашеской сутолоке грохочущих улиц он вдруг грохнется замертво наземь»[5]. Но не только это становится испытанием для старика-Хуна: он вынужден каждый день перевозить ненавистных ему чужестранцев, загубивших его единственного сына. Ли ещё ребенком был отдан в слуги к богатому англичанину, в доме которого он постоянно переносил побои и издевательства. Однажды отец захотел поделиться с сыном общим горем, сообщить о смерти матери, но это ему не удалось: хозяин особняка плетью прогнал его из дома. На другой день старик узнал, что сын заступился за отца и топором обезобразил лицо хозяина. Конечно, Ли был казнён. И с этого дня Хун находит силы в чувстве мести. Рассказ имеет трагиче-

[1] Китайская корниловщина // Рабочая Москва. 17 апр. С. 1.

[2] Об этом подробнее: Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 446–450.

[3] Там же.

[4] Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 5.

[5] Там же. С. 6.

скую концовку: в коляску старика садится уродливый англичанин, в котором он узнаёт убийцу своего сына. Движимый только одной мыслью отомстить, Хун сбрасывает коляску в реку.

Драматизм ситуации усиливает тот факт, что потеря единственного сына делает невозможным достойное погребение останков отца: «У китайцев еще при жизни отца сын заготовляет гроб для старика, и это является доказательством особой сыновней почтительности»[1]. В традиционных религиозных верованиях Китая на протяжении многих веков сохраняется культ предков, согласно которому ответственность за похороны главы семьи ложилась на плечи сына. Непременной составляющей обряда захоронения являются дощечки с именами умерших родственников, которые размещались на могилах или алтарях[2]. Китайцы верят, что одна из трёх душ человека вселяется в эту особую дощечку. Поэтому несчастного старика постоянно преследует мысль, что после смерти «некуда будет приткнуться его опустошённой душе»[3].

Не менее драматична судьба швеи Вы-и, героини рассказа «Красный плат китаянки». Автор рассказывает о последних минутах жизни хрупкой предводительницы шайки хунхузов[4]. Перед её глазами проносится жизнь, полная лишений, голода, опасных связей. Но не с сожалением вспоминает маленькая китаянка прожитые годы: она смогла продолжить дело мужа-революционера в борьбе с «белыми дьяволами-европейцами», захватившими Китай. Вы-и стала известна как «Летучая Мышь», храбрая и щедрая освободительница, помогающая бедным. И так же бесстрашно она выносит своё наказание у позорного столба, ждёт рокового часа. Принимает смерть мужественная Вы-и с торжествующей улыбкой, но не от палача, а от подруги из толпы бродячих швеек.

История Вы-и стала ярким образчиком «литературы факта», о которой грезили в те годы лефовцы. Стремясь создать «новую техническую базу» в литературе и дать «переоценку» «старых представлений о старой же культуре и литературе», В. Перцов, к примеру, напишет: «застрельщиками этой переоценки выступают люди со стороны, не "авторитетные", признанные художественные деятели, критики, искусствоведы, а люди пограничных областей – *газетчики, журналисты, этнографы, путешественники, историки, публицисты,* – т.е. люди, поставленные в потоке живой действительности и привыкшие отвечать за каждое своё слово, как за дело» (курсив мой. – *А.З.*)[5]. Тут-то и сгодился Марту его харбинский багаж. В 1923 г. в газете «Копейка» за подписью КИН была опубликована сенсационная заметка-хроника «Китаянка-бандитка», где рас-

[1] Примечание В. Марта // Март В. Сборник рассказов. Указ. изд.

[2] Забияко А.П. Китайцев древних религия // Религиоведение: Энциклопедия. Указ. изд. С. 521–523.

[3] Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 6.

[4] О явлении хунхузничества на Дальнем Востоке: Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010.

[5] Перцов В. История и беллетристика // Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 3–8.

сказывалось о казни страшной «хунхузианки» по имени Вы-и:

«Вы-и действительно связана с Фудзядяном…
Здесь некогда она жила ещё совершенно мирной жизнью.
Здесь её сердце билось иначе: женскою тревогой любви!
Здесь протекала её супружеская семейная жизнь.
<…>
Муж Вы-и был – хунхуз.
Его поймали, судили и казнили.
Это тоже случилось здесь – в Фудзядяне!..

И Вы-и – решила продолжить «карьеру» мужа-хунхуза и вслед за его казнью, – нарядившись в мужской костюм – убежала из Фудзядяня в провинцию Лин-цзян-сян – хунхузничать»[1].

И далее – в том же духе романтической разбойничьей стилистики рассказывалось, как держалась на суде за свои «чудовищные разбои» «Хуза-ту» (атаманша):

«Меня нечего спрашивать! Как гром – я гремела – на весь Лян-цзян-сян!.. Все знают меня… Хотите – убивайте!» Репортер откровенно восхищался «изумительной атаманшей-китаянкой», сбросившей «бабьи тряпки» – «не ради ли мести за казнь любимого-хунхуза?!». Стиль статьи, её графика и особая ритмизация навевают мысль о том, что её автором вполне мог быть и сам Март, в те годы активно сотрудничавший с «Копейкой». В таком случае примечательно, как точно тогда следовал писатель «харбинскому соцзаказу»: читатель «Копейки» ждал именно мелодраматизма, наказанного порока и красивого финала любовной «хунхузианской» истории. Если же КИН – не Март, то любопытно, какую метаморфозу пережил сюжет с реальной атаманшей-хунхузкой в его «советской» интерпретации.

Советскому читателю Март преподнёс «революционную» версию хунхузничества в Китае – уже с пафосом, присущим героической романтизации восстаний Е. Пугачева и Стеньки Разина, усвоенной мифологизированным сознанием новой России. Его Вы-и – не просто предводительница шайки, она – провозвестница революционной эмансипации китайских женщин. Марту ли, приехавшему из Маньчжурии, где в начале 20-х гг. хунхузы превратились в настоящее бедствие для коренного населения (в первую очередь, бедного), было не знать истинную сущность хунхузничества!

В советской интерпретации В. Марта хунхузы – это борцы против иностранного засилья в Китае, против «проклятых белых дьяволов». Поэтому в момент казни их предводителя Тяна на «длинном шесте вдруг взвился красный плат». Жена Тяна берёт в свои руки его «благородное дело», а подвиги и щедрость «изумительной атаманши» обрастают легендами[2].

Прозвище китаянки – «Летучая мышь» – приобретает особое значение в

[1] КИН. Китаянка-бандитка // Копейка. 1923. № 128.

[2] Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 30.

рассказе, особенно сквозь призму сегодняшнего прочтения прозы Марта. Советскому читателю смысловые коннотации этого образа не давали ничего, кроме устрашающих романтических аллюзий – в духе европейской традиции. На этот счёт Март не даёт никаких популярных «китаеведческих» комментариев. Но если бы его текст стали читать знатоки-китаеведы, то не увидели в этом ничего сомнительного[1]. В китайской мифологии образ летучей мыши несёт самые что ни на есть положительные смыслы – как символ удачи. К тому же, по поверьям китайцев, летучая мышь является спутником бога счастья Фу-Шинга, а известные художники часто выбирали этот образ для своих картин, также он встречался и на народных полотнах. И, конечно, здесь мы имеем дело с универсальной разбойничьей мифологией, устойчиво воспроизводящей в жизни разбойников понятие удачи, везения. Март не отказал себе в этом удовольствии – синтезировать традиционное и революционное. Так же происходит и с символикой «красного плата». Заметим – не платка, а «плата», в отечественной поэтической традиции – блоковского топоса, его женственной теодицеи России.

Издревле красный цвет – символ счастья и благополучия для жителей Китая. Традиционная символика скрещивается с революционной: красный – цвет революции. Синтез этих значений в образе «плата» героини должен был убедить читателя в вере в светлое будущее, благотворном влиянии революционных событий на жизнь простых жителей Китая: «… на длинном шесте развевался красный плат с начертанной её рукой осуществлённой клятвой»[2].

На фоне обострившегося международного кризиса меняется не только сюжетное наполнение «китайской» прозы В. Марта, меняется сам язык его произведений. Он становится плакатным, а сюжетные линии рассказов довольно прогнозируемы в духе революционной идеологии. В этом отношении весьма характерно «Предисловие» к «Сборнику рассказов»: «В напечатанных в этой книжке рассказах Венедикта Марта описывается жизнь трудящегося населения Китая и Кореи. Постоянная нужда, тяжелый, плохо оплачиваемый труд рабочих и крестьян, всевозможные притеснения, как со стороны иностранных богачей, так и со стороны китайских помещиков и чиновников, – всё это порождает глубокую ненависть трудящихся к своим врагам – помещикам и капиталистам.

Борьба эта развивается с большими трудностями. Сейчас китайский ра-

[1] В Европе летучая мышь всегда ассоциируется с тёмным началом, смертью, однако в китайской традиции это животное символизирует счастье, так как фонетически это сочетание омонимично пожеланию удачи // Захарова И.В., Захаров В.Ю. Удача по-китайски: как читать язык символов. Ростов н/Д, Краснодар, 2010. С. 175–179. Летучая мышь – [bianfu] / счастье – [xingfu] // Цзисяншоу (благопожелательные животные) под ред. Чжэнь Иньхэ, Чжэнь Либин. Фучжоу, 2005; Чжунго чуаньгун цзисян тудянь (Иллюстрированный словарь китайских традиционных благопожеланий) под ред. Ли Дяня. Пекин, 2005; Чжунго сянчжен цидянь (Словарь китайских символов). Тяньцзинь, 1991.

[2] Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 32.

бочий и китайский крестьянин, несмотря ни на что, несмотря на тяжести и жертвы, завоевывают свои права.

Рассказы В. Марта если и не отражают эту великую борьбу, то они всё же дадут читателю некоторое представление о жизни рабочих и крестьян в Китае. И старый Хун, и бродячая швейка Вы-и – оба они живут одной ненавистью, одним стремлением непримиримой вражды к своим классовым врагам.

Чтение этих рассказов помогает читателю легко уяснить себе то, что происходит в Китае, и помогает ближе узнать эту великую страну»[1].

Особого внимания заслуживают комментарии, которые даёт В. Март по поводу древних религиозных воззрений китайцев в зависимости от соцзаказа. Если в сборнике «Песенцы» они представляли собой популяризацию китайской мифологии, то в «Сборнике» имеют уже идеологизированный оттенок, сравним: «*В китайской тёмной массе до сих пор не изжит* культ предков. Они верят, что у человека три души и после смерти одна из душ вселяется в особую дощечку...»[2] (курсив мой. – *А.З.*).

В повести «Речные люди» (1930) Март продолжит линию освобождения угнетённого китайского народа, обратившись к детскому сознанию и мироощущению своего героя Ку-Сяо[3]. Он мастерски вплетает сюжеты китайской мифологии в новые неомифологические сюжеты советского сознания. «Речной мальчик» Сяо замечает в каменоломне рядом с изображением китайских божеств новое и неизвестное для него божество – портрет Ленина: «Возле божков прямо на стене был приклеен большой лубочный портрет белого человека. Белый человек, прищуря умные глаза, казалось, подсмеивался над Сяо, который не понимал: "Зачем «белого дьявола» повесили в кумирню?"[4]. Если бы Сяо был грамотен, то он разобрался бы в иероглифах. Эти иероглифы под портретом лысого белого человека, с хитрецою в улыбке, означали: «*Ленин – друг китайского народа*»[5]. Сяо воспринимает Ленина как «нового бога», но боится молиться ему так, как учили его с детства. В повествовании Марта органично соединяется и новая реальность социалистического сознания, и присущий китайской картине мира синкретизм религиозных верований, и юмор.

Фронтирность сознания В. Марта можно определить как ментальную и творческую установку писателя. Ни то, ни другое не было оценено в Советской России. Как ни старался, не уместился Март в рамки новой социалистической художественности – ни образом жизни, ни этнокультурной ориентацией. Многие его сочинения так и остались в рукописном виде, отвергнутые критиками[6].

В 1937 г. Март был повторно арестован по обвинению в шпионаже и рас-

---

[1] Март В. Сборник рассказов. Указ. изд. С. 3–4.

[2] Там же. С. 6.

[3] Март В. Речные люди. Л., 1930. С. 38.

[4] Там же. С. 39.

[5] Об этом: Забияко А.А., Дябкин И.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20–40 гг. XX в. // Религиоведение. 2013. № 4. С. 139–157.

[6] Матвеев В.Н. Рассказы о Востоке // Ф. 613. ГИХЛ оп. 1. е х 7053.

стрелян как «японский шпион». Реабилитирован он был посмертно лишь в 1989 г.[1]

В целом – Венедикт Март разделил судьбу многих талантливых советских писателей 1930-х гг. Но особый вклад в его личную трагедию реэмигранта внесли ментальность дальневосточного фронтира, укоренённая к мировосприятии народно-демократическая традиция и, очевидно, искреннее стремление уладить её со стремительно меняющимся в советской литературе соцзаказом.

3.4. От этнографических повествований – к беллетристике: М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, А.И. Несмелов

В своё время у коллег по цеху Михаил Щербаков заработает эпиграмму, характеризующую и его писательские ориентиры, и сноровку путешественника, и мужскую силищу:

М.В.Щ.

При драке с ним, хоть удивитесь,
Получите ущерб боков.
То – наш Джек Лондон, храбрый витязь,
Михал Василич Щербаков[2]

Михаил Васильевич Щербаков [1890–1956] – профессиональный физик (закончил Императорское высшее техническое училище), военный лётчик, замечательный фотограф (одним из первых разработал технику цветной фотографии), писатель, поэт и литературный критик, в совершенстве знавший французский, английский, немецкий языки[3]. Был мобилизован в 1914, направлен во Францию, где прошёл краткосрочные курсы аэрофотосъёмки. Воевал на Балканском фронте. Стал добровольцем Французского иностранного легиона, получил

Щербаков Михаил Васильевич

[1] Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 198.

[2] Светлов Н. Чураевцы по белу свету // Молодая Чураевка. 1932. № 5 (30 июля). С. 2.

[3] Краткие справки о М. Щербакове: Русская поэзия Китая: Антология / Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М., 2001. С. 700; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Опыт энциклопедии. Владивосток, 2002. С. 334.

французское гражданство. Но вместо службы в Ханое перебрался в шальной Владивосток, где прожил несколько лет, редактируя монархическую газету «Русский край» и «Крестьянскую газету». Он был знаком со многими, ставшими впоследствии известными харбинцами (Б. Бета, Вс. Ивановым, А. Несмеловым, М. Урванцевым). В частности, во Владивостоке Щербаков общался с В.К. Арсеньевым, тот подарил ему свою книгу[1].

Щербаков учит китайский язык, очевидно – много читает литературы, посвящённой Китаю, Японии, востоку Азии вообще.

Покинув Владивосток весьма авантюрно – буквально перед самым вступлением туда красных войск, очень много путешествует по Дальнему Востоку, побывав в Корее, Японии, Сингапуре, Гонконге. Под впечатлением от столь многообразного этнокультурного опыта Щербаков создаёт различные стилизации в духе национальных традиций поэзии. Они публикуются в альманахе «Китай» (Шанхай, 1923), «Врата» (Шанхай, 1935), «Отгул» (Шанхай, 1944). Так, в стиле древней поэзии ши написаны им «Стихи императора Юань-хао-сянь»:

Надпись на фарфоровой чашечке в Яшмовой зале
музея Гимэ, в Париже

От грусти осени темнее сумрак леса,
А тени облаков вечернюю несут прохладу.
К растеньям водяным прильнули рыбы в каменном бассейне,
И гуси дикие на инее песчаной мели отдыхают.

Начертано Императорской кисточкой
в один осенний день года У-чже
(Гонконг, 1922)[2].

Стилизацией поэзии *ци* станет другое стихотворение, написанное в те же годы:

Фонтан
Китайская вышивка

Фон – темно-шелковистая листва.
В конце из бархаток оранжевых – фонтан
роняет на папирусы серебряные капли.

---

[1] В библиотеке М. Щербакова, сохранённой частично В.А. Слободчиковым, есть первое издание книги Арсеньева с надписью владельца «М. Щ.» // Коллекция «русского харбинца». Каталог собранья В.А. Слободчикова. Указ. изд. С. 19.

[2] Щербаков М. Отгул: Стихи. Шанхай, 1944.

Над притаившейся водой краснеют листья;
их отраженья, оторвавшись,
поплыли стайкой рыбок золотых.
Среди фаянсовых зелёных ваз
лиловы бабочки гелиотропа,
а около нарциссов золотых –
лазурный зимородок с длинным клювом.
Вдали, меж сосен, видно море
и облака прозрачно-розовых вершин

(Гонконг, 1921)[1].

После посещения корейского храма в Фузане он напишет сонет «Соответствие» (1922), где попытается соотнести чувство духовного очищения в буддистской и православной традиции[2].

Буддийский храм воспринимается лирическим героем Щербакова сквозь призму восточных образов и ассоциаций – как символ духовного просветления и обновления:

Взойти ступенями, внизу оставив гам,
Промеж гранитных псов и тёмнохвойных сосен,
И вдруг над клёнами, чей лист кровавит осень,
В сквозистом воздухе – резной на сваях храм.

Переклички с лирикой Мэн Хаожаня, Ли Бо, Мэн Цзяо – с одной стороны. С другой – традиционная сонетная форма. Читатель должен решить, в чём соответствие – в настроении, вечных темах или культурных традициях. В 1922 году появится и сонет Щербакова «Женьшень»:

Того, *кто волей твёрд и помыслами чист*,
Проводят *гении* лесистым Да-Дянь-Шанем
В извилистую падь, к *затерянным полянам*,
Сокрывшим *зонт цветови пятипалый лист*.

Но *злобны демоны, владыка-тигр* когтист:
Не торопись звенеть серебряным даяном
Под вязью вывески торговца талисманом,
Где пряных зелий дух и горек, и душист.

Сложив шалаш, постись!
Из недр росток женьшеня
Сбирает старику любовные томленья

[1] Об этом, например: Ковальчук И.Ю. Традиции китайской словесности в поэзии дальневосточной эмиграции // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Выпуск 4: Сборник научных работ. Благовещенск, 2010. С. 97–105.

[2] Цит. по: Русская поэзия Китая. Указ. изд. С. 584. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц в скобках.

И смертному двоит дарённый *Небом срок*.

А в мглистый *час Быка*, созвездиям покорён,
С *молитвой праотцам* бери *олений рог*,
И рой таинственный, *подобный людям, корень*[1].

Оставим в стороне художественное воплощение стихотворения и, сколь бы это не противоречило анализу лирического целого, охарактеризуем его структурную идею. «Твердая форма» сонета (зачин – развитие – поворот – заключение), очевидно, понадобилась Щербакову для концентрации в пределах минимальной порции художественного высказывания своего понимания сложнейшего мифо-ритуального комплекса жителей дальневосточной тайги, связанной с женьшенем. Здесь и тайга (*лесистый Да-Дянь-Шань*), и Духи (*гении*) леса и гор, *владыка-тигр, Неба срок, час Быка, олений рог, молитва*. Любопытна и субъектная организация стихотворения: несмотря на обращение «ты», оно воспринимается как личный императив, как некая заповедь, обращённая лирическим субъектом к себе. И – к каждому.

По мнению некоторых, Щербаков был не очень сильным поэтом (Ю.В. Крузенштерн-Петерец, В. Перелешин). Данное произведение, действительно, не стало поэтическим «откровением»: европейский лирический канон плохо вмещает сложнейшую специфику фронтирной мифологии, а экзотические лингвореалии с трудом скрещиваются с высокопарной лексикой. Но Щербаков не оставил попытки воплотить свои художественные поиски, связанные с фронтирными образами и мифологией дальневосточного фронтира.

Успех к писателю пришёл в прозе – и практически сразу. И связан он с темой женьшеня – *Корня жизни*, продолжающей волновать его в пространном философском контексте.

В 1922 году пристанищем Щербакову стал многонациональный Шанхай, где писатель проживёт более чем двадцать лет. Там он активно занимается литературной и организаторской деятельностью, создаёт и руководит объединением «Понедельник». С 1933 г. входит в правление литературно-художественного объединения «Восток», печатается

Шанхайское литературное объединение «Понедельник»

[1] Щербаков М. Отгул: Стихи. Шанхай, 1944. Цит. по: РПК. С. 585.

во многих дальневосточных журналах и альманахах («Врата», «Понедельник», «Багульник», «Феникс», «Шанхайская заря» и др.), а также в ряде американских и европейских изданий («Дымный след»[1], «Современные записки», «Балтийский альманах»). Сразу по приезду в Шанхай либо ещё во время своего владивокского жития и путешествий по Тихому океану и северным пределам России он обратился к переводам. В частности, в «Балтийском альманахе»[2] публикуются его «Шанхайские миниатюры» с подзаголовком «Переводы с китайского» (при этом авторский подзаголовок – «Из китайских анекдотов»). В эти миниатюры входят истории из жизни «китайских замечательных людей» (например, Ли Бо), явно переводные, и очерки – философско-лирические зарисовки китайской жизни. Уже в эти годы Щербаков поднимает вопросы восприятия русским (европейским) сознанием быта и образа жизни китайцев («Муравьи»), его волнуют проблемы этнической идентификации метисов («Хав-Касты»). В этой же публикации впервые появятся его очерки «Каллиграф» и «Нищие», впоследствии вошедшие в «Шанхайские наброски» сборника «Корень жизни». В «Слове» в новой комбинации миниатюр будет опубликована ещё одна миниатюра «Шар»[3], в которой Щербаков воскликнет, адресуясь к Китаю: «О, удивительнейшая страна крайних контрастов!..».

В 1925 г. в альманахе «Дымный след» (Сан-Франциско) увидит свет очерк «Корень жизни», затем опубликованный в парижских «Современных записках». Парижская критика отреагировала на рассказ благожелательно: рассказ был назван «законченным беллетристическим произведением»[4], соответственно – произведением, опирающимся на острую фабулу. Ею становится убийство, которое «совершается даже несколько раз». Причиной этой череды убийств становится пресловутый «корень жизни» – женьшень, слывущий на Дальнем Востоке и за его пределами «чудодейственным лекарством, дарующим долголетие и силу страсти»[5]. Заметим – Щербаков обратился к художественной рефлексии мифологемы «корня жизни» уже после публикаций первых книг Н. Байкова и В. Арсеньева, появления в свет «Хунхузов» П.В. Шкуркина. Но – до появления одноимённого очерка Байкова. Соответственно, писатель хотел выразить своё понимание этой темы, сказать своё слово в художественной этнографии, связанной с мифологией дальневосточного фронтира. И основой для воплощения его замысла стала новелла с присущей этому жанру остросюжетностью, неожиданной развязкой и ироническим «послевкусием».

Ю. Айхенвальд выделил в «Корне жизни» и самоценность самого дальневосточного материала, и специфический этнокультурный аспект, и закрученность фабульной пружины: «В необычную обстановку и к *необычной этногра-*

---

[1] Очевидно, там впервые и был опубликован «Корень жизни» (1925 г.).

[2] Щербаков М. Шанхайские миниатюры (переводы с китайского) // Балтийский альманах, 1924. № 2. С. 43–49.

[3] Слово. № 390. 16.03.1930. С. 14.

[4] Айхенвальд Ю. Литературные заметки // Руль. 1926. 17 ноября. № 1813. С. 2–3.

[5] Там же.

фии, в *среду китайцев и корейцев*, переносит нас г. Шербаков; и *русскую жертву* "*женьшеня*" тоже показывает он. Сделано это искусно, и производит впечатление *повесть о тех обильных смертях, какие повлёк за собою корень жизни*». Но парижский критик весьма тонко почувствовал и авторскую концепцию фронтирной мифологии, в которой корень жизни карает, но воздаяния за неправедные поступки не даёт: «Может быть, в связи с этой *ироничностью сюжета* лёгкой иронией и преднамеренной объективностью подёрнут и самый тон рассказа»[1].

В течение двух десятилетий Щербаков продолжает оттачивать своё мастерство – с одной стороны, в этнографических изысканиях, с другой, в области беллетристики, зачастую соединяя в себе этнографа и беллетриста: он пишет и публикует этнографические очерки[2], переводит тексты новых китайских писателей, пробует себя в разных жанрах прозы (приключенческой повести «Чёрная серия»[3], фантастической повести «Токсин любви»[4], рассказах).

В своих очерках, например, Щербаков скрупулёзно описывает культовую сторону китайского буддизма, наблюдаемую им на священном острове Путу («Священный остров»). Здесь он – и профессиональный этнограф, подмечающий все детали быта буддийских монастырей, описывающий историю острова Путу, и грамотный религиовед, детально воссоздающий легенду о Мио-Шень (так в земной жизни именовалась Гуань-Инь), делающий зарисовки культа предков, фиксирующий тексты и ритуалы заупокойных служб, исполняемых на острове, а также констатирующий «причудливый конгломерат верований, которым стало на китайской почве учение Будды»[5]. В очерке «По древним каналам» мы встречаемся с другим стилем подачи этнографического материала – перед нами китайская Венеция, Сучжоу, опоэтизированная Щербаковым.

Практически первым из русских писателей-переводчиков Щербаков обратился к творчеству Лу Синя – зачинателя новой китайской литературы[6]. В рассказе «Запад на Восток»[7] Щербаков описывает ощущения женщины западного сознания, вынужденной подчиняться правилам жизни на востоке, в Японии. В литературно-критическом обзоре он подчеркнёт свой интерес к беллетристическим жанрам: «Мы вовсе не противники фабульно-приключенческого рас-

---

[1] Айхенвальд Ю. Литературные заметки. Указ. изд.

[2] Щербаков М. По каналам. С фотографиями автора // Слово. 22.03.1930; По древним каналам. Этнографический очерк // Понедельник, 1930. № 1; Священный остров. Очерк о Путу // Парус. 1932. Вып. 9.

[3] Щербаков М. Чёрная серия. Повесть в 9-ти гл. // Багульник (Харбин). Лит.-худ. альманах. 1931 г.

[4] Щербаков М. Токсин любви (отрывок) // Понедельник (Шанхай). 1931. № 2.

[5] Цит. по: Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Владивосток, 2011. С. 368.

[6] Лу Синь. «Юный румянец» и император Цан Лун // Прожектор (Шанхай). 1931; Лу Синь. Господин Кун // Парус (Шанхай). 1932. Вып. 6–7; Завтра. Рассказ Лу Синя // Врата (Шанхай). 1934. № 1; и др.

[7] Щербаков М. Запад на Восток // Феникс. 1936. № 20.

сказа и считаем, что этот жанр имеет такой же "raisond'etre" в литературе», – и резюмирует: «главное для вещей такого рода – убедительность»[1]. Однако Щербакову претит, если «белые нитки, которыми автор сшивает действительность с фантастикой, так и остаются невыдернутыми».

Очевидно, что в повести «Чёрная серия» Щербаков как раз стремится именно к тому, чтобы облечь острый фабулат в жизненно убедительную историю, при этом – основанную на личном опыте. Он воссоздаёт события своего путешествия через Камчатку на русский Север, в Землю Коряков, вписывая их в «роковую историю» о роли случая – «чёрной серии» в жизни человека. Ярко выраженную динамику действию придаёт, как ни странно, используемый Щербаковым «этнографизм». Русский лётчик (Никита Анисимович Порейчук) случайно становится причиной гибели японского солдата; спасаясь от полиции, он устраивается на шхуну с китайско-японской командой. Шхуна отправляется на Камчатку, но уже в начале рейса повар-китаец варит команде суп из акулы – священной рыбы, являющейся «и покровительницей, и врагом моряков. Есть её на корабле никак нельзя: обязательно несчастье будет»[2]. Команда требует расчёт, и Никита Анисимович вынужден плыть дальше уже с корейской командой. По дороге горе-капитан с говорящей фамилией Худовей («произнося несчастливую фамилию капитана, Рябоконь никогда не забывал перекреститься под столом»[3]), не знающий морских обычаев, убивает чайку. Подбить чайку по морским законам – навлечь беду и на себя, и на судно: «Вот попомни меня: мы ещё, Бог даст, может, выкрутимся, а уж тебе теперь со шхуной крышка, как пить дать, крышка!», – предвещает Худовею старый морской волк Рябоконь, с которым солидаризуется и русская, и корейская часть команды.

По пути своей «чёрной серии» герой успевает познакомиться с коряками и их бытом: «Это землянки осёдлых коряков. <…> В земляной юрте нет ни окон, ни дверей, ни трубы: а всё дыра в потолке. А снизу коряки лезут к ней по стволу с перекладинами»[4], их промыслом («Однако, ноне урозай оцень хорос: сетоцек не хватало! – цокая, говорили моряки. – Когда рекой сла, олень по самое брюхо в рыбе тонул… Хоросый урозай!»[5]; приводит разные варианты их речи, а также русско-китайского пиджина.

Узнав многие народы, изведав разные несчастья по пути своего «чёрносерийного» путешествия, *русский герой* всё превозмогает и оказывается на Гуаме – острове в западной части Тихого океана. Читатель понимает, что, даже если это и конец «чёрной серии», то не конец испытаний бедолаги-русского, не предел его знакомствам с другими странами и народами.

---

[1] Щербаков М. Литература и книгоиздательство // Врата. 1935. № 2.

[2] Щербаков М. Чёрная серия // Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы. Указ. изд. С. 196.

[3] Там же. С. 202.

[4] Там же. С. 206.

[5] Там же.

Опыт дальневосточной жизни и впечатления от морских путешествий оставили в сознании писателя глубокий след. Раздумья об универсальных законах, сближающих людей в экстремальных условиях для выживания (тайга, океан), стирающих этнические и религиозные различия, оплотнятся в художественном целом сборника «Корень жизни».

Как *книга* сборник «Корень жизни» формируется почти двадцать лет и выходит в свет только в 1943 году. Туда в основном входят рассказы, написанные в 1923–1930 гг. (в них можно обнаружить прозаическое развитие стихотворений 20-х гг.); лишь два рассказа датированы 1935 и 1934 гг.[1]

Произведения эти разнообразны по жанровому, сюжетологическому наполнению: среди них и новелла («Корень жизни»), и «корейская легенда» («Озеро богача»), и рассказы, написанные в духе фантастического реализма («Утёс Дракона», «Джонни молодой мамонт»), и лиризованные зарисовки («Шанхайские наброски») и т.д. Все эти тексты объединены мифологией и мифологическими воззрениями самых разных народов, населяющих Дальний Восток: китайцев, маньчжуров, корейцев, японцев, коряков, пропущенные сквозь призму восприятия русского человека.

Открывает сборник рассказ «Корень жизни», речь о котором шла выше. Это и хронологическая, и топонимическая точка отсчёта художественного мира книги. Художественный посыл «Корня жизни» был проявлен уже в эпиграфе – китайской пословице: «Где женьшень, там и тигры». Для восточных людей эта фраза становится непосредственной реализацией мифологемы, согласно которой *женьшень* – одно из воплощений Духа лесов и гор, а его животное воплощение – *тигр*. Но пословица есть пословица, она иносказательна. Жажда обладать корнем превращает в тигров людей.

Злокозненность Корня Жизни, попавшего в «нечистые» человеческие руки с целью наживы, по мысли автора, проявляется вполне последовательно: убийство рождает убийство («убивают не только люди, – убивает убийцу и тигр, привлечённый свежим запахом только что пролитой крови»[2]). В сюжете рассказа переплетается динамика действия и кумулятивная однообразность каждой новой сюжетной ситуации: борьба за корень между нашедшим его женьшеньщиком – «голубым фазаном», Ли Фун-линем, охотником за женьшеньщиками – Цзян-Куем, «белым лебедем» корейцем Кимом; исполненное символического смысла, но вполне реалистичное убийство Кима тигром, переход корня в русские руки «Тигровой смерти», Николая Тимофеевича, его приключения с корнем, и, наконец, убийство «Тигровой смерти» и кража корня китайцем-аптекарем, коварно убившим охотника и уехавшим в Шань-Си.

По мере каждого преступления возрастает и жестокость воздаяния «гения охранителя» – Духа Леса и Гор. «Корень остался в земле, у ручья. Его не тронул

[1] Щербаков М. Последний рейс // Врата. 1934. Кн. 1; Утёс Дракона // Врата. 1935. Кн. 2.

[2] Айхенвальд Ю. Литературные заметки. Указ. изд.

зверь, не клевала бы птица. Если бы он [корень – *А.З.*] остался лежать здесь [в тайге, после убийства тигром корейца – *А.З.*], он бы постепенно ушёл бы под землю, и спал бы там год, может десять, может – пятьдесят, ибо две пары рук оскорбили его прикосновеньями после того, как набожный Ли Фун-линь вырыл лопаточкой из оленьего рога. И он всё-таки пророс бы в конце-концов, насыщенный неуёмной жизненной силой. Но он пролежал всего два дня».

Для русского охотника, знающего «таёжную грамоту» и нашедшего корень возле убитого, таёжная примета, верность которой он поступательно проследил – от трупа Кима до тела Ли Фун-линя – является намёком на его дальнейшую судьбу: «Где женьшень, там и тигры!.. – припомнилась ему древняя китайская поговорка, и Корень Жизни начал внушать к себе ещё большее уважение.

– Ладно, там посмотрим!.. – сказал он громко в ответ на свои мысли, осторожно уложил корень в мох, обернул берестой и, спрятав на дно пейтузы, отправился напрямик через сопки в деревню к брату». Когда надо было бы верить «таёжной грамоте», русский герой полагается на русский «авось». Кроме того, взяв женьшень с целью обогащения, он преступает «таёжный закон». Тем самым «Тигриная смерть» сам обозначает свой Путь.

Вернее, этот путь охотник выбрал давно. Он неоднократно посягал на самого «Великого Вана» – либо продавая «молодого царя тайги» в гамбургские зоосады, либо убивая тигра и сдавая аптекарю ценные части его тела. Не случайно, проживая среди обитателей тайги, он остаётся для них чужим, «белым дураком», «белым дьяволом». Сравним этого персонажа с героями Н. Байкова – «Одноруким тигром» Ильей Залесовым («Волшебный стрелок»), «Лян-ге-ли» Бобошиным («Встреча с хунхузами», «Тигрица»), Алатаевым («Черный капитан») – те «свои» среди таёжного люда, их уважают и не трогают даже хунхузы, признавая «их моральную и физическую силу»[1]. Эти герои (вместе с автобиографическим рассказчиком) исповедуют общую для «таёжных бродяг» религию. Следуя неписанному «таёжному кодексу», вымаливают вместе с опытными женьшеньщиками удачу у Великого Вана.

Но показательно и отношение Николая Тимофеевича к китайцам и к их обычаям. «Сплёвывая и ругаясь», как от нечистой силы, он стремится прочь из «смрада» китайского района: «Охотнику сделалось тошно от всех этих запахов и звуков, его потянуло туда, где были белые люди, а не эти скользкие чёрные фигуры, от которых так явственно пахло смертью»[2]. Любопытно, как соотносится здесь авторская и персонажная точка зрения. Восприятие его героя почти в точности воссоздаёт ощущение героя гончаровского путешествия

---

[1] Байков Н. В дебрях Маньчжурии (Главы из книги) // Рубеж. 2003. № 4. С. 243–259; Чёрный капитан // Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Чёрный капитан: Роман. Владивосток, 2009.

[2] Щербаков М. Корень жизни // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 15–39.

«Фрегат "Паллада"» весьма похожи и раздумья Щербакова о духовной жизни китайцев в очерках «Шанхайские миниатюры». Возможно, именно это органическое неприятие Николаем Тимофеевичем китайцев и их быта стало причиной неуважения его к «закону тайги». Но он – русский, чужак в этом мире таёжных мифологем.

Кроме Ли Фун-линя, ни один из обладателей корня в повествовании Щербакова не видит в нём священного объекта, а только – источник наживы. Когда необыкновенного размера Корень попадает в руки «белого дьявола», это ещё больше оскверняет его, по мысли китайца-аптекаря: «Как дался в руки белого дьявола священный Корень? Как допустил это гений охранитель?». При этом аптекарь ничтоже сумняшеся убивает «Тигриную смерть».

Но почему всё же благочестивый Ли Фун-линь убит, а коварный Тун Зюй-кун с добычей спокойно уезжает? Вопрос остается открытым, но открыт и финал столь динамично развивающегося сюжета. Ведь не очевидно, что аптекарь Тун Зюй-кун, заполучивший корень вероломным и жестоким убийством, обретёт искомое богатство, не доставшееся ни охотнику за женьшеньщиками, ни корейцу, ни русскому тигролову. Его возвращение на родину, к могилам предков, символически напоминает о культе «возвращения мертвых», когда, по китайской традиции, покойник должен вернуться на родину. Вспомним текст объявления в китайской газете, в котором говорилось о том, что Тун Зюй-кун продал своё дело в Хай Шень-Вее и отправляется на родину в провинцию Шань-си, «чтобы провести остаток дней рядом с могилами своих предков».

Корень жизни становится *знаком смерти* для каждого, вновь обретшего его – правдой и неправдой. Образ смерти, предопределения, напрямую или косвенно связанный с переходной обрядностью китайцев, органично вписывается русским писателем-эмигрантом в его понимание новой культурной и этнорелигиозной ситуации. В последующих рассказах эта смертельная семантика ещё более усугубится, очевидно, отражая авторское отношение к своему китайскому бытию. Эта явленная дистанцированность от китайской жизни, доходящая до неприятия образа жизни китайцев, помноженные на авантюрность, отчасти и привлекут к новелле, опубликованной отдельно, столь же далёкую от восточной культуры парижскую критику. Но в художественном целом сборника «Корень жизни» обретёт новые философские коннотации.

Во втором рассказе «Паршивый уголь» (1924) героем является *русский* капитан Вассер. Вопрос о русскости капитана Вассера заслуживает отдельной темы, однако в пространстве разговора о «таёжных законах» он выступает как носитель русского этнического сознания. Более определённо *русскость* как этнокультурный выбор реализована в образе капитана Дэка («Последний рейс»), который со своими «финскими скулами» попросту именуется владивостокским губернатором «инородцем». Именно Вассером – «заядлым таёжником», прожившим немало лет на мысе Св. Ольги бок о бок с китайцами и «инород-

цами», излагаются «священные законы тайги». Первый – «гостеприимство» (вплоть до абсурдных, с точки зрения европейца, форм «угощения женой»), второй – «не воруй!» («нет тебе, вору, по всей тайге ни чифана[1], ни тёплого ночлега»), третий – «братская клятва» («за её нарушение одна кара – смерть. Тому, кто бросил братку в беде – смерть. Тому, кто убил братку – смерть через лютую пытку»)[2].

Симптоматично следующее: герой рассказа, капитан, демонстрирует откровенное «великодержавное» пренебрежение к китайцам, населяющим бухту Святой Ольги[3] в Приморье. «Я туда попал с войны после контузии. В те времена русских там почти не было. Одни инородцы: гольды да орочи. Но больше всего – китаЁзы из Шаньдуня. Ведь из этого самого Чифу желторожие прут к нам, как из брандсбойта. Чего только не делали при Царе, чтобы остановить: ничего не помогло. Расползлись, как клопы. И бойки, и «купезы», и плотники, и кочегары <…> Тут тайга под носом, а у них вонь и грязь, что в твоём Китае».

Однако, как только речь заходит о китайцах-*таёжниках*, – тон и язык рассказчика меняются кардинально. *Таёжный человек* начинает говорить о «своих», *таёжных людях*, и «своих», *таёжных порядках*: «Но это вовсе не значит, что в тайге был беспорядок. Наоборот, *порядочек был такой, что дай Бог каждой стране*. Вся тайга делилась на участки в тысячи квадратных верст каждый, и для каждого избиралось по три судьи-старшинки на три года» (вспомним дифференциацию Елисеевым таёжника манзы – охотника-маньчжура Тунли и «трусливого китайца»).

Случай, рассказанный Вассером, не только проясняет жизненную подоплёку таёжных законов, но и косвенным образом утверждает их мистическую детерминированность с точки зрения фронтирной мифологии. В этом повествовании «таёжным законом» проверяется и русский (сам Вассер), и китаец. В тайге пропадает богатый Сан Хо-лин, уходивший на охоту вместе со своим «браткой» Кун Си. Казалось бы, что тут удивительного: «Мало ли охотников таёжный зверь каждый год задирает?». Но благодаря «таёжной правде» загадка пропажи старого китайца открывается: «Удивительное, право, дело: ведь уж, кажется, никто ничего не слыхал – не видал, а вот заговорила тайга, будто живой человек, заговорила!». Поиски увенчиваются успехом только тогда, когда охотники «надумали помолиться у фанзушки. Сели, развели огонек, помолились духу покойника и дали обет до тех пор не курить трубочек, пока не разыщут Сан Хо-лина». История оказалась весьма запутанной: молодой напарник не простил трусливому старику того, что тот бросил его наедине с тигром. Убийство молодым Кун Си братки, бросившим своего же братку, неоднозначно оценивается Вассером – русским человеком, но однозначно отрицательно

---

[1] «Чифан» (пидж., с кит.) – еда.

[2] Щербаков М. Паршивый уголь // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 39–59.

[3] Феномен уникальной этнокультурной ситуации, сложившейся на острове Св. Ольги в начале XX века, – объект исследования многих поколений этнографов, историков, религиоведов.

– Вассером-таёжником: «Закон тайги ясен. Статей в нём мало; снисхождений никаких: за смерть полагалась смерть. А тут, конечно, вина ещё увеличивалась: ведь старик-то принял убийцу в дом, облагодетельствовал, можно сказать…».

В рассказах «Джонни, молодой Мамонт», «Иринари», «Озеро богача», «Утес Дракона» герои тунгусской, японской, корейской, китайской мифологии так или иначе инкорпорированы в бытие русского человека: то как оживший Маммон – Джонни Молодой мамонт, то в облике демона-лисицы *иринари*, то – в очертаниях мифологизированного ландшафта, то – в материализовавшемся восточном драконе, откусывающем самыми что ни на есть реальными зубами ногу русскому офицеру. От чужих богов русскому человеку ждать нечего, – такой вывод напрашивается читателю.

Логика чужих обычаев и традиций страшит русского человека, особенно проявлена их демоническая инородность в Шанхае: «Из приоткрытых ставень китайских лавок, где готовили бобовое тесто, плотными клубами выкатывался жирный пахучий пар. Голые по пояс китайцы, копошившиеся внутри у закопчённых котлов, казались чертями с даосских картин, изображавших адские муки». Эта инфернальная атмосфера, которую может хоть как-то избежать русский человек в городе, настигает его в естественной среде. Дракон, знакомый по лубочным картинкам и китайским инсценировкам, материализуется во всём своём физиологическом уродстве на острове Жаба, куда во время кораблекрушения попадает русский офицер Елагин.

Его *явление* подготавливают, в первую очередь, органы чувств измотанного Робинзона: «Тут я проснулся и, ещё не придя в себя, почувствовал какое-то острое, невыносимое зловоние, от которого у меня перехватило горло. В нём мешались и едкий смрад клоаки, и приторный запах мускуса, и вонь гниющей рыбы».

Реальность оказывается много страшнее картинок: «Вы видели китайские шествия, когда тридцать-сорок человек несут на шестах извивающееся бумажное чудовище с саженной головой и парой горящих выкатившихся глаз? Так вот, всего в нескольких метрах ниже края выступа мой взгляд упёрся в глаза очень похожей гадины, но настоящей, живой, тяжело храпевшей и обдававшей меня целыми волнами мерзостного запаха»[1].

В предисловии к сборнику Щербаков пояснит: «Собранные в этой книге рассказы написаны в разное время за двадцать лет жизни в Шанхае. Большинство – дань восхищения перед суровой красотой людей и природы русских Дальнего Востока и Севера, о которых всё ещё мало сказано в нашей литературе»[2]. На самом деле *русскости* в её архетипическом этнокультурном понимании в сборнике – мало. Его русские – это особые русские, *русские даль-*

[1] Щербаков М. Утёс Дракона (Корень жизни) // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 84–105.

[2] Щербаков М. От автора (Корень жизни) // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 15–17.

невосточного фронтира. Их ментальность вбирает этнокультурные и этнорелигиозные традиции самых разных народов, их сознание синкретизируется. Не случайно рядом с русским героем в рассказах часто фигурирует европеец, отчасти выполняющий роль мифологического трикстера («Иринари», «Джонни молодой Мамонт», «Европеец», «Последний рейс»). Он, европеец, постоянно испытывает русского, провоцируя на контакт с инокультурой. Так, в рассказе «Иринари» именно англичанин, заводя разговор об «истинной православной вере», подталкивает русского на кражу японского божка из кумирни. Поругание чужой святыни «на спор» приводит доверчивого и горячего русского к тому, что божок «материализуется» и преследует Петра Фаддеича: «Отдай божка!.. Поставь обратно!»[1].

В некоторых случаях европеец – откровенный антагонист русского и непостижимой для европейца русскости. В рассказе «Европеец» француз Сорель мается оттого, что не может постичь характер русской женщины Лели, а это причиняет ему моральное неудобство. Леля ездит с ним танцевать в дансинг, очаровывая его своей фарфоровой точёной фигурой, своими светскими манерами, но в неожиданно ординарный – по меркам Сореля – момент начинает вдруг плакать и «капризничать». По сравнению с Лелей насколько мила и понятна американка Бетти – сама предложившая Сорелю себя, оговорив при этом всю взаимовыгодность их эротически-циничной «сделки». Все деньги, потраченные на Бетти, окупились для Сореля его мужскими радостями. Иное дело – эта Леля! «Один чёрт поймёт этих русских! Действительно, полуазиаты!», – восклицает француз, раздражаясь при мысли о непостижимой русской барышне. «Азиаты», – позднее выносит Сорель окончательный диагноз, взбешённый резким отказом Лели. А кто же он сам? Стареющий французский сноб, ведущий праздный образ жизни в Шанхае, но надеющийся либо выгодно жениться, либо сыграть на акциях суматровского угля. Этот европеец берёт чековую книжку и, как «честный человек», посылает Леле 50 долларов – на прощание.

Иного теста – мужские *русские* типажи: Елагин, выдержавший поединок с самим драконом («Утес Дракона») и, несмотря на смертельную рану, стремящийся оставить свидетельские записки об этом событии, чтобы предупредить людей об опасности; офицер Ларцов, несмотря на грозящее наказание в виде военного трибунала, убегающий к любимой по распутице («Подсудное дело»), тот же Ларцов («Мистраль»), вступающий в поединок с самим мистралем – изматывающим ветром (непостижимо для французов, прекращающих все попытки полётов на этот период) и совершающий дерзкий полёт над полями Роны. Эти рассказы повествуют о событиях, не связанных с эмиграцией – два из них происходят во время Первой мировой войны, в западной части России и во Франции. Однако именно эти русские люди, способные на дерзкие и безрассудные с точки зрения европейского здравого смысла поступки, становятся потом *осо-*

[1] Щербаков М. Иринари (Корень жизни) // Щербаков М. Одиссеи без Итаки. Указ. изд. С. 105–111.

бенными русскими Дальнего Востока и Севера. Таким был и сам автор: автобиографические черты присущи его героям – Ларцову и Елагину. Щербаков прошёл фронты Первой мировой, овладел искусством авиапилота во Франции, испытал множество опасностей во время своих морских путешествий после Гражданской войны. Возможно, смертоносное явление настоящего дракона-монстра Елагину – результат гипостазирования автором его фантастического бытия в экзотических тихо-азиатских пространствах.

Так в чём же он, «корень жизни», по Щербакову? Ведь название текста, а тем более, сборника, всегда – его смысловой конденсат. Однозначного ответа после прочтения книги у пытливого читателя нет. Герои рассказов – русские и китайцы, насельники дальневосточного фронтира в широком смысле – так и остаются разделёнными друг от друга верованиями, привычками, этикой. Русские – «белыми дьяволами» для китайцев. Китайцы – «даосскими чертями» для русских. Но явственно и то, что художественное сознание Щербакова интуитивно ищет собственного «соответствия» (название уже упомянутого сонета) восточному типу мышления.

Так или иначе, с самого начала сборника этнографические сведения, облечённые в динамичную фабулу – только повод для философских раздумий о том, как вписывается европейское мышление в многовековые традиции «фронтирной мифологии», как способно оно усвоить чужие обычаи, пронизанные древними религиозными воззрениями. В китайской религиозной традиции, уходящей в глубокую древность, бытует представления об эвгемеризации мифологических персонажей. В текстах Щербакова мифологические существа не просто *оживают* – они живут своей жизнью задолго дол встречи с ними русского героя; фантазмы в рассказах Щербакова также неотделимы от реальных событий и ощущений (например, корень женьшеня, неожиданно поплывший к окну на глазах у владивостокской проститутки, мамонтёнок, оживший после тысячелетней заморозки, лисица, донимающая совестливого русского, смрадный запах живого дракона). Этот сплав реальности и фантастики весьма напоминает о фантомах М. Булгакова («Роковые яйца», «Мастер и Маргарита»). Столь далекие географически и «этнографически», писатели вполне логично могут быть внесены в типологию русских фантасмагорий, рождённых *сдвинувшейся реальностью русской жизни*.

Очевидно, Щербаков смолоду обладал весьма подвижной психикой – благодаря этому он был особенно чуток к восточной мистике, где реальность с фантастикой переплетены неразложимо[1]. Сборник «Корень жизни» в своём противоречивом художественном целом воплотил попытку русского худож-

[1] Известно, что, уже переехав в Париж, в 1956 г. в результате душевной болезни М. Щербаков выбросился из окна. Однако не ясно доподлинно, когда реально заболел писатель. Обычно первые симптомы душевных расстройств проявляются в молодом возрасте. Возможно, его самоубийство стало следствием очередного кризиса, вызванного трудностями адаптации на новом месте, в чуждой среде.

ника слова, утратившего родные «корни», вжиться в иную систему духовности и обрести иной «корень жизни» – новый смысл бытия.

К сожалению, поиск соответствий приводит Михаила Щербакова к неутешительному результату: в его художественной картине мира чужие боги несут смертельную опасность русскому человеку, как бы смел и решителен он ни был. А свои боги его забыли.

***

Художником слова, внёсшим свою лепту в создание художественной этнографии дальневосточной эмиграции, переосмыслившим её устойчивые топосы в оригинальных жанровых формах, стал **Борис Михайлович Юльский [1912–1950?]**. Биография книжного мальчика из дворянской семьи[1] складывалась вполне типично для его эмигрантских сверстников. Он родился в Иркутске, в 1919 г. вместе со своими родителями приехал в Маньчжурию и переселился в Харбин в декабре 1921 г. Окончил Первое реальное училище, затем два года учился в Политехническом институте, который бросил на 2 курсе и начал сотрудничать в газете[2]. Очевидно, учёба в Политехникуме и общение с сокурсниками подвигло Юльского в 1932 г. к вступлению в РФП (Российскую фашистскую партию). В опросном листе БРЭМ он откровенно указал свои политические убеждения: «фашист»[3], стал сотрудником фашистского издания «Наш путь». Но в мае 1938 г. на страницах «Нашего пути» про Юльского пишется, что он – «штатный посетитель пристанских героинок», и вместе с некоторыми такими же, как сам, использует фашистскую партию «как дойную корову, не испытывая при этом истинных убеждений»[4]. С июля 1938 г. по июнь 1941 г. Юльский служит в русской лесной полиции на восточной линии бывшей КВЖД, попав туда якобы по воле японских властей, спасающих его от наркомании. И хотя первые рассказы талантливого беллетриста увидели свет ещё в 1933 г., именно служба в лесной полиции стала определяющим временем в формировании художественной этнографии Бориса

Юльский Борис Михайлович

[1] Перелешин В. Два полустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930–1950. Amsterdam, 1987. 160 с.

[2] Ли Мэн. «Он Байкова литературнее» (о прозе Бориса Юльского) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып 6. Указ. изд. С. 210–213.

[3] БРЭМ. Ф. 830, оп. 3. д. № СО-22077 Б.М. Юльского // ГАХК. Л. 2,3.

[4] Л. 12,13.

Юльского.

Конечно, интерес к китайской культуре и литературе возник у писателя раньше. В 1937 году Б. Юльский публикует в «Рубеже» полумистический, полуанекдотический (в жанровом понимании) рассказ «Возвращение г-жи Цай». В нём писатель обращается к китайской мифологии посмертного существования. Лао Цай (старина Цай) потерял жену и живёт только воспоминаниями, которые дарит ему опиумокурение. Неожиданным даром небес становится для Цая появление необыкновенной громадной крысы. Известно, что крысы чрезвычайно умны и привязчивы. А китайцы верят в реинкарнацию. Кто она? Просто крыса или душа умершей жены? Ясно одно: в тяжелейшей жизненной ситуации, когда Цай заложил за долги свой чудесный домик и решает заснуть вечным сном, животное/жена выручает старика – приносит ему бриллианты[1].

С точки зрения персонажной традиции в литературе, – как тут не вспомнить о «чудесном помощнике» из русских сказок! Но эта «огромная рыжевато-серая крыса с острой хитрой мордочкой и блестящими бисеринками глаз» так реальна, так убедительна в своей сердечной преданности, когда внимательно слушает своего спутника, качает головкой, сочувствуя его несчастьям…

Она разделяет и пагубную страсть старика Цая к опиуму: «Когда небо посылает нам гостя, мы должны встретить его достойным образом… – произнёс господин Цай. И, дунув на крысу дымом опия, сказал: – Кури, и пусть мысли твои станут светлыми и лёгкими.

Крыса вдыхала тяжёлый белый дым, шевеля острой мордочкой и поблескивая глазами. Когда же господин Цай кончил курить, она спрыгнула с кана и скрылась в углу.

Теперь она стала приходить ежедневно, в одно и то же время. За несколько минут до начала курения крыса садилась на кан и нетерпеливо перебирала лапками. Пока жарился опий, она нюхала воздух и крутила головкой»[2]. Реалистичность и, с другой стороны, очеловеченность крысиных реакций сближает рассказ с традициями анималистической литературы.

С одной стороны, этот опыт психологизации характера животного Юльский мог позаимствовать у того же Дж. Лондона и своего земляка Н.А. Байкова. С другой же, захватив внимание читателя необычным сюжетом, Юльский попутно рассказывает и о вере китайцев в оборотней-лис («Смотря на крысу, господин Цай думал, не оборотень ли она, явившийся, чтобы смутить спокойствие его души и заставить совершить злое дело»), и о том, что курение опия издревле используется китайцами для того, чтобы «посетить родину», а также «встретиться с умершими»[3] («Старый господин Цай выкурил свою первую трубку, вспоминая яркий летний день на берегу реки в благословенной про-

[1] Юльский Б. Возвращение госпожи Цай // Рубеж. 1937. № 28.

[2] Там же.

[3] Пришвин М.М. Дальний Восток (путевой дневник 1931 г.). Указ. изд. С. 211.

винции Шань-дун…»; «Трубка, принадлежавшая ему, была старой и ценной. Из неё курили чьи-то деды и прадеды, и она имела вид человеческой руки, сжимавшей пальцами тёмную обкуренную чашечку»). Подобное натуралистическое вживание в процесс опиумокурения вполне объяснимо – как мы помним, Юльский сам имел богатый опыт наркотических сеансов.

Рассказ «Возвращение г-жи Цай» явил литературе молодого писателя – продолжателя художественной этнографии на новый лад. Благодаря умному животному-духу господин Цай неожиданно избавляется от долговой ямы, доживает в покое положенные ему годы, умирает во сне. «Когда же были совершены похороны и белые кони умчали с огнём душу старого господина Цай в вечернее звёздное небо, соседи, пришедшие в его опустевший домик, нашли на кане громадную седую мертвую крысу».

Писателя отличает особенный подход к материалу. Не сам по себе забавный сюжет о компаньонах-наркоманах – крысе и Цае – делает историю привлекательной для читателя. «Опиумная мифология» китайцев в данном случае послужила любопытным поводом переосмыслить архетипический сюжет о возвращении души умершего. Очеловеченная Юльским крыса – не просто умная крыса. Это, как подчёркнуто уже названием и дважды указано в тексте – дух госпожи Цай: «Крыса была очень большая. И соседи невольно подумали, что это был, может быть, добрый дух дома, охранявший хозяина и теперь, когда старый Цай умер, покинувший землю для того, чтобы вернуться в свои небесные края». Юльский нащупал беллетристический потенциал истории, в котором трогательный союз сострадательного животного и несчастного старика реализуется на почве китайских мифологических представлений. Это придаёт повествованию философский умиротворяющий характер, не лишив при этом его многозначности. Художественной находкой молодого писателя стал специфический способ погружения в инокультуру, когда читатель не может понять, где же грань между жизнеподобием и мифологизмом. Юльский изначально настраивает нас на такой способ восприятия: «Эту историю мне поведал старый китаец за чашкой золотого цветочного чая. Он рассказывал обстоятельно и витиевато, жестикулируя длинными жёлтыми пальцами. Изредка он подносил к губам чашку и с длительным хлюпаньем втягивал в себя горячую душистую струю. Затем он ставил чашку, поднимал глаза и продолжал повествование.

К сожалению, рассказчик далеко не в совершенстве владел русским языком. Я тоже далёк от полнейшего знакомства с китайским. И поэтому мне пришлось изложить этот рассказ моим собственным слогом, лишь изредка вставляя особенно характерные фразы и пояснения моего любезного собеседника».

Китаец рассказал историю, в которую верит сам; верит ему русский писатель, а писателю – русский читатель. Здесь Юльский, видимо, интуитивно, вплотную подошёл к проблеме исследования китайской мифологии: она как

раз и состоит в трудности разграничении мифа и реальности, мифа и истории, так как китайская культура абсолютизирует историю и безусловно верит письменному слову[1]. Поэтому любое явление принимает в ней достоверность факта, тем более, если постигающий мифологию – «лаовай»[2]-неофит.

Обратный и, прямо скажем, неудачный сценарий постижения китайской культуры европейским сознанием продемонстрирован Юльским в рассказе, написанным годом позднее, с забавным названием – «Мяу»[3]. Тигрёнок (который, ни много ни мало, «был сыном князя» и у его отца «на широком и плоском рыжем лбу отчётливо вырисовывался чёрный иероглиф «Ван»»), вначале попадает в руки русского охотника, а затем богатого харбинца Кройда.

В этом рассказе, на первый взгляд, нет никаких реализованных мифологем, сюжет его довольно реалистичен. Однако знающий человек сразу чувствует здесь отсылку к знаковым уже к тому времени текстам Н.А. Байкова («Великий Ван») и М.В. Щербакова («Корень жизни»), словно Юльский решил поиграть с читательским ожиданием и развить одну из сюжетных линий художественной этнографии, связанную с «тигриной мифологией». Охотник-промысловик Мигуев убивает тигрицу, забирает в Харбин тигрёнка – это аллюзия на Николая Тимофеевича, героя знакового рассказа М.В. Щербакова «Корень жизни». Мяу посещают видения – это практически перифразы описаний Байкова: «Он видел чащу леса с большими хвойными деревьями, каменистые ложа ручьев, поваленные сухие стволы, траву, кусты шиповника… Иногда видел снег, много снега! На снегу следы. В снежной пыли вспархивают куропатки. Красный колонок мелькает в сугробе, среди кустов, как длинный, извивающийся язычок пламени. Белка пружинно перелетает с ветки на ветку, развевая пушистый хвост. Шипит в ветвях насторожившаяся рысь. Сотрясая лес, отдалённо перекатывается страшный рёв, переходящий в глухое мяуканье. И светятся, светятся, как зелёные звезды, чьи-то глаза…»

Напомним – русского охотника, ловца за тигрятами, прозванного «Тигриная смерть», в новелле Щербакова постигает грустная участь: попранный Дух леса мстит ему рукой коварного китайца-аптекаря. В истории, рассказанной Юльским, ухаживать за тигрёнком был приставлен бой Ли-фу (имя, весьма близкое по звучанию имени одного из героев Щербакова), «изумительно вышколенный, безупречный китаец», отличавшийся «крайней воспитанностью и предупредительностью». Именно бой Ли-фу мгновенно осознал, кого вручают «его попечению», и «по его лицу, хранившему выражение официальной почтительности, пробежала тень испуга» – он «даже слегка побледнел». И именно Ли-фу выпускает из клетки уже взрослого, ставшего огромным ти-

[1] Алимов И.А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб., 2008. С. 5.

[2] «Лаовай» (просторечн.) – снисходительное именование китайцами иностранцев. Буквально: «иностранный дурень», «простак-иностранец».

[3] Юльский Б. Мяу // Рубеж. 1938. № 26.

гром, Мяу – в отместку за несправедливое обвинение в воровстве, вынесенное ему хозяином. Тигр погубил хозяина, а охотник Мигуев на следующий день застрелил несчастное животное.

Истинная причина трагедии, постигшей Кройда и тигра Мяу, – в изначальном небрежении Законом тайги, когда сына князя – Владыки тайги, «окружавшей станции Шитоухэ-цзы и Тигровая падь» – называют, как домашнего котёнка, «Мяу», и продают на потребу в город. Поплатился самодовольный европеец и за неуважение к традиционным этическим воззрениям китайцев, – за то, что обидел искреннего и преданного ему Ли-фу, не подозревая о мстительности китайцев.

В 1939 году появятся первые рассказы Юльского из цикла «Зелёный Легион», написанные уже с учётом личного опыта проживания в маньчжурской тайге. Предисловие Б. Юльского к задуманному циклу рассказов «Зелёный легион» прозвучит словно ответ на снисходительные слова И.Н. Голенищев-Кутузова о «дальневосточной романтике» прозы русских харбинцев. Писатель подчеркнёт, что его очерки, посвящённые службе Зелёной полиции, «не претендуют на экзотику тропиков или трагичность Белой Пустыни. Они правдивы и абсолютно далеки от фантазии. И они говорят о русской лесной полиции – о Русском Легионе, собранном со всех концов России и сторожащем закон маньчжурской тайги, Великой Зелёной Пустыни»[1]. Как видно, уже в самой художественной установке автора было заложено широкое мифологическое обобщение: о каких «всех концах России» можно было говорить работающему в лесной полиции молодому эмигранту (которого японцы таким образом спасали от пагубного пристрастия к кокаину)?

«"Установка" у него – на Джека Лондона, Купера и Кэрвуда, только вместо Клондайка у него Маньчжурия, с её тиграми, тайгой, охотничьей романтикой», – писала о Юльском харбинская журналистка Е. Сентянина. «Как известно, "гений места" обладает для человека, тем более, писателя, решающим значением. Сейчас Б.М. Юльский живёт в самом сердце маньчжурской тайги. "Наше маленькое местечко – Форт Коломбо, – стоит над скалистой сопкой. Если бы у меня был талант Гумилева, я бы мог описать прелести волчьего воя, или экзотическую прелесть китайского старосты из соседней деревушки, который приходит к нам в гости, долго кланяется и звучно сморкается…" Так описывает он сегодняшний быт. Борис Юльский готовит к печати сборник рассказов из жизни горно-лесной полиции. Мечтает закончить большой роман»[2].

В «очерках» Юльского, декларативно нацеленных на «правдивость», мифологический национальный колорит затеняет более глубокий уровень писательской рефлексии. Мифологизация собственного бытия определяет и

[1] Юльский Б. След лисицы // Рубеж. 1939. № 19.

[2] Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты. Указ. изд.

неомифологическое восприятие инокультуры. Воссоздавая будни лесной полиции, писатель, не нюхавший пороху Первой Мировой, не прошедший фронты Гражданской, живущий на русском «пятаке» посреди огромного Китая, ощущает себя в ситуации героического служения, борьбы за правое дело. И герои его повествования – хунхузы-китайцы, русские солдаты – помещены в лиминальную ситуацию «жизнь / смерть».

В повествованиях («очерках») цикла «Зелёный легион» Юльский обращается и к мифам о Драконе («Путь Дракона»), и к «лисьей» мифологии («След лисицы»), и, конечно, к мифам о Хозяине (Господине) леса – тигре («Господин леса», «Вторая смерть Шазы»). И все эти многообразные персонажи китайской и синкретической «фронтирной» мифологии активно взаимодействуют с миром хунхузов – разбойников, с одной стороны, грабящих мирное население и превратившихся в настоящее бедствие как для китайского населения, так и для всех жителей Маньчжурии, с другой стороны, являющихся, как и тигры, полноправными обитателями таёжного пространства. А русские работники лесной полиции, отлавливающие хунхузов и охраняющие от них территорию, невольно сами погружаются в эту мифологизированную среду.

В странном вареве этих повествований хунхуз Лун (кит. – дракон) превращается в реального Дракона, а затем в старика-китайца, выращивающего мак. Озеро, в котором утонул Дракон, действительно, – солёное «от крови дракона», пить его воду невозможно; по извилистому гребню горного хребта, повторяющему путь убегающего от преследования Дракона, растут «яркие, красные, как кровь, цветы». Мак это или кровь дракона, убитого русскими, остаётся мифологической загадкой («Путь Дракона»)[1].

Рассказ «След лисицы» предваряет эпиграф – «китайское поверье»: «Женщина, умершая нехорошей смертью, превращается в лисицу с волшебными и злыми свойствами. Она может казаться живой женщиной, может говорить на языке людей. Но человек не должен верить ей, как бы прекрасна она ни была: мёртвая женщина отравит его душу и выпьет его жизнь для того, чтобы продолжить своё существование в образе оборотня-лисицы»[2]. Лисица, по следу которой бредёт русский охотник, оборачивается в женщину сказочной красоты, завораживающую героя: «Он обернулся к перегородке, откуда слышался её голос, и увидел её. Она стояла, придерживая рукой синюю занавеску, заменявшую дверь. Её длинный ярко-голубой халат переливался шёлком в свете лампы. И в её жесте – поднятой руке, откидывающей занавеску, – было столько изумительной грации, что она представилась Самарину воплощением фантастического сна». Попав под очарование мистически красивой женщины, Самарин оказывается в плену хунхузов. Возлюбленная безжалостно пригова-

[1] Юльский Б. Зелёный легион: повести и рассказы. Владивосток, 2011. 560 с.

[2] Юльский Б. След лисицы // Рубеж. 1939. № 19.

ривает незадачливого «ламоузу» к смерти. Впоследствии оказывается, что это – оборотень-хунхузка, она умерла год назад, тогда же сгорела и её фанза[1]. Чудом спасённый, Самарин выздоравливает и вновь уходит в лес по следу лисицы – за той, без которой уже не может жить. Там, в тщетных поисках женщины-наваждения, он и погибает.

В рассказе «Арбуз» повествуется о том, как, несмотря на труднейшие условия, боец лесной полиции достаёт арбуз умирающему однополчанину; «Двадцать два» – рассказ о том, как выигранный в карты молодым солдатиком кратковременный отпуск стоил ему жизни. «Вода и камень» – драматический сюжет о том, как при задержании хунхузов в перестрелке русский солдат убивает совсем юную девочку-хунхузку. То ли страх, то ли угрызения совести доводят невольного детоубийцу до безумного состояния: «А теперь она от меня не отвяжется, по ночам сниться будет…», «Стоит и проклинает… Зачем, говорит, ребенка убил?.. Каждую ночь теперь, говорит, приходить буду». Финальная сцена рассказа проникнута глубоким мистическим смыслом: «У стены казармы стоял Каргин. Его винтовка валялась рядом. Он уже не кричал, а только хрипел. Из глаз смотрело безумие. А на груди, у самой бороды, трепыхалась и била в лицо шуршащими крыльями огромная, вцепившаяся и запутавшаяся когтями, летучая мышь».

Как мы помним, в китайской традиции летучая мышь (фу) – это добрый дух, потому этот образ несёт самые что ни на есть положительные смыслы, символизируя удачу. Многозначный мифологический образ обретает в повествовании Юльского плоть и кровь, поступая при этом в соответствии со своей злобной «европейской» трактовкой: известно, что в европейской мифологии «летучие мыши считаются зловещими существами, вцепляющимися, прежде всего, в волосы человека»[2]. Каргин погибает, потому что дух китайской хунхузки действует в соответствии с логикой русского мифологического сознания.

Что особенно интересует Юльского в китайской мифологии? Мифология посмертного существования в её фронтирном осмыслении. Юльский обращается к китайскому мифу сквозь призму русской мифологической картины мира. Точнее сказать, его привлекают те пограничные ситуации, где смерть заглядывает человеку в глаза и человек, независимо от этнической принадлежности, оказывается в той самой лиминальной ситуации, когда проявляются все скрытые в человеке потенции.

Как рассказы Н. Байкова и М. Щербакова, повествования Юльского о Лесной полиции объединяет мифологема Духа Леса. Но отличается её смысловая реализация. В «Господине леса» сюжет строится вокруг попрания лесной святыни – кумирни рабочих лесной концессии, именуемой на пиджине «Господина Леса», русским купцом с характерной фамилией Кащеев и жадным ки-

---

[1] Юльский Б. След лисицы // Рубеж. 1939. № 19.

[2] Бидерманн Г. Словарь символов. Указ. изд.

тайцем Бату Фу. «Фу – хитрая лиса. Он не прочь выпить. И он сказал рабочим: "Разве богу не всё равно где стоять? Сейчас мы свалим дерево, а завтра сделаем на этом месте хорошую крышу…"»[1], – пытался оправдать и русским рабочим, и китайцам свой кощунственный поступок коммерсант Кащеев. Против законов динамики срубленное дерево падает в сторону Фу и погребает его под собой. Случайность это, или Дух Леса наказывает обидчика?

В рассказе «Вторая смерть Шазы» развивается идея реинкарнации (хунхуза Шазы, умершего от руки русского солдата). Характерно, что действенность китайских примет и суеверий одинаково распространяется на русских и китайцев, что в принципе противоречит закону мифологической логики, но не противоречит действенности фронтирной мифологии.

Пример усвоения фронтирной мифологии Юльским свидетельствует о наибольшей степени сближения русского и китайского мифологического текстов в сознании повествующего субъекта. Даже в самом нефантастическом рассказе из цикла «Зелёный легион» – «Парашютист» – даёт о себе знать эта романтическая подоплёка неомифологического восприятия реальности. Русский мальчик, сын десятника лесной концессии, мечтает стать лётчиком. Его нелепая гибель от шальной пули хунхуза переводит повествование из романтического в мифологический план: с последним вздохом Димки раздаётся протяжный гул, который рассказчик поначалу принимает за звук самолёта. А это – улетают на юг птицы (в маньчжурской же мифологии птица символизирует невинную детскую душу)[2].

Кроме внесения новых смыслов в понимание фронтирной мифологии, Юльский по-новому сумел её опоэтизировать. Е. Сентянина, сополагая творчество талантливого юноши с байковским, писала: «*Это напоминало бы Байкова, но Борис Юльский "литературнее" Байкова, да и темы его рассказов несравненно шире*. <…> Как писатель Борис Юльский сентиментален и романтичен, у него зоркий глаз и удивительно много вкуса» (курсив мой. – *А.З.*).

«Мистический реализм» текстов Юльского, в пространстве которого на равных взаимодействуют герои сказаний, легенд и обычные люди, объясним серьёзной книжной культурой писателя. Юльский был весьма начитанным молодым человеком, и, вполне возможно, что был знаком и с китайскими быличками-«чуаньцы» («рассказами об удивительном»)[3]. Тем более, что к тому времени были опубликованы и собранные В.М. Алексеевым истории о лисах – «Лисьи чары» (1922), «Монахи-волшебники» (1923), «Странные истории» (1928), «Рассказы о людях необычайных» (1937).

---

[1] Юльский Б. Господин Леса // Юльский Б. Зелёный легион: повести и рассказы. Указ. изд. С. 44.

[2] Забияко А.А. «Детский мир» русского Харбина: литература дальневосточной эмиграции для детей и о детях // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 4. Благовещенск, 2010. С. 165–190.

[3] Голыгина К.И. Китайская проза на пороге средневековья (мифологический рассказ III–IV вв. и проблема генезиса сюжетного повествования). М., 1983.

Но важно не то, что Юльский мог воспользоваться книжными источниками и пересказать их. На материале фронтирных мифологем Б. Юльский создаёт новую художественную систему координат, сквозь которую пропускает и свои познания в культуре Востока, и личную мифологию русского патриотизма. Самый «беспочвенный» из русских эмигрантов, обратившихся к «фронтирной мифологии», он обретает в этих сюжетах родину, которую населяют, вместе с китайцами, маньчжурами, корейцами, в первую очередь, – русские. Но как они, вынужденные адаптироваться среди «чужих богов», ощущают себя здесь? Очевидно, что удел русского – менее оптимистичен, нежели судьба господина Цая («Возвращение госпожи Цай»), тихо доживающего свои дни в облаке опиума рядом с крысой. Деятельному молодому русскому человеку нужна мифология героического служения, которой не могут в полной мере соответствовать ни сводки официальных промилитаристских газет («Парашютист»), ни идея борьбы с хунхузничеством…

Окунаясь в мир представлений дальневосточного фронтира, русский человек поверяет и свою духовную крепость, и способность понять и принять другую культуру и религию. Не всегда этот опыт становится созидательным для простого человека, но заведомо плодотворен он для художника. Так вышло в случае харбинского «книжного мальчика» Бориса Михайловича Юльского.

***

В ряду создателей красочного полотна художественной этнографии дальневосточного фронтира **Арсений Иванович Несмелов [1989–1945]** не стоит. Он не был ни путешественником, ни натуралистом, ни охотником. К науке отношения также не имел. К тиграм Несмелов прошёл дорогой писателя иронического мироощущения, любящего «просто писать жизнь».

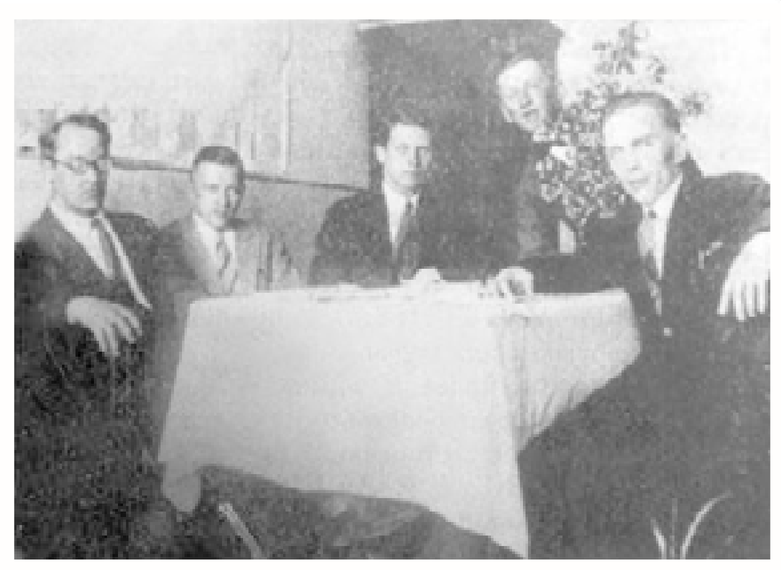
Его «динамический реализм»[1] позволил использовать фронтирную мифологию в создании метапоэтики. Так возникло его замечательное произведение «Наш тигр». Оно было написано на основе событий двадцатилетней давности, писателем, испытавшим себя в разных жанрах беллетристики.

Безусловно, уже название «воспоминаний» «Наш тигр», опубликованных в 1941 г.[2], настраивало читателя на привычную для харбинского читателя тигриную сюжетику и – на «экзотическую романтику», о которой с иронией писали западные критики. Она и составила основу повествования, но в игровом переосмыслении. Образ тигра будет реализован автором в самых разных воплощениях: как реальный экспонат в музее, руководимом В.К. Арсеньевым, с которым Несмелов познакомился во Владивостоке; как герой вставной новеллы – рассказа самого Арсеньева из его «тигриниады»; как мотив, движущий и героев, и сам сюжет; как метафора опасности, подстерегающей в тайге и при переходе границы; и – как

[1] Литературный Однодневник харбинской группы писателей – динамических реалистов. Харбин, Маньчжоу-Го. 1941. 21 июля. С. 3–5.

[2] Несмелов А. Наш тигр // Луч Азии. 1941. № 2–6.

фигура фикции, туго закручивающая пружину фабулы.



А. Ачаир, А. Несмелов и писатели русского Харбина

Несмелов в этом «тигрином повествовании» примеряет на себя роль автора, *остранённого* и от сформированного корпуса дальневосточной этнографии, и от своих собратьев по эмиграции в целом. Уже первый взгляд рассказчика на приморскую природу, в окружение которой попадают русские приятели в начале своих испытаний, на народы, эти края населяющих, и его первые «послепоходные» прогнозы пронизаны иронией:

«И вижу я – приятель опустил руку за борт, погрузил палец в воду и – в рот.

Я, удивлённо:

– Зачем ты это делаешь?

Он смущённо:

– Видишь ли, я ведь первый раз на море. Так вот, хочу испытать, правда ли, что вода в море солёная.

Я с хохотом:

– Ну, что же, дубина стоеросовая, удостоверился?

Он, выплёвывая слюну:

– Действительно, чёрт знает, что! Вот нехристи!

– *Кто нехристи-то, ирод?*

– *Вообще*. Какие-то горы, вода горькая и… Смотри, смотри, – вдруг, побледнев, завопил он. – Это ещё что такое?

Я глянул в ту сторону, куда показывал его палец, и тоже обмер. Шагах в тридцати-сорока от нас из воды бесшумно выныривали огромные лоснящиеся спины и так же бесшумно вновь исчезали в воде, чтобы через минуту появиться вновь в другом месте, иной раз ещё ближе к лодке. Акулы, киты? А чёрт его знает! Несомненно, одно: вот-вот одно из эти чудовищ всплывет под самой лодкой и опрокинет её. Опрокинет лодку и сожрёт, вывернутых, нас. И это после доблестно законченного Ледяного похода, – разве не досадно?».

Лодочник-китаец – проводник в «на тот свет» в несмеловской картине мира – поясняет, что это – «игоян рыба, его капитан моря есть, игоян бога.

Его люди кушай нету, его шибко смирный. Фангули пуе!»[1]. И автор резюмирует: «Таково было наше – *европейцев, великороссов* – первое знакомство с Дальним Востоком, с морем, с его удивительными обитателями – кашалотами» (курсив мой. – *А.З.*).

Так, описывая свои новые ощущения от встречи с незнакомым краем и его обитателями – животными и людьми, – несмотря на иронический посыл, писатель с первых же строк включается в контекст художественной этнографии Дальнего Востока: «Удивительный край! Всё кругом совсем иное, чем у нас. Растёт какое-то чертово дерево, тайга под боком, и вся она, говорят, переплетена, как в тропиках, лианами…

– И в ней тигры, – вставил я.

– Может, врут, – не поверил мой приятель, пробовавший на вкус морскую воду, вятский парень <…>

– А ты сходи, проверь!

– И схожу!».

Однако, вопреки авантюрному посылу экспозиции, внимание автора будет сфокусировано не на тигре и не на тайге, а на исследователе природы Дальнего Востока – Владимире Клавдиевиче Арсеньеве. Знакомство с этим человеком, как видно, произвело огромное впечатление на Несмелова:

«В день нашего первого знакомства я лишь слушал Арсеньева и рассматривал его, думая о том, что вот такие именно глаза, как у него, быстрые, зоркие, как бы мгновенно фотографирующие всё, на что они направляли свой взгляд, были и у тех охотников, портреты которых оставил нам Купер, Майн Рид, Джек Лондон».

В 1926 г. Несмелов посвятит Арсеньеву замечательный рассказ «Игра на мясо»[2]. В этой новелле рассказывается о приключении двух красных партизан – Симаковского и Бочкарёва, после разгрома отряда попавших в стан уссурийских хунхузов. Очевидно, что если бы Несмелов захотел стать исключительно автором художественной этнографии – от его зоркого глаза не ускользнули бы мельчайшие подробности быта и нравов описываемых народов: «Вся тайга в тропах, но это была тропа не звериная, а людская. Следы топора, затесы и то скрученные, то надломленные ветки – язык тайги, её иероглифы – говорили, что тут путь к жилью.

Было уже за полдень, когда оказались у первых фанз посёлка. Первым, что увидели, была обращенная к югу ляо-е-мяо – маленькая кумирня. В её крошечном окне стояли деревянные чашечки, грубые и чёрные, с золой и огарками свечей. Тут же, около вареного риса, лежали и позолоченные палочки: для еды богу.

Снаружи мотались по ветерку красные тряпки, и на них тушью были на-

---

[1] Пидж.: «Он как рыба, хозяин моря, как бог моря. Он не ест людей, очень спокойный. Не надо бояться!».

[2] Советская Сибирь. 1926. № 117 (23 мая). С. 4.

черчены обращения к духам тайги, рек и умерших», – такова экспозиция, погружающая нас в жизнь уссурийских манз и хунхузов. Следом мы знакомимся с предводителем этой группировки: «Залаяли собаки. На лай вышел манза[1].

Он был в наколенниках из грубой синей дабы[2] и в синей же куртке. В зубах трубка. Лицо цвета тёмной меди.

– Лайла! – крикнули партизаны приветствие.

– Гуй-ля-ла! – ответил китаец. Так отвечают только возвратившимся из отлучки друзьям: партизаны поняли, что их встретили хорошо, а могло быть всяко.

Чувствуя, что наконец-то нервное напряжение упало, партизаны сели на край колоды-кормушки.

Вышло ещё несколько китайцев. Гортанно галдя между собой, они подошли к гостям:

– Ваша какие люди есть?

Бочкарёв показал на красную звезду на фуражке.

– Пауртизаны?

– Партизаны, красные солдаты, – по-китайски пояснил Симаковский. – Мы идём через горы. Проживём у вас сутки и за всё заплатим.

Нет большего удовольствия для китайцев, как слышать родной язык из уст иностранца: они задвигались и засмеялись, дружелюбно похлапывая гостя по плечу.

– Твоя шибко хорошо говори! – сказал один.

Он был получше и поподтянутее прочих одет, а русский военный подсумок на поясе и патронташ через плечо – досказал остальное: хунхуз[3].

Да хунхуз и не скрывал этого. Похлопав по подсумку ладонью, китаец сказал:

– Моя твоя товарищ есть. Весте японцев и офицерей бей есть. Ходи в фанзу.

Он оттолкнул руку Бочкарёва, протягивавшего деньги.

– Это не надо. Моя шибко богатый, моя угощай товарища.

И они вошли в фанзу».

А затем писатель захватывает внимание читателя рассказом о том, какие азартные игроки китайцы, и чем может обернуться такая игра – рабством проигравшего или игрой на кусок живого мяса (вспомним «Хунхузов» и «Игроков»

---

[1] *Манзы* – китайское население Уссурийского края, в первую очередь, осёдлое.

[2] *Даба* – китайская хлопчатобумажная ткань.

[3] *Хунхузы* – банды пришлых китайских налётчиков на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии, которые занимались грабежом, захватом в рабство и таким образом терроризировали местное население. Состояли в основном из беглых китайских солдат, крестьян, деклассированных и ссыльных. Действовали с XIX в. до победы народной революции в Китае. Название происходит от китайского «honghuzi» – «краснобородый». Любимым прибежищем хунхузов были непроходимые леса, где они жили в землянках, шалашах из ветвей, одиноких фанзах и т.п.

П.В. Шкуркина, в своё время подарившего и Арсеньеву материал по азартным играм у китайцев). Хунхузский атаман, проиграв, либо должен стать рабом – либо играть на мясо: «Молодой выскочил из-за стола, стоя стаскивает с себя рубашку.

– На мясо! – услышал Симаковский крик китайцев. Игра на мясо!

Молодой хунхуз выпячивает вперёд жёлтый вздрагивающий живот и вдруг, согнув спину дугой, захватив в кулак порядочный кусок кожи на животе, ударом ножа обрезает её и бросает на стол, заливая его кровью, которая хлещет из раны.

Мясо шмякнулось и перевернулось кровавой стороной…

Гигант побледнел. По законам тайги он должен был сделать то же самое, иначе ему грозила смерть, так мстил обычай за удачу в игре. Теперь, если игрок откажется от ставки, только что выигранный им раб имел право отрезать от его живота столько мяса, сколько сможет захватить рукой». Испугавшегося и презревшего Закон тайги гиганта манзы безжалостно зарезали. А русские партизаны благополучно отправились восвояси: «Утром, когда партизаны собирались покинуть фанзу и увязывали в мешок купленные на дорогу чумизовые лепёшки, манза-повар сказал:

– Наша капитана зови ваша… Туда ходи! – мотнул он головой на хозяйскую половину. Партизаны вошли.

Молодой хунхуз, бледный, но весёлый, лежал на кане. От живота его, покрытого тряпьём, шёл пар и пахло кислым: лежала горячая припарка из теста.

Он приветливо закивал головой.

– Ваша плати не надо! Совсем не надо! – говорил он слабым, но радостным голосом. – Моя опять богатый есть и ваша любит. Моя к вам в гости ходи.

Другой китаец, улыбаясь, подал ему плоскую маленькую чашечку с чёрным напитком: лекарство, настой чудодейственного женьшеня. Он выпил и опустился с локтя навзничь – больно было.

– Моя японцев шибко не любит! – шёпотом, гортанно, продолжал хунхуз. – Моя вместе с вами бить их будет.

И он протянул руку, прощаясь.

Когда партизаны снова шли тайгой, давно уже миновав посёлок, Бочкарёв сплюнул, искоса весело посмотрел на товарища и сказал:

– Ну и люди! А в общем ничего… Только дикари очень… На мясо играть!

– Так ведь иначе хунхуз бы рабом стал, – ответил Симаковский.

– Положим, – согласился Бочкарев. – Выхода ему иного не было.

И оба стали думать о том, как, блуждая по тайге, иногда они падали духом. Приползала изредка и мыслишка о сдаче… Но теперь этого не было, и, хотя впереди лежала пустынная тайга и неизвестность, шли они спокойно и весело и были уверены, что и свою "ставку на мясо" они сделают не робея.

И счастье им сопутствовало».

Так знакомство с В.К. Арсеньевым и, по всей видимости, его книгой «Китайцы в Уссурийском крае» подарило прекрасный новеллистический сюжет уже харбинскому писателю Несмелову.

Вернёмся к «Нашему тигру». В начале историю про тигра и своего бывшего солдата поведает рассказчику сам Арсеньев. Новелла о том, как терроризировавшего семью тигра убили «тремя паршивыми гайками», сопровождается жуткими подробностями о реакциях на тигра животных и людей: «Боже ты мой: в десяти шагах от меня из кустов что бочка – голова тигра! Вот верите ли, ваше высокоблагородие, глазами друг на друга мы так и уставились! А глаза-то у него зелёные да с золотом, это я отчётливо запомнил, и пасть не наглухо закрыта – белые клычищи видать. Что внутри меня в это мгновение сделалось, с этим я сейчас доложиться никак не могу. Забыл. А главное, забыл я, как надо из ружья стрелять».

«Тигриный мотив» при этом будет сопровождать все эпизоды повествования. В музее, ведомый Арсеньевым, рассказчик видит чучело тигра, и даже в таком виде образ животного наводит на него ужас: «Тигр скалил свою страшную пасть и смотрел на меня зелёными стеклянными глазами. О возможности встречи с этим кровожадным хищником в тех глухих, таёжных местах, по которым мне с приятелями придётся проходить, я в этот миг, конечно, не думал».

Итак, четыре приятеля, отправляющиеся таёжными тропами через границу в Китай, уже знакомы с тигром заочно и каждую минуту ожидают встречи с кровожадным хищником. По дороге беглецы постоянно будут ощущать следы близкого присутствия тигра, узнавать о его новых жертвах. Для начала герои столкнутся с «тигром человеческого рода», – с девушкой, которая чуть не разрушит планы беглецов (любопытно наблюдать в этом мужском «тигрином» тексте иронию Несмелова, не преминувшего выразить своё отношение к женщине вообще). Эта драматическая подробность, к счастью для всех, не обернется трагедией. Судьба будет посылать им испытание за испытанием, когда они будут на волосок от гибели.

В конце путешествия – снова тигр: переходя границу, герои узнают о том, что в лесу бродит тигр-людоед, который напал на лесорубов. Напал он именно в том месте, куда направлялись беглецы и где впоследствии им приходится заночевать. На следующий день рассказчик и его друзья встречают на своём пути ловушку для хищника – значит, тигр бродит где-то поблизости, и, кажется, встречи не миновать. Но, помимо реального тигра, их пугает большая опасность – советские пограничники. Беглецы находятся в постоянном страхе, что их поймают.

На счастье, как ни пугал рассказчик, «нашего тигра» в итоге – не оказалось. Беглецы его так и не встретили – «но повстречай мы его и, быть может, мне бы не пришлось бы написать этих строк», резюмирует автор, то есть «был

бы тигр» – не было бы воспоминаний. Тигр оказывается игровым перифразом сугубо авантюрной истории рассказчика, в которой и без тигра опасности будут на каждом шагу, а русскому человеку придется проявить всё, на что он способен.

Страшнее всех мыслимых и немыслимых опасностей для русских беженцев станет переход границы и потеря родины: «Мы покидали свою страну и покидали её, возможно, навсегда. Что нас ждёт за этим столбом, перешагнув за мету которого, мы, за метой этой, становимся чужестранцами, пилигримами, всецело отдавшими себя на милость чужого нам народа. Что ждёт нас там? <…>

Ответ мог быть только один:

– Всё возможно. И, если мы решимся на этот последний шаг, всё дальнейшее будет уже зависеть от случайности, от нашего счастья, от "везения" или "невезения"».

К началу 40-х гг. Несмелов испытал себя в разных формах писательского ремесла и в разных жанрах. Харбинский сочинитель очень хотел, чтобы его заметили на Западе, чтобы его таёжный и тигриный сюжет удивил бы парижских зоилов, скептически оценивающих всю дальневосточную «продукцию». Поэтому в финале истории он напишет: «Так что я не горюю о том, что мы не повстречались с тигром, а лишь шли по его следам. Не посетуй и ты за это, читатель! Обманывать тебя я тоже не хотел, ибо, если бы я уж так пожелал оправдать название моих воспоминаний, я легко бы мог выдумать и неплохо написать о нашей встрече с тигром.

Но пусть *врут другие*. Мне не хочется» (курсив мой. – *А.З.*).

Кто эти «другие», с которыми полемизировал Несмелов, текст «Нашего тигра» не проясняет. Но определённо и однозначно он выскажется в адрес одного из зачинателей литературы дальневосточной этнографии – Владимира Клавдиевича Арсеньева:

«"Дерсу Узала" В.К. Арсеньева – не "охотничья литература", не отрыжка повестей Майн Рида и даже не "лондоновщина". Приключенческо-охотничий элемент в ней не первостепенен; он лишь фон для большого художественного задания – для проникновения в душу почти первобытной природы Уссурийского края с её тайгой, ещё девственной, по многим местам которой в наши дни ещё никогда не ступала нога европейца.

Богатейший материал оказался перед В.К. Арсеньевым, исследователем и художником. А он был именно ими обоими, а не ограниченным охотником, вооружённым скорострельной винтовкой, несущей смерть четвероногим обитателям леса <…> И всё, что написал В.К. Арсеньев, – это поэма, посвящённая этим сердцам, поэма, полная музыкальных шорохов тайги».

Тут же Несмелов выразит намек о «целом хвосте подражателей, желающих

пожать те лавры, которые выпали бы на долю Владимира Клавдиевича, если бы обстоятельства не заставили его остаться в СССР, где он безвременно и почил». В чей огород был этот камень, неизвестно. К тому времени дальневосточная эмигрантская литература украсилась и «Великим Ваном» Н. Байкова, и прозой М. Щербакова («Корень жизни»), и рассказами Б. Юльского (цикл «Зелёный легион»). И ни одного из авторов мы не назовём эпигонами Арсеньева. В творчестве Щербакова и Юльского можно обнаружить влияние и Арсеньева, и Байкова, и Шкуркина, но каждый прокладывал дорогу к художественной этнографии своими тропами. Зато сам Несмелов не единожды публиковался под псевдонимом Арсеньев.

В несмеловском повествовании миф о тигре вкраплён в раму приключенческого сюжета и оборачивается «минус-приёмом». «Фронтирная мифология», при всём демонстративном желании автора от неё отказаться, становится его «козырной картой» как беллетриста. «Наш тигр» Арсения Несмелова замкнул своеобразную «тигриниаду» русского Харбина, продемонстрировал те художественные потенции, что накопила дальневосточная литература благодаря своему «месторазвитию» (А. Бем), фронтирным образам и этнографической установке.

4. Фронтирная идентичность от Вампу до Сунгари: М. Щербаков, Н. Резникова, А. Несмелов

В отличие от интернационалистических устремлений советского сознания 20-40-х гг. XX столетия, стирающих все этнические различия, вытравляющих этнорелигиозные традиции, на которых тысячелетиями складывалась русская культура и культуры населяющих Российскую империю народов, русские эмигранты остро осознавали потребность сохранить в себе свою русскость. Или, по крайней мере, пытались понять, что происходит с их этническим самостоянием в разных инокультурных средах.

Проблемы этничности, или этнокультурной идентичности, стали объектом широкого научного осмысления сравнительно недавно. Интерес к спектру этих сложнейших социокультурных, психоментальных, этнорелигиозных вопросов особенно возрос после Второй мировой войны, когда на смену расовой теории должна была прийти новая научно-идейная парадигма[1]. Но мало кому известно, что задолго до этого русский исследователь С.М. Широкогоров обратился в своих работах к вопросам взаимодействия этносов и этничности, разработав основной понятийный аппарат и задав определённую парадигму этой проблематике[2]. В 1921–1922 гг. в курсе лекций, прочитанных им в Дальневосточном университете, Широкогоров обозначит многие положения изданной годом спустя в Шанхае монографии. Случайным ли совпадением явилось то, что в эти годы во Владивостоке обретались и Арсений Несмелов, и Михаил Щербаков…

Широкогоров Сергей Михайлович

Конечно, ни категориальный аппарат, ни сложнейшая этнопсихологическая и этносоциологическая проблематика не были освоены будущими харбинцем и шанхайцем. Однако оба они в скором времени оказались в поликультурных и полиэтнических

[1] Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999; Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

[2] Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / В 2-х кн. Книга 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002.

средах Харбина и Шанхая – городах столь же похожих, сколь и различных в силу своей политической и этносоциальной специфики.

Именно в 1923 г. М. Щербаков напишет, а чуть позднее опубликует часть своих «шанхайских набросков», где предастся размышлениям об этническом характере китайцев[1] – об этом мы писали выше. Но одно дело – весь этнос в комплексе его духовно-религиозных и психологических комплексов. Другое дело – этнические маргиналы. В очерке «Хав-Касты» Щербаков обратится к проблеме метисизации китайцев с европейцами: «Полукровки. Помесь европейцев и китайцев. Сами они себя зовут "португальцами", а европейцы, презрительно – "хав-хав", "середка на половинку".

Их сразу отличишь по чуть резче очерченным скулам, по исключительному блеску тепло-карих глаз и чисто по-китайски изящным рукам. Восточная кровь упряма – она отпечатывается в нескольких поколениях». Даже в этом «наброске» или «миниатюре», как позднее автор сам определит свой жанр, весьма остро поставлена проблема взаимоотношений этносов, считающих себя «сильнейшими» (в терминологии Широкогорова) по отношению к «слабейшим», в данном случае – британцев и китайцев, и детей, рожденных в таких неравных браках. «Можно обворовывать китайцев, можно открыто содержать китайскую певицу, но не жениться», – здесь этнического «изменника» не спасут ни военная слава, ни миллионы. Психоментальный облик «хав-кастов» не привлекателен и с точки зрения европейца, и с точки зрения китайца: «говорят, они редко бывают честны, неискренни, нахальны, сплетники», потому – «европеец их презирает, китаец ненавидит».

Оригинальная стихопрозаическая форма очерков Щербакова придаёт его раздумьям лиризованный характер, а описание «хав-каста», как может убедиться читатель, проникнуто любованием представителями этой маргинальной этнической группы и сочувствием к ним. Щербаков выражает точку зрения русского человека, гордящегося своим этносом и не испытывающего этнических комплексов – это весьма своеобразная точка зрения, определяемая и временными, и географическими факторами. Русский в Шанхае – этом азиатском Вавилоне начала 20-х гг. – может позволить себе размышлять над тем, почему так сложился психологический облик метисов-«хав-кастов»: «Мне кажется, это от озлобленности. С детства они привыкли видеть ненависть и презрение». Кроме всего прочего, мы помним, что Щербаков долгое время прожил во Владивостоке, пропутешествовал по странам Азиатско-тихоокеанского региона, много поездил по Китаю. Его взгляд был открыт китайскому миру, а в Шанхае он не чувствовал себя ущемлённым изгоем.

Позднее, уже в 40-х гг., эту тему в беллетристической форме разовьёт Наталья Резникова. Так же, с точки зрения русской, имеющей право на нейтраль-

[1] Щербаков М. Шанхайские миниатюры // Балтийский альманах. 1924. № 2. С. 48–49.

ную точку зрения в вопросе взаимоотношения далеких друг от друга этносов (с большой симпатией по отношению к китайцам), она опишет историю девятилетнего мальчика Жанно, рождённого в семье француженки и китайца, фабриканта Чжан-фу («Полукровка»)[1]. При неизвестных обстоятельствах китаянка-ама обварила мальчика кипятком, и русскую сестру милосердия попросили помочь в уходе за ним: «Я безмолвно опустилась на стул, стоявший рядом с его постелью, и стала тихонько поглаживать *его жесткие, как конский хвост, прямые волосы и горячую нежную щечку*. В его правильном, еще детски округлом личике не было ничего типично китайского, разве что *иссиня черные, смело раскинутые брови и кожа той идеальной глянцевитой гладкости и янтарной чистоты, что свойственна лишь китайцам*.

– Маман… – прошептал он, словно во сне. – Вы – как маман…» (курсив мой. – *А.З.*).

Как видно, «маму» он зовет по-французски, и в русской сиделке видит черты милого ему европейского типа. Жанно не желает признавать себя китайцем: «Когда я вырасту, – добавил он задумчиво, – я возьму маму и увезу ее во Францию.

– А папа?

– Он останется в Китае, – ответил мальчик и смолк.

Он явно избегал говорить об отце, он не хотел признавать себя китайцем» (курсив мой. – *А.З.*).

Говоря на французском «как истинный француз», Жанно отказывается говорить на родном языке отца. Причисляя себя к французам, мальчик – этнокультурный маргинал – демонстрирует презрение к чистокровным соплеменникам по китайской линии:

«В эту минуту в комнату с подносом в руках вошла Денис. Сухонькая, скуластая *китаянка с точно такими же, как у Жанно, жесткими прямыми, коротко подстриженными волосами*. Она выглядела необычайно угрюмой.

– Вот видишь! А ты говорил, что о тебе забыли, – упрекнула я и тут же заметила, как изменилось выражение *лица Жанно: оно стало надменным и злым*.

Денис поставила поднос с завтраком на столик и подошла к мальчику с чашкой бульона.

– Я не хочу, чтобы ты меня кормила, – сказал аме Жанно на своем *безукоризненном французском*.

Она быстро и сердито ответила ему что-то по-китайски и поднесла ложку с бульоном к сжатым губам ребенка. Он отвернул голову, и бульон пролился на бинты.

Денис, окончательно выйдя из себя, что-то крикнула ему еще, но Жанно словно не понимал, что ему говорят.

---

[1] Резникова Н. Полукровка // Рубеж. 1941. № 13.

Я решила вмешаться.

– Я покормлю его сама.

– Очень плохой мальчик! – сказала мне Денис на своем ломанном французском и вышла. Мы остались одни.

– *Грязная китаянка!* – проворчал Жанно и стал жадно есть. Я молча кормила его, но он, видимо, игнорировал мое недоумение» (курсив мой. – *А.З.*).

Этничность русской сиделки при этом Жанно принимает нейтрально – как европейскую, а значит, свою. С одной стороны, рассказчица – носитель европейской культурной традиции, может понять причины выбора мальчиком-полукровкой французской идентичности. Китайская культура, несмотря на всю её декоративную изобретательность, в её изображении предстает как культура устаревшая, застывшая во многих формах, не поддающаяся прогрессу: «я вдруг ясно представила себе большой, китайского стиля, дом за высокой оградой, окруженный садом, где задумчиво зеленеют пихты, бьют в камнях искусственные ключи, где разбиты красные беседки, напоминающие причудливостью своих крыш знаменитые пекинские храмы, которые мы все видели на картинах. Перед моими глазами встал угрюмый дом с темными длинными коридорами, внутренними лестницами, парадными комнатами, обставленными черной резной мебелью, где на стенах висят красные атласные плакаты с иероглифами, шелковые панно, по которым тушью ажурно и тонко вырисованы озера, пагоды, лотосы… Курительные приборы из нефрита и тяжелые вазы ручной работы не делают уютнее этих комнат, где паутина не снята ленивой прислугой, где сладковато и душно пахнет опиумом, пробивающимся из щелей нижних комнат, в которых живут старики, где бесцельно и устало бродит хрупкая светловолосая француженка, отяжелевшая от беременности с беспомощно опущенными нежными руками. Я ясно увидела, как неповоротливая ама на маленьких забинтованных ножках в ватных штанах и атласной курме несла особо приготовленный на пáру золотистый куриный бульон, от которого шел пар, потому что в доме было холодно, и бульон только что кипел. Мне казалось, я слышу ее возглас в ту минуту, когда маленький чертенок попал ей под ноги, и из рук ее вылетела и разбилась миска. Я слышала даже, как всплеснула руками женщина с большим животом и упала в обморок вместо того, чтобы оказать сыну нужную помощь. Вероятно, ей было очень тяжело отпускать сына одного в госпиталь…».

Судя по этим проекциям, нельзя сказать, что самой рассказчице хоть сколько-нибудь импонирует китайская культура в ее бытовом проявлении: «Мы прошли мимо них, мимо фанз и плетней, на которых сушилось белье и рваная одежда. Мы шли молча к единственной лавке, имевшейся в этих краях. Продавец в засаленном халате стоял, спрятав руки в рукава своей одежды, и с восточным безразличием слушал мои объяснения, даже не стараясь их понять.

Только тогда, когда я вытащила письмо и показала пальцами, сколько марок и какой стоимости мне нужно, – он кивнул и неторопливо стал доставать просимое». Но в это же время она принимает китайскую культуру, как вынужден принимать любой иностранец, не владеющий языком, но обязанный применяться к инокультурной среде, те или иные издержки межкультурного общения, даже – проявление национального снобизма.

Другое дело – мальчик-полукровка. Жанно трудно дистанцироваться от той части культуры, к которой он принадлежит наполовину, даже если он и не думает помогать в трудной ситуации «своим китайским языком» русской спутнице. Рассказчица фиксирует те опасные тенденции, которые таит в себе маргинализация этнического сознания, явленная в облике Жанно (очевидно, Вана по-китайски): она видит, что тот, несмотря на всю его внешнюю привлекательность, «несколько дикий: дикость чувствовалась во взгляде чуть исподлобья, в злом отблеске белоснежных, острых зубов, в горячем румянце, вдруг вспыхивающем на смуглых щеках».

Поневоле и рассказчица попадает в эту среду маргиналов, когда мальчик демонстративно называет перед китайцами ее своей матерью: «пока я наклеивала на конверты марки, вокруг нас образовалась целая толпа, состоявшая из китаянок и детей. Они рассматривали меня и Жанно, перебрасывались между собой замечаниями, видимо, на наш счет и даже пересмеивались. Мы бросили письма в стоявшую поблизости почтовую тумбу и неторопливо пошли назад к госпиталю. Толпа поселянок последовали за нами.

– Чего они хотят от нас – ты не знаешь? – спросила я Жанно по-французски.

– Это всегда так, – ответил он загадочно.

– Что вам надо? – спросила я по-английски и остановилась.

Они тоже все остановились, но ничего не ответили. Я повторила вопрос на французском. Раздался смех. Я нахмурилась. Тогда одна из китаянок, молодая и, видимо, самая бойкая, спросила меня на ломаном французском:

– Мадам, сынка?..

Я не успела ответить, как услыхала ответ Жанно:

– Да.

Новый взрыв хохота женщин и детей заставил меня вздрогнуть. Я увидела, как одна из китаянок, в рваной кофте, из которой вылезали клочья ваты, протянула руку и коснулась темными, скрюченными от работы пальцами волос мальчика.

– Китаец, – сказала она по-китайски тоном эксперта.

– Китаец! – повторил десяток голосов, и опять раздался взрыв смеха.

Я не успела осознать случившегося, как Жанно выпустил мою руку и бегом побежал к видневшимся вдали воротам госпиталя. Я побежала за ним. Эта дико гоготавшая над нами обоими толпа вселяла и в меня животный ужас».

Родные братья по отцу, рожденные от брака с китаянкой, также не принимают Жанно, смеются над ним. Сестры-монашенки не любят мальчика, обрезая ему, беспомощному и голодному, звонок в отместку за его строптивый нрав.

Но мальчик не сможет стать и настоящим французом, как при всем желании он мог бы стать и китайцем. «Кто мог помочь его горю?.. Вылечить можно тело, но как вылечить душу?»

Ни религиозная, ни языковая идентичность, судя по наблюдениям Резниковой, не становятся маркерами этничности. Так, китаянка сестра Клементина, говорящая на прекрасном французском, истовая католичка, всю жизнь прожившая в монастыре, «сохранила в себе что-то неподдающееся учету, таинственное и глубоко чуждое европейскому мироощущению, что свойственно только Китаю».

Выбор идентичности этнокультурным маргиналом, очевидно, определяется тем, какую культуру он считает «выше» (в терминологии С.М. Широкогорова). В многонациональном Шанхае одним из таких типов культур становится культура колонизаторов – французов.

Из текстов М. Щербакова и Н. Резниковой мы можем почерпнуть информацию о том, как складывались представления о культурной идентичности в Шанхае – одном из центров беженской культуры. Случайно или нет, но русский человек в этих произведениях выступает в качестве наблюдателя – небезучастного, но по мере сил объективного.

Совсем в иной среде формировались представления об этничности у Арсения Несмелова. Харбин, где он прожил свою «четверть века беженской судьбы», был тем городом, где история словно осуществляла некий эксперимент с русским человеком и его способностью сохранения себя как этноса, а русских людей – как нации. В 20-е гг. XX в. в Северной Маньчжурии русские оказались далеко не в той роли колонизаторов, которую они примеряли на себя в конце XIX столетия, начиная строительство КВЖД. После революции в России и исхода русских «они потрясли весь Китай. Впервые до сознания китайского народа дошло, что "белые люди", которых он до этого знал как могущественных, утопавших в роскоши и неге в полудворцах и виллах Шанхая, Тяньцзиня, Циндао, могу оказаться такими, как и русские беженцы.

Это сознание оставило на китайском народе неизгладимый след. Появление в Китае обездоленных русских эмигрантов раз и навсегда покончило с мифом о могуществе и избранности белокожих людей»[1].

Напротив, многие бывшие граждане Российской империи, пережив Ледяной поход, ужас и позор безденежья, нищеты, братоубийства, смогли открыть для себя преимущества китайской традиции и китайской жизни. В этом смыс-

[1] Балакшин П. Финал в Китае. Главы из книги // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 2009. № 9 (871). С. 369.

ле Арсений Несмелов – как московский великоросс, рассуждавший в Первую мировую о богоносности русского народа, а затем прошедший фронты Гражданской войны, попавший во Владивосток, а затем в Харбин – представляет интересный объект для этнокультурного исследования. И он оставил нам прекрасный материал – свои художественные тексты и политические памфлеты.

Современная гуманитарная наука рассматривает процесс этнического взаимодействия как один из стимулов усиления этнического самосознания. Попав в Китай и оказавшись на rendez-vous с инокультурным пространством, Несмелов, на первый взгляд, являл образец харбинского изоляционизма. Китайского языка он не знал, учить не пытался. Евразийских взглядов не разделял. Проблем со своей русскостью, в отличие от Л. Хаиндровой, Л. Ещина, Н. Крук и др., очевидно, не испытывал. Историософских прогнозов, связанных с Китаем и его ролью в мире, Несмелов не делал. Не издавал стилизованных сборников, как например, тот же А. Ачаир, не говоря уже о В. Перелешине или Н. Светлове. В общем, Китай у Несмелова представляется темой, достаточно прозрачной и наименее интересной. Кажется, и в лирике, и в эпике Несмелову не столько важно связать толкование судьбы и истории с определенным этносом, сколько выразить своё отношение к русскости и потере родины:

Руку мне простреленную ломит,
Сердце болью медленной болит.
«Оттого, что падает барометр», -
С весел мне приятель говорит.

Может быть. Вода синеет хмуро,
Неприятной сделалась она.
Как высоко лодочку маньчжура
Поднимает встречная волна.

Он поет. «К дождю поют китайцы», -
Говоришь ты: есть на все ответ.
Гаснет запад, точно злые пальцы
Красной лампы убавляют свет

(«В лодке»)[1].

Тем не менее, весь предшествующий жизненный опыт поэта и писателя так или иначе стимулировал его интерес к познанию другого в этнопсихологической и этносоциологической трактовке этой категории. В кадетском корпусе Арсений Митропольский бок о бок жил с немецкими мальчиками, имел воспитателей-немцев и французов (рассказы «Первый Московский», «Герр Тицнер» и др.). В Первую мировую новоявленный поручик воевал на территории

[1] Несмелов А.И. Собрание соч. Указ. изд. Т. 1. С. 176.

Польши и Австрии (рассказы «Короткий удар», «Контрразведчик», «Золотой Зуб», «Встреча на мосту» и др.). В гражданскую будущий писатель имел опыт общения с японцами, прошел по всей многонациональной территории Дальнего Востока, активно сотрудничал в японской газете «Владиво-Ниппо» в период своего пребывания во Владивостоке.

Русские переселенцы с семьями

Несмелов не был ни великосветским снобом, ни синофобом, ни религиозным фанатиком. Очевидно, что чуткий, наблюдательный поэт, живя в самом центре Маньчжурии, не мог не замечать новую реальность, в которой оказались русские, не мог остаться безучастным к реалиям фронтирной жизни разных этносов в условиях Харбина. Процессы этнокультурной ассимиляции русских в Северной Маньчжурии, окитаивания писатель мог наблюдать в течение 20-ти с лишним лет, и его тексты отражают эти этапы – от создания Харбина до самого конца пребывания в нем писателя Несмелова.

Задолго до понимания учеными необходимости комплексного подхода к данной проблематике Несмелов обратился к системному освоению вопросов этничности – разумеется, в художественной форме. Этнос и язык, этнос и религиозность, этнос и классовость, сознательное и бессознательное в процессе этнокультурной идентификации – вот те аспекты, которые уже в 40-е гг. прошлого столетия так или иначе были затронуты русским писателем. Постепенно в художественной рефлексии Арсения Несмелова эти раздумья приобретут аналитический характер.

Напомним: Несмелов однозначно связывал историю Харбина и шире – развития Северной Маньчжурии с российской миссией в этом регионе, нравится это или нет сегодняшним читателям. И если в его лирике отражены хроногические этапы формирования несмеловского интереса к образу Китая (об этом выше), то в эпике он запечатлел общехарбинский процесс развития этнокультурного сознания великороссов – строителей КВЖД, затем – адаптирующихся в Маньчжурии русских беженцев, и, наконец, русских изгнанников, испивающих до дна свою горькую чашу изгнания.

В 1944 году Несмелов начнет публиковать поэму «Нина Гранина»[1] с под-

---

[1] К сожалению, произведение осталось незаконченным.

заголовком: «повесть о старом Харбине». В ней в пушкинских ритмах (правда, вольным перифразом онегинской строфы) он обратится к «харбинскому эпосу» – истории образования Харбина и формирования харбинской ментальности (фронтирной ментальности):

Кружка на карте удостоен
Совсем еще в недавний срок,
Рукою русской был построен
Наш любопытный городок;
Теперь он город, он огромен,
Многоэтажно-многодомен,
Он изменил начальный вид;
В нем не найти былого знаков
О дне, который говорит
Об изыскательских бараках,
Где первый Морзе застучал,
Где поселились инженеры,
Чертежники и офицеры,
И где казачий взвод стоял[1].

В этом «реалистическом романе» в стихах, как истинный житель *русского города* в Китае, Несмелов декларативно объявит о своей этнической толерантности – имеющей, правда, социокультурные пределы, определяемые имперским мышлением поэта-великоросса:

Английский boy и русский бойка –
Совсем не то, уверю вас,
У нас совсем, совсем не стойка
Надменность в отношеньи рас;
Нам все равно, каков ты кожей,
Какие признаки на роже,
Коль ты попал под сень крыла
Самодержавного орла;
Мы говорим: не супостатом
Отныне будешь ты, а братом.
Для нас уже различья нет,
Татарин родом ты иль швед…

В словах Несмелова, как бы грубовато не звучали высказывания о «признаках на роже», выражена глубинная этнокультурная установка жителей Российской империи на своё многонациональное единство – нацию как семью; установка, сформированная веками.

В первую очередь, русско-китайское бытие в Харбине фиксируется Несмеловым на уровне бытовых отношений. Он считает необходимым подчер-

[1] Несмелов А. Нина Гранина // Рубеж. 1944. №№ 12–13. Цит. По: Несмелов А. Собр. соч. в 2-х т. Том 1. Указ. изд. С. 448.

кнуть тот факт, что большинство прислуги в Харбине изначально состояло из китайцев, именуемых на «английский» манер «бойками»:

Ни Даш, ни Маш, ни Сиклитиний
В харбинской не найти пустыне,
А без прислуги, как не рвись,
Их барыням не обойтись;
И дамы нанимают боек;
И вот еще в пыли построек
Рождается под гам и стук
Маньчжуро-русский воляпюк.

(Китайские «бойки»)

Несмотря на известное суждение о том, что материальная и духовная культуры значительно дистанцированы, всё же задержимся именно на этом «материальном» посыле харбинского поэта. Вписывая свою «Нину Гранину» в многотомный контекст «энциклопедии русской жизни», Несмелов фиксирует, как на языковом уровне англоманские «потуги» бывших «барынь» претерпевают трансформации и рождается новое, харбинско-пиджинизированное явление – тот язык, который поможет русским, не знающим китайский, общаться с коренным населением.

Мост через р. Сунгари. Харбин

Здесь же писатель отметит и другое явление – как, начиная с первых лет существования Харбина, благодаря русским стало расти китайское предпринимательство и благосостояние:

О сколько их, свою карьеру
(Как Нинин бой, сказать к примеру)
С ведра помойного начав,
С плиты, с котлетного угара, –
Рычаг коммерции поняв,
Сумели прибыль брать с базара,
Где покупали п утрам
Картошку, рыбу, птицу, мясо,
И вдруг, с копейкой изловчася,
Купцами тоже стали там.

Пускай хозяйки экономны,
Пусть их покупки даже скромны,
Но бой на всем имел процент;
Таков обычай дан базаром:
Чтоб поварам ходить не даром,
Им от купцов – всегда презент;
Не взятка это и не кража,
И я не в укоризну даже
Пишу о Вана, Лю и Ли
Побочном маленьком доходе:
Гроши в карманы клали ходи,
Но из грошей росли рубли.

Вопреки высказываниям некоторых ученых (Ли Мэн), харбинская реальность, социокультурные и экономические условия формирования харбинской культуры были таковы, что отношения между русскими и китайцами, маньчжурами и монголами складывались на основе не расовых предубеждений, а человеческих симпатий – тем более, если эти симпатии, как мы видим, подкреплялись материально. Благодаря именно китайскому бою Лю Нина и её возлюбленный Ваня Гранин смогли поддерживать связь в письмах.

Несмелов отмечает и то, что отношения русских и китайцев складывались в атмосфере религиозной терпимости. Так, в стихотворении «Старый знакомец»[1] бой Василий весьма расположен к «русскому богу» – хотя и относится к нему немного снисходительно:

Все оделись, стол накрыли
И к Заутрене ушли.
Остается бой (в Василья
Переделанный из Ли)
Ли Тун-чен, старик отличный
Из далекого Чифу;
Не случайно, Вася, ныне
Ты попал в мою строфу!
<…>
Все ушли. Василий тушит
Ярких лампочек огни.
Сеттер Джим, развесив уши,
Сонно следует за ним.
Все в порядке, все спокойно,
Но – борись, не засыпай!
Чу, ударил медью стройной

[1] Несмелов А. Старый знакомец (I-V) // Луч Азии. 1941. № 4.

Первый русский ламатай[1].
Вася вздрогнул, смотрит строго,
За цветы к окну полез;
Вася знает – русский бога
В эту ночь опять воскрес.

Васин бог иного сорта,
Он в лучах иных зарниц:
Вася крепко верит в черта
И в таинственность лисиц.
Но пред образом лампада –
Словно звездочка с небес;
Сердце Васи очень радо,
Если русский Бог воскрес.

В рассказе «Портрет Луки Паччиоли» никто иной, как маньчжурский бой Василий самоотверженно спасает своего доверчивого русского хозяина от русского же проходимца. Только крепкие кулаки преданного маньчжура разрешают напряженную коллизию. «БОЙ ВАСИЛИЙ (все время стоявший в открытых дверях в переднюю, бросаясь к Незнакомцу и стаскивая его с дивана). Ваша цу, ваша Йорка игоян Тезменитов.

Ваша не могу карабчи! Капитан хороший люди есть!»[2]. «Бой Василий» воплощает для Несмелова типичного члена семьи русских харбинцев:

Василий этот (сколько в Васей
Перекрестили мы маньчжур!),
Рожденный Богом в чуждой расе,
Конечно, Ван был или Чжу,
Но откликался без усилья
На Ваську он и на Василья,
Обиды в сердце не тая;
При помощи «моя-твоя»
Он объяснялся с «капитаном»
И был всегда служить готов,
С бокалами или стаканом
Являясь вмиг на первый зов.

Очевидно, что в художественной картине мира Несмелова этнонимы *маньчжур и китаец* выступают синонимами (например, всё тот же бой Василий – и маньчжур, и китаец одновременно). Как и многим харбинцам, писателю важны не этнические различия этих народов, а их общая инаковость по отно-

[1] Ламатай (букв. Храм Ламы) – так в Харбине китайцы называли Свято-Николаевский Собор.

[2] Несмелов А. Портрет Луки Паччиоли // Рубеж. 1944. № 7.

шению к русскому герою, тоскующему на чужбине.

Впрочем, подобное восприятие представителя инокультуры характеризует и самих китайцев, для которых все пришельцы из России – будь то украинцы, армяне, евреи, – невзирая на их этнические признаки, – русские, «ламозы». Странное слово «ламоза» (от кит. «лао мао цзы») – это презрительное именование китайцами «рыжих бородатых русских», «волосатиков»[1], до сих пор имеющее хождение в просторечии жителей Северо-востока Китая.

В творчестве А. Несмелова это слово становится своеобразным «интегратором» этнокультурного сообщения русских и китайцев, концептом, вмещающим одновременно и раздумья русских о русскости, и страхи китайцев, связанных с этой русскостью. И здесь автор, как тонкий исследователь, принимает то одну, то другую «этническую» точку зрения.

Как и в случае с боем Василием, в незаконченной поэме «Нина Гранина» Несмелов использует несобственно-прямую речь для передачи восприятия китайцами сути праздника, любимого ламозами и весьма выгодного для предприимчивых китайцев:

Прошло Крещенье (праздник русский
Событие для этих мест),
А на речной дороге узкой
Все ледяной сияет крест.

Толкай под резкий скрип полозьев,
Коль спросите, расскажет вам,
Что здесь купалися ламозы
Под пение их пышных лам,
Что даже девы молодые
Спускались в воды ледяные,
А после кутал в шубы их
То брат, то папа, то жених

(«Нина Гранина»)

Очевидно, судя по приведенному выше отрывку о предприимчивости китайцев, непостижимой для русских, что Несмелов вовсе не питал иллюзий на-

[1] Современные носители китайского языка утверждают, что слово «ламоза» («ламоуза», «лаомаоцзы») не содержит отрицательного значения, обозначая лишь повышенный волосяной покров, отличающий русских. Однако относительность содержания эмоционально-оценочного компонента в данном случае может быть сопоставима с аналогичными именованиями представителей Юго-восточной Азии в русском языке: «желтолицые», «желтопузые», «узкоглазые», «косоглазые» и т.д. Любопытно, что гладкая кожа как отличительное свойство жителей Юго-восточной Азии для носителей русского языка не становится доминирующим признаком при характеристике этнической принадлежности китайцев (японцев, корейцев). Налицо доминирование признака, имеющего в представлении носителя языка чужого этноса отрицательное значение.

счет природной «услужливости» китайцев или, тем паче, их покорности. Потому на одном социальном срезе «боев» Несмелов не остановился. В рассказе «Сторублевка» (с подзаголовком «давняя харбинская быль») (1945)[1] познание писателем столь загадочной для русского китайской души происходит благодаря фантастическому знакомству харбинского врача Крошкина с хунхузом Корявым – живым ужасом бандитского Харбина-папы. Житейская проблема, из-за которой чуть не погибла юная жена Корявого (абсцесс в результате банальной занозы и антисанитарных условий быта), дает возможность врачу не только познакомиться с бытом харбинских разбойников, но и узнать отличия в их этнокультурной системе ценностей. Русское понимание жалости абсолютно не свойственно китайской душе, а вот практическая польза – наилучший аргумент в вопросе о жизни и смерти. «Рассказ Крошкина» лишь подтверждает наблюдения Несмелова за национальным характером китайцев. Желание доктора спасти уже приговорённого к смерти китайского лекаря-самоучку только тогда было исполнено, когда русский врач обещает обучить шарлатана медицине, чтобы тот сумел компенсировать Корявому нанесенный «моральный ущерб»[2]. Врач, вызволив беднягу от Корявого и следуя расхожему русскому «авось», отпускает бедолагу-лекаря на все четыре стороны, а тот требует выполнения данных хунхузу обязательств. Всё это приводит к тому, что из Харбина русский доктор вынужден уехать.

Любопытны и точны авторские этнокультурные ремарки, которые он бросает при беглой характеристике персонажей-китайцев. Так, например, переводчик доктора Крошкина при встрече с одним из посетителей-китайцев (который оказался представителем разбойничьего мира) начинает себя вести необычно:

«И вдруг замечаю я [доктор Крошкин] – я ведь человек наблюдательный, – что мой Ли, который, приступая к исполнению своих обязанностей, обычно с пациентами-соотечественниками держится гордо, надменно, чем меня, скромного человека, часто заставляет сердиться, – теперь вдруг словно переродился. Кланяется, сгибается в три погибели, лепечет униженно. А с прочими он словно сам доктор. А я у него за помощника. Что такое, думаю…»[3]. Современные исследования этнокультурных констант сознания китайцев актуализируют именно эти поведенческие стереотипы жителей Поднебесной. К примеру, «настойчивость китайца в получении выгоды, торгашество, согласие взяться, ничуть не гнушаясь, за любую работу, пусть даже уличного сапожника, и вместе с тем показное чванство китайца при первых признаках успеха и манера держать себя хозяином», – характерные признаки «китайской самобытности», удивляющие и отчасти пугающие как нашего совре-

[1] Луч Азии. 1945. №1.
[2] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 470–481.
[3] Там же. Т. 2. С. 473.

менника, так и, как мы могли убедиться, русского соплеменника-эмигранта[1].

Правда, сам Несмелов занимает в этих вопросах стороннюю позицию – почти как исследователь-этнограф.

Проблема утраты русскости в значении человечности начинает волновать Несмелова в начале 30-х гг. Еще в лирическом сборнике «Без России» он простится со своими литературными представлениями о России, родине, русскости и богоносности русского народа[2]. В 1938 г. Несмелов напишет рассказ «Поручик Такахаси», в котором раздумья о русскости в её олитературенной трактовке перепоручит японскому поручику. А русские люди в этом рассказе будут убивать безо всякой рефлексии таких же русских людей. Именно такова была правда гражданской войны, в которой не было воюющих русских и нерусских, а были белые и красные: «Кто враги, кто друзья? Русские люди раскололись надвое, единокровный почуял бешенство в крови против единокровного, страшной отравой напитались сердца! Была одна русская правда и Русь жила мирно, изобильно, прекрасно. Но враг завладел столицами и объявил, что Российское тысячелетие – ложь и надо идти по дороге иной правды. И началась гражданская война, запылали города и деревни, застучал пулемет»[3].

Любопытна в этом рассказе фигура классического резонера. Им становится японский поручик Такахаси. Почему носителем высшей правды выступает японец? Он начитан и интеллигентен, он явно симпатичен автору: «У поручика Такахаси веселые, как агат, черные глаза и золотые зубы»[4].

Действие рассказа развивается в 20-гг., в период японской интервенции на Дальнем Востоке. Вполне вероятно, что судьба могла свести поручика Несмелова с таким вот образованным японцем – филантропом и гуманистом. Известно, что в 30–40 гг. Несмелов сотрудничал с японцами, они активно поддерживали деятельность фашистской партии, в которой он состоял. Кроме того, фамилия Такахаси весьма значима для харбинской реальности – именно так именовался известный резидент японской разведки[5]. Но только ли в политической конъюнктуре все дело?

Думается, что остранение в единстве литературного и этнопсихологического начал становится в данном случае действенным приемом этнокультурного исследования. Японец, в отличие и от белого офицера (из подпоручиков), и уж тем более – от красного партизана (из каторжан) – весьма образован: «По-

[1] См., например: Забияко А.П. Предисловие. Встреча на рубеже культур // Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Указ. изд. С. 5.

[2] Об этом: Забияко А.А. «Сердце жаждет поединка…» (Арсений Несмелов). Указ. изд. С. 217–255.

[3] Несмелов А.И. Поручик Тахакаси // Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 361.

[4] Там же. Т. 2. С. 362.

[5] Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы // libbabr.com/?book=2053. Дата обращения 4.11. 2014.

ручик Такахаси всегда с русскими офицерами. Он отлично говорит по-русски, и с ним интересно вести беседу. Он читал Толстого, знаком с творениями Достоевского и любит поднимать отвлеченные вопросы»[1]. Дело не в том, что он японец, а в том, что он – чужой и может со стороны оценить то, что происходит с русскими, культурой которых он вдохновлен.

Японец ставит вопросы, заводящие русского офицера-заамурца в тупик. С кем бы был сегодня Достоевский – с белыми или красными? Как отнесся бы к своей теории непротивления в сегодняшнее время Толстой? Игнат Петрович с трудом понимает, о каких произведениях идет речь, ясно, что он их попросту не читал. А японец внимательно слушает реплики и ведёт дневник: «Я хочу хорошо узнать русскую душу, потому что люблю русских и их страну. Мы, соседи, но люди двух рас, чтобы быть друзьями, должны стремиться хорошо узнать друг друга»[2].

Именно японец спасает русскую деревню. Благодаря его ловкости схвачен Дед – командир партизанского отряда, бывший каторжник и головорез. Этот человеческий тип – утрированно жестокий, наглый, но при этом очень сильный – становится поводом внести коррективы в понимание «русской души» и «русскости» в целом. В этом смысле японец имеет право на отвлечённые обобщения, ведь он – другой. Он проводит настоящий социологический эксперимент с захваченным в плен Дедом и благодаря его интервью читатель может понять, какова аксиология и психология большевизма. Судя по ответам большевика, человеконенавистничество было присуще ему от рождения. Папаша его был «жулик какой-нибудь, потому что мамаша … девкой была»[3]. И японец резюмирует: «не так давно я делил большевиков только на две категории: на обманщиков и обманутых, на вождей и стадо. Но теперь мне ясно, что есть и третья категория, может быть, самая опасная, самая упорная <…> Человеконенавистники. За свое личное несчастье, в своей личной житейской неудаче они готовы обвинить весь мир. И за себя они мстят – всему миру готовы мстить!»[4].

В уста японца Несмелов вкладывает собственное резюме относительно «бездны русской души»: «О, русская душа, славянская душа, очень интересна! Такая импульсивная эмоциональность… Обнять весь мир – уничтожить весь мир. Вы помните из "Записок из подполья" Достоевского: "Мне ли чаю не напиться, миру ли погибнуть!" Русская душа – очень интересная душа!»[5]. Но литературная трактовка этничности (в виде этнопсихологических наблюдений японского офицера) оставляет равнодушными русских бойцов. Как не прово-

[1] Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1907 гг.: шпиономания и реальные проблемы // libbabr.com/?book=2053. Дата обращения 4.11. 2014.

[2] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 363.

[3] Там же. Т. 2. С. 373.

[4] Там же.

[5] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 374.

цирует их рефлексии очередная казнь противника – Деда, русского.

К проблеме русскости как человеческой цельности Несмелов вновь обратится через год на примере американизации русских, успевших перебраться через океан. В 1939 г. он напишет рассказ «Русский жаворонок», где расскажет о судьбе русского боя Боба, служащего в фешенебельном американском отеле. В этом рассказе столкнутся три точки зрения на русскость: русского актёра-эмигранта, его европейской супруги и маленького мальчика. Перед Бобом – талантливым русским мальчуганом – благодаря его русской отзывчивости и непосредственности, которую американцы принимали за предприимчивость, были открыты большие возможности. Но сильнее жажды успеха в нём – стремление узнать родину: «Родившийся в Америке в русской семье, к счастью Боба, так почти и не выучившейся говорить по-английски, – он до школьных лет оставался русским. Но и школьная учеба, товарищество и всё иное, американское, чем он был окружён, не разлучили его с Россией. Его родители, простые люди из Великороссии, были религиозны хорошей русской религиозностью. Они привили ему любовь к русскому храму. А около русского храма, вокруг него, было и общение русских с русскими, русская беседа…»[1].

И родина пришла к мальчугану в лице русского артиста, говорящего по-русски и декламирующего русскую поэзию: «Как белый арктический медвежонок, родившийся в клетке Нью-йоркского зоологического сада, он оставался все-таки существом Арктики. Но одного ему недоставало, чтобы стать окончательно русским: живого, осязательного ощущения России. И это ощущение он получил сейчас. Это было сильнее, чем юношеское – первое объятие девушки, которая казалась недосягаемой. Держать в руках свое счастье!

Он держал его.

А артист бросал и бросал в него Россией. И каждое стихотворение было как огромная глыба, которая почти раздавливала ребенка». Русский артист делится с мальчиком своим богатством – щепотью русской земли, которую он возит за собой в сейфе вместе с письмом к нему Толстого, а все думают, что в нем – необыкновенный бриллиант.

Но эта русскость, обретенная мальчиком в звучащем литературном слове и материализованная в щепотке земли, оборачивается крахом его карьеры в отеле: ему не прощают того, что он русский. Но более того не прощают неадекватного с американской точки зрения поведения: он скрывает свой успех, не тиражирует свой подарок. Рассказ заканчивается, кстати, оптимистично: «Но Боб не жалел о том, что лишился места. У Боба были другие планы». Вполне вероятно, что русский мальчик, владеющий английским и столь целеустремленный, не пропадет, даже если его жизнь не будет связана с Россией – примеров построения успешных карьер русскими эмигрантами в Америке несть числа. Русская семья,

[1] Рубеж. 1939. № 12.

русский язык и русская культура, помноженные на расторопность и восприимчивость, знание иностранных языков – не дадут ребенку пропасть на Западе.

В художественной концепции Несмелова русский язык и русская литература становятся той системой координат, на которой базируется этнокультурная идентификация вначале ребенка, а затем и взрослого человека. Не зная о теории языковой концептуализации мира, о лингвокультурных и этнокультурных архетипах сознания, Несмелов именно этот критерий кладёт в основу своих раздумий о русскости и проблеме русского вживания в другую культуру. Как подчеркивает В.В. Агеносов, эта проблема действительно весьма актуальна для русских, склонных к культурной и языковой ассимиляции в инокультурной среде. Данное наблюдение могут подтвердить многие русские, вынужденные долгое время жить в неродной языковой среде.

Китай и Маньчжурия – вот те среды, где этничность русских волей истории должна была пройти суровую проверку. В полосе отчуждения КВЖД явление «окитаивания» было распространенным – после революции многие русские дети становились сиротами и усыновлялись китайцами. В этой ситуации китайская и маньчжурская традиции, поощряющие наличие в семье сына – продолжателя рода, соединились с традиционным в китайской среде уважением к европейцам. Дети, рожденные в таких смешанных браках, по мнению китайцев, до сих пор распространенному на Северо-востоке, наделены физической красотой, силой, а также особенным интеллектом[1]. Способность же китайцев ассимилировать любой этнос не вызывает опасений, что такие метисы не станут истинными «ханьцами».

Утрата родных корней и русскости, по мысли Несмелова, ждет русских ребят, вынужденных адаптироваться и растворяться в китайской среде. К концу 30-х гг., когда жизнь русских в Китае уже обрела определенные формы, стало ясно, что многие из эмигрантов волей обстоятельств, от безвыходности и нищеты избрали для себя путь «окитаивания», в первую очередь, конечно, за счет брака с китайцами. Кто-то в результате забывал родной язык, а кто-то и не успевал его узнать. Этой теме будет посвящено несколько произведений Несмелова. Стихотворение и рассказ с одноименным названием «Ламоза» опубликованы Несмеловым практически одновременно – в 1940 г. в журнале «Рубеж» (№ 24 и № 30). Вполне вероятно, что в их основу легло впечатление от общения поэта с таким пареньком-ламозой.

Начнем со стихотворения. Оно представляет сюжетную сценку, описывающую встречу лирического героя с мальчиком:

Синеглазый и светлоголовый,
Вышел он из фанзы на припек.

---

[1] Материалы интервью и бесед А.А. Забияко с респондентами – жителями Северо-востока Китая (1992–2014) // Личный архив автора (А.А. Забияко).

Он не знал по-нашему ни слова,
Объясниться он со мной не мог[1].

«Пасынок китайской деревушки, / Сын горчайшей беженской судьбы» вызывает горькие раздумья поэта:

Как он тут? Какой семьи подкидыш?
Кто его купил или украл?
Бедный мальчик, тайну ты не выдашь,
Ведь уже ты китайчонком стал!

Итак, реальный случай пробудил вначале лирическую эмоцию, а затем уже стал основой эпического повествования. Стихотворение становится словно кратким конспектом рассказа, вскоре написанного – вплоть до совпадения одного из вариантов имени героя, сюжетно оформленных воспоминаний о матери и общего драматизма ощущения необратимости судьбы мальчугана:

До сих пор тревожных слов рассказы,
Размыкая некое кольцо,
Женщины иной, не узкоглазой,
Приближают нежное лицо.

И она меж мигами немыми
Вдруг, как вызов скованной судьбе,
Русское твое прошепчет имя,
Непонятное уже тебе!

Как оно: Сережа или Коля,
Витя, Вася, Миша, Леонид, -
Пленной птицей, задрожав от боли,
Сердце задохнется, зазвенит!

Другое дело, что в лирическом тексте автор только гадает, высказывает предположения – ведь они с мальчиком не понимают друг друга, а в рассказе эти вопросы сюжетно развиваются и в дело вступает позиция авторского «всеведения».

Типичную историю превращения русского мальчика в китайца воссоздаёт писатель в рассказе: «Много лет назад в Маньчжурию бежал один русский человек с женой и ребенком. Проводником их был китаец. Когда четверо этих людей подходили к реке, разделявшей владения России и Китая, их увидели русские пограничники и стали по ним стрелять. Женщина с ребенком, и китаец успели благополучно перебежать реку …, а мужчина упал на русском берегу, раненный пулей». После того, как мужчина и женщина были схвачены на российской стороне, ребенок остался в Китае, его перекупает китаец («Ламоза»).

[1] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 1. С. 175.

Герой рассказа «Ламоза» Ван Хин-те вырастает в китайской семье, но всю жизнь мается и страдает от того, что он не может однозначно причислить себя к китайцам. Но и русским он уже не станет никогда. Проблема выживания в чужом этносе в равной мере касается вынужденных или добровольных эмиссаров: «Маленького Вана сверстники называли ламозой, как китайского ребенка, воспитывающегося среди русских, сотоварищи его игр, дразня, обязательно величали бы ходькой, и это обижало бы ребенка, желающего быть русским среди русских»[1]. Лишь в редкие минуты особых психических состояний герой рассказа «Ламоза» Ван Хин-те вспоминает о своем «до-китайском» существовании: «Кровь, приливавшая к его голове, открывала какие-то глубоко скрытые тайники его памяти, и тогда их этих тайников туманно, как бы сквозь тонкий дым, выплывало лицо женщины, совершенно не похожей на тех, что окружали Вана, и её губы произносили слова, значения которых он не понимал. И ещё это женское лицо иногда проникало в сны Вана»[2]. Не случайно, увидев впервые русскую женщину, юноша бросается к ней с тем словом, что являлось долгие годы для него воплощением «русскости»: «Сережа!»

Проблема этнической памяти и возможностей включения её механизмов, по-видимому, с каждым годом волновала Несмелова всё больше, потому что в 1944 г. он напишет повесть «Драгоценные камни». В ней болезненный процесс ассимиляции будет рассмотрен уже на примере образа русской девушки Верки, парня Якова и целой окитаенной деревни.

Юная Верка из повести «Драгоценные камни», имея русскую мать, не желает быть русской, для этого она носит китайскую одежду (курму), красит волосы и брови, сознательно не говорит на родном языке: «Девушка ответила не сразу, может быть, хотела схитрить, притвориться не понимающей русского языка. Все-таки она ответила, но по-китайски: может быть, этот русский китайского языка не понимает и отвяжется»[3].

В случае с Ваном-Сережей речь идет о вынужденной ассимиляции, начавшейся чуть ли не в утробном возрасте. Верка же сознательно, как и многие жители окитаенной деревни, выбирает свою этнокультурную идентичность – так она может выжить на чужой земле.

Этничность, как известно, мифологична (Г. Лебон). Общая история, культура, язык – вот те факторы, которые мобилизуют мифологическое осознание человеком единой судьбы своего этноса и его сохранения. Что, на взгляд Несмелова, выступает залогом сохранения русскости и как в целом относится к этой проблеме автор? В рассказе «Ламоза» он не может ответить на этот вопрос: его герой Ван, ощущая невозможность оставаться китайцем в привычном бытовом течении жизни, не может стать и русским: он вырос китайцем. У него

---

[1] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 1. С. 509.

[2] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 509–517.

[3] Там же. С. 482.

нет будущего – его русская возлюбленная погибает вместе с не рождённым младенцем, его ребенком.

Ван становится социальным и этническим маргиналом, превращаясь «в некоего маньчжурского Дубровского, мстящего за гибель любимой девушки». Его безрассудное отчаяние в боях вызвано этнокультурной «несостоятельностью»: «Я был китайцем, но ты оторвала меня от Китая, но не сделала русским. Я живу в лесу и боюсь и тех, и других. Я скоро погибну, и нет мне спасения!»[1].

И вот тут важно обратить внимание на то, какие коннотации сам автор вносит в значение слова «ламоза», в смысловом поле данного концепта реализуя целую систему собственных представлений об этничности русских и проблеме этнокультурной идентификации. Если пиджинизированный этноним «ходя» в русском языке несет в себе в основном только снисходительные коннотации, то именование «ламоза» более нагружено отрицательной семантикой: «словами "ламоза лайла" – русский пришел – китаянки пугали своих капризничающих детей», «когда люди [из бандитской шайки Сережи Ван Хин-те] узнали в них русских, они закричали: Ламоза лайла!» («Ламоза»). Ламозой как именем собственным прозывается разбойник Ван, наводящий страх как на русских, так и на китайцев.

Могила Ламозы (место, где был похоронен убитый при переправе через Амур русский) в сознании окитаенных русских вызывает самый настоящий священный ужас («Драгоценные камни»). Возникает странное явление: для русских более страшным предстает русский же ламоза; при этом китаец оказывается весьма привлекательным, несмотря на то, что в памяти русских живы страшные образы хунхузов. Брак с китайцем становится спасением для многих «тутошних бабочек», потерявших мужей от хунхузов (китайцев, маньчжуров) и большевиков (русских). Русская баба пьет запойно хану, а ее китайский муж выхаживает их общего ребенка, берет с собой в поле, кормит, «как воробья», жеваной чумизой. Китаец Ли становится «старшинкой» в русской общине – он не пьет, деловит, практичен и терпим к чужим обычаям (в его доме рядом расположены русская икона с лампадкой и китайский алтарик). Хотя в его семье можно наблюдать и другое явление: его сын от русской женщины не знает совсем русского языка, так как уже в первом поколении метисы («полукровцы», «лян-хэ-шуэр по-маньчжурски») становятся настоящими китайцами и не признают соотечественников.

Итак, «ламоза» – это, во-первых, просто русский человек в восприятии китайца, живущего на Северо-востоке. Во-вторых, это русский большевик в восприятии окитаенных русских. В-третьих, это вообще русский, потенциально опасный, практически – демонизированный, если его классовая принадлежность не известна: «пугают тут ребят ламозами, то есть большевиками. … Как в Россеи домовыми» («Драгоценные камни»). Любопытно, как такой демонизированный образ большевиков в восприятии «наивного» мифологического со-

[1] Несмелов А.И. Собрание соч. В 2 т. Указ. изд. Т. 2. С. 515.

знания воссоздает Марианна Колосова (стихотворение «Лешаченок»). Малыш, которого находит героиня «возле речки Модяговки» «без рубашки, без креста» оказывается покрытым шерстью и вдобавок … с рожками. Но самое главное, что лирическая героиня не сомневается в его «демоническом» происхождении от матери – большевички-лешачихи.

Вернёмся к проблемам утраты русскости в её лингвистических и религиозных параметрах, интересующих Несмелова. Прогноз писателя чем далее, тем более пессимистичен. В повести «Драгоценные камни» (1944) Несмелов понимает: спасения нет ни в языке (он утрачивается, русские предпочитают говорить на пиджине или учить китайский язык), ни в православии (Федосьей и её детьми равно почитаются Божья Матерь и языческие кумиры). Не может одна старушка Марковна, исполняющая вместо священника церковные обряды, спасти целую общину. Поэтому, при всем преклонении автора и героя перед подвигом этой женщины, образ страстотерпицы – это уходящая натура «окитаенной» деревни.

Герой, носитель авторской точки зрения, – Скрябин, несмотря на горячее сочувствие к своим соплеменникам, не находит в себе сил помочь им: «Чувство неприкаянности, бездомности и вообще ненужности своего бытия» усиливается в сознании Анатоши в «этой притаившейся под темным небом деревеньке, в которую долетает ветер с сибирских сопок, из сибирской тайги». В этом смысле его дружок, Сашка Гвоздев – кряжистый и коротконогий, далеко не красавец, но наделенный волей к жизни и не обремененный рефлексией, представляет альтернативу своему бывшему командиру. Он увозит Веру в Харбин, женится на ней и открывает закусочную «Волжские просторы».

Сам Скрябин, в прошлом отчаянный солдат, сметливый командир, постригается в монахи. В чужой стране томление по родине, ощущение полной несостоятельности также превращает его в социального и этнического маргинала.

Отметим, что писателя в равной мере пугает как перспектива молодежи уехать на Запад («потеряем мальчика родного в иностранце двадцати трех лет» – ст. «Пять рукопожатий»), так и «окитаиться». Таков итог несмеловской рефлексии проблемы этнокультурной идентичности в русском Китае, его понимание того, что у русского «молодняка» за рубежом – нет будущего. Видел ли он выход из этой ситуации? Как можно судить по общему пафосу, и особенно – финалу рассказа «Ламоза», поначалу Несмелов апеллировал к излюбленному русскими писателями «литературному» уходу от проблемы. Его Сережа-Ламоза становится китайским Дубровским, он в своем героическом безрассудстве вызывает искреннее читательское сочувствие. Однако в этой повествовательной стратегии, смешивающей высокий романтизм с трагическим реализмом обстоятельств, неразрешимость ситуации была обнажена до предела. Тогда сюжет разбойничьей повести Пушкина Несмелов заменил на гоголевскую «негоцию» в повести «Драгоценные камни». Бытовизм ситуации поиска богатства двумя эмигрантами, сопряженный со знакомством с бедны-

ми окитаенными соплеменниками, в итоге обернулся лермонтовской тоской и безнадегой у одного из лучших представителей молодого эмигрантского поколения – Анатоши Скрябина. Тут Гоголь обернулся Лермонтовым. Перенося сюжет «Тамани» на китайскую землю, писатель осознает тщетность попыток помочь простым русским людям, оставшимся один на один с Китаем.

Сюжетика русской литературы и её идеологический багаж с ещё большей остротой обозначили неразрешимость для самого писателя этого вопроса. Ни Пушкин, ни Лермонтов, ни Гоголь, ни Достоевский с Толстым не помогли русскому человеку в сложнейшей ситуации социального и национального разлома. В образе Скрябина классическое народничество русской интеллигенции обнаруживает свою глубинную утопичность и несостоятельность. Не зная этнологической теории Л. Гумилева, но зная, очевидно, труды С.М. Широкогорова, Несмелов отдаёт предпочтение русским «пассионариям» типа Гвоздева.

Именно такого «пассионария» – мичмана Ваську – предпочитает богатому иностранцу Дора Крош – героиня другого рассказа Несмелова, написанного в том же 1944 г[1] («Невеста миллионера»). Несмотря на некоторую надуманность ситуации, востребованную новогодним сюжетом (девушка бросает миллионера и остаётся с бедным мичманом), Несмелов приводит весьма тонкое наблюдение о том, почему столь несовместимыми оказываются картины мира русского и европейца (при этом он даже не трудится пояснить, какую нацию имеет в виду). Его герой – просто «иностранец, компаньон одной из крупнейших в городе фирм, тридцатилетний господин внушительного роста и большой физической силы. Он любил Дору, как коллекционеры любят дорогие и красивые редкие вещи – беспрерывно любуясь ими, но холодновато – оценивая: ваза, мол, почти совершенна, если бы не эта вот трещинка и не стерся бы вот этот завиток орнамента. Франц Иванович, человек в своих отношениях к Доре безукоризненно порядочный, был помешан на мысли исправить девушку, то есть из шалуньи и хохотушки сделать этакую цирлих-манирлих[2] в стиле сонно-добронравных девиц своей страны. О, если бы это было возможно, он, безусловно, бы женился на Доре!..».

Как следует из несмеловских текстов, объективно – русские лучше чувствуют себя в китайском мире, нежели в чопорной среде европейцев. Несмотря на утрату русскости, они не утрачивают своей человечности. Не для того ли был выстроен Харбин, чтобы дать русским возможность познания своей этничности в экстремальных условиях для её сохранения? Не случайно в своих «харбинских стихах» Несмелов обращается к «России-государыне», уже несуществующей в её прежнем историческом измерении, но неубиваемой в созна-

---

[1] Рубеж. 1944. № 1.

[2] Цирлих-манирлих (нем. zierlichmanierlich) — жеманный, манерный человек. Очевидно, в словаре Несмелова это выражение определяет невысокий культурный уровень самого Франца Ивановича, имеющего весьма сомнительное представление о том, какой должна быть истинная барышня.

нии русского:

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро ль кануть иль не скоро –
Сумрак наш рассей…
Про запас ты, видно, город,
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий,
Что, кому беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

***

Удивительны бывают прозрения поэтической интуиции. Не стало Российской империи. Потом не стало и русского Харбина, исчезли храмы и русское кладбище, разъехались по странам и континентам русские харбинцы.

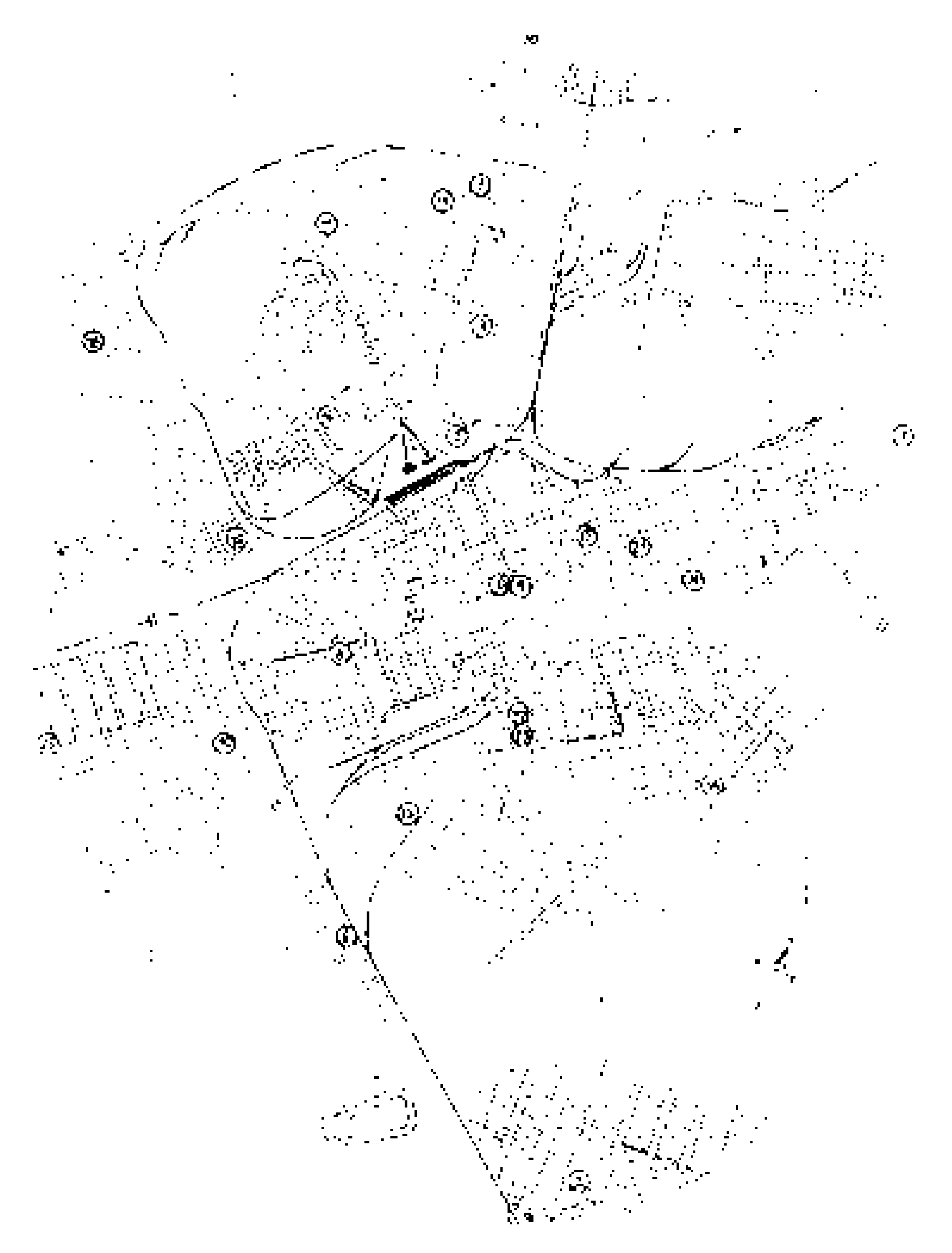
Но остался город Харбин. Особенный город в Китае, с особенной архитектурой и планировкой, со своими харбинскими традициями – китайскими, но нигде за пределами Харбина не воспроизводимыми. С особенным радушием и хлебосольством.

Остались и архивы русской эмиграции, разбросанные по городам России, Америки, Китая, хранимые в частных коллекциях. Остались стихи и проза русских изгнанников, проживших в Северной Маньчжурии свою добрую и не очень добрую часть жизни; у многих эта жизнь закончилась после 1945 г.

И возрождается Россия. Поднимается самосознание ее граждан, для которых назвать себя «русским» вновь становится не только не стыдно – а звучно и гордо. Россия выстраивает новые отношения со своим фронтирным соседом и братом – Китаем, помня прошлое, его разные (мрачные и светлые) страницы – и светлых страниц оказывается больше. Одной из таких в истории является харбинская страница.

Сегодня мы обращаемся к историческому опыту русского Харбина, до сих пор ни русскими, ни китайцами не познанному в полной мере. Харбинский островок великой русской культуры в Китае уже стал наследием культуры великого Китая (Ли Иннань). Это положение сегодня обретает значение исторического факта, залога будущего российско-китайских исследований и дружеских контактов народов дальневосточного фронтира.

Схема «Православные и старообрядческие храмы в планировочной структуре Харбина» (состояние на 1942)



ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Экспликация к схеме «Православные и старообрядческие храмы в планировочной структуре Харбина» (состояние на 1942)

1. Свято-Николаевский кафедральный собор (Арх. И.В. Подлевский; Новый город, Харбинский пр, 21; 1899–1900).

2. Свято-Николаевская церковь (Старый Харбин, Армейская ул., 3; 1898, 1926).

3. Благовещенская церковь (Арх. М.Б. Тустановский; Пристань, ул. Полицейская, 4; 1902, 1930–1940).

4. Свято-Софийская церковь (арх. М.М. Осколков; Пристань, уг. Водопроводной ул., 73 и Сквозной; 1907, 1930–1933).

5. Иверская церковь (арх. К.Х. Денисов. Пристань; ул. Офицерская, 8; 1907).

6. Свято-Иверская церковь (Госпитальный городок, 1908; В 1946 перенесён в Славянский городок).

7. Свято-Успенская церковь (арх. Н.А. Казы-Гирей; Новое кладбище; 1908).

8. Свято-Алексеевская церковь (бывш. при коммерческих училищах, 1910 (1909?), с 1925 – Зеленый Базар, с 1942 г. – Речная ул., 78).

9. Свято-Алексеевская церковь (Арх. Ю.В. Смирнов; Модягоу, уг. ул. Скобелевской и Церковной; 1913, 1930–1935). Проектные изменения – арх. Б.М. Тустановский, 1934).

10. Спасо-Преображенская церковь (Корпусный городок; 1920).

11. Пророко-Ильинская (Пристань, ул. Диагональная, 19; 1922).

12. Иоанно-Предтеченская (Московские казармы, ул. Главная, 16/29; 1923).

13. Иоанно-Богословская церковь (Славянский городок, при Русском доме, Искровый б-р, 15; 1923).

14. Казанско-Богородицкий мужской монастырь (Гондатьевка, ул. Крестовоздвиженская; 1924).

15. Богородице-Владимирская женская обитель (Новый город, с 1927 г. ул. Почтовая, 40; 1924).

16. Свято-Петропавловская церковь (Сунгарийский городок, ул. Варшавская, 56; 1924).

17. Скорбященская церковь (Модягоу, «Дом Милосердия», ул. Батальонная; 1925).

18. Борисо-Глебская церковь (Чэнхэ, Остроумовский городок, ул. Некрасовская, 21; 1927).

19. Свято-Николаевская церковь (Пристань, при Харбинской тюрьме; 1928).

20. Свято-Николаевская церковь (Затон; Тун-Чао, 1; 1923, 1928).

21. Свято-Покровская церковь (1922; Арх. Ю.П. Жданов (проект, 1905); Новый город, старое кладбище, ул. Мукденская, 3; 1930).

22. Иверская часовня (Арх. Е.А. Уласовец, П. Ф. Федоровский; Новый город, территория Св.-Николаевского собора; 1933).

23. Часовня-памятник императору Николаю II и королю Александру I (Арх. М.М. Осколков; Модягоу, при Доме Милосердия; 1936).

24. Петропавловская старообрядческая церковь (Новый город, Ляоянская, 25; 1925).

25. Успения пресвятой Богородицы старообрядческая церковь (Саманный городок, ул. Енисейская, 26; 1929).

Прим.:

1. Использованы планы Харбина 1915, 1920 и 1938 гг.

2. Е. Сумароков. XX-летие харбинской Епархии. 1922–1942. Харбин, 1942. С. 120-132.

3. Весь Харбин. Ежегодник. Харбин, 1926, 1927.

4. Храмы Харбина и линии // Политехник: юбилейный сборник. 1969–1979. Сидней, 1979, № 10. С. 134–144.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Биографический словарь

АБРОСИМОВ, Михаил Васильевич (24 августа 1891, Сиротинская Донской обл. - 4 марта 1940, Харбин). Окончил Московский коммерческий институт (1915), где оставлен для подготовки к профессорскому званию. 3 года работал преподавателем университета им. Шанявского. Доцент Омского политехнического института (1917–1919). Во время гражданской войны писал общественно-политические статьи в газетах «Свет», «Русский голос», «Русское обозрение». Жил в Харбине с февраля 1920. Один из организаторов Высших экономических курсов в Харбине и Юридического факультета в Харбине, читал лекции и вел практические занятия по политэкономии. И.о. доцента по кафедре экономики политики ГДУ (1922). Магистр политической экономии. Защитил диссертацию в Русской акад. группе в Париже (1929). Скончался из-за рака. Ист.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 1. 34 л.; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 13382. 17 л.; портр.

АВДОЩЕНКОВ, Амплий Яковлевич (12 ноября 1904, Резекке, Латвия – 3 февраля 1938, Москва). После гибели родителей в Гражданскую войну увезен японцами в Токио, где продолжил учёбу. Затем учился на Юридическом факультете в Харбине. Секретарь и переводчик в Японо-русском институте и консульстве СССР в Харбине. Автор трудов по экономике Маньчжурии. После продажи КВЖД уехал в СССР (1937). Расстрелян. Реабилитирован. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 545. 28 л.; Ильин И.С. // Новый журнал. 1965. № 80. С. 182; № 82. С. 211.

АВЕНАРИУС, Георгий Георгиевич (11 декабря 1876, С.-Петербург – весна 1948, Дальний). Окончил восточный (1900) и юридический факультеты (1901) С.-Петербургского университета. Преподаватель Института ориентальных и коммерческих наук и Юридического факультета в Харбине. Секретарь управления КВЖД (1903–1920), старший драгоман правления КВЖД (1921–1924), драгоман Харбинской торговой палаты (1925–1933). Читал лекции по истории Восточной Азии в Университете Маньчжоу-Ди-Го. Автор библиографических статей в журнале «Вестник Азии» и других изданиях. Член ОРО. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3507. 21 л.: портр.; Памяти Г.Г. Авенариуса: некролог // Политехник. Сидней, 1976. № 8. С. 16.

АВТОНОМОВ, Николай Павлович (13 декабря 1885, Гуляевка Усть-Медведицкого округа Донской обл. – 20 июня 1976, Сан-Франциско). Окончил Донскую духовную семинарию в Новочеркасске и Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко (1912). Жил в Маньчжурии с сентября 1912 г. Преподаватель русского языка, словесности, латыни и истории в

Харбинском коммерческом училище КВЖД (до 27 февраля 1925). Участник 1-го съезда по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении (Никольск-Уссурийский, 1921). Преподаватель русского языка и литературы в Высшем китайском классе русской литературы и юридических наук в Харбине (1922–1924) и 1-м Общественном коммерческом училище (1925). Секретарь Маньчжурского педагогического общества (МПО), соредактор журнала «Просветительское дело в Азиатской России» (1912–1923). Член ОРО, принимал участие в редактировании его трудов (с 1913). Секретарь секции ОИМК по изучению культурного наследия края. Опубликовал множество статей в журналах «Вестник Маньчжурского педагогического общества», «Вестник Азии» (член редколлегии в 1922–1926) и др. Уволен из Коммерческого училища за «неподданство» (27 февраля 1925). Преподаватель Юридического факультета в Харбине. До отъезда в США (1939) преподавал общую педагогику, историю педагогических учений и школ, историю русского и европейского просвещения, дидактику и введение в языкознание в Харбинском железнодорожном и Педагогическом институтах. Заведующий курсами русского языка для японских железнодорожников. Автор около 300 научных работ, в основном посвящённых преподаванию русского языка иностранцам и вопросам просвещения в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке. Член Русской академической группы в США. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 259. 18 л.; Жернаков В.Н. Николай Павлович Автономов. Мельбурн, 1979. 35 с.: портр., библиогр. (284 статьи); Жернаков В.Н. К 90-летию Н.П. Автономова // Рус. жизнь. 1975. 27 дек.; Жернаков В.Н. Памяти Н.П. Автономова // Рус. жизнь. 1976. 2 июля; М.М.Г. Скорбная страница // Политехник. 1977. № 9. С. 105.

АЛИН, Василий Николаевич (15 февраля 1905, Чердынь Пермской губ. – 1945, Харбин). Эмигрировал с матерью в Харбин (1920). Окончил Харбинское реальное училище экстерном (1923) и автомобильную школу «Прага» (1925). Работал художником-декоратором (1927), таксистом, секретарём Восточно-Азиатской автомобильной компании. Зоолог-энтомолог, этнограф. Посылал собранных бабочек в США. Публиковал статьи в «Известиях Харбинского краевого музея». Деятель ОИМК и Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов. Совершал поездки с Национальной организацией исследователей-пржевальцев. Страдал врождённым пороком сердца. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 28182. 19 л.

АЛЫМОВ, Сергей Яковлевич (24 марта 1892, Славгород Харьковской губ. – 29 апреля 1948, Москва). За участие в революционном движении сослан в Сибирь (1911). Бежал за границу. Жил в Шанхае и Харбине (1917–1926). Участник владивостокского объединения «Творчество» (1919). Печатался в газетах «Шанхайская жизнь», «Вестник Маньчжурии» и др. 1-й редактор ежедневной вечерней газеты «Рупор» (Харбин). Редактор (совместно с Н. Устряловым) ли-

тературно-художественного ежемесячника «Окно». (Харбин, № 1 – ноябрь 1920, № 2 – декабрь 1920). Вернулся в СССР (1926). Лит.: КЛЭ. Т. 1. С. 167; Софонова О. Пути неведомые: Россия (Сибирь, Забайкалье), Китай, Филиппины, 1916–1949 г. Мюнхен: Gesamtherstellung: F. Zeuner Buch und Offsetdruck, 1980. С. 107.

АНДОГСКИЙ, Алексей Иванович (8 марта 1863 - 25 февраля 1931, Харбин). Сын коллежского секретаря, из дворян Новгородской губернии. Окончил 2-ю СПб. военную гимназию, 2-е Военное Константиновское училище по 1-му разряду и Военно-юридическую академию по 2-му разряду. Служил в Военно-судном управлении. Последний начальник Николаевской академии генерального штаба, с которой эвакуировался в Екатеринбург, затем в Казань. Генерал-майор. Генерал-квартирмейстер штаба армии А.В. Колчака. Во время Гражданской войны городской голова Владивостока. Жил в Харбине и Шанхае. Выступал с проектом организации партизанских отрядов против СССР. Директор 1-го реального училища в Харбине. Заведующий кафедрой финансового и железнодорожного права в Институте ориентальных и коммерческих наук. Ист. и лит.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133586 (1-7 / П.С. 82-214). Л. 39 об.; Жизнь Института ориентальных и коммерческих наук // На Дальнем Востоке. 1931. № 1. С. 86; Смерть ген. А.И. Андогского в Харбине // Новая заря. 1931. 20 марта. С. 3.

АНЕРТ, Эдуард Эдуардович (25 июля 1866, крепость Ново-Георгиевск – 25 декабря 1946, Харбин). Окончил Неплюевскую военную гимназию (1875), Александровский кадетский корпус (1883) и Горный институт в С.-Петербурге (1889). Проводил геологические изыскания в Донецке. Старший инженер по горно-геологическим изысканиям Амурской железной дороги (1895). С В.Л. Комаровым совершил экспедицию в Маньчжурию через Никольск-Уссурийский (1896). По пути заехал во Владивосток и сделал доклад в музее ОИАК: «Геологическая экскурсия в бассейне Сунгари и Северной Корее в 1896 и 1897 гг. и сведения об ископаемых богатствах этих стран». Член ОИАК с 1898 г. Продолжил исследования в Корее (1899). За открытие ценных месторождений полезных ископаемых получил медаль им. Пржевальского (1904). Совершил экспедиции с комплексными исследованиями месторождений полезных ископаемых по Амурской обл. и Якутии (с 1900). В 1917 г. получил в Петрограде разрешение организовать во Владивостоке Геологический комитет (учреждён 11 мая 1920). Избран 1-м директором Геолкома, затем уехал в Харбин (1 июля 1924). Член-учредитель ОИМК, член-корреспондент многих научных организаций, участвовал в международных конгрессах, продолжал полевые работы. Член-корреспондент Академии наук Германии (1937). Именем А. назван северо-западный мыс в б. Горностай (з. Петра Великого, Японское море) и растение семейства бобовых, произрастающее в Маньчжурии, – Oxytropis Ahnertii

Nakai. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 73419. 42 л.; Городская хроника: (О докладе Н.Г. Волкова о его поездке с Анертом по Маньчжурии) // Приамур. вед. 1897. № 208 (21 дек.) С. 7–8; Жернаков В. Э.Э. Анерт – исследователь русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии: к 20-летию со дня смерти // Рус. жизнь. 1967. 8 янв.; Кириллов Е. Неизвестный Анерт: Записки из опыта архивных разысканий. Хабаровск, 1993. 102 с.: библиогр.

АРАКИН, Яков Иванович (22 марта 1878, Вологда – 1949, Харбин). Окончил Казанский ветеринарный институт и С.-Петербургский археологический институт (1907). Учился на медицинском факультете Казанского университета (1901). Заведующий отделом печати и зрелищ Министерства внутренних дел правительства Колчака (1918–1919), затем начальник осведомительного отдела Сибирского казачьего войска. Чиновник для поручений атамана Семёнова (1919). Библиотекарь ГДУ (Владивосток, 1920). Начальник канцелярии Совета министров Меркуловского правительства (1921). Жил в Харбине с 1922 г., читал лекции, ставил пьесы. Редактировал с № 1 двухнедельный литературно-художественный журнал для семейного чтения «Баян» (10 февраля – 25 июня 1923). Заведующий канцелярией паспортного стола Главного полицейского управления (Харбин, с 1924), затем цензор (до 1933). Автор поэтических сборников, в том числе переводов с китайского языка. Ист и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 12214. 28 л.: портр.; Pereleshin V. Russkii poet v gostiakh u Kitaia, 1920–1952. The Hague, 1987. С. 84; Шаохуа Д. Библиография // Россияне в Азии. 1996. № 3. Библиогр.: С. 92–93 (43 назв.).

АФАНАСЬЕВ, Иван Константинович (? – 9 ноября 1914, Харбин). Деятель ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

АФАНАСЬЕВ, Стефан (Степан) Васильевич (30 октября 1871 – 26 октября 1939, Харбин). Окончил Иркутскую гимназию (1889) и военное училище (1891). Награждён золотой медалью Восточного института за исследования (17 октября 1902). Капитан (1904). Участник Русско-японской войны, подполковник. Отчислен с 4 курса корейско-китайского отделения Восточного института во Владивостоке по обстоятельствам военного времени. По ходатайству Конференции института и на основании высочайшего соизволения ему без производства выпускных экзаменов в апреле 1905 разрешено выдать свидетельство об окончании курса наук. 28 января 1905 назначен помощником 1-го, а затем военным агентом в Китае (Пекин, 1907–1908). Помощник военного атташе в Шан-хай-Вэне (Мукден, 1909–1910). Консул российского консульства в Цицикаре (1910–1918). В отставке коллежский советник. Член ОРО. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Ф. 85. 20 л. (Афанасьев С.); Протоколы заседаний Конференции Восточного института. Заседание 17 октября 1902 г. // ИВИ. 1903. Т. 5. С. XXI–XXII; Скорбная страница // Рус. народный календарь на 1941 г. Харбин, 1940. Б.с.

БАЙКОВ, Николай Аполлонович (29 ноября 1872, Киев – 6 марта 1956, Брисбен, Австралия). Окончил 2-ю классическую гимназию в Киеве (1889) и Тифлисское военное училище по 1-му разряду (1896). В 1901 г. переведён в пограничные войска Заамурского военного округа. Участник Русско-японской войны. 14 лет жил в Маньчжурии: собирал научные коллекции, охотился на тигров, писал рассказы и научные работы, участвовал в ликвидации банд хунхузов. Сотрудник-корреспондент РАН (1907). За научную деятельность в 1908 г. награждён Министерством государственных имуществ (по ходатайству Академии наук) земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Участник 1-й мировой войны, полковник, командир полка. Находился в рядах Добровольческой армии (1918–1919). Заболев тифом (1920), был эвакуирован англичанами в Египет, затем в Индию. В 1922 г. вернулся в Харбин. С 1934 г. занимался только литературным трудом. 29 мая 1942 г. торжественно отметил 40-летие литературного творчества. В марте 1956 г. уехал с семьёй в Австралию. Автор многих художественных произведений, переведённых на японский, китайский, немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки. Ист. и лит.: РГВИА. Ф. 409. ПС 16127-1911, ПС 206-950- 1914. Оп. 1. Д. 181808; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11198. 13 л.: портр.; АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева (Письма Н.А. Байкова); HILA. Serebrennikov I.I. Box 3 (Письма Н.А. Байкова); МРК. Отдел памяти писателя и исследователя Манчжурии Н.А. Байкова; Памяти Н.А. Байкова, писателя натуралиста: некролог // Рус. жизнь. 1958. 15 июля; Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков. Мельбурн (Австралия): Мельбурн. ун-т, 1968. 19 с.: ил. (Russians in Australia; № 1). Библиогр.: 306 назв. на рус. и англ.

БАРАНОВ, Алексей Михайлович (15 августа 1865 – 26 января 1927, Харбин). Жил в Харбине с 1898 г. Ротмистр (1907) и подполковник (1911) Заамурской пограничной стражи. Начальник штаба. Изучал Монголию, до 1917 г. публиковал свои работы в основном через типолитографию штаба Заамурского пограничного округа. Заведующий этнографическим отделом музея и пожизненный член ОИМК. Ист. и лит.: Некролог // Рупор. Харбин,1927. 26 янв. (№ 1848). С. 3; Басханов М.К. С. 26–27.

БАРАНОВ, Андрей Ипполитович (17 октября 1917, Харбин – 26 февраля 1987, Бостон, США). Родился в семье И.Г. Баранова. Окончил Юридический факультет в Харбине. Под влиянием Т.П. Гордеева и Б.В. Скворцова начал изучать естественные науки. Учился в Пекинском университете на отделении ботаники. Ботаник (систематика растений и флора Дальнего Востока). Научный сотрудник Харбинского краеведческого музея (до 1950), затем в Институте лесного хозяйства и почвоведения при Академии наук КНР в Харбине. Эмигрировал в США и работал в гербарии Arnold Arboretum в Гарвардском университете и других научных центрах. Опубликовал более 120 научных работ. Лит.: Баранова Н. Андрей Ипполитович Баранов: некролог // Друзьям от

друзей. Австралия, 1987. № 27 (дек.) С. 22–23.

БАРАНОВ, Ипполит Гаврилович (30 января 1886, Кривинское Тобольской губ. – 1 февраля 1972, Алма-Ата). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по 1-му разряду (1911). Переводчик китайского языка на КВЖД и преподаватель в харбинских учебных заведениях. Вице-председатель ОРО и соредактор журнала «Вестник Азии» (с 1921) (№№ 48–52). Приват-доцент Юридического факультета в Харбине (с 1924). Читал лекции и принимал экзамены по китайскому языку, литературе, этнографии и истории культуры Китая. Преподаватель китайского языка и экономической географии Маньчжурии в Северо-Маньчжурском университете (Харбин, 1938–1945), занимался переводческой деятельностью. Заведующий Русским отделом в Харбинском железнодорожном институте (1939–1945). Заведующий кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте (1946–1955). Автор более 150 работ. Ист. и лит.: Жернаков В.Н. Памяти И.Г. Баранова // Политехник. 1973. № 5. С. 26–28; Автономов Н.П. И.Г. Баранов: некролог // Рус. жизнь. 1972. 3 марта.

БЕДАРЕВ, Павел Кузьмич. Натуралист и метеоролог. Служащий КВЖД. Автор книг о Китае.

БОГДАНОВ, Георгий Александрович (26 декабря 1885, Нечкино Сарапульского уезда Вятской губ. – ?). Окончил Сарапульское реальное училище (1909) и юридический факультет С.-Петербургского университета с дипломом 1-й степени (1914). Участник 1-й мировой и Гражданской войн. Вице-директор канцелярии Верховного правителя А.В. Колчака и директор канцелярии Совета министров. Агент Экономического бюро КВЖД (с 1920), начальник отдела договоров коммерческой службы КВЖД (до 1929). Преподавал на Юридическом факультете в Харбине, читал курсы коммерческой эксплуатации железных дорог, экономики Маньчжоу-ди-го, транспортных операций (1928–1937). Советник по железнодорожным делам при главном Маньчжурском (китайском) коммерческом обществе в Харбине (1930–1935). Сотрудник Харбинского биржевого общества (1930–1935). Автор ряда работ (Юридическая природа железнодорожной перевозки: Конспект лекций по железнодорожному праву, читанных на курсах КВЖД, Налоговая реформа Маньчжоу-Ди-Го), а также статей в Известиях Юридического факультета и периодических изданиях Харбина. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 6298. 70 л.; Автономов Н.П. С. 36.

БОГОСЛОВСКИЙ (Богославский), Леонид Алексеевич (1 августа 1877, Черновский уезд Новгородской губернии – ?). Сын священника. Окончил Кирилловское духовное училище (1892), С.-Петербургскую духовную семинарию (1898) и японо-китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1907). Награждён серебряной медалью. Управляющий китобойной компанией Кейзерлинга в б. Дыдымова (1903). Переводчик для военнопленных япон-

цев. Студент и переводчик в Российском генеральном консульстве в Корее (1911–1917?) и Токио (1912). Член ОРО, публиковал статьи в «Вестнике Азии». Занимался вопросами восточной этики и буддизма. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 121. 68 л., портр.

БОЛОБАН (Болабан-Балабанов) (Ирклеевский), Андрей Павлович (? - октября 1924, Китай). Окончил Восточный институт во Владивостоке (1908). Совершил командировки в Японию (1903). Участник Русско-японской войны, поручик. Заведующий коммерческим агентством КВЖД в Цицикаре и в Российском генеральном консульстве в Урге (1913–1916). Член ОРО. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 124. 32 л.: портр.

БОЛОТОВ, Александр Андреевич (28 января 1867 – 1934?, Харбин). Натуралист в Харбине. Член комитета ОИМК. Начальник 3-го участка водных сообщений на р. Амур. Наблюдатель Сунгарийской биологической станции.

БОЛЬШАКОВ. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

БОРЗОВ, Николай Викторович (26 апреля 1871, Глазов Вятской губ. – 25 ноября 1955, Беркли, США). Окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. Основатель и 1-й директор Коммерческого училища в Харбине (1905–1925). Начальник учебного отдела КВЖД. Председатель секции культурного развития края ОИМК. Редактор ежегодного журнала «День русского ребенка» (1934–1955). Переехав в США, жил в Беркли, преподавал русский язык и литературу. Автор многих статей. Председатель правления фонда И.В. Кулаева. Ист. и лит.: МРК. Коллекция документов Н.В. Борзова; Билимович А.Д. Памяти Н.В. Борзова: некролог // Рус. жизнь. 1955. 29 нояб.; Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. С. 20.

БРАТЦОВ, Владимир Андреевич. Секретарь Российского имп. Генерального консульства в Харбине и Шанхае, Член ОРО (с 1909).

ВЕБЕР, Карл Юрьевич. Заведующий отделом КВЖД (Харбин). Член ОРО (с 1909).

ВЕШНЕР, Иосиф Наумович (1872 – 21 июля 1932, Харбин). Окончил коммерческое отделение Рижского политехнического института. Служащий КВЖД. Преподавал на Юридическом факультете в Харбине. Лит.: Автономов Н.П. С. 36–37.

ВОДЕНИКОВ, Вячеслав Петрович (3 марта 1876, Луговские заводы Минусинского округа Енисейской губ. – ?). Окончил городское училище в Минусинске (1890), Алтайское горнозаводское училище в Барнауле (1895) и Высшую горную школу в Скрентоне (США, штат Пенсильвания, 1910). Участник Боксерского восстания (1900), Русско-японской и 1-й мировой войн, ранен. Находился на постройке КВЖД (с 1898, затем с 1918). Управляющий серебросвинцовыми рудниками, золотыми промыслами и заводами акционерного общества

«Тетюхе» (до 1914). Управляющий Чжайнорскими угольными копями КВЖД и главный технический руководитель всех работ по борьбе с пожарами в шахтах (1918–1929). Горный инженер-консультант. Из автобиографии: «С 1929 г. по поручению частных фирм и лиц занимался обследованием районов полезных ископаемых в пределах 3-х восточных провинций в Маньчжурии. От себя лично обследовал золотоносные районы Мукденской, Гиринской и Хэйлунцзянской провинции. Последние два года состою лектором по золотому делу и проектированию рудников на горно-химических курсах при институте Св. Владимира» (л. 1 об.) Автор учебника по саперному делу для руководства младших офицеров и унтер-офицеров, руководства по подрывному делу, а также статей по истории золотого промысла в Китае. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5450. 38 л.

ВОЕЙКОВ, Александр Дмитриевич (21 декабря 1879, Самайкино Сызранского уезда Симбирской губ. – 28 мая 1944, Харбин). Окончил гимназию Гуревича в С.-Петербурге (1899) и естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1906). Сотрудник лаборатории Берлинского сельскохозяйственного института (1903–1904). Организатор одного из крупных русских питомников (Сызранский университет, 1902). Старший специалист по садоводству Департамента земледелия (1914). Участник 1-й мировой войны. Преподаватель Саратовского сельскохозяйственного института (1917). Направлен в США, но из-за нехватки денег на командировку остался во Владивостоке (1919). Доцент по кафедре агрономии и сельского хозяйства ГДУ во Владивостоке (1921–1922). К этому времени имел более 30 печатных работ по садоводству и сельскому хозяйству. Совершил научные поездки от Хабаровска до Владивостока с его окрестностями, на о. Путятин и т.д. Заведующий опытным полем КВЖД на ст. Эхо (1922–1929). Редактор журнала «Сельское хозяйство в Маньчжурии» (1929–1930). Лектор Северо-Маньчжурского университета по кафедре технической ботаники. Являясь сотрудником Института колонизационных проблем, организовал плодовый сад и живой гербарий (1943–1944). Автор многих работ. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 40314. 47 л.; Ежегодник Дальневосточного педагогического института. 1921–1922 гг. Владивосток, 1922. С. 14; Стариков В. Александр Дмитриевич Воейков // Изв. Харбин. краевед. музея. 1945. № 1. С. 5–13. – Библиогр.: С. 10–13 (74 назв.); Ст. Маньчжурия со своими фруктами // Рубеж. 1937. № 26 (26 июня). С. 10: портр.; Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 20–36.

ВОЙЛОШНИКОВ, Василий Александрович (10 февраля 1895, Цаган-Олуй Борзинского уезда Читинской губ. – 25 июня 1938, Владивосток). Сын казака. Окончил Читинскую учительскую семинарию и восточный факультет ГДУ во Владивостоке (1928). Тема дипломной работы: «Политические и экономические факторы, обуславливающие направление эмигрантской волны». Служил

в Народно-революционной армии (1918–1922). Инструктор особых поручений Военного министерства ДВР (1920–1921). Советник Военной миссии в Китае (1925–1927). Доцент и заведующий кафедрой Хабаровского института народного хозяйства. Директор техникума КВЖД в Харбине (сентябрь 1931– июль 1933). Декан восточного факультета ДВГУ (Владивосток, 1932–1937). Арестован (5 ноября 1937). Расстрелян. Реабилитирован. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 941. 63 л., портр.; Донской В.К. Разгром Восточного факультета ДВГУ // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 1. С. 104, 105.

ВОЛОГОДСКИЙ, Сергей Георгиевич (6 октября 1878, Погорельское Красноярского уезда – после 1940). Сын священника. Окончил Иркутскую духовную семинарию (1899) и Восточный институт (1907). Журналист во владивостокской юридической прессе под псевдонимом Сергей Будда со статьями о своей жизни в Корее. В двадцатых годах в Харбине, где преподавал китайский язык в одной из советских средних школ. Эмигрировал в Австралию (в 1930-е). Редактировал журнал Записки Русского кружка изучения Австралии: (Непериод. орган «РКИА») (Ред. С.Г. Вологодский. Изд. И. Серышев. – Сидней: Ориенто, 1940). Ист.: Сводный каталог периодических изданий / http://orel.rsl.ru/nettext/bibliograf/sv_cat_period_izd.pdf.

ВОЛОДЧЕНКО, Николай Герасимович (20 ноября 1862, С.-Петербург – 1945). Окончил С.-Петербургскую военную гимназию (1881), Михайловское артиллерийское училище (1884) и Николаевскую академию Генерального штаба (1898). Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Генерал-майор, начальник штаба корпуса пограничной стражи в Харбине. Награждён орденом Св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием. Специалист по военным отношениям с Китаем. Член ОРО. Арестован органами СМЕРШ (24 сентября 1945). Обвинялся по статье 58-1б УК РСФСР. Дело прекращено за смертью обвиняемого (31 декабря 1945). Реабилитирован по заключению прокуратуры Омской области (22 ноября 1999). Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2207. Л. 15–17 об.; Книга памяти Хабаровского края. Списки жертв. / http://lists.memo.ru/d7/f230.htm.

ГАЛИЧЕВ (Галич), Алексей Иванович (12 марта 1879 – ?). Сын крестьянина с. Никольского. Окончил Благовещенскую гимназию (1900) и Восточный институт во Владивостоке. Жил в Харбине и Тяньцзине. Лектор японского языка в Институте ориентальных и коммерческих наук (Харбин). Член ОИМК. Специалист по японо-китайским экономическим отношениям автор трудов. Занимался переводами. Репатриировался из Тяньцзиня в СССР (1947). Ист.: ГАПК. Ф. 115, оп. 1. Д. 213. 65 л.

ГАПАНОВИЧ, Иван Иванович (21 июля 1891, С.-Петербург – 27 янв. 1983, Австралия). Окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета с дипломом 1-й степени (1913). Участник 1-й мировой войны. После демобилизации (1918) уехал на Камчатку. Член Областного правитель-

ства и уполномоченный Камчатской обл. во Владивостоке. Сотрудник Краеведческого НИИ при ГДУ и ОИАК (Владивосток, 1924). С 1925 г. жил в Китае. Преподавал в Шанхае, публиковал в русской и иностранной прессе статьи о русском Дальнем Востоке. Профессор истории в Национальном цинхуаском университете в Пекине (с 1931), где преподавал около 20 лет древнюю и русскую историю. Опубликовал несколько исторических работ: об историческом синтезе и палеоазиатах. Последняя рукопись, подготовленная к печати, погибла во время войны. Эмигрировав с семьёй в Австралию, жил в Канберре (с 1953). Преподаватель русского языка в колледже Канберрского университета (Canberra University College). Выйдя в отставку (1964), поселился в Сиднее, где работал над своими воспоминаниями и публиковал отрывки в «Новом журнале». Скончался в больнице «Manly District Hospital» в Канберре. Лит.: Жернаков В.Н. Профессор Иван Иванович Гапанович. Мельбурн: Мельбурнский ун-т, 1971. 7 с.: портр. (Russians in Australia; № 2).

ГЕРАСИМОВ, А.Е. (? – 1933). Экономист, работал в коммерческом бюро КВЖД. Деятель ОИМК. Автор многих трудов по экономике Китая.

ГИНС, Георгий Константинович (15 июня 1887, Новогеоргиевск – 23 сентября 1971, Беркли, США). Окончил С.-Петербургский университет (1909). Старший юрист-консультант Министерства продовольствия (1917). Весной 1918 г. исполнял дела экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института. Член Сибирского правительства. Эмигрировав в Харбин (январь 1920), читал лекции на Юридическом факультете. Вместе с В.М. Посохиным основал магазин «Русско-Маньчжурская книготорговля» и занялся продажей эмигрантской литературой. Редактор журнала «Русское обозрение». На КВЖД: начальник канцелярии правления, главный контролер и одновременно председатель Комитета образовательных учреждений (1921–1926). С 1923 г. и вплоть до преобразования Харбинского муниципалитета уполномоченный Харбинского общественного управления, председатель собрания уполномоченных и комиссии по составлению положений и наказов. Защитил перед Академической группой магистерскую диссертацию на тему «Водное право» (Париж, 23 апреля 1929). После закрытия Юридического факультета (1937) преподавал в Харбинском коммерческом институте. 30 июня 1941 г. уехал к сыновьям в Сан-Франциско, где занимался общественной, научной и журналистской деятельностью. Ист. и лит.: ГАХК. Ф.830. Оп. 3. Д. 4459; МРК. Коллекция № 65 (11 коробок); Автономов Н.П. С. 15–36; Автономов Н.П. Памяти профессора Г.К. Гинса: некролог // Рус. язык. 1971. С. 40–43; Некролог // Зап. Рус. Акад. группы в США. 1972. Т. 6.

ГИНЦЕ, Михаил Александрович (12 июля 1900, Харбин – 11 сентября 1992, Австралия). Предприниматель. Окончил коммерческое училище КВЖД (1912), учился в Восточном институте, затем на китайском отделении восточного фа-

культета ГДУ (Владивосток, 1918–1922). В последние годы жил в Австралии. Автор воспоминаний. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 243. 16 л., портр.

ГЛАДКИЙ, Павел Михайлович (24 дек. 1885, Украина – дек. 1971, Москва). Окончил медицинский факультет Томского университета, учился в Восточном институте во Владивостоке. Врач на КВЖД. Член ОРО. Редактор журнала «Вестник Азии» (1915). Репатриант (1921). Неоднократно репрессирован. Реабилитирован.

ГЛЕБОВ, Михаил Дмитриевич. Почвовед и агроном, служащий КВЖД. Деятель ОИМК, автор трудов. Переехал из Харбина в Шанхай.

ГЛЕБОВ, Николай Дмитриевич (8 мая 1882, Скопино Рязанской губ. – 14 июня 1939, Харбин). Окончил духовную семинарию в Рязани, 3 курса юридического факультета Московского университета, Киевское военное училище (1902) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1912). Служил военным атташе в Китае и драгоманом в штабе Приамурского военного округа. Член ОРО, член Приамурского отделения Общества востоковедения. Участник 1-й мировой войны, командир полка, награжден орденом Св. Георгия. Эмигрировал в Маньчжурию в 1918 г. Директор гимназии на ст. Пограничная (1920–1927). Преподавал в Харбине: в гимназии имени Достоевского, Институте ориентальных и коммерческих наук, Институте Святого Владимира, колледже ХСМЛ и Северо-Маньчжурском университете. Чиновник особого отдела управления Биньцзянского штаба Кио-Ва-Кай (с 1936). Умер от сердечного приступа. Ист. и лит.: Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: Годы и судьбы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 103, 114: фот.; Некролог // Заря. 1939. № 157 (15 июня). С. 4.

ГЛУХОВ, Николай Владимирович (18 окт. 1880, СПб. – после 1957, СССР). Окончил Гатчинский институт императора Александра 1-го, биологическое отделение высшей школы при СПб. биологической лаборатории. Приехал в Маньчжурию из Санкт-Петербурга (3 авг. 1909). Служащий Опытной пасеки Сельскохозяйственного общества в Харбине. После участия в 1-й мировой войне работал чертежником на КВЖД (1921–1925), занимался сельским хозяйством в Трехречье (с 1926) и пчеловодством (с 1930). Деятель ОРО, ОИМК и Клуба естествознания и географии. Опубликовал несколько статей почвоведения и сельского хозяйства. Репатриировался в СССР. Пчеловод в Читинской области. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 29485. 38 л.

ГОЛОВАЧЕВ, Мстислав Петрович (26 июня 1893, Енисейск – 8 декабря 1956, Сан-Франциско). Окончил гимназию Медведникова в Москве. После окончания юридического факультета Московского университета помощник присяжного поверенного Омской судебной палаты. Окончил Московский археологический институт. Прикомандирован к Новороссийскому университету для подготовки к званию профессора в области международного права (1915).

После защиты диссертации приват-доцент (1917), затем профессор Томского университета (1917). Во время Гражданской войны жил в Сибири, управляющий в Министерстве областного Сибирского правительства (1918) и заместитель министра иностранных дел в Омском правительстве. Через Харбин приехал во Владивосток, профессор международного права ГДУ, читал лекции по истории российских законов. Министр иностранных дел в Сибирском правительстве (Владивосток, октябрь 1922). Являясь идеологом сибирского областничества, издавал в Харбине журнал «Сибирские вопросы», редактор газеты «Гун-Бао». Один из основателей Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине, где читал лекции по международному праву. Ректор и профессор Института Св. Владимира в Харбине (1934). Выслан из Харбина японскими властями за политическую деятельность (сентябрь 1935). Поселился в Шанхае, где занялся адвокатской практикой и издавал газету «Эмигрантская мысль» (1936–1937). Через Филиппины (1949) эмигрировал в США (1950). Ист. и лит.: SMPF. Reel 73; Колумбийский ун-т (США). Коллекция документов М.П. Головачева; Открытие института Святого Владимира в г. Харбине // Хлеб Небесный. 1934. № 11. С. 21–22; Депортация из пределов Маньчжу-ди-го // Луч Азии. 1935. № 12. С. 44; Загорский А. Светлой памяти профессора Мстислава Петровича Головачева: некролог // Рус. жизнь. 1956. 20 дек.; Корженко М.В. Памяти профессора М.П. Головачева: некролог // Рус. жизнь. 1957. 11 янв.

ГОНДАТТИ, Николай Львович (8 августа 1860, Москва – 5 июня 1946, Харбин). Окончил с отличием юридический и физико-математический факультеты Московского университета (1887), преподаватель гимназии. Опубликовал несколько работ, занимался полевыми исследованиями в командировках по Уралу и Сибири. Участвовал во Всемирной выставке в Париже, выступил с докладом на Международном Конгрессе доисторической археологии и антропологии. Совершил кругосветное путешествие в ходе которого посетил Индию, Китай, Японию и США. Вернувшись в 1891г., опубликовал несколько научных работ по результатам своей командировки, получив за них золотые медали ИРГО и ИАН. Чиновник особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе (1893). Командирован на Чукотку для изучения быта местных жителей, окружной начальник. Вернувшись в Хабаровск, заведующий Переселенческим управлением. Выступал с научными докладами в ОИАК (вступил в 1893). Губернатор Тобольской (1906) и Томской (1908) губ. Руководитель Амурской экспедиции по обследованию Сибири и Дальнего Востока. Шталмейстер царского двора. 1-й Приамурский генерал-губернатор (с 1911), не имевший воинского чина. Инициатор основания и почетный председатель ПОИОВ (1911). Арестован (1917). После освобождения эмигрировал в Харбин. Начальник земельного отдела КВЖД. Председатель Общества домохозяев и ОРО (Харбин). Ист. и лит.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 47–1911. Д. 11 (О назначении в звании камергера

действительного статского советника Гондатти Приамурским генерал-губернатором». 125 л.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 275 (Докладная записка начальника Анадырского уезда Г.); К пятилетнему управлению Приамурским краем шталмейстера Н.Л. Гондатти // Зап. ПОИОВ. 1915. Вып. 3. С. I–X; Деятельность Николая Львовича Гондатти на пользу русской науки. (По поводу избрания Н.Л. Гондатти Почетным членом Приамурского отдела Императорского Русского географического общества). Б.м. Б.г. 23 с.; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 80. 39 л., Нестор. Погребение Н.Л. Гондатти // Хлеб Небесный. 1946. № 6, 7, 8. С. 47–49. – С портр.; Памяти Н.Л. Гондатти // Свобод. слово. 1947. 18 мая; Жихарев Н.А. Повесть об Афанасии Дьячкове, жителе села Марково, учителе, историке-краеведе, этнографе (1840–1907 гг.) Магадан: Кн. изд-во, 1992. С. 7–159; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Приамур. геогр. о-во. Хабаровск, 1997. 208 с.: ил.

ГОРДЕЕВ, Тарас Петрович (30 июля 1875, С.-Петербург – 28 апреля 1967, Jolimone, Бельгия). Родился в семье доцента кафедры фармакологии Медико-хирургической академии в С.-Петербурге. Окончил Сумское реальное училище (1894) и Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и садоводства (1894–1898), ученый агроном 1-го разряда. Служил в Харьковском уездном земстве. Земский почвовед в Саратовском губернском земстве (1900–1907). Преподаватель Нерчинского реального училища (1907–1909) и Никольск-Уссурийской женской учительской гимназии (июль 1909 – август 1915). В Приморье изучал корейское рисосеяние и шелководство, луговые формации, собирал ботанические коллекции. Один из основателей Уссурийского отделения ИРГО. Член Агрономических совещаний при генерал-губернаторе Приамурского края. Получил золотую медаль за участие в выставке в честь 300-летия дома Романовых (Хабаровск, 1913), где продемонстрировал опыты по физиологии растений и влиянию удобрений на их рост. Награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени. Главный садовник Воронежского сельскохозяйственного института им. Александра I (1916–1918). В январе 1918 г. вернулся в Никольск-Уссурийский, продолжил преподавать естествознание в учительской женской и железнодорожной гимназиях (1918–1922). Участник 1-го съезда по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении. Принял активное участие в помощи русским переселенцам, принудительно отправленным японскими властями в деревню. Работал в Харбинском музее (1945–1967). Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5829. 49 л.; Упшинский А. Да процветут пустыни!..: Экспедиция академика Н.К. Рериха в степи Барги // Рубеж. 1934. № 43 (20 окт.) С. 4–6: фот.; Жернаков В.Н. Тарас Петрович Гордеев. Окленд (Калифорния), 1974. 46 с.: портр.; Козлов И. Деятельность Т.П. Гордеева в Приморской области: К девяностолетию со дня рождения // Рус. жизнь. 1965. 24 февр.; Группа бывших учеников Тараса Петровича Гордеева: Памяти

рус. ученого: некролог // Рус. жизнь. 1972. 27 апр.; Авенариус С. О Тарасе Петровиче Гордееве // Друзьям от друзей. 1985. № 22 (май). С. 19.

ГОРЯИНОВ, Сергей Иванович (5 июня 1877, Керчь – ?, Епикале Таврической губ.) Сын кяхтинского мещанина. Окончил коммерческое отделение Троицкосавского Алексеевского училища (1895). За участие в студенческих забастовках отчислен с китайско-маньчжурского отделения Восточного института во Владивостоке (1903). Диплом об окончании Восточного института выдан в 1910 г. Жил в Порт-Артуре. Наставник Никольск-Уссурийской учительской семинарии. Депутат от Приамурского учебного округа в Харбине (1917). Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 271. 36 л., портр.

ГРАЖДАНЦЕВ (Grad, Andrew Jonah), Андрей Ионович (1899, Усолье Иркутской губ. – 1954(?), Нью-Йорк). Жил в Харбине. Окончил экономическое отделение Юридического факультета (1927), оставлен для подготовки к научной деятельности. Приват-доцент по кафедре политэкономии (с 1933). Работал в Нанкинском университете. Эмигрировал в США, где подозревался американскими властями (MacArthur's chief of intelligence Willoughby), что является советским шпионом. Автор трудов по экономике Азиатско-Тихоокеанского региона на русском и английском языках. Эксперт по социально-экономическим проблемам Японии, Кореи и Формозы. Научный сотрудник Института Тихоокеанских отношений, где подготовил диссертацию «Modern Korea: Her Economic and Social Development under the Japanese» (1944). Доктор философии (PhD) от Колумбийского университета (1945). После 2-й мировой сотрудник штаба американских оккупационных войск в Токио (SCAP - Supreme Commander for the Allied Powers), проводил социологические исследования г. Фукая. Получив грант от Фонда Рокфеллера, завершил работу. Гражданцев смог завершить свое исследование. Приглашённый стипендиат по востоковедению (Far Eastern Studies) Йельского университета (1948 -49). В последние годы жил в Нью-Йорке. Переводчик Секретариата ООН. Ист.: Справка И. Франкьена (Сан-Франциско).

ГРЕГОРИ, Евгений Виллиамович (Вильямович). Поручик 1-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Окончил китайско-восточное отделение Восточного института с серебряной медалью (1910) во Владивостоке и Николаевскую академию генерального штаба. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии». Драгоман военно-статистического отделения штаба Приамурского военного округа (с 1910). Командирован в пределы Северной Маньчжурии для практики в китайском разговорном языке и литературе (1913). Участник 1-й мировой и гражданской войн. Жил в Харбине и Пекине, затем профессор Мукденской военной академии. В конце 1920-х инструктор артиллерии при штабе маршала Чжан Цзолина. Покончил жизнь самоубийством. Лит.: Балакшин П.П. Финал в Китае. Т. 1. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк:

Сириус, 1958. С. 249; Бояков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: Годы и судьбы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 111.

ГРИГОРЬЕВ, Михаил Петрович (7 нояб. 1899, Мерв Закаспийской обл. – 16 июля 1943, Дайрен). Окончил Читинскую мужскую гимназию (1918) и артиллерийское отделение военного училища, портупей-юнкер (1918) и военные курсы переводчиков японского языка. Подпоручик и переводчик при Японской военной миссии (с 1920). Жил в Токио (с 1920). Редактор-составитель сборник «На Востоке» (издание Кружка русских эмигрантов в Японии). Преподаватель русского языка в военном училище при генеральном штабе Японии (1921–1938). Переехав в Дайрен, работал в отделе печати ЮМЖД, публиковался в журнале «Восточное обозрение» и газете «Время». Автор многих переводов с японского языка. Лит.: Вановский А. М.П.Григорьев: (Некролог) // Вост. обозрение. 1943. № 6 (Июль-сент.) С. 185–194.

ГУРЬЕВ, Б. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

ДАНИЛЕНКО, Федор Федорович (7 августа 1875, Дубовый Гай Прилукского уезда – после 1946). Участник Русско-японской войны. Столоначальник Приморского областного управления. Во Владивостоке сдал экстерном экзамены за курс гимназии (1907). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института по 1-му разряду (Владивосток, 1911). Крестьянский начальник в Амурской области. Жил в Харбине с 1918 г. Преподаватель английского языка в Коммерческом училище КВЖД (Харбин, 1919–1928). Один из основателей и преподавателей Института ориентальных и коммерческих наук (Харбин, 1925–1940). Защитил диссертацию на тему «Происхождение китайской культуры», доцент (1940). Принимал активное участие в деятельности Украинской национальной колонии (с 1920), начальник культурно-просветительского отдела. Публиковал статьи в «Вестнике Азии». Сотрудник 2-го отдела Японской военной миссии. Арестован (3 октября 1945). Приговорен к 10 годам ИТЛ (4 декабря 1946). Реабилитирован (20 сентября 1993). Умер в ИТЛ (?). Ист.: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3112 (О зачислении в штат Примор. обл. правления). 28 л.; ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 305. 11 л.: портр.; ГАХК. Ф.830. Оп. 3. Д. 11798; Хотелось бы всех поименно назвать: Кн.-мартиролог (А – К) / Сост. А.П. Лавренцов, Т.Г. Беспалова, О.В. Радченко. [Хабаровск, 1998]. С. 189.

ДАНИЕЛЬ, Евгений Васильевич. Деятель ОРО, председатель. Уполномоченный управляющего КВЖД по сношению с китайскими властями. Занимался переводами. Ист.: МРК, коллекция Н.В. Борзова (№ 146, коробка 2), письма Даниеля (1925–1929).

ДЗЮЛЬ, Иосиф Александрович (14 октября 1876, Славута Волынской губ. – после 15 декабря 1936, Маньчжурия). Начальник железнодорожной ст. Корфовская, участник экспедиции В.К. Арсеньева (1908). Жил в Харбине с 1922 г. Член ОИМК, занимался изучением природы Маньчжурии. Деятель секции

молодых археологов, натуралистов и этнографов. Безработный с 1930. Погиб на охоте. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 6382. Л. 1–2об.; Научная хроника: Памяти старшего друга И.А. Дзюля // Натуралист Маньчжурии. Харбин: Изд. секции молодых археологов, натуралистов и этнографов Союза националист. молодежи при Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1937. С. 49; Жуков А. Друг Арсеньева // Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1992. 27 авг.; Хисамутдинов А. Судьба хозяина станции Корфовская // Владивостокское время. Владивосток, 1995. 11 авг.

ДИКИЙ, Григорий Никифорович (1888–1961). Получил среднее образование. Участник Гражданской войны, воевал у Колчака и Семенова. Сменовеховец. Заведовал коммерческим агентством Уссурийской железной дороги в Харбине и экономическим бюро КВЖД. Член ОИМК. При возвращении из научной командировки в Европу задержан в Москве. Перейдя на нелегальное положение, уехал в Благовещенске, откуда бежал в Харбин. «Бегство Дикого из СССР является чрезвычайно знаменательным фактом. Нужно сказать, что в свое время Дикий окончательно порвал с белым движением и перешел на советскую сторону, занимая видные посты на КВЖД» (Новая заря, 1929). В 1930 переехал во Францию. Автор многих работ по экономике Китая. Ист. и лит.: Бело-красный маятник: Бегство Дикого из Москвы в Харбин // Новая заря. 1929. 22 авг. С. 3; Эмигрант, сменовеховец и снова беженец // Новая заря. 1931. 21 марта. С. 4; Политическая эмиграция – не наш путь: Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому, 1930–1935 // Ист. арх. 1999. № 1. С. 20–211; № 2. С. 92–126.

ДМИТРИЕВ, Константин Иванович (4 февраля 1872 – ?). Окончил Олонецкую гимназию (1892) и Московское военное училище (1894). Служил 4 года в Лейб-гвардии. Окончил китайско-монгольское отделение Восточного института с отличием (1903). За сочинение «Экскурсия для изучения порта Инкоу» удостоен серебряной медалью (1902). По ходатайству А.П.Позднеева став сотрудником Министерства народного просвещения, собирал сведения о народном образовании Китая. Занимал различные должности в Пекинском, Шанхайском и Харбинском отделении Русско-Китайского банка.

ДОБРОВИДОВ, Николай Николаевич (2 янв. 1867, Хабаровск – после 1947). Окончил Благовещенскую духовную семинарию, 2 курса восточного факультета С.-Петербургского университета, изучал 4 года китайский язык в Пекине. Вел курсы китайского языка в Приамурье и Приморье (1893–1896). Переводчик в канцелярии Приамурского генерал-губернатора (14 лет). Член ОРО. Участник Русско-японской войны, переводчик. Драгоман китайского отделения магазина Чурина в Харбине. Умер в эмиграции. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 71983. 2 л., портр.; Надаров В. Письмо в редакцию (рец.) // Дал. Восток. 1900. 12 марта. С. 3.

ДОБРОЛОВСКИЙ, Илья Амвлихович (1877, Каменец-Подольский – 22

марта 1920, Харбин). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке. Во время Русско-японской войны переводчик в штабе 3-го корпуса. Получив диплом, поселился в Харбине. Совместно с А.В. Спициным занялся организацией изданий русских газет на китайском языке. 1-й редактор журнала «Вестник Азии», один из основателей ОРО. Преподавал китайский язык в учебных заведениях Харбина. Помощник редактора газеты «Юань-дун-бао» (1909–1916). В это же время сотрудничал в других русских газетах. Автор многих статей на китаеведческие темы. Последний редактор (с 13 апреля 1917) старейшей харбинской газеты «Харбинский вестник» (основана 10 июня 1903, с декабря 1917 переименована в «Железнодорожник», с 1 января 1918 – еженедельная газета «Вестник Маньчжурии, посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессиональной и трудовой жизни»). 11 марта 1920 г. газета закрыта из-за смерти Д., который покончил жизнь самоубийством (застрелился). Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 329. 36 л.: портр.; И-ч. С. 23; Баранов И.Г. Илья Амвлихович Доброловский: некролог // Вестн. Азии. 1922. № 48, вып. 1. С. 3–5.

ДОБРОХОТОВ, Алексей Александрович. Юрист и китаевед. Член ОРО. Сотрудник 3 отдела БРЭМа. Переводчик китайской поэзии. Арестован и депортирован в СССР (1945).

ДОБРОХОТОВ, Николай Михайлович (12 нояб. 1876, Томск – 16 нояб. 1946, Харбин). Окончил Томскую духовную семинарию и 4 курса юридического факультета Томского университета. Издатель газет «Иркутская жизнь» (1918) и «Призыв» (1918). Деятель гражданской войны в Сибири. Жил в Харбине. Член Земского собрания во Владивостоке. Публиковал статьи по экономике Китая в «Вестнике Маньчжурии» и «Экономическом бюллетене». Многолетний секретарь Харбинского биржевого комитета. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 13225; В Харбине // Новая заря. 1947. 5 февр.

ДОМБРОВСКИЙ, И.И. Востоковед-экономист. Деятель ОИМК. Опубликовал много статей в «Вестнике Азии» и «Экономическом бюллетене Маньчжурии».

ДЬЯКОВ, Дмитрий Андреевич (6 ноября 1884 – 14 декабря 1929, Москва). Педагог. Начальник учебного отдела КВЖД. Член редколлегии ежемесячного журнала «Вестник Маньчжурского педагогического общества» (Харбин. – 1922. - № 1 – 6). Совершил путешествие по Америке и Европе, затем вернулся в СССР. Арестован (1929). Расстрелян. Автор статей по образованию и культуре в Маньчжурии. Ист. и лит.: Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. С. 50; Архив НИПЦ «Мемориал», Москва // http://lists.memo.ru/d11/f453.htm.

ЕРШОВ, Матвей Николаевич (1 августа 1886 – после 1938). Окончил Казанскую духовную академию, магистр (1911). Оставлен для подготовки к профес-

сорскому званию. Защитил диссертацию «Проблема богопознания в философии Мальбранша». Приват-доцент, экстраординарный профессор (с 1916) по кафедре истории философии Казанского университета. Профессор, 1-й декан Историко-филологического факультета во Владивостоке (с 1918), проректор (с 1920) ГДУ, где читал курс «Очерк главнейших направлений современной философии». Уехав в Китай, продолжил преподавать в высшей школе. Вел курсы «Русская культура и философия 18–19 вв.» (Пекинский университет, 1922–1923) и «Современное состояние педагогики и школьного дела в Западной Европе и России» (Пекинский женский педагогический институт). Профессор Педагогического института и Юридического факультета в Харбине, где читал курсы философии, церковного права, «Народное хозяйство современного Китая» (1926–1934). Публиковал статьи в «Вестнике Маньчжурии». Репатриировался. Вероятно, репрессирован. Ист. и лит.: ПОИВ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 102 (Отзыв о работе проф. М.Н. Ершова); ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 13. 13 л.; Автономов Н.П. С. 38: портр.; Самылова О.В. Вступление к работе М.Н. Ершова «Восток и Запад: прежде и теперь. Основные предпосылки проблемы «Восток и Запад» в историческом освещении» (отрывки из книги) // Вестн. ДВО. 1992. № 3–4. С. 159–160.

ЖЕРНАКОВ, Владимир Николаевич (8 августа 1909, Омск – 15 февраля 1977, Окленд, США). Окончив реальное училище при гимназии Оксаковской (Харбин, 1926), поступил на экономическое отделение Юридического факультета в Харбине. Сотрудник музея Бинцзянской провинции (с 1932). После получения диплома (1937) работал в музее «Да-лу». В течение 17 лет секретарь кружка и редактор его изданий. Сотрудник ОИМК (с 1932) и музея Континентального института при ведомстве Совета министров Маньчжу-Ди-Го (с 1938). Результаты экспедиций Ж. опубликованы Академией наук КНР (1960). Много лет преподавал экономику географии Китая в Харбинском политехническом институте, заместитель декана транспортно-экономического факультета (1946–1952). С семьей эмигрировал в Австралию (сентябрь 1962). По прибытию в Мельбурн сотрудник местного клуба натуралистов, совершал поездки и собирал коллекции. В последние годы жил в США. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11457. 33 л.; Автономов Н.П. К сорокалетию научно-исследовательской деятельности Жернакова В.И. // Коммерческие училища Харбина. Сан-Франциско; Скорбная страница: некролог // Политехник. 1977. № 9. С. 106: портр; Лукашкин А.С. Владимир Николаевич Жернаков: Ко дню полугодовой кончины // Рус. жизнь. 1977. 27 авг.; Zissermann N.V. Vladimir Nikolaevich Jernakov. Univ. of Melbourne, 1986. 19 p.: портр. Библиогр.: 166 назв.

ЖИЖИН, Николай Викторович (2 декабря 1884, Саратов – ?). Сын мещанина. Окончил Ташкентское реальное училище (1901). Переводчиком участвовал в русско-японской войне (1904–1905). Окончил японо-китайское отделение Восточного института (1907). Служащий Русско-Китайского банка во Владиво-

стоке. Служащий китайской таможни в Харбине (с 1910).

ЗЕЙБЕРЛИХ (Seuberlich, Wolfgang), Вольфганг Георгиевич (1906–1985). Окончил Харбинское коммерческое училище с золотой медалью (1925) и восточно-экономический подотдел Юридического факультета в Харбине (1930) оставлен на кафедре китайского языка для чтений лекций (до начала 1936). Дипломная работа 1-й степени издана. Сотрудник консульства Германии в Мукдене (1937), затем жил в Германии, где занимался библиографией востоковедения. Лит.: Автономов Н.П. С. 39; Wolfgang Seuberlich (1906-1985), Ostasienwissenschaftler und Bibliothekar. Berlin, 1998.

ИВАНОВ, Александр Васильевич (28 февраля 1878, Киев – 1936, Харбин). Окончил в С.-Петербурге Александровский кадетский корпус (1894) и Лесной институт (1899). Помощник лесничего (1899–1902). Младший таксатор (1902–1903). Лесничий и лесной ревизор (1903–1913). Лесничий Уссурийского казачьего войска (1913–1917). Ученый лесовод, начальник паркового отдела «Великого Харбина». Автор нескольких научных трудов о лесах Маньчжурии. Член ОИМК. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3522. Л. 6–7 об., портр.

ИВАНОВ (псевдоним доктор Финк), Всеволод Никанорович (7 ноября 1888, Кострома – 9 октября 1971, Хабаровск). Окончил Костромскую гимназию (1906) и С.-Петербургский университет (1911). Участник 1-й мировой войны. Работал в газетах Омска, Владивостока и Харбина. Эмигрировал в 1922 г. Близок к атаману Г.М. Семенову и С.Д. Меркулову. Редактор газеты «Гун-Бао». Жил в Тяньцзине. Один из основателей (осень 1935) кружка китаеведения в Тяньцзине (позднее Общество изучения Китая), 1-й редактор китаеведческого журнала «Вестник Китая» (№ 1 – март 1936). Редактор газеты «Наш путь». Гражданин СССР (с 1931). На просоветские позиции перешел в мае 1936 г. Работал в газете «China Daily Herald» (до 12 октября 1937), публиковался в газете «Новости дня» (1936–1937), затем главный редактор издания «Мой журнал» (с 7 ноября 1937), выступал на шанхайской радиостанции «Голос Родины». Вернулся в СССР (февраль 1945), жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР. Лит.: Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник: лит.-художеств. сб. Харбин: Тип. «Меркурий», 1931. Кн. 1. С. 184–186; Писатели Дальнего Востока: Библиогр. справ. Хабаровск: Кн. изд-во, 1973. С.98–102; Иванов Вс.Н. (1888–1971)): [Список лит.] // Русская литература Сибири, 1917–1970 гг.: Библиогр. указ. Новосибирск, 1977. Ч. 2. С. 136–138; Максимов Н. Исполненный долг: К 90-летию со дня рождения Вс.Н. Иванова // Дал. Восток. 1978. № 6. С. 138–150.

ИЛЬИН, Иосиф Сергеевич (14 сент. 1885, Москва – 29 янв. 1981, Vevey, Швейцария). Отец Н.И. и О.И.Ильиных. Окончил Морской кадетский корпус (1907). Инженер-электрик, служил в артиллерии. Полковник в армии А.В. Колчака. Заведующий телеграфным агентством правительства Меркуловых

во Владивостоке. Сотрудник национальной прессы в Харбине. Эмигрировал в Маньчжурию. Сотрудник газеты «Русский голос». Преподаватель русского языка в Японо-Русском институте в Харбине (с 1 апр. 1926). За «оборончество» уволен из японской военной школы (авг. 1942). Ист. и лит.: Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография: (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / Сост. Диао Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 65; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 17973; Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 546–566.

КАМКОВ, Александр Александрович (1 января 1868, Казань – после 1937). Окончил юридическое отделение Казанского университета (1889) и Александровскую военно-юридическую академию (1896). Сдал магистерские экзамены при Казанском университете. Участник похода в Китай (1900–1902). Военный судья Приамурского военно-окружного суда (с 7 июня 1912). Генерал-майоры (1913). Председатель уголовного департамента Владивостокской судебной палаты (1920). Доцент по кафедре уголовного права ГДУ (Владивосток, 1921–1923). Преподаватель (с 1926), секретарь (1929), заместитель декана (с 1930) Юридического факультета в Харбине. Репатриировался в СССР (1937). Репрессирован. Ист. и лит.: Автономов Н.П. С. 39; История Юридического факультета в Харбине: Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. 1938. 17 марта.; Русская армия в Великой войне: Картотека проекта. http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=3718 и http://www.memo.ru/memory/samara/sam-10-1.htm.

КАНТОРОВИЧ, Анатолий Яковлевич (1896, С.-Петербург – 1937?). Активный участник Октябрьской революции. Окончил экономический факультет Политехнического института (1921) и факультет общественных наук Петроградского университета (1922). От Народного комиссариата иностранных дел являлся сотрудником КВЖД (1924–1928). Член ОИМК. Кандидат (1935) и доктор (1936) экономических наук. Арестован в мае 1937. Реабилитирован. Лит.: Люди и судьбы. С. 191–192, портр.

КЕРР, Леонид Карлович (1878? – 29 авг. 1930, Харбин). Сын ораниенбаумского мещанина. Окончил С.-Петербургское коммерческое училище (1896) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института (1907). Сотрудник Русско-Азиатского банка в Пекине и в Харбине. Служащий КВЖД. Деятель ОРО. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 460. 56 л.; Жилевич (Мирошниченко) Т. В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. Мельбурн: Изд. автора, 2000. С. 253: фот.; План доклада // Отчет ОИАК. Владивосток, 1907. С.5–6.

КОЛОБОВ, Михаил Викторович (11 октября 1868 – 8 апр. 1944, Тяньцзинь). Инженер-полковник. Помощник управляющего КВЖД Д.Л.Хорвата и начальник военного отдела КВЖД. Занимался военной и религиозной историей в

Китае. Ист.: HILA. Kolobov. 1 коробка.

КОНСТАНТИНОВ, Петр Филаретович (9 августа 1890, Казанская губ. – 24 января 1954, Сан-Франциско). Сын мирового судьи. Окончил Казанское реальное училище с отличием (1910) и агрономическое отделение Московского сельскохозяйственного института (1916), ученый агроном, оставлен на кафедре. Вольноопределяющийся артиллерийского дивизиона в Москве (1917). Участник Гражданской войны, доброволец во 2-й Казанской батарее, контужен на р. Белая, болел тифом. С каппелевцами пришел в Харбин (1920). Помощник заведующего Опытным полем КВЖД на ст. Эхо (1921–1924), занимался изучением соевых бобов. Заведовал сельскохозяйственной лабораторией КВЖД в Харбине, читал курс лекций в вузах (1924–1929). Автор 10 работ, изданных в Маньчжурии. Жил в Сан-Франциско с 29 апреля 1929 г. Прошел учебный курс по молочному делу при Калифорнийском университете. Работал в городском самоуправлении Сан-Франциско (1942–1954). Один из создателей Русского сельскохозяйственного общества в Северной Америке (1937–1940) и Музея Русской культуры. 1-й председатель Музея-архива Русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско (избран на 1-м организационном собрании 7 марта 1948). Ист. и лит.: МРК. Коллекция документов и рукописей П.Ф. Константинова (№ 238); К сороковому дню кончины Петра Филаретовича Константинова: некролог // Рус. жизнь. 1954. 4 марта: портр.; Козлов И.В. Доброй памяти Петра Филаретовича Константинова, основателя Музея Русской культуры // Рус. жизнь. 1973. 7 дек.; Museum of Russian Culture. Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси: Памяти П.Ф. Константинова. Сан-Франциско: Изд. ред. коллегии Музея Рус. культуры, [1955?]. 126 с.; Карамзин А.А. Музей Русской культуры // Рус. жизнь. 1993. 12, 13 марта; Бакич О. Бюллетень Музея Русской культуры в Сан-Франциско: Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 273–274.

КОРМАЗОВ (псевдоним В.К. Алексеев), Владимир Алексеевич (4 июля 1886, Санкт-Петербург – 15 июня 1960, Сиэтл). Сотрудник Главного Переселенческого управления в С.-Петербурге (1908–1914). Окончил экономическое отделение СПб. университета и школу прапорщиков инженерных войск (1917). Участник 1-й мировой и гражданской войн, подпоручик. Эвакуирован с армией Деникина в Югославию (1920). Работал в правительственной статистике в Белграде (1921–1922). Жил в Харбине с ноября 1922 г. Сотрудник экономического бюро КВЖД (1924–1935). Деятель ОИМК, занимался археологическими раскопками. Автор многих статей в журнале «Вестник Маньчжурии» (1924–1935). Переехал в Тяньцзинь, затем в США. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 1153. 11 л.; Жернаков В.Н. Памяти Владимира Алексеевича Кормазова: Некролог // Рус. жизнь. 1975. 12 июня.

КОСТИН, Анатолий Андреевич. 4 янв. 1913 Омск – 29 дек. 1984, Абаза

Хакасия). Зоолог-герпетолог в Харбине. Член ОИМК. Учился на восточном факультете Института Св. Владимира в Харбине. Председатель кружка востоковедения, провел юбилейное заседание (3 нояб. 1935). Совершил экспедицию с Н.К.Рерихом (1934). Автор нескольких работ по систематике животных. Ист. и лит.: Упшинский А. Да процветут пустыни!..: Экспедиция академика Н.К.Рериха в степи Барги // Рубеж. 1934. № 43 (20 окт.) С. 4–6: фот.; Акантопанакс. Молодые русские ориенталисты: Семь лет работы кружка востоковедения при восточном факультет Института Св. Владимира в Харбине // Рубеж. 1935. № 49 (1 дек.). С. 15–16: фот.; http://grani.agni-age.net/articles11/4511.htm.

КОХАНСКИЙ, Владимир Васильевич (22 марта 1883, Одесса – ?). Сын мещанина. Окончил 2-ю Кишиневскую мужскую гимназию (1903) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1908). Член ОРО. Жил в Маньчжурии, затем в США. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 536. 35 л., портр.

КРЫЛОВ, Василий Николаевич. Штабс-ротмистр Заамурского округа. Самостоятельно изучил японский язык. Окончил офицерские курсы при Восточном институте во Владивостоке. Во время Гражданской войны редактор-издатель «общеобразовательного внеполитического военно-народного журнала» «Армия и народ» (Владивосток, 1921). Выехал в Маньчжурию (после 1923?). Журналист. Член ОИМК. Автор статей о японском влиянии в Маньчжурии. Репрессирован (?). Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 553. 12 л.

КУДРЕВАТОВ, Владимир Кузьмич (9 янв. 1887, Маршанск Тамбовской губ. – ?). Окончил реальное училище и Московский коммерческий институт. Коммерческий агент КВЖД. Автор работ экономике. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3366. 20 л.

КУСТЕР, Иван Иванович (Ганс Рудольф) (1876–1930-е). Окончил коммерческое отделение 1-го С.-Петербургского реального училища (1897) и маньчжурско-китайское отделение Восточного института (1911). До своей смерти служил в центральной библиотеке КВЖД.

ЛАВРОВ, Михаил Иванович (1877 – после 1937). Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета. Секретарь Российского генерального консульства в Кашгаре (1902–1906), вице-консул в Харбине (1907–1909) и консул в Куаньченцзы (1911–1917?). Коллежский советник, награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Член ОРО и комитета ОИМК (с 1923). После 1917 г. жил в Харбине, откуда уехал в 1930-е гг. Имел коллекцию редких книг. Лит.: Наш путь. Харбин, 1937. № 239 (10 сент.) С. 5.

ЛАМАНСКИЙ, Владимир Владимирович (14 июля 1879, С.-Петербург – после 1943). Окончил физико-математический факультет С.-Петербургского университета (1896). Магистр минералогии и геологии (1906). Доцент экономического отделения С.-Петербургского университета (1902–1906). Исполнял

дела экстраординарного профессора Пермского университета (1918). Преподаватель Юридического факультета в Харбине и профессор русского языка Французской муниципальной школы «Реми» в Шанхае. Занимался экономикой и культурой Китая. Переводчик с английского языка Ист. и лит.: SMPF. Reel 76; Автономов Н.П. С. 40.

ЛАРЕВ, Иван Васильевич (28 марта 1886 – ?). Сын священника. Окончил Троицкосавское реальное училище (1906) и китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке по 1-му разряду (1912). Перевел с китайского языка «Сборник законоположений и узаконений, изданных при Гуансюй». «За время обучения в Институте отличался безукоризненным поведением, большой работоспособностью и с редкой любовью относился к изучению китайского языка, что касается его нравственных качеств, то таковые безупречны» (л. 24). Принят на работу драгоманом пограничного комиссара в Амурской обл., сотрудник Русско-Азиатского банка в Пекине (с 1913). Затем жил в США. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 589. 35 л., портр.; Баранов И.Г. Китайские сонники: (Извлечение из публ. сообщ., прочит. на общ. собр. членов О-ва рус. ориенталистов в Маньчжурии. Составл. по записям, собр. И.В. Ларевым, записи были сделаны образованным пекинцем Тун Пин-сан'ем). – Харбин: Тип. КВЖД, 1925. 9 с. Отд. отт. Из «Изв. Юрид. фак.» 1925. Т. 1.

ЛАШКЕВИЧ, Алексей Филиппович (? – после 1958). Окончил китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1911). Участник 1-й мировой войны. Командир 1-го Заамурского пехотного полка (1916–1917), полковник и георгиевский кавалер. Служил в охране КВЖД (1921–1922). Занимался преподаванием русского и китайского языков (1922–1932) в Харбине и Мукдене. Семья жила в Шанхае. В последние годы жил на станции Бирим. Лит.: Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: Годы и судьбы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 113.

ЛЕОНОВ, Василий Сергеевич (1887 – после 1960). Рос в многодетной семье. Окончил Козловское коммерческое училище (1906) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1911). Сотрудник Амурской казенной палаты (с 1911). Контролер Главного контроля КВЖД, затем счетовод службы тяги и счетовод частной хлебопекарни в Харбине. В последние годы жизни находился в доме для престарелых в Лондоне.

ЛИНЬКОВ, Александр Иванович (17(29) октября 1877, Погорелово Тотемского уезда Вологодской губернии – 18 апреля 1922, Харбин). Окончил Московскую духовную академию (1906). Редактор мирнообновленческой газеты в Архангельске (1906). Директор Минусинской учительской семинарии. Основатель и издатель ежемесячного журнала «Сибирский архив», посвященного истории, археологии, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока (с 1911 в Иркутске, с 1913 в Минусинске). Председатель Ир-

кутской архивной комиссии. Собирал коллекции древностей. Во время Гражданской войны преподаватель истории и географии в Никольск-Уссурийском реальном училище. Скончался от паралича сердца. Ист. и лит.: Стож М.Е. 40–41; И-ч. С. 42; http://irkipedia.ru/content/aleksandr_ivanovich_linkov_i_ego_zhurnal_sibirskiy_arhiv.

ЛИХАРЕВСКИЙ, П.Ф. Исполнял обязанности заведующего службой переводов КВЖД. Член ОИМК. Автор статей о Китае.

ЛОПАТИН, Иван Алексеевич (2 января 1888 – 6 марта 1970, Лос-Анджелес, США). Окончил реальное училище в Хабаровске (1908) и естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета с отличием (1912). Ученик Б.Ф. Адлера, по его совету поехал на Дальний Восток. Преподаватель Владивостокской женской гимназии (1912–1913) и Хабаровского реального училища (1913–1917). Директор учительской семинарии в Николаевске-на-Амуре (1917–1919), Хабаровской учительской семинарии (1919–1920) и музея ПОРГО (Хабаровск, 1920). Приват-доцент ГДУ, вел курс этнографии (Владивосток, 1920–1925). Научный сотрудник Краеведческого НИИ при ГДУ (секция антропологии и этнографии). Преподаватель в школе Методистской церкви и профессор Педагогического института в Харбине (1925–1926). 9 мая 1929 г. защитил в университете Британской Колумбии (Ванкувер) магистерскую диссертацию на тему «География Ванкувера» (270 с.) Участник экспедиции Национального канадского музея по изучению быта китиматских индейцев в проливе Дугласа. Преподаватель на факультете антропологии Вашингтонского университета в Сиэтле, США (1930–1931), читал курсы «Народы Северо-Восточной Азии», «Народы Центральной Азии». Доктор философии в университете Южной Калифорнии (1935, Лос-Анджелес), преподавал русский язык, историю русской цивилизации и антропологию. Занимался сравнительным языкознанием. Перед смертью работал над книгой по сравнительному анализу быта и обычаев коренных народностей Дальнего Востока и американских индейцев. Похоронен по православному обряду на кладбище Валхал. Именем Л. названа бухта на полуострове Муравьева-Амурского. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 21 (Лопатин); И-ч. С. 42–43; Памяти И.А. Лопатина: некролог // Рус. жизнь. 1970. 7 июля.

ЛУКАШКИН, Анатолий Стефанович (Степанович) (20 апреля 1902, Ляолян, Южная Маньчжурия – 6 октября 1988, Сан-Франциско). Сын железнодорожного служащего. Окончил Читинскую гимназию и Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Принимал участие в Харбинском комитете помощи беженцам (1924–1940). Секретарь секции естествознания ОИМК. Советник Национальной организации исследователей-пржевальцев и секции молодых натуралистов, археологов при БРЭМе. Помощник куратора, куратор музея в Харбине (1930–1941). Жил в Сан-Франциско с 1941 г., морской

биолог в Калифорнийской Академии наук. Член правления Русского центра (1949–1952). Председатель правления корпорации газеты «Русская жизнь» (1952–1955) и МРК (1954–1965). Знаток деятельности российских эмигрантов в Азии, автор многих статей. Ист. и лит.: МРК (Коллекция 3, 42 коробки); Бакич О. Бюллетень Музея русской культуры в Сан-Франциско: Наше пятидесятилетие // Россияне в Азии. 1998. № 5. С. 272–273.

ЛЮБА, Борис Викторович (22 сентября 1889 – 30 апреля 1968, Сан-Франциско). Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета. Российский генеральный консул в Харбине и Монголии. Служащий КВЖД. Похоронен на Сербском кладбище в Кольме.

ЛЮБА, Виктор Федорович. Маньчжуровед и китаевед, инспектор Ургинской школы переводчиков. На дипломатической работе в Монголии и Китае. Автор воспоминаний. Лит.: А.К. Об Ургинской школе переводчиков // Приамур. вед. 1894. № 1. Прил.

ЛЮБИМОВ (псевдонимы И. Леонидов, Л. Ленский, Л. Иванов, Л.И.Л., Л.И.), Леонид Иванович (28 ноября 1883, Авзяно-Петровский завод Верхнеуральского уезда Оренбургской губ. – ?). Окончил юридический факультет Казанского университета (1910). Жил в Маньчжурии с 1919 г., в Харбине с 1924 г. Лектор курсов русского языка КВЖД (до 1934). Служащий Экономического отдела КВЖД (до 1929). Редактировал «Юбилейный сборник Харбинского биржевого комитета». Председатель Русского национального общества при ст. Маньчжурия (1922–1923). Член ОИМК, автор статей в журнале «Вестник Азии». Принимал участие в составлении учебников для китайцев на русском языке. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 6361. 46 л.: портр.

МАЛЯРОВСКИЙ, Григорий Яковлевич (1866, Тобольск – 9 апреля 1932, Харбин). Окончил Казанскую духовную академию, кандидат богословия (1891). Директор народных училищ Министерства народного просвещения. В отставке (1917) сотрудник правления Союза сибирских маслодельных артелей. Эмигрировав в Харбин, преподаватель Института ориентальных и коммерческих наук (с 1924). Читал лекции по сибиреведению, статистике, истории торговли и экономики Маньчжурии. Деятель ОИМК. Лит.: Некролог // День коммерсанта и ориенталиста. Харбин, 1932. № 10 (июнь). С. 3.

МАРАКУЕВ, Александр Владимирович (17 июля 1891, Ростов Ярославской губ. – 19 августа 1955, Алма-Ата). Учился на штурманском отделении Одесского училища торгового мореплавания (1913–1914). Участник 1-й мировой войны, прапорщик (с августа 1914). Находился в плену в Австро-Венгрии (1914–1918). Матрос на иностранных судах (1919–1920). Переводчик английского языка Союза маслобойных артелей во Владивостоке (1921). Жил в Харбине (1923–1924, 1927). Сотрудник торгпредства СССР в Китае (1924–1926). Почетный член ОИМК. «За время плена много занимался самообразованием и хорошо изучил

европейские языки (английский, французский и немецкий), а за время пребывания в Китае изучил китайский язык. Много занимался последние 2 года изучением экономики Китая, сотрудничал в харбинских изданиях, а также в Большой Советской энциклопедии в Москве» (из автобиографии). Арестован (22 августа 1928) и выслан на 3 года (17 мая 1929). Преподаватель ГДУ (Владивосток). Одновременно сотрудник ДВФАН, 1-й директор библиотеки. Доцент (с 20 декабря 1935). Член ОИАК (с 1930). Заместитель председателя ПФГО СССР. 2-й арест (16 ноября 1937). Выслан на 5 лет (9 февраля 1940). Преподаватель Томского педагогического института, Томского политехнического института, Томского университета (1940–1950), Казахского университета (1950–1955). Кандидат географических наук (1 ноября 1955 без защиты диссертации). Готовил для ЭДВК статью по разделу «Сопредельные страны». Реабилитирован (14 декабря 1971). Издано около 100 работ. Ист. и лит.: Собр. А.А. Хисамутдинова. Справка ФСБ по Примор. краю от 5 авг. 1997 г. (Личное дело П-30561, П-35468 г. Владивосток). Список работ А.В. Маракуева, появившихся в печати. Владивосток: Изд-во ГДУ, 1931. 8 с.; Григор Г. Памяти А.В. Маракуева. 1891–1955 // Изв. ВГО. 1957. Т. 89, вып. 3. С. 267; Милибанд С.Д. Кн. 2. С. 30: библиогр.

МАРАКУЛИН, Василий Дмитриевич (23 декабря 1881, Колывань Томской губ. – 21 августа 1944, Харбин). Окончил Колыванское городское училище (1895), Томскую ветеринарно-фельдшерскую школу (1900) и юридический факультет Томского университета с отличием (1910). Участник Русско-японской войны. Адвокат (с 1912). Инспектор отделения Государственного банка в Красноярске (1914–1917). Учредитель, 1-й директор и доцент Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Писал о земском самоуправлении, кооперации, экономике Китая и др. Ист.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 26. 25 л.; Максимов Г. Памяти проф. В.Д. Маракулина: некролог // Рубеж. 1944. 10 сент.

МАЦОКИН, Николай Петрович (1 дек. 1886, Одесса – 8 окт. 1937, Москва) – востоковед. Сын врача. Учился на юридическом факультете Харьковского университета (1907). Окончил Харьковскую прогимназию, Владивостокскую гимназию (1907) и японо-китайское отделение Восточного института по 1-му разряду (1911). Служащий КВЖД (с 1911). Доцент ГДУ (1922). Член ОИАК и ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии». Друг и ученик Е.Г. Спальвина. Автор статей в журнале «Вестн. Азии», сборнике «Дал. Восток» (1918). Сотрудник генерального консульства СССР в Харбине. Преподаватель ГДУ, затем переведен в Москву. Арестован (1931, 1937). Расстрелян. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 679. 47 л., фото (Мацокин Н.); Васильков Я.В., Гришина А.М., Перченок Ф.Ф. Репрессированное востоковедение. Востоковеды, подвергнувшиеся репрессиям в 20 - 50-е годы // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 97; Люди и судьбы. С. 260–261.

МЕНЬШИКОВ, Павел Николаевич (16 декабря 1869, Вавожа Вятской губ.

– до 1934). Сын священника. Окончил Вятскую духовную семинарию (1890). Учитель Степановского начального училища Уфимской губ., затем делопроизводитель на Самаро-Златоустовской железной дороге. Эконом Восточного института во Владивостоке (15 февраля 1901–1902), затем студент. На 2-м курсе совершил командировку по юго-западной части Маньчжурии и северной части Халхи (1903). Командирован конференцией Восточного института в Ляоян, затем в Мукден, занимался переводческой деятельностью. Окончил китайско-монгольское отделение Восточного института (1905). Сотрудник Комиссии по закупке скота в Троицкосавске (с 1905). С 1911 г. совершал поездки по Маньчжурии. Начальник Коммерческой службы КВЖД. Член ОРО и учредитель ОИМК. В.Н. Жернаков провел вечер памяти М. в Клубе любителей естествознания и географии (13 сентября 1934). Автор работ о Монголии и Китае. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 693. 80 л., портр.; П.Н. Меньшиков (к 20-летию его научной работы в Маньчжурии) // Изв. ОИМК. 1926. № 6 (март). С. 46–48, фото.

МЕЩЕРСКИЙ, Андрей Степанович (1875? – 26 октября 1932, Харбин). Окончил Дерптский (Юрьевский) ветеринарный институт. Заведующий ветеринарно-санитарным отделом КВЖД (1908–1913). Сотрудник противочумной станции в Чите (1913–1915). Заведовал Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии (с 1915). Эмигрировал в Харбин (1922), старший врач ветеринарного отдела КВЖД. Ветеринарный инспектор Поселкового управления Харбина. Член-учредитель Маньчжурского сельскохозяйственного общества. Товарищ председателя ОИМК. Лит.: Некролог // Рус. слово. Харбин, 1932. № 2021 (27 нояб.) С. 5.

МЕЩЕРСКИЙ, Дмитрий Викторович (1875–1933, Варшава). Князь. Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета. Драгоман в Российском консульстве в Кульдже (1901), секретарь консульства в Тяньцзине (1905–1906), вице-консул в Куаньченцзе (1907–1909), вице-консул в Харбине (1909), консул в Гирине (1911–1914), генеральный консул в Кашгаре (1915–1917). Надворный советник, награжден орденом Св. Станислава 2-й степени. Член ОРО. Автор работ о Китае.

МИРОЛЮБОВ, Никандр Иванович (17 окт. 1870 – 25 февр. 1927, Харбин). Юрист, 1-й декан Юридического факультета в Харбине. Окончил духовное училище, семинарию и академию в Казани. Окончил юридический факультет Казанского университета с дипломом 1-й степени (1897), оставлен для подготовки к профессорскому званию. Выдержав магистерские экзамены, читал лекции на кафедре уголовного права. После защиты магистерской диссертации избран профессором Иркутского университета. В начале 1917 по настоянию местной адвокатуры принял обязанности прокурора казанской судебной палаты. Один из руководителей следствия по убийству Царской семьи. После па-

дения белого Омска эвакуировался в Харбин. Один из инициаторов создания Юридического факультета. Осенью 1920 прочитал первые лекции, избран деканом факультета. Председатель правления и совета харбинского отделения Русского обновленного общества (1921). Председатель Приамурского земского собора во Владивостоке (1922). Скончался от туберкулеза легких. Ист. и лит.: HILA. Miroliubov, N.I. 2 ms. boxes; Н.И.Миролюбов: Некролог // Рус. слово. – 1927. – 26 февр.; Далекий друг. Свежая могила: (Некролог) // Заря. – 1927. – 27 февр.; Ш. Мария [Шапиро М.]. Памяти учителя: (Некролог) // Рус. слово. – 1927. – 1 марта.

МИТАРЕВСКИЙ, Андрей Андреевич (28 июля 1879, С.-Петербург – ?). Окончил гимназию в Ташкенте (1897) и Киевский политехнический институт императора Александра II (1903). Чиновник Департамента земледелия (1903–1908). Старший агент переселенческой организации (1908–1911). Областной агроном в Акмолинске (1911–1917). Жил во Владивостоке (1917–1922), заведовал типографией ГДУ. Преподаватель Никольск-Уссурийской женской гимназии (1922–1923). Жил в Харбине с 1924 г., служащий коммерческой части КВЖД (с 1925), занимался бобовыми культурами. Автор работ. Находился в командировке в СССР (1929). Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 9051. 30 л.: портр.

МИХАЙЛОВ (Андрианов), Иван Адрианович (29 дек. 1891, Нерчинск – 30 авг. 1946, Москва). Член партии эсеров с 1908. Младший преподаватель Санкт-Петербургского университета (до 1917), начальник отделения министерства продовольствия в Петрограде. Доцент Омского сельскохозяйственного института. Министр финансов в правительстве А.В. Колчака. В Харбине заведовал экономическим бюро КВЖД. Принимал участие в газетах «Заря» и «Харбинское время», издатель журнала «Manchurian Economic Review». Автор работ по экономике. Депортирован в СССР (1945). От помилования отказался. Судим на показательном процессе в Москве, расстрелян. Ист.: ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.185. 10 л.

МИХОВСКИЙ, Казимир Осипович (28 сентября 1881, Варшава – ?). Учился в Варшавской гимназии (до 1897), окончил Иркутскую гимназию (1902). Родители переехали в Харбин, откуда приехал во Владивосток (1906) и поступил на китайско-маньчжурское отделение Восточного института (1910). Сотрудник КВЖД. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 717. 28 л., портр.

МОЗАЛЕВСКИЙ, Иван Викторович (1 апреля 1862, Тулиголова Глуховского уезда Черниговской губ. – 3 июня 1940, Харбин). Доктор медицины. Военный врач, главный врач Заамурского окружного госпиталя, окружной врач, санитарный городской врач Харбина (1908–1 мая 1935). Член ОРО. Востоковед-любитель, владелец крупной востоковедческой коллекции, которую продал японцам (1926). Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 26860. 10 л.: портр.; Пандер Е. Пантеон Чжан Чжа Хутухты. Материал для иконографии ламаизма. Вып. 1

/ Пер с нем. И. Мозалевского. Харбин: Типолитогр. Охр. стражи КВЖД, 1919. 72 с.

МОРОЗОВ, Николай Иванович (февраль 1892 – после 1938). Окончил Царскосельскую гимназию и Горный институт в С.-Петербурге, где затем преподавал (1914–1915). Доцент и профессор Уральского горного института (с 1917), с которым в 1919 г. приехал во Владивосток. Профессор Владивостокского политехнического института. С 1921 г. жил в Харбине. Заведовал сельскохозяйственной лабораторией КВЖД, преподавал химию в учебных заведениях Харбина, в т.ч. на Юридическом факультете. Автор трудов по производству соевого масла и учебника для работников КВЖД. Репатриировался в СССР (1937). Вероятно, репрессирован. Ист. и лит.: МРК. Коллекция документов Н.И. Морозова; Князев А.Н. Пока нам не изменяет память // Политехник. – 1972. – № 4. – С. 22; Кочешков Н.В., Турмов Г.П. Дальневосточные профессора // Тр. профес. клуба. Владивосток, 1998. № 4. С. 40; История Юридического факультета в Харбине: Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. 1938. 17 марта.

МУРАВЬЕВ, В. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

НАДАРОВ, Виктор Иванович (13 октября 1873 – 1930-е, Китай). Сын И.П. Надарова. Штабс-капитан 14-го Восточно-Сибирского полка. Окончил корейское отделение Восточного института во Владивостоке (1903). Оставлен для подготовки к профессорскому званию (с 1 ноября 1903), занимался исследованиями отношений между Россией, Японией и Китаем. Делопроизводитель отдела уполномоченного управляющего КВЖД по сношению с китайскими властями в Харбине. Нештатный Российский вице-консул в Яньцзигане. Член ОРО. Надворный советник, награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Погиб. Лит.: Городская хроника // Приамур. ведомости. 1899. № 311 (12 дек.) С. 8–9; Заседание 9 сентября 1903 г. // ИВИ. – 1903. Т. 9. С. XIX–XXV.

НЕЗНАЙКО, Исидор Яковлевич (27 мая 1893, Кубань – после 1945). В детстве жил на КВЖД, где служил отец. По Высочайшему повелению в составе группы мальчиков был отправлен в Японию. Окончил семинарию и школу в Русской духовной миссии в Токио (1906–1912). Служил переводчиком в штабе Приамурском военного округа (с 1914) и в консульстве в Мукдене (с 1916). Комендант управления в Куаньченцзы (1918), работал в управлении Северо-Маньчжурской железной дороги (1920–1930). Чиновник при муниципалитете Харбина (1935–1941). Русский секретарь при помощнике Харбинского начальника (с 1940). Драгоман в Переселенческом управлении (с марта 1944). Служил на КВЖД в Харбине, затем переехал в Шанхай. Вел курсы японского языка в Харбине и Шанхае. Старший агент для особых поручений. Возможно, репрессирован. Ист.: SMPF. Reel 77; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 12398. 124 с.: портр.

НИКИФОРОВ, Николай Иванович (29 апр. 1886, Киевская губ. – 8 мая

1951). Окончил Университет Святого Владимира (1910), оставлен для подготовки к научной деятельности. Приват-доцент после сдачи магистерских экзаменов (1914–1917). Исполнял обязанности профессора Омского политехнического института по кафедре всеобщей истории (1917–1919). Профессор Иркутского университета (1920–1921), Профессор Дальневосточного университета во Владивостоке (1921). Профессор Юридического факультета (с 1 января 1922 до закрытия). Защитил диссертацию «Сеньериальный режим во Франции в исходе старого порядка» на степень магистра всеобщей истории в испытательной комиссии при Русской Академической группе в Праге (1928). Последний декан Юридического факультета (с февраля 1930). Опубликовал много работ по Всеобщей истории, издал несколько учебных пособий. Арестован СМЕРШем (1945) и депортирован в СССР. Осужден на 10 лет ИТЛ. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 41. 15 л.; Право и культура: Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 3–84; Рачинская Е. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Paris: YMCA-PRESS, 1990. С. 179–180; Зернов Н. Русские писатели эмиграции. Boston (Mass.): G.K. & Co., 1973. С. 96; Заерко Н.О профессоре Николае Николаевече Никифорове // На сопках Маньчжурии. 2000. № 80 (Нояб.). – С. 4–5: портр.; Люди и судьбы. С. 283.

НИЛУС, Евгений Христофорович (Хрисанфович) (7 марта 1880, Старица Тверской губ. – после 1945). Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1901) и Александровскую военно-юридическую академию (1910). Военный следователь Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи в Харбине (1914–1918); штаб-офицер для поручений при Верховном уполномоченном на Дальнем Востоке Д.Л. Хорвате и председатель межведомственной квартирной комиссии (1918–1921). Старший секретарь Правления КВЖД (1921-1930). Преподаватель курсов китайского языка (1924). Уволен со службы «за минования надобности» (1930). Полковник (1921). В основном занимался составлением «Исторического обзора» (с 22 октября 1921), ныне – важнейшего источника по деятельности дороги на 1-м этапе. Издание 1-го тома было приурочено к 25-летию КВЖД, 2-й том остался в рукописи. Лектор (курс судебного красноречия) Юридического факультета (1927–1928), Японо-русского общества и Института Св. Владимира в Харбине. Занимался частной практикой (с февраля 1930). Переехав в Тяньцзинь (1936), открыл частный банк на паях с бывшими служащими КВЖД. Затем жил в Шанхае, где занимался частной практикой и преподаванием. После 2-й мировой войны эмигрировал в Бразилию, затем уехал в Европу, где скончался. Ист.: ГАХК, Ф. 830. Оп. 3. Д. 680; SMPF. Reel 77; Б-ка Гавайского ун-та. ПС. Е.Х. Нилуса.

НОВИКОВ, Николай Кириллович. Окончил китайско-маньчжурское отде-

ление Восточного института во Владивостоке. Один из основателей ОРО. Преподаватель китайского языка в Харбинском коммерческом училище КВЖД и курса «Политическая организация стран Дальнего Востока» в Институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине. Член редколлегии журнала «Вестник Азии». Переселился в Австралию (около 1939), где преподавал русский язык. Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 37781. 2 л.; Серышев И. Русский язык в Австралии // Рус. жизнь. 1942. 18 сент.

НОСАЧ-НОСКОВ, Виктор Викторович (15 февраля 1878, Каменец-Подольск Подольской губ. – 27 июля 1943, Харбин). Окончил юридический факультет Московского университета (1900). Председатель правления Железнодорожного банка в С.-Петербурге – Петрограде (1910–1917). Эмигрировал с семьей в Харбин (1917), затем переехал в Тяньцзинь, где был избран председателем Русской колонии (1920). Соучредитель книгоиздательской компании «Восточное просвещение», взявшей в аренду типографию Русской духовной миссии в Пекине (1920–1921). Вместе с Г.К. Гинсом редактировал журнал «Восточное обозрение» (1921–1922). В 1924 г. приглашен на КВЖД «для работы по вопросам экономическим и железнодорожного хозяйства и написал книгу о КВЖД, которая была переведена на английский и французский языки и издана Остроумовым в очень ограниченном количестве экземпляров (36 экз.)» (л. 25 об.) Помощник бухгалтера правления КВЖД (с 1929). Читал лекции по политэкономии и финансовому делу в Институте ориентальных и коммерческих наук в Харбине, писал на экономические темы в газеты «Гун-Бао», «Харбинское время», «Наш путь». Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 497; Скорбная страница: некролог // Рус. нар. календарь на 1944 г. Харбин, 1944. С. 91.

ОРЕНБЕРГ, Эдуард-Иосиф Францевич (5 декабря 1889, Одесса – ?). Окончил Одесскую мужскую гимназию (1907) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1912). Сотрудник почтовой службы в Харбине. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 796. 32 л., портр.

ПАВЛОВ, Петр Александрович (? – после 1946). Сотрудник КВЖД. Метеоролог, биолог и геолог. Деятель ОИМК. Вероятно, репатриировался. Автор более 10 научных работ.

ПАВЛОВСКИЙ, Владимир Гаврилович (22 сент. 1880, Казань – ?). Окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия в 1904 г. Защитил магистерскую диссертацию о русском эпосе. С 1921 г. работал доцентом по кафедре русского языка Государственного Дальневосточного педагогического института имени Ушинского, затем Государственного Дальневосточного университета. Опубликовал работы об эпосе, этимологии русского языка и методике преподавания. Эмигрировал в Харбин, где занимал должность доцента и профессора в Ин-те ориентальных и коммерческих наук в Харбине, преподавал общее языкознание и логику. Лит.: И-ч.... С. 51–52.

ПАНИН, И.А. Востоковед-экономист. Член ОИМК. Автор более 10 научных работ.

ПЕТЕЛИН, Илья Иванович. Окончил Восточный институт во Владивостоке. Преподаватель китайского языка в Харбинском коммерческом училище КВЖД. Переводчик с китайского и английского языков. Публиковал в харбинских газетах воспоминания. Редактор газеты «Голос Родины». 2-й редактор ежедневной вечерней газеты «Рупор» (выходила со 2 сент. 1921). Деятель ОРО. Автор статей в «Вестн. Азии».

ПОГРЕБЕЦКИЙ, Александр Ильич (Илларионович) (1891–1952?). Член левых партий. Во время Гражданской войны работал в правительстве Колчака в Омске. В Маньчжурии примыкал к сменовеховцам. Начальник коммерческого отдела КВЖД. Получил советское гражданство. В Тяньцзине открыл Коммерческий банк (1935). Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 1765. 10 л.

ПОДСТАВИН, Григорий Владимирович (9 июля 1875, Рыбинск – 23 марта 1924, Харбин). Сын личного почетного гражданина. Окончил с отличием Рыбинскую гимназию, восточный факультет С.-Петербургского университета (1898). Находился в научной командировке в Корее (1899–1900). Директор Восточного института во Владивостоке (1919). 1-й ректор ГДУ, профессор по кафедре корейской словесности (1920–1922). Член ОРО. Действительный член ОИАК (с 1912). Во время Гражданской войны член Государственного экономического совещания и комитета Владивостокского отделения партии Народной свободы. В конце 1922 г. эмигрировал в Корею, а затем уехал в Маньчжурию, директор Хорватской гимназии в Харбине. Ист. и лит.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 30636; МРК, Коллекция Подставиных; Памяти профессора Григория Владимировича Подставина: некролог. Харбин, 1942. 21 с. Отд. отт. из журн. «Вестн. Азии». № 52.

ПОКРОВСКИЙ, Сергей Иванович (1884–?). Сын священника с. Покровское Орловской губернии. Окончил Орловскую духовную семинарию и китайско-маньчжурское отделение Восточного института. Коммерческий агент коммерческой части управления КВЖД. Автор статьи в журнале «Сельское хозяйство С.Маньчжурии» «Зерновые хлеба и технические растения, разводимые в Бадунэском, Лунванском, Дайлатинском и Таонаньском районах» (1913). Печатал в газете «Харбинский Вестник» статьи о кустарных изделиях китайцев Сев. Маньчжурии. Скоропостижно скончался в Харбине.

ПОЛУМОРДВИНОВ, Михаил Аркадьевич (26 июля 1867 – после 1930). Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус и Чугуевское пехотное юнкерское училище. Переведен в Отдельный корпус пограничной стражи (март 1903). Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Уволен по ранению со службы в звании полковника (май 1916). Деятель ОРО. Жил в Харбине. Занимался переводами с монгольского языка, редактировал работы о Китае.

Автор многих воен. трудов, в том числе в «Вестнике Азии». Лит.: Басханов М.К. С. 187–188.

ПОНОСОВ, Владимир Васильевич (25 апреля 1899, Уфа – 23 января 1975, Брисбен, Австралия). Учился на экономическом факультете Коммерческого института в Киеве (1916–1917). Жил в Маньчжурии с 1922 г. Член ОИМК с 1923 г., секретарь секции искусств. Учредитель и член Президиума Клуба естествознания и географии (11 апреля 1929–1946). Исследователь (с 1931), штатный сотрудник музея Института изучения культурного развития ОРВП (с 1932), заведующий этнологическим отделом. Со-заведующий музеем научно-исследовательского института Да-Лу (1939–1945). Председатель исторической секции Выставки предметов художественной старины и редкостей (Харбин. 1936). Как этнограф изучал дауров и солонов (тунгусская народность), совершив 6 экспедиций (1941–1945). Исследователь шаманства, буддизма, ламаизма и даосизма. Начальник палеонтологического отряда 1-й экспедиции Института изучения культурного развития ОРВП – Дунцзинчэн (осень 1931); ст. Сунгари (1934). Начальник экспедиций: в Баргу (1934), Сяомяо (1935), Маоэршань (1942–1943), Будунэ-Горлос (весна 1944), Ванхайтунь (осень 1944), Лаошэньтао – Нонни (1957). Эмигрировал в Австралию (1961), жил в Брисбене. Участвовал в полевых археологических исследованиях Квинслендского университета (1963). Куратор антропологического отдела университета (1966–1 января 1970), затем на пенсии. Автор более 30 работ. Ист. и лит.: МРК. Коллекция документов В.В. Поносова (№ 15, 6 коробок); Жернаков В.Н. Владимир Васильевич Поносов. Мельбурн: Изд. Мельбурн. ун-та, 1972. 16 с.: ил., портр. (Russians in Australia; № 3). Библиогр.: С. 14–16 (32 назв.); Жернаков В.Н. Памяти В.В. Поносова: некролог // Рус. жизнь. 1975. 25 апр.; 1976. 6 февр.; [Некролог] // Политехник. 1975. № 7. С. 125–126; Бакич О. Архив В.В. Поносова: Опись // Россияне в Азии. 1997. № 4. С. 327–331.

ПОПОВ, Георгий Константинович. Вице-консул (1916–1917), управляющий (1918–1920) Российского генерального консульства в Харбине. Надворный советник, награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

ПОПОВ, Михаил Михайлович. Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета. Студент в Пекине (1904). Драгоман в Российском генеральном консульстве в Урге (1905–1906) и Харбине (1907–1912), секретарь Российского консульства в Урге (1913).

РЕШЕТНИКОВ, Л. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

РУДЕНКО, Василий Васильевич (30 декабря 1885, Одесса – ?, Харбин). Сын мещанина. Окончил Коммерческое училище Г.Ф. Файга в Одессе (1905) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по 1-му разряду (1910). Сотрудник Министерства торговли и промышленности (С.-Петербург), затем в отделении Русско-Азиатского банке в Китае. Вернув-

шись на Дальний Восток, служил крестьянским начальником. После Октябрьской революции перебрался в Харбин. Служащий коммерческой части управления КВЖД, затем управления Китайско-Чиньчуньской железной дороги. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 942. 67 л., портр.

РУСТАНОВИЧ, Алексей Николаевич (?–после 1938). Окончил маньчжурско-монгольское отделение Окружной подготовительной школы переводчиков при Восточном институте. Подполковник. Участник 1-й мировой и гражданской войн. В конце 1917 откомандирован из Курского эвакуационного пункта как офицер-восточник в распоряжение штаба Приамурского военного округа и назначен исполняющим должность старшего драгомана военно-статистического отделения штаба округа, где служил до 1 января 1919 в военно-статистическом отделении штаба в г. Хабаровске. В распоряжение начальника контрразведки полосы отчуждения КВЖД в г. Харбин, ротмистр, заведующий наблюдением в контрразведке генерала Д.Л. Хорвата (с февр. 1919). Заведующий гостиницей «Гранд-Отель» в Харбине (с 1922). В конце 20-х состоял в организации китайских подданных русской национальности. Исполняющий обязанности конторщика, бухгалтера в строительной конторе инженера Рахманова (1925–1930). Надзиратель иностранного отдела, агент особого отряда Департамента полиции в Харбине (с 1932). Безработный (1936–1937). Агент особого отдела Департамента полиции на железнодорожном пропускном пункте в г. Харбине (с 1938). Лит.: Буяков А.М. Офицеры-выпускники Восточного института: Годы и судьбы // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1999. № 5. С. 102: портр.

РЫБАЛКО, Антон Иванович (1886?–9 марта 1935, Харбин). Окончил Пекинский институт восточных языков. Лингвист и переводчик с китайского языка. Похоронен на Новом кладбище. Лит.: Некролог // Гун-бао. Харбин, 1935. 10 марта (№ 2622). С. 5.

РЯЗАНОВСКИЙ, Валентин Александрович (1 января 1884, Кострома – 19 февраля 1968, Окленд, США). Окончил юридический факультет Московского университета, продолжил обучение в Германии. Приват-доцент Демидовского юридического лицея по кафедре гражданского права в Ярославле (1914–1917). Магистр гражданского права (1917). Исполнял дела профессора Демидовского лицея по кафедре гражданского права, Томского университета (осень 1918), Иркутского университета (1920) и ГДУ во Владивостоке. На Юридическом факультете в Харбине: профессор (1921–1 июля 1934), читал курсы гражданского права, гражданского процесса, китайского гражданского права, догмы римского права и вел семинары по гражданскому праву, декан (осень 1924 – март 1929), председатель испытательной комиссии (1923–1924). Жил в Тяньцзине, преподаватель. Эмигрировал в США. Почетный и действительный член многих обществ (Royal Asiatic Society и др.) Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 52. 12

л.; Право и культура: Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине, 1920–1937. Харбин, 1938. С. 42–43; Заверняев И.С. Памяти профессора В.А. Рязановского // Рус. жизнь. 1968. 26 июня; Собр. А.А. Хисамутдинова. Письмо Н.В. Рязановского от 25 сент. 1997 г.

САННИКОВ, Виктор Григорьевич (ноябрь 1913, Бухэду – 8 января 1995, Австралия). Жил в Харбине. Окончил гимназию Хорвата (1925), 1-е реальное училище (1930) и экономическое отделение Юридического факультета (1936). Учился в университете в Бельгии (1930–1932). Конторщик в отделении БРЭМа на ст. Бухэду. Экспедитор в Мулинском углепромышленном товариществе (с 1939). Эмигрировал в Австралию. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 4954. 16 л., портр.

СВЕНЦИЦКИЙ Вацлав (Вацлав Мариан) Фомич (9 ноября 1882, Малкин – ?). Сын начальника почтовой конторы на ст. Пограничная. Окончил Княгининское городское трехгодичное училище, Казанское земледельческое училище, сдал экстерном за курс Благовещенской гимназии (1903), учился в Томском технологическом институте. Окончил Восточный институт во Владивостоке (1910). Помощник контролера КВЖД. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 972. 37 л., портр.

СВИТ, Иван Васильевич (Sweet John V.) (27 июня 1897, Харьковская губ. – 8 марта 1989, Сиэтл, США). Окончил Купянскую школу (1913), Харьковскую семинарию (1915), учился на математическом факультете Харьковского университета. Журналист во Владивостоке (1918–1922), редактор журнала «Восход». Переехав в Харбин, писал в газеты, продавал почтовые марки (1922–1941), редактор еженедельника «Manchurian Herald». Сотрудник ЮМЖД. Автор статей на экономические темы. Жил в Шанхае с 22 июля 1941 г., открыл магазин по продаже марок. Редактор украинской националистической газеты «The Call of the Ukraine» (Зов Украины) на украинском языке (№1 – 25 февраля 1942. Тираж 300). Председатель Украинского национального комитета в Восточной Азии. В 1949 г. переехал на о. Тайвань, затем жил в Нью-Йорке и Сиэтле. Ист.: SMPF. Reel 81 (D 8149), 42; И.В. Свит: некролог // Бюл. Рус. колонии Сеаттля. 1989. № 219 (321). С. 17.

СЕРГЕЕВ, Александр. Окончил Институт ориентальных и коммерческих наук в Харбине. 1-й председатель кружка востоковедения этого института.

СЕРЕБРЕННИКОВ, Иван Иннокентьевич (13 июля 1882, Знаменское Верхоленского уезда Иркутской губ. – 15 июня 1953, Тяньцзинь). Окончив с серебряной медалью гимназию, поступил в Военно-медицинскую академию в С.-Петербурге. Арестован за участие в студенческой сходке, по приказанию военного министра отчислен из Академии (1902). Отбыл шестимесячное заключение в «Крестах» (1906). Деятель Восточно-Сибирского отдела РГО, правитель дел (с 1915). Сибирский областник-автономист. Секретарь Иркутской городской думы (с 1913). Министр Сибирского правительства и правительства

Колчака. Эмигрировал с женой в Китай (1920). Жил в Харбине, затем в Пекине и Тяньцзине. Один из учредителей Русской национальной общины, редактор ее «Вестника». Основал книжный магазин и частную библиотеку. Представитель РЗИА, куда отправил большую часть личного собрания. Ныне архив С. находится в Гуверовском институте войны, революции и мира (Калифорния). Автор многих книг и статей о Гражданской войне в России, краеведении и Китае. Ист. и лит.: HILA. Serebrennikov I.I. 25 ms. boxes, 11 envelopes, 3 album boxes; Хисамутдинов А.А. Серебренниковы из Тяньцзиня // Зап. Рус. акад. группы в США. 1994. Т. 26. С. 295–316.

СЕРЫШЕВ, Иннокентий Николаевич (15 августа 1883, Больше-Кударинская, Забайкалье – 26 августа 1976, Австралия). Окончил реальное училище в Троицкосавске (1900), учился в Томском технологическом институте (3 курса). Священник (1906), сменил несколько приходов, занимался кооперацией. Ездил в Европу (1910). Сотрудник культурно-просветительского отдела Алтайских кооператоров (1917–1918), затем жил в Японии, учился японскому языку. Законоучитель в железнодорожной школе в Харбине, наборщик и печатник в типографии учебного отдела КВЖД. В Харбине выпустил (№ 1 – 20 июля 1925) газету «Oriento» (на эсперанто). Переехав в Австралию (1926), жил в Сиднее. Сиднейский корреспондент журналов «Рубеж», «Хлеб Небесный» и других изданий, выходивших в Китае, Америке и Европе. Издатель журналов «Азия» (1934–1937), «Путь эмигранта» (1935–1938), «Полемический бюллетень»(1933), «Церковный колокол», «Церковь и наука», «Австралазия» и «Азия». Основал 1-ю русскую типографию в Австралии (1937). Автор воспоминаний, оставшихся неизданными. Лит.: Первая русская типография в Австралии // Рубеж. 1937. 20 марта. С. 14; Леонтий. Альбом русских знаменитостей // Новая заря. 1945. 28 сент., 4 окт.; Гребенщиков Г. Энтузиаст культуры: (Об Иннокентии Серышеве) // Новая заря. 1945. 17 нояб.; Зернов Н. Русские писатели эмиграции, 1921–1972. Boston (Mass.): G.K. & Co., 1973. С. 119–120; Суворов И.О. Иннокентий Серышев: Биогр. // Австралиада. – 1995. № 4 (июль). С. 7–8, 14: портр.

СЕТНИЦКИЙ (псевдонимы Г. Горностаев, А.К. Горностаев, Г. Гежелинский), Николай Александрович (29 ноября 1888, Ольгопол Волынской губ. – 4 ноября 1937, СССР). Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Оставлен при кафедре политэкономии Новороссийского университета (1919–1921). Жил в Харбине с 1925 г. Служащий КВЖД, преподаватель Юридического факультета (Харбин, 1926–1934) и Харбинского политехнического института. После продажи КВЖД уехал в СССР (1935). Автор статей на экономические темы. Занимался философией, опубликовал несколько работ. Арестован 1 сентября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. Ист. и лит.: ГАХК. Ф.830. Оп.3. Д.13677. Л.1; Russian literary and ecclesiastical life in Manchuria and China from 1920 to 1952: Unpubl. memoirs of Valeriy Perelesin. – The Hague, 1996. –

P. 51; Майарив В.Г. Русский философ Николай Сетницкий: от КВЖД до НКВД / http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vf/2004/7/136-157.pdf.

СКВИРСКИЙ, Федор Борисович. Юрист. Библиотекарь, работник Центральной библиотеки КВЖД. Автор статей о русском влиянии в Маньчжурии («Вестник Маньчжурии» и др.). Член ОИМК.

СКВОРЦОВ, Борис Васильевич (27 января 1896, Варшава – 25 июня 1980, Сан-Пауло, Бразилия). Окончил естественное отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета (1917). Преподаватель естественных наук в Харбинском коммерческом училище и во 2-й железнодорожной школе (Харбин, 1935). Исследовал лекарственные растения. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии». Председатель Харбинского сельскохозяйственного общества и ученый секретарь ОИМК. Редактор журнала «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии». Научный сотрудник Института леса при Академии наук КНР (Харбин, 1950–1957), профессор (1958–1962). Деятель Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов (1946–1955), опубликовал несколько работ по флоре и фауне Маньчжурии в его «Записках». Жил в Бразилии (с 1962). Сотрудник Ботанического института в Сан-Пауло. Описал и опубликовал сведения о более чем 1000 видов жгутиковых водорослей. Автор более 50 трудов. Лит.: Жернаков В.Н. К восьмидесятилетию Б.В. Скворцова // Рус. жизнь. 1976. 27 янв.; Памяти Бориса Васильевича Скворцова: некролог // Рус. жизнь. 1980. 21 авг.; Баранов А.И. Б.В. Скворцов (1896–1980): некролог // Политехник. 1984. № 11. С. 31.

СКУРЛАТОВ, Иван Сергеевич (30 мая 1874, Шелопугин Забайкальской обл. – ?). Окончил Благовещенскую гимназию и китайско-маньчжурско-монгольское отделение восточного факультета С.-Петербургского университета (1899), одновременно посещал лекции на юридическом факультете. Секретарь управления комиссара по финансовой части Квантунской обл. (с ноября 1899). Податный инспектор и начальник отделения Томской казенной палаты. Награжден серебряной медалью ИРГО за работу «Материалы к словарю тунгусских наречий». Особоуполномоченный (на правах товарища министра) министра финансов на Дальнем Востоке при правительстве Колчака (1918). Заведующий курсами китайского языка КВЖД (1 апреля 1924 – май 1930). Содержал и собственные курсы. Преподаватель реального училища Гуан-Хуа в Харбине (с 1935). Председатель Русского общества востоковедов в Шанхае. Автор многих работ по Китаю. Ист. и лит.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 31331; SMPF. Reel 80; ГАХК Ф. 830. Оп. 3. Д. 7610. 36 л., портр.; Научная жизнь Шанхая // Заря. 1941. 20 окт.

СМОЛЬНИКОВ, Прокопий Нилович (1888, Благовещенск – 15 ноября 1919, Харбин). Окончил Ургинскую школу восточных языков (китайские и монгольский языки). Драгоман Российского консульства в Харбине (1907–1 февраля

1910). Коммерческий агент Управления КВЖД. Член ОРО и РГО. Умер в поезде по дороге со станции Бухеду в Харбин (туберкулез). Лит.: Пищекова Т.В. История поиска // Фарафонтов А.П. По Забайкалью, Маньчжурии и США / Сост. Т.В. Пищекова. Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2001. С. 8; Некролог // Свет. 1919. 18 нояб. (№ 198). С. 4.

СОЛДАТОВ, Василий Васильевич (24 января 1875, Толба Нижегородской губернии - 29 октября 1923, Харбин). Один из учредителей и председатель Маньчжурского сельскохозяйственного общества, также редактор его органа - журнала «Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии»). Жил в Маньчжурии с 1911 г., во Владивостоке с 1915 г. и в Харбине с 1923 г. Преподаватель экономической географии, статистики и политической экономии в железнодорожных училищах КВЖД (1 сентября 1913 – 1 декабря 1915); на учительских курсах востоковедения в Харбине (лето 1915), где прочитал 7 лекций курса «Экономическая география Маньчжурии и Приамурья в связи с сопредельными странами Дальнего Востока»; Политехнического института во Владивостоке. Редактор-издатель журнала «Приамурский крестьянин» и «Экономического еженедельника» (№ 1 – 28 авг. 1921). Лит.: В.В.Солдатов: (Некролог) // Вестн. Азии. 1923. № 51. С. 347–350.

СОФОКЛОВ, Григорий Александрович (26 февраля 1881, Колтовская Пензенской губернии – после 1946, СССР). Окончил Восточный институт во Владивостоке (1907), рекомендован к подготовке к званию приват-доцента. Командирован с научными целями в Пекин (1907–1908). Заведующий Русско-китайской школой в Ханькоу. Жил в Харбине. Преподаватель Юридического факультета. Служащий Японской военной миссии, диктор. Арестован (26 августа 1945). Приговорен к 7 годам ИТЛ (14 ноября 1945). Реабилитирован (28 мая 1996). Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1046. 55 л.: портр.; «Хотелось бы всех поименно назвать»: Кн. – мартиролог (Л-Ф). [Хабаровск, 1998]. С. 309.

СПАЛЬВИН, Евгений Генрихович (Спальвин, Феликс Евгений Леопольд) (1872, ок. Риги – 10 ноября 1933, Харбин). Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета (1899). Во время учебы изучал китайский, монгольский, маньчжурский, корейский и японский языки. Член ОИАК (2 июля 1894) и ОРО. Жил в Японии (1899–1901). Преподаватель, профессор, заведующий библиотекой Восточного института (23 августа 1900–1925). Награжден орденом Святого Владимира 4-ой степени (1 января 1917). Декан восточного факультета ГДУ (с 30 мая 1921). Директор-распорядитель товарищества «Свободная Россия» (1922). Исполнял обязанности ректора ГДУ (1922–1923). Член Краеведческого НИИ при ГДУ, секция лингвистики и научных обществ в Токио: Народоведения, Японо-русского, Азиатского, Россиа-кенкю-кай и др. Представитель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, секретарь (по культуре) посольства СССР в Токио (1925–1931). Женат на японке. Со-

ветник КВЖД (1932–1933). Умер в Харбинской центральной железнодорожной больнице. Ист. и лит.: РГИА ДВ, Ф. 266. Оп. 1. Д. 629. 26 л.; Состав института // Бюл. Краеведческого НИИ при ГДУ. 1925. № 1. С. 18–19; Некролог // Заря. 1933. 11 нояб.; Григорцевич С.С. Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский Восточный институт в 1899–1916 гг.) // Сов. востоковедение. 1957. № 4; Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988. С. 29–34; Горегляд В.И. Евгений Генрихович Спальвин (1872–1933) // Восток. 1993. № 3. С. 128–136; Дневники Святого Николая Японского / Сост.: К.Накамура, Е.Накамура, Р.Ясуи, М.Наганава. Япония: Изд-во Хоккайдс. ун-а, 1994. С. 248; Хияма Синъити. Первый лектор Восточного института / Пер. З.Ф.Моргун // Изв. Вост. ин-та Дальневост. гос. ун-та. 1994. № 1. С. 48–51.

СПИЦЫН, Александр Васильевич (10 ноября 1876, Уварово Тамбовской губернии – 24 ноября 1941, Харбин). Окончил с отличием китайско-маньчжурское отделение Восточного института (1906). Советник в правлении КВЖД. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии». Редактор газеты «Шен Цзин-Бао» и официальной газеты «Юан Дун-бао» (изд. КВЖД на кит.). Одновременно писал в «Новом времени». Его работы заметил Столыпин и предложил разработать экономическую программу. Участвовал в мирных переговорах с китайскими властями о передаче им дороги во время гражданской войны. Много записей осталось в рукописях. Советник при правлении при совместной эксплуатации КВЖД Мукденским правительством и СССР. Содействовал своими советами упрочению порядка в крае. Большую роль сыграл в развитии местной угольной промышленности: один из основателей Мулинских и Шасунских копий, где работал в последние годы. Скончался после тяжелой болезни. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 2019. 14 л.; На панихидах по А.В. Спицыну // Заря. 1941. 25 нояб.; А.В.Спицын: (Некролог) // Хлеб Небесный. 1941. № 12. С. 50: портр.

СТЕПАНОВ, Иван Степанович (1861 – после 1943, Сидней). Открыл 1-ю русскую школу в Харбине (6 декабря 1898). Написал и издал букварь, который является 1-м изданием в Харбине, использовался в китайских школах. На пенсии с 1920. Один из основателей ОИМК. Эмигрировал в Австралию, где занимался преподавательской деятельностью, директор школы в Сиднее, председатель учительского совета. «Человек кристальной душевной чистоты. Никогда никого словом не обидел, никогда у него не было врагов и не могло быть» (Рус. жизнь). Лит.: Серышев И. Русские в Сиднее // Рус. жизнь. 1943. 5 нояб.

СТЕПАНОВ, Семен Федорович (1874–1934, Шанхай). Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета (китайский и монгольский языки). Находился на дипломатической службе в Китае, работал в китайских фирмах и в таможне. Управляющий Монгольским отделением Русско-Китайского банка (1906–1909). Библиофил. Переводчик китайской поэзии. Ист. и лит.: Переле-

шин В. Стихи о лотосе // Новое рус. слово. 1972. 2 июля; Перелешин В. Русские поэты-переводчики на Дальнем Востоке // Рус. жизнь. 1988. 6 февр. С. 8.

СТРОМИЛОВ, В. Член ОРО. Автор статей в «Вестн. Азии».

СУНГУРОВ, Антонин Иванович (1894–?). Жил в Харбине. Занимался изучением китайского лубка. Организатор и участник 1-й этнографической выставки картин в Харбине (около 1934). Написал более 300 картин на темы китаеведения. Вернулся в СССР и открыл персональную выставку в помещении Московского института усовершенствования учителей (рядом с Институтом востоковедения), которая носила закрытый характер (1951). Ист. и лит.: ПО ИВ. Ф. 820. Оп. 3. Д. 753 (Письма к В.М.Алексееву (1935– 191). 19 л.; Рогов В. Антонин Сунгуров – художник-китаевед. Харбин: Наука, тип. Г.Сорокина, 1934. 8 с.: ил.

СУРИН, Виктор Ильич (11 апреля 1875, Бессарабия – 18 февраля 1967, Сан-Франциско). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба, где позднее профессор. Помощник военного министра в правительстве Директории. Военный деятель правительства Колчака. Старший агент Экономического бюро КВЖД. После прочтения лекции «Железнодорожное строительство в Китае и в Маньчжурии» избран приват-доцентом Юридического факультета в Харбине по кафедре экономическая география (29 декабря 1931). Переехал в Шанхай. В последние годы жил в Сан-Франциско. Ист.: SMPF. Reel 81; В.И.Сурин: (Некролог) // Новое рус. слово. 1967. 7 апр. С. 2.

ТАЛЫЗИН, Михаил Архипович (наст. фамилия Суганов) (6 сентября 1893, Красноярск – после 1946). Окончил Красноярскую семинарию и С.-Петербургскую академию художеств, архитектор. Невозвращенец. Сотрудник газет «Гун Бао» (с 1927) и «Харбинское время» (с декабря 1931). Публиковался в русских изданиях в Риге и Париже. Арестован и депортирован в СССР. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 366. 272 л.

ТЕЛЬБЕРГ, Георгий Густавович (27 сент. 1881, Царицын – 24 февр. 1954, Нью-Йорк). Окончил юридический факультет Казанского университета. В Московском университете получил степень магистра истории русского права (1912). Лектор по русской истории и юридическим древностям в Московском археологическом институте и в Московском университете (1912–1913). Профессор по кафедре истории русского права Томского университета (1913–1917), затем декан юридического факультета Саратовского университета. Управляющий делами Омского правительства. После закрытия Юридического факультета в Харбине переехал в Циндао, где занялся торговлей эмигрантской литературой. Эмигрировал в США (1940), где открыл книжный магазин (Telberg Book Co. in Sag Harbor, N.Y.). Ист. и лит.: Гинс Г. Сибирь, союзники, Колчак. Т. 2. Пекин, 1920. С. 26; Арнольдов Л.Г. Жизнь и Революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай: Изд-во А.П.Малыка и В.П.Камкина, 1935. С. 175–176; К.Н. Проф. Г.Г.Тельберг: (Некролог) // За веру и правду. 1954. № 3

(окт.) С. 50.

ТИТОВ, Елпидифор Иннокентьевич (4 июля 1896, Тунгуй Забайкальской области – 21 янв. 1938, Хабаровск). Окончил Иркутский университет (1923). Совершил этнографические экспедиции по Дальнему Востоку (1923–1925). Жил в Харбине (1927–1932). Автор работ по краеведению, археологии и этнографии. Жил в Хабаровске: заведующий иностранным отделом газеты «Тихоокеанская звезда» (1935–1937). Ответственный секретарь журнала «На рубеже» (1933–1937). Арестован (5 авг. 1937). Приговорен к ВМН (28 дек. 1937). Реабилитирован (25 сент. 1957). Ист. и лит.: Сутурин А. Дело краевого масштаба: О жертвах сталинского беззакония на Дальнем Востоке. Хабаровск: Кн. изд-во, 1991. С. 96–121; «Хотелось бы назвать всех поименно назвать»: Книга-мартиролог. Л-Ф. [Хабаровск, 1998]. С. 353.

ТИХОНОВ, Александр Николаевич. Ветеринарный врач. Служащий КВЖД. Жил в Харбине. Член ОИМК. Автор нескольких малотиражных научных трудов.

ТИШЕНКО, Петр Семенович (21 января 1879 – после 1946). Окончил Харьковское земледельческое училище с 1-м разрядом (1898) и китайско-монгольское отделение Восточного института с отличием (1906). Один из учредителей ОРО. Служащий КВЖД (с 1906). Городской голова Харбина. Сотрудник газеты «Заря». Редактор газеты «Харбинский вестник». Председатель городского совета Харбинского общественного управления (сент. 1917 – 20 марта 1926). Автор работ о Маньчжурии и газетных статей по истории Харбина. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1101. 20 л., портр.; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 44166. 8 л.

ТОЛМАЧЕВ, Владимир Яковлевич (21 ноября 1879, Шадринск – 8 мая 1942, Шанхай). Окончил гимназию в Екатеринбурге, Санкт-Петербургский университет по специальности биологии, антропологии и географии (1902), Археологический институт в Санкт-Петербурге (1902) и Санкт-Петербургскую художественную школу. С целью повышения образования ездил по России, в Египет, Индию и т.д. Участник русско-японской войны. По поручению Археологической комиссии совершил несколько командировок по исследованию подторфяниковой культуры и наскальных надписей и пр. в Пермской, Оренбургской и Самарской губерниях. Заведующий отделом мастерской учебных пособий министерства народного просвещения Дальневосточной республики в Чите, лектор по истории культуры (археология) в Институте народного образования в Чите (1921). Деятель ОИМК. Сотрудник Юбилейной выставки КВЖД (1923). Организатор и заведующий торгово-промышленным отделом музея ОИМК (1923–1924). Временный хранитель и организатор тарифно-показательного музея КВЖД (1924–1925). Жил в Харбине (с 1922), затем переехал в Шанхай, где преподавал. Попал в автомобильную катастрофу. К 1935 г. опубликовал более 50 работ по археологии, биологии и товароведению. Ист.: МРК. Коллекция до-

кументов и рукописей В.Я.Толмачева; SMPF. Reel 81; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 738. 40 л.: портр.

ТОРГАШЕВ, Борис Павлович. Российский коммерческий атташе в Китае. Лектор Пекинского национального университета. Автор многих работ о Китае.

ТРЕСВЯТСКИЙ, Всеволод Дмитриевич (20 апреля1889, Курган – ?). Сын диакона. Окончил Тобольскую духовную семинарию (1910) и корейско-китайское отделение Восточного института по 1-му разряду (1915). Занимался кореведением. Награжден серебряной медалью за письменное сочинение. Жил в Харбине, сотрудник издательства журнала «Вестник Маньчжурии и директор гимназии в Хайларе. Возможно, репатриировался в СССР (после 1930). Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1114. 55 л., портр.

ТРЕТЧИКОВ, Николай Григорьевич. Библиограф и востоковед. Сотрудник экономического бюро КВЖД. Преподаватель Педагогического института и Юридического факультета в Харбине. Деятель ОРО и ОИМК. Автор нескольких научных работ по библиографии. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 45862. 7 л.

ТРЕТЬЯКОВ, Сергей Михайлович (8 июня 1892, Кулдиг Курляндой губернии – 9 августа 1939, Москва) Окончил юридический факультет Московского университета (1915). Жил во Владивостоке и в Китае. Поэт-футурист, один из основателей журнала «Творчество». Читал лекции в Китае. Автор произведений о Китае. Арестован. Расстрелян. Реабилитирован. Лит.: КЛЭ ... 1972. Т. 7. Стб. 613.

ТРОИЦКИЙ, Александр Сергеевич (? – 14 мая 1940, Харбин). Окончил Калужскую духовную семинарию (1900) и восточный факультет С.-Петербургского университета (1906). Учился в Восточном институте во Владивостоке (1900–1901). Студент в Токио (1906–1911). Российский вице-консул в Сейшине (1912–1917) и Японии. Автор нескольких учебников, пособий и словарей по японскому языку. Лит.: Скорбная страница // Рус. народный календарь на 1941 г. Харбин, 1940. Б.с.

ТЮНИН, Михаил Семенович (9 июля 1865, Сарапул Вятской губернии – после 1946). Окончил Сарапульское реальное училище (1882) и Петровскую земледельческую и лесную академию в Москве, агроном (1888). Чиновник земской управы и нотариус (с 1912) в Сарапуле. Заведующий музеем им. Кытманова в Енисейске (с 1917). Секретарь музея Приенисейского края в Красноярске. Жил в Харбине с 15 апреля 1923 г. Заведующий отделом местной печати и архивом ОИМК (1923–1928). Помощник библиотекаря (1925–1930), библиотекарь (1931–1934) Центральной библиотеки КВЖД. Автор работ по библиографии и истории русской печати в Маньчжурии. Вывезен в СССР (после 1945). Репрессирован. Автор многих работ по истории русской периодической печати в Маньчжурии. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5679. Л. 1, 1об., 2, 2об., 4.

УЛАСЕВИЧ, Василий Григорьевич (26 февраля 1894, Невяжцы Слуцкого уезда Минской губ. – ?). Окончил коммерческое училище им. М.М. Кириякова (1914) и Восточный институт во Владивостоке (1919). В эмиграции жил в Пекине и Харбине. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1134. 53 л.: портр.

УЛЬЯНИЦКИЙ, Леонид Григорьевич (16 июля 1884, Одесса – 4 декабря 1946, Харбин). Окончил китайско-маньчжурское отделение С.-Петербургского университета и Практическую восточную академию в С.-Петербурге с дипломом 1-й степени (1910). Чиновник (драгоман) Приамурского генерал-губернатора (с 4 марта 1911). Преподавал в Хабаровске. Один из основателей и секретарь ПОИОВ (с 1912). Сотрудник КВЖД (с 1918). Профессор в Харбине, преподавал в Харбинском политехническом институте и Северо-Маньчжурском университете. Публиковал статьи о Китае. Ист. и лит.: Иогель И. Северо-Маньчжурский университет выпустил около 150 эмигрантов-ценных специалистов // Рубеж. 1941. № 14 (11 окт.): ил.; В Харбине // Новая заря. 1947. 5 февр.; Жуков А. Судьба забытого профессора // Тихоокеан. звезда. 1993. 25 авг.: портр.

УСОВ, Сергей Николаевич (9 сентября 1891, Михайловское – 26 авг. 1966, Рязань). Жил в Маньчжурии с 1906 г. Окончил Харбинское коммерческое училище, Иркутское военное училище (1917) и восточно-экономический подотдел Юридического факультета в Харбине (экстерном, 1929). После прочтения экзаменационной лекции «Идеальное государство древнего Китая» приват-доцент восточного факультета ДВГУ во Владивостоке (28 декабря 1934). Преподаватель китайского языка в Харбине (1922–1937): заведовал курсами восточных языков на Юридическом факультете, преподавал в Русско-китайском политехническом институте. Опубликовал серию учебников и учебных пособий по китайскому и русскому языкам, иероглифике, фонетике и фонетическим упражнениям, методике преподавания языков. Секретарь муниципалитета в Харбине (с 1946). Репатриировался в СССР (1954), жил в Рязани. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д 1139. 9 л.: портр.; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 72386. 3 л.: портр.; Право и культура. Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине, 1920–1937. Харбин: Изд-во Рус.-Маньчжур. книготорговля, 1938. С. 44–45, 71–72: портр.; Корецкий А.П. Эпопея русского эмигранта (без героики): Воспоминания // Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 127–132.

УСПЕНСКИЙ, Константин Викторович (1-й) (1881–1 февраля 1940, Харбин). Окончил восточный факультет С.-Петербургского университета. Студент в Пекине (1904–1910). Драгоман в Кульдже (1911). Секретарь в Российском генеральном консульстве в Тяньцзине (1913–1916). Коллежский асессор, награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Жил в Харбине: переводчик с китайского языка документов по китайской юриспруденции, преподаватель Юридического факультета и средних учебных заведений в Харбине. Похо-

ронен на Новом кладбище Ист.: [Некролог] // Хлеб Небесный. 1940. № 3. С. 62–63; Скорбная страница: некролог // Рус. нар. календарь на 1941 г. Харбин, 1940. Б.с.

УСТРЯЛОВ, Николай Васильевич (25 дек. 1890, С.-Петербург – 14 сентября 1937, Москва). После окончания Московского университета (1913) оставлен на кафедре энциклопедии и философии права. Прослушал лекции в Сорбонне и Марбургском университете (весна-лето 1914). В Московском университете сдал магистерские экзамены по философии права и государственному праву (декабрь 1915). Ассистент Московского коммерческого института (1916), приват-доцент Московского университета и преподаватель Народного университета имени Шанявского (1917). Читал в Московском университете курс по истории русской политической мысли (1917–1918) и популярный курс государственного права и общей теории права в Тамбове (лето 1918). Приват-доцент Пермского университета, заведующий кафедрой государственного права. В январе 1919, вскоре после взятия Перми войсками Колчака, переехал в Омск, директор Русского бюро печати и редактор газеты «Русское дело». После падения Омска переехал в Иркутск (ноябрь 1919), затем в Харбин. Профессор Высших юридических курсов в Харбине. Приготовил к печати сборник всех статей омского, иркутского и харбинского периодов по вопросам политики, а также философии революции. С 1920 г. один из идеологов смено-веховского течения в эмиграции, выступал за примирение с Советской властью. Начальник Учебного отдела КВЖД (1925–1928). Директор Центральной библиотеки (1928–1934). Редактор газеты «Новости дня» (1920–1934). Совместно с Г. Диким издавал альманах «Русская жизнь» (1920–1924). Инициатор создания Юридического факультета в Харбине (Записка У. от 16 февраля 1920). Читал там лекции по государственному праву, общей теории права, истории философии права, конституционному праву, конституции СССР. 1 июля 1934 г. покинул Юридический факультет с группой профессоров, принявших советское гражданство. Вернулся в СССР с группой работников КВЖД (1935). Преподаватель Московского института инженеров транспорта. Арестован (6 июня 1937). Приговорен к ВМН (14 сентября 1937). Расстрелян. Реабилитирован (20 сентября 1989). Ист. и лит.: Быстрянцева Л.А. Архивные материалы по Н.В. Устрялову (1890–1937) / http://thelib.ru/books/avtor_neizvesten/arhivnie_materiali_po_nvustryalovu-read.html; HILA. Ustrialov N.; Право и культура. Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине, 1920–1937. Харбин: Изд-во Рус.-Маньчжур. книготорговля, 1938. С. 8–84; Посадков А.Л. Н.В.Устрялов в Харбине: Судьба рус. издателя // 100-летие города Харбина и КВЖД: Материалы конф., 29 мая 1998 г. Новосибирск, 1998. С. 41–54.

ФИРСОВ, Михаил Аркадьевич (27 апреля 1879, Клин Московской губ. – 18 февраля 1941, Харбин). Окончил Московское реальное училище, два семестра

Московского университета и Виленское военное училище (1904). Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Полковник, ранен, по болезни отправлен в бессрочный отпуск. Занимался биологией животных и орнитологией (с 1896). Хранитель и директор музея ОИАК (Владивосток, 1924–1931), ученый секретарь по внутренней корреспонденции ВОГО. Нелегально перешел советско-китайскую границу (лето 1931). Таксидермист музея ОИМК в Харбине. Заведующий зоологической станцией института Да-Лу. Ист.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 5. Д. 165; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 47319. 3 л.; Архив Хабаровского музея. Автобиография М.А. Фирсова от 3 октября 1934. 2 л.; Последний путь полковника М.А. Фирсова: некролог // Харбин. время. 1941. 21 февр.

ХИОНИН, Алексей Павлович (16 марта 1879, Владимир – 11 января 1971, Сидней). Окончил китайско-монгольское отделение Восточного института во Владивостоке по 1-му разряду (1903). Во время Русско-японской войны мобилизован, секретарь коменданта Главной квартиры полевого штаба главнокомандующего (с 26 января 1904). После демобилизации (апрель 1906) откомандирован в С.-Петербург, где занимался научной работой. Атташе (с июня 1907). Драгоман Российского консульства в Кашгаре (с 1909). Консульский секретарь в Урусутае (с 1910), затем в Урге. Российский консул в Кобдо (1917–1920). После закрытия Российского консульства китайскими властями уехал из Монголии в Тяньцзин, а затем в Харбин, где служил в конторе Русско-китайско-японского лесопромышленного общества (1922). Экономист правления ЮМЖД в Харбине (1924). Редактировал журнал «Вестник Азии». Директор Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине, читал лекции по китайскому языку и экономике стран Дальнего Востока. Профессор монголоведения в Японо-русском институте в Харбине (1928–1936). Переехав в Дайрен (1940), экономист-монголовед в правлении ЮМЖД. С приходом в Маньчжурию советских войск переводчик Главной военной комендатуры в Дальнем (бывш. Дайрен). Профессор русского языка в Китайском институте и Китайском университете в Дальнем (1950–1959). Эмигрировал в Австралию (1959), где подготовил к печати «Новейший китайско-английский словарь». Ист. и лит.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 55501. 14 л.: портр.; Жернаков В.Н. Алексей Павлович Хионин. Австралия: Изд-во Мельбурн. ун-та, 1973. 5 с.: портр. Библиогр.: 11 назв.; Ориенталист. Восточно-экономический институт в г. Харбине // Политехник. 1975. № 7. С. 147–148; Хисамутдинов А. Алексей Хионин из Общества русских ориенталистов // Восток. 1997. № 4. С. 112–117.

ХОРВАТ, Артемий Алексеевич. Зоотехник. По предложению А.С. Мещерского командирован в Китай для обследования животноводства (1919). Автор работ по экономике Китая.

ЧЕРЕПАХИН, Г. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

ЧЕШИХИН, В. Член ОРО. Автор статей в «Вестнике Азии».

ЦЕЦЕГОВ, М.П. Профессор Кантонского учительского колледжа.

ЧЕПУРКОВСКИЙ, Ефим Михайлович (2 февраля 1871 – 10 сентября 1950, Лос-Анджелес). Окончил естественно-исторический факультет Харьковского университета. Получил научные степени магистра и доктора наук от Московского университета. Секретарь Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете и Общества естествознания при Московском университете, член-корреспондент Германского антропологического общества. В 1924–1926 гг. директор Владивостокского государственного областного музея (бывш. музей ОИАК), сотрудник Краеведческого НИИ при ГДУ, председатель совета отдела «Природа». Профессор ГДУ (с 1923). Жил в Харбине (с 1921), работал на Юридическом факультете. Публиковал статьи в «Вестнике Маньчжурии», «Известиях Юридического факультета», составлял библиографические обзоры. Уехал в Европу, жил в Литве, затем в США (Лос-Анджелес), где прожил 11 лет. Ист. и лит.: Состав института // Бюл. Краевед. НИИ при ГДУ / Под ред. Е.М. Чепурковского и Г.Н. Гассовского. Владивосток, 1925. № 1. С. 18; А.В.С. Хроника Лос-Анджелеса // Новая заря. 1949. 18 марта.

ШАПИРО (Мария Ш.), Мария Лазаревна (27 октября 1900, Иркутск – 9 октября 1971). Работала в благовещенской газете «Харбинская пресса». Окончила в Харбине экстерном гимназию Генерезовой (1919) и юридическое отделение Юридического факультета (1924), где была оставлена для подготовки к научному званию при кафедре гражданского права, вела практические занятия по римскому праву (1928–1936). Сотрудничала (с 1925) с газетами «Русское слово», «Луч Азии», «Заря», «Гун-бао». Арестована в редакции газеты «Харбинское время» (29 ноября 1945). По отбытии заключения жила в инвалидном доме и писала мемуары. Рукопись содержала 1700 с., последняя запись от 14 апреля 1962. Ист.: ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11409. Л. 1; HILA. Shapiro M. 4 box.

ШАРЕНБЕРГ-ШОРЛЕМЕР, фон, Валериан Николаевич (30 января 1876, С.-Петербург – ?). Изучил самостоятельно китайский язык. Окончил Тифлисское пехотное училище (1898) и вольнослушателем китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке (1907). Подпоручик 1-го Владивостокского крепостного полка (с 19 мая 1900). Командирован в распоряжение военного агента в Китае (с 7 ноября 1907). Штабс-капитан (20 ноября 1907). Член ОРО. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Преподаватель теории китайского языка на курсах подготовки к службе на КВЖД (3 февр. 1923–1 марта 1924), затем в других учебных заведениях Харбина. Автор словарей и др. работ. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1238 (Шаренберг В.).

ШАСТИН, Н. Член ОРО. Автор переводов в «Вестнике Азии».

ШКУРКИН, Павел Васильевич (3 ноября 1868, Лебедино Харьковской губ. – 1 апреля 1943, Сиэтл). После окончания Александровского военного училища (1888) служил в Южно-Уссурийском крае. Окончил Восточный институт по

1-му разряду (Владивосток, 1903). Помощник Владивостокского полицмейстера (с 20 мая 1903). Участник Русско-японской войны, штабс-капитан, командир разведки Ренненкампфа, неоднократно отличался в боях, имел награды с надписью «За храбрость», в том числе китайский орден Двойного Дракона 2-й степени. Служил в штабе Приамурского военного округа. Один из основателей ПОИОВ. Переводчик на КВЖД, преподавал в учебных заведениях Харбина. Пригласил В.К. Арсеньева прочитать цикл лекций в ОРО (1916). В 1927 г. уехал в США. Член-учредитель Русского исторического общества в США. Участвовал в общественной жизни Сиэтла. Автор многих книг и статей на китаеведческие темы. Ист. и лит.: Собр. В.В. Шкуркина (Сан-Пабло, США). Архив П.В. Шкуркина; Краткий отчет по Русской библиотеке при Свято-Спиридоновском соборе в гор. Сиэтле // Рус. поля. 1943. 20–27 дек. / 2–9 янв. (№ 1–2); Жернаков В.Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ, 1903–1973. Сан-Франциско, 1973. С. 19–21. Библиогр.: С. 21–23; Бакич О. Дальневосточный архив Павла Васильевича Шкуркина: Предвар. оп. 2-е изд. San Pablo, CA (США): Изд-во В.В. Шкуркина, 1997 (май). 133 с.: ил.

ШТЕЙНФЕЛЬД, Николай Павлович (1864–декабрь 1925, Хабаровск). Сын горного инженера и редактора «Екатеринбургской недели». Редактор газеты «Харбинский вестник», корреспондент газеты «Приамурский край». 1-й секретарь Харбинского биржевого комитета. Член ОРО и ИОВ. В 1919 редактор газеты «Восточная Азия: Ежедн. внепарт. демокр. газ., издающаяся в г. Маньчжурии». В 1920–1921 гг. редактор газеты «Маньчжурия: Ежедн. внепарт. демокр. газ., выходящая в Маньчжурии». Переехал из Харбина во Владивосток (1921), сотрудник газеты «Голос родины». Живя в Хабаровске, сотрудник газеты «Тихоокеанская звезда». Ист.: Гос. Архив Пермского края. Ф. Р-790 (Архивная коллекция документов, собранных А.К. Шарцем, «Уральский биографический словарь»). Оп. 1. Д. 2616 (Штейнфельд Николай Павлович, публицист); Заблоцкий Е.М. Биографический словарь деятелей горной службы дореволюционной России (сетевая версия) / http://russmin.narod.ru/bioMinz16.html; Сводный каталог периодических изданий / http://orel.rsl.ru/nettext/bibliograf/sv_cat_period_izd.pdf.

ЩЕЛКОВ, Алексей Алексеевич (23 апреля 1876, Ярославль – 28 ноября 1942, Шанхай). Инженер путей сообщения. 1-й директор Харбинского политехнического института (до этого Русско-Китайский техникум, основан 16 октября 1920). Профессор геодезии в Шанхае. Ист. и лит.: SMPF. Reel 80; Заамурец А. Юбилейный политехник // Рус. жизнь. 1972. 27 сент.; Румянцев В. Русско-Китайский техникум // Политехник. 1973. 2 апр. С. 1–4; Фиалковский, П.К. В его стенах все мы были молоды. Харбинскому политехническому институту 75 лет // Проблемы Дал. Востока. 1995. № 3. С. 115–118.

ЩЕРБАКОВ, Георгий Иванович (1877, Кострома – ?). Директор Обще-

ственного (Алексеевского) русского реального училища «Гуан-Хуа» в Харбине. Автор учебных пособий (Харбин, 1933).

ЩИРОВСКИЙ, Сергей Владимирович (20 июля 1884, Екатеринославль – ?). Окончил Орловское Александровское реальное училище (1902) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института во Владивостоке по 1-му разряду (1911). В эмиграции жил в Харбине. Преподаватель китайского языка в Харбинском коммерческом училище и в Институте ориентальных и коммерческих наук. Ист.: ГАПК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1271. 87 л., портр.

ЭНГЕЛЬФЕЛЬД, Владимир Викторович (11 июня 1891, Тобольская губ. – 16 октября 1937, Харбин). После окончания юридического факультета С.-Петербургского университета оставлен для подготовки к профессорскому званию (1937). Защитил магистерскую диссертацию по истории русского права. Служил в Сенате Омского правительства, затем уехал во Владивосток. Профессор Пекинского института русского языка и юридических наук (1921–1923), одновременно советник Министерства юстиции в Пекине. Переехав в Харбин, заведовал кафедрой административного права Юридического факультета (с 1923). Защитил диссертацию «Очерки государственного права Китая» на степень магистра государственного права перед Русской академической группой в Париже (1925). Исполнял дела экстраординарного профессора по кафедре международного права Юридического факультета (с 4 марта 1926). Болезненно пережил закрытие Юридического факультета, не представляя себя вне академической среды. Призывал коллег к продолжению работы и поиску новых путей в науке. Эти проблемы стали одной из причин смерти – по пути на занятия по японскому языку произошел инфаркт. Ист. и лит.: ГАПК. Ф. 117. Оп. 6. Д. 64. 31 л.; Никифоров Н.И. Профессор В.В. Энгельфельд // Право и культура. Харбин, 1938. С. 85–86.

ЭСПЕРОВ, Николай Евгеньевич (4 ноябрь 1893, Сорочьи Горы Казанской губернии – ?). Окончил гимназию в Казани (1914). В 1914–1917 гг. учился в Казанском университете с перерывом для участия в 1-й мировой войне, когда окончил Иркутскую студенческую школу прапорщиков (16 ноября 1916). Окончил Юридический факультет в Харбине (1923). Был командирован за границу и сдал магистерские экзамены перед Русской Академической группой в Париже (1926). На Юридическом факультете: приват-доцент по кафедре истории русского права, затем профессор (с января 1934). Преподаватель русского языка на Китайском юридическом факультете. Автор более 40 изданных работ. Председатель Харбинского общества помощи инвалидам и редактор однодневного выпуска «Инвалид» (15 ноября 1936). Сотрудник управления ЮМЖД «Мантецу» в Дайрене и в Харбине (1944). Арестован 10 сентября 1945. Приговорен: Военным трибуналом 6 армии 5 ноября 1945 г., обв.: 58-2 («антисоветская агитация среди эмигрантов»). Приговор: 10 лет лишения свободы,

конфискация имущества. Реабилитирован 21 августа 2002. Ист.: Книга памяти Республики Татарстан / http://lists.memo.ru/d38/f140.ht; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 3523. 26 л.: портр.

ЯКОВЛЕВ, Борис Павлович (? – апрель 1947, Тяньцзинь). Натуралист и таксидермист. Заведующий музеем ОИМК. Автор научных статей в «Вестнике Маньчжурии». Живя в Тяньцзине, работал в музее французской католической миссии. Лит.: Научная жизнь Шанхая // Заря. 1941. 20 окт.

ЯКОВЛЕВ, Лев Михайлович (1916, Ставрополь – 1945, Харбин). Окончил Юридический факультет в Харбине (1937). Вместе с членами Национальной организации исследователей-пржевальцев совершил ряд поездок по Маньчжурии. Публиковал статьи о китайской культуре в журнале «Рубеж». Ист. и лит.: Алин В.Н. Светлой памяти Льва Михайловича Яковлева: некролог // Зап. Харбин. о-ва естествоиспытателей и этнографов. 1946. № 1. С. 1–2; Баранов И.Г. Светлой памяти ученика // Там же. С. 5–6; Тиссен О. Скауты-пржевальцы // На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1996. № 33. С. 5: портр.

ЯШНОВ, Евгений Евгеньевич (28 ноября 1881, Норская мануфактура под Ярославлем – 25 июня 1943, Шанхай). Окончил Ярославское городское училище (1897). За политическую деятельность неоднократно арестовывался (1899–1904). Переехав в С.-Петербург (1905), публиковал в газетах рассказы и стихи. Статистик в Управлении переселенческого дела в Сыр-Дарьинском районе (1908–1912, 1914–1915), Управлении делами Особого совещания по продовольствию (1915–1917), в Омске (1917–1919), Владивостоке. Агент Экономического бюро КВЖД (1921–1935). Посетил Москву (1923) и Хабаровск (1927). Жил в Тяньцзине, Пекине, затем в Шанхае (с 1938). Автор более 100 работ. Ист. и лит.: Собр. А.А. Хисамутдинова. Личный архив Е.Е. Яшнова; Перелешин В. Поэт Евгений Яшнов // Новое рус. слово. 1973. 11 июня; Таскина Е. Дороги жизни Е.Е. Яшнова // Проблемы Дал. Востока. 1993. № 4. С. 114–115.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Библиографический список

Абросимов М.В.: Неравномерность распределения общественного дохода: Факты и наблюдения. Харбин: Тип. «Слово», 1924. 35 с.; Политическая экономия: Учебник. Вып. 1. Харбин: Софийс. приходская тип, 1925. 200 с.; Мировая денежная проблема серебра. Харбин: Тип. КВЖД, 1933. 78 с.; 2 табл.; Сезонные колебания производства в маслобойной промышленности Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 13. С. 43–52: табл.

Авенариус Г.Г.: Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существе государственной власти. Харбин, 1914. 172 с.; Положение о судопроизводстве в судебных учреждениях Китая. Харбин, 1921; Эмиссия китайских банков и контроль коммерческих обществ: Доклад ОИМК // Вестн. Маньчжурии. 1926. № 11–12. С. 80–92; Землячества и цеховые объединения в Китае // Вестн. Маньчжурии. 1926. № 5. С. 92–98; К характеристике торгового класса Китая // Вестн. Маньчжурии. 1927. № 7. С. 43–51; Китайские цехи: Краткий исторический очерк и альбом цеховых знаков в красках. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 78, 19 с.; 99 кит. цеховых знаков, 36 фото; Справочно-библиографический указатель журнальных статей на англ. и кит. яз. // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 11–12. С. 137–141. (В соавт. с А. Гаврик); Союз мукомольных предприятий трех восточных провинций // Экон. бюл. 1930. № 16. С. 1, 2; Внутренние и внешние займы Китая // Вестн. Маньчжурии. 1931. № 4. С. 92–96; Железнодорожные тарифы // Вестн. Маньчжурии. 1931. № 5. С. 52–57; Водный транспорт в Китае: Библиографический очерк // Библиограф. сб. КВЖД. 1932. Т. 2 (5). С. 155–179; К тридцатипятилетию Харбина // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 3. С. 62–70; Внутренняя торговля Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 8–9. С. 57–71, № 21. С. 13–31; Каменноугольная промышленность Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 14–15. С. 41–58; Меняльные конторы и их роль в современном денежном обращении Китая // Вестн. Маньчжурии. 1933. № 18–19. С. 101–110; Шуанчэнпу и Шуанчэнсянь: Экономико-геогр. очерк // Вестн. Маньчжурии. 1934. № 8. С. 114–119, ил.; Экономическая жизнь империи и народа Ниппон. Харбин: Тип. «Рекорд», 1938. 75 с. и др.

Автономов Н.П.: Исторический обзор Харбинских коммерческих училищ Кит. Вост. жел. дор. за 15 лет (1906–1921). Харбин: Изд. Коммерческих училищ, 1921; Общество русских ориенталистов: (Ист. очерк) // Вестн. Азии. 1926. № 53; Первое десятилетие 1-го Харбинского общественного коммерческого училища. Харбин: Изд. 1-е ХОКУ, 1931; Исторический обзор и современное положение Китайских подготовительных курсов Харбинского политехниче-

ского института / Ред. Н.П. Автономов. Харбин: Изд. пед. корпорации курсов, 1933; Учитесь по-русски: учебник русского яз. для иностранцев / в соавт. с С.Н. Усовым. Ч. 1–4. Харбин: Изд. ТД «Чурин и К°», 1934; Юридический факультет в Харбине: ист. очерк. 1920–1937 // Право и культура: Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак-та в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 3–84. (Изв. Юрид. фак-та в г. Харбине. Т. 12); Что вспомнилось... // Харбинские коммерческие училища КВЖД. Сан-Франциско, 1973. № 11. С. 52–56 и др.

Алин В.Н. Верования и суеверные обычаи китайцев, связанные с вредителями сельского хозяйства // Зап. Харбин. о-ва естествоиспытателей и этнографов. 1946. № 1. С. 37–39: ил. (Отд. отт.) и др.

Андогский А.И. Путь к разрешению тихоокеанской проблемы. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 52 с. Англ. и рус.

Анерт Э.Э. Поиски и разведки на каменный уголь и другие ископаемые в Восточной Маньчжурии в 1896/98 годах. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1900. 95 с.; Горно-геологические исследования вдоль линии Китайской восточной железной дороги к западу от г. Цицикара в 1901 году. Б.м. 77 с., 1 карт. Геол. исслед. и развед. работы по линии Сиб. ж.д., вып. XXVI. (Отд. отт.); Топографические съемки в Приамурье и участие в них разных ведомств // Тр. 2-го Всерос. съезда деятелей по практической геологии и разведочному делу в 1911 г. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1912. 192 с.: 1 карт.; Краткий геологический очерк Приамурья. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 199 с.: табл., 1 л. карт.; Что сделано и что остается выполнить в области геологического изучения русского Дальнего Востока и его рудных богатств. Б.г., б. м. 11 с.; Богатства недр Дальнего Востока. Хабаровск; Владивосток: Кн. дело, 1928. 932, XII с.: 30 карт, 30 схем.

Байков Н.А.: В горах и лесах Маньчжурии. Пг.: Изд. ред. журн. «Наша охота», тип. Д.П. Вейсбурга, 1915. 464 с.: 32 фотогр. авт.; Изюбр и изюбриеводство. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. 14 с.: ил., карта; Маньчжурский тигр. Харбин: Изд-во ОИМК, 1924. 18 с.: ил., табл.; Корень жизни женьшень. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. 21 с.: ил.; Медведи Дальнего Востока. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 25 с.: ил., 3 табл.; Записки заамурца: Воспоминания Н.А. Байкова. Маньчжурия, 1902–1914 гг.: Избранное // Россияне в Азии. Торонто, 1997. № 4. С. 32–123 и др.

Баранов А.М.: Барга, Халха и Джеримский сейм. Харбин, 1905. 13 с.: карта; Монголия, Барга и Халха. Харбин: Изд. штаба Заамур. окр. отдельного корпуса погранич. стражи, 1905. 60 с.: карта; Монголия. Харбин, 1905. 59 с.: карта; Монголия: Крат. сведения о полит. состоянии Монголии. Харбин, 1906. 13 с.: карта; Северно-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. vi, 138 с., карты, прил.; Наши торговые задачи в Монголии. Харбин, 1907. 23 с.; Харачины в хошуне Чжакчакту-вана. Харбин, 1907. 32 с.; Словарь монгольских терминов. Харбин: Изд Отчет. отд-ния Штаба Заамур. отдельного корпуса погранич. стражи, 1907. (А–Н) 138 с.; 1911. (О–Ф) С. 139–266; Барга. Харбин, 1915. 59 с.: карта; Урянхий-

ский вопрос. Харбин, 1913. 48 с.: карта; Халха. Аймак Цецен-хан. Харбин, 1919. 52 с.: ил.; Барга: Ист.-геогр. очерк. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. 11 с.; Регистрация памятников в Маньчжурии // Изв. ОИМК. 1923. № 3 (Июнь). С. 37–40.

Баранов И.Г.: Организация внутренней торговли в Китае: Очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1918. 39 с.: ил.: То же. 1920. 53 с.: ил.; Узник: Пер. с кит. Харбин, 1920; Политико-административное устройство Китайской республики: Крат. очерк. Харбин, 1922. 35 с.; По китайским храмам Ашихе. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 50 с.: ил.; Административное устройство Северной Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. 22 с.: карты, прил.; Государственная публичная библиотека в Бейпине. Харбин: Изд. КВЖД, 1931. 23 с.; Современная китайская художественная литература: Справка. Харбин: Тип. «Заря», 1934. 17 с.; О народных верованиях Южного Ляодуна. Харбин: Тип. КВЖД, 1934. 11 с.: ил.; Портретная галерея монгольской династии. Харбин, 1941. С. 101–106. (Отд. отт. из «Изв. клуба естествознания и географии ХСМЛ») и др.

Бедарев П.К. Ливни Северной Маньчжурии. Харбин, 1932. 22 с.: прил.

Болобан А.П.: Земледелие и хлебопромышленность Северной Манчжурии. Харбин: Рус.-Кит.-Монг. тип. газ. «Юань-дун-бао», 1909. 318, 36, 4 с.: табл., карты; Отчёт коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги. Харбин, 1912. 352 с.; Экономические вопросы Дальнего Востока // Отчёт о деятельности О-ва рус. ориенталистов в СПб. за 1910 г. СПб., 1911. С. 80–101; Восточный институт, министерство народного просвещения и министерство иностранных дел // Вестн. Азии. 1908. № 7. С. 78–96; Монголия в её современном торгово-промышленном отношении: отчёт агента м-ва торговли и промышленности в Монголии А.П. Болобана за 1912–1913 гг. Пг.: Тип. В.В. Киршбаума, 1914. 207 с.: ил., карты.

Великая Маньчжурская империя: К 10-летнему юбилею. Харбин: Изд-во Гос. организации Кио-Ва-Кай и Гл. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942.

Воейков А.Д. Льняные посевы в Северной Маньчжурии и их вероятные районы. Харбин: Тип. КВЖД, 1924. 15 с.; Он же. Библиография по культуре и использованию риса. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 129, 4 с. Summary. (Работа была подготовлена к совещанию по рисовому делу в г. Хабаровск).

Гагельстром В.В.: Конфуцианство в 1906–1907 гг. Потомок Конфуция Кун Лин / Сост. студент Рос. миссии В.В. Гагельстром. СПб., Типолитогр. «Свет», 1909. 15 с.; Современная политическая организация Китая / Под ред. и при участии 1-го драгомана Российской имп. миссии в Пекине Н.Ф. Колесова. Пекин: Тип. Успенского монастыря при Русской духовной миссии, 1910. 532 с. Соавт. И.С. Бруннерт; Мои впечатления (о Пекине) // Изв. ОИМК. 1922. № 1. С. 16–18.

Галич А.И.: Соляная промышленность в Маньчжурии // Экон. бюл. 1930.

№ 19. С. 11–12; Каменноугольная проблема Японии и Маньчжурии // Экон. бюл. 1930. № 17–18. С. 3–5; Корейские земледельческие посёлки в районе КВЖД // Вестн. Маньчжурии. 1931. № 2. С. 30–36; Практический курс ниппонского разговорного языка. Харбин: Изд. Н.И. Соколова, 1934. XIII, 174, 18 с.

Герасимов А.Е.: Китайские налоги в Сев. Маньчжурии. Харбин: Тип. Дома трудящихся, 131 с.: прил; Деревянные изделия и щепной товар Гириньской провинции. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 9 с.: ил., прил.; Промышленность района Сунгари 2-я. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 11 с.: ил. Отд. отт.; Гончарные изделия в Северной Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 18 с.: ил., прил.; Очерки экономического состояния районов р. Сунгари. Харбин, 1929; Табакосеяние и табачная промышленность в Северной Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1929; Ласточкины гнезда, их значение в народном обиходе и экономике Китая. Харбин, 1930; Верхне-Сунгарийские торгово-промышленные центры. Харбин, 1931; Китайский труд: Условия труда на предприятиях Северной Маньчжурии. Харбин: Тип. КВЖД, 1931. 165 с.: ил., прил.; Китайские ковры: Производство и анализ символики орнаментов кит. ковров. Харбин: Тип. КВЖД, 1931. 104 с.: ил., прил.; Меняльные лавки и конторы Маньчжурии. Харбин: Тип. КВЖД, 1932. 56 с.: ил., прил.

Гинс Г.К.: В Японии: Впечатления экскурсанта. Харбин: Тип. КВЖД, 1922. 72 с.; Индустриализованная Япония. Харбин: Тип. КВЖД, 1925. 69 с.; Право на предметы общего пользования: В 2 ч. Харбин: Рус.-Маньчжур. книготорговля, 1926–1928. Ч. 1: Основы водного права. 1926. IV, 116 с.; Ч. 2: Современное водное право. 1928. 244 с.; Этические проблемы современного Китая. Харбин: Рус.-Маньчжур. книготорговля, 1927. 80 с.: карта, прил.; Водное право и предметы общего пользования. Харбин, 1928. 22, 358 с.; Право и сила: Очерки по теории права и политики. Харбин: Тип. КВЖД, 1929. 114 с.; Новые законы и правила регистрации в Китае. Харбин, 1930. 80 с.; Очерки торгового права Китая. Вып. 1. Торговые товарищества с прил. текста законов. Харбин, 1930. 160 с.; Новые законы и правила регистрации [торговых товариществ]. Харбин, 1930. 80 с. Соавт. Ван Цзэн-жунь; Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин, 1932. 54 с. Отд. отт.; Свобода и принуждение в гражданском кодексе Маньчжу-Ди-Го. Т. 1. Харбин, 1938. 24 с.; Новое право и предпринимательство. Харбин: Заря, 1940. 64 с.; Предприниматель. Харбин: Изд. Л.Г. Цыкмана, 1940. 282 с.; Professor and Government Official: Russia, China and California: Interview conducted by B. Raymond. – Romanoff. The Bancroft Library. Berkeley, 1966. – 364 p.; Impressions of the Russian Imperial Government: Interview conducted by R.A. Pierce. The Bancroft Library. Berkeley, 1971. 95 p. и др.

Глебов М.Д. Почвы Северной Маньчжурии. Харбин, 1930; Он же. Почвы Маньчжурии // Маньчжурия. Экон.-геогр. описание. Ч. 1 / Экон. бюро КВЖД. Харбин: Тип. КВЖД, 1934. С. 49–56: карт.

Гордеев Т.П.: Леса Большого Хингана. Харбин, 1920; Сбережение труда пчел защитными медоносами. Харбин: Изд. Маньчж. с.х. о-ва, 1923. 8 с.; Предварительный краткий отчет о почвенно-флористических исследованиях вдоль линии Китайской Восточной железной дороги в 1926 г. Харбин: Изд. Земельного отдела КВЖД, 1926. 11 с.; Описание почвы и горных пород, в которых был найден бивень мамонта. Харбин, 1926; Лианы Маньчжурии и Приморья. Харбин, 1954. 16 с.: прил.

Ершов М.Н.: Новый Дальний Восток: Современные хозяйственные, культурные и международные отношения на Тихом океане. Харбин, 1931. 16 с.; Современный Китай и европейская культура. Харбин: Изд. Юрид. фак-та, 1931. 34 с.; Школа и умственные движения в современном Китае. Харбин, 1932. 43 с.; Восток и Запад: прежде и теперь. Основные предпосылки проблемы «Восток и Запад» в историческом освещении. Харбин: Наука, 1935. 125 с.

Жернаков В.Н. Алексей Павлович Хионин. Мельбурн: Изд-во Мельбурнского ун-та, 1973.

Иванов И.Е.: Впечатления из военно-походной жизни за время оккупации Маньчжурии в 1900–1903 г. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 98 с.: ил., карт.; Военно-походные впечатления от Владивостока до Вафангоу и от Вафангоу до Лялояна командира роты 1-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Величества полка. Вафангоу. Кайджоу-Дачепу. Ташичао. Ляоян. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1907. 348 с.: ил., карт.; На практике в 1908 г. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1909. 193 с. (Рец.: Библиография // Вестн. Азии. 1911. № 8. С. 155), ил.; В интимных уголках и в общественных местах у японцев (Из записной книжки путешественника). М., 1911. 167 с.: 28 рис.; Впечатления раненого в Русско-японскую войну. М.: Изд-во И.А. Маевского, 1914. 148 с.

Камков А.А. Преступления против имущества в китайском праве: Поджог, наводнение и порча вод. систем (Из лекций по уголов. праву Китая). Харбин, 1927. 20 с.

Козлов И.В. Маньчжурская тускарора или цицилия широколистная. Харбин, 1926. 12 с. (ОИМК. Секция естествознания).

Константинов П.Ф. Физиология и культура бобов: Конспект лекций. На правах рукописи. Харбин: Тип. КВЖД, 1925. 62 с.; Товарное достоинство главных зерновых хлебов Сев. Маньчжурии: Конспект лекций. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 57 с.; Очерк деятельности сельскохозяйственной химической лаборатории за 1923–1927. Харбин: Тип. КВЖД, 1928.

Кормазов В.А.: Монгольский курорт Халхин Халун Аршан по данным обследования экспедиции П.Н. Меньшикова 1925 г. и Экономического бюро в 1924 г. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 29 с.: ил.; Рыбные промыслы в Барге за 1923–1926 гг. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. 10 с.: ил.; Барга: Экон. очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 281 с.; Очерки стран Дальнего Востока. (Введение в востоковеде-

ние). Вып. 2: Внешний Китай (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет). Харбин, 1931. 207 с.: 6 карт-схем, прил. – Соавт. Д.М. Позднеев, Н.А. Сетницкий и Н.Г. Третчиков.

Кудреватов В.Г.: Материалы к изучению китайских налогов, действующих в полосе отчуждения КВЖД: В 2 т. Харбин: Изд. КВЖД, 1924. Т. 1. 313 с.; Т. 2. 300 с.; Вагонное и паровозное хозяйство. Харбин: Тип. КВЖД, 1925. 181 с.

Лавров М.И. Материалы по иконографии и мифологии Востока. Харбин: Типолитогр. ОЗО, 1922. 133 с.: ил., карт.

Ламанский В.В. Мукомольная промышленность и торговля мукой в Китае (К вопросу о вывозе маньчжурской муки в собственный Китай). СПб.: Тип. ред. Период. изд. МВД, 1910. 23 с.; Он же. Амур: Вводный очерк // Вестн. Маньчжурии. 1925. № 3–4. С. 1–11.

Любимов Л.И. Чжалайнорские копи. Харбин: Тип. КВЖД, 1927. 52 с.; Земледельческие ресурсы и хлебный баланс Маньчжурии. Харбин, 1929. 21 с.; Железные дороги и железнодорожное строительство в Маньчжурии. Харбин, 1932. 52 с.; Домашняя кустарная промышленность в Китае: Библиогр. очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1932. 43 с.; Китайская эмиграция. Харбин, 1932. 47 с.; Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934. 208 с.: ил., карт.

Маляровский Г.Я. Приготовление китайской сои в Сев. Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 10 с., ил.; Молоко и сыр из соевых бобов. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 13 с.: прил.; Соевые бобы как пища для человека. Харбин: Тип. КВЖД, 1929. 24 с.

Меньшиков П.Н. Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги: По обследованию Хэйлунцзян. провинции и части Чжэрим. сейма Внутр. Монголии. Харбин: Тип. КВЖД, 1913. 244 с.: ил.; Монгольский курорт Халхин Халун Аршан по данным обследования экспедиции П.Н. Меньшикова 1925 г. и Экономического бюро в 1924 г. Харбин: Тип. КВЖД, 1926. 29 с.: ил.

Мещерский А.С. Приморская область как рынок потребления мясопродуктов и тяготеющие к ней рынки заготовок. Корея и порты Китая. Харбин: Изд. Маньчжур.-владивост. р-на Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующих армий, 1920. 91 с. Рец.: Б.П. Библиография // Рус. обозрение. 1920. Дек. С. 392; Полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги как распределительный центр мясных продуктов и прилегающие к ней рынки заготовок скота в Монголии и Маньчжурии. Харбин: Изд. Маньчжур.-владивост. р-на Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующих армий, 1920. 112 с. Рец.: Б.П. Библиография // Рус. обозрение. 1920. Дек. С. 390–391; Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий, Маньчжурско-владивостокский район (с 1915 по 1918 гг.). Шанхай: Тип. Рус. книгоизд-во, 1920. 40 с.; Овцеводство Барги и его продукты. Харбин: Тип. КВЖД, 1932. Рец. // Рубеж. 1931. № 23 (4 июня). С. 23.

Морозов Н.И. Материалы по исследованию коровьего масла рынка г. Харбина. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 24 с.; Он же. Материалы по вопросу об установлении стандарта маньчжурского экспортного бобового масла. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 30 с.

Надаров В.И. Материалы к изучению Ханькоу, его географического положения, связанных с ним транзитных путей, его торговли и пр. Владивосток: Изд-во Вост. ин-та, 1901. 182 с.: 9 литогр. чертежей, 4 л. стат. табл. (ИВИ. Т. 2, вып 2, 3, 4); Сеуло-фузанская железная дорога (Из отчета по командировке в Корею). (ИВИ. Т. 3, вып. 3); Сборник официальных китайских документов Куврера (Choix de Documets lettres officelles, proclamations, edits, memoriariaux, inscriptions, ... Texte Chinois avec traduction en francais et en latin par S. Couvrer S.J. Deuxieme edition. Ho Kien Fou Imprimerie de la Mission Catholique. 1898.) с изменениями в переводах, сделанными при чтении курса в Восточном институте за 1900–1903 гг., и с подстрочным словарем к китайскому тексту: в 2 ч.: Пер. с франц. / Сост. и изд. В. Надаров и А. Хионин. Ч. 1: Переводы; Издан специально для нужд курса Восточного института. Владивосток, 1903. 103 с.; Ч. 2. 148, [2] с.

Никифоров Н.И. Очерки по новой истории для высших начальных училищ по программам Учебного отдела КВЖД. Харбин, 1922. 112 с.; Homo economics. Харбин, 1931. 21 с.; Социальная опасность: Сб. ст. и переводов. – Харбин: Изд. Гл. Бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. – 126 с. и др.

Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923. XVIII, 692 с.: ил., 11 карт.

Павлов П.А. О необходимых улучшениях в постановке некоторых опытов с чумными микробами. Харбин, 1922; Изучение климата Сев. Маньчжурии // Изв. ОИМК. 1922. № 1 (нояб.) С. 25–27; Животный мир Маньчжурии по коллекциям музея Общества изучения Маньчжурского края (пресмыкающиеся и земноводные). Харбин, 1926. 22 с., ил. (ОИМК. Секция естествознания).

Петелин И.И. Учебник китайского языка для Харбинской торговой школы. Харбин: Изд. О-ва рус. ориенталистов, 1909; Краткий курс по востоковедению: (Учеб. для V кл.) Харбин: Изд. Чурина, 1914. 198 с.

Петров В.П. Изданные в Китае: Под американским флагом: Сб. рассказов. Шанхай: Изд-во А.П. Малыка и В.П.Камкина, 1933. 134 с.; Лола: Роман. Шанхай: Изд-во А.П. Малыка и В.П.Камкина, 1934. 142 с.; В Маньчжурии...: Рассказы. Шанхай: Слово, 1937. 153 с. См. также: Город на Сунгари. Вашингтон: Изд. Рус.-амер. ист. о-ва, 1984. 207 с.

Погребецкий А.И. Утилитарные задачи музея (Музей и экономика края) // Изв. ОИМК. 1922. № 1 (ноябрь). С. 8–10; Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924 гг.) Харбин:

Изд-во ОИМК, 1924. X, 436 с.: ил.; Экономические очерки современной Японии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. 166 с.: ил., прил.; Денежное обращение и финансы Китая. Харбин: Изд. Экон. бюро КВЖД, 1929. 436 с.: ил., диагр.; На пути к золотому стандарту. Харбин: Изд. журн. «Вестн. Маньчжурии», 1930. 57 с.

Свит И.В. Южно-Маньчжурская железная дорога. Харбин: Изд. авт., 1924. 18 с.; Порты Маньчжурии и ее внешняя торговля. Харбин, 1926. 44 с.; Украинский Дальний Восток (Зеленая Украина). Харбин, 1934.

Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога: Сб. / Сост. Экон. бюро КВЖД. Харбин: Изд. Экон. бюро, 1922. xi, 692, xvi, прил.

Серебренников И. И. Мои воспоминания: В 2 т. Т. II. В Эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 54.

Сетницкий Н.А. Местные финансы Гиринской провинции. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 36 с.; (Псевдоним Горностаев). Соевые бобы на мировом рынке. Харбин: Изд. Экон. бюро КВЖД, 1930. 306 с.; Очерки стран Дальнего Востока. (Введение в востоковедение). Вып. 2. Внешний Китай (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет). Харбин, 1931. 207 с.: 6 карт-схем, прил. Соавт. Д.М. Позднеев и др.; О конечном идеале. Харбин: Тип. Френкеля, 1932. 352 с.; СССР, Китай и Япония: (Начал. пути регуляции). Харбин, 1933. 61с.; Очерки финансов Маньчжурии. Вып. 1. Харбин: Тип. КВЖД, 1934. 68 с. и др.

Смольников П.Н. Монгольская ярмарка в Гуаньчжуре в 1912 году. Харбин: Изд. Коммерч. части упр. КВЖД, 1913. 19 с.

Тихонов А.Н. Коннозаводство в Северной Маньчжурии и его роль в вопросе улучшения местного коневодства. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 39 с. и др.

Толмачёв В.Я. Древности Маньчжурии и развалины Бай-Чэна: По данным археол. разведок, 1923–1924 гг. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. – 30 с.: ил. прил.; Остатки мамонтов в Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. 8 с.; Бай-чэн: Строит. материалы, архитектур. украшения и др. предметы с развалин Бай-Чэна по данным разведок 1925-1926 гг. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. 8 с.: ил.; Приготовление крахмальной визиги в Северной Маньчжурии. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. 16 с.; Зерновые продукты культурных полевых растений Северной Маньчжурии: Конспект лекций. Харбин: Изд. КВЖД, 1928. 47 с.: ил.; Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии. Харбин, 1929. 11 с.; К вопросу о палеолите в Северной Маньчжурии. Харбин, 1933. 8 с.

Третчиков Н.Г. Библиография по экономике Северной Маньчжурии. (Книги и журнальные статьи на русском языке по 1928 г. включительно) / Под ред. Н.А.Сетницкого. Харбин: Изд. Юридич. фак-та, 1929. 90 с.; Библиография финансов Китая. (Книги и журнальные статьи на русском и английском языках по 1929 включительно) / Пред. и ред. Н.А. Сетницкого. Харбин: Изд. Юридич. фак-та, 1930. 4, 70, [14] с.; Позднеев Д.М., Сетницкий Н.А., Кормазов В.А. и Третчиков Н.Г. Очерки стран Дальнего Востока: (Введение в востоковедение).

Вып. II. Внешний Китай (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет). Харбин, 1931. 207 с.: 6 карт-схем, прил.

Троицкий А.С. Практический Русско-нипонский словарь. 10 тыс. слов и фраз. Харбин: Тип. «Хуа-фын», 1935. 388 с.; Он же. Практическое руководство к изучению японского разговорного языка: Полный систематический курс для начинающих. Харбин: Тип. «Хуа-фын», 1933–1941 и др.

Тужилин А.В. Современный Китай. СПб., 1910. 427 с.: прил.

Тюнин М.С. Духовно-нравственные издания г. Харбина: Библиографический очерк // Хлеб Небесный. 1940. № 10. С. 42–48; Там же. № 11. С. 35–40.

Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927; Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и других европейских языках. Издания, вышедшие с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1935 г. Харбин: Изд. Экономическое бюро Харбинского управления государств. железных дорог, 1936.

Уласевич В.Г. Практика двух языков: русского и китайского. Харбин, 1930.

Усов С.Н. Учебник китайского разговорного языка: В 4 ч. Харбин, Б.г. Соавт. Чжэн Ай-тан; Учебник соединений китайского разговорного языка. Харбин: Тип. «Рекорд», Б.г. 239 с.: прил. Соавт. Чжэн Цзы-би; Гражданствоведение: Курс кит. яз. / Сост. преподаватели курсов кит. языка КВЖД Шу Энь-хэй и В.Ф.Пучко. [Харбин], Б.г. Б.с.; Экзаменационная программа по русскому языку для китайцев. Харбин; Руководство по изучению русского разговорного языка для китайцев: В 4 ч. Харбин, 1925; Тетрадь для упражнения в письме китайских иероглифов: В 10 номерах. Харбин; Учебник русского языка для ниппонцев. Ч. 1. 21-е изд. Харбин, 1944 и др.

Успенский К.В. Новое уголовное уложение Китайской народной республики: Пер. с кит. Харбин: Тип. КВЖД, 1921. 256 с. Соавт. С.И. Поликарпов.

Шкуркин П.В. Корейские сказки. Шанхай: Тип. изд-ва «Слово», 1941.

Шкуркин П.В. Хунхузы: Этногр. рассказы. Харбин, 1924.

Штейнфельд Н.П. Русские торговые интересы в Китае. Харбин: Тип. «Труд», 1913. 24 с.; Мы и японцы в Маньчжурии. Харбин: Тип. «Труд», 1913. 47 с., карта; Русское дело в Маньчжурии. С XVII века до наших дней. Харбин: Тип. газ. «Юань-дун-бао», 1910. IV, 208 с.

Энгельфельд В.В. Изв. Юрид. фак.: Очередные проблемы современного Китая. Т. 9. С. 102–132; Новые течения в науке административного права. Т. 7. С. 257–286; Китайское лесное право в связи с лесным хозяйством в Северной Маньчжурии. Т. 6. С. 229–299; Полиция в Китае. Т. 6. С.137–228; Политическая организация современной Монголии. Т. 3. С. 169–190; Очерки государственного права Китая. Т. 2 (полностью); То же. – Харбин, 1925. 254 с. Отд. отт.; Китайский парламент и парламентаризм. Т. 1. С. 89–107; Китайские политические

партии. Харбин, 1925; Юридическое положение иностранных концессий в Китае. Харбин: Тип. «Заря», 1927. 33 с.; Очерки китайского административного права: В 2 вып. Харбин: Отд-ние тип. КВЖД, 1928–1929. Вып. 1. 1928. 166 с.; Вып. 2. 1929. 152 с.; Политическая доктрина Сунь-Ят-Сена. Харбин, 1929. 37 с.: прил.; Очередные проблемы современного Китая. Харбин, 1931. 31 с.; Наследие Версаля. Харбин, 1931. 17 с. Отд. отт. из «Вестн. кит. права». Вып. 2; Система выборов в Народное собрание. Б.м., Б.г. 7 с. – Отд. отт. и др.

Bakich O. Harbin Russian Imprints : Bibliography as History, 1898–1961. N.Y.; Paris: Norman Ross Publ. Inc., 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Зарубежная историография (присутствуют разделы по архитектуре Харбина и других русских городов Маньчжурии)

1. Цзи Фенхуэй. Хаэрбин сюньгэнь (Истоки Харбина). Харбин. 1996.
2. Чжун-су ганьси цыдянь (Энциклопедия китайско-советских отношений).
3. Clausen, Sore and Stig Thogersen. Становление китайского города: история и историография в Харбине. Armonk, New-York: Published by M.E. Sharpe, 1995.
4. Duan, Guangda and Fanghui Ji. Оглядываясь на историю: Харбин XX века. Vol.1. Ha'erbin. Ha' erbin Chupanshe, 1998.
5. Eva Sternfeld.The design of the capital. Traditional and modern Concepts of city Planning in Beijing / China Environment&Sustainable Development.
6. Fujimori, Terunobi and Wan Tan, ets. Полное исследование восточно-азиатской архитектуры и градостроительства: 1840–1945. Tokyo: Chikuma Shobo, 1996.
7. Ji, Fenghui. Изучение Харбина: Ha'erubin Chupanshe, 1996.
8. Koshizawa Akira. Градостроительное планирование Маньчжурской столицы: Вопросы, обращённые к настоящему и будущему Токио. Tokyo: Nihon Keizai Hyoronsha, 1988.
9. Liu, Songfu. Распространение западной архитектуры в китайском пограничье: к характеристике и историческому значению архитектуры «Ар нуво» Харбина (о новых течениях в архитектуре Харбина, её особенностях и месте в истории) // (The diffusion of Western Architecture in the Chines frontline: On the characteristics and historical Significance of the Harbin Art Nouveau Architecture // The Journal of the Architecture Association. 11 (1996). 36–39. (Лю Сунфу. Сифан Синтай Тзеньчжу Чуаньжу Чжун го де Цхиен Сяо Чжань). Пер. с кит. С. Ли.
10. Sato, Yoichi. A historical study on forming urban space in Vladivostok central distric (1860's – around 1920). Tokio. 2000.
11. Yukiko, Koga. Appearances of the past: Visual preservation and presentation in Harbin // Материалы международной конференции: Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 4. Этнические контакты. Благовещенск, 2000. С. 305–323.
12. A Panorama of Harbin / под ред. Zou Deli. Harbin.1985. III. General Survey of architecture. P. 84–89.
13. Нишидзава (Нисидзава) Ясухико. «Мансю» Тоси Моногатари: Харубин, Дайрен, Шиняо, Чошун. (Рассказ о «Маньчжурских» городах: Харбин, Далянь, Шэньян, Чанчунь). Токио, 1996. (переиздание 1998). 128 с. (Nishizava, Yasuhiko. Tнe Talles «Manchurian» Cities: Harbin, Dalian, Shengyang, Changshun).
14. Нишидзава Ясухико. Ман тецу – «Ман-Сюу» но Кедзин (Маньчжурская железная дорога – гигант Маньчжурии). Токио: Кавайдэ Щебо Синьща, 2000. 135 с.

(перевод Кео Ко и Ли).
15. Ши Фан, Гао Лин, Лю Шуан. Хаэрбин эцяо ши (История российской эмиграции в Харбине). Харбин, 1998.
16. Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. Качающаяся история – русские эмигранты в Китае (Или: Ряска в непогоду. Русские эмигранты в Китае. Или: Ряска, несомая ветром и дождём. Русская эмиграция в Китае) (1917–1945). (Фэн юй фупин. Эго цяоминь цзай Чжунго, 1917–1945) .Чжун Ян Бянь И. (Пекин) 1997. 432 с.; Прил. 102.
17. Шанхай Эцяо ши. (История российской эмиграции в Шанхае); «Сань лянь» Шаньхая. 1993. 832 с.
18. Liu Song-fu. Harbin – the city of Chinese Orient Moscow – Caracteristic and Historic status of Harbin Russian-styles buildings // Anthology of 1998 international conference of modern history of Chines Architecture. Beijing, 1999. pp. 100–105 (1986–1988–1990–1992–1996–1998).
19. Сун Хун-янь. (Song Hongshi). Oriental Paris. Хэйлунцзянское научно-техническое издательство. Харбин, 2001.
20. Ли Шу-сяо. Старые фотографии Харбина. Серия: Китайские знаменитые города. Харбин, 2000. 131 с. 60 юаней. (OLD Photos of Harbin. China Famous City Centenary). Введение Meng Lie. (на англ. яз).
21. W sluzbie Imperium Rosyjskiego, 1721–1917: funkcje i tresci ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubiezach Cesarstwa i poza jego granicami / Piotr Paszkiewicz («На службе Российской Империи, 1721–1917: роль и идейное содержание сакральной архитектуры на западных территориях Царства и за рубежом»). Warszawa : Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 1999. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) // Составитель Диао Шаохуа. Изд. Бейфан Вен-и. Харбин, 2001.
22. Полански Патриция. Русская печать в Китае, Японии и Корее: каталог собрания библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета. М. Пашков Дом, 2002. Пер. с англ. А.А. Хисамутдинов.
23. Lushunkou. People's Fine art publishing house Chief editor: Mu Guosheng. Editor: Zhang ShupingWhiter: Ji FulinHistory picture provided by Jannory, 1999.
24. The Jews in China. Compiled and Edited by Pan Quang (один из руководителей Центра – Center of Jewish Studies, Shanghai) Shanghai, China International Press, 2001 (194 p.).
25. Shanhai a century of Change in Photogaphs 1843-1949. Lynn Pan with Xue Liyong and Qian Zonghao. Hai Feng Publishing Cō. 150 p.
26. Harbin Russian imprints: Bibliography as history, 1898-1961: Materials for a definitive bibliography / Olga Bakich. – New York; Paris: Norman Ross published Inc., 2002. – 584 c.
27. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.

28. Nishizava Yasuhiko. "Mansu" Tosi Monogatari: Harubin, Dairen, Shinyao, Choshun. (Story about « Manchurien sities: Harbin, Dalyan, Shanyan, Chanchun). Tokyo, 1996. (Republish 1998). 128 ps. (Nishizava, Yasuhiko. The Talles «Manchurian» Cities: Harbin, Dalian, Shengyang, Changshun).
29. Urmantsev Y. À. investigating concept of adaptation concludes, that the process ofgeneration, selection, preservation and transformation of adaptation is adaptatiogenesis.See: Urmantsev Y.A. A Nature Of Adaptation: system explication // Questions of Philosophy.1998. № 12. P. 12–37.
30. Manchoukuo seen through the camera. [1938], [32 c.]
31. The Old Building in Dalian. Key Building Preserved in Dalian (the first group). Editor-in- chief: Song Zengbin. Xinhua Publishing House, 2003. 208 с. (Предисловие October 31, 2002. Dalian. Автор Предисловия: Song Zengbin (на англ.). Аннотации на кит. и англ. яз.
1. Маньчжурия, 1 вып.(24 вида), 2 вып (24 вида). Издатели: Розенфельд и И. Щелоков-Харбин.
2. Jung Chang. Wild Swans. Three daughters of China, Z., 1991.
3. Ван Чжичэн. О шанхайской эмиграции. Раздел про архитектуру // Проблемы Дальнего Востока. 4. 2000 с. 146-155.
4. Русские эмигранты в Китае (1917-1945). Пекин, 2000 (1997?). 434 с., илл (на кит. яз.) Библиография изданных книг, газет, журналов – на кит. и русском яз. 102 с.
5. China Famous City Centenary Series: Old Fashions of Dalian. People's Fine Arts Publishing House Beijing 2000.

Избранная библиография

Художественные произведения, публицистические тексты, литературно-критические работы, письма, мемуары, антологии

1. Андерсен Л. Ларисса вспоминает… / публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1995. – № 200. – С. 315–326.
2. Андерсен Л. Одна на мосту. Стихотворения. Воспоминания. Письма / сост., вступ. ст. и примеч. Т.Н. Калиберовой; предисл. Н.М. Крук; послесл. А.А. Хисамутдинова. – М.: Русский путь. Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2006. – 472 с.
3. Андерсен Л. По земным лугам: Стихи. – Шанхай: Изд-во журнала «Современная женщина», 1940. – 56 с.
4. Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. – Сан-Франциско; Нью-Йорк; Париж: Изд-во Сириус, 1958–1959. – 352 с.
5. Байков Н.А. Великий Ван: Повесть; Черный капитан: Роман. Владивосток: Рубеж, 2009. – 528 с.
6. Байков Н.А. В горах и лесах Маньчжурии: очерки; Тигрица: повесть / Ком. и прилож. Е. Ким. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 736 с.
7. Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею Кио-Ва-Кай и Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. – Харбин: Издание Харбинского симфонического общества, 1942. – 65 с.
8. Волин М. Гибель «Молодой Чураевки»: Воспоминания / публ. Э. Штейна // Новый журнал. – 1997. – № 209. – С. 216–240.
9. Волин М. Русские поэты в Китае // Континент. – 1982. – № 34. – С. 337–357.
10. В художественном мире харбинских писателей. Арсений Несмелов: Научное издание: В 3-х томах. Т. 1 (в 2-х ч.) Материалы к творческой биографии / Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой; подгот. текстов И.А. Дябкина, А.А. Забияко, К.А. Землянской, Г.В. Эфендиевой; комментарии А.А. Забияко, В.А. Резвого, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Изд-во Амурского гос. университета, 2015.
11. Голенищев-Кутузов И.Н. Арсений Несмелов // Возрождение. – 1932. – 8 сентября.
12. Голенищев-Кутузов И.Н. Русская литература на Дальнем Востоке // Возрождение. – Париж. – 1932.
13. Ещин Л. Собрание стихотворений. – М.: Водолей Publishers, 2005. – 80 с.
14. Иванов Вс.Н. Об эмигрантской литературе // Огни в тумане. Рерих – художник и мыслитель. – М.: Советский писатель, 1991. – 384 с.
15. И.Ф. Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке // Русские записки. – Париж, Шанхай. – 1937. – № 1. – С. 322–330.

16. Ильина Н. Встречи: Из автобиографической прозы // Октябрь. – 1987. – № 5. – С. 83–109.
17. Ильина Н.И. Возвращение: Роман: В 2 кн. – М.: Советский писатель, 1957, 1966.
18. Ильина Н.И. Дороги и судьбы: Автобиографическая проза. – М.: Советский писатель, 1985. – 560 с.
19. Ильина-Лаиль О. Восточная нить. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. – 288 с.
20. Крузенштерн-Петерец Ю. «У каждого человека есть своя родина…»: Воспоминания // Россияне в Азии. – 1994. – № 1. – С. 17–132.
21 Крузенштерн-Петерец Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. – 1997. – № 4. – С. 124–210; 1998. – № 5. – С. 25–83; 1999. – № 6. – С. 29–104; 2000. – № 7. – С. 93–149.
22. Крузенштерн-Петерец Ю. Чураевский питомник (о дальневосточных поэтах) // Возрождение. – 1968. – № 204. – С. 45–70.
23. Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. В 3-х ч. Проза / Хрестоматия / Сост. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиева. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2013.
24. Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 т. / собиратель оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен. – Пекин: Изд-во «Китайская молодежь», 2005.
25. Несмелов А. Собрание сочинений: В 2 т. – Владивосток: Альманах «Рубеж», 2006.
26. Перелешин В. Дальний Восток в Якоре // Новый журнал. – 1973. – № 111. – С. 298–299.
27. Перелешин В. Дваполустанка. Russian poetry and literary life in Harbin and Shanghai, 1930 – 1950. – Amsterdam, 1987. – 160 с.
28. Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // *Новыйжурнал.* – 1972. – № 107. – С. 255–262.
29. Перелешин В. Русские поэты – друг другу // Новый журнал. – 1988. – № 172–173.
30. Перелешин В. Поэма без предмета / под ред. и с предисл. С. Карлинского. – Холиок: Нью Ингланд Паблишинг К., 1989.
31. Петров В.П. Город на Сунгари. – Вашингтон: Изд-во «Русско-Американское историческое общество», 1984. – 289 с.
32. Петров В.П. Литературная жизнь в Харбине и Шанхае // Вопросы литературы. – 1985. – № 8. – С. 276–281.
33. Петров М. Шанхай на Вампу. Очерки. Рассказы. – Вашингтон: Изд-во «Русско-Американское историческое общество», 1985. – 272 с.
34 Рачинская Е.Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. – Париж: YMCA-Press, 1990. – 429 с.

35. Рачинская Е.Н. Перелётные птицы: Воспоминания. – Сан-Франциско: Глобус, 1982. – 262 с.
36. Русская поэзия Китая: Антология / сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. – М.: Время, 2001. – 720 с.
37. Русские поэты Китая о Китае и Японии // Россияне в Азии. – 1995. – № 2. – С. 3–47.
38. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. – М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. – 352 с.
39. Семеро: Литературно-художественный сборник / Л. Андерсен [и др.]. – Харбин: Изд-во ХСМЛ, 1931.
40 Сентянина Е. Харбинские писатели и поэты // Рубеж. – 1940. – № 24–25. – С. 5–8.
41. Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии Белых армий, 1919–1923. – Харбин, 1933.
42. Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. – Тяньцзинь: тип. «Star-Press», 1937–1940.
43. Сигма (В. Перелешин). Работа литературной студии // Чураевка. – 1934. – № 5.
44. Скопиченко О. Автобиография // Русская жизнь. – 1983. – 28 октября.
45. Скопиченко О. О героике прошлых дней: Памяти поэтессы Марианны Колосовой // Русская жизнь. – 1964. – 24 декабря.
46. Слободчиков В.А. Земля отцов. – Владимир: Маркарт, 2003. – 85 с.
47. Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной… Харбин. Шанхай. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 431 с.
48. Смотр женских литературных сил эмиграции Дальнего Востока // Рубеж. – 1934. – № 47. – С. 24–25.
49. Устрялов Н.В. Образы Пекина // Вестник Маньчжурии. – 1925. – № 1–2.
50. Устрялов Н.В. Россия из окна вагона. – Харбин, 1924. – 154 с.
Хаиндрова Л.Ю. Сердце поэта. – Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2003. – 416 с.
51. Харбин. Ветка русского дерева: Проза, стихи / сост. Д.Г. Селькина, Е.П. Таскина. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1991. – 400 с.
52. Харбин – очаг русской культуры: На доклад академика Рериха в христианском союзе // Заря. – 1934. – 4 июня.
53. Хейдок А. Звёзды Маньчжурии: Рассказы. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 336 с.
54. Шкуркин П.В. Китайские легенды и предания. – Харбин, 1921.
55. Штерн О. О дальневосточных писателях // Багульник: Литературно-художественный сборник. – Харбин, 1931. – Вып. 1. – С. 183–189.
56. Щёголев Н. Что такое «Молодая Чураевка»? // Парус. – 1931. – № 1. – С. 82.
57. Щёголев Н. Победное отчаянье / Сост. А.А. Забияко, В.А. Резвый. Послесловие А.А. Забияко. Комментарии В.А. Резвого. – Москва: Водолей, 2014. – 352 с.

58. Щербаков М. Одиссеи без Итаки / Повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / Сост., комм. и вступит. ст. А. Колесова. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 480 с.
60. Юльский Б. Зелёный легион: повесть и рассказы / Сост. и комм. А. Колесова; Сост и вст. ст. А. Лобычева. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 560 с.

Энциклопедии, монографии, статьи по истории, культуре и литературе русской эмиграции

61. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. – 432 с.
62. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996): Учебное пособие. – М.: Терра спорт, 1998. – 540 с.
63. Агеносов В.В., Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Что за штука такая Харбин: Европа или Азия?» // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 2. Литературоведческая россика. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2008. – С. 6–29.
64. Аргудяева Ю.В. В.К. Арсеньев – путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В.К. Арсеньева: материалы, комментарии. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2007. – 272 с.
65. Диао Шаохуа. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография. – Харбин: Изд-во «БейфанВен-и», 2001. – 221 с.
66. Диао Шаохуа. Харбинская «Чураевка» // Рубеж. – 2003. – № 4. – С. 219–229.
67. Жилевич Т. (Мирошниченко Т.) В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. – Мельбурн, 2000. – 1005 с.
68. Забияко А.А. «Дело о Чураевском питомнике» (новые штрихи к известной истории харбинского поэтического объединения) // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – № 6. – С. 170-186.
69. Забияко А.А. Мифология дальневосточного фронтира в сознании писателей-эмигрантов // Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 154–170.
70. Забияко А.А. «Мои это годы, моя это жизнь и судьба!» (Жизнь и творчество поэта Николая Щёголева в контексте судьбы «взыскующих поэтов» дальневосточного зарубежья) // Щеголев Н. Сочинения / сост. Вл. Резвый, А. Забияко / Под ред. Вл. Резвого. Послесловие А.А. Забияко. – М.: Водолей, 2014. – С. 238–310.
71. Забияко А.А. На просёлочных дорогах русской литературы: казус харбинской беллетристики // Литература русского зарубежья. Восточная ветвь. Т. 1. Часть 1. Проза / Хрестоматия. – Благовещенск: Амурский гос. Университет, 2013. – С. 3–37.
72. Забияко А.А. Ремифологизация в художественном сознании эмигранта-харбинца // Религиоведение. – 2006. – № 3. – С. 161–179.
73. Забияко А.А. «Слово моё – разящий меч»: феномен религиозно-художественного радикализма // Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 158–172.

74. Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира: Научное издание. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2005. – 286 с.
75. Забияко А.А. Юродство как форма литературного поведения // Религиоведение. – 2008. – № 2. – С. 166-178.
76. Забияко А.А., Дябкин И.А. Трансформация сюжетов китайской мифологии в творчестве дальневосточных писателей 20-40 гг. XX в. // Религиоведение. – 2013. – № 4. – С. 139–157.
77. Забияко А.А., Землянская К.А. Теософская утопия в культурной жизни дальневосточной эмиграции // Религиоведение. – 2013. – № 3. – С. 187–210.
78. Забияко А.А., Забияко А.П. Исторический опыт Гражданской войны в произведениях писателей-эмигрантов русского Харбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 5. – С. 123–131.
79. Забияко А.А., Левченко А.А. Художественная этнография В. Марта: дальневосточный период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 150–165.
80. Забияко А.А. «Дикари под боком у Харбина»: религиозная жизнь эвенков Северной Маньчжурии в периодической печати дальневосточной эмиграции // Религиоведение. – 2014. – № 4. – С. 185–192.
81. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. Меж двух миров: русские писатели в Маньчжурии (монография) // Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 361 с.
82. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы…» (художественный мир лирики русского Харбина). – Научное издание. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. – 434 с.
83. Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2010. – Вып. 9. – С. 5–10.
84. Забияко А.П. Русские в условиях дальневосточного фронтира: этнический опыт XVII – начала XX вв. // Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / А.П. Забияко, Р.А. Кобызов, Л.А. Понкратова / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2009. – С. 9–35.
85. Забияко А.П. Русские и китайцы на Дальнем Востоке: двадцать пять лет жизни в условиях открытой границы // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Этнокультурные процессы в политическом контексте. Вып. 10 / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2013. – С. 15–30.
86. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2009. – 412 с.
87. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. – Хабаровск: Издатель Хворов А.Ю., 2001. – 352 с.
88. Левошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века: Научное издание / Российская академия архитектуры и стро-

ительных наук и др.; отв. ред. Н.П. Крадин. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.
89. Левошко С.С. К истории архитектурного отделения Русского культурно-исторического музея в Праге (1936–1944) // Межд. научно-практ. конференция «Рериховское наследие». – Том VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. – СПб., 2011. – С. 224–234.
90. Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: Итоги и перспективы изучения: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. – М.: Советский спорт, 2002. – С. 271–285.
91. Ли И. Китай в творчестве Сергея Третьякова: Роман "Дэн ши-хуа" // Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию проф. В.В. Агеносова: Сб. научн. работ. – Благовещенск: Амурский гос. университет, 2012. – С. 237–251.
92. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма//Проблемы Дальнего Востока. – 1999. – № 1. – С. 96 –103.
93. Линник Ю. Сольвейг. Наброски к портрету Ларисcы Андерсен // Грани. – 1995. – № 177. – С. 149–167.
94. Линник Ю. Валерий Перелешин // Новый журнал. – 1992. – № 189. – С. 227–193.
95. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. – М.: Русский путь, 2003. – 440 с.
96. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 1. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2006. – Вып. 1. – 228 с.
97. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 2. Литературоведческая россика: Сборник научных статей памяти В.А. Слободчикова / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008.– 228 с.
98. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 3. Сборник научных работ, посвящённых 95-летию Ларисы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. – 176 с.
99. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 4. К 70-летию профессора О.И. Федотова:Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В.Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – 244 с.
100. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 270 с.
101. Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В.В. Агеносова. Сборник научных работ / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Пер. на кит. Ли Иннань; пер. на англ. О.Е. Пышняк. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. – 354 с.
102. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 192 с.
103. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 360 с.
104. Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: Монография: В 2 ч. –

Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2000. – 360 с.
105. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 384 с.
106. Хисамутдинов А.А. Синолог П.В. Шкуркин: «Не для широкой публики, а для востоковедов и востоколюбов» // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 150–160.
107. Эфендиева Г.В. В пространстве харбинской моды (по материалам журнала «Рубеж») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т. 2009. – С. 142–153.
108. Эфендиева Г.В. «Обманчиво несложная» поэтесса (О поэтическом мире Ларисcы Андерсен) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 3. Сборник научных статей, посвящённых 95-летию Ларисы Андерсен / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 121–135.
109. Эфендиева Г.В. Образ русской женщины в творчестве поэтесс русского Китая // Русский Харбин, запечатлённый в слове. – Вып. 2. Литературоведческая россика. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. – С. 55–66.
110. Эфендиева Г.В. О последнем поколении харбинских лириков // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. – С. 35–44.
111. Эфендиева Г.В. Поэтическая религиозность русских поэтесс-эмигранток (по страницам харбинской лирики) // Религиоведение. – 2006. – № 4. – С. 109–119.
112. Эфендиева Г.В. «Что читал русский Харбин?» (О литературных пристрастиях русского восточного зарубежья 1920–1930 гг.) // Русский Харбин, запечатлённый в слове. – Вып. 6. – Благовещенск, 2012. – С. 182–195.

Теоретические работы и словари

113. Библейская энциклопедия. – М.: Терра, 1990. – 1060 с.
114. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 334 с.
115. Забияко А.П. Богини-Матери культ // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академия, 2006. – С. 120.
116. Забияко А.П. Земли культ // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Академия, 2006. – С. 359.
117. Забияко А.П. Категория святости: сравнительное исследование лингво-религиозных традиций. – М.: Издательский дом «Московский учебник – 2000», 1998. – 250 с.
118. Забияко А.П. Конфуцианство // Религии мира. Энциклопедия. – М.: «Академический проект», 2007. – С. 305.
119. Забияко А.П. Мирча Элиаде: методология в контексте индивидуально-психологических и религиозных особенностей личности // Религиоведение. –

2008. – № 1. – С. 53–66.
120. Забияко А.П. Мифологизирование истории // Культурология. XX век. Энциклопедия: В 2 т. – Т. 2. – СПб.: Университетская книга, 1998. – С. 54–55.
121. Забияко А.П. Ремифологизация // Религиоведение. Энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Академический проект», 2006. – С. 400.
122. Забияко А.П. Святое, священное, сакральное// Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 962–963.
123. Забияко А.П. Священное время //Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 964–966.
124. Забияко А.П. Святое и падшее // Литературная учеба. – Кн. третья. – 1998. – С. 174–194.
125. Забияко А.П. Священное пространство // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический проект, 2006. – С. 966–968.
126. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Аниховский С.Э., Воронкова Е.А., Забияко А.А. Эвенки Приамурья: Оленная тропа истории и культуры (монография). – Благовещенск: Издательская компания «РИО», 2012. – 384 с.
127. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 1020 с.
128. Мартынов А.А. Конфуцианство. «Лунь Юй»: В 2 т. – Т. 1. / пер. А.С. Мартынова. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2001. – 907 с.
129. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: «Восточная литература» РАН; Школа «Языки русской культуры», 1995. – 408 с.
130. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М.: «Советская энциклопедия», 1988.
131. Переломов Л.С. Конфуций. Лунь Юй / исслед., пер. с кит., коммент. факсимильный текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си. – М.: «Восточная литература» РАН, 1998.
132. Русские / отв. ред. В.А. Александров [и др.]. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
Стефаненко Т. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. – 320 с.
133. Тань Аошуан. Модель этического идеала конфуцианцев // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 46–54.
134. Тань Аошуан. Ментальность срединного пути // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред Н.Д. Арутюнова [и др.]. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 31–46.
135. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / В 2-х кн. Книга 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2002. – 203 с.

Предметный указатель

Указатель архитектурных терминов

Указатель религиозных и религиоведческих терминов

Именной указатель

Географический указатель

Указатель улиц и районов Харбина

Указатель архитектурных объектов, памятников, зданий

Указатель наименований периодических изданий

Указатель научных, творческих, общественных и проч. объединений и организаций

СОДЕРЖАНИЕ

摘要

«哈尔滨的俄罗斯人：记俄罗斯侨民在中国生活的经历» 这本书是专门研究20世纪上半叶寄居在中国东北的俄罗斯侨民的历史的。由于中国东北铁路的建设和维护的缘故出现了侨民。松花江河畔的哈尔滨市成为了侨民居住的中心。1917年，当俄罗斯十月革命和内战爆发的时候，人们被迫离开俄罗斯，中国东北的俄罗斯人大量增加。 在20-30年代来自俄罗斯的近20万人居住在哈尔滨。当然，在哈尔滨还有其他民族的人--- 乌克兰人、波兰人、鞑靼人、犹太人、亚美尼亚人、德国人等，其中最多的要数俄罗斯人。 在中国东北的俄罗斯人与汉族人、满族人、蒙古人、鄂温克人和其他民族的中国人成为了关系密切的邻居。这样相互影响就形成了哈尔滨独特的历史和文化。

本书作者研究了建筑、科学、宗教、文学等方面哈尔滨的俄罗斯人生活的经历，描述了俄罗斯、欧洲和中国建筑的相互影响。最重要的是，迄今为止哈尔滨还保留很多“俄罗斯”的风格，这给这个城市赢得了本身独特的美誉“东方的圣彼得堡”。作者注重科学和教育事业的发展。众所周知，俄罗斯科学家已经在对中国东北研究和在哈尔滨建立高校等方面做出了重大的贡献。书的大部分写俄罗斯文学的发展，其中反映了美学、政治、俄罗斯宗教等内容。

作者最重要的目的是描写一个特殊民族文化形成的环境背景，这使得俄罗斯人的文化在不同背景下得以保留和传播。

Abstract

The book «Russian Harbin it's the life experience of the Russian diaspora in China» is devoted to the study history of the Russian diaspora, which was formed in Northeast China in the first half of the 20th century. This diaspora was a result of the construction and maintenance of the Chinese Eastern Railway. Harbin – the city had built on the Songhua River became the center of this diaspora. After 1917, when the Russian revolution took place and the Civil War began, the number of Russian people in Northeast China greatly increased due to people who were forced to leave Russia. In 20-30 years in Harbin were about 200 thousand people who came from Russia. Of course, there were living representatives of different nations – Ukrainians, Poles, Tatars, Jews, Armenians, Germans, etc., among them was the majority Russian. In Northeast China Russian lived in close proximity with the Chinese (Han), Manchus, Mongols, Evenki and other nation of China. Harbin became the result of interaction of Russian and Chinese different nationalities, its history and culture.

The authors study the different aspects of the architectural, scientific, religious, literary life of Russian Harbin. The book describes the interaction of Russian, European and Chinese architecture. It is imperative that until now Harbin preserves many features of its "Russian" appearance, which gives the city a unique identity of "Eastern St. Petersburg". Much attention is paid to the development of science and education. It is known that Russian scientists have made a major contribution to the study of Northeast China and the establishment of higher education in Harbin. Considerable part of the book is devoted to the development of Russian literature, which reflects the aesthetic, political, religious attitudes of Russian.

The main aim of the authors is to describe the experience of forming of a special ethno-cultural environment, which allowed Russian preserve and relay their culture in a situation of foreign cultural environment.

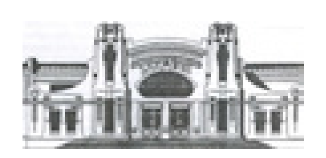
В книге использованы архивные фотоматериалы, собранные С.С. Левошко, А.А. Хисамутдиновым, Г.В. Эфендиевой, Вл.А. Резвым, А.А. Забияко, В.А. Сумансосовым.

А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левошко, А.А. Хисамутдинов

РУССКИЙ ХАРБИН:
ОПЫТ ЖИЗНЕСТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА

Идея и дизайн обложки С.С. Левошко
Оригинал-макет обложки И.А. Носырева

Технический редактор А.С. Воронина
Компьютерная верстка С.С. Гаврилов
Перевод на китайский и английский языки Е.В. Сенина



Издательство АмГУ. Подписано к печати 01.02.2015.
Формат 60x100/16. Усл.-печ. листов 26,64. Тираж 500.
Отпечатано в «Макро-С Партнер»
675014, г. Благовещенск, ул. Текстильная, 48, тел. (4162) 42-40-24